КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКЕ ТОВАРИСТВО

У ТРЬОХ ТОМАХ

НАУКОВА ДУМКА

КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКЕ ТОВАРИСТВО

ТОМ 1

УПОРЯДНИКИ

І. І. ГЛИЗЬ (головний упорядник),
М. І. БУТИЧ, О. О. ФРАНКО

НАУКОВІ РЕДАКТОРИ ТОМУ

Г. І. МАРАХОВ, В. Г. САРБЕЙ

КИЇВ 1990

АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНСЬКОЇ РСР

АРХЕОГРАФІЧНА КОМІСІЯ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ ІСТОРИЧНИЙ АРХІВ у м. КИЄВІ

ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОГО РУХУ НА УКРАЇНІ XIX — ПОЧАТКУ XX СТ.

ББК 63.3(2)47
К43

У виданні вперше якнайповніше зібрано документи і матеріали з історії Кирило-Мефодіївського товариства, діяльність якого була важливим етапом визвольного руху слов'янських народів.

До першого тому включено загальні матеріали слідства, слідчі справи М. І. Гулака, М. І. Костомарова, В. М. Білозерського.

Для істориків, філософів, літературознавців, викладачів і студентів вузів, всіх, хто цікавиться історією українського та інших слов'янських народів.

В издании впервые наиболее полно собраны документы и материалы по истории Кирилло-Мефодиевского общества, деятельность которого была важным этапом освободительного движения славянских народов.

В первый том вошли общие материалы следствия, следственные дела Н. И. Гулака, Н. И. Костомарова, В. М. Белозерского.

Для историков, философов, литературоведов, преподавателей и студентов вузов, всех, кто интересуется историей украинского и других славянских народов.

Затверджено до друку вченою радою
Інституту історії АН УРСР

Редакція історичної літератури

Редактор *Т. К. Хорунжа*

К $\frac{0503020200\text{-}238}{М221(04)\text{-}90}$ 46-90

ISBN 5-12-001223-X
ISBN 5-12-001221-3 (Т. 1)

ПЕРЕДМОВА

У сучасних умовах революційного оновлення нашого суспільства з великою силою пробуджується інтерес у всіх радянських людей до свого історичного минулого, до правди історії. Адже формування історичної свідомості людей, а також виховання у них патріотичних та інтернаціоналістських почуттів не може бути повноцінним і ефективним без повного і правдивого висвітлення всіх аспектів багатовікового соціального, суспільно-політичного і етнокультурного розвитку народу. А це, в свою чергу, неможливо без знання справжніх джерел всіх більш-менш значних суспільних подій, що відбувалися в історії свого народу, і зокрема тих документів, що в попередні часи всіляко приховувались від дослідників і широкого кола читачів.

Однією з визначних суспільно-політичних подій в історії українського та інших слов'янських народів була діяльність Кирило-Мефодіївського товариства у Києві в середині 40-х рр. XIX ст. Проте, незважаючи на важливе культурно-історичне значення його діяльності, багато документів про історію цього товариства досі не видавалось. Навіть на проведену у 60-ті рр. значну підготовчу роботу до видання документів слідчої справи Кирило-Мефодіївського товариства було накладено «табу». Лише процес перебудови в країні, що відкрив можливості для висвітлення багатьох раніше свідомо замовчуваних і спотворюваних подій історії, дав змогу розкрити всі славні сторінки діяльності товариства, члени якого були одними з перших у боротьбі за національне визволення і братерське єднання слов'янських народів. Як писав Т. Г. Шевченко, вони прагнули до того: «Щоб усі слов'яни стали добрими братами, і синами сонця правди».

Період, коли розгорталась діяльність Кирило-Мефодіївського товариства, був безпосередньо пов'язаний з епохою революційного пробудження народів Росії під впливом повстання декабристів і зародження в країні і в цілому в Європі національно-визвольних рухів, що вилились в буржуазно-демократичні революції 1848—1849 рр. у Франції, Німеччині, Австрії, Угорщині та Італії, а потім у хвилю національно-визвольної боротьби південнослов'янських та інших народів. Кирило-мефодіївці на Україні фактично підхопили визвольні ідеї декабристів і, в свою чергу, передали їх як естафету героїчним бійцям барикад європейських революцій, польського повстання 1863 р. та масової національно-визвольної боротьби південно-слов'янських народів, що розгорнулась у 70-х рр. минулого сторіччя. Своєю активною пропагандою ідей слов'янської єдності та прагненнями до створення загальнослов'янської демократичної федерації кирило-мефодіївці сприяли утвердженню патріотичної і інтернаціоналістської свідомості народів.

Важливе значення мала і їх культурно-просвітительська діяльність. Діячі Кирило-Мефодіївського товариства виступали активними борцями за розвиток і утвердження національної мови і культури українського народу, гаряче вболівали за долю свого народу, вірили в його краще майбутнє і всіляко прагнули сприяти його прискоренню. Разом з тим, вони постійно вивчали і пропагували просвітительські ідеї і досвід інших слов'янських

народів, вступали в тісні контакти в діячами їх культури і національно-визвольних рухів, сприяючи духовному єднанню народів і взаємозбагаченню культур.

Показово в цьому відношенні уже те, що своє товариство вони назвали ім'ям слов'янських просвітителів Кирила і Мефодія («Слов'янське товариство святих Кирила і Мефодія»), які не лише створили слов'янську азбуку, а й почали перекладати на слов'янську мову книжки античних авторів та пропагували ідеї рівності народів в їх правах на мову, освіту і культуру, готували своїх учнів-просвітителів, започаткувавши тим велику прогресивну справу — слов'янське просвітительство. Кирило-мефодіївські просвітительські традиції, починаючи з Київської Русі і в наступні сторіччя, завжди активно поширювалися на Україні.

Конкретно це проявлялося в переписуванні і розповсюдженні рукописних слов'янських книг, створенні таких осередків культури, якими були, зокрема, в давні часи бібліотека Ярослава Мудрого, а пізніше бібліотеки і друкарні Києво-Печерської лаври та інших центрів культури, найвизначнішими з яких, до започаткування університетської освіти, були братські школи, Києво-Могилянська академія та колегіуми. В їх стінах кирило-мефодіївські просвітительські традиції високо шанувались. Свідченням цього було і створення у 20-х рр. XIX ст. на Україні декабристського «Товариства об'єднаних слов'ян», а в 30-ті рр. у Галичині — демократичного громадсько-культурного угруповання «Руська трійця», які пропагували ідеї єдності слов'янських народів і пробуджували їх національну самосвідомість.

Всі ці процеси і фактори сприяли інтенсивному формуванню української нації, її культури, що відбувалося у першій половині XIX ст.

Конкретні умови соціального становища трудящих України того часу посилювали класову і національно-визвольну боротьбу. Протягом 1826—1849 рр. у 9 губерніях України відбулося 336 повстань і заворушень селян [1]. Селяни рішуче виступали за скасування кріпосного права й поміщицької власності на землю. Ці виступи складали суцільний ланцюг антикріпосницького руху. Селянська боротьба за волю була одним з вирішальних факторів формування революційно-демократичної ідеології, виникнення таємних політичних організацій, що виступали проти царизму й кріпосництва. Зачинателями визвольного руху стали дворянські революціонери-декабристи. Україна стала одним з центрів їх активної діяльності.

Саме тут, серед українського народу, другого за чисельністю серед усіх слов'янських, але історичною долею розірваного на частини іноземними загарбниками, уже в 20—30-ті рр. XIX ст. виникають і активно поширюються ідеї слов'янської єдності і взаємодопомоги у визвольній боротьбі. Їх пропагувало «Товариство об'єднаних слов'ян». А ряд уроженців українських губерній, студентів Петербурзької медико-хірургічної академії, у 1826—1827 рр. намагався створити таємне товариство, що мало на меті «визволити Польщу і Малоросію і об'єднати їх у республіку» [2]. В цей же період складалася революційна ситуація і в ряді західноєвропейських країн.

У 30—40-х рр. революційні сили Європи згуртувалися в нових таємних товариствах («Молода Італія», «Молода Франція», «Молода Німеччина»,

---

[1] Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сб. документов.— М., 1961.— С. 818—821.

[2] Див.: Славяноведение в дореволюционной Россни: Изученне южных и западных славян.— М., 1988.— С. 71.

«Молода Польща»), яких об'єднував центральний комітет організації «Молода Європа». В південнослов'янських країнах діяли громадські культурно-освітні товариства — «Матиці», зокрема сербська та ін. Їх зусилля спрямовувалися на боротьбу проти реакційних режимів, що панували в багатьох країнах. Вони надихали на боротьбу й народи інших країн. Так, повстання селян проти кріпосницького гноблення у Галичині (1846), що перебувала на той час у складі Австрійської імперії, справило вплив на сусідні країни, зокрема Росію. «Повстання поселян в Галичині проти поміщиків, визначав шеф жандармів III відділення у звіті, не залишилося без відгуку в наших прикордонних губерніях»[3].

Передові сили Росії все активніше включалися в боротьбу проти реакції. У російському визвольному русі 40-х рр. починався перехід від дворянського до різночинського, або буржуазно-демократичного етапу. Незважаючи на тяжкі умови самодержавно-поміщицької реакції, нове покоління революціонерів продовжило розпочату декабристами боротьбу, шукало нових шляхів для корінних суспільних перетворень. «...В середині держави,— писав О. І. Герцен у 1851 р.,— здійснювалась велика робота,— робота глуха і мовчазна, але діяльна і безперервна; скрізь зростало невдоволення, революційні ідеї за ці двадцять п'ять років (після повстання декабристів.— Ред.) поширилися більше, ніж за все попереднє століття...»[4].

Жорстокі репресії та переслідування царизму не змогли стримати розвиток революційних ідей в суспільстві. Створюються нові гуртки та організації, серед яких визначне місце займало таємне політичне товариство в Петербурзі (1845—1849), очолюване М. В. Петрашевським. Воно поширювало ідеї утопічного соціалізму і пропагувало ідеї слов'янської єдності. Активізувалася визвольна боротьба на Україні. У 1826—1827 рр. гурток студентів Харківського університету поширював вірші декабристів К. Ф. Рилєєва і В. Ф. Раєвського. У власних віршах і памфлетах студентство піддавало гострій критиці самодержавство й кріпосництво, пропагувало ідеї утопічного соціалізму і рівності людей.

Передовій Росії широко відомою стала справа про вільнодумство професорів і студентів Гімназії вищих наук у м. Ніжині на Чернігівщині (1825—1832). Група передових професорів цього закладу з кафедр поширювала ідеї, спрямовані проти самодержавства й кріпацтва. Вона знайшла підтримку передової студентської молоді.

Значний вплив на активізацію прогресивних сил справила діяльність таємної організації польських революціонерів «Співдружність польського народу» (1835—1839), що діяла в Польщі, на Правобережній Україні, в Одесі, а також в Білорусії та Литві.

Аналізуючи визвольний рух в Росії, В. І. Ленін підкреслював особливу роль в ньому прогресивної інтелігенції, яка, опановуючи надбання світової культури, водночас мала ширші можливості спілкуватися й обмінюватися досвідом визвольної боротьби, відчувати думки і мрії кожного стану в суспільстві, реагувати на спалахи селянського руху. «...Інтелігенція,— відзначав В. І. Ленін,— через те й зветься інтелігенцією, що найсвідоміше, на рішучіше і найточніше відбиває і виражає розвиток класових інтересів і політичних угруповань в усьому суспільстві»[5].

Виданням документів та матеріалів слідчої справи Кирило-Мефодіївського товариства у науковий обіг вводиться велика кількість невідомих

---

[3] Крестьянское движение 1827—1869 годов.— М., 1931.— Вып. 1.— С. 69.

[4] *Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России / Собр. соч. В 30 т.— М., 1956.— Т. 7.— С. 211.

[5] *Ленін В. І.* Завдання революційної молоді // Повне зібр. творів.— Т. 7.— С. 336.

досі важливих першоджерел, з яких частину лише тепер вдалося повністю розшифрувати. Дальше поглиблене і комплексне вивчення цих матеріалів сприятиме розв'язанню ряду питань історії не лише Кирило-Мефодіївського товариства, а й суспільно-політичного руху на Україні.

Суспільно-політичний рух у Росії і на Україні ніколи не був ізольованим від аналогічних процесів інших країн. Уважне вивчення документів свідчить про те, що міжнародні революційні події активно впливали на формування поглядів кирило-мефодіївців, які шукали шляхів єднання з прогресивними силами Європи. Підтвердженням цього є прагнення членів товариства налагодити зв'язки з діячами визвольного руху інших слов'янських народів. Документи переконливо доводять, що, на думку кирило-мефодіївців, український народ зможе завоювати належне йому місце серед народів світу не шляхом відособленості, а в результаті розвитку між ними рівноправного співжиття та взаємозв'язків. Ідеї перебудови суспільства єднали кирило-мефодіївців з прогресивними революційними силами тієї епохи.

Зібрані документи і матеріали показують, що і як робили члени товариства для поширення освіти серед широких народних мас, дозволяють визначити місце кирило-мефодіївців серед просвітителів XIX ст. Вони, зрештою, допоможуть розібратися в тому, як розвивалася національна самосвідомість українського народу, розкрити роль і місце кирило-мефодіївців у її піднесенні.

Для кирило-мефодіївців був характерним особливий інтерес до минулого українського народу. Документи і матеріали свідчать про те, що саме цікавило їх в історії, як вони пов'язували минуле з сучасним і які робили висновки для майбутнього. Показуючи роль і значення українського народу в історії, члени товариства віддавали належне іншим народам, високо цінуючи їх спільний внесок у світовий прогрес.

Важливий внесок у розвиток української культури на той час уже зробили І. П. Котляревський, Г. Ф. Квітка-Основ'яненко, П. П. Гулак-Артемовський, Є. П. Гребінка, М. О. Максимович та інші діячі, які своєю просвітительською працею сприяли розвиткові духовних сил нації. Вони підтримували творчі зв'язки з передовими силами Росії та європейських країн, вносили помітний вклад у скарбницю світової культури. Найвизначнішу роль у боротьбі проти самодержавства й кріпосництва на Україні відігравав великий син українського народу Т. Г. Шевченко. Звільнившись від кріпацтва, Шевченко, навчаючись в Академії художеств у Петербурзі, видав першу збірку творів «Кобзар» (1840), де висловив заповітні думки про долю українського народу. У поемі «Гайдамаки» (1841) великий Кобзар на весь голос прославив Коліївщину — героїчне народне повстання 1768 р. проти панів-гнобителів.

У наступні роки з-під пера Шевченка вийшло чимало творів, в яких мужнє слово поета кликало народ до боротьби за свободу. В поемах «Сон», «Кавказ», «І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Украйні і не в Украйні моє дружнєє посланіє» та інших творах поет засуджував феодально-кріпосницький лад і закликав до його повалення. Гімном визвольної боротьби українського народу став безсмертний «Заповіт» (1845), де Шевченко закликав усіх пригноблених до повстання за досягнення жаданої волі.

Революційно-демократичні ідеї творів Шевченка знаходили палкий відгук серед широких кіл громадськості, сприяли пробудженню вільнодумства і прагнення до визвольної боротьби.

Ім'я Т. Г. Шевченка тісно пов'язане із діяльністю Кирило-Мефодіївського товариства. Фундаторами товариства стали чиновник М. І. Гулак, ад'юнкт

Київського університету М. І. Костомаров і його студент М. В. Білозерський. До товариства приєдналися: поет Т. Г. Шевченко, вчителі П. О. Куліш і Д. П. Пильчиков, студенти університету О. О. Навроцький, О. В. Маркович, І. Я. Посяда, Г. Л. Андрузький і О. Д. Тулуб, поміщик М. І. Савич. Більшість кирило-мефодіївців походила з дрібномаєткових або безмаєткових дворян. Лише Т. Г. Шевченко був колишнім селянином-кріпаком, а І. Я. Посяда та Д. П. Пильчиков — з міщан. Близько 100 осіб підтримувало зв'язки і дружні взаємини з членами товариства.

У документах і літературі товариство має різні назви. Так, у статуті воно назване «Слов'янським товариством св. Кирила і Мефодія». Жандарми під час слідства називали його «Українo-слов'янським товариством». В історичній літературі утвердилася назва «Кирило-Мефодіївське товариство», яка вперше з'явилася в статті В. І. Семевського «Н. И. Костомаров».

Кирило-Мефодіївське товариство утворилося як слов'янське, тобто до нього могли бути залучені діячі визвольного руху не лише України, Білорусії та Росії, а й Польщі, Чехії, Болгарії, Сербії, Хорватії. В такому ж напрямку розроблено статут і програму, що передбачали визволення слов'янських народів від гніту деспотизму і здійснення корінних соціально-політичних перетворень в слов'янських країнах. Основним завданням члени товариства вважали знищення самодержавства, скасування станів, ліквідацію кріпосного права, визволення і об'єднання слов'янських народів у федеративну республіку, запровадження загальної освіти народів.

Творчість поета-революціонера Т. Г. Шевченка в Кирило-Мефодіївському товаристві гуртувала прихильників революційно-демократичних поглядів, бо в питаннях здійснення програмних ідей вони стояли на більш радикальних позиціях. Заклики до повалення самодержавства й скасування кріпосного права сприймали всі члени товариства, але більш близькі вони, крім поета, були М. І. Гулаку, О. О. Навроцькому, І. Я. Посяді.

Прихильники ліберальних поглядів становили в товаристві більшість, що мало вплив на напрям програми й діяльності таємної організації. Серед них були М. І. Костомаров і В. М. Білозерський, а також П. О. Куліш, Д. П. Пильчиков, О. В. Маркович, О. Д. Тулуб, М. І. Савич. Ліберальна частина вважала можливим здійснення програми шляхом просвітительства й реформ.

Ці дві тенденції в товаристві були своєрідним виявом двох нових тенденцій у визвольному русі — революційно-демократичної і ліберально-буржуазної. На той час обидві вони були прогресивними, діяли спільно і не були розмежовані організаційно.

Поряд з «Статутом Слов'янського товариства св. Кирила і Мефодія» важливим теоретичним документом була «Книга буття українського народу». В ній викладено ряд прогресивних і навіть революційних положень про скасування кріпосного права, знищення дворянських привілеїв і станів, царського самодержавства, визволення й єднання слов'янських народів у федеративну республіку.

Програмні положення Кирило-Мефодіївського товариства викладались не лише в колективних документах, а й у працях окремих членів: поясненнях до статуту і записці про народну освіту В. М. Білозерського, записках М. І. Костомарова про панславізм та М. І. Савича про емансипацію жінок в суспільстві, «Проекти досягнення можливого ступеня рівності й свободи (переважно в слов'янських землях)» та «Ідеали держави» Г. Л. Андрузького, листуванні, художніх і публіцистичних творах. На їх зміст наклали свій відбиток революційні ідеї декабристів, Т. Г. Шевченка, а також ідеї утопічного соціалізму і природного права.

Кирило-Мефодіївське товариство лише розгортало свою практичну діяльність. Поряд з створенням програмних документів його члени докладали

зусиль для поширення ідей через прокламації, лекції в учбових закладах, художні й публіцистичні твори. Визначне місце в політичній пропаганді товариства посідали твори Т. Г. Шевченка. Кирило-мефодіївці налагоджували зв'язки з діячами визвольного руху в Росії і за кордоном. Важливою формою практичної діяльності були конспіративні збори, де члени товариства обговорювали програмні документи, накреслювали плани дій, розподіляли доручення, висловлювали свої погляди на політичні події, визначали тактику боротьби тощо.

Кирило-мефодіївці внесли помітний вклад у справу активізації визвольного руху та розвитку передової суспільної думки на Україні, хоч існувало товариство лише 15 місяців. Донос студента О. М. Петрова перешкодив членам товариства провести в життя плани, накреслені в програмних документах.

Кирило-мефодіївців М. І. Гулака, Т. Г. Шевченка, М. І. Костомарова, П. О. Куліша, В. М. Білозерського, О. О. Навроцького, І. Я. Посяду, Г. Л. Андрузького, О. В. Марковича і М. І. Савича жандарми арештували неодночасно, в різних місцях, конфісковуючи значну кількість рукописів (листи, літературні твори тощо). З 18 березня до 30 травня 1847 р. у Києві і Петербурзі тривало слідство. Царський уряд змушений був визнати, що таємне товариство, незважаючи на його невеликий кількісний склад, було небезпечним для існуючого ладу. За наказом Миколи І без суду суворо покарано: М. І. Гулака на три роки ув'язнено у Шліссельбурзьку, а М. І. Костомарова — на рік у Петропавловську фортецю, Т. Г. Шевченка віддано в солдати і відправлено в Оренбурзький край, решту заслано у різні віддалені від столиці губернії Росії. Царський уряд вжив заходів, щоб запобігти поширенню передових ідей, заборонив поширювати опубліковані раніше твори Т. Г. Шевченка, М. І. Костомарова і П. О. Куліша, підпорядкував генерал-губернаторам навчальні заклади Київського і Харківського учбових округів і встановив ретельний поліцейський нагляд за викладачами, учителями, студентами й гімназистами, посилив цензурні утиски у видавничій справі в українських губерніях.

Діяльність Кирило-Мефодіївського товариства знайшла відгук у пресі ряду країн Європи. Паризькі газети «Journal des débat» і «Democratic pacifique» влітку 1847 р. вмістили повідомлення про арешт кирило-мефодіївців і заслання Т. Г. Шевченка в солдати [6]. У серпні 1847 р. у Парижі ця подія стала темою бесіди В. Г. Бєлінського, революціонера М. О. Бакуніна і прогресивного літератора П. В. Анненкова, знайомого Т. Г. Шевченка. В цій бесіді Бакунін назвав Шевченка «мучеником свободи» [7].

Про арешт кирило-мефодіївців писали газети Австрії. Зокрема «Augsburger Allgemeine Zeitung» від 4 липня 1847 р. в рубриці «Росія» вмістила повідомлення про арешт Костомарова, Куліша та інших під назвою «Покарання панславістичних агітацій» [8].

Справа кирило-мефодіївців мала відгук у Галичині, що перебувала під владою Австрії. В газеті «Дневник руський» (виходила у Львові в серпні-жовтні 1848 р. під редакцією учасника просвітительського гуртка «Руська трійця» І. М. Вагилевича), вміщено вірш, присвячений кирило-мефодіївцям, польського поета Г. Яблонського — «Мученикам вольності з року 1847» [9]. В іншому номері Кирило-Мефодіївське товариство названо «змовою малоросіян», а Шевченка — «мучеником справи руської вольності» [10]. В статті «Слово о Русі і її становищі політическом» містився заклик підтри-

[6] *Гресько М.* Французи про Шевченка // Всесвіт.— 1968.— № 3 (81) — С. 11.
[7] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.— М., 1956.— Т. 12.— С. 440—441.
[8] Русская старина.— 1885, № 10/12.— С. 123—124.
[9] Дневник руський.— 1848.— № 4.
[10] Там же.— № 8.

мувати традиції визвольного руху: «Чую голос народа, борющегося в путах деспотизму, чую возваніє мучеників народної справи Шевченка, Костомарова, Куліша і інших»[11].

Діяльність Кирило-Мефодіївського товариства здобула позитивної оцінки О. І. Герцена, М. В. Буташевича-Петрашевського, М. Г. Чернишевського, П. А. Грабовського, І. Я. Франка та інших революціонерів-демократів.

Український революційний демократ І. Я. Франко позитивно оцінював прогресивні ідеї кирило-мефодіївців. Він писав, що «кожна нова деталь, яку дізнаємося про Кирило-Мефодіївське братство і про його тодішніх членів, побільшує нашу симпатію до них та заразом викликає гіркі почуття до загалу освічених земляків-українців та й самих тих братчиків у пізніші роки, що так приспали, приглушили в собі, затаїли на довгі роки від суспільства свіжі ідеї того товариства»[12]. Він наголошував на тому, що товариство знаходилося під благотворним впливом Т. Г. Шевченка: «Шевченко вносить новий дух, нові погляди в ту громадку людей молодих, гарячих і перейнятих бажанням загального добра»[13].

На значення революційних творів Т. Г. Шевченка для розвитку суспільно-політичного руху на Україні вказував поет-революціонер П. А. Грабовський: «Твори Шевченка, справляючи все більше й більше вплив на українську інтелігенцію, привели до організації в Києві т. з. «Кирило-Мефодіївського братства», що ставило головним завданням своєї діяльності знищення кріпосного права і освіту народу»[14].

Слід ще навести оцінку ролі Т. Г. Шевченка в Кирило-Мефодіївському товаристві, дану видатним громадським діячем і революціонером М. П. Драгомановим: «Мужик Шевченко стояв попереду вивчених приятелів, київських слов'янофілів... До того ж він більше їх бачив світа не тільки в мужицтві, а й у Росії взагалі. Він бачив і Петербург із царем, бачив і панство, на яке братчики покладали надії»[15].

Діяльність Кирило-Мефодіївського товариства на Україні привернула увагу керівника таємного політичного товариства в Петербурзі М. В. Буташевича-Петрашевського. В доносі на нього агента поліції від 27 лютого 1849 р. зазначалось: «В розповіді про події, що відбулися в Київському університеті, до яких був причетний Шевченко, відома особа (М. В. Буташевич-Петрашевський.— *Авт.*) говорила, що цю змову відкрив студент Петров, прийнятий нині на службу в III відділення ... Відома особа говорила також, що, незважаючи на невдачу названої справи, вона все ж пустила корені в Малоросії, чому багато сприяли твори Шевченка, які розійшлися в тім краю у великій кількості й стали причиною сильного хвилювання умів, внаслідок якого і тепер Малоросія знаходиться в хвилюванні»[16].

Революційний демократ О. І. Герцен підкреслював, що на Україні серед передової інтелігенції поширювалась ідея визволення і єднання слов'янських народів: «На Україні ця ідея слов'ян відразу ж втілилась у світлу форму федеративного союзу слов'ян, де б кожна народність зберігала свої особливості при загальній особистій і громадській свободі. Разом з тим виникло переконання, що тільки таким шляхом Україна може піднятися з занепаду і зберегти свій власний, так несправедливо і безжалісно

---

[11] Там же.— № 9.
[12] *Франко І.* Твори : В 50 т.— К., 1982.— Т. 37.— С. 69.
[13] *Франко І.* Твори: В 20 т.— К., 1956.— Т. 17.— С. 90
[14] Грабовський П. Памяти Т. Г. Шевченко (1814—1861) // Вибрані твори.— К., 1949.— С. 252.
[15] *Драгоманов М.* Шевченко, українофіли й соціалізм. Франко І. Твори: В 20.
[16] Дело петрашевцев.— М.; Л., 1951.— Т. 9.— С. 406—407.

зневажений образ. Молодь Харківського і Київського університетів швидко стала пройматися цими ідеями[17]. Тут йдеться про викладачів і студентів цих університетів, які взяли участь в Кирило-Мефодіївському товаристві у Києві.

К. Маркс, знайомлячись з виданою 1878 р. у Женеві французькою мовою брошурою М. П. Драгоманова «Українська література, переслідувана царським урядом», зробив кілька поміток у тексті, де йшлося про діяльність Т. Г. Шевченка і М. І. Костомарова, думки останнього про слов'янську федерацію, розправу царизму над товариством[18]. В. І. Ленін, читаючи книгу С. Н. Щоголева «Украинское движение, как современный етап южнорусского сепаратизма» (1912), звернув увагу на висвітлення в ній історії Кирило-Мефодіївського товариства. З цього приводу в ленінському конспекті записано: «1847. Кирило-Мефодіївське братство — за федерацію автономних слов'[янських] штатів і республіку... (Шевченко, Куліш, Костомаров)»[19]. Більшовицька «Правда» 25 лютого 1914 р. у статті «Пам'яті Т. Г. Шевченка» зазначила, що у Києві поет вступив у «таємне політичне товариство, що називалося Кирило-Мефодіївським, одним з пунктів статуту якого було звільнення селян і освіта народу»[20].

Діяльність кирило-мефодіївців була багатогранною. До складу товариства входили представники передової інтелігенції, яка зробила гідний внесок у розвиток літератури, культури й науки на Україні. Матеріали збірника зацікавлять не лише істориків, але й літературознавців, філософів, соціологів, представників інших галузей знань. Тільки спільними зусиллями, суспільствознавців можна буде по-справжньому розкрити значення громадської діяльності і творчості членів Кирило-Мефодіївського товариства.

* * *

Документальні матеріали про діяльність Кирило-Мефодіївського товариства і слідство у справі його учасників майже півстоліття приховувалися царським урядом від громадськості. Статут товариства з деякими текстуальними неточностями вперше побачив світ у 1889 р. у м. Львові, і видавцем помилково був названий програмою[21].
Опублікований текст не належав до документів слідчої справи і доставлений у Львів кимось з людей, близьких до товариства.

У 1892 р. у підбірці «Об Украйно-славянском обществе» (Из бумаг Д. П. Голохвастова)» було надруковано копію доповіді шефа жандармів О. Ф. Орлова про діяльність товариства і листування міністра народної освіти С. С. Уварова з попечителем Московського університету С. С. Строгановим про слов'янофільство у зв'язку з викриттям на Україні таємної організації[22]. Наступного року знов опубліковано статут товариства[23]. Чергову публікацію матеріалів про кирило-мефодіївців через десять років здійснив син М. А. Рігельмана, який раніше працював чиновником канцелярії генерал-губернатора у Києві і мав доступ до таємних документів. Він опуб-

---

[17] *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем.— Пг., 1919.— Т. 9. — С. 480.
[18] Центральний партійний архів Інституту марксизму-ленінізму при ЦК КПРС.— Ф. 1, оп. 1, спр. 6470.— Арк. 6.
[19] Ленинский сборник.— М., 1937.— 30.— С. 16.
[20] Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах.— К., 1950.— С. 370.
[21] *Огоновский О.* История литературы русской.— Львов, 1889.— Ч. 2.— С. 750—753.
[22] Русский архив.— 1892.— Кн. 2.— № 7.— С. 334—359.
[23] Там же.— 1893.— № 7.— С. 399—406. Ця публікація тотожна з тією, що здійснив О. М. Огоновський у 1889 р.

лікував частину матеріалів з архіву батька під назвою «Допрос Т. Г. Шевченко в 1847 р. (Из рукописных заметок Н. А. Ригельмана)»[24].

Після революції 1905—1907 рр. окремі дослідники змогли ознайомитися з архівом III відділення й матеріалами слідчої справи Кирило-Мефодіївського товариства, в результаті чого з'явилася можливість публікацій деяких матеріалів у пресі. Побачили світ «Статут Слов'янського товариства св. Кирила і Мефодія» (без недоліків попередніх публікацій), а також дві прокламації «Брати українці» і «Братья великороссияне и поляки»[25]. Особливо важливе значення на той час мала публікація матеріалів допитів Т. Г. Шевченка і М. І. Костомарова[26], а також доповіді III відділення про Г. Л. Андрузького[27]. У нарисі М. І. Стороженка «Кирило-Мефодиевские заговорщики. Николай Иванович Гулак» опубліковано текст статуту товариства, уривки з свідчень М. І. Гулака на допитах, лист М. І. Гулака до О. В. Марковича і відповідь останнього, донесення протоієрея, якому жандарми доручили схилити М. І. Гулака до викриття дій членів товариства[28].

До творів Т. Г. Шевченка, як додатки, було вміщено «Материалы по политическому делу Т. Г. Шевченко», що містили ряд важливих документів з слідчої справи[29]. Згодом опубліковано пояснювальну записку В. М. Білозерського до статуту товариства[30]. До сторіччя від дня народження Т. Г. Шевченка «Українське наукове товариство» в Києві видало матеріали допитів членів товариства, очних ставок, записки, листи тощо, підготовлених до друку М. С. Грушевським. На той час це була найповніша публікація документів слідчої справи кирило-мефодіївців. У «Передньому слові» до збірки М. С. Грушевський писав, що документи «не вважаючи на своє офіціальне, примусове походження, дуже вартні. Не перецінимо їх значіння для зверхньої історії братства — бо тут арештовані старалися можливо укрити свою організацію і вигорожуючи товаришів брали все на себе (так, напр., авторство «Закону божого» прийняли на себе аж три братчики — Костомаров, Гулак і Білозерський, інші знов — як Андрузький, фантазували, зшиваючи реальні річи з власними здогадами, а потім знов, помічаючи, що своїми зізнаннями підводять приятелів, хапалися заперечувати разом з своїми здогадами і без сумніву реальні факти. Все ж таки і для сеї зверхньої історії можна чимало вибрати звідси — тільки треба певного такту й обережності, щоб віддiлити безсумнівний фактичний матеріал від ріжних фікцій». Вони мають дуже важливе значення, адже дозволяють скласти уявлення про «історію життя української інтелігенції 1840-х рр.», зростання національної свідомості українського й інших слов'янських народів.

Високо оцінюючи ідеї і політичні плани кирило-мефодіївців щодо звільнення селянства від усякого приниження, поневолення, від усього, що не сумісне з людською гідністю, видатний український вчений вважав, що матеріали їх слідчої справи «становлять дуже цінний «людський документ». Коли стоїчні, благородно-здержливі, немов з сталі вирізані відповіді Шевченка й Гулака викликають в нас радість і подив, серце стискається тяжко, читаючи заплутані випростування, котрі розводив

---

[24] Киевская старина.— 1902.— № 2.— С. 181—187.
[25] Былое.— 1906.— № 2.— С. 66—68.
[26] Там же.— № 8.— С. 4—12; 1907.— № 8.— С. 200—228.
[27] Там же.— № 9.— С. 132—133.
[28] Киевская старина.— 1906.— № 2.— С. 135—152.
[29] *Шевченко Т.* Твори: В 2 т.— М., 1911.— Т. 2.— С. 97—143.
[30] Із ідеології кирило-мефодіївців: Записка Василя Білозерського // Україна.— 1914.— Кн. 1.— С. 78—83.

Костомаров, цілком збентежений всіми бідами, які впали на нього, розбивши всі наукові і громадські плани і особисте його житє, до крайності living рознервований поводженням своїх слідчих, збитий з пантелику щохвилі заплутуючися в своїх поясненнях — котрі потім відхорувував певно тяжко всім своїм чутливим, тонким сумлінням, або мудрування Андрузького, що плів він подохочений ідеєю помогти правительству розплутати загадки, на котрі вона натикнулася — і пізніше старання взяти свої свідчення назад, спаралізувати їх шкідливі для приятелів наслідки. І коли ті признання, які слідство вміло витягнути з сього гуртка, дають нам багатий образ ідей, настроїв і планів тодішньої української інтелігенції, то заразом воно дає нам дуже вимовне свідоцтво того — для чого так мало знаємо про сі думки і гадки, і чому вони так мало проявили себе».

М. С. Грушевський відзначає, що «в тисках сього старого режиму люде чули на собі повів свободи, який ніс з собою натиск західних ідей. Стріча старих традицій українських і новших з ідеями слов'янського і політичного розкріпощення мала викресати нову іскру тут, в старім історичнім центрі українського життя. Братчики були наелектризовані сим передчуттєм».

В цих матеріалах «чуйне ухо дослідника — і просто прихильника нашої минувшини відчує живий відгомин далекої епохи молодої, експансивної громади ентузіастів, зібраних в старім українським гнізді» [31].

Публікацію документальних матеріалів слідчої справи Кирило-Мефодіївського товариства продовжено після перемоги Жовтневої революції і відкриття для дослідників колишніх царських архівів. Вперше П. І. Зайцев опубліував українською мовою текст «Книги буття українського народу» — програмного документу товариства і деяких матеріалів з справи М. І. Гулака [32]. Слідом вийшла друком доповідь С. С. Уварова про слов'янофільство (8 травня 1947 р.) та лист О. Ф. Орлова до царя від 26 травня 1847 р. про зміст діяльності кирило-мефодіївців та вжиття заходів проти поширення визвольних ідей [33]. Вийшли в світ й інші матеріали — записки В. М. Білозерського про сільські школи, М. І. Костомарова про панславізм і оповідання «Панич Наталич» [34]. У публікації «Шевченко в процесі 1847 р. і його папери» М. М. Новицький вмістив матеріали слідчої справи про Т. Г. Шевченка, що раніше не публікувалися [35]. Деякі документи про арешт кирило-мефодіївців опубліковано Д. Граховецьким у доробку «Матеріали до арешту кирило-мефодіївців: Навроцького, Білозерського, Шевченка та ін.» [36].

Значна увага приділялася радянськими вченими публікації листування кирило-мефодіївців. Частину їх листів опубліковано в 1928 р.[37] Повністю опубліковано листування Т. Г. Шевченка [38]. Російською мовою «Книга буття українського народу» під назвою «Закон божий» вміщена в додатку

---

[31] Матеріали до історії Кирило-Мефодіївського братства: признання кирило-мефодіївців / Приладив до друку М. Грушевський.— К., 1915.— С. 4—6.

[32] *Костомаров М.* Книги битія українського народу // Наше минуле.— 1918.— № 1.— С. 7—35, 54—56.

[33] Наше минуле.— 1918.— № 2.— С. 171—179. Публікація підготовлена Д. І. Багалієм.

[34] Україна.— 1924.— Кн. 1/2.— С. 121—134.

[35] Там же.— 1925.— Кн. 1/2.— С. 51—99.

[36] Там же.— 1928.— Кн. 1.— С. 67—72.

[37] За сто літ: Матеріали з громад. й літератур. життя України XIX і початку XX ст.— К., 1928.— Кн. 2.— С. 33—98.

[38] *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: В 10 т.— К., 1957.— Т. 6.— С. 13—254, 298—512; Листи до Т. Г. Шевченка. 1840—1861.— К., 1962.— 33 с.

до книги П. А. Зайончковського [39]. В додатку до монографії Г. Я. Сергієнка опубліковано «Устав Славянского общества св. Кирилла и Мефодия» і відозву «Брати українці!» [40].

Документи і матеріали частини шостої слідчої справи («Про художника Шевченка») друкувалися в кількох збірниках [41].

Матеріали слідчої справи друкувалися також українознавчими центрами діаспори, зокрема 1984 р. Українською вільною академією наук (США) у серії «Джерела до новітньої історії України» була вміщена публікація В. В. Міяковського [42].

---

[39] *Зайончковский П. А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847).— М., 1959.— С. 149—160.

[40] *Сергієнко Г. Я.* Т. Г. Шевченко і Кирило-Мефодіївське товариство.— К., 1983.— С. 181—183.

[41] Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах.— К., 1950.— 514 с.; *Шевченко Т.* Документи та матеріали до біографії: — К., 1975.— 600 с.; *Шевченко Т.* Документи та матеріали до біографії, 1814—1861.— К., 1982.— 432 с.

[42] *Міяковський В.* Недруковане і забуте: громадські рухи дев'ятнадцятого сторіччя. Новітня українська література / Ред. М. Антонович.— Нью-Йорк, 1984.— С. 106—131.

ВІД УПОРЯДНИКІВ

Стислий огляд видань свідчить про те, що досі не було повної публікації документів про Кирило-Мефодіївське товариство. Отже, прагнучи заповнити цю прогалину, щойно відновлена Археографічна комісія Інституту історії АН УРСР разом з Центральним державним історичним архівом УРСР у м. Києві схвалили до друку підготовлені в основному ще у 60-х рр. документи і матеріали слідчої справи товариства.

Документи і матеріали зберігаються в Центральному державному архіві Жовтневої революції, вищих органів державної влади і державного управління СРСР у Москві серед матеріалів III відділення за 1847 р.(фонд 109, I експ., спр. 81, част. 1—19). Справа має назву: «Об Украйно-славянском обществе». Частина VI цієї справи «О художнике Шевченко» у 1939 р. передана на вічне зберігання до Державного музею Т. Г. Шевченка. Ще в 1907 р. з неї було вилучено оригінали творів, конфіскованих у поета під час арешту. Тепер вони зберігаються в рукописному відділі Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР.

Усі документи і матеріали слідчої справи можна розподілити на чотири основні групи: 1) програмні документи товариства; 2) твори, записки і листи членів товариства; 3) слідчі матеріали — протоколи допитів, доповідні записки; 4) документи про покарання та поліцейський нагляд після його відбуття.

Документи й матеріали Кирило-Мефодіївського товариства складаються з дев'ятнадцяти частин:

Частина I «Общие распоряжения по производству следствия и исполнению решения»; частина II «О коллежском секретаре Гулаке»; частина III «О коллежском асессоре Костомарове»; частина IV «О кандидате Белозерском»; частина V «О бывшем учителе Кулише и жене его, сестре Белозерского»; частина VI «О художнике Шевченко»; частина VII «О бывшем студенте Навроцком»; частина VIII «О студенте Андрузском»; частина IX «О студенте Посяде»; частина X «О помещике Савиче»; частина XI «О бывшем студенте Марковнче и сестре его Керстен»; частина XII «О титулярном советнике Ригельмане»; частина XIII «О служившем в Кавказском корпусе офицере Хмельницком и вольнослушателе С.-Петербургского университета Сердюкове»; частина XIV «О Тулубе, Ашанине, Бушене, Иславине, Варадинове, Вильцине, Галагане и Чуйкевиче»; частина XV «О надворном советнике Чижове»; частина XVII «О возмутительном воззвании в Киеве и подчинении учебных заведений киевскому военному губернатору»; частина XVIII «О славянофильстве и украинофильстве»; частина XIX «Журнал действий 3-го отделения собственной его императорского величества канцелярии по делу коллежского секретаря Николая Ивановича Гулака и Славянского общества».

Документи й матеріали слідчої справи Кирило-Мефодіївського товариства видаються у трьох томах.

До першого тому вміщено загальні розпорядження царських властей щодо арешту й слідства над кирило-мефодіївцями, документи й матеріали М. І. Гулака, М. І. Костомарова та В. М. Білозерського (I—IV частини).

Другий том включає документи і матеріали слідчих справ П. О. Куліша, Т. Г. Шевченка, О. О. Навроцького та Г. Л. Андрузького (V—VIII частини).

До третього тому увійшли документи і матеріали слідчих справ І. Я. Посяди, М. І. Савича, О. В. Марковича, О. Д. Тулуба, доповіді царських чиновників про слов'янофільство і українофільство і, нарешті, журнал слідства (IX—XIX частини).

Усі дев'ятнадцять частин справи «Об Украйно-славянском обществе» в томах розміщені послідовно, згідно з визначеною в діловодстві нумерацією. Документи і матеріали в межах кожної частини справи при публікації розміщено так, як вони відклалися в діловодстві. Відхилення від такого порядку допускалися лише тоді, коли частини або варіанти одного й того ж документа, або його перекладу, виявилися в різних місцях і їх для зручності використання доводилося ставити поруч. Розміщення документів і матеріалів у порядку їх відкладення в діловодстві III відділення допоможе читачу збагнути загальний хід слідства й зміст кожної частини.

Документи і матеріали справи «Об Украйно-славянском обществе» друкуються майже повністю як єдиний корпус. Заголовки частини документів, що не ввійшла до збірки, та легенди до них — друкуються. Цим забезпечується комплексність публікації.

Всі документи друкуються мовою оригіналу і відтворюються за новою орфографією, але із збереженням фонетичних особливостей. «Книга буття українського народу» (док. № 332) публікується як історична і мовна пам'ятка без будь-яких текстуальних змін. До іншомовних текстів додано переклади українською мовою.

Зовнішні особливості копійних діловодних документів (закреслення, виправлення) в примітках не застерігаються. Оригінали і автографи відтворюються повністю, із збереженням усіх їх особливостей. Закреслені слова, виправлення, помітки тощо подаються у примітках. Авторські примітки на документах позначено словами: «прим. док.».

Резолюції про одержання наводяться після основного тексту документа перед легендою. Підкреслення і помітки, зроблені на документах, а також нерозбірливі підписи застережено у примітках. Описи, неузгодження слів виправляються без застереження.

При послідовному неправильному написанні того чи іншого слова, що характеризує стиль автора, ця особливість застерігається у примітці. Помилки, що роблять текст незрозумілим, виправляються із поясненням у примітці, як саме було в оригіналі. Не зберігається прописна буква в написанні чинів, титулів, місяців, днів, а також слів, що довільно написані з прописної літери. Пунктуація документів подається за сучасним правописом. Всі документи, крім художніх творів, мають редакційні номери і заголовки, в яких зазначена дата написання або одержання їх (рік, місяць, число), автор, адресат і зміст. В художніх творах, як правило, збережено авторські заголовки. Комплекси однорідних матеріалів об'єднано груповими заголовками.

Дати, встановлені упорядниками за документами публікації або іншими джерелами, застерігаються в кожному конкретному випадку: якщо ж їх точно не встановлено — подано приблизні дати (початок, перша або друга половина місяця, кінець року, не пізніше певного числа, року).

Оскільки всі матеріали, що друкуються в цьому виданні, взято з одного джерела (архіву, фонду і справи), в лагендах зазначається тільки номер частини, аркуша та оригінальність або копійність документа. Якщо документ раніше публікувався, після легенди вказується видання, де він уперше надрукований.

Всі примітки (підрядкові, реальні) позначено суцільною нумерацією

і подано в кінці тому. В кожному томі вміщено іменний та географічний покажчики. Список скорочень вміщено у третьому томі.

Археографічну підготовку тритомного видання документів і матеріалів слідчої справи Кирило-Мефодіївського товариства здійснили упорядники та наукові редактори томів. Наукову апробацію видання забезпечила Археографічна комісія АН УРСР (голова — П. С. Сохань, члени: Ф. П. Шевченко, В. Г. Сарбей) та Центральний державний історичний архів УРСР у м. Києві (директор Л. З. Гісцова). Упорядники: М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко. У розшифруванні текстів, звірянні з оригіналами і копіюванні взяли участь В. Т. Курандіна, Н. П. Панчик, В. В. Страшко; переклади текстів з іноземних мов здійснили М. В. Кашуба, М. С. Коваль, Н. М. Яковенко. В організації видання документів і матеріалів Кирило-Мефодіївського товариства брали участь С. Д. Пилькевич, В. В. Кузьменко, М. І. Крячок.

Примітки склали: до першого тому — Г. І. Марахов, до другого тому — І. Л. Бутич, до третього тому — Г. Я. Сергієнко. У складанні приміток взяли участь також упорядники томів.

Покажчики, крім упорядників, підготували: іменний — Н. М. Яковенко, В. С. Шандра, географічний — Г. С. Кущ, В. С. Шандра.

Документи про кирило-мефодіївців виявили і надіслали : Центральний державний архів Жовтневої революції, вищих органів державної влади і органів державного управління СРСР (м. Москва), Державний музей Т. Г. Шевченка (м. Київ), Центральний державний історичний архів СРСР (м. Ленінград), Центральний державний історичний архів Естонської РСР (м. Тарту), Центральний державний архів Карельської РСР (м. Петрозаводськ), державні архіви Ставропольського краю, Кіровської, Курської, Саратовської та Орловської областей, Державна публічна бібліотека ім. М. Є. Салтикова-Щедріна у м. Ленінграді, Наукова бібліотека ім. М. І. Лобачевського у м. Казані. Редакційна колегія висловлює подяку працівникам названих установ.

Археографічне опрацювання документів і довідкового апарату здійснено відповідно до вимог і рекомендацій діючих Правил видання і історичних документів в СРСР.

Наукову частину передмови написали Г. Я. Сергієнко, П. С. Сохань, Ф. П. Шевченко, археографічну — упорядники видання.

ЧАСТИНА ПЕРША

ЗАГАЛЬНІ МАТЕРІАЛИ СЛІДСТВА

I экспедиціи

№ 81
Часть 1

АРХИВЪ
IIIго ОТДѢЛЕНІЯ
СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
КАНЦЕЛЯРІИ

Объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ

Общія распоряженія по производству слѣдствія и исполненію рѣшенія

1847 года

235

№ 1

1847 р. березня 17.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ПОДІЛЬСЬКОГО І ВОЛИНСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БІБІКОВА ДО НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ ІМПЕРАТОРСЬКОЇ КАНЦЕЛЯРІЇ О. Ф. ОРЛОВА [2], В ЯКОМУ ПОВІДОМЛЯЄТЬСЯ ПРО ІСНУВАННЯ ТАЄМНОГО СЛОВ'ЯНСЬКОГО ТОВАРИСТВА В м. КИЄВІ

Секретно

Его сия|тельст|ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Студент Киевского университета Петров [3] 3 сего марта донес попечителю Киевского округа [4], что он подслушал однажды на квартире чиновника Гулака [5] разговор помещика Полтавской губ. Савича [6] о превосходстве представительного правления, которое опровергал преподаватель истории в университете Костомаров [7], и познакомился с Гулаком, чтобы выведать ближе его мысли, и от него узнал, что существует будто бы Славянское общество, имеющее значительное развитие как в России, так и у других славянских народов, что центр его в Москве и многие члены путешествуют по России для его распространения, получил от Гулака устав [8] этого общества, видел у него кольцо с надписью во имя св. Кирилла и Мефодия [9], был на чтении при вышедшем из Киевского университета бывшем студенте Навроцком [10] разных сочинений, писанных в либеральном духе (В том числе стихи художника Академии художеств, живописца Шевченко.[11] — *Прим. док.*) и, наконец, узнал, что общество, имея целью единение славян в представительном образе правления, предполагало действовать на юношество как в гражданских, так и в военных учебных заведениях.

Далее Петров не мог следить за развитием этого общества, ибо, может быть, с помянутою целью Савич уехал за границу, Гулак — в С.-Петербург, а Навроцкий — Полтаву для поступления в тамошний кадетский корпус. Все поименованные им лица суть уроженцы Полтавской губ. Гулак учился в Дерптском университете, был писцом в моей канцелярии с употреблением для переводов древних бумаг по Комиссии разбора актов [12] и ныне перешел на службу в канцелярию Совета С.-Петербургского университета. Присяги от него, Петрова, не требовали, студентов и поляков не замешано, и он у Гулака их не видел.

Поспешая довести о сем до сведения вашего сиятельства и представляя доставленный Петровым устав, честь имею присовокупить, что я полагал бы, не угодно ли будет приказать находящегося ныне здесь Гулака обыскать и, если у него найдутся подозрительные бумаги или по допросам окажется, что в Киеве находятся его соучастники, или там получил он первые мысли и идеи о помянутом обществе, то его арестовать и отправить в Киевскую крепость [13] в тамошнюю следственную комиссию для улик, допросов и дальнейших на месте указаний и открытий.

Представляя таковое мнение мое на благоусмотрение вашего сиятельства, имею честь покорнейше просить принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Дмитрий Бибиков

17 марта 1847 г., № 854, С.-Петербург

Помітка про одержання: 17 марта 1847 г.

Ч. 1, арк. 1, 2.[14] Оригінал.
Опубл.: Т. Г. Шевченко. Документи і матеріали до біографії (1814—1861).— К., 1975.— С. 152—153.

№ 2

1847 р. березня 17.— ЗАПИТ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ДОЦІЛЬНІСТЬ ВИКОРИСТАННЯ КЕРУЮЧОГО ЙОГО КАНЦЕЛЯРІЇ М. Е. ПИСАРЄВА [15] ПРИ ДОПИТАХ М. І. ГУЛАКА

Не изволите ли, ваше сиятельство, найти полезным по знанию местных соотношений употребить при допросах Гулака правителя моей канцелярии Писарева вместе с тем чиновником, который для сего будет вашим сиятельством назначен.

Ч. І, акр. 6. Копія.

№ 3

1847 р. березня 17.— ДОПОВІДНА О. Ф. ОРЛОВА ЦЕСАРЕВИЧУ ОЛЕКСАНДРУ [16] ПРО НЕОБХІДНІСТЬ АРЕШТУ ЧЛЕНА ТАЄМНОГО ТОВАРИСТВА У м. КИЄВІ М. І. ГУЛАКА

Прочитавши прилагаемые при сем бумаги[17], ваше императорское высочество изволите усмотреть, что непременно нужно нимало не медля арестовать Гулака, у которого есть сообщники в Киеве, могущие его уведомить о показании Петрова, и тогда он скроет бумаги, которые по всем вероятиям должны у него находиться.

Как в таковых обстоятельствах, я всегда спрашиваю разрешения государя императора, то не угодно ли будет вам, по власти высочайше предоставленной, разрешить мне на сей случай.

Гр. Орлов

17 марта [1847 г.]

Резолюція Олександра: Арестовать Гулака немедля.

Ч. І, арк. 7. Автограф.

№ 4

1847 р. березня 18.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОЗВІЛ ЦЕСАРЕВИЧА ОЛЕКСАНДРА НА АРЕШТ М. І. ГУЛАКА

Секретно

Его высокопре[восходительст]ву Д. Г. Бибикову

18 марта 1847 г., № 428

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Государь наследник цесаревич соизволил разрешить, чтобы служащий в канцелярии совета С.-Петербургского университета чиновник Гулак был арестован и чтобы при допросах его находился управляющий канцеляриею вашего высокопревосходительства, действительный статский советник Писарев.

Уведомляя о сем ваше превосходительство, долгом считаю присовокупить, что по арестовании Гулака о времени допросов его будет сообщено г-ну Писареву.

Примите уверение в истинном моим почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. І, арк. 8. Відпуск.

Доповідна О. Ф. Орлова цесаревичу Олександру про необхідність арешту члена таємного товариства у м. Києві М. І. Гулака.

№ 5

1847 р. березня 18.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НАДІСЛАННЯ МАТЕРІАЛІВ ДОПИТУ ДОНОЩИКА О. М. ПЕТРОВА І ТВОРУ П. О. КУЛІША [18] «СІЧОВІ ГОСТІ, СПОМИНКА СТАРОГО ДІДА» [19]

Секретно

[Его сиятельству] гр. А. Ф. [Орлову]

[18 марта] 1847 г.

Милостивейший государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие почтеннейшего уведомления вашего сиятельства от сего же числа, № 428 [20], как для точнейшего указания действий Гулака и его связей, так и для большей ясности дела долгом поставляю препроводить к вашему сиятельству подлинное показание студента Петрова с сделанными ему в Киеве вопросами и его ответами и приложенным при оном сочинением «Гайдамаки» [21], которое Петров получил от Навроцкого.

С совершеннейшим почтением и истинною преданностию честь имею быть.

Вашего сиятельства покорнейший слуга

Дмитрий Бибиков

Ч. І, арк. 9. Оригінал.

№ 6

1847 р. березня 3 [22]. — ДОНОС О. М. ПЕТРОВА ПОПЕЧИТЕЛЮ КИЇВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ О. С. ТРАСКІНУ ПРО ІСНУВАННЯ У м. КИЄВІ ТАЄМНОГО ТОВАРИСТВА

Возвратившись от помещика Ханыкова 1 ноября, у которого преподавал уроки сыну, я остановился на один день у моего родственника проф[ессора] математики в духовной академии Подгурского [23] и, не желая стеснять его собою, я в тот же день приискал себе квартиру на Старом Киеве в доме протоиерея Андреевской церкви Завадского. Кроме меня в этом доме находились еще два жильца, оба служащие в канцелярии генерал-губернатора Бибикова, фамилия ближайшего моего соседа была Николай Иванович Гулак [24].

Занимаясь довольно поздно вечером, я часто слышал у Гулака собрание людей и рассуждения о предметах, касающихся до государства, проникнутые совершенно идеею свободы. Оригинальность мнений, здесь излагаемых о разных отраслях государственного управления, завлекала меня, вследствие чего я начал обращать более и более внимание на подобные сходбища и разговоры; замечая таковые собрания довольно часто и видя, что предметы споров всегда были одни и те же, я с достоверностью мог заключить, что они в основании своем должны были иметь цель определенную.

В один вечер я услышал, как лица собравшегося у Гулака общества подавали свои мнения касательно лучшего республиканского устройства для России. Разговор этот происходил между следующими лицами: помещиком Савичем, студентом Навроцким и профессором Костомаровым. В этом разговоре помещик Савич ревностно доказывал необходимость уничтожить в России монархический образ правления и стараться устроить правление народное с представительною формою, в котором бы каждое отдельное славянское племя имело у себя особенного представителя, заседающего в общем совете славянских племен. На мнение Савича были деланы возражения

и вопросы проф. Костомаровым. Далее Савич доказывал возможность произвести таковый переворот при настоящих, по его мнению, неблагоразумных поступках правительства. Приводя в пример постройку Киевской крепости [и рассказав], что он говорил с одним инженерным офицером и что офицер этот доказывал ему необходимость таковой постройки, как важного стратегического пункта, но что, по мнению Савича, это будет удобнейшее место для собрания лиц, намеревающихся произвести восстание, доказывал дурные распоряжения заговорщиков 1825 года [25], вследствие каковых распоряжений они и не могли исполнить своих намерений и что вообще правительство желает подавить народный дух, или, как выражал это помещик Савич, желает ввести в России китаизм [26], но что дух народный необходимо должен высвободиться от тяготеющего на нем деспотизма. Вслед за сим разговор сделался общим, что и не позволило мне слышать его с прежнею ясностью.

Вскоре после сего я был приглашен протоиереем на обед и так как мои оба жильца имели стол у Завадского, то я здесь и познакомился с ними. На другой день Гулак зашел ко мне и мы довольно долго проговорили о разных предметах науки, в то же время он просил, чтобы я непременно зашел к нему. Вечером на другой день я решился его посетить с намерением разузнать о лицах, посещающих его, и первым моим вопросом был: «Кто этот либерал, так часто вас посещающий?» — «Это помещик *Савич*»,— отвечал мне Гулак и здесь же, опровергая все либеральные идеи Савича, начал доказывать благоденствие государств под монархическим правлением. Из этого разговора и из прежде бывших без меня я легко мог узнать, что он только старается выведать образ моих мыслей, я начал доказывать ему противное, говоря, что Савич в некотором отношении прав, что люди верно бы находились в лучшем положении, если бы были под правлением республиканским, и ко всему этому прибавил, что может быть таких людей очень много, но что они, находясь в разрозненном состоянии, не имеют твердой точки опоры для обнаружения своих чистых намерений.

Увлечение, с которым я доказывал свое мнение, совершенно разрушило всякие сомнения Гулака на мой счет и он открыл мне следующее: что люди, стремящиеся произвести переворот в государстве, действительно существуют и существуют не в разрозненном состоянии, а напротив того — составляют огромное общество, находящееся кроме России и у других славянских племен, что члены этого общества имеют условный знак, служащий символом их соединения, причем он достал из шкатулки голубую коробочку, в которой лежало золотое кольцо, на верхней части которого находилось изображение как вообще на кольцах, покупаемых у гроба великомученицы Варвары, а внутри была надпись славянскими литерами «*Во имя св. Кирилла и Мефодия*». Будучи совершенно во мне уверен, он также прочитал мне Устав общества, который я из ревности тотчас попросил списать и копию имел честь представить вашему превосходительству. Потом он мне сказал, что хотя это общество и многочисленно, но он не может сообщить мне по правилам общества его членов, как новопоступившему, что многие из членов общества путешествуют по России именно с целью распространить таковые идеи, что главный центр их общества *в Москве*, общество это всего более старается распространять идею свободы между воспитанниками гимназии и вообще между детьми и потому самые лучшие и ревностнейшие члены стараются занять места учителей.

В другое время Савич перед отъездом своим за границу посетил Гулака и опять, разговаривая о предметах государственных, коснулся того, что важными помощниками в их деле могут быть также воспитанники военно-учебных заведений, если между ними распространять идею свободы, при каковом разговоре находился студент Навроцкий.

Таковые сведения я получил во время моего пребывания вместе с Гулаком. Имея слишком ограниченные средства к поддержанию своего существования, я необходимо должен был искать случая преподавать уроки детям и вскоре нашел их у помещицы Якубовичевой. Здесь занятия частные, соединяясь с занятиями по университету, должны были отвлечь меня на некоторое время от продолжения моих исследований, тем более, что г-жа Якубович, отправляясь на праздники рождества Христова в деревню к родственникам, вверила моему попечению двух малолетних в продолжении этого времени. Я хотя и встречался с некоторыми из членов, но эти встречи были так непродолжительны, что я не мог завести разговора, прямо относящегося к делу, но во время праздников рождества Христова Гулак прислал мне книги, именно: «Акты, относящиеся к истории Западной России»[27], причем человек его сообщил мне, что он отправляется в Петербург и просит меня зайти к нему. Я исполнил его желание: пришел к нему, я застал студента Навроцкого, в присутствии которого Гулак прочитал мне «Закон божий», написанный совершенно популярным языком для распространения между народом. Главная идея в этом сочинении состояла в том, чтобы доказать народу, что все бедствия, на него ниспосылаемые, происходят от подчинения его верховной власти, причем опровергается истинный смысл евангельских текстов: «*Воздадите кесарево кесареви, а богово богови*», а также и слова апостолов: «*Несть власть аще не от бога*» и дается им совершенно превратное значение. В заключении находится воззвание от малороссиян ко всем вообще славянам, чтобы они одумались и свергли с себя *иго рабства*. По окончании чтения студент Навроцкий спрашивал моего мнения касательно этого сочинения и жаловался на недостаточность материальных средств для скорейшего распространения таковых идей; далее продолжая разговор, он прочитал мне четыре стихотворения Шевченко, имеющие своим содержанием вообще мысли явно противозаконные. Так как все вышеизложенное происходило накануне отъезда Гулака в Петербург, то я и не имел возможности списать у него «Закон божий».

Приезд моей матери 15 января вторично помешал продолжению моих изысканий; по отъезде ее 25 января обратно домой я мог узнать только следующее: что Гулак отправился в Петербург вместе с Шевченком для занятия там ученой должности, что студент Навроцкий вместе с Марковичем[28] отправился в Пирятин, откудова студент Навроцкий намерен отправиться в Полтаву для приискания места в Полтавском кадетском корпусе. Маркович же намерен возвратиться обратно в Киев.

Кроме того, студент Навроцкий сообщил мне свою собственную рукопись о гайдамаччине, которую он находил весьма полезною для распространения между обитателями Малороссии для возбуждения их прежнего воинственного свободного духа. Самую эту рукопись имею честь представить вашему превосходительству[29].

Со времени же отъезда таковых лиц из г. Киева я не мог далее следить за их действиями, а вместе с тем и приобретать новых сведений, почему все мною открытое я решился представить вашему превосходительству.

Писал студент Алексей Петров

Что показание это написано студентом Петровым в нашем присутствии в том свидетельствуем:

Попечитель округа свиты его величества генерал-майор Траскин
Помощник попечителя коллежский советник М. Юзефович[30]

Ч. I, арк. 10—12. Оригінал.
Ч. I, арк. 57—68. Копія і на ній помітка начальника штабу корпусу жандармів, управителя канцелярії III відділення Л. В. Дубельта: Его величество изволил читать. 29 марта 1847 г. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт.
Опубл.: Збірник пам'яті Тараса Шевченка (1814—1914).— К., 1915.— С. 107—111; Т. Г. Шевченко. Документи і матеріали.— С. 146—149.

№ 7

1847 р. березня, не пізніше 9.— ВІДПОВІДІ О. М. ПЕТРОВА НА ЗАПИТАННЯ О. С. ТРАСКІНА ПРО СКЛАД І ДІЯЛЬНІСТЬ ТАЄМНОГО ТОВАРИСТВА В м. КИЄВІ

1. *Как зовут другого чиновника, жившего в доме Завадского с Гулаком?*

Савва Васильевич [31], а фамилии его не знаю.

2. *Не знаете ли вы чего более о символическом перстне, который вам показывал Гулак? Нет ли подобного еще у кого другого и не распространено ли вообще его употребление между единомышленниками Гулака?*

Неизвестно, и кольца на других не видал.

3. *Чем сопровождалось ваше принятие в общество? Не было ли от вас требовано присяги, как значится в уставе общества, или других каких-либо условий и обещаний?*

Просьбою сохранить в тайне сообщенные мне намерения от лиц, могущих повредить их исполнению, и напротив ревностнейшего распространения идей общества между лицами, могущими доставить ему хотя какую-либо пользу. Присяги и особенных обетов от меня не требовалось.

4. *Не знаете ли вы, когда и куда отправился за границу помещик Савич? Какой он губернии и уезда и как его имя и отчество?*

Имел намерение отправиться в Париж; имя же и отчество и какой губернии не знаю.

5. *Не знаете ли вы еще кого-либо из сочленов общества, кроме поименованных лиц, или таких, кои были в близкой связи с Гулаком? В особенности из студентов университета?*

Мне неизвестно, был ли кроме поименованных еще кто-либо в связи с Гулаком, других студентов у него не видал.

6. *Не слыхали ли вы от Гулака, есть ли в числе соумышленников его поляки и имел ли он намерения и не старался ли распространять свои идеи между ними? В особенности, как он думал о поляках-студентах университета и не было ли у него из них знакомых или приятелей?*

Неизвестно, существовали ли в числе соумышленников Гулака поляки, но он имел намерение распространить между ними свои идеи и всего более надеялся получить от них денежные пособия для скорейшего осуществления своих замыслов. Вообще он думал о поляках как о людях, скорее всего могущих быть его помощниками. О студентах университета говорил только то, что они также могут споспешествовать к распространению и укоренению его идей, занимаясь воспитанием юношества. Между студентами находились знакомые, но кто именно — неизвестно.

7. *Не знаете ли вы, когда должен возвратиться в Киев бывший студент Маркович и где его квартира?*

Бывший студент Маркович намерен возвратиться 9 марта, квартира же его находится на Крещатике, рядом с домом генерала Мисевского, на левой стороне.

8. *Имеете ли вы упомянутые вами стихотворения Шевченка? Ежели у вас нет, то у кого их можно сыскать и в чем заключается их содержание?*

Стихотворений Шевченка не имею, но их можно достать у бывшего студента Навроцкого. Содержание я мог запомнить только двух стихотворений «Сон» и «Послание к родичам» [32]. В первом стихотворении Шевченко представляет себя заснувшим и во сне сова переносит его в Сибирь, где он встречается с Рылеевым [33] и другими заговорщиками 1825 г. и рассказывает им о состоянии России, а потом сам выслушивает их жалобы на совершаемые с ними мучения. Далее сова переносит его в Петербург, оставляет во дворце государя императора, где он в самых резких словах изливает свою

ненависть на царскую фамилию. Во втором стихотворении он старается возбудить малороссиян к восстанию.

9. *Почему вы так долго медлили донесением Вашим и не сделали его до отъезда Гулака в С.-Петербург?*

Потому, что желал собрать сведения гораздо важнейшие от оставшихся по отъезде Гулака бывших студентов Навроцкого и Марковича; но по удалении их из Киева 29 февраля я, лишась тем самым средств продолжать свои изыскания, тотчас и представил свое донесение вашему превосходительству [34].

Писал студент Алексей Петров

Что ответы сии написаны студентом Петровым в нашем присутствии в том свидетельствуем:

Попечитель округа свиты его величества генерал-майор Траскин
Помощник попечителя коллежский советник М. Юзефович

Ч. I, арк. 13.14. Оригінал.
Ч. I, арк. 69—73. Копія з заголовком: Вопросные пункты, сделанные студенту Петрову, и ответы его.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка (1814—1914).— С. 111—113.

№ 8

1847 р. березня 22.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА ЦЕСАРЕВИЧУ ОЛЕКСАНДРУ ПРО ХІД РОЗСЛІДУВАННЯ СПРАВИ ПРО ТАЄМНЕ ТОВАРИСТВО

Для полного сведения вашего императорского высочества о важности дела Кулиша имею честь представить: 1. Журнал действий III отделения по сему делу [35]. 2. Показание студента Петрова [36] и 3. Правила Славянского общества [37], которые члены называют «Законом божьим».

Благоволите, ваше высочество, по миновании надобности бумаги сии мне возвратить, и мне кажется, что теперь об оиых не должно докладывать государю императору, дабы не тревожить его и тем более, что с моей стороны принимаются все необходимые меры для полного развития сего дела и обнаружения злоумышленников, полный же доклад по сему делу уже постепенно у нас приготавливается.

Гр. Орлов

Помітка Л. В. Дубельта: «Рукою государя наследника цесаревича написано карандашом: «Прочитав все, я сам полагаю, что лучше теперь не докладывать ничего государю, а представить полный доклад через несколько дней, когда бог даст силы его укрепятся».

Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

22 марта [1847 г.]

Ч. I, арк. 15. Автограф.

№ 9

1847 р. березень.— ВІДОМОСТІ ТА ПРОПОЗИЦІЇ М. Е. ПИСАРЄВА ЩОДО ОСІБ, ЯКІ ЗГАДУЮТЬСЯ В ЗВ'ЯЗКУ З ВИКРИТТЯМ ТАЄМНОГО ТОВАРИСТВА У м. КИЄВІ

Ганка [38] — есть известный поборник славянского движения в Богемии. Он живет в Праге. Он, кажется, профессор в тамошнем университете. Сколько могу припомнить, в недавнем времени награжден орденом св. Владимира 4-й степени по ходатайству министра народного просвещения.

Кулиш, недоучившись в Киевском университете и не получив степени ученой, занялся писанием разных малороссийских повестей и романов в народном духе. Был учителем уездного училища и учителем С.-П[етер]-б[ургской] 5-й гимназии и, наконец, в конце прошедшего года проехал через Киев за границу, куда он послан министерством народного просвещения для изучения славянских наречий.

О Посяденке[39], *Андрузском*[40] *и Тулубе*[41] — ничего не знаю, но они, кажется, по письмам должны быть в Киеве.

Костомаров преподает в Киевском университете историю; он мог быть в соотношениях с Гулаком потому,что Гулак занимался переводами древних бумаг под его руководством.

О Белозерском[42] ничего не знаю.

Тарас Григорьевич есть тот самый художник *Шевченко,* стихи которого читал, как показывает Петров, Навроцкий.

О *Миросевиче* также ничего не знаю.

Кто таков елисаветградский корреспондент П. А[шанин] также не знаю.

В показании Петрова упоминается о *Миркевиче*[43]. Кажется, он есть товарищ мнений Гулака и его направления.

Казалось бы полезным тех лиц, кои оказываются в переписке с Гулаком, немедленно обыскать, и если что найдется подозрительное, то арестовать с доставлением их в С.-Петербург; бумаги же их во всяком случае должны быть сюда доставлены. О Кулише можно бы сделать такое же распоряжение, как и о Савиче; но им обоим было бы полезно снестись с министром внутренних дел, чтобы паспортов не продолжать и в местах их там пребывания, если возможно, иметь за ними надзор.

Следовало бы приказать арестовать в Полтаве *Белозерского,* которого письмо показывает значительное участие его в славянском направлении, и со всеми бумагами доставить в С.-Петербург. Кроме сего приказать обыскать *Шевченку*[44], если он находится в Черниговской губ., как показал Гулак. Узнать в Полтаве, какой офицер Образцового полка, выпущенный из пажей[45], был там в сентябре прошедшего года и, наконец, обыскать офицера *Ашанина,* находящегося в Елисаветграде.

Действительный статский советник Писарев

Помітка Л. В. Дубельта: Перепи[с]ку к Ал[ексею] Ф[едоровчу Орлову].

Ч. I, арк. 16—18. Оригінал.

№ 10

1847 р. березня (17).— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО МІСЦЕЗНАХОДЖЕННЯ РОЗПОРЯДЖЕНЬ НА АРЕШТ М. І. ГУЛАКА, В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО, П. О. КУЛІША, О. О. НАВРОЦЬКОГО, Т. Г. ШЕВЧЕНКА, М. І. САВИЧА І Ф. В. ЧИЖОВА[46]

Распоряжения об арестовании и доставлении со всеми бумагами в III отделение с. е. и. в. канцелярии *коллежского секретаря Гулака,* кандидата *Белозерского,* учителя *Кулиша,* студента *Навроцкого,* художника *Шевченко,* помещика *Савича* и надворного советника *Чижова* находятся в делах о каждом из них.

Ч. I, арк. 19. Оригінал.

№ 11

1847 р. березня 28.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА НАКАЗОМ ПРО ОБШУК ТА АРЕШТ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, М. І. КОСТОМАРОВА, І. Я. ПОСЯДИ, О. В. МАРКОВИЧА, О. Д. ТУЛУБА, Г. Л. АНДРУЗЬКОГО І ВІДПРАВЛЕННЯ ЇХ З РЕЧАМИ ТА ПАПЕРАМИ В III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретно и нужное

Его высокопрев[осходительст]ву Д. Г. Бибикову

28 марта 1847 г., № 445

Милостивый государь Дмитрий Гаврилович!

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 17 марта, № 854[47] имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, не угодно ли будет вам приказать сделать немедленно надлежащее распоряжение об обыске и осмотре бумаг и вещей у следующих лиц, находящихся в Киеве: преподавателя истории в Киевском университете *Костомарова,* студентов Ивана *Посяденки,* Афанасия *Марковича,* Александра *Тулуба* и *Андрузского,* а также у художника *Шевченки,* если последний возвратился в Киев; по осмотре сих бумаг, если в оных окажется что-либо относящееся до Славянского общества или может служить указанием к обнаружению оного, или вообще содержится что-либо возмутительное, то лиц, у которых таковые бумаги или вещи будут найдены, арестовать и со всеми упомянутыми бумагами и вещами доставить в С.-Петербург в III отделение с. е. и. в. канцелярии, в сопровождении благонадежных и верных чиновников и под самым строжайшим надзором, если в переписке этих лиц не окажется ничего подозрительного, в таком случае строжайше допросить их о сношениях, которые они имели с Гулаком, Кулишом, Савичем и Навроцким, и показания их доставить ко мне.

Примите ув[ерения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. І, арк. 20, 21. Відпуск.

№ 12

1847 р. березня 29.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА З НАКАЗОМ ЗААРЕШТУВАТИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО І О. О. НАВРОЦЬКОГО

Весьма секретно и нужное

Его высокопревосход[ительству] Д. Г. Бибикову

29 марта 1847 г., № 486

Милостивый государь Дмитрий Гаврилович!

В дополнение отношения моего от 22 марта, № 445[49] об обыске и в случае надобности доставления в С.-Петербург арестованным адъюнкта *Костомарова,* студентов *Посяденки, Марковича, Тулуба* и *Андрузского,* а также художника *Шевченка,* если последний возвратился из Черниговской губ. в Киев, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли приказать точно таким же образом поступить с бывшими студентами университета св. Владимира *Белозерским* и *Навроцким,* если бы и они находились в Киеве.

Примите увер[ения] проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. І, арк. 22. Відпуск.

№ 13

1847 р. березня 22.— РАПОРТ Д. Г. БІБІКОВА О. Ф. ОРЛОВУ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВИКОНАННЯ ЙОГО РОЗПОРЯДЖЕННЯ НА ОБШУК І АРЕШТ ЧЛЕНІВ ТАЄМНОГО ТОВАРИСТВА

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

22 марта 1847 г., № 955, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Получив почтеннейшее отношение вашего сиятельства от сего числа, № 445, я немедленно распорядился по [жительству] сделать строжайшие обыски в Киеве у *Костомарова, Посяденки, Марковича, Тулуба, Андрузского* и *Шевченка* и исполнить во всей точности приказание вашего сиятельства, возложив все это на личное исполнение киевского гражданского губернатора с попечителем Киевского учебного округа и корпуса жандармов полковником Белоусовым.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, покорнейше прошу принять уведомление в совершенном моем почтении и особенной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 23 марта 1847 г.

Ч. I, арк. 23. Оригінал.

№ 14

1847 р. березня 31.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВЖИТІ ЗАХОДИ ЩОДО ОБШУКІВ І АРЕШТІВ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ТА О. О. НАВРОЦЬКОГО

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

31 марта 1847 г., № 1075, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие почтеннейшего отношения вашего сиятельства от 29 марта, № 486[49] об обыске и доставлении в С.-Петербург бывших студентов *Белозерского* и *Навроцкого*, если бы и они находились в Киеве, я немедленно сделал к исполнению сего надлежащее распоряжение.

О чем имею честь уведомить ваше сиятельство, покорнейше прося принять уверение в совершенном моем почтении и неограниченной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка: Доложено графу 2 апр[еля]

Помітка про одержання: 1 апреля 1847 г.

Ч. I, арк. 24. Оригінал.

№ 15

1847 р. березня 23.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА ФІНАНСІВ Ф. П. ВРОНЧЕНКА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЗАХОДИ, ВЖИТІ В МИТНИХ ОКРУГАХ, ДЛЯ ЗАТРИМАННЯ І АРЕШТУ М. І. САВИЧА, Ф. В. ЧИЖОВА І П. О. КУЛІША ПРИ ПОВЕРНЕННІ ЇХ З-ЗА КОРДОНУ

Весьма секретно

Его сия[тельству] гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

На отношение вашего сиятельства от 22 сего марта за № 441, 448 и 450 [50], о принятии мер к задержанию по высочайшему повелению полтавского помещика Николая Савича, дворянина Федора Чижова и служащего в С.-Петербургском учебном округе Пантелеймона Кулиша при возвращении их из-за границы имею честь ответствовать, что я ныне же предписал всем начальникам таможенных округов по европейской границе сделать немедленно распоряжение о задержании каждого из упомянутых лиц для препровождения в С.-Петербург в III отделение с. е. и. в. канцелярии на точном основании сообщенного мне вами, милостивый государь, высочайшего о том повеления.

Покорнейше прошу ваше сиятельство принять уверение в моем отличном почтении и совершенной преданности.

Ф. Вронченко

23 марта 1847 г., № 266

Помітка про одержання: 24 марта 1847 г.

Ч. I, арк. 25. Оригінал.

№ 16 — 23

1847 р. березня 20, 22, квітня 3, 8, 10, травня 3, 6.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВИТРАТИ 192 крб. 20, 25 коп. СРІБЛОМ ЗА ДОСТАВКУ В м. ХАРКІВ ЕСТАФЕТИ М. А. ДОЛГОРУКОВУ

Ч. I, арк 27—33[51]. Відпуски та оригінали. Не публікуються.

№ 24

1847 р. березня, не раніше 18.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ ГРОШОВОЇ ВИНАГОРОДИ ПРИСТАВУ А. ЮНКЕРУ І ПОЛІЦЕЙСЬКИМ ЗА ЗНАЙДЕННЯ ПРИ ОБШУКУ І АРЕШТІ М. І. ГУЛАКА «КНИГИ БУТТЯ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ» («ЗАКОНУ БОЖОГО»)

18 марта 1847 р. при арестовании коллежского секретаря Гулака в его квартире находились частный пристав 2-й адмиралтейской части Андрей Юнкер и несколько полицейских служителей. Уже после арестования Юнкер из предосторожности приказал осмотреть все места в означенной квартире и вследствие этого полицейские служители нашли в отхожем месте преступную рукопись «Закон божий», брошенную Гулаком.

За это назначено в награду: частному приставу Юнкеру 200 руб. серебром, а полицейским служителям 15 руб. серебром.

Ч. I, арк. 35. Оригінал.

№ 25 — 31

1847 р. березня 29, квітня 3, 11, 16, 18. — ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ З ПЕТЕРБУРЗЬКИМ ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТРОМ С. О. КОКОШКІНИМ [52] ПРО ВРУЧЕННЯ ДАРОВАНИХ МИКОЛОЮ І 200 крб. СРІБЛОМ ПРИСТАВУ А. ЮНКЕРУ І 15 крб. СРІБЛОМ ПОЛІЦЕЙСЬКИМ СЛУЖБОВЦЯМ ЗА ОБШУК У М. І. ГУЛАКА І ЗНАЙДЕННЯ «ЗАКОНУ БОЖОГО»

Ч. I, арк. 36—42. Оригінал і відпуски. Не публікуються.

№ 32

1847 р. березня 28. — ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО ТАЄМНЕ «СЛОВ'ЯНСЬКЕ ТОВАРИСТВО СВ. КИРИЛА І МЕФОДІЯ», ЩО ІСНУВАЛО В м. КИЄВІ

О тайном Славянском обществе

Генерал-адъютант Бибиков 17 марта [53] уведомил меня, что в Киеве студент университета св. Владимира Петров донес о существовании тайного общества под названием «Славянское общество св. Кирилла и Мефодия». Петров был приведен к этому открытию случайным знакомством с коллежским секретарем Гулаком, у которого собирались помещик Савич, бывший студент Навроцкий и другие молодые люди. Заметив, что они иногда рассуждают о каком-то злоумышленном преобразовании и тайном обществе, Петров старался приобрести доверенность Гулака, который после некоторого времени открыл ему тайну заговора и даже дал списать копию с устава. С одной стороны, получив довольно подробные сведения о злоумышлении, а с другой, имея в виду, что знакомые ему члены общества выехали из Киева; Гулак — в С.-Петербург, Навроцкий — в Полтаву и Савич — за границу, Петров обо всем донес начальству.

В тот же день, 17 марта, по испрошении мною у государя наследника цесаревича разрешения, обер-полицмейстер Кокошкин и генерал-лейтенант Дубельт внезапно арестовали чиновника Гулака и со всеми найденными у него бумагами и вещами доставили в III отделение с. е. и. в. канцелярии.

Здесь немедленно приступлено было к рассмотрению бумаг Гулака и к допросам, кои производили генерал-лейтенант Дубельт, чиновник III отделения дейст[вительный] статский советник Сагтынский и правитель канцелярии киевского воен[ного] губернатора камергер Писарев. Последний допущен к допросам по желанию генер[ал]-адьют[анта] Бибикова в том внимании, что означенный чиновник, по известности ему местных обстоятельств, может быть с пользою употреблен в этом деле.

Улики против Гулака

С первого дня против Гулака представилось весьма много неопровергаемых улик: между вещами его найдено кольцо с надписью имен св. Кирилла и Мефодия, в бумагах несколько писем и сочинений, хотя не прямо открывающих тайное общество, но несомненно показывающих, что Гулак и переписывавшиеся с ним лица питают образ мыслей враждебный нашему правительству, что они Малороссию и все славянские племена ложно представляют себе в угнетенном и самом бедственном положении, выражают пламеннейшее желание избавить особенно Малороссию от этого положения и даже намекают на какое-то общество, называя оное христианским.

Следующего числа, 18 марта, обер-полицмейстер доставил найденную полицейскими служителями в квартире Гулака рукопись, которую он при арестовании его успел было скрыть. Эта рукопись под названием «Закон божий» писана рукою Гулака и заключает в себе 109 параграфов самого преступного содержания: в ней текстами священного писания, превратно истолкованными, и примерами из истории, столько же ложно понятыми, доказывается, что царская власть противна законам божеским и природе человеческой, что люди все равны и должны управляться только старейшинами, что от монархического правления происходят одни бедствия и страдания и что славянские племена могут быть благополучны тогда только, когда над ним не будет никакой установляемой людьми власти. В заключении присоединены воззвания: одно к украинцам [54], а другое к великороссиянам и полякам [55], которые призываются помышлять о деле общества и заговорить, когда придет пора, чтобы целью жизни и деятельности каждого были: славянский союз, общее равенство, братство, мир и любовь.

Устав и правила общества

В одном из упомянутых воззваний помещен устав общества почти такого же содержания, как и представленный студентом Петровым, исключая то, что последний полнее и оканчивается подробными правилами. Главные основания устава и правил Славянского общества заключаются в следующем:

а). Общество имеет своими покровителями св. Кирилла и Мефодия; знаком своим принимает кольцо или икону с именем или изображением сих святых;

б). Оно должно стараться соединить все славянские племена, как-то: южноруссов, северноруссов с белорусами, поляков, чехов со словенцами, лужичан, иллиро-сербов с хорутанами и болгарами, примирять их вражду и разногласия даже по исповедании веры;

в). Каждое племя должно сохранять свою самостоятельность, иметь правление народное, законы и просвещение, основанные на христианской вере, соблюдать совершенное равенство между гражданами;

г). Все вместе славянские племена будут управляться общим Славянским собором, состоящим из представителей всех племен;

д). Общество заранее старается искоренить рабство и всякое унижение низших классов, распространять повсеместно свои идеи преимущественно посредством литературы и воспитания юношества;

е). Все общество и каждый член обязаны соображать свои действия с евангельскими правилами любви, кротости и терпения, правило же «Цель освящает средства» признавать безбожным;

ж). Члены, вступая в общество, принимают присягу: для целей общества они должны жертвовать трудами, состоянием и всеми своими связями. Член, который потерпит гонение и даже мучения, обязан, по данной присяге, не выдавать никого из своих сочленов. Прочие члены в таком случае должны помогать семейству, которое останется после пострадавшего члена.

Соучастники в преступлении Гулака

Из бумаг Гулака и показания студента Петрова сделались известными также имена нескольких других членов Славянского общества. Сведения о них доселе заключаются в следующем:

1. Помещик Полтавской губ. Савич. Он в собраниях, бывших в Киеве у Гулака, ревностно доказывал необходимость уничтожить в России монархическое правление и ввести правление народное в представительной форме, объясняя, будто правительство в России подавляет народность и вводит

китаизм. Он полагал, что при таком положении дел легко приступить к перевороту и что воздвигаемая в Киеве крепость будет удобнейшим местом для собрания лиц, намеревающихся произвести восстание, что в их деле могут быть важными помощниками воспитанники военно-учебных заведений, если между ними распространять идею свободы.

2. Бывший студент университета св. Владимира Навроцкий в тех же собраниях у Гулака разделял преступные разговоры товарищей своих; в присутствии его Гулак читал Петрову рукопись «Закон божий».

Со своей стороны, Навроцкий жаловался на недостаток материальных средств для скорейшего распространения идей этой рукописи, читал стихотворения художника Шевченки, исполненные противозаконных мыслей, и сообщил Петрову собственную свою рукопись о гайдамаччине. В этой рукописи помещены два рассказа о набегах гайдамаков, случившихся, судя по рассказу, в XVII столетии; подобные изустные рассказы нередко можно слышать в Малороссии. Навроцкий находил эту рукопись весьма полезною для распространения между жителями Малороссии прежнего воинственного, свободного духа.

3. Художник С.-Петербургской Академии художеств Шевченко также бывал в собраниях у Гулака в Киеве. Читанные Навроцким стихотворения Шевченки называются «Сон» и «Послание к родителям» [56]. В первом сочинитель описывает сон, перенесший его сначала в Сибирь, а потом в С.-Петербург, во дворец. В Сибири ему кажется, что он видит Рылеева и других государственных преступников и разсуждает с ними о положении России. Во втором стихотворении он старается возбудить малороссиян к восстанию. Один из друзей Гулака Белозерский в письме к нему называл Шевченка человеком, который способен угадывать потребности народа и даже целого века.

4. Адъюнкт университета св. Владимира Костомаров бывал у Гулака в то время, когда происходили у него преступные разговоры с соучастниками, делал им вопросы, но вообще возражал против их мнений. Из одного письма видно, что Костомаров трудился с Гулаком по какому-то общему делу.

5. Лектор при С.-Петербургском университете Кулиш писал к Гулаку, что между Москвою и С.-Петербургом решаются два великих современных вопроса, советовал Гулаку избрать для своего местопребывания С.-Петербург, говоря, что это важно и для Украины и для друзей их, и упоминал, что он, Кулиш, намерен привести с Гулаком многое в исполнение. Еще из одного письма видно, что Кулиш составлял в С.-Петербурге для какого-то круга христианские правила.

6. Бывший студент университета св. Владимира Белозерский в письмах к Гулаку, рассуждая о Малороссии, мнимом угнетении ее и надеждах на восстановление родины, изъясняет, что он приведен в необыкновенное восхищение беседою Гулака по этому предмету. Белозерский с горячностью разделяет мысли друзей своих о славянах, находится в коротких сношениях с Кулишем и следит за успехами людей одинакового с ним образа мыслей. В письме Марковича сказано, что бог избрал для них Белозерского путеводною звездою к Вифлеему.

7. Бывший студент того же университета Маркович в письме к Гулаку объясняет, что мысли последнего о Малороссии до того воспламенили его, что он, Маркович, не ручался бы за свои чувства, если бы не имел возможности приобрести там имение; называя Малороссию сиротствующею, он продолжает, что во всех действиях для Родины друзья его могут иа него надеяться «як на передни волы».

8. Студент университета св. Владимира Посяденко в письме к Гулаку, жалея об удалении своем от какого-то вполне христианского общества, про-

должает, что дух его никогда не удалится от этого общества, ибо в самой глубине души его, Посяденки, положена мысль, никому еще неведомая, и что поэтому еще прежде, чем он узнал Костомарова, душа его уже принадлежала обществу.

9 и 10. Студенты университета св. Владимира Андрузкий и Тулуб только упоминаются в письме Посяденки по случаю их ссоры.

11. Поручик Новоархангельского уланского полка Ашанин. К нему Гулак писал, что он, Ашанин, способен сделаться когда-нибудь великим завоевателем или монархом.

12. Белозерский извещал Гулака, что в Полтаве в сентябре 1846 г. он встретил одного офицера из Образцового полка, воспитывавшегося в пажеском корпусе, который высказал дельные мысли и от которого можно ожидать, что со временем переведет слово на дело. По частной справке и по сношению с военным министром оказалось, что этот офицер есть сын начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейт[енанта] Бушена [57], ныне поручик Азовского пехотного полка Николай Бушен. Он действительно воспитывался в пажеском корпусе. В 1846 г. состоял в Образцовом полку и был послан в Полтаву для показания правил фронтовой службы воспитанникам Петровского кадетского корпуса.

13. Из дел III отделения еще усмотрено, что наместник Царства Польского [58] предупреждал о дворянине Московской губ. Чижове, который, находясь за границею, в Бреславле, говорил, что поедет в Рим, а оттуда в Сербию, Албанию, Далмацию и Кроацию и рассказывал, что помещики около Москвы носят бороды, дабы скорее уничтожить разницу между дворянством и нижним классом народа. О Чижове было делаемо сношение с московским военным генерал-губернатором и получен одобрительный отзыв, но ныне не остается сомнения, что и он принадлежит к обществу славян.

Допросы Гулака и его запирательство

Таким образом к улике Гулака представились несомненные доказательства. При первых допросах сей молодой человек отзывался совершенным неведением всего, о чем его спрашивали, когда же у него найдено было кольцо с надписью «Св. Кирилл и Мефодий», указаны были ему весьма сомнительные места в его переписке и, наконец, найдена рукопись «Закон божий» в высшей степени преступного содержания, тогда, не имея более возможности показывать себя невиновным, начал объяснять, что он связан честным словом не открывать ни времени, ни места, ни лиц, о которых его спрашивают. Со времени арестования Гулака каждый день возобновляли ему допросы в III отделении, употребляли всевозможные меры убеждения, чтобы смягчить упорство его, внушали ему, что если он считает важным честное слово, кому-то данное, то несравненно важнее и священнее верноподданическая присяга, им же данная, что он обязан нарушить первое в силу последней и что долг честного человека требует говорить всегда истину. Но Гулак не внял никаким убеждениям и с необыкновенным упорством отказывается от дальнейших показаний, ссылаясь на то же будто бы данное честное слово свое.

Распоряжение об арестовании соучастников

Не предвидя никаких успехов от допросов Гулака и усматривая из дела, что оно и само по себе довольно объяснилось, указывая на многие имена соучастников, я, с разрешения государя наследника цесаревича, немедленно приступил к распоряжению об обыске и истребовании в С.-Петербург других лиц, тем более, что дело это заключает в себе чрезвычайную важность и если останавливаться [из-]за упорства одного, то другие соучастники мо-

гут между тем умножать число виновных и расширять круг своего преступления.

Из вышепоименованных прикосновенных к настоящему делу лиц находятся: Савич и Кулиш (посланный от своего начальника для изучения славянских языков) и Чижов за границею, Навроцкий и Белозерский — в Полтавской, Шевченко — в Черниговской губ., если уже не возвратился в Киев, Костомаров, Посяденко, Маркович, Андрузский и Тулуб — в Киеве, а поручики Ашанин и Бушен — при своих полках.

Посему мною объявлены высочайшие повеления: министрам внутренних дел и финансов, а равно и наместнику Царства Польского о сделанни распоряжения по всей западной и южной границам России и по границе Царства, дабы Савич, Чижов и Кулиш [59] при въезде в Россию были задержаны на самой границе со всеми их бумагами; генерал-адъютантам кн. Долгорукову и Бибикову, чтобы были арестованы со всеми же бумагами те из упомянутых лиц, кои находятся во вверенных им губерниях и которые по рассмотрении переписки их окажутся виновными. При этом случае сообщено мною, дабы задержание произведено было самым внезапным образом и чтобы арестованные лица со всеми их бумагами доставлены были в С.-Петербург, в III отделение, в сопровождении благонадежнейших и верных чиновников, под строжайшим надзором. Что же касается до поручиков Ашанина и Бушена, то для арестования и доставления их в С.-Петербург военным министром с высочайшего разрешения посланы из инспекторского департамента: за Ашаниным — старший адъютант Огарев, а за Бушеном — фельдегерь.

Последние меры к доведению Гулака до сознания

Не оставляя без внимания и самого Гулака, я сообщил генерал-адъютанту Адлербергу высочайшее повеление, чтобы все письма, кои будут получаемы по почте на имя означенного чиновника, были присылаемы ко мне, а 24 марта я лично в III отделении делал Гулаку продолжительные и самые отеческие увещания, описал ему картину сравнения между данною им пред господом богом присягою быть верным подданным и между честным словом, данным им каким-то молодым людям, объяснил ему все пагубные последствия его запирательства и то несчастье, в которое ввергает он себя и своих родителей. Гулак был тронут до глубины души, плакал и, казалось, готов был последовать моим советам, но упорство в нем превозмогло, и он остался при прежних своих ответах: не зна[ю].

Лишенный утешения довести Гулака до сознания в тем самым смягчить вину его, а еще более входя в чувства родителей его, я приготовил письмо к его отцу, в котором с прискорбием сообщаю ему, что не правительство, всегда готовое снисходить к раскаивающимся виновным, но сам сын его подписал приговор себе и уже ничто более не может ожидать его кроме самого тяжкого наказания.

Наконец, истощая все средства довести Гулака до сознания, я входил в сношение с обер-прокурором св. Синода о назначении просвещенного и способного священника для религиозных увещаний столь упорного преступника. Вследствие этого 27 марта являлся в III отделение протоиерей Малов, который с известным отличающим его красноречием убеждал и увещевал виновного, но тот остался при своем запирательстве. Если при этом случае невольным образом проявилась искра раскаяния в Гулаке, то это только тем, что он сказал, что сам глубоко чувствует, сколь легкомысленны и преступны были его поступки.

Предположение отправить Гулака в крепость

После этого в ожидании доставления других арестантов я предлагаю отправить Гулака в Алексеевский равелин [60] и сообщить коменданту С.-Петербургской крепости, чтобы Гулака, как закоренелого и доказанного политического преступника, увеличивающего вину свою необыкновенным упорством, содержали в равелине самым строгим образом, в совершенном уединении, не допуская никого к нему и не давая ему ни книг, ни других предметов развлечения.

Всеподданнейше докладываю о сем вашему императорскому величеству.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
С подлинным верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Помітка: На подлинном написано: «Государь император изволил читать 29 марта 1847 г.»

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. I, арк. 43—56. Копія.

№ 33

1847 р. квітень.— ВИСНОВКИ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО СПІЛЬНІСТЬ ІДЕЙ ВИЗВОЛЕННЯ І ОБ'ЄДНАННЯ СЛОВ'ЯН, ВИСЛОВЛЕНИХ ЧЛЕНАМИ СЛОВ'ЯНСЬКОГО ТОВАРИСТВА СВ. КИРИЛА І МЕФОДІЯ В м. КИЄВІ ТА СЛОВ'ЯНСЬКОГО ЛІТЕРАТУРНОГО ТОВАРИСТВА В м. ПАРИЖІ

Мысль открываемого ныне Славянского общества св. Кирилла и Мефодия соединить все славянские племена в одно целое уже не новая. Еще с 1845 г. получались донесения, что находящиеся за границей польские выходцы имеют точно такую же мысль.

В Париже душою и руководителем этого замысла был Адам Чарторижский [61], который учредил Славяно-народное владо, прикрытое названием Славянского литературного общества [62]. Кафедру этого общества занимает ученый-эмигрант Мицкевич [63], а члены оного состоят из ученых и богатых поляков, сербов, чехов, румелийских болгар, босняков и других славян, подвластных Австрии и Турции. Ученый чех Шафарик [64] принадлежит также к означенному обществу.

Посредством литературы и убеждений означенным племенам внушается, что все они происходят от одного корня и одной крови, а потому должны взаимно любить друг друга, как братья, как дети одного семейства, что провидение не разделило их навеки, что они должны познать цену вольности и конституционного быта, что время возчувствовать привязанность к истинной своей народности и к древней усыпленной славе. Поляки, вникая в настоящее положение тех государств, коим подвластны племена славянские, убеждены, что исполнение их предприятия весьма возможно и даже несомненно. Турецкая империя, по их понятиям, без сил и морального основания дает полную надежду, что славянские племена Румелии соединятся с ними. Враждебное чувство против России польских подданных и неизлечимая будто бы рана ее от всегдашней войны с черкесами уверяет их за успех с этой стороны. Наконец, вернейший оплот для панславизма поставляет ненависть поляков и других славян к Австрии и Пруссии, у коих состоят в подданстве, также то, что отборнейшие войска сих государств состоят большею частию из славян, которые вообще с своими соотечественни-

ками жаждут освобождения из-под владычества немцев. Выходцы выжидают времени, когда дух славянских племен будет достаточно приготовлен к перевороту, тогда они предполагают поднять общее восстание и составить отдельное Славянское царство. Это царство думают они разделить на четыре штата: 1. Русско-славянский; 2. Польско-славянский; 3. Чешско-славянский; 4. Иллиро-славянский. Каждый штат будет управляться особенными правами, сообразно нравам и обычаям народа, на основании либеральном, но под одним федеративным господством. Российское государство имеет слиться в общий состав славянского царства как один удельный штат, но лишиться всех польских, литовских и украинских областей, которые присоединятся к польско-славянскому штату. Затем Пруссия, Австрия и Турция, лишась всех славянских областей, останутся по-прежнему независимыми.

Польские и славянские богачи различными путями пересылают в Париж Славянскому обществу огромные суммы на потребные издержки. На эти суммы содержатся тайные агенты, сотрудники и корреспонденты, посылаются всюду опытные люди провозглашать свободу и привлекать к союзу; содержатся, где нужно, шпионы, делаются вспомоществования, подкупаются учителя в разных заведениях, посылаются к черкесам поляки и французы служить им против России и проч[ее].

В Турции поляки успели приобрести покровителей даже между значительными турками, которые не разумея, в чем состоит дело, сами помогают полякам. Из перехваченного письма Адама Чарторижского к полковнику Дон-Энглишу в Нью-Йорк видно, что и находящиеся в Америке поляки под видом Славянского литературного общества действуют в том же духе.

Главное желание Чарторижского и других польских выходцев состоит не в том, чтобы действительно соединить все славянские племена в одно государство, но чтобы восстановить прежнюю Польшу, и они хотят поколебать спокойствие четырех обширных государств: России, Австрии, Пруссии, Турции, также возмущать все славянские племена только для того, что этими средствами удобнее надеяться достигнуть своей мечтательной и ничтожной цели.

Хотя из дела о Славянском обществе св. Кирилла и Мефодия доселе не видно, чтобы члены оного были в сношениях с польскими выходцами, но весьма вероятно, что действия парижского Славянского общества подали мысль и нашим молодым людям, уроженцам Малороссии, мечтать о восстановлении прежней вольницы и их родины.

Ч. I, арк. 102—107[65-67]. Оригінал.

№ 34

1847 р. березня 31.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО С. О. КОКОШКІНА ПРО ВИДАЧУ ПОЛІЦЕЙСЬКИМ 15 крб. ЗА ЗНАЙДЕНИЙ «ЗАКОН БОЖИЙ» ПРИ ОБШУКУ НА КВАРТИРІ М. І. ГУЛАКА

С.-Петербургскому обер-полицмейстеру

31 марта 1847 г., № 494

Милостивый государь Сергей Александрович!

По поручению г-на генерал-адъютанта гр. Орлова, препровождая при сем к вашему превосходительству 15 руб. серебром, для раздачи в на-

граду тем нижним полицейским служителям, которые после арестования коллежского секретаря Николая Гулака нашли в нечистотах и представили брошенную им рукопись преступного содержания и покорнейше прося вас, м[илостивый] г[осударь] о получении означенных денег удостоить меня уведомлением, имею честь присовокупить, что на счет вознаграждения частного пристава Юнкера его сиятельством вслед за сим будет сообщен вашему превосходительству.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] Л. Дубельт
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 108. Відпуск.

№ 35

1847 р. квітня 11.— ВІДНОШЕННЯ С. О. КОКОШКІНА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ОДЕРЖАННЯ 15 крб. СРІБЛОМ ДЛЯ ВИНАГОРОДИ ПОЛІЦЕЙСЬКИМ, ЯКІ ЗНАЙШЛИ В КВАРТИРІ М. І. ГУЛАКА РУКОПИС «ЗАКОНУ БОЖОГО»

Ч. I, арк. 109. Оригінал. Не публікується.

№ 36

1847 р. квітня 3.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ГОЛОВНОКЕРУЮЧОГО ПОШТОВИМ ДЕПАРТАМЕНТОМ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ПРО НЕОБХІДНІСТЬ ПЕРЛЮСТРАЦІЇ ЛИСТІВ, ЯКІ НАДХОДИТИМУТЬ З-ЗА КОРДОНУ М. І. САВИЧУ, П. О. КУЛІШУ І Ф. В. ЧИЖОВУ

Его высокопре[восходительст]ву В. Ф. Адлербергу

3 апреля 1847 г., № 521

М[илостивый] г[осударь] Владимир Федорович!

По высочайшему государя императора повелению честь имею покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли сделать распоряжение, дабы все письма, кои будут пересылаться по почте из России за границу на имя находящихся там Николая Ивановича Савича, Пантелеймона Александровича Кулиша и Федора Чижова, были подвергаемы перлюстрации и копии с оных представляемы известным вашему высокопревосходительству порядком.

Примите ув[ерения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 110. Відпуск.

№ 37

1847 р. квітня 8.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАКАЗ МИКОЛИ І ПРО ПРИСУТНІСТЬ НА ДОПИТАХ ЧЛЕНІВ СЛОВ'ЯНСЬКОГО ТОВАРИСТВА КЕРІВНИКА ЙОГО КАНЦЕЛЯРІЇ М. Е. ПИСАРЄВА

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву Д. Г. Бибикову

8 апреля 1847 г., № 547

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Государь император высочайше повелеть соизволил, дабы при допросах всех лиц, прикосновенных к делу о Славянском обществе, находился в III отделении с. е. и. в. канцелярии правитель канцелярии вашего высокопревосходительства действительный статский советник Писарев.

Уведомляя о таковой монаршей воле ваше высокопревосходительство для объявления г-ну Писареву, имею честь удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. 1, арк. 111. Відпуск.

№ 38

1847 р. квітня 9.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО М. Е. ПИСАРЄВА ОЗНАЙОМЛЕНО З НАКАЗОМ БУТИ ПРИСУТНІМ ПРИ ДОПИТАХ ЧЛЕНІВ СЛОВ'ЯНСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

9 апреля 1847 г., № 1192, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Сообщенное в почтеннейшем отношении вашего сиятельства от 8 апреля, № 547 [68] высочайшее повеление о нахождении правителя канцелярии моей действительного статского советника Писарева при допросах всех лиц, прикосновенных к Славянскому обществу, я объявил г-ну Писареву для должного исполнения.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 11 апреля 1847 г.

Ч. 1, арк. 112. Оригінал.

№ 39

1847 р. квітня 18.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. Е. ПИСАРЄВА ВІД УЧАСТІ В ДОПИТАХ ЧЛЕНІВ СЛОВ'ЯНСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Его высокопр[евосходительст]ву Д. Г. Бибикову

18 апреля 1847 г., № 612

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

По ходу в настоящее время дела о Славянском обществе более не встречается надобности в бытности здесь г-на действительного статского советника Писарева, а потому он может отправиться с вашим высокопревосходительством в Киев.

Уведомляя о сем ваше высокопревосходительство, долгом считаю покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли объявить г-ну Писареву мою благодарность за понесенные им труды при производстве исследования по означенному делу.

Примите увер[ения] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 113. Відпуск.

№ 40

1847 р. квітня 12.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Ф. П. ВРОНЧЕНКА ПРО ПОВЕРНЕННЯ ДО КАНЦЕЛЯРІЇ ПОЛТАВСЬКОГО ЦИВІЛЬНОГО ГУБЕРНАТОРА ГРОШЕЙ, ВИТРАЧЕНИХ НА ДОСТАВКУ ЗААРЕШТОВАНОГО О. О. НАВРОЦЬКОГО

Его высокопр[евосходительст]ву Ф. П. Вронченко

12 апреля 1847 г., № 579

М[илостивый] г[осударь] Федор Павлович!

Полтавский гражд[анский] губернатор в исполнение высочайшего повеления, доставив в III отделение С. е. в. канцелярии по одному секретному делу арестанта, уведомил, что сопровождающим его лицам выдано им, губернатором, из экстраординарной суммы прогонных и суточных денег всего 435 руб. 4 $^1/_2$ коп. серебром и потому просит о возврате ему сих денег.

Сообщая о сем вашему высокопр[евосходительст]ву, имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли сделать зависящее от Вас распоряжение об ассигновании из Полтавского уездного казначейства упомянутой суммы в возврат г-ну полтавскому гр[ажданскому] губернатору и о последующем почтить меня уведомлением.

Примите увер[ения] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Помітка: Отношение полтавского губернатора находится в деле Навроцкого [69-70].

Ч. I, арк. 114. Відпуск.

№ 41

1847 р. квітня 19.— ПОВІДОМЛЕННЯ Ф. П. ВРОНЧЕНКА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕРНЕННЯ КАНЦЕЛЯРІЇ ПОЛТАВСЬКОГО ЦИВІЛЬНОГО ГУБЕРНАТОРА ГРОШЕЙ, ВИТРАЧЕНИХ НА ПЕРЕВЕЗЕННЯ ЗААРЕШТОВАНОГО О. О. НАВРОЦЬКОГО З ПОЛТАВИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Его сия[тельству] гр. А. Ф. Орлову

19 апреля 1847 г., № 1259

Об ассигнованных к возврату 435 руб. 4 1/2 коп. сер[ебром], употребленных на прогоны и суточные деньги для лиц, сопровождавших арестанта

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 12 сего апреля за № 579 [71] предписано Полтавской казенной палате о возврате тамошнему гражданскому губернатору 435 руб. 4 1/2 коп. сер[ебром], выданных на прогоны и суточные деньги лицам, сопровождавшим доставленного, во исполнение высочайшего повеления по одному секретному делу в III отделение с. е. в. канцелярии, арестанта.

Имею честь уведомить о сем Вас, милостивейший государь, покорнейше прошу принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ф. Вронченко

Резолюция: К делу.

Помітка про одержання: 20 апреля 1847 г.

Ч. 1, арк. 115. Оригінал.

№ 42

1847 р. травня 1.— ПЕРЕЛІК КНИГ ТА ІНШИХ МАТЕРІАЛІВ, ВИЛУЧЕНИХ У КИРИЛО-МЕФОДІЇВЦІВ, З ЯКИМИ III ВІДДІЛЕННЯ МАЛО ОЗНАЙОМИТИ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА

К министру народного просвещения было бы нужно препроводить:

1. Три печатные книги Кулиша: «Повесть об украинском народе» [72], «Украина» [73] и «Михайло Чарнышенко» [74].
2. Печатную книгу стихотворений Шевченко.
3. Тетрадь «Закон божий», переведенную и писанную Костомаровым [75].
4. Рукопись, служащую как бы пояснением устава Славянского общества [76], писанную Белозерским.
5. Листок о панславянизме [77], писанный Костомаровым, и три листка, найденных у него же, на которых написаны возмутительные сочинения, в том числе «Сон» Шевченки [78].
6. Отпечаток печати Костомарова [79].

Помітка: Были читаны в доме гр. А. Ф. Орлова министру просвещения и его товарищу 1 мая.

Ч. 1, арк. 116. Оригінал.

№ 43

1847 р. травня 3.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО РОЗШУК І ПЕРЕСИЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ТВОРУ А. МІЦКЕВИЧА «КНИГИ НАРОДУ ПОЛЬСЬКОГО І ПІЛІГРІМСТВА ПОЛЬСЬКОГО» [80]

Весьма секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

3 мая 1847 г., № 15, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Возвратясь из С.-Петербурга, я приказал отыскать в секретных делах книжку Мицкевича под заглавием Księgi narodu polskiego i Pielgrzymstwa polskiego («Книги народа польского и пилигримства польского»). Книжку эту долгом поставляю представить при сем к Вашему сиятельству, так как находимая у арестованных в последнее время малороссиян рукопись (которую Петров называет «Законом божьим») есть не что иное, как перевод или переделка означенного сочинения Мицкевича.

Покорнейше прошу принять уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Дм. Бибиков

Помітка про одержання: 12 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 117[81]. Оригінал.

№ 44

1847 р. травня 3.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЧУТКИ, НІБИ НА ТІЛІ ЧЛЕНІВ ТАЄМНОГО ТОВАРИСТВА В м. КИЄВІ НАКОЛОТО ЗНАК ГЕТЬМАНСЬКОЇ БУЛАВИ

Весьма секретно

Его сия[тельству] гр. А. Ф. Орлову

3 мая 1847 г., № 14, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Долгом поставляю довести до сведения вашего сиятельства, что, по дошедшим до меня слухам, все малороссияне, принадлежащие к тому преступному направлению, которое в недавнее время обнаружилось, долженствовали иметь у себя на теле наколотый знак гетманской булавы.

Покорнейше прошу принять уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

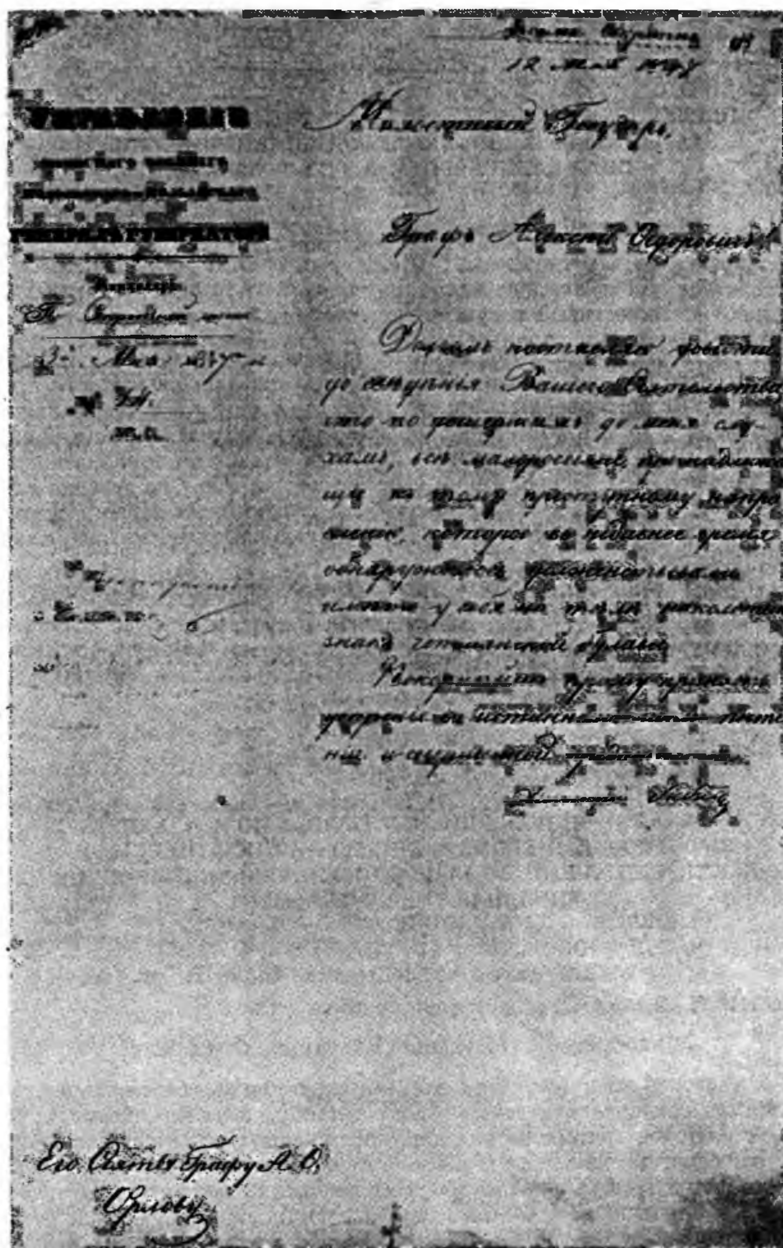
Дмитрий Бибиков

Резолюція О. Ф. Орлова: Осмотреть Скобелеву [82].

Помітка Л. В. Дубельта: Все были осмотрены. Ни на ком не оказалось знаков.

Помітка про одержання: 12 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 119. Оригінал.

Милостивый Государь,

Граф Алексей Федорович!

Его Сиятельству Графу А. Ф. Орлову

Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про чутки, ніби на тілі членів таємного товариства в м. Києві наколото знак гетьманської булави.

№ 45

1847 р. травня 7.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НАКАЗ КИЇВСЬКОМУ ПОШТМЕЙСТЕРУ ПЕРЛЮСТРУВАТИ ЛИСТИ, ЯКІ НАДХОДИТИМУТЬ НА АДРЕСУ ЗААРЕШТОВАНИХ КИРИЛО-МЕФОДІЇВЦІВ І ЧИНОВНИКА ЙОГО КАНЦЕЛЯРІЇ М. А. РІГЕЛЬМАНА [83]

Весьма секретно

Его сия[тельству] гр. А. Ф. Орлову

7 мая 1847 г., № 20, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Долгом поставляю довести до сведения вашего сиятельства, что я предписал секретно киевскому почтмейстеру все письма, получаемые в почтовой конторе на имя арестованных лиц, доставлять ко мне. Кроме сего, предписал также доставлять ко мне письма, кои будут получаемы на имя чиновника Ригельмана, для люстрования их прежде отдачи по принадлежности.

О таковом моем распоряжении я не уведомлял еще г-на генерал-адъютанта Адлерберга, на тот конец может быть угодно будет вашему сиятельству сообщить ему о том особо, что и представляю на благоусмотрение вашего сиятельства.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 18 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 120. Оригінал.

№ 46

1847 р. травня 20.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ПРО НАКАЗ Д. Г. БІБІКОВА КИЇВСЬКОМУ ПОШТМЕЙСТЕРУ ПЕРЛЮСТРУВАТИ ЛИСТИ ДО ЗААРЕШТОВАНИХ КИРИЛО-МЕФОДІЇВЦІВ І ЧИНОВНИКА М. А. РІГЕЛЬМАНА

Весьма секретно

Его высокопрев[осходительству] В. Ф. Адлербергу

20 мая 1847 г., № 816

М[илостивый] г[осударь] Владимир Федорович!

Г-н киевский военный губернатор ген-ад. Бибиков уведомил меня, что им секретно предписано киевскому почтмейстеру, дабы все письма, получаемые в почтовой конторе иа имя лиц, арестованных по делу о Славянском обществе, были доставляемы к нему, кроме того, предписал доставлять к нему письма, получаемые на имя неарестованного, но прикосновенного к тому же делу чиновника Ригельмана, для перлюстрования их прежде отдачи по принадлежности.

Находя нужным сообщить о сем вашему высокопревосходительству, имею честь удостоверить и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советвик Нордстрем

Ч. I, арк. 121. Відпуск.

№ 47

1847 р. травня 22.— ВІДНОШЕННЯ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НЕЗАКОННЕ РОЗПОРЯДЖЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА КИЇВСЬКОМУ ПОШТМЕЙСТЕРУ ПЕРЛЮСТРУВАТИ ЛИСТИ ДО М. А. РІГЕЛЬМАНА

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Отношением от 20 сего мая, № 816 [84] ваше сиятельство сообщили мне, что киевский военный губ. секретно предписал киевскому почтмейстеру, дабы все письма, получаемые в почтовой конторе на имя неарестованного, но к делу о Славянском обществе прикосновенного чиновника Ригельмана были представляемы к военному губернатору для перлюстрования их прежде отдачи по принадлежности.

Вследствие сего отношения я предписал кому следует об исполнении требования ген.-ад. Бибикова, но вместе с тем должен обратить внимание вашего сиятельства на неправильность такового распоряжения г-на военного губернатора, которому, если в видах правительственных перлюстрация писем неарестованного чиновника Ригельмана оказывалась необходимою, следовало обратиться к вашему сиятельству, прося о сношении с высшим почтовым начальством или, наконец, прямо к сему последнему, но не давать непосредственно от себя предписания местному почтмейстеру.

Прося ваше сиятельство поставить на вид г-ну киевскому военному губернатору таковое неправильное распоряжение, имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в совершенном моем почтении и преданности.

В. Адлерберг

22 мая 1847 г., № 73

Резолюція Л. В. Дубельта: Копию.

Помітка про одержання: 28 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 122. Оригінал.

№ 48

1847 р. травня 27.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПОШТОВОГО ДЕПАРТАМЕНТУ ПРО ПОРЯДОК ПЕРЛЮСТРАЦІЇ ЛИСТІВ

Его высокопр[евосходительству] Д. Г. Бибикову

27 мая 1847 г., № 856

Секретно

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

По содержанию отношения Вашего от 7 мая, № 20 [85] насчет сделанного Вами распоряжения к доставлению Вам для люстрования всех получаемых в Киевской почтовой конторе писем на имя арестованных лиц, а равно и на имя чиновника Ригельмана я входил в переписку с г-ном главноначальствующим над почтовым департаментом и копию с полученного мною от него отзыва долгом считаю препроводить к вашему высокопревосходительству [86].

Примите уверения и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 123. Відпуск.

№ 49

1847 р. травня 20.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЗАТРИМАННЯ ЛИСТА, НІБИТО АДРЕСОВАНОГО Г. Л. АНДРУЗЬКОМУ

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

20 мая 1847 г., № 34, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Имею честь представить к вашему сиятельству полученное с почтою письмо на имя находящегося в С.-Петербурге арестованного студента Александра Андрузского [87] с кредитным билетом в 3 руб. сер[ебром], покорнейше прося принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 28 мая 1847 р.

Ч. I, арк. 124. Оригінал.

№ 50

1847 р. травня 20.— ПОЯСНЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ, ЩО ЗАТРИМАНИЙ ЛИСТ НАЛЕЖАВ НЕ ЗААРЕШТОВАНОМУ Г. Л. АНДРУЗЬКОМУ, А СТУДЕНТУ КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ О. Т. АНДРУЩЕНКУ [38]

Письмо со вложением 3 руб. сер[ебром] писано не к арестованному при III отделении студенту Егору Андрузскому, а к студенту Александру Андрущенко.

Письмо это, начатое рукою матери Андрущенко, а конченное дядею его, заключает в себе описание семейных случаев и ничего важного; деньги же 3 руб. сер[ебром] посылает отец содержащегося при III отделении Андрузского через помянутого студента Андрущенко двум своим дочерям Пелагее и Анне Андрузским, находящимся в Киевском институте благородных девиц [89].

Точно в этом смысле объясняет упомянутое письмо и Егор Андрузский.

Резолюція О. Ф. Орлова: Возвратить.

Ч. I, арк. 125, Оригінал.

№ 51

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ПОВЕРНЕННЯ ЗАТРИМАНОГО ЛИСТА СТУДЕНТУ КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ О. Т. АНДРУЩЕНКУ

Его высокопре[восходительству] Д. Г. Бибикову

30 мая 1847 г., № 904

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

По объяснению содержащегося при III о[тделении] с. е. в. канцелярии студента Егора Андрузского оказалось, что доставленное при отношении вашего высокопревосходительства от 20 мая, № 34 [90] письмо со вложением 3 руб. сер[ебром] следует не ему, а студенту Киевского университета Александру Андрущенко, и как в этом письме не оказалось ничего важного, то

имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли приказать возвращаемое при сем означенное письмо с 3 руб. сер[ебром] выдать по принадлежности, о получении же упомянутых денег удостоить меня уведомлением.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 126. Відпуск.

№ 52

1847 р. травня 17.— ВІДНОШЕННЯ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТУ ЗОВНІШНЬОЇ ТОРГІВЛІ МІНІСТЕРСТВА ФІНАНСІВ Д. С. ЯЗИКОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ВІД'ЇЗД У РАДЗІВІЛІВ Р. І. ОСТЕН-САКЕНА, ЯКИЙ ДОСТАВИВ ЗААРЕШТОВАНОГО Ф. В. ЧИЖОВА В III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретно

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

17 мая 1847 г., № 494

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Чиновник особых поручений при начальнике Радзивиловского таможенного округа титулярный советник Остан-Сакен, представив мне при донесении от 16-го сего мая квитанцию, выданную ему 14 числа сего месяца за № 780 из III отделения с. е. и. в. канцелярии в исправном доставлении им задержанного на границе дворянина Федора Чижова со всеми находившимися при нем бумагами, испрашивает разрешения возвратиться к настоящей его должности в Радзивилов.

Вследствие сего обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою уведомить меня, не предстоит ли по III отделению с. е. и. в. канцелярии какого-либо препятствия к дозволению г-ну Остен-Сакену отправиться ныне из С.-Петербурга к настоящей его должности.

Покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять уверение о моем совершенном почтении и преданности.

Дмитрий Языков

Помітка Л. В. Дубельта: Нужное.

Помітка про одержання: 18 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 127. Оригінал.

№ 53

1847 р. травня 18.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО Д. С. ЯЗИКОВА ПРО ЗГОДУ III ВІДДІЛЕННЯ ПОВЕРНУТИ Р. І. ОСТЕН-САКЕНА ДО РАДЗИВІЛЛІВСЬКОЇ ТАМОЖНІ

Его пре[восходительст]ву Д. С. Языкову

18 мая 1847 г., № 799

Мил[остивый] государь Дмитрий Семенович!

Вследствие отношения вашего превосходительства от 17 мая, № 494 [91] имею честь уведомить вас, м[илостивый] г[осударь], что к дозволению титулярному советнику Остен-Сакену отправиться к месту служения со стороны III отделения с. е. и. в. канцелярии препятствия нет.

Примите ваше превосходительство уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Под[писал] Л. Дубельт
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 128. Відпуск.

№ 54

1847 р. квітня 18.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ НАДІСЛАТИ КОПІЇ ДОПИТІВ ЧЛЕНІВ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Конфиденциально

Его сия[тельству] гр. А. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Дозвольте, ваше сиятельство, припомнить вам обязательное обещание прислать ко мне копии с допросов доставленных сюда лиц по известному делу о славянстве, а равно копии с описания сомнительных их бумаг и таковые копии не оставить доставлять и впоследствии, дабы я мог, как докладывал вашему сиятельству, быть поставлен в известность о сем деле для доставления вам полных по оному соображений, основанных на местных сведениях, которые я собрать постараюсь.

Покорнейше прошу принять искренние уверения в совершенном моем почтении и душевной преданности, с коими честь имею быть.

Вашего сиятельства покорнейший слуга

18 апреля 1847 г., С.-Петербург

Дмитрий Бибиков

Резолюція О. Ф. Орлова: Исполнить по высочайшему соизволению от государя мне объявленном.

Помітка про одержання: 18 апреля 1847 г.

Ч. I, арк. 129. Оригінал.

№ 55

1847 р. квітня 19.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО РОЗПОРЯДЖЕННЯ КОПІЮВАТИ ДЛЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА СЛІДЧІ ДОКУМЕНТИ У СПРАВАХ ЧЛЕНІВ СЛОВ'ЯНСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Весьма секретно

Его высокопр[евосходительству] Д. Г. Бибикову

19 апреля 1847 г., № 618

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 18 апреля [92] имею честь уведомить, что я с высочайшего соизволения уже приказал списывать копии со всех требуемых вами бумаг по делу о Славянском обществе и оные по мере изготовления будут к вам доставляемы.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 130. Відпуск.

№ 56

1847 р. квітня 22.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА
ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО НАДІСЛАННЯ ЙОМУ КОПІЙ ДОКУМЕНТІВ
У СПРАВАХ М. І. ГУЛАКА, О. О. НАВРОЦЬКОГО,
І. Я. ПОСЯДИ, О. В. МАРКОВИЧА, Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Его высокопр[евосходительст]ву Д. Г. Бибикову

22 апреля 1847 г., № 636

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Препровождая при сем к вашему высокопревосходительству копии с описаний, бумаг и показаний, прикосновенных к делу о Славянском обществе лиц: Гулака, Навроцкого, Посяденка, Марковича и Андрузского, имею честь присовокупить, что копия с показания сего последнего уже списана для вашей канцелярии и взята действительным статским советником Писаревым.

Примите ув[ерения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. І, арк. 131. Відпуск.

№ 57

1847 р. квітня 26.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА
ТА РЕЄСТР НАДІСЛАНИХ ЙОМУ КОПІЙ СЛІДЧИХ ДОКУМЕНТІВ
У СПРАВАХ М. І. КОСТОМАРОВА, О. Д. ТУЛУБА, Т. Г. ШЕВЧЕНКА,
П. О. КУЛІША, В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Весьма секретно

Его высокопр[евосходительству] Д. Г. Бибикову

26 апреля 1847 г., № 662

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

В дополнение отношения моего от 22 апреля, № 636 [93] имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству при особом реестре копии с описания бумаг и показаний прикосновенных лиц к делу о Славянском обществе. Примите увер[ения] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Реестр препровождаемым копиям:

1. Выписка из замечательных бумаг, найденных у адъютанта Костомарова [94].
2. Вопросы, предложенные Костомарову, и ответы его [95].
3. Дополнительные вопросы Костомарову и ответы его [96].
4. О показании студента Тулуба [97].
5. О бумагах художника Шевченко [98].
6. Вопросы Шевченко и его ответы [99].
7. Выписка из замечательных бумаг Кулиша и Белозерского [100].
8. Рукопись Белозерского под литерою А [101].
9. Вопросы Кулешу и ответы его [102].

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. І, арк. 132. Відпуск.

№ 58

1847 р. травня 7.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ТА РЕЄСТР НАДІСЛАНИХ ЙОМУ КОПІЙ СЛІДЧИХ ДОКУМЕНТІВ У СПРАВАХ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО, О. О. НАВРОЦЬКОГО, І. Я. ПОСЯДИ І ДОНОЩИКА О. М. ПЕТРОВА

Весьма секретно

Его высокопр[евосходительству] Д. Г. Бибикову

7 мая 1847 г., № 725

Милостивый государь Дмитрий Гаврилович!

В дополнение прежних моих отношений [103], препровождая при сем к вашему высокопревосходительству при особом реестре копии с показаний лиц, прикосновенных к делу Славянского общества, имею честь удостоверить вас в истинном почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Реестр препровождаемых копий:

1. Показание бывшего учителя Белозерского насчет поручика Бушена [104].
2. Очная ставка Белозерского с Бушеном [105].
3. Подробное показание Белозерского [106].
4. Дополнительное показание его же [107].
5. Показание студента Петрова [108].
6. Дополнительное показание студента Навроцкого [109].
7. Показание студента Посяды [он же Посяденко] [110].

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. 1, арк. 133. Відпуск.

№ 59

1847 р. травня 21.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ТА РЕЄСТР КОПІЙ СЛІДЧИХ ДОКУМЕНТІВ У СПРАВАХ ПРО СЛОВ'ЯНСЬКЕ ТОВАРИСТВО

Весьма секретно

Его высокопр[евосходительству] Д. Г. Бибикову

21 мая 1847 г., № 820

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

В дополнение прежних моих отношений [111], препровождая к вашему высокопревосходительству при особом реестре копию с показаний и очных ставок лиц, прикосновенных к делу Славянского общества, имею честь удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь] и пр.

Под[писал] гр. Орлов

Реестр препровождаемым копиям:

1. Показание Костомарова, данное им в отмену прежних по тому случаю, что прежние составлял он под влиянием расстройства ума [112].

Очные ставки, данные 15 мая 1847 г.

2. Гулаку с Белозерским, Костомаровым, Посядой, Андрузским и Петровым [113].
3. Костомарову с Белозерским, Посядой, Андрузским и Петровым [114].
4. Кулишу с Андрузским [115].

5. Навроцкому с Белозерским, Посядой, Андрузским и Петровым [116].
6. Белозерскому с Андрузским [117].
7. Посяде с Андрузским [118].
8. Шевченко с Андрузским [119].
9. Объяснение Гулака 17 мая 1847 г. [120].
10. Дополнительное объяснение студента Посяды [121].
11. Дополнительное объяснение студента Андрузского [122].
12. Показания Белозерского 19 мая 1847 г. [123].
13. Показания Костомарова 19 мая 1847 г. [124].

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 134. Відпуск.

№ 60

1847 р. травня 20.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ОДЕРЖАННЯ КОПІЙ СЛІДЧИХ ДОКУМЕНТІВ У СПРАВІ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Весьма секретно

Его сия[тельству] гр. А. Ф. Орлову

20 мая 1847 г., № 31, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Присланные при почтеннейшем отношении вашего сиятельства от 7 мая, № 725 [125] копии с показаний лиц, прикосновенных к делу Славянского общества, я имел честь получить.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Ч. I, арк. 135. Оригінал.

№ 61

1847 р. березня 24.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО НАМІСНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСЬКОГО І. Ф. ПАСКЕВИЧА (ВАРШАВСЬКОГО) З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВИКРИТТЯ ТАЄМНОГО СЛОВ'ЯНСЬКОГО ТОВАРИСТВА св. КИРИЛА І МЕФОДІЯ В м. КИЄВІ З РОЗПОРЯДЖЕННЯМ ЗААРЕШТУВАТИ І ДОСТАВИТИ В III ВІДДІЛЕННЯ М. І. САВИЧА, П. О. КУЛІША І Ф. В. ЧИЖОВА

Весьма секретно

Его светлости кн. И. Ф. Варшавскому

24 марта 1847 г., № 459 [126]

М[илостивый] г[осударь] кн. Иван Федорович!

По донесению, сделанному в Киеве студентом университета св. Владимира Петровым, открывается существование тайного общества под названием «Общество славян св. Кирилла и Мефодия», которое имеет целью соединение всех славянских племен под одно представительное правление. Вследстве этого донесения задержан в С.-Петербурге прибывший в недавнем времени из Киева коллежский секретарь Николай *Гулак*, у которого был устав означенного общества, найдены кольцо с именами св. Кирилла и Мефодия, тетрадь, заключающая в себе мысли и правила в высшей степени возмутительные, и несколько писем, доказывающих, что в злоумышлениях его участвуют и другие лица. Из них двое: помещик Полтавской губ. Нико-

лай *Савич* и служащий по ведомству министерства народного просвещения Пантелеймон *Кулиш* в исходе 1846 года отправились за границу, а прочие находятся в разных губерниях России.

Как Гулак не открывает никаких подробностей означенного замысла, отзываясь, что он связан в этом данным им кому-то честным словом, то для открытия обстоятельств настоящего дела по высочайшему государя императора повелению мною сделано распоряжение о немедленном задержании и доставлении со всеми бумагами в С.-Петербург, в III отделение с. е. в. канцелярии, всех упомянутых лиц, находящихся в разных губерниях; относительно же Савича и Кулиша сообщено министрам внутренних дел и финансов, дабы дворяне сии при возвращении в Россию были задержаны на самой границе, чтобы все бумаги и вещи их, не подвергая оных рассмотрению на месте, были тщательно опечатаны и чтобы упомянутые дворяне вместе с сими бумагами и вещами тотчас были отправлены в С.-Петербург, в III отделение, в сопровождении самых благонадежных и верных чиновников и под строжайшим надзором. Точно такое же распоряжение сделано и относительно дворянина Федора Чижова, который, как объяснено было во всеподданнейшей записке вашей светлости от 10 декабря 1846 г., находясь в Бреславле, намерен был отправиться в Рим, а оттуда в Сербию, Албанию, Далмацию и Кроацию.

Доводя о сем до сведения вашей светлости и осмеливаясь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], не признаете ли справедливым дозволить сделать подобное распоряжение и по границе Царства Польского на тот случай, если бы Савич, Кулиш и Чижов при возвращении в Россию направили путь свой через Царство Польское. Долгом считаю присовокупить, что о дальнейших обстоятельствах этого дела, по мере развития оного, я не замедлю доносить вашей светлости.

С отличным уважением и совершенною преданностью имею честь быть вашей светлости покорнейшим слугою.

Подписал гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 136—137. Відпуск.

№ 62

1847 р. квітня 3 (15).— ЛИСТ І. Ф. ПАСКЕВИЧА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВЖИТІ НИМ ЗАХОДИ ДЛЯ ЗААРЕШТУВАННЯ П. О. КУЛІША

Varsovie, le $\frac{3}{15}$ Avril 1847

Mon cher Comte!

Je suis arrivé à Varsovie le $\frac{28 \text{ Mars}}{9 \text{ Avril}}$ fatigué par les mauvaises de la saison, et de plus malade d'un froid que j'avais pris pendant mon voyage. J'ai été même assez souffrant pour n'avoir pas pu, trois à quatre jours, m'occuper d'affaires.

Votre office du 24 Mars m'est parvenu le 1 Avril, et je me suis empressé de prendre les dispositions nécessaires pour faire rechercher et arrêter l'individu que vous me signaliez.

Kulesza était ici depuis le 4 Mars; il attendait du père de sa femme de l'argent pour continuer son voyage. Ses papiers, comme tous ses effets ont été mis scellés, et conformement à vos indications, il va être expédié sous l'escorte d'un officier sûr.

Vous aurez déjà lu, mon cher Comte, le discours pompeux par lequel le Roi de Prusse a inauguré l'ouverture des Etats — Généraux. Il est difficile

d'être plus net, plus explicite qu'Il l'a été sur résolution de maintenir les droits de sa couronne. Dieu veuille que Sa Majeste persévère et queson peuple soit convaincu, comme Elle, que le pouvoir suprême est la meilleur garantie de la prospérité du Royaume. Tout conflit entre la Royauté et les Représentants de la nation qu'elle a convoqués, peut aujourd'hui être d'autant plus dangereux que les positions servient trop tranchées pour qu'il y ait lieu à des accomodements.— Du reste il n'est donné à personne de lire dans l'avenir, espérons donc que le Ciel préservera nos voisins de calamités qui ne sauraient nous être indifférentes. [Priez], mon cher Comte, l'assurance de ma haute considération et de mon sincère attachement.

Prince de Varsoviè

Ч. 1, арк. 138—139. Оригінал. Мова франц.

Переклад з французької

Варшава, 3 (15) квітня 1847 р.

Дорогий граф!

Я прибув до Варшави 28 березня (9 квітня), змучений поганою погодою і до того ж простужений у дорозі. Я страждав навіть від того, що не міг протягом 3—4 днів займатися справами. Ваш лист від 24 березня був мені доставлений 1 квітня, і я поспішив вжити необхідних заходів, щоб розшукати і заарештувати ту особу, про яку ви мені написали. Куліш був тут 4 березня, він чекав від тестя грошей для продовження подорожі. Його папери, як і всі речі, опечатано, і згідно з вашими вказівками він буде негайно відправлений під конвоем надійного офіцера.

Ви вже читали, дорогий графе, препишну промову, якою король Пруссії урочисто відкрив Генеральні штати. Важко більш чітко і твердо, ніж це зробив він, підтвердити свою рішучість [стати] на захист прав своєї корони. Богу бажано, щоб його величність був наполегливим, щоб його народ упевнився, як і він, в тому, що верховна влада є найкращою гарантією процвітання королівства. Будь-який конфлікт між королівською владою і представниками нації, яких вона скликала, сьогодні якнебезпечніший, оскільки позиції занадто розмежовані, щоб згода стала можливою.

Ніхто, проте, не може заглянути в майбутнє, будемо, однак, сподіватися, що небо збереже наших сусідів від суспільних бід, до чого ми не можемо залишитися байдужими.

Прийміть, дорогий графе, запевнення в моїй високій повазі і щирій відданості.

Кн. Варшавський

№ 63

1847 р. квітня 18.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО І. Ф. ПАСКЕВИЧА ПРО НОВІ ВИКРИТТЯ І АРЕШТИ ЧЛЕНІВ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Весьма секретно

Его светлости И. Ф. Варшавскому

18 апреля 1847 г., № 609

М[илостивый] г[осударь] кн. Иван Федорович!

От 24 марта, № 459 [127] я имел честь сообщить Вашей светлости сведения о доносе и первоначальных розысканиях насчет чиновника Гулака и открывающегося тайного общества под названием Славянское общество св. Кирилла и Мефодия.

Сверх Гулака допрошены по этому делу доставленные в С.-Петербург из разных мест, большею частью из Киева, адъюнкт Костомаров, учитель Кулиш, студенты Навроцкий и Андрузский. У них найдены многие бумаги, поясняющие дело, но сами они, кроме Андрузского, или вовсе не сознаются, или объясняют поступки свои в виде не злоумышлений и принадлежности к тайному обществу, а литературных и ученых занятий.

Из бумаг же прикосновенных лиц и показаний Андрузского открывается следующее.

В Киевском университете русские не занимаются идеею славянства; польские уроженцы имеют свою цель — восстановить польское королевство по Днепру и Южной Двине [128], но они ограничиваются одними словами и надеждами; более же действуют малороссияне, которые желают прежней гетманщины, если возможно, в независимости от прочих славянских племен. Этот перевес деятельности малороссиян так велик, что общество почти потеряло из виду общую цель — соединение всех славянских племен — и заботилось только о Малороссии, ее народности, языке и даже независимости.

Первым средством к достижению своей цели общество признавало распространение образования между простым народом в духе украинской свободы. Для этого оно намерено было заводить училища в волостях, издавать книги и журнал на малороссийском языке; для этого же собирало деньги, приглашая каждого из членов к пожертвованию, но средства общества были слишком ограничены и усердие членов, сначала пылкое, потом охладевало.

Вторым средством общество полагало примирение племен исторически враждебных. С этой целью оно разыскивало акты, допускало всевозможные оправдания проступков одного народа против другого, извиняя их временем и обстоятельствами.

Члены общества знаками своими имели кольца с вырезкою внутри имен св. Кирилла и Мефодия и иконы во имя сих святых. У некоторых из членов найдены устав общества, которым предписывалось действовать кроткими и христианскими мерами, преимущественно распространением просвещения, и не сознаваться в случае задержания, хотя бы они подвергались жесточайшей участи. Еще найдены у них экземпляры рукописи, называемой ими «Закон божий», на русском и малороссийском языках, которая, как показывает Костомаров, переведена им из книги «Pielgrimka» Мицкевича. В этой рукописи текстами из св. писания, переиначенными и искаженными, отвергается верховная власть и всякое учреждаемое людьми правительство, изложены правила в революционном и коммунистическом духе, а в конце присовокуплены возмутительные воззвания: «К братьям великороссиянам» [129] и «К братьям украинцам и полякам» [130]. Кроме того, найдены и другие записки и стихи возмутительного содержания, выписки о панславизме и прочее.

Из членов и последователей этого общества сделались известны:

1. Адъюнкт Киевского университета Костомаров; он считался представителем умеренной партии, но при допросах объяснил свои поступки в таком смысле, как бы он был вовсе не виновен.

2. Коллежский секретарь Гулак, последователь Костомарова, показал необыкновенное упорство, отзываясь одним, что он в силу данного им кому-то честного слова не может ничего объявить.

3. Учитель Кулиш, представитель партии неумеренной, не сознавался в принадлежности к тайному обществу и действия свои выставляет в смысле литературных занятий.

4. Художник Шевченко, другой представитель неумеренной партии, был по-видимому одним из деятельнейших членов общества и писал стихи,

исполненные вольных мыслей, он доставлен в С.-Петербург, но еще не допрошен.

5. Бывший учитель Белозерский должен быть одним из главных приверженцев общества, ожидается из Варшавы.

6. Студент Навроцкий разделял мысли общества, но ни в чем не сознался.

7. Студент Андрузский участвовал в замыслах других, сам сочинял проекты конституций и вольные стихи, но показал искреннейшую откровенность и объявил все ему известное.

8. Студент Маркович боготворил гетманщину и славянизм, требуется в С.-Петербург.

9. Студент Посяденко (он же Посяда), происходя из крестьян, заботился о перемене положения их, писал плач о мнимых бедствиях их в Малороссии и описывал составляющееся в Киеве общество; он требуется из Киева.

10. Помещик Полтавской губ. Савич в собраниях у Гулака выражал революционные мысли и намерения; находится за границею; о задержании его при возвращении в Россию сделано распоряжение.

11. Бывший профессор Чижов, на которого члены общества возлагали большие надежды, находится за границею; на счет его сделано такое же распоряжение, как о Савиче.

В сношениях с вышепоименованными лицами были еще учителя Чуйкевич [131] (в Каменце-Подольском), Боровиковский [132] и Пильчиков [133] (оба в Полтаве), студенты Судовщиков [134] и Загурский [135] и служащий в Киеве чиновник Ригельман; но прикосновенность к настоящему делу первых пяти лиц еще не довольно объяснилась, а относительно Ригельмана я вошел в переписку с г-ном киевским военным губернатором.

Долгом считая уведомить о сем вас, м[илостивый] г[осударь], с отличным уважением и совершенною преданностию имею честь быть.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 140—145. Відпуск.

№ 64

1847 р. квітня 30 (травня 12).— ЛИСТ І. Ф. ПАСКЕВИЧА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВІД'ЇЗД О. М. КУЛІШ (ГАННИ БАРВІНОК) З ВАРШАВИ ТА ПРО ПОЛІТИЧНІ ПОДІЇ В ПРУССІЇ ТА ПОЛЬЩІ

Varsovie, le $\frac{\text{30 Avril}}{\text{12 Mai}}$ 1847

Lors de la réception de votre lettre du 10 April, la Dame Kulesza avait déjà quitté Varsovie. Je n'ai pu ainsi lui faire remettre celle que vous m'aviez, mon cher Comte, envoyée pour elle de la part de son mari, ni découvrir si les phrases soulignées cachaient en effet quelque sens mystérieux. Je me fais un devoir de vous restituer cette lettre.

J'ai depuis également reçu vos offices relativement à Bielozierski. Je déplore sincèrement les entreprises révolutionnaires dont ils sont les indices. Cependant c'est encore du bonheur que leur découverte avant que ces menées aient pu acquérir un véritable développement.

Je vous suis, mon cher Comte, très obligé de vos communications dans cette affaire. Elles peuvent me devenir fort utiles, et j'en profiterai pour l'administration de ce pays.

Ici tout est tranquille. Les désordres graves qui ont eu lieu en Prusse et dont la cherté des vivres est plutôt le prétexte que la cause, sont vraiment déplorab-

les. Non seulement le peuple est excité dans plusieurs localités au pillage des approvisionnements, mais plusieurs bourgades ont été livrées à l'incendie. Jusqu'à présent ces exemples n'ont point trouvé d'incitateurs chez nous; nous devons cependant redoubler de surveillance et être prêt à étouffer toute tentative semblable.

Je vous suis très reconnaissant, mon cher Comte, des nouvelles que vous avez bien voulues me donner sur la santé de Leurs Majestés Imperiales et l'heureuse délivrance de Madame la Grande Duchesse Czesarewna. Madame la Grande Duchesse Hélène se met demain en route pour Vienne, Monseigneur le Grand Duc Michel l'accompagne jusqu'à la frontière. La santé de leurs Altesses Impériales et très satisfaisante, ainsi que celle de Madame la Grande Duchesse Catherine.

Croyez, mon cher Comte, à ma plus sincère estime, ainsi qu'à mon véritable attachement.

Prince de Varsovie

Помітка про одержання: 6 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 146—147. Автограф.

Переклад з французької

Варшава, 30 квітня (12 травня) 1847 р.

До того, як я отримав ваш лист від 10 квітня, пані Куліш вже залишила Варшаву. Отже, я не мав змоги передати їй те, що ви, мій дорогий граф, надіслали їй від її чоловіка; не міг я і виявити, чи підкреслені фрази в дійсності приховували якийсь таємний зміст.

Вважаю своїм обов'язком повернути Вам цей лист.

Тим часом я отримав також ваш лист щодо Білозерського. Жаль, що ми маємо справу з революційними проявами, сліди яких тут є. Однак це ще щастя, що ці підступи розкрито раніше, ніж вони широко розповсюдилися. Дуже вам вдячний, дорогий графе, за вашу інформацію про цю справу, я нею скористаюсь при управлінні цією країною.

Тут все тихо. Серйозні безпорядки, які мали місце в Пруссії і дорожнеча, що є скоріше приводом, ніж причиною, варті жалю. Люди з деяких населених пунктів були підбурені не тільки на грабування продовольства, а й на підпали ряду передмість.

До цього часу ці підбурювання не знайшли послідовників у нас; однак ми повинні подвоїти пильність і бути готовими придушити всякі подібні спроби.

Дуже вам вдячний, дорогий мій графе, за новини, які Ви мені люб'язно повідомили, про здоров'я їх імператорських величностей і благополучні пологи мадам великої княгині Чезаревни.

Мадам велика княгиня Олена вирушила вчора у Відень. Пан великий князь Михайло проводить її до самого кордону. Здоров'я їх імператорських височеств цілком задовільне, так само, як і мадам великої княгині Катерини.

Вірте, мій дорогий граф, в мою щиру повагу і справжню відданість.

Кн. Варшавський

№ 65

1847 р. квітня 9.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО О. М. КУЛІШ (ГАННИ БАРВІНОК) З ПОРАДАМИ ЩОДО ВИЇЗДУ З ВАРШАВИ І ВЛАШТУВАННЯ В ПЕТЕРБУРЗІ

Милый, добрый мой друг Саша!

Я здоров и спокоен, со мной обходятся хорошо и я думаю, что это загадочное приключение кончится ничем. Прошу тебя подать прошение генерал-губернатору о снабжении тебя свидетельством на проезд в Петербург в сопровождении брата Василия Михайловича. Если ж ему ехать с тобой не позволят, то проси дать одной тебе свидетельство и возьми место в дилижансе, который ходит до самого Петербурга. Для этого ты постарайся сперва *узнать, едет ли в Петербург какая-нибудь почтенного звания дама в одной карете с тобою и с этою дамою ты познакомься и поручи себя ее опытности.* По прибытии в Петербург ты прежде всего поезжай к П. А. Плетневу [136] и поручи себя его покровительству. Если он не предложит тебе жить вместе с О. П. [Плетневой] (я этого желал бы не для денежной, а для нравственной выгоды), тогда поезжай на Гороховую улицу к Московской съезжей в дом Доливо-Добровольского к Льву Семеновичу Кармалееву, у которого живет брат Виктор [137]. О том, можно ли тебе видеться со мною и как — скажет тебе Петр Александрович. За место в дилижансе ты заплатишь около 55 руб. сер[ебром]. Кроме того, ты должна взять с собою руб. 50 серебром. Здесь меня поместили весьма удобно. Я почти совершенно спокоен. Да вот еще что: скажи Петру Александровичу от меня, что ничем не постыдил его высокой дружбы и не сделал ничего законопреступного.

Твой П. Кулиш

1847, апреля 9

Да не смущается сердце твое. Помни, что без воли божьей и волос не падет с головы нашей. Целую тебя и надеюсь встретиться на свободе [138]. *На полях дописано:* Надо купить складной чемодан, в котором поместить все твои вещи. Одну подушку не забудь взять к себе в карету.

Ч. I, арк. 148—149. Автограф.

№ 66

1847 р. травня 7.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО І. Ф. ПАСКЕВИЧА ПРО ХІД РОЗСЛІДУВАННЯ ДІЯЛЬНОСТІ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Его светлости кн. И. Ф. Варшавскому

№ 724, 7 мая 1847

М[илостивый] г[осударь] кн. Иван Федорович!

После отношения моего вашей светлости от 18 апреля № 609 [139] по делу о Славянском обществе при III отделении с. е. и. в. канцелярии допрошены бывший учитель *Белозерский,* художник Шевченко, студенты *Посяда* (он же Посяденко) и доноситель *Петров*. Кроме того, адъюнкт *Костомаров* составил новое показание.

Белозерский и в новом показании Костомаров объяснили дело с полною откровенностью. По их словам, действия славянистов состояли в следующем.

Ученые, занимаясь исследованиями о древностях и истории славянских племен и сообразив древний гражданский быт их с настоящим, вовлеклись

в рассуждения политические о том, чем могут быть славянские племена в соединении между собою. Такие рассуждения тем более увлекали их, что и западные панславянисты [140] в последнее время занимаются тем же предметом. Костомаров, Белозерский и Гулак, предавшись со всею пылкостью идеям панславянизма, помогали друг другу в трудах, а в исходе 1845 и в 1846 г. некоторые из них начали называть круг свой Славянским обществом, придав одному потом название св. Кирилла и Мефодия и кольца или образа во имя сих святых. Рассуждения их относились до слияния славянских племен, но они полагали соединить их под скипетром российского императора, не касаясь до настоящего образа правления собственно в империи и думая только, что вновь могущие присоединиться славянские племена должны быть устроены по примеру Царства Польского. По их мнению, для этого надлежало: воодушевлять славянские племена к уважению их народности, изгоняя все чужеземное; уничтожать вражду между ними; склонять их к исповеданию одной православной веры; заводить училища для простого народа; издавать книги для того же народа и развитием общего просвещения доводить племена до того, чтоб они сами сливались в одно целое. Белозерский и Костомаров уверяют, что в мыслях их решительно не было ни народных потрясений, ни преобразования законных властей в России, а тем менее каких-либо вооруженных действий; что они, как ученые и не знающие практической жизни люди, думали, что слияние славянских племен совершится самым мирным образом и что действия их будут даже угодны государю императору. Между тем сами они видели несообразность своих действий, в половине 1846 г. перестали называть круг друзей своих обществом, а потом и занятия их уже не были общими, ибо Белозерский отправился в Полтаву, а Гулак предавался трудам более в уединении и, наконец, также уехал из Киева в С.-Петербург. Хотя Белозерский сочинил устав общества по примеру уставов учебно-литературных обществ, существующих у чехов, лужичан и сербов, а Костомаров переписывал рукопись «Закон божий» и дал ее Гулаку, но устав был сочинен и рукопись переписана еще за несколько лет перед сим, без всякого применения к чему-либо и никогда не были основанием или правилами Славянского общества. Наконец, они утверждают, что Славянское общество во время существования своего состояло только из трех лиц (Белозерского, Костомарова и Гулака), что если с ними сближались *Навроцкий, Маркович, Посяда* и другие, то единственно или по сходству ученых занятий или по знакомству без всяких отношений к Славянскому обществу и что некоторые из них могли только слышать, не зная никаких подробностей об этом обществе.

Студент *Посяда* показал, что он слышал намерения Костомарова и Гулака составить общество и более ничего не знает. Художник *Шевченко* также не признает себя принадлежащим к Славянскому обществу, но он оказывается в высшей степени преступным по стихотворениям своим на малороссийском языке, исполненным возмутительных мыслей и невероятных дерзостей даже против особ августейшего дома.

Таким образом, собственно, дело о Славянском обществе показывало бы только ученых молодых людей, которые взялись за не относящиеся до них рассуждения о соединении с Россиею чужеземных славянских племен и которые при всей виновности их не представляли бы особенной опасности для государства. Но доноситель *Петров* вновь утверждает, что в собраниях у *Гулака* были революционные рассуждения, что особенно Гулак допускал предположения о введении в самой империи народного представительного правления и даже осмеливался выражать о пожертвовании, в случае необходимости, царскою фамилиею. Впрочем доселе кроме показания Петрова ничто этого не подтверждает.

За сим по настоящему делу остаются неспрошенными только трое:

еще не доставленный из Киева студент *Маркович* и находящиеся за границею *Савич* и *Чижов*.

Доводя о сем до сведения вашей светлости, обязанностью считаю присовокупить, что поручик *Бушен*, вполне оправданный и при очной ставке, уже отправлен к г-ну военному министру для возвращения к месту служения с тем, чтобы случай этот не имел для него ни малейших неприятных последствий.

С отличным уважением и совершенною преданностию имею честь быть.

Под[писал] гр. Орлов

Помітка: Рукою графа [141] записано:

«Государь император был так милостив, что принял двух оправдавшихся военных офицеров Бушена и Ашанина и очень обласкал их».

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 150—155. Відпуск.

№ 67

1847 р. травня 14.— ЛИСТ ПІДПОЛКОВНИКА Я. ЛАПТЄВА [142] З ПРИВОДУ ЧУТОК, ЩО ПОШИРЮВАЛИСЯ У ПОЛТАВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ ПРО АРЕШТ О. О. НАВРОЦЬКОГО І ДІЯЛЬНІСТЬ СЛОВ'ЯНСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Милостивый государь Андрей Александрович!

В письме вашем от 22 апреля было сказано, что по обнаруженному Славянскому обществу одно лицо из Полтавы взято в С.-Петербург [143], а потому его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову угодно знать: какое произвело влияние обстоятельство это на местных жителей и что мне о сем обществе известно.

Имею честь объяснить следующее: по дошедшим до меня стороною слухам уже известно было мне, что в Киеве составилось тайное общество из студентов Владимирского университета под именем славян, а потому, немедля нисколько, приняты были мною все средства к разведанию, в какой мере справедливы эти слухи, не распространило ли то общество свои ветви во вверенную наблюдению моему губернию и какое оно произвело влияние на прочих жителей Полтавской губ. В это время, как я разведывал обо всем, в Полтаву привезено было одно лицо, а через несколько часов отправлено в С.-Петербург. Никто из жителей Полтавы не знал, что это лицо был Навроцкий, ибо как он никого, так и его никто не видел, но [это] подало повод к заключению, что это лицо было [жителем] Полтавской губ. и принадлежало тайному обществу славян, [жители], сожалели крайне, что вмешался в оное их земляк и говорили о нем, как о негодяе, который не заслуживает никакого внимания.

Как наступило время отправиться мне в г. Ромен [144] на Вознесенскую ярмарку, на которую собираются дворяне со асех уездов Полтавской губ., то будучи убежден, что там окончательно могу узнать обо всем, что по сему обстоятельству мне знать нужно, я отправился туда, а теперь спешу представить Вам, милостивый государь, отчет моего разведывания на ярмарке. Из разговоров приехавших на оную помещиков, которые нисколько не подозревали меня в другой комнате, я совершенно убедился, что жители Полтавской губ. говорят об обществе славян как о небольшом числе безумных детей, от которых ничего хорошего (как они объясняют) ожидать нельзя, ибо в общество-то принят был некто Шевченко — мужик, облагодетельствованный двором нашим, и крайне сожалеют все, что одно лицо Полтавской

губ. замешалось между ними. Некоторые из знакомых мне помещиков обращались даже ко мне с вопросом о тайном обществе, присовокупляя: «Неужели один негодяй может очернить перед государем императором всех мирных жителей Полтавской губ.?» — «Конечно нет,— я отвечал им,— ибо всем известно правило государя. Его величество из двух братьев, если вынужден бывает наказать одного, то другому, когда он верен долгу и чести, изволит в одно же время оказывать великодушное свое внимание; следовательно, когда поступок брата не распространяется на другого, то можно ли думать, чтобы за одного негодяя терпела вся губерния». Этим окончились разговоры об обществе славян, потом говорили о нем реже и, наконец, и совсем почти перестали.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности вашего, милостивый государь, покорнейшего слуги

Якова Лаптева

Мая 14 дня 1847 г., № 18 г. Полтава

Помітка: От подполковника Лаптева из Полтавы ответ на вопрос, что ему известно по Славянскому обществу.

Помітка про одержання: 26 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 156—158. Автограф.
Ч. I, арк. 159—161. Копія.

№ 68

1847 р. квітень.— СПИСОК ТВОРІВ М. І. КОСТОМАРОВА, Т. Г. ШЕВЧЕНКА І П. О. КУЛІША ТА ЦЕНЗОРІВ, ЯКІ ДОЗВОЛИЛИ ЇХ ДРУКУВАТИ

Список цензоров, пропустивших сочинения авторов, прикосновенных к делу о Славянском обществе

Фамилии авторов	Название сочинений	Фамилии цензоров
Костомарова	Украинские баллады [145]	Статский советник И. Снегирев [149]
[Его же]	Ветка [146]	М. Каченовский (умер)
Кулиша	Повесть об украинском народе [147]	Куторга
Его же	Украина [148]	А. Федотов-Чеховский
Его же	Михайло Чарнышенко	Тот же Федотов-Чеховский
Шевченка	Кобзарь	П. Корсаков (умер)

Резолюція О. Ф. Орлова: Выговор.

Ч. I, арк. 162. Оригінал.

№ 69

1847 р. травня 26.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА І ПРОПОЗИЦІЇ ЩОДО ПОКАРАННЯ ЙОГО ЧЛЕНІВ

Копия

Об Украйно-славянском обществе

Открытие Славянского, или правильнее сказать Украйно-славянского, общества началось от студента Киевского университета *Алексея Петрова.*

Донесение Петрова

Этот студент, занимая квартиру стена об стену с квартирою коллежского секретаря *Гулака* и слыша, что собирающиеся у него друзья всегда рассуждают о делах государственных, был столько расторопен, что познакомился с Гулаком, показал вид, будто разделяет его мнения и до такой степени приобрел доверенность, что Гулак допустил его в свои собрания и открыл ему о существовании общества во имя св. Кирилла и Мефодия. Получив таким образом достаточные сведения и видя, что Гулак отправился в С.-Петербург, а равно и некоторые из друзей его выехали из Киева, Петров обо всем донес своему начальству.

Арестование прикосновенных лиц

Сведения об этом генерал-адъютант Бибиков доставил 17 марта; в тот же день Гулак был арестован, и дело началось производством в III отделении с. е. и. в. канцелярии.

Рассмотрение бумаг Гулака с первого раза показало круг друзей его и сомнительность их переписки. Немедленно сделаны были распоряжения об арестовании и отправлении в С.-Петербург оподозренных лиц. Вследствие этого доставлены: из Киева — адъюнкт-профессор университета св. Владимира Костомаров, студенты того же университета Андрузский и Посяда и художник С.-Петербургской Академии художеств Шевченко; из Варшавы — отъезжавший за границу бывший старший учитель 5-й С.-Петербургской гимназии Кулиш и сопровождавший его до границы родственник его, бывший около года на испытании учителем в Полтавском кадетском корпусе, кандидат Белозерский; из Полтавы — действительный студент Киевского университета Навроцкий. Еще потребованы из Киева студент Маркович и из-за границы помещик Полтавской губ. Савич.

Сверх того, по возникшему подозрению были истребованы в С.-Петербург поручики: Новоархангельского уланского полка Ашанин и Азовского пехотного полка Бушен; также осмотрены бумаги в Киеве студента Тулуба, в С.-Петербурге — чиновника министерства государственных имуществ Иславина и бывшего студента Дерптского университета Варадинова. Но все они совершенно оправдали себя, тотчас были освобождены и приняты меры, чтобы невинное их арестование не имело для них по службе неприятных последствий. Еще арестован возвратившийся из-за границы бывший адъюнкт-профессор С.-Петербургского университета надворный советник Чижов, который однако же оказался только славянофилом [160], поборником русской народности вроде московских ученых и не имел никаких сношений с украйно-славянистами. Его откровенное показание имело последствием то, что ему высочайше разрешено, отстранив все идеи и мечты славянофилов, продолжать литературные занятия, но с тем, чтобы он свои произведения вместо обыкновенной цензуры представлял на предварительное рассмотрение шефа жандармов.

Таким образом определилось, что лиц, более или менее виновных по делу об украйно-славянистах, десять: Гулак, Белозерский, Костомаров, Кулиш, Шевченко, Андрузский, Навроцкий, Посяда, Маркович и Савич.

Важность дела, представлявшаяся по первоначальным сведениям

Сведения, первоначально полученные и даже открывавшиеся при дальнейшем развитии следствия, представляли Украйно-славянское общество весьма в важном виде и многие обстоятельства заставляли думать, что общество имело окончательное устройство тайного злоумышленного дела, ибо у Гулака найден был устав общества св. Кирилла и Мефодия, из правил

которого видно, что украйно-славянисты предполагали, хотя и мирными средствами, преимущественно распространением образования, соединить все славянские племена и устроить в них народное представительное правление; у некоторых оказались экземпляры рукописи, называемой «Закон божий», или «Поднестрянка», уже не с мирными предположениями, а исполненной революционных и коммунистических правил, с возмутительными воззваниями к племенам славянским; у многих найдены стихи Шевченко, в высшей степени дерзкого и возмутительного содержания и другие рукописи, более или менее подобные первым; самые письма арестованных лиц, даже там, где можно предполагать предмет ученый или литературный, затемнены двусмысленными, напыщенными и вообще чрезвычайно сомнительными выражениями. Притом же студенты Петров и Андрузский в своем показании объяснили Украйно-славянское общество как дело прямо революционное. Из них первый утверждал, что Гулак предполагал разными средствами приготовлять и потом возбудить славянские племена к восстанию против верховных властей, говорил, что при этом общество будет действовать миролюбно в отношении к августейшему дому, но если необходимость потребует, то должно будет пожертвовать и царскою фамилиею.

Вследствие таковых сведений состоялось высочайшее повеление о полном подчинении на время Киевского учебного округа в губерниях Киевской, Подольской и Волынской генерал-адъютанту Бибикову [151], а III отделение обратило наивеличайшее внимание на производство дела об Украйно-славянском обществе.

Следствием открыто

Хотя Гулак показал необыкновенное упорство и, ничего не открывая, отзывался только одним, что связан честным словом, кому-то им данным, но другие — Белозерский и впоследствии Костомаров — объявили все свои преступления столь откровенно, что нет причины сомневаться, чтобы они скрыли что-либо им известное; равно и прочие более или менее пояснили дело так, что оно может считаться вполне обнаруженным. Сколь ни важна в разных отношениях вина прикосновенных лиц, но собственно политическое зло, к счастью, еще не успело развиться до той степени, как представлялось по первоначальным сведениям. Доносы и первые сведения, как всегда бывает, преувеличивали важность, и дело оказалось в виде менее опасном.

Украйно-славянское общество

Украйно-славянское общество существовало, но только несколько месяцев — в исходе 1845 и начале 1846 г. между тремя лицами: Гулаком, Белозерским и Костомаровым. Некоторые из них называли его обществом св. Кирилла и Мефодия и носили кольца во имя сих святых. Трудно определить, кто первый задумал общество, ибо все они равно преданы были славянским идеям, побуждая друг друга к деятельности, но мысль называть общество во имя св. Кирилла и Мефодия, равно иметь кольца или образа сих святых, произошла от Костомарова.

По словам Белозерского и Костомарова, цель их общества состояла в соединении славянских племен, но они полагали соединить племена под скипетром вашего и. в. Не касаясь до настоящего образа правления в России, они желали только, чтобы имеющие присоединиться к нам иноземные славянские племена устроены были по примеру Царства Польского. Им казалось, что ваше в., по силе духа вашего, одни можете совершить это великое дело, но сомневаясь, чтобы ваше в., занятые внутренним благоустройством государства, соизволили принять участие в этом предприятии, они надеялись достигнуть соединения славян своими средствами.

Средства эти должны были ограничиваться следующими мерами: воодушевлением славянских племен к уважению собственной их народности, изгнанием из нравов их всего иноземного, уничтожением вражды и водворением согласия между ними, склонением их к исповеданию одной православной веры, заведением училищ и изданием книг для простого народа. Они полагали, что славянские племена этими мирными средствами были бы доведены до того, что впоследствии сами слились бы в одно целое. Но цель украйно-славянистов при таких средствах была бы достигнута не прежде, как через сотни или тысячи лет (это их собственные слова).

Вскоре Гулак, Костомаров и Белозерский сами увидели, что теоретические предположения их не сообразны с практическим ходом дел и что идеи их были только ученые мечты. Поэтому они в половине 1846 г. прекратили свои занятия, перестали называть круг свой обществом, положив заниматься изучением истории и языков славянских как наукою, без всякой политической цели. Общество тем более не возобновлялось, что Белозерский вскоре после того отправился на службу в Полтаву, а в январе 1847 г. и Гулак выехал в С.-Петербург.

Из этого видно, что Украйно-славянское общество существовало только несколько месяцев; во время самого развития своего состояло из трех лиц: Гулака, Белозерского и Костомарова, ибо если другие сближались с ними и слышали об обществе, то единственно или по знакомству, или по сходству ученых занятий, без всяких прямых отношений к обществу.

Белозерский и Костомаров уверяют, что в предположениях, даже в мыслях их никогда не было ни народных потрясений, ни возмущений, ни преобразования законных властей в России, а тем менее каких-либо вооруженных действий.

Костомаров утверждал это и на очной ставке, несмотря на то, что Петров доказывал революционное направление украйно-славянистов. Особенно Белозерский заслуживает доверия, ибо он столько показал благородства и откровенности, что без сомнения не скрыл бы, если б в предположениях их имели место революционные идеи. Быть может Петров, подобно Андрузскому, несколько увеличил дело в своем донесении как по молодости лет своих, так и потому, что суждения, происходившие у Гулака, он слышал частью из-за стены и, следовательно, мог ошибочно понять смысл разговоров. Но не менее того, судя по твердости показаний Петрова, я уверен, что у украйно-славянистов много было пустых и неосторожных суждений.

Один Гулак оставался лицом чрезвычайно сомнительным, тем более, что если бы преступление его было не важнее того, как описывают Петров, Белозерский и Костомаров, то невозможно объяснить, от чего он с таким упорством не хотел отвечать на делаемые ему вопросы и даже на очных ставках не сознавался, когда видел, что товарищи его сознались. Должно предполагать, что Гулак отдельно от них в душе своей хранил такие преступные мысли, которые не были известны его товарищам, и во всяком случае вероятно, что человек с таким характером, как он, не остановился бы на мирных средствах, если бы тайные помышления его могли совершиться. Но впоследствии и Гулак сознался в справедливости сделанных на него показаний и даже приписывая себе сочинение рукописи «Закон божий» и устава Славянского общества. При этом сознании, однако же, он отвергает сделанное на него показание студентом Петровым и уверяет, что в его присутствии никогда не упоминал о царской фамилии. Показание Гулака о сочинении им рукописи: «Закон божий» ложно, ибо рукопись эта существовала в 1833 г. [152], т. е. в то время, когда Гулак был еще в детском возрасте. Сомнительно и показание его насчет сочинения им устава Славянского общества потому, что это сочинение приписывает себе и Белозерский, которому, по его откровенности, должно дать веры более, нежели скрытному Гулаку.

Возмутительные рукописи

Далее сознались Белозерский, что устав Славянского общества был им сочинен по примеру уставов учено-литературных обществ, существующих у чехов, лужичан и сербов, и что он же написал рукопись, которую можно назвать объяснением уставу [153]; и Костомаров, что он, получив за несколько лет перед сим от служившего в Кавказском корпусе офицера Хмельницкого рукопись «Закон божий», или «Поднестрянка», переписал ее в двух экземплярах.

Белозерский присовокупил, что устав и к нему объяснение он составил еще в бытность студентом, в лета ранней юности, когда в голове его бродили не установившиеся идеи, но потом бросил эти рукописи и более не вспоминал о них. Равно и Костомаров говорит, что рукопись «Закон божий» в первый раз он списал из одного желания собирать редкости, а во второй — потому, что нашел в ней сходство с «Пилигримкою» Мицкевича и хотел сравнить их. Действительно, рукопись «Закон божий» есть не что иное, как переделка книги Мицкевича; переделка же в том состоит, что в «Пилигримке» все приноровлено к Польше, а в «Законе божьем» — к Малороссии. Костомаров полагает, что эта переделка произведена поляками, которые вскоре после мятежа думали волновать и малороссиян. Но при этом случае оба, и Белозерский и Костомаров, решительно утверждают, что ни устав, ни объяснение к оному, ни рукопись «Закон божий», а равно и никакие другие находившиеся у них бумаги, никогда не были основанием или правилами бывшего Украйно-славянского общества.

Сверх того, генерал-адъютант Бибиков доставил две печатные книги стихотворений Костомарова на малороссийском языке под названием: «Украинские баллады» и «Ветка», обращающие на себя внимание мыслями о прежних набегах казаков и гетманщине подобными помещенным в книгах Кулиша, о которых будет объяснено ниже.

Лица, приближавшиеся к Украйно-славянскому обществу

Некоторые лица не принадлежали к Украйно-славянскому обществу, но по сходству занятий или по знакомству сближались с учредителями общества и знали о нем. Сюда относятся: Навроцкий, Андрузский и Посяда.

Навроцкий состоит в родстве с Гулаком и в продолжении года жил у него на квартире, а потому не мог не знать об Украйно-славянском обществе и предположениях славянистов, но он, по словам Костомарова, входил в круг их, так сказать, физически и, не имея достаточных сведений в славянофильстве, не мог принимать в нем участие ни умственно, ни сердечно. Между тем Навроцкий в показаниях своих решительно не сознается ни в знании об обществе, ни в передаче Белозерскому рукописи «Закон божий», ни в чтении стихотворения Шевченко «Сон». Хотя на очной ставке Петров и Белозерский столь сильно уличали Навроцкого, что он не мог более отзываться совершенным неведением и сознался в чтении [поэмы] «Сон», но относительно «Закона божьего» остался при своем запирательстве. Поэтому вина Навроцкого важна не по сближениям его с украйно-славянистами, а по упорству его в запирательстве, которое он как бы перенял у родственника своего Гулака.

Андрузский, имеющий от роду 19 лет, показывает по уму и характеру все признаки детства.

Он сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании в России; в этих проектах переходил от мысли к мысли: то допускал императорскую власть в настоящей ее силе, то ограничивал, то предполагал вовсе ее уничтожить.

Точно таким же Андрузский является и в своих показаниях. В первых словесных и письменных ответах он многих называл членами Украйно-славянского общества, иных даже представителями и большею частью говорил о них, как личный свидетель. На очных же ставках смягчал и ограничивал прежние свои показания, иные вовсе отвергал или прямо сознавался, что ошибся и что не видел того, о чем прежде объявлял как очевидец.

Мучимый раскаянием, Андрузский после очных ставок подал объяснение, искренне сознаваясь, что он в прежних показаниях выводил заключения свои из одних слухов, из разговоров студентов и из собственных соображений, считал всякого, занимающегося древними изысканиями, и каждого малороссиянина, любящего свою родину, принадлежащими к Украйно-славянскому обществу, тогда как сам не знал ни о том, существует ли это общество, ни о преступлениях тех лиц, которых оговаривал.

Андрузский при этом сознании изъявляет величайшее раскаяние и все доказывает, что он ошибался по молодости и легкомыслию, но не хотел и не хочет быть клеветником. При том же показание его, хотя исполненное ошибок, было первое, которое правительству в некоторой степени пояснило лиц, прикосновенных к делу Украйно-славянского общества.

Посяда, по всей видимости, вовсе не принадлежал к Украйно-славянскому обществу и хотя прежде показывал, что от Гулака, Костомарова и Навроцкого слышал о составлявшемся обществе, но после очных ставок, подобно Андрузскому, пояснил, что и он ничего не слышал об обществе, а прежде говорил об этом ошибочно потому, что писал свое показание в смущении и в болезненном положении. Если можно считать Посяду виновным, то только в том, что он в найденных у него записках, которые впрочем никому не показывал, выражал плач о бедственном будто бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами.

Лица, виновные в преступлениях, отдельных от Украйно-славянского общества

Двое — Шевченко и Кулиш — оказались также не принадлежащими к Украйно-славянскому обществу, но они виновны по своим собственным отдельным действиям.

Шевченко вместо того, чтоб вечно питать благоговейные чувства к особам августейшей фамилии, удостоившим выкупить его из крепостного состояния, сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома, забывая в них личных своих благодетелей. Сверх того, что все запрещенное увлекает молодость и людей с слабым характером, Шевченко приобрел между друзьями своими славу значительного малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны. С любимыми стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастии возвратить эти времена и о возможности Украйне существовать в виде отдельного государства.

Судя по этому чрезмерному уважению, которое питали и лично к Шевченко и к его стихотворениям все украйно-славянисты, сначала казалось, что он мог быть если не действующим лицом между ними, то орудием, которым они хотели воспользоваться в своих замыслах; но, с одной стороны, эти замыслы были не столь важны, как представлялось при первом взгляде, а с другой — и Шевченко начал писать свои возмутительные сочинения еще с 1837 г., когда славянские идеи не занимали киевских ученых; равно и все дело доказывает, что Шевченко не принадлежал к Украйно-славян-

скому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственно испорченностью. Тем не менее, по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников.

Вина Кулиша, также не принадлежавшего к Украйно-славянскому обществу, в некоторой степени сходна с преступлением Шевченко. Любя пламенно свою родину — Малороссию, он в напечатанных им книгах с восторгом описывал дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства, представлял историю этого народа едва ли не знаменитее всех историй, славу его называл всемирною, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекая, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах; описывал распоряжения императора Петра I и преемников его в виде угнетений и подавления прав народных. Книги Кулиша могли бы производить почти то же впечатление на малороссиян, как и стихи Шевченко, тем более, что сочинены для детей старшего возраста. Разница между ними состоит в том, что Кулиш выражал свои мнения всегда с приличием и, увлекаясь любовью к родине, вовсе не предполагал, что эти мнения его могут быть приняты или истолкованы в дурном смысле. Когда указали Кулишу на двусмысленные места в его книгах, он с ужасом увидел, что мысли его действительно могли произвести вредные последствия.

Кулиш вполне понимает, что сколько ни любил родины своей — Украйны, он обязан быть еще более преданным отечеству — России — и уверяет, что никогда не думал иначе, что выражая любовь к родине, он и не помышлял смущать или колебать верноподданность ее к престолу вашего и. в.

Общие выводы

Обозрение всех этих обстоятельств приводит к следующим убеждениям: Украйно-славянское общество св. Кирилла и Мефодия было не более как ученый бред трех молодых людей. Учредители его Гулак, Белозерский и Костомаров по самому положению ученых людей в свете, конечно, были бы не в состоянии ни вовлечь в свое общество военных или народ, ни сделаться скорою причиною восстания. Но вред от них мог произойти медленный и тем более опасный. Быв при воспитании юношества, они имели случай посеевать в возврастающем поколении испорченность и приготовлять будущие неустройства. К счастью, зло еще не созрело, частью уничтожилось само собою, а остальное предотвращено распоряжениями правительства.

Дело сие производилось со всею строгостью и можно быть уверенным, что оно вполне исследовано, что следов Украйно-славянского общества не осталось и что с арестованием Шевченко и Кулиша ограничены наиболее действовавшие и украйнофилы, чего однако же нельзя сказать вообще о славянофилах, о чем будет представлен особенный всеподданейший доклад, ибо до славянофилов настоящее дело не касалось и не должно было касаться.

Относительно же лиц, прикосновенных к делу Украйно-славянского общества, то было бы удобнее подвергнуть их наказанию без суда, но не сохраняя в тайне решения дела, дабы всем известно было, какую участь приготовили себе те, которые занимались славянством в духе, противном нашему правительству, и даже отвратить других славянофилов от подобного направления.

Решение дела

Всеподданейше докладывая о сем вашему и. в., я нахожу, что настоящее дело может быть решено ныне, не ожидая доставления из Киева студента Марковича и из-за границы помещика Савича, тем более, что они не были участниками Украйно-славянского общества и, вероятно, суть только украинофилы [154], следовательно, дело о них может быть произведено и доконче-

но отдельно. Входя же в смысл желаний вашего и. в., всегда направленных к высочайшему милосердию, и принимая во внимание молодость прикосновенных лиц (из них только Костомарову 28 и Гулаку 25, а прочим не более как от 19 до 23 лет) и, так сказать, детство их замыслов, я полагал бы ограничиться следующим:

1. Коллежского секретаря Гулака, как главного руководителя Украйно-славянского общества, вначале и долго запиравшегося в своих преступных замыслах, а еще более как человека, способного на всякое вредное для правительства предприятие, заключить в Шлиссельбургскую крепость на 3 года и потом отправить его в отдаленную губернию под строжайший надзор [155].

2. Коллежского асессора Костомарова, участвовавшего в Украйно-славянском обществе, придумавшего кольца и название обществу св. Кирилла и Мефодия, давшего ход преступной рукописи «Закон божий» и хотя впоследствии откровенно сознавшегося, но тем более виновного, что он был старее всех по летам, а по званию профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления, заключить в крепость на один год и после того отправить в одну из отдаленных великороссийских губерний на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора [156].

3. Кандидата 10-го класса Белозерского, также участвовавшего в Украйно-славянском обществе, составившего устав общества и преступную рукопись в объяснение этого устава, в уважение того, что он прекратил связи с киевскими славянистами еще в половине 1846 г., при допросах с первого раза сознался во всем с искреннейшим раскаянием, дал точное и положительное сведение об обществе, заключить в крепость на 4 месяца и потом определить в гражданскую службу, но вне министерства народного просвещения, не лишая преимуществ прежде приобретенных и с тем, чтобы начальство имело за ним наблюдение. В службу его определить или в С.-Петербург, или в одной из великороссийских губерний, но отню ь не в Малороссии, доколе не докажет безвредность своего образа мыслей усердною службою и степенным поведением. Не могу умолчать, что Белозерский обладает большими способностями и потому следует иметь его ввиду для употребления на службе там, где он может быть наиболее полезен, особенно, когда будет в виду высшего начальства [157].

4. Художника Шевченко за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений [158].

5. [Чиновника] 9-го класса Кулиша, неумеренного в неправильных понятиях о Малороссии, во внимании к тому, что он сам с ужасом видит ныне тот вред, который мог произойти от его сочинений, и показывает искренное сожаление о прежнем своем заблуждении, происходившем от избытка любви к своей родине, заключить в крепость на четыре месяца и потом отправить в одну из отдаленных великороссийских губерний на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, не увольняя его ни в Малороссию, ни за границу, и с тем, чтобы цензура обращала строжайшее внимание на его сочинения, если он будет печатать их отдельно или в журналах [159].

6. Студента Андрузского, который сочинял возмутительные стихи и проекты о государственном преобразовании, доходя в них до республиканских мыслей, и сделал сначала многие ложные показания, в уважение того, что слишком молод и летами, и душою, искренно повинился в своих преступлениях, хотя является пылким украинофилом, говоря, что он никогда

не отступится ни от малороссийского языка, ни от любви к своей родине, отправить для окончания курса в Казанский университет и потом *определить на службу в великороссийские губернии с учреждением за ним и* во время учения, и потом на службе *строгого надзора* и не увольнять в Малороссию.

7. Действительного студента 12-го класса Навроцкого, виновного не столько по сближению с украйно-славянистами, сколько по упорству в несознании, выдержать шесть месяцев на гауптвахте и потом определить на службу в одну из отдаленных великороссийских губерний, с учреждением над ним строгого надзора [160].

8. Студента Посяду, писавшего в преувеличенном виде о бедствии малороссийских крестьян, вменить в наказание содержание под арестом, отправить в Казанский университет для окончания курса наук, а потом определить на службу в великороссийские губернии.

9. Напечатанные сочинения Шевченко «Кобзарь», Кулиша «Повесть об украинском народе», «Украина» и «Михайло Чарнышенко» и Костомарова «Украинские баллады» и «Ветка» запретить и изъять из продажи [161].

10. Цензорам, дозволившим печатать сочинения Костомарова, Кулиша и Шевченко, сделать строгий выговор с тем, чтобы это не лишало их никаких прав, службою приобретенных, как людей, отлично аттестованных и сделавших ошибку более по неосмотрительности, нежели по умышлению и, сверх того, повелеть министру народного просвещения, чтоб предписал вообще цензорам обращать на труды литературные более строгое внимание.

11. Генерал-адъютантам Бибикову и Кокошкину сообщить, чтобы они наблюдали во вверенных им губерниях не остались ли в обращении стихотворения Шевченко, рукопись «Закон божий» и другие возмутительные сочинения, также не питаются ли мыслями о прежней вольнице, гетманщине и об правах на отдельное существование, чтобы обращали внимание на тех, которые особенно занимаются малороссийскими древностями, историею и литературою, и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но самым незаметным и осторожным образом, без явных преследований и, сколь возможно, не раздражая уроженцев Малороссии.

12. Студента Петрова, который доставил правительству возможность открыть Украйно-славянское общество и прекратить зло в самом начале, определить сверх штата в III отделение с. е. и. в. канцелярии с правами действительного студента, выдержавшего экзамен, выдав ему на обмундирование 500 руб. серебром с тем, чтобы впоследствии сделано было ему приличное денежное вспомоществование, смотря по степени его усердия и службе. Сверх того, матери его, получающей пенсию вместе с детьми 100 руб. серебром, увеличить эту пенсию до 200 руб. серебром в год.

Испрашивая разрешения вашего и. в. на приведение моего мнения в должное исполнение, всеподданнейше присовокупляю, что счастливое обнаружение Украйно-славянского общества и уничтожение оного в самом корне, конечно, упрочит на десятки лет то спокойствие в Малороссии, которое там могло быть нарушено.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

26 мая 1847 г.

Помітка Л. В. Дубельта: На подлинном собственною его величества рукою написано карандашом: «Исполнить» 28 мая 1847 г.

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

Ч. I, арк. 163—182. Копія.

Опубл.: Русский архив.— 1894.— № 7.— С. 335—347.

№ 70

1847 р. травня 26.— ПОДАННЯ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І НА ПРИСУДЖЕННЯ ЗВАННЯ ДІЙСНОГО СТУДЕНТА ТА ВИДІЛЕННЯ ГРОШОВОЇ НАГОРОДИ ДОНОЩИКУ О. М. ПЕТРОВУ

Испрашивается высочайшее соизволение на представление *Петрову* прав действительного студента по той причине, что по его способностям он, вероятно, достиг бы этой степени, тогда как ныне, в каком бы университете ни предоставить ему окончивать курс, легко быть может, что учебное начальство из негодования к его доносу и по тому случаю, что многие известные лица принимают особенное участие в тех, на которых Петров донес, будет стеснять его во время учения и экзаменов и не удостоит его той степени, которой он достиг бы при обыкновенных обстоятельствах. Назначение же денежной ему награды *впоследствии* испрашивается по той причине, чтобы не дать повода и не возбудить охоты к доносам в людях, на это склонных, как равно и для того, чтобы денежная награда назначена ему была соразмерно тому усердию и способностям, которые он окажет на службе.

Гр. Орлов

26 мая 1847 г.

Ч. І, арк. 183. Оригінал.

№ 71

1847 р. травня, не пізніше 29.— ЗАПИТАННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МИКОЛИ І ПРО ВИЗНАЧЕННЯ ПОКАРАНЬ ЧЛЕНАМ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

В какую крепость Костомарова и Кулеша? В Алексеевский ли равелин или нет?

Костомаров и Навроцкий назначены вами в Вятскую губ., не разделить ли? Навр[оцкого] — в Пермь с содержанием на гауптвахте?

Генерал-губернатору отправить всех на службу, как всегда делается, или нам самим?

Шевченко передается военному министру.

Матери Костомарова, приехавшей сюда вслед за сыном, производить жалование Костомарова во время и только по время его заключения в крепости. Невесте Костомарова, взятого под арест накануне его свадьбы, дать 300 [руб.] сер[ебром] на возвратный путь в Киев.

Жене Кулиша производить жалование ее мужа на вышеупомянутом основании [162].

Посяде и Андрузскому, Белозерскому и Навроцкому дать по 200 руб. сер[ебром] на обмундирование и первоначальное обзаведение.

Ч. І, арк. 184. Автограф.

№ 72

1847 р. травня 29.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ВИКОНАННЯ ВИРОКУ, ВИНЕСЕНОГО МИКОЛОЮ І ЧЛЕНАМ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Решения государя императора на мои вопросы: Костомарова и Кулиша — в Алексеевский равелин.

Дозволить им свидание в крепости: 1-му с матерью, а 2-му с женой, но не иначе, как при коменданте.

О разделении Костомарова и Навроцкого подтверждается высылка их на житье: Костомарова — *в Вятку на службу, а Навроцкого — в Вятской губ., в один из уездных городов по назначению губернатора.* Шесть же месяцев Навроцкий должен выдержать заточение не на гауптвахте, а в Вятке, в тюремном замке.

Шевченку передать военному министру.

Матери Костомарова, приехавшей сюда вслед за сыном, производить жалование Костомарова во время и только во время его заключения в крепости. Невесте Костомарова, взятого под арест накануне свадьбы, дать *300 руб. серебром* на возвратный путь в Киев.

Жене Кулиша производить жалование ее мужа на вышеупомянутом основании.

Посяде, Андрузскому, Белозерскому и Навроцкому дать по 200 руб. серебром на обмундирование и первоначальное заведение.

Отправить по назначению всех арестованных высочайше повелено *нам самим.*

Если что не ясно, любезный Леонтий Васильевич, то пишите мне записку — я тотчас поясню.

Гр. Орлов

29 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 185. Автограф.

№ 73

1847 р. травень.— НАКАЗ О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВІДРЯДЖЕННЯ В ПЕТЕРГОФ ЖАНДАРМСЬКОЇ КОМАНДИ ДЛЯ ОХОРОНИ ЦАРСЬКОЇ СІМ'Ї

Ч. I, арк. 186. Автограф. Не публікується.

№ 74

1847 р. травня 29.— ЗАПИТАННЯ О. Ф. ОРЛОВА ТА ВИРОК МИКОЛИ I ЧЛЕНАМ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Вопросы шефа жандармов	*Решение государя императора*
1. В какую крепость *Костомарова и Кулиша?* В Алексеевский ли равелин или нет?	1. *Костомарова и Кулиша* в Алексеевский равелин.
2. Во время содержания *Костомарова и Кулиша* в крепости дозволить им свидание: 1-му с матерью, а 2-му с женою?	2. Дозволить им свидания в крепости: 1-му с матерью, а 2-му с женою, но не иначе, как при коменданте.
3. *Костомаров и Навроцкий* назначены Вами в Вятскую губ., не разделить ли? Навроцкого в Пермь с содержанием на гауптвахте?	3. О разделении *Костомарова и Навроцкого* — подтверждается высылка их на житье; *Костомарова* — в Вятку на службу, а *Навроцкого* — в Вятской губ. в один из уездных городов, по назначению губернатора. Шесть же месяцев Навроцкий должен выдержать заточение не на гауптвахте, а в Вятке, в тюремном замке.

Розпорядження О. Ф. Орлова Л. В. Дубельту про виконання вироку, винесеного Миколою I, членам Кирило-Мефодіївського товариства

4. *Шевченко* передать ли военному министру?

5. Генерал-губернатору отправить всех на службу, как всегда делается, или нам самим?

6. Матери Костомарова, приехавшей сюда вслед за сыном, производить жалование Костомарова во время его заключения в крепость? Невесте Костомарова взятого под арест накануне его свадьбы, дать 300 руб. сер[ебром] на возвратный путь в Киев?

7. Жене *Кулиша* производить жалованье ея мужа на вышепомянутом основании?

8. *Посяде, Андрузскому, Белозерскому и Навроцкому* дать по 200 руб. сер[ебром] на обмундирование и первоначальное обзаведение?

Ч. I, арк. 187—188. Копія.

4. *Шевченко* передать военному министру.

5. Отправить по назначению всех арестованных высочайше повелел нам самим.

6. Матери Костомарова, приехавшей сюда вслед за сыном, производить жалованье Костомарова во время и только во время его заключения в крепости. Невесте Костомарова, взятого под арест накануне свадьбы, дать 300 руб. серебром на возвратный путь в Киев.

7. Жене Кулиша производить жалованье ея мужа на вышеупомянутом основании.

8. *Посяде, Андрузскому, Белозерскому и Навроцкому* дать по 200 руб. серебром на обмундирование и первоначальное обзаведение.

№ 75

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО С. С. УВАРОВА ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА І ВИРОК ЙОГО ЧЛЕНАМ

Секретно

Его сиятельству гр. С. С. Уварову

30 мая 1847 г., № 897

М[илостивый] г[осударь] гр. Сергей Семенович!

По производству исследования об Украйно-славянском обществе, составлявшемся в Киеве, обнаружено следующее.

Общество это существовало в исходе 1845 и начале 1846 г. между тремя лицами: коллежским секретарем *Гулаком,* кандидатом *Белозерским* и адъюнктом-профессором Киевского университета *Костомаровым.* По предложению последнего из них общество это называлось Славянским обществом св. Кирилла и Мефодия, а знаком приняты были кольца или образа во имя сих святых.

Цель общества состояла в присоединении к России иноземных славянских племен с тем, чтобы они были устроены на том основании, на каком состоит Царство Польское. Средствами для этого украйно-славянисты полагали воодушевление славянских племен к уважению собственной их народности, изгнание из нравов их всего иноземного, уничтожение вражды и водворение согласия между ними, склонение их к исповеданию одной православной веры и заведение училищ и издание книг для простого народа.

Вскоре учредители общества сами увидели, что теоретические предположения их несообразны с практическим ходом дел и в половине 1846 г. перестали называть круг свой обществом, положив заниматься изучением истории и языков славянских как наукою, без всякой политической цели.

Хотя ввиду имеется донесение, что украйно-славянисты, особенно

Гулак предавались и революционным идеям, но *Белозерский, Костомаров,* а после и *Гулак,* решительно отвергли это обвинение, доказывая, что даже в мыслях их никогда не было ни народных потрясений, ни преобразования законных властей в России и тем менее каких-либо вооруженных действий.

Кроме того, у некоторых из участников Украйно-славянского общества находились: устав общества, составленный Белозерским по примеру уставов учено-литературных обществ, существующих у чехов, лужичан и сербов, рукопись преступнейшего содержания, служащая истолкованием тому же уставу и сочиненная тем же Белозерским, другая рукопись «Закон божий», или «Поднестрянка», получившая ход от Костомарова, исполненная революционных и коммунистических правил, с возмутительными воззваниями к славянским племенам, также стихотворения Шевченки самого возмутительного и дерзкого содержания; но украйно-славянисты утверждают, что эти рукописи никогда не были основанием или правилами бывшего их общества.

Костомаров издал еще под псевдонимом Иеремии Галки две книги: «Украинские баллады» 1839 г., и «Ветка» 1840 г., обращающие на себя внимание мыслями о прежних набегах казаков и гетманщине, а Гулак увеличил вину свою необыкновенно упорным запирательством, продолжавшимся два месяца, и только после очных ставок, когда увидел, что дело уже открыто, принес сознание.

Еще к Украйно-славянскому обществу приближались, хотя не участвовали в оном, действительный студент *Навроцкий* и студенты Киевского университета *Андрузский* и *Посяда.*

Навроцкий — родственник Гулаку и в продолжении года жил с ним на одной квартире, а потому не мог не знать о предположениях украйно-славянистов, но он не сознался не только в этом, даже в чтении рукописи «Закон божий» и возмутительных стихотворений *Шевченки,* тогда как в последнем был уличен на очной ставке. Поэтому вина Навроцкого важна не по сближениям его с украйно-славянистами, а по упорству в запирательстве, которое он как бы перенял от родственника своего Гулака.

Андрузский, имеющий от роду 19 лет, сочинял стихи возмутительного содержания о государственном преобразовании в России, доходя в последних до мысли об учреждении республики; при производстве же следствия делал неосновательные показания, увеличивая вину некоторых или называя членами общества лиц, вовсе не принадлежавших к оному, но после очных ставок признал неправильность первого показания и с искреннейшим раскаянием испрашивал прощения; он еще обнаружил себя пламенным украинофилом и даже в последнем объяснении своем упомянул, что никогда не отступится ни от малороссийского языка, ни от любви к Украине.

Посяда в составляемых им записках и проектах просьб, содержания которых, впрочем, он не распространял, выражал плач о бедственном будто бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами.

Наконец, двое — художник *Шевченко* и бывший учитель 9-го класса *Кулиш,*— хотя вовсе не участвовали в Украйно-славянском обществе, но были в коротких связях с учредителями общества и виновны по отдельным своим собственным действиям.

Шевченко сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ, к которым обязан питать благоговейное уважение, часть стихотворений его под названием «Кобзарь» напечатано в 1840 г.

Кулиш в изданных им сочинениях «Повесть об украинском народе» 1846, «Украйна» 1843 и «Михайло Чарнышенко» 1843 г. с восторгом описывал дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства, представлял историю этого народа едва ли не знаменитее всех историй, славу его называл всемирною, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекал, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах, описывал распоряжения императора Петра I и преемников его в виде угнетений и подавления прав народных.

Сочинения Кулиша могли столько же поселять в малороссиянах мысли о возможности существовать отдельно, сколько стихотворения Шевченки, и тем более производит вреда, что одно из них издано «Для детей старшего возраста». Разница между этими двумя писателями та, что Кулиш, увлекаясь любовью к родине, не предполагал, чтобы мнения его могли быть приняты в дурном смысле, и когда указали ему на двусмысленные места, он с ужасом увидел, что мысли его действительно могли сделаться причиною беспорядков.

Вообще вред от всех украйно-славянистов мог происходить хотя медленный, но тем более опасный, что они, быв при воспитании юношества, имели случай посеевать в возрастающем поколении испорченность и приготовлять будущие неустройства.

Государь император по всеподданейшему докладу об этом высочайше повелеть соизволил:

1. *Гулака,* как главного руководителя Украйно-славянского общества, весьма долго запиравшегося, а еще более, как человека, способного на всякое вредное для правительства предприятие, заключить в крепость в отдаленную губернию под строжайший надзор.

2. *Костомарова,* хотя впоследствии сознавшегося в своих преступлениях, но виновного особенно потому, что он был старше всех по летам, а по званию профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления, заключить в крепость на один год и после того отправить в Вятку на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора.

3. *Белозерский* за откровенность и в уважение того, что он при искреннейшем раскаянии дал точное и положительное сведение об Украйно-славянском обществе определить на службу в Олонецкую губ., не лишая его преимуществ прежде приобретенных, но не по ученой части и с учреждением за ним надзора.

4. *Шевченку* определить рядовым в Отдельный Оренбургский корпус с правом выслуги под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений [163].

5. *Кулиша,* воспретив ему писать [164], заключить в крепость на четыре месяца и потом отправить на службу в Вологду никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

6. *Андрузского,* в уважение того, что слишком молод летами и душою и искренно повинился в своих преступлениях, отправить для окончания курса наук в Казанский университет и потом определить на службу в одну из великороссийских губерний с учреждением за ним и во время учения и на службе строгого надзора, а также не увольнять в Малороссию.

7. *Навроцкого* отправить в Вятку, выдержать его там шесть месяцев в тюремном замке и после того определить на службу в одном из уездных городов Вятской губ., по назначению губернатора, с учреждением над ним, Навроцким строгого надзора.

8. *Посяде* вменить в наказание содержание под арестом и отправить

в Казанский университет для окончания курса наук, а потом определить на службу в одну из великороссийских губерний.

9. *Белозерскому, Навроцкому, Андрузскому* и *Посяде* выдать по 200 руб. сер[ебром] каждому на обмундирование и первоначальное обзаведение.

10. Матери *Костомарова* и жене *Кулиша* во все время содержания в крепости сына первой и мужа последней до освобождения их выдавать жалование, какое получали Костомаров и Кулиш, а жене коллежского асессора Мазуровой, которая прибыла в С.-Петербург с дочерью своею, невестою Костомарова, выдать 300 руб. серебром в пособие на возвратный путь в Киев.

11. Напечатанные сочинения Шевченки «Кобзарь», Кулиша «Повесть об украинском народе», «Украина» и «Михайло Чарнышенко», Костомарова «Украинские баллады» и «Ветка» запретить и изъять из продажи.

12. Цензорам, дозволившим печатать упомянутые сочинения, сделать строгий выговор с тем, чтобы это не лишало их никаких прав, службою приобретенных, как людей, отлично аттестованных и сделавших ошибку более по неосмотрительности, нежели по умышлению и от министерства народного просвещения предписать вообще цензорам обращать на труды литераторов более строгое внимание [165].

13. Генерал-адъюнктам Бибикову и Кокошкину сообщить, чтобы они наблюдали во вверенных им губерниях, не остались ли в обращении стихотворения Шевченки, рукопись «Закон божий» и другие возмутительные сочинения, так же не питаются ли мысли о прежней вольнице, гетманщине и о правах на отдельное существование, чтобы обращали внимание на тех, которые особенно занимаются малороссийскими древностями, историею и литературою, и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но самым независимым и осторожным образом, без явных преследований, сколь возможно не раздражая уроженцев Малороссии.

О таковой монаршей воле сообщая вашему сиятельству для зависящего с вашей стороны распоряжения по предметам исключения из службы по учебному ведомству Гулака (если он уже определен к С.-Петербургскому университету), Костомарова и Кулиша, относительно надзора за Андрузским и Посядой, уже отправленным в Казань, равно по 11 и 12-му пунктам решения, и присовокупляя, что к исполнению этого решения по прочим предметам мною уже сделано распоряжение, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли удостоить меня уведомлением, сколько именно получали жалования Костомаров и Кулиш, дабы я мог распорядиться выдачею этого жалования их матери первого и жене последнего. Примите уверение в соверш[енном] моем почт[ении] и проч[ее] [166].

Подписал гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. I. арк. 189—200. Відпуск.

№ 76

1847 р. грудня, не пізніше 2 [167].— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ З ПРИВОДУ ЛИСТУВАННЯ МІЖ С. С. УВАРОВИМ І ПОПЕЧИТЕЛЕМ МОСКОВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ С. Г. СТРОГАНОВИМ ПРО СЛОВ'ЯНОФІЛІВ

Ч. I, арк. 201. Відпуск. Не публікується.

№ 77

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ВИКОНАННЯ ВИРОКУ МИКОЛИ І ЧЛЕНАМ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА І ПОСИЛЕННЯ ПОЛІТИЧНОГО НАГЛЯДУ НА УКРАЇНІ

Секретно

Его высокопре[восходительству] Д. Г. Бибикову

30 мая 1847 г., № 894

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Из прилагаемых при сем копий с двух всеподданнейших докладов моих ваше высокопр[евосходительство] усмотреть изволите, в каком виде окончательно раскрылось дело об Украйно-славянском обществе и какое последовало высочайшее решение как о лицах и предметах, непосредственно входивших в упомянутое дело, так и вообще о славянофилах. Монаршая воля уже вполне исполнена и объявлена всем, кому надлежит. Кроме того, по высочайшему повелению выдано: высылаемым в разные губернии *Белозерскому, Навроцкому, Андрузскому и Посяде* по 200 р[уб]. сер[ебром] каждому на обмундирование и первоначальное обзаведение; жене коллежского асессора *Мазуровой*, которая прибыла в С.-Петербург с дочерью своею, невестою *Костомарова*, 300 р[уб]. сер[ебром] в пособие на возвратный путь в Киев, а матери того же Костомарова и жене Кулиша предписано производить во время заключения в крепости сына первой и мужа последней, до освобождения их из крепости, жалование, какое Костомаров и Кулиш перед сим получали.

Обращаясь затем к 11 пункту решения в первом докладе, которым высочайше повелено, дабы ваше высокопр[евосходительст]во наблюдали во вверенных вам губерниях, не остались ли в обращении стихотворения Шевченки, рукопись «Закон божий» и другие возмутительные сочинения, также не питаются ли уроженцами Малороссии, находящимися в тех же губерниях, мысли о прежней вольнице, гетманщине и о правах на отдельное существование, чтобы Вы обращали внимание на тех, которые особенно занимаются малороссийскими древностями, историею и литературою, и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но самым незаметным и осторожным образом, без явных преследований, и сколь можно не раздражая уроженцев Малороссии, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли приказать принять это повеление к должному руководству и исполнению.
Примите уверение и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: колл[ежский] сов[етник] Константинов

Помітка: Такого же содержания его пре[восходительст]ву С. А. Кокошкину № 895.

Ч. І, арк. 202—203. Відпуск.

№ 78

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО І. Ф. ПАСКЕВИЧА ПРО ЗАКІНЧЕННЯ СЛІДСТВА НАД ЧЛЕНАМИ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Секретно

Его светлости кн. И. Ф. Варшавскому

30 мая 1847 г., № 893

М[илостивый] г[осударь] кн. Иван Федорович!

Вашей светлости из прежних отношений моих [168] известно о производстве исследования насчет открытого Украйно-славянского общества.

Ныне дело это кончено, и я, желая представить вашей светлости полный отчет о ходе, дальнейшем развитии и о том, в каком виде окончательно раскрылось оно, а также о подробностях решения, приемлю честь препроводить к Вам, м[илостивый] г[осударь], копии с двух всеподданейших докладов моих как о лицах и предметах, непосредственно входивших в упомянутое дело, так и вообще о славянофилах. Монаршая воля уже вполне исполнена и объявлена всем, кому надлежит.

Обязанностью считаю присовокупить, что сверх изложенного во всеподданейшем докладе моем, по высочайшему повелению, выдано высланным в разные губернии *Белозерскому, Навроцкому, Андрузскому* и *Посяде* по 200 р[уб]. сер[ебром] каждому на обмундирование и первоначальное обзаведение, жене коллежского асессора *Мазуровой,* которая прибыла в С.-Петербург с дочерью своею, невестою Костомарова,— 300 р[уб]. сер[ебром] в пособие на возвратный путь в Киев, а матери того же Костомарова и жене *Кулиша* предписано производить во все время заключения в крепости сына первой и мужа последней, до освобождения их из крепости жалование, какое Костомаров и Кулиш перед сим получали.

С отличным уважением и совер[шенною] пред[анностью] имею быть вашей светлости.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: колл[ежский] сов[етник] Константинов

Ч. I, арк. 204. Відпуск.

№ 79

1847 р. червня 9.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО НАЧАЛЬНИКА 5-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ О. А. ШНЕЛЯ [169] ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА ТА ПРО ПОСИЛЕННЯ ТАЄМНОГО ЖАНДАРМСЬКОГО НАГЛЯДУ НА УКРАЇНІ

Весьма секретно

Начальнику 5-го округа кор[пуса] жанд[армов] Шнелю

9 июня 1847 г., № 981

М[илостивый] г[осударь] Александр Андреевич!

В недавнем времени открыто, что молодые ученые люди в Киеве, почти все уроженцы Малороссии, составляли Украйно-славянское общество св. Кирилла и Мефодия. Учредителями общества были коллежский секретарь *Гулак,* адъюнкт *Костомаров* и кандидат *Белозерский,* но с ними по сходству занятий сближались и другие молодые люди, большей частью учившиеся в университете св. Владимира.

Цель общества состояла в присоединении к России иноземных славянских племен, а средствами оно полагало воодушевление славянских племен к уважению собственной их народности, изгнание из нравов их всего иноземного, уничтожение вражды и водворение согласия между ними, склонение их к исповеданию одной православной веры, заведение училищ и издание книг для простого народа.

У некоторых из участников Украйно-славянского общества были найдены не применявшиеся впрочем к обществу устав, по правилам которого в славянских племенах должно учредиться народно-представительное правление, рукопись преступного содержания, служащая как бы истолкованием тому же уставу, другая рукопись, называемая «Закон божий», или «Поднестрянка», переделанная из Мицкевичевой «Пилигримки», исполненная революционных и коммунистических правил, с возмутительными воззваниями в конце к славянским племенам, и другие преступные сочинения.

Должно еще заметить, что идеи о восстановлении в каждой земле народности, языка, собственной литературы и о соединении славянских племен в одно целое не принадлежат одним лицам, прикосновенным к упомянутому делу, но составляют предмет рассуждений многих ученых и из них занимающиеся исследованиями вообще о славянах называются славянофилами.

В Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украинофильство. Там молодые люди более заботятся о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы, казачества и гетманщины.

Прикосновенные к делу об Украйно-славянском обществе, как уроженцы Малороссии, были собственно украинофилами. Все они в письмах своих, а художник *Шевченко,* бывший учитель *Кулиш* и *Костомаров* даже в напечатанных ими сочинениях, изображая в ложном виде настоящее положение Украйны, будто бы находящейся в бедственном положении, с восторгом говорили о прежней Малороссии, придавая ей необыкновенно великое значение; историю этого края представляли едва ли не знаменитее всех историй, наезды гайдамаков описывали в виде рыцарства, приводили примеры прежней вольности, намекая, что дух свободы не простыл и доселе таится в малороссиянах. Стихотворения же Шевченки на малороссийском языке, особенно рукописные «Сон», «Послание к мертвым и живым», «Три души» и пр., одни пасквильного и до величайшей степени дерзкого, а другие прямо возмутительного содержания.

По высочайше утвержденному решению дела об Украйно-славянском обществе виновные преданы строгому наказанию, сверх того, определено:

1. Напечатанные сочинения: *Шевченки* «Кобзарь» 1840 г., *Кулиша* «Повесть об украинском народе» 1846 г., «Украйна» 1843 г. и «Михайло Чарнышенко» 1843 г., *Костомарова* под псевдонимом Иеремии *Галки* «Украинские баллады» 1839 и «Ветка» 1840 г. запретить и изъять из продажи.

2. Генерал-адъютантам Бибикову и Кокошкину сообщить, чтобы они наблюдали во вверенных им губерниях, не остались ли в обращении стихотворения Шевченки, рукопись «Закон божий» и другие возмутительные сочинения, также не питаются ли мысли о прежней вольнице, гетманщине и о мнимых правах на отдельное существование, чтобы обращали внимание на тех, которые преимущественно занимаются малороссийскими древностями, историею и литературою, и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но самым незаметным и осторожным образом, без явных преследований и сколь возможно не раздражая уроженцев Малороссии.

3. Министру народного просвещения, который уже принял меры для направления трудов ученых к рассуждениям о народности, языке и литера-

туре собственно русских, объявить еще положительное высочайшее повеление, чтобы наставники и писатели действовали в духе и видах нашего правительства, отнюдь не допуская ни на лекциях, ни в книгах и журналах никаких предположений о присоединении к России иноземных славян и вообще ни о чем, что принадлежит правительству, а не ученым, чтобы они рассуждали сколь возможно осторожнее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству, империи и изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о мнимых настоящих бедствиях и о прежнем будто бы необыкновенно счастливом положении подвластных племен, чтобы все выводы ученых и писателей клонились к возвышению не Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а Российской империи в совокупности народов ее составляющих, чтобы цензоры обращали строжайшее внимание на московские, киевские и харьковские периодические издания и на все книги, печатаемые в славянофильском духе, не допуская в них тех полутемных и двусмысленных выражений, которыми они изобилуют и которые, хотя не заключают в себе злоумышленной цели, могут однако же людей злонамеренных приводить к предположениям о самостоятельности и прежней вольнице народов, подвластных России.

Сообщив об исполнении таковой монаршей воли для исполнения всем, кому надлежало, предлагаю вашему пр[евосходительству] поручить жандармским штаб-офицерам вверенного вам округа, особенно в Малороссии, дабы они с своей стороны наблюдали, но самым осторожным н незаметным образом, без всяких преследований по вышеизложенным пунктам из решения украйно-славянского дела, донося прямо мне обо всем, что будет заслуживать внимания.

Примите увер[ения] и проч[ее] [170].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. I, арк. 205—209. Відпуск.

№ 80—83

1847 р. травня 30, червня 1, 3, 5.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВИТРАТИ 1600 крб. СРІБЛОМ, ВИДІЛЕНИХ ЗА РОЗПОРЯДЖЕННЯМ МИКОЛИ I [171]

Ч. I, арк. 210—213. Оригінали та відпуски. Не публікуються.

№ 84

1847 р. червня 3.— РАПОРТ С. О. КОКОШКІНА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОСИЛЕННЯ ЖАНДАРМСЬКОГО НАГЛЯДУ В ЧЕРНІГІВСЬКІЙ, ПОЛТАВСЬКІЙ І ХАРКІВСЬКІЙ ГУБЕРНІЯХ

Секретно

Г-ну шефу жандармов генерал-адъютанту гр. Орлову
Черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора

Рапорт

Во исполнение секретного предписания вашего сиятельства от 30 мая за № 895 [172] имею честь почтительнейше донести, что я ныне же секретно предложил начальникам высочайше вверенных мне губерний *принять к должному руководству* и исполнению измененное в помянутом предписа-

нии высочайшее повеление, последовавшее по делу об Украйио-славянском обществе, и что с моей стороны я не *упущу принять все меры бдительного наблюдения,* дабы высочайшая воля государя императора была исполнена со всею точностию.

Черниговский, полтавский и харьковский
генерал-губернатор генерал-адъютант Кокошкин

3 июня 1847 г., № 21

Помітка про одержання: 5 июня 1847

Ч. I, арк. 214. Оригінал.

№ 85

1847 р. червня 14.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВЖИТІ ЗАХОДИ ДЛЯ ПОСИЛЕННЯ ЖАНДАРМСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

14 июня 1847 г., № 65, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Объявленное в почтеннейшем отношении вашего сиятельства от 30 мая, № 894 [173] *высочайшее повеление,* последовавшее *по делу об Украйно-славянском обществе, я принял* к должному и непременному руководству и *исполнению.*

При сем долгом поставляю доложить, *что еще 17 мая я предложил* попечителю Киевского учебного округа, чтобы все просматриваемые в здешней цензуре сочинения прежде выдачи дозволения на издание их представлялись к попечителю на предварительное его усмотрение и чтобы он о всяком разрешении своем цензурному комитету доводил до моего сведения и ныне о сем повторено [174].

Доводя о сем до вашего сиятельства, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и особенной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 28 июня 1847 г.

Ч. I, арк. 215. Оригінал.

№ 86

1847 р. червня 17.— ВІДНОШЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 4-ГО КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ П. Ф. БУКСГЕВДЕНА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НАГЛЯД ЗА ВИПУСКНИКАМИ КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Секретно

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту от начальника 4 округа корпуса жандармов

17 июня 1847 г., № 519, Вильно

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Сообщив содержание предписания ко мне его сиятельства шефа жандармов № 982 [175] полковнику Белоусову и подполковнику Арандаренко к должному исполнению, вижу надобность покорнейше просить наставления вашего превосходительства: обязан ли я предписать по всему округу о наблюдении за могущими находиться во всех 9-ти губерниях уроженцами

Малороссии, воспитывавшимися в университете св. Владимира, или достаточно ограничиться прилежащими к ней Киевскою и Волынскою губ.[176]

Примите, ваше превосходительство, уверение в моем совершенном к вам почтении и преданности.

Гр. Петр Буксгевден

Резолюція Л. В. Дубельта: Не надо.

Помітка про одержання: 23 июня 1847 г.

Ч. I, арк. 216. Оригінал.

№ 87

1847 р. червня 25.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. Ф. БУКСГЕВДЕНА З РОЗПОРЯДЖЕННЯМ О. Ф. ОРЛОВА ВСТАНОВИТИ ПОЛІТИЧНИЙ НАГЛЯД ЗА ВИПУСКНИКАМИ УНІВЕРСИТЕТУ В КИЇВСЬКІЙ І ВОЛИНСЬКІЙ ГУБЕРНІЯХ

Секретно

Начальнику 4 округа к[орпу]са ж[андармо]в

25 июня 1847 г., № 1086

М[илостивый] г[осударь] гр. Петр Федорович!

Г-н генерал-адъютант гр. Орлов по докладу моему отношения вашего сиятельства от 17 июня за № 519 [177] поручил мне сообщить вам, милостивый государь, дабы вы ограничились сделанным Вами распоряжением касательно наблюдения за находящимися в Киевской и Волынской губ. уроженцами Малороссии, которые получили воспитание в университете св. Владимира, не распространяя означенного наблюдения на другие губернии, входящие в состав вверенного вам округа.

Исполняя сим поручение его сиятельства, имею честь удостоверить вас в совершенном моем почтении и преданности.

Под[писал] Л. Дубельт

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. I, арк. 217. Оригінал.

№ 88

1847 р. червня 4.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ ПРО МІСЦЕ ЗАСЛАННЯ М. І. ГУЛАКА, М. І. КОСТОМАРОВА І П. О. КУЛІША ПІСЛЯ ЗАКІНЧЕННЯ СТРОКІВ ПОКАРАННЯ В ФОРТЕЦІ

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Ваше сиятельство в отношении от 30 минувшего мая [178] о лицах, прикосновенных к Славяно-украинскому обществу, изволили, между прочим, уведомить меня, что трех из числа сих лиц — Гулака, Костомарова и Кулиша — высочайше повелено заключить на время в крепость, а потом отправить: первого — в отдаленную губернию под строжайший надзор и двух последних — на службу в Вятку и Вологду, с учреждением также строжайшего за ними надзора.

Усматривая из отношения вашего сиятельства, что означенные лица заключены уже в крепость и имея ввиду, что все дальнейшие о них распоряжения должны быть сделаны в то время, когда кончится срок содержания их в крепости, я покорнейше прошу вас, милостивый государь, приказать уведомить о том в свое время вверенное мне министерство с присовокуплением, откуда именно имеют быть отправлены сии лица в отдаленные губернии.

Пользуюсь сим случаем, чтобы удостоверить ваше сиятельство в совершенном моем почтении и преданности.

Л. Перовский

4 июня 1847 г., № 364

Помітка про одержання: 6 мая 1847 г.

Ч. I, арк. 218. Оригінал.

№ 89

1847 р. червня 7.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО З ПРИВОДУ ВІДПРАВКИ М. І. ГУЛАКА, М. І. КОСТОМАРОВА І П. О. КУЛІША НА ЗАСЛАННЯ ПІСЛЯ ЗАКІНЧЕННЯ СТРОКІВ ПОКАРАННЯ У ФОРТЕЦІ

Секретно

Его высокопрев[осходительству] Л. А. Перовскому

7 июня 1847, № 957

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 4 июня, № 364 [179] имею честь уведомить, что Гулак, Костомаров и Кулиш по окончании сроков заключения в крепости будут отправлены в назначенные для каждого из них места, по моему распоряжению, и я об этом не премину в свое время известить ваше высокопревосходительство.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: колл[ежский] сов[етник] Константинов

Ч. I, арк. 219. Відпуск.

№ 90

1847 р. червня 2.— ВІДНОШЕННЯ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВЖИТІ ЗАХОДИ ПО УЧБОВОМУ ВІДОМСТВУ ДО ЧЛЕНІВ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА І ЗАБОРОНУ ДРУКУВАТИ ЇХ ТВОРИ

Секретно

Его сият[ельству] гр. О. Ф. Орлову

2 июня 1847 г., № 749. Ответ на № 897[180]

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 30 мая за № 897 [181] я сделал надлежащие распоряжения об исключении Костомарова и Шевченки из списка чиновников Киевского учебного округа, а Андрузского и Посяду — из списка студентов университета св. Владимира с предоставлением

обоим последним окончить курс наук в Казанском университете, предписав начальству сего последнего университета иметь их в надлежащем надзоре и доставлять мне по временам донесения о них. Так как Кулиш при отправлении в путешествие для изучения славянских наречий с производством ему содержания из сумм Отделения русского языка и словесности Академии наук был уволен от должности преподавателя С.-Петербургского университета и старшего учителя 5-й С.-Петербургской гимназии, то я предписал прекратить дальнейший отпуск издержек на путешествие. Сделав по цензурному ведомству распоряжение, чтобы напечатанные сочинения Шевченки «Кобзарь», Кулиша «Повесть об украинском народе», «Украйна» и «Михайло Чарнышенко», Костомарова (под псевдонимом Иеримии Галки) «Украинские баллады» и «Ветка» не были впредь дозволяемы к перепечатанию, я дал цензорам, дозволившим напечатать упомянутые сочинения, строгий выговор и предписал цензуре вообще обращать на труды литераторов более строгое внимание. О всех этих распоряжениях имею честь уведомить ваше сиятельство.

Примите, милостивый государь уверение в совершенном моем почтении и преданности:

Гр. Уваров

Помітка про одержання: 3 июня 1847 г.

Ч. I, арк. 220. Оригінал.

№ 91

1847 р. червня, не пізніше 27.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ З ПРИВОДУ ОГОЛОШЕННЯ В «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» ПРО ПРОДАЖ ТВОРІВ Т. Г. ШЕВЧЕНКА «ЧИГИРИНСЬКИЙ КОБЗАР» І «ГАЙДАМАКИ»

В № 138 «С.-Петербургских ведомостей» [182] 21 июня напечатано объявление о продаже в лавке Лисенкова книг «Чигиринский Кобзарь» и «Гайдамаки» [183] сочинений Шевченки.

Еще 30 мая [184] сообщено было министру народного просвещения высочайшее решение по делу об Украйно-славянском обществе и в отношении именно сказано было, что гр. Уварову предоставляются, между прочим, распоряжения по 11 пункту о запрещении и изъятии из продажи «Кобзаря», сочинеиие Шевченки, и некоторых других книг.

Гр. Уваров в общем ответе об исполнении, между прочим, писал, что он сделал по цензурному ведомству распоряжение, чтобы сочинение «Кобаарь» и другие не были впредь дозволяемы к перепечатанию.

Соображение. Этот ответ, прежде не вполне понятный, теперь ясен. Гр. Уваров, дав предписание цензорам, не сделал дальнейших сношений об изъятии из продажи упомянутых книг, тогда как он должен был или отнестись об этом к кому следует, или в ответе своем прямо сказать, что это до него не касается, и тогда бы III отделение отнеслось к министру внутренних дел.

При том же таким образом редактор и цензор Очкин поместил объявление о продаже прежнего издания такой книги, которую воспрещено перепечатывать.

Резолюція: Распорядиться.

Ч. I, арк. 221—222. Оригінал.

№ 92

1847 р. червня 27.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ЗАБОРОНУ ДРУКУВАТИ І РОЗПОВСЮДЖУВАТИ ТВОРИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, П. О. КУЛІША І М. І. КОСТОМАРОВА

Секретно

Его высокопрев[осходительству] Л. А. Перовскому

27 июня 1847 г., № 1106

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

От 30 мая № 896 [185] я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству высочайше утвержденное решение по делу об Украйно-славянском обществе, 11-м пунктом которого определено: напечатанные сочинения Шевченки «Кобзарь», Кулиша «Повесть об украинском народе», «Украйна», «Михайло Чарнышенко», Костомарова «Украинские баллады» и «Ветка» запретить и изъять из продажи.

Хотя исполнение по означенному пункту я предоставлял распоряжению г-на министра народного просвещения, но усматривая, с одной стороны, что его сиятельство уведомил меня о сделанном им только по цензурному ведомству распоряжении, дабы упомянутые сочинения впредь не были перепечатываемы, а с другой, что в № 138 «С.-Петербургских академических ведомостей» помещено объявление книгопродавца Лисенкова о продаже книги «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки», сочинение Шевченки, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли приказать сделать распоряжение о запрещении и изъятии из продажи вышепоименованных сочинений; о последующем же удостоить меня уведомлением.

Примите уверение в истинном почтении и преданности [186].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. І, арк. 223—224. Відпуск.

№ 93

1847 р. липня 5.— ВІДНОШЕННЯ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВИКОНАННЯ ЗАБОРОНИ ДРУКУВАТИ І РОЗПОВСЮДЖУВАТИ ТВОРИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, П. О. КУЛІША І М. І. КОСТОМАРОВА

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

5 июля 1847 г., № 888. Ответ на № 1107

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 27 июня сего года за № 1107 [187] я вместе с сим предписал по цензурному ведомству не дозволять помещать в газетах и журналах никаких объявлений о книгах, по высочайшим повелениям воспрещаемых.

Считая обязанностью уведомить о том ваше сиятельство, имею честь присовокупить, что объявление в № 138 «С.-Петербургских ведомостей» о продаже сочинения Шевченки появилось, как и вообще объявления помещаются, независимо от цензуры министерства народного просвещения потому, что по пунктам 6 и 12-му § 23-го устава о цензуре объявления и афиши печатаются с разрешения местного полицейского начальства. Равно-

мерно изъятие книг из обращения в книжной торговле принадлежит также министерству внутренних дел, коему по § 152-му устава о цензуре подведомы книжные лавки. Я полагал, что со стороны сего министерства надлежащие меры по этому предмету приняты, потому что г-н министр внутренних дел, ссылаясь на отношение к нему вашего сиятельства, просил меня уведомить его, что со стороны высочайше вверенного мне министерства сделано в рассуждении сочинений Шевченки, Кулиша и Костомарова, и я сообщил ему о тех распоряжениях моих по этому предмету, о которых имел честь известить и ваше сиятельство 2 июня сего года за № 749[188].

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Уваров

Помітка про одержання: 7 июня 1847 г.

Ч. I, арк. 225. Оригінал.

№ 94

1847 р. липня 8.— ВІДНОШЕННЯ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЗАБОРОНУ ДРУКУВАТИ І РОЗПОВСЮДЖУВАТИ ТВОРИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, П. О. КУЛІША І М. І. КОСТОМАРОВА

Секретно

Его сият[ельству] гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 27 прошлого июня, № 1106[189] имею честь уведомить вас, милостивый государь, что получив и с своей стороны отзыв г. министра народного просвещения о сделанном им только по цензурному ведомству распоряжении о недозволении впредь перепечатывать новым изданием известных вашему сиятельству сочинений Шевченки, Кулиша и Костомарова, и тогда же, именно 19 прошлого июня, дал в дополнение к сему циркулярное всем начальникам губерний предписание о повсеместном запрещении и изъятии из продажи помянутых сочинений[190].

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Л. Перовский

8 июля 1847 г., № 506.

Помітка про одержання: 10 июля 1847 г.

Ч. I, арк 226. Оригінал.

№ 95

1847 р. червня, не раніше 19[191].— ЗАМІТКА ПРО АРЕШТИ НА УКРАЇНІ НАДРУКОВАНА В ГАЗЕТІ «ALLGEMEINE ZEITUNG»[192]

Западнопрусская граница, в конце мая.

Русские ученые и литераторы с некоторого времени стали позволять себе в австрийско-славянских провинциях, именно в Богемии, распространять славянские тенденции, для осуществления которых они, кажется, давно действуют с усердием, между тем как державный император России, политика коего всегда основана была на правилах строжайшей правоты, решительно не расположен . подобному направлению, о котором и загра-

ничные славянские племена ничего знать не хотят. Австрийское правительство открыло следы этих тайных происков и приносило о том жалобу российскому правительству, указав даже на места в Богемии, где подобные дела водятся. Там задержали известного Кулиш[а], бывшего доцентом русско-славянских языков при С.-Петербургском университете и прибывшего в населенные славянскими племенами области для усовершенствования себя в славянских наречиях. Другие соучастники, между ними и преподаватели Киевского университета, арестованы там и в малороссийских губерниях и препровождены в С.-Петербург, где до сих пор содержатся в Петропавловской крепости и подвергнуты строгому следствию как нарушители существующего порядка. Должно надеяться, что этот урок надолго удержит русских панславянистов от дальнейшего преследования своей мечты. Впрочем все это дело покрыто таким глубоким мраком, что кроме неопределенных слухов ничего нельзя узнать.

Ч. I, арк. 227—228. Переклад III відділення.

№ 96

1847 р. червня 19.— ПОВІДОМЛЕННЯ ГАЗЕТИ «ALLGEMEINE ZEITUNG» ПРО ЗАБОРОНУ МИКОЛОЮ І ПРОФЕСОРАМ УНІВЕРСИТЕТІВ ТА ІНШИМ ВЧЕНИМ ПОШИРЮВАТИ ПАНСЛАВІСТСЬКІ ІДЕЇ

С.-Петербург, 19 *июня.*

Министерство народного просвещения вследствие высочайшего повеления предписало всем профессорам российских университетов и другим ученым удаляться от всяких панславистских направлений. Они обязаны подписками ни словом, ни сочинением не [с]клоняться к этому предмету.

Ч. I, арк. 228. Переклад III відділення.

№ 97 — 102

1847 р. липня 8, 12, 17, 21.— ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯМ ЩОДО ВИТРАТ В СУМІ 793 крб. 20 коп. СРІБЛОМ ПІД ЧАС СЛІДСТВА НАД КИРИЛО-МЕФОДІІВЦЯМИ І ВИДІЛЕННЯ З НИХ 125 крб. МАТЕРІ ДОНОЩИКА О. М. ПЕТРОВА

Ч. I, арк. 229—234. Копії та оригінали. Не публікуються.

№ 103

1847 р. грудня 2.— ВІДОМОСТІ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЗАЛИШЕННЯ С. Г. СТРОГАНОВИМ ПОСАДИ ПОПЕЧИТЕЛЯ МОСКОВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ І ВИСЛОВЛЕННЯ ЙОМУ СПІВЧУТТЯ І ПОДЯКИ ВІД ВИКЛАДАЧІВ, СПІВРОБІТНИКІВ І СТУДЕНТІВ УНІВЕРСИТЕТУ

Ч. I, арк. 235. Оригінал. Не публікується.

ЧАСТИНА ДРУГА

СПРАВА М. І. ГУЛАКА

1 Экспедиціи №8[illegible]

АРХИВЪ

III-го ОТДѢЛЕНІЯ

СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ

Въ Царствѣ [illegible]

О коллежскомъ секретарѣ

Гулин[illegible]

1837 года.

№ 104

1847 р. березня, не пізніше 29.— ВИПИСКИ З ПАПЕРІВ ЗААРЕШТОВАНОГО М. І. ГУЛАКА, ЗРОБЛЕНІ У III ВІДДІЛЕННІ ДЛЯ МИКОЛИ І

Выписки из бумаг коллежского секретаря Гулака, обращающие на себя внимание.

1. Из чернового письма Гулака к издателю Сазаво-Еммаузского евангелия Ганке [1]: «Преимущественное внимание обращал я до сих пор на правомерные отношения низших сословий как в России, так и у прочих славян, именно на рабов, невольников, холопов, крестьян, подданых и проч[их] как на предмет по важности и современности своей предпочтительно пред другими заслуживающий внимательного изучения». Далее Гулак просит указать ему все книги, из коих можно заимствовать сведения по означенному предмету.

2. Письмо Кулиша к Гулаку [2]: «Еще раз решаюсь убеждать Вас переехать вместо Дерпта в Петербург. Вы это должны сделать даже для пользы своей родины, ибо не добро вам быти едину посреди немец. В Петербурге так умеют ценить всякое достоинство, что вы везде найдете себе свободную дорогу и то, что вы можете сделать здесь, никогда не будет сделано в Дерпте. Здесь между Москвою и Петербургом решаются два великие современные вопроса, а Дерпт—сбоку припека. Когда приедете сюда, то сейчас увидите, как важно и для Украины и для нас, друзей ваших, и для вас самих пребывание ваше в Петербурге. Немцы холодны к тому, от чего у нас, русских, головы трещат и сердца разрываются, и зачем же ехать в страну отвлеченных знаний вместо того, чтоб спешить принять участие в водовороте современной русской жизни? Многое, многое вы здесь узнаете, о чем писать не подобает».

3. Из письма того же Кулиша к Гулаку. Убеждая Гулака переехать в С.-Петербург, Кулиш прибавляет: «Здесь вы можете достигнуть всех своих целей еще лучше, нежели в Дерпте, а между тем можете многое сделать для литературы украинской... Во мне вы найдете здесь самого преданного вам человека и, соединивши свои силы, мы с вами приведем в исполнение многое... Еще раз говорю: подумайте. Нужно вам сказать, что Василь Михайлович может быть также сюда переедет, а в Дерпте, что вы найдете ему подобное? Не правда ли?» [3].

4. Из письма к Гулаку *Ив. Посяденка*. После уведомлений об *Андрузском, Навроцком* и *Тулубе* говорит о какой-то мысли Гулака, подобной той, какая была у Навроцкого, и, упоминая о неудовольствии против Тулуба, прибавляет: «Для избежания подобных сцен я удаляюсь на время от вашего вполне христианского общества..., но дух мой никогда не удалится от него, ибо в самой глубине души моей положена мысль никому еще неведомая, вот почему прежде, чем увидел я Костомарова, душа моя принадлежала уже обществу, коего никто из вас не знает» [4].

5. Из письма *Вас[илия] Бел[озерского]* к Гулаку: «С величайшею радостью узнал я, бесценнейший Николай Иванович, что Николай Иванович утвержден магистром, но с сожалением узнал о том, что вы не заняли его места в гимназии [5]. Тогда бы для вас обоих открылась обширнейшая сфера деятельности полезной для человечества, всякая благородная цель тогда бы легче и скорее достигалась. Но и теперь, соединенные взаимной дружбой и единством идей, вы, я думаю, так много трудитесь для общественной пользы. Ваши беседы так живы, ваши предположения так дальновидны и благородны, что я многим-многим готов бы пожертвовать, чтоб хоть во сне живо почувствовать благодетельное впечатление вашей беседы... Получаю

от Кулиша часто вопросы, на которые должен отвечать. Я получил от него 5 писем. Он старается исправить меня во многом и особенно отвлечь меня от светского общества и приучить к уединению, потом к точному выполнению своего дела... Я здесь нашел нескольких благородно мыслящих людей, которые весьма были бы полезны, если бы их не одолевал страх. Само положение их поддерживает в них весьма естественно это чувство. Но я до сих пор жалею, что должен был расстаться с одним из молодых, умных и благородно действующих людей. Он был прислан из Образцового полка, но когда я с ним познакомился, то уже оканчивался срок пребывания его в Полтаве. В несколько свиданий мы довольно сблизились. Он — сын генерала и воспитывался в пажеском корпусе; его ожидает хорошая карьера. Я слышал от него дельные мысли, высказанные со скромностью человека, который только начинает учиться, ... он обещал серьезнее заниматься в Петербурге, чем здесь, хоть и здесь даже у него была библиотека. Но я должен с горестью признаться, что это единственный человек, от которого можно ожидать, что со временем он, несмотря на разного рода искушения, переведет слова в дело [6]. Большая же часть ограничивается только словами. Я полагаю, что Пант[елеймон] Ал[ександрович] известил вас о том круге, в котором он живет и для которого он составил христианские правила» [7].

«С тех пор как я расстался с Киевом, я ни с кем не мог поговорить о милой славянщине с такими чувствами, с какими говорил у вас».

В письме того же Бел[озерского] к Гулаку говорится о каком-то Тарасе Гр[игорьевиче] как гениальном человеке, который способен угадывать потребности народа и даже целого века [8].

6. Из письма Афанасия Марковича к Гулаку: «Любовь самая горячая, какую только воображал я, да что воображал, и не воображал никогда ни в ком, к нашей любезной, к нашей плачевной родине поразила меня до глубины души. Как? Любить так, как вы любите? Не как предмет вашей жизни и занятий, безинтересно, безкорыстно, с верою и надеждою? Да кто, скажите, кто так любит или любил когда Малороссию? Я люблю сироту, но боже мой! Сколько к моей любви примешано нечистого эгоизма. На этот раз скажу что-нибудь про свою любовь, чтобы сравнением низким еще более возвысить вашу. Стыдно мне говорить, страшно вам будет услышать, но я вот что скажу: если б я почему-то ни было не имел возможности сам быть действователем, оратаем родной земли, я не ручаюсь тогда за свои чувства.

Когда говорю о сиротствующей матери нашей и плачу с кем о ней — всегда помню, что мои слезы, что мой разговор высоки и благородны. Вы понимаете, чего стоит, какой любви Родина наша; понимаете, потому что любите ее возвышеннейшею в свете любовью; в разливе своего неограниченного чувства вы надеетесь и ждете от нас больше, чем мы можем сделать для нашей Родины. Не хочу называть лиц других, а укажу только на себя, на которого вы надеетесь *як на передні воли*.

О Василии Мих[айловиче] Белозерском вы пишете так, как он заслуживает, т. е. более чем даже с почтением и любовью, с идолопоклонством! Действительно это сердце удивительное... Слава богу, избравшему его для нас путеводною звездою к Вифлеему» [9].

7. Из письма жительствующего в Елисаветграде П[етра] А[шанина] к Гулаку: «Неужели вы предполагаете меня способным мечтать соделаться когда-нибудь великим или завоевателем, или монархом? Нет, дорогой брат, таких людей, которые возвышались на высокую степень славы из ничего, было мало, и они были большею частию гении, каждый в своем роде» [10].

8. Большая тетрадь, в которой изложены отношения разных лиц и сословий в древние времена у славянских племен. Здесь обращают на себя внимание выводы его о начале крепостного состояния в России. Он говорит: «Отношения челяди к господину своему, опираясь единственно на патри-

архальности нравов, должны были вместе с упадком древней простоты совершенно измениться; из клиентов они мало-помалу сделались крепостными, а местами (например в России) совершенными рабами. Много способствовало к этому сближение славян с немцами и греками, беспрестанные распри между славянами придали не свойственную им прежде одичалость. С военнопленными начали они поступать сурово, бесчеловечно, делились ими при разделе добычи как скотом, разлучая сына от отца, жену от мужа, пересылали их целыми толпами из первобытных жилищ своих и принуждали к самым трудным земледельческим работам».

«Этим однако ж не ограничивалось варварство предков наших; гнусный торг невольниками сделался у нас всеобщим обыкновением; вся Европа, но еще более Восток наполнился славянскими рабами так, что имя славянина у всех европейских народов сделалось однозначущим со словом раба. Целые корабли, нагруженные невольниками, отправлялись вниз по Дунаю в Константинополь; о цветущем состоянии этой торговли в России свидетельствуют договоры Олега и Игоря с греками [11].

9. Тетрадь под заглавием «Рассуждение о поземельной собственности в Малороссии, писанное частным образом для какой-то особы 1778 г.» [12]. В этой тетради по случаю пожалования императрицею Екатериною II поместьев разным вельможам в Малороссии доказывает, что прежнии государи подтвердили вольность малороссиян, дарованную им еще гетьманами и польскими королями. Это тарое сочинение, но оно показывает предмет занятий Гулака.

Помітка Л. В. Дубельта: Его величество изволил читать.
29 марта 1847 г. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт.
Ч. II, арк. 1—7. Оригінал.

№ 105

1846 р. березня 8.— ЛИСТ М. І. ГУЛАКА ДО ВАЦЛАВА ГАНКИ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО СВОЮ НАУКОВУ РОБОТУ І ПРОХАННЯМ ВКАЗАТИ ДОДАТКОВІ ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ ПРАВА

Милостивий государь!

На сих днях я имел счастье получить письмо ваше от 26 декабря — 7 января посредством г-на проф. Селина [13]. Спешу вас уведомить, что деньги на путевые издержки г-на Краля высланы еще в прошлом году: разнесшийся слух о внезапной кончине вашей заставил пап[ень]ку обратиться к бродским банкирам Гад[ле]ру и Висланду с просьбою передать деньги г-ну Кра[лю] чрез пражского банкира Лешщеля. Письмо ваше рассеяло это печальное для всех, кто Вас знал, известие [14].

Начала священного языка славян [15] и издание Сазава-Эммаусского евангелия [16] вновь свидетельствуют о неутомимых, ревностных трудах ваших на избранном вами поприще. О, я уверен, что много еще прекрасных, животворных мыслей выльется из-под вашего пера, много еще славных памятников древней славянской образованности сделается чрез Вас общим достоянием [17]. В числе других и я с особенным нетерпением ожидаю появления приготовляемого вами издания древних памятников чешского права [18] Нет сомнения, что этот труд ваш, эти памятники прольют новый свет на древний юридический быт всего славянского мира. Посвятив себя изучению отечественных законов, не мог не убедиться в том, что то[ль]ко основательное изучение законов и [бы]та всех ветвей огромного славянско[го] [пле]мени доведут меня до желаемых результатов. Особенно важным показалось мне изучение чешского права. Не говорю о ежечастных сближениях, встречающихся в «Русской праеде» [19] и в законах Владислава [20] ни один славянский народ не развил с такой

самостоятельностью или, лучше сказать, с такою последовательностью и многосторонностью коренных общеславянских начал о праве.

Преимущественное внимание обращал я до сих пор на правомерные отношения низших сословий как в России, так и у прочих славян, именно на рабов, невольников, холопов, крестьян, подданных и пр[очих] как на предмет по важности и современности своей предпочтительно пред другими заслуживающий внимательного изучения [21]. Чем далее подвигаюсь, тем ощутительнее для меня кажется недостаток в источниках, в особенности западнославянских: относительно Чехии я пользовался только сочинениями Добнера [22], Мацеевского [23], законами Владислава и собранием г-на Чоппе. Обращаюсь к вам, милостивый государь, в надежде, что вы меня почтите указанием источников, на которые я должен обратить особенное внимание.

Прошу покорнейше принять уверения в чувствах искренней преданности и глубокого уважения, с которыми честь имею быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугой.

Николай Гулак

8 марта 1846 г. нов[ого] ст[иля]

Ч. II, арк. 9—10. Чернетка.
Опубл. : За сто літ.—1928.— Кн. 2.— С. 48.

№ 106

1845 р. грудня 8.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО М. І. ГУЛАКА З ПОРАДОЮ ПЕРЕЇХАТИ ПРАЦЮВАТИ В ПЕТЕРБУРГ

Милостивый государь Николай Иванович!

Я давно подумываю о том, что еще не писал к вам ни разу и откладываю, пока увижу некоторые чудеса искусств, чтоб сделать их предметом своего письма: обстоятельства петербургской моей жизни вам, вероятно, известны из писем к Василию Михайловичу. Теперь, узнавши, что вы намерены переехать в Дерпт, осмеливаюсь предупредить вас просьбою избрать своим местопребыванием вместо Дерпта Петербург. Здесь вы можете достигнуть всех своих целей еще лучше, нежели в Дерпте, а между тем можете многое сделать для литературы украинской. Подумайте об этом, и если нет каких-нибудь особенных препятствий, то приезжайте в северную столицу. Во мне вы найдете здесь самого преданного вам человека и, соединивши свои силы, мы с вами приведем в исполнение многое ... Еще раз говорю: подумайте. Нужно вам сказать, что Василь Михайлович может быть также сюда переедет, а в Дерпте что вы найдете ему подобное? Не правда ли? [24].

Из бумаг моих, остающихся в Киеве, предоставляю вам выбрать для себя и увезти в Дерпт, что вам угодно.

С глубоким уважением ваш покорнейший слуга

П. Кулиш

1845 г., дек[абря] 8, С.-Петербург

Ч. II, арк. 11 [25]. Автограф.
Опубл. За сто літ.— 1928.— Кн. 2.— С. 45, 46.

№ 107

1846 р. березня 4.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО М. І. ГУЛАКА, В ЯКОМУ ВІН ЗНОВУ РАДИТЬ ПЕРЕЇХАТИ ПРАЦЮВАТИ В ПЕТЕРБУРГ

Милостивый государь Николай Иванович!

Еще раз решаюсь убеждать вас переехать вместо Дерпта в Петербург. Вы это должны бы сделать даже для пользы своей Родины, ибо недобре вам бити едину посреди немец. В Петербурге так умеют ценить всякое достоинство,

М. І. Гулак.

что вы везде найдете себе свободную дорогу; и то, что вы можете сделать здесь, никогда не будет сделано в Дерпте[26]. Здесь между Москвою и Петербургом решаются два великих современных вопроса[27], а Дерпт — сбоку припека.

Когда приедете сюда, то сейчас увидете, как важно и для Украины и для нас, друзей ваших, и для вас самих пребывание ваше в Петербурге. Немцы холодны к тому, от чего у нас, русских, головы трещат и сердца разрываются; и зачем же ехать в страну отвлеченных знаний вместо того, чтобы спешить принять участие в водовороте современной русской жизни? Многое, многое вы здесь узнаете, о чем писать не подобает.

С истинным почтением имеет честь быть вашим покор[ным] слугою

П. Кулиш

1846 г., марта 4, С.-Петербург

Ч. II, арк. 13—14. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— 1928.— Кн. 2.— С. 48, 49.

№ 108

1846 р. квітня 4.— ЛИСТ І. Я. ПОСЯДИ ДО М. І. ГУЛАКА ПРО ВІДНОСИНИ З ІНШИМИ ЧЛЕНАМИ ТОВАРИСТВА

Николай Иванович!

Довольно странный случай, происходивший со мною вчера около 12 часов утра, заставил меня несколько призадуматься. Я намерен сообщить все это вам и как, к несчастью моему, вас вчера вечером не было дома, когда я приходил к вам, то я вздумал рассказать его письменно.

[Два] дня назад тому я приводил к вам Андрузского, о котором, думаю, вы сколько-нибудь знаете. И как [о]н в продолжении нашего к вам пути рассказывал о своих глазах, т. е., что он и в самом малолетстве был так же близорук, как и теперь, и что Караваев[28] говорил ему, что он рано или поздно ослепнет, что он уволится из университета, поедет (передаю Вам слова Андрузского) к заднепровским старцям и т. п. и все это он говорил весело, спокойно, принимая то, посему я в разговоре за него же повторил несколько из его слов, и слова мои начал уже сам Андрузский развивать все более и более и без всякого отчаяния. При том я повторил слова Андр[узского], зная довольно хорошо характер его; он сам видел, с какой целью сказал я их. Правда, не знай я Андрузского, то слова мои могли бы казаться, пожалуй, грубыми, глупыми, но как сам же Андр[узский] продолжал начатое мною, сам высказал лучше все это, то я могу подобное сказать о нек[оторых] друг[их]. Свидетельствуясь самим Андрузским, что слова мои нисколько не огорчили, да огорчить не могли, его, хотя они жестоко встревожили Пильчикова и Навроцкого, что же делать? Если бы сам Андр[узский] знал это, то от души посмеялся бы над теми впечатлениями, какие ощущали Дмитр[ий] Пав[лович][29] и Алек[сандр] Александ[рович][30]. Представьте ж себе мое положение: прихожу я вчера к Марковичу с двумя студент[ами] и едва переступил порог и успел сказать одно слово, слышу: «Ты глуп, ты не знаешь людей», в доказ[ательство] приводят слова Пильчикова. «Ты все поступки, коих, впрочем, никто и не знает (ибо ничего еще и не делал) окрасил глупостью», — это Алек[сандр] Алек[сандрович], теперь Маркович: «Ошибки исправить в тебе труднее всего. Что ты никого не слу[шаешь?]». Я не могу продолжать, а только скажу, что мысль была такая самая, как и у Навроцкого. Мне несколько стало больно, хотя в тоже время не мог от души не посмеяться. Стал расспрашивать их; куда бездна подобных эпитетов, подтверждаемых Марковичем, посыпалась из золотых уст Навроцкого? Уж, думаю себе, попал я меж двух огней. Это было сказано вследствии моих слов об Андрузском. Другое обстоятельство насчет Тулуба. Начали доказывать, что я был виновником беглости мыслей в голове Тулуба, что я будто бы отравил

в нем все прекрасные свойства, на это я мог бы много сказать, но боюсь не за себя, а за других, я в сем случае сошлюсь на вас, скажите ради бога, часто ли я рассказывал вам о Тулубе? Был ли у нас когда-либо особенный разговор о нем, где бы можно видеть было мнимую ненависть мою против Тулуба? Я о нем говорил там, где нужно было, где не только я, но и может быть лучше меня сказал бы. Это, кажется, было за стихи, но что я говорил правду, то сему никто не будет противоречить: разумеется никто из тех, кто был свидетелем сего и что я всегда о Тулубе говорил далеко менее. Сему свидетель моя совесть и совесть друг[их], знающих дело. И если я виноват против Тулуба, то это потому, что не говорил там, где следовало говорить, а все это скрывал от других, надеясь на перемену Тулуба. Пределы и время не позволяют мне сказать вам все то, что было вчера со мною, и для меня показалось довольно странным то, что я видел в словах их мысль общую, уже отразившуюся, кажется, у всех вас.

Для избежания подобных сцен *я удаляюсь на время от Вашего вполне христианского общества,* ибо одно христианство требует такой любви от ближайших, какая водворилась в сердцах в самих, *но дух мой никогда не удалится от него,* ибо в самой глубине души моей положена мысль никому еще не ведомая — вот почему прежде, чем увид[ел] я Костомарова, душа моя принадлежала уже обществу, коего никто из вас не знает. Положение мое, как видите сами, несколько смешное, но делать нечего [31]. Желаю вам провести спокойно и в добром здравии праздники, надеюсь, что вы поклонитесь родині і од мене, вона мене знає. Обнимаю вас.

Студ[ент] Ив[ан] Посяденко

Апрель 4-е

Книги я хотел было прислать вам, но вам если теперь некогда, то я сам отнесу их Костомарову.

Ч. II., арк. 15—16. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— 1928.— Кн 2.— С. 50, 51.

№ 109

1846 р.— ЛИСТ ПОРУЧИКА НОВОАРХАНГЕЛЬСЬКОГО УЛАНСЬКОГО ПОЛКУ П. Л. АШАНІНА ДО М. І. ГУЛАКА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗАНЯТТЯ МАТЕМАТИКОЮ ТА ОТОЧЕННЯ В ЄЛИСАВЕТГРАДІ

Любезнейший брат, Николай Иванович!

Минуя все извинения, все прелюдии писем, приличны одним только женщинам, я буду прямо отвечать вам на полученное мною письмо. Как бы то ни было, но если мы начали переписку, которая не только мне приятна, но скажу и полезна, то мне остается только просить вас не прекращать ее.

Приведенное вами мнение Казанова я нахожу справедливым, тем более, что все им сказанное часто подтверждается опытом. Но позвольте вам заметить: неужели вы предполагаете меня способным мечтать соделаться когда-нибудь великим или завоевателем, или монархом? Нет, дорогой брат. Таких людей, которые возвышались на высокую степень славы из ничего, было мало, и они были большею частью гении, каждый в своем роде; были со способностями и умом, высшим, были, наконец, счастливцы от природы; и мне с ними ровняться, скажите, не смешно ли? Конечно, я скажу, что во всем, к чему мы ни стремимся, оптический обман необходим. Если солдат мечтает быть генералом — прекрасно; он не будет им никогда, но однажды, построив в своей голове такие воздушные замки, он покажет более рвение к службе: этим поддерживаются его силы, его здоровье — моральное и даже физическое. Такой обман, если хотите сравнение, — есть конек, пружина всех действий человека, душа жизни гражданской и всего света. Отнимите его у человека, что с ним будет? Но между тем каждому мыслящему человеку дана способность предугадывать свое будущее более

или менее, хотя бы даже и по теории вероятия, разбираемой в математике. И если разложить по этой теории мои планы и все то, что может способствовать к их осуществлению, если строго и беспристрастно переложить все это в численные величины и привести к формуле, то к сожалению и прискорбию великому скажу вам: результат выйдет неутешительный. Впрочем, я не хочу быть простаком, тем более для себя. В этом случае гораздо лучше закурить трубку и сказать подобно турку или нашему малороссу: что будет, то будет, и будет то, что бог даст [32]. Что написано в книге судеб, то и будет. Бог велик и милосерден. Аминь.

Итак, закурите трубку, подожмите ноги по-турецки, если хотите, и будем беседовать дальше, если хотите читать мое маранье. Я вам расскажу мое мнение про курс Франкера, так как Вы у меня спрашиваете. Всякий, кто хочет истинно заниматься математикой и познать ее по хорошим началам, должен быть благодарен Франкеру за его труд, потому что другого курса, более ясного, более отчетливого, мы, по крайней мере в России, не имеем. Как наука, основанная на здравом смысле, на чистейшей логике, она у Франкера превосходна. Но учиться по ней тому, кто математикой еще не занимался, тому, кто не привык подвергать все строгому обсуживанию, одним словом, новичку в науках и в свете — невозможно. Тут необходим наставник. Все теории он выводит прекрасно и быстро, представляет опять, повторяет математику как науку мышления и здравого смысла. Но его курс можно назвать более энциклопедическим, нежели ученым: о многом он совершенно не упоминает, иногда же так кратко, что нужно все-таки или самому добиваться или справиться с другими курсами.

Я завидую вам, что едете в Одессу, это уголок Петербурга; мне жаль, что я, бывши так близко около Одессы, не мог его видеть прежде Петербурга. Что касается до меня, то я живу по-прежнему в Елисаветграде, занимаюсь много, редко выхожу с квартиры. Недавно мы здесь веселились, в казенном саду б[ыло] гулянье, фейерверки и танцы. Много было девиц и дам. Нужно вам заметить, что в здешних сторонах есть много красавиц, если и не в полном значении этого слова, но все-таки больше числом, нежели у нас в Малороссии. Приезжайте посмотреть Елисаветград — это хоть и маленький городок, но все-таки лучше гораздо наших уездных. Кто живет здесь постоянно, то может даже весело проводить время. Я познакомился почти со всеми здешними жителями, т. е. с лицами служащими, потому что здесь немного не служащих, но мои занятия не позволяют продолжать знакомства. Странное назначение в нынешнем веке принимает на себя человек — весь свой век учиться. Известный наш Граббе [33], которому жизнь представляет столько разнообразных картин и перемен счастья, теперь по проискам приближенных ко двору удален от командования и живет в Киеве; я слышал, что он постоянно ездит в университет слушать лекции, дома же занимается химией и механикой. Вот человек, которого уже по этому одному нельзя не уважать. Он написал, говорят, записки всех своих походов кавказских и после 12-го года. Говорят, что он также красноречив на бумаге, как и на словах. Он — бывший адъютант в Бурнадота в 13-м году, поэтому можно судить, что его и прежде знали как умного человека. Но, смотря на его жизнь, на его заслуги, невольно задумаешься и спросишь самого себя: что же со мною будет, если такие люди остаются у нас в неизвестности и в бездействии? Неужели все, чего мы добьемся своими трудами, своими знаниями и ревностью, должно погибнуть и обратиться в ничто чрез происки других?

Прощайте, любезнейший брат, желаю вам веселиться в Одессе, а я надеюсь скоро вас видеть и остаюсь всегда любящий Вас брат.

П. Ашанин

Ч. II, арк. 17—18. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— 1928.— Кн. 2.— С. 83, 84.

№ 110

1846 р. вересня 14 — жовтня 1.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО М. І. ГУЛАКА, В ЯКОМУ ВІН РОЗПОВІДАЄ ПРО ЖИТТЯ В ПОЛТАВІ, ПРО НАМІР ОРГАНІЗУВАТИ ШКОЛУ ДЛЯ КОЗАЦЬКИХ ДІТЕЙ ТА ПОЇЗДКУ ЗА КОРДОН

Начато 14 сентября, а окончено 1 октября 1846 г., Полтава

С величайшею радостью узнал я, бесценнейший Николай Иванович, что Николай Иванович [Костомаров] утвержден магистром, но с сожалением узнал о том, что не вы заняли его место в гимназии. Тогда бы для вас обоих открылась обширнейшая сфера деятельности, полезной для человечества, всякая благородная цель тогда бы легче и скорее достигалась. Но и теперь соединенные взаимною дружбою и единством идей вы, я думаю так много трудитесь для общественной пользы: ваши беседы так живы, ваши предположения так дальновидны и благородны, что я многим-многим готов бы пожертвовать, чтобы хоть во сне живо почувствовать благодетельное впечатление вашей беседы. Я ожидаю ваших писем с величайшим нетерпением; мне кажется, что я, бог знает, когда вас видел.

Вы, я думаю, посещаете лекции Н[иколая] И[вановича Костомарова], прошу вас написать мне об них.

По расчету вероятностей вам давно бы пора известить меня о себе, мой добрейший Николай Иван[ович], вы знаете, как интересует меня все, что вас касается, я же очень занят, да к тому же получаю от Кулиша часто вопросы, на которые должен отвечать. Я получил от него 5 писем. Он старается исправить меня во многом и особенно отвлечь меня от светского общества, приучить к уединению, потом к точному выполнению своего дела [34]. К счастью в Полтаве я не заслуживаю упрека, веду жизнь уединенную, посещаю немногих и стараюсь, чтобы моя беседа имела содержание.

Я здесь нашел нескольких благородно мыслящих людей, которые весьма были бы полезны, если бы их не одолевал страх. Само положение их поддерживает в них весьма естественно это чувство. Но я до сих пор жалею, что должен был расстаться с одним из молодых умных и благородно действующих людей [35]. Он был прислан из Образцового полка, но когда я с ним познакомился, то уже оканчивался срок пребывания его в Полтаве. В несколько свиданий мы довольно сблизились. Он — сын генерала и воспитывался в пажеском корпусе; его ожидает хорошая карьера. Я слышал от него дельные мысли, высказанные со скромностью человека, который только начинает учиться. Он был у меня перед выездом и мы прощались так, как будто непременно когда-нибудь увидимся и доскажем то, что не высказали вполне. Он обещал серьезнее заниматься в Петербурге, чем здесь, хоть и здесь даже у него была библиотека. Но я должен с горестью признаться, что это единственный человек, от которого можно ожидать, что со временем он, несмотря на разного рода искушения, переведет слова в дело. Большая же часть ограничивается только словами.

Я полагаю, что Пант[елеймон] Ал[ександрович Кулиш] известил вас (если нет, напишите: я напишу к Вам об этом подробно) о том круге, в котором он живет и для которого он составил християнские правила [36]. На другой день по получении этого радостного известия был у меня один учитель немецкого языка, который окончил курс в Кенигсбергском университете по богословскому факультету. Я начал говорить о том, почему здешнее общество живет безо всякой деятельности, почему оно не назначит для себя какой-нибудь благодетельной и удобоисполнимой цели. Он начал рассказывать о Пруссии, и разговор перешел на заведение школ. Результатом наших разговоров было следующее: мы решили, что можно будет нам, употребив со своей стороны труды

и часть денег, завести на складочные деньги школу для мальчиков казацкого состояния и для свободных землепашцев, школу, которая имела бы своей целью воспитывать детей, которые должны были бы возвратиться опять в земледельческий круг, из которого взяты, но с более ясными познаниями о своих обязанностях, о своих пользах и потребностях земледельческой жизни.

Поэтому их обучали бы закону божию, счислению, ремеслам, которые наиболее пригодны в быту земледельцев; им были бы преподаны необходимейшие познания о явлениях природы, соприкосновенные с земледельческим бытом; объяснение законов растительных с присовокуплением свойств тех произведений земли, которые имеют значение в земледельческой жизни, и проч[ие] и проч[ие]. Таких заведений, предназначенных для воспитания земледельцев, у нас еще нет. Школа, которую мы в состоянии завести, была бы сначала, разумеется, небольшой; но если бы на опыте увидели пользу, то с увеличением средств она могла бы распространиться. Я серьезно взялся за это дело: написал программу с тем, чтобы представить ее начальству, без кот[орого] это не могло бы состояться. Получив позволение, можно было бы заняться собранием подаяний. Но что-то рассудительные немцы, увидя, что я серьезно берусь за это дело, начали уже размышлять, какую пользу принесет такое заведение и потом заключили тем, что нужно наперед иметь сумму. Каким же образом собирать сумму, когда мы не знаем, будет ли позволение. К несчастию, что без немцев нельзя обойтись и я увидел, что они хороши только на слова да рассуждения, а когда доходит до дела, то они находят препятствия, кот[орые], к несчастию, я не мог уничтожить. При письме к Ник[олаю] Ив[ановичу] я пришлю и свою программу, кот[орая] спит теперь спокойно и невозмутимо в моем портфеле[37]. Я поговорю со временем об этом предмете подробнее.

Я не могу жаловаться на свою службу, меня, слава богу, полюбили и довольны мною; мне никто не мешает, но только труда много на первый год, а на второй я буду, кажется, недолго или к вам в Киев, или что скорее — за границу, собрав денег, которых стало бы на год. А их положено мне много: 2000 р[уб]. асс[игнациями] весьма довольно, а это можно найти. Эта мысль меня не покидает, и я с успехом учусь и говорю по-немецки с превосходным Риккером, с кот[орым] мы квартируем.

Но диссертация меня мучает. Я так имею мало времени, кот[орым] мог бы располагать свободно, что до сих пор почти ничего не сделал положительного. А между тем мне не высылают из Москвы сербских песен и я собираю на свою головоньку гнев добрейшего Ник[олая] Ив[ановича].

Но я надеюсь, что он будет ко мне снисходителен. Я до сих пор не кончил Slawy Dcery[38], но скоро надеюсь выслать. Я (быть может сегодня) познакомлюсь с одним музыкантом Jedlyčka[39]. Вы угадываете, какому племени он принадлежит. Он превосходно играет на фортепьяно, поет чешские песни и любит сильно Родину. К тому он знаком еще с Шафариком, Ганкой и другими милыми сердцу. Это клад для меня. Я недавно читал в «Москвитянине»[40] статью «Славянские новости», которая своими простыми известиями чрезвычайно меня воспламенила. С тех пор как я расстался с Киевом, я ни с кем не мог поговорить о милой Славянщине с такими чувствами, с каким говорил у вас. На праздник непременно поеду в Харьков, думаю — и в Екатеринослав.

Я мало имею знакомств; кроме семейства Олив, Цимермана да нескольких корпусных — никого.

Я весьма уважаю Скалона[41] за его доброту, ум благородный и нехитростный; я желал бы очень сблизиться, но, поверите ли, не выберу вечера, чтобы пойти к нему.

Что вы теперь читаете? Какие мысли занимают вас теперь? Несмотря на то, что я ни на что, кажется, не могу жаловаться, но мне часто бывает очень тягостно, я очень за вами скучаю. Чтение, занятия не заполняют сердца. Из газет я имею возможность читать «Инвалид»[42] и «Северн[ую] пчелу»[43], из ко-

т[орых] довольно можно знакомиться с настоящим состоянием Европы. Вы тоже, верно, читаете газеты и восхищались манчестерским праздником, данным Пилю [44]. Я не знаю торжества, прекраснее этого праздника. Во многолюдном торговом городе все лавки заперты, все граждане в радости: они торжествуют и благодарят отсутствующего. По улицам развивается знамя, на котором написаны драгоценные слова: «Роберту Пилю — *другу бедных людей*». На моем столе чрезвычайно разнообразные книги: Мишю [45] Les Français peints par eux-mêmes, География России, Allemagne par le Bas [46], «История» Лоренца [47], Bücher [48] и дорогое сочинение «*Физиогномика*» Лафатера [49]. Я недавно прочел отрывок превосходный из его дневника и м[еня] весьма занимает его прекрасное сочинение. Но что наиболее для мня драгоценное — это Slavy Dcera, Cpncke, русские, словацкие и моравские [50], вот о чем я сладко думаю, мечтаю; с удовольствием я читаю также сочинение Ейхгофе [51], найденное мною в нашей библиотеке: Histoire de la langue er de la Littérature des Slawes. «В«Москвитянине» сказано, что статья «Le Monde graeco — Slave» в книжке за месяц август 1845 в «Revue de deux Mondes» [52]. Нельзя ли как-нибудь добрейший Ник[олай] Ив[анович], сообщить мне, что найдете полезным при посредстве Алекс[андра] Александровича [53].

Прошу от меня поклониться всем, кто меня помнит. Прошу вас усерднейше писать ко мне: для меня будут весьма дороги ваши письма, не вините меня в том, что не писал долго: ей, ей, не успеваю. Впрочем половина этого письма написана недели за две, и вечно что-нибудь помешает окончить вовремя.

Помните преданного вам всею душей и любящего вас

Василия Бел[озерского]

Мой адрес: В[асилий] М[ихайлович] Б[елозерский] — преподаватель Петровского корпуса [54]. В доме архитектора Рыбина, возле корпуса в Полтаве.

Известите меня обо всех и обо всем подробно.

Николаю Ивановичу передайте мой глубокий и искренний поклон, и да простит он мне то, что я откладываю письмо свое к нему до следующей почты.

Мысленно вас обнимаю. Прошу извинить меня перед Селиным [55] в том, что я, может быть, долго задерживаю его книги, поклонитесь, если можно, ему и Костырю [56].

Известите меня подробно о Тарасе Григ[орьевиче], где он теперь, чем занят? Дмитрий Павлович свидетельствует всем вам свое почтение, он давно желает писать к вам. Он, слава богу, здоров.

Ч. II. арк. 19—22. Автограф.

Опубл.: За сто літ.— 1928.— Кн. 2.— С. 59—61.

№ 111

1846 р. лютого 15.— ЛИСТ О. В. МАРКОВИЧА ДО М. І. ГУЛАКА З ВИСЛОВЛЕННЯМ ЙОГО ЩИРОЇ ЛЮБОВІ ДО БАТЬКІВЩИНИ ТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЕТНОГРАФІЧНІ ПОШУКИ

Переяслав, [18]46 г. февр[аля] 15

Добрейший Николай Иванович

Сейчас после вашего отъезда я распечатал ваше письмо! Какое очарование! Вас видеть лицом к лицу, слышать голос ваш и потом, как в глазах еще не померк ваш образ, а в сердце продолжал слышаться голос, читаю ваше длинное, чудесное послание! Стало очень досадно на себя, от чего в письмах моих к вам так мало содержалось материи и так разлито много было слов. Право, все письмо ваше до конца от на[чала] так полно и совершенно овладело моей мыслью, что я могу верить всему в нем написанному: столько натуральности в развитии чувств, под влиянием которых вы находились, пиша мне! Я читал

историю вашей души за 2 месяца: чем же мне благодарить вас за доверие, за слова и буквы, которых, право, я не стою и которыми так снисходительно вы меня удостоили? Любовь самая горячая, какую только воображал я, да что воображал и не воображал никогда ни в ком к нашей любезной, к нашей плачевной родине, поразила меня до глубины души. Как? Любить так, как вы любите? Не как предмет вашей жизни и занятий, безинтересно, бескорыстно, с верою и надеждою?

Да кто, скажите, кто так любит или любил когда-нибудь Малороссию? Я люблю сироту, но, боже мой, сколько к моей любви примешано нечистого эгоизма. На этот раз скажу что-нибудь про свою любовь, чтобы сравнением низким еще более возвысить вашу. Стыдно мне говорить, страшно вам будет услышать, но я вот что скажу: если б я почему бы то ни было не имел возможности сам быть действителем, оратаем родной почвы, я не ручаюсь тогда за свои чувства! Уверяю вас, клянусь своим непостоянством, что говорю правду! Когда я за[пи]сываю, я всегда имею ввиду людей, которым мои строки доставят удовольствие и восторг. Я никогда не забываю, что за[пи]сываемое принадлежит мне по труду и наблюдательности. Когда говорю о сиротствующей матери нашей и плачу с кем о ней,— всегда помню, что мои слезы, что мой разговор — высоки и благородны; помню всегда, что в счастливые минуты вдохновенного чувства моего я приобретаю что-нибудь для своего сердца и ума, для доброго расположения ко мне людей. Да избавит меня господь от самолюбия, на мне тяготеющего!

Ох, гнусное, чудовищное самолюбие.

Вам понятно будет, что я хочу сказать, *на що жалкую,* потому что Вы понимаете, чего стоит, какой любви Родина наша; понимаете ж потому, что любите ее возвышеннейшею в свете любовью в разливе своего неограниченного чувства. Вы надеетесь и ждете от нас больше, чем мы можем сделать для нашей Родины. Не хочу называть лиц других, а укажу только на себя, на которого вы надеетесь *як на передні воли.*

За все мои грехи я еще терпим господом, конечно, оттого, что он вечен. Мы только нетерпеливы, нам надо поскорей выигрывать время, наказывая и награждая. Он один не ограничен временем, не принуждается им, он один торопится своими определениями. Если вам нравится эта мысль высокая — поблагодарите за нее св. Августину.

Я говорил: бог милостив еще ко мне. В докторе моем Козловицком я нашел необыкновенно простую и сострадательную душу: они мне с богом помогут — верю и надеюсь. А знаете сами, как мне здоровье необходимо при моей мнительности, при моей энергии. Дай бог! Помолитесь вы за меня когда-нибудь; молитвы таких чистых и светлых душ, как ваша, верней достигнут верховной чистоты, высочайшего света. В сестрах своих нашел я великое преимущество над женщинами, каких знал, встречался и сближался с ними до сих пор. В них грациознейшая игра чувств строго благородных со впечатлениями легкими, иногда обманчивыми. Чтобы вам не вдаться в ложную веру моему чувству увлекательному, судите о них по факту перед вашими глазами совершившемуся: Тони наша не говорила вам ничего, если думаете, что от болезни, то я скажу, что у нее нога болела, а не язык говорящий; если вам замечу, что она *весьма* не глупа, то *вы мне* поверите, она также хорошо очень воспитана. Так вот же истинный подарок вам, душе вашей правдивой. Сестре очень много стоит усилия заговорить с незнакомыми людьми, все ей кажется, что она в таком случае лицемерит и лжет. Пусть это крайность, но согласитесь, много должно быть истины в том человеке, который так мыслью впал немножко в крайность. Не распространяюсь о сестрах более по пословице: *сдастся возок на другой разок...* Какую же благодать, вы спрашиваете, нашел я в близости к столь, допустим, и превосходным женщинам? Что я не так буду падок на других женщин, что я стану более дорожить сердцем, что словом буду раз-

борчивей в отношении к *слабому полу* вообще, но сильному очень над вашим покорным слугою. *Не дай серцю потолю, бо й сам підеш в неволю* — начитал я в своем сборнике. И много-много еще есть такого, за что мне должно благодарить бога! За вас также! Недаром учит наша пословица: *не купуй хати, а купи сусіда*[57].

По сравнению с историей греческой образованности, конечно, теория Тернавского[58] верна, но мне позволите думать, что Геродот лучше знал греческий язык, нежели знает Костомаров язык малороссийский. Я греческого не знаю, зато малороссийский чувствую как-то и могу судить несколько о писателях на нем, на нашем языке. Костомаров гоняется за простотой, а ловит грубость и безвкусие: прислушайтесь к простоте языка натуральной в стихах Шевченка и тогда не сердитесь, пожалуйста, читая Костомарова; и не столько благородства недостает слогу Костомарова, сколько вкуса: неприятное для слуха стечение в малороссийском языке деепричастий служит Костомарову и облегчением версификации и вместе тонами для звукоподражаний; и ищите теперь музыки и гармонии, в особенности ищите ее у Кулиша, и тогда удержите негодование ваше на музыку в слоге Костомарова: у того гармонически мерная музыка как походка его, которую и теперь живо вспоминаю, у Костомарова нет в походке такта, нет и в слоге его малороссийском, Кулиш сыплет слова в чудных периодах и тоны его языка невольно мне напоминают звонкий стук каменьев в быстром ручье. Кулишу писать историю, как вы себе хотите. И если на Костомарова можете действовать сколько-нибудь, не ободряйте его в этой мысли, а пишите об ней Кулишу, за которого я ручаюсь, что голос ваш им услышан будет. Я прежде думал дело отнести на руки Белозерского, но мы ничего еще не знаем о его дарованиях к истории, хоть целомудренная и прекрасная простота языка у него сохранилась бы также, как и у Кулиша, [если] еще не больше. О брате моем Василе вы говорите так много, что он решился благодарить вас письмом, надеюсь, Вы не обидете его, не захотите оставить его без ответа. Здесь кстати провесть маленькую параллель между им и мной, чтобы вы могли судить, до какой степени можете угадывать людей. Ваш лестный отзыв о нас обоих, я сказал бы, справедлив, если б он не был так лестен, но Василий неуступчивее, решительней и предприимчивее меня; оба мы непостоянны, и брат смеется иногда над тем, над чем я не смеюсь, хотя нельзя сказать, напротив, чтобы я, над чем он не смеется, смеялся... Брат находчивее меня и деятельнее и еще бы можно наговорить разных разностей об нас обоих, но, во-первых, времени не имею или говоря пословицей (я все режу пословицами) *так багато діла, що аж голова боліла;* во-вторых, *хто мовчить, той двох навчить, а хто говорить, той договориться;* в третьих, *хто хоче скокоче, а хто куткудаче;* в-четвертых; *хто п'є, тому наливайте, а хто не п'е, тому не давайте.* Впрочем скажу не то еще: у брата больше характера и самостоятельности, чем у меня.

О Василии Мих[айловиче] Белозерском вы пишете так, как он заслуживает, то есть более, чем даже с почтением и любовью — с идолопоклонством. Действительно, это сердце удивительное. Ангельский мир в душе, усладительный разговор — пылкий, любвеобильный, умный; образ жизни чистый и правильный в высокой степени, поэтическое увлечение действительностью строго практическою[59], расторопностью и непрерывною и над этим всем — пламенная любовь к Христу Сколько в нем соединилось всего доброго: без благодати Христовой чрез св[ятого] духа не сохранилась бы так прекрасно эта личность. Он для нашего кружка то, что хлор в спертом и тленном воздухе, в котором однако же люди живут, ибо в нем всегда, хоть малою долей, кислород пребывает. Вот что для нас Вася. Слава богу, избравшему его для нас путевой звездой к Вифлеему...

Жаль только, что наш ангелоподобный Вася задумал себе много в одно и то же время планов. Меньше всего я могу упрекать его в этом, но кто столь-

ко желает ему успехов, плодов созрелых и дела, как не я, наученный им же стремиться к целям высоким мимо всего задерживающего трудные пути нашего развития; кто научил меня жить тихо, честно, вести себя благоразумно, держаться хорошо? Вас[илий] Мих[айлович] Белозерский. Вот мне и можно говорить про него все, что прийдет в голову — никто не подумает, что я восстаю из недоброжелательства: надо быть ч[ерт] знает как неблагодарным, чтоб ему зло желать.

Козловицкий с удовольствием вспоминает старшую сестрицу Александра Александровича [60]. Э! *В тім-то все лихо встае.* В последнее свидание Саша мне показался довольно некрасивым; доктор заметил тоже, но сестрицу Александра Алекс[андровича] находит весьма красивою и милою. Он хорошо помнит, что ее зовут Анютой, помнит дом почтенного Ивана Ивановича [61] в стиле готическом, пруд к саду; и все это живо в его воображении, все это он старается в памяти удерживать как на земле своих пациентов. Козловицкий о вашей сестрице, Николай Иванович, восьмилетней говорит как о восьмом чуде. Дай бог, чтобы здорово было это милое создание: мне вчуже приятно было слышать, что говорил о ее дарованиях доктор. Он кланяется вам и всему семейству вашему.

Хотелось написать вам что-нибудь о моих пословицах, да устал уже сам и боюсь утомить вас продолжением письма.

Преданный вам

Афанасий Маркович

(P. S.) В моем письме столько многоглагольства, что и Саша должен им удовольниться. Совсем другое, впрочем, следует мне писать к нему, но я откладываю свою тяжбу до нашего свидания в Киеве. Тяжба о стихе «Жизнью пользуйся живущий». Саша понимает его или как язычник-грек, или как лихой кавалерист с усами — ухарь, что называется.

Ч. II, арк. 23—25. Автограф.

Опубл.: Киевская старина.— 1906.— Кн. 2.— С. 144—147.

№ 112

1846 р. березня 19 (31).— ЛИСТ ВАЦЛАВА ГАНКИ ДО М. І. ГУЛАКА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ДЖЕРЕЛ ПО ІСТОРІЇ ПРАВА

Милостивый государь Николай Иванович!

Препровождая к вам, по поручению вашего батюшки, учителя музыки г-на Краля, прошу его далее препроводить, а от меня принять прилагаемую при сем книгу чешского древнего права. В таких томах намеревал[ся] я издать и другие памятники нашего права, но г-ну Палацкому [62], запершему перед мною nervum rerum gerendarum [63], захотелось их издавать в своем, на иждивении чешских дворян выходящем, архиве. Нечего было делать, и чтоб не начинать ему снова работы, то я отдал ему приготовленные к печати тетради. Архив этот вы можете видеть у Николая Дмитриевича Иванишева [64] и г-на барона Шодуара, которым покорнейше прошу засвидетельствовать мое почтение. Рассуждения Кунша из Требовель, написанные в XIV веке, в которых защищаются правомерные отношения наших посе[лений] против утеснительных нововведений немецких, на которых настоял пражский каноник Ранков де Эрицино. Шесть лет тому назад я послал копию сего рассуждения с подлинной Венской библиотеки к г-ну Мацеевскому в Варшаве и она на несчастье пропала в дороге. У нас еще много таких древностей по архивам, но времени и иждивения нет их издать в свет.

Прошу сохранить меня в памяти и имею честь быть с совершенным почтением предданейший вам

Вячеслав Ганка [65]

Прага, 19(31) марта [1846 г.]

Ч. II, арк. 26[66]. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— 1928, кн. 2.— С. 50.

№ 113

1847 р. березня, не пізніше 29.— ПЕРЕЛІК ЛИСТІВ ТА ПАПЕРІВ, ВИЛУЧЕНИХ У М. І. ГУЛАКА ПІД ЧАС АРЕШТУ

Бумаги, принадлежащие коллежскому секретарю Гулаку

1.	Письмо Гулака от 8 марта 1846 г.[67]	2 листа
2.	» с неразб[орчивой] подписью к Н. И. Гулаку 4 [марта] [68]	2 »
3.	» П. Кулиша к Гулаку 8 декабря 1845 г.[69]	2 »
4.	» без даты и подписи [70]	2 »
5.	» В. Белозерского Н. И. Гулаку 14 сентября — 1 октября 1846 г. [71]	4 »
6.	» его же Н. И. Гулаку 1 мая 1846 г.[72]	2 »
7.	» Аф. Марковича Н. И. Гулаку 15 февраля 1846 г. [73]	3 »
8.	» без даты с неразб[орчивой] подписью [74]	2 »
9.	Тетрадь «Отношения между мужем и женою» [75]	56 »
10.	Рассуждение о поземельной собственности в Малороссии, писанное частным образом для какой-то особы 1778 г.[76]	7 »
11.	Письмо от 19 (31) марта 1846 г.[77]	2 »
12.	Тетрадка в конверте без даты «О сотворении мира» [78]	12 »

Ч. II, арк. 29. Оригінал.

№ 114

1846 р. травня 1.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО М. І. ГУЛАКА З ВИСЛОВЛЕННЯМ ЖАЛЮ ЗА ПРОПУЩЕНУ НИМ ЗУСТРІЧ ЧЛЕНІВ ТОВАРИСТВА ТА ЗАХОПЛЕННЯ ТВОРАМИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Любезнейший и добрейший Николай Иванович!

Ваши известия чрезвычайно меня порадовали, но вместе заставили и весьма-весьма сожалеть, что я не имел счастья быть при нашем общем торжестве. Вчера был у меня Иван Як[овлевич] П[осяденко] и сказал, что Ш[евченко] написал новую поэму «Иоанн Гусс» [79]. Я поневоле приятно позадумался над тем, какого гениального человека мы имеем в Тарасе Гр[игорьевиче], ибо только гений посредством одного глубокого чувства, способен угадывать потребности народа и даже целого века, к чему не приведут никакая наука, ни знания, без огня поэтического и вместе религиозного. Как бы я желал, чтобы перевод псалмов [80] заключал в себе и свидетельство истинно благого настроения души нашего Кобзаря! Тогда бы новый неиссякаемый ключ жизни освежил нашу словесность и утвердил бы ее на верных основаниях.

Благодарю вас, милый наш Николай Ив[анович], за эти чрезвычайно отрадные вести: мне не совестно было их выслушивать потому, что с первою возмож-

Перша сторінка листа В. М. Білозерського до М. І. Гулака від 1 травня 1840 р.

ностию я начал выполнять свое обещание. Благое дело составляет для меня особенную отраду.

Завтра мне следует быть потому, что 2-го мая экзамен назначен для 2-го курса, а я буду держать вместе с 4-м, что настанет 3-го мая. Тогда вы увидете меня, но не совсем свежего, хоть довольно здорового.

Поклонитесь от меня все близким да и пану Тарасу [Шевченко], коли прийдется. Мене з ним познакомив Куліш позаторішніх контрактів [81].

Сердечно вам преданный Васнлнй Белозерский

1-го мая 1846 г., К[иев]

Ч. 11, арк. 30—31. Автограф.
Опубл.: За сто літ.— 1928.— Кн. 2.— С. 52.

№ 115

1846 р.— НАУКОВА ПРАЦЯ М. І. ГУЛАКА «ЮРИДИЧНИЙ ПОБУТ ПОМОРСЬКИХ СЛОВ'ЯН» [82], ВИЛУЧЕНА ПРИ АРЕШТІ 18 БЕРЕЗНЯ 1847 р.

I. Отношения между мужем и женою

Поморяне являются у жизнеописателей [83] Оттона [84] народом, достигшим до высокой степени гражданского развития: им известно *письмо*, они имеют свою *монету, зодчество* и *живопись* [85], достигли у них до некоторой утонченности, торговля обширная и пр[очее] [86].

Положение женщин также свидетельствует об их образованности и кротости их нравов. Многоженство не было им известно, оно вообще не в духе славянских обычаев, и мы не встречаем многоженства ни у одного слав[янского] народа. Отто[н] говорит, правда: «Fidem uni thoro non servastis qui voluistis plures habuistis uxores» (p[agina] 397) [87], однако же видно из другого места, что Оттон смешал здесь многоженство с обычаем иметь по нескольку наложниц, кроме законной жены. Кн. Вратислав отрекается от 24 наложниц, которых он держал сверх законной жены (р. 398 в), которая одна носит титул княжны (Ducissa) [88] и именно называется законной его супругой (р. 398а).

Вероятно, поморяне знали разводы, как русские и сербы и пр[очие] славяне, поэтому иностранец мог легко [навести себя] на мысль о многоженстве. Женщина является у поморян, как и у всех славян, совершенно свободною, ничем не ограниченнее мужчины. Славяне не питали к женщинам чувств столь почтительных и романтических как германцы, зато они не почитали нужным держать их в вечной опеке. У русских, чехов женщины лично вели тяжебные дела; известно обыкновение псковитянок совершать судебные поединки [90], у чехов [91] сестре старшей по праву принадлежит опека над меньшими братьями (см. Выград. V. 37), р. 238 inf[erior] [92] исключительно пред дальнейшими родственниками мужского рода. У поморян женщина не только разделяет все труды мужчин, напр[имер], сама жнет на поле (р. 399а, 418а), но сама правит имуществом и домом своим. Жизнеоп[исание] Оттона говорит: стр. 399 о женщине, имеющей множество челяди и проворно управляющей хозяйством своим, муж ее был некогда один из самых зажиточных обывателей, имел до 30 лошадей, и это богатство перешло, как видно из слов Зигфрида [93], на его жену; детей у них не было, как у прочих сл[авян] [Hütung gütergemeinschaft] [94], т. е. общность имущества супругов не лежит в слав[янских] понятиях. У всех слав[янских] народов жена имеет отдельное имущество от мужа, у поморян было, вероятно, то же самое. В одном месте жизне[описания] Оттона (р. 441) жена посадника, принявшая в его отсутствие двух странников, отсылает их лошадей ad remotiores villas meas [95]. О вече ничего не встречается, но вероятно, оно было у пом[орян], как и у других сл[авян]. Мы увидим дальше, что нигде

не видно, чтобы у них было рабство. Мы встречаем в жизни Оттона пример, что тамошний житель женился на своей рабыне, т. е. военнопленной, а сыновья ее почитаются отцом законными наследниками, а она законною супругою и госпожою (ср. р. 402а).

II. Власть родительская и родовая

По понятиям греков, римлян и германцев отец имел право жизни и смерти над новорожденными детьми своими, дитя клали к его ногам, и если он его не поднимал, то его умерщвляли (ср. Grimm [97] R. Sr., р. 455), в особенности же часто [98] умерщвляли или выставляли детей женского пола (ср. Grimm, р. 403). То же самое обыкновение встречаем мы и у поморян. Оттон воспрещает им умерщвлять новорожд[енных] детей женского пола. Зигфрид рассказывает [99]: si plures filias aliquae genuissent, ut uteris facilius providerent aliquas in eis ingulabant, pro nihilo ducentes parricidium (ср. р. 4043 и 397 в) [100].

Варварское это обыкновение также (и обычай, существовавший во всей Вагрии и в особенности в Люжбургской земле [101], умерщвлять стариков — ср. Grimm 488) [102] не делает чести древнеславянскому характеру. Может быть это не славянские черты, во всяком случае они не переняты у германцев, а, вероятно, остаток прежнего варварства.

Власть родительская не прекращалась у слав[ян] — только смертью или отделением сыновей от отца (хлебом и огнем у сербов).

Домыслав, узнав что сыновья и жена его без его ведома и позволения приняли христианство, пришел в бешенство, и предусмотрительная жена, как выражается Зигфрид, выслала ему навстречу родственников и друзей его, чтобы его умилостивить (р. 402а).

Этот Домыслав представляет нам собою тип древнего славянского родоначальника, «володеющего родом своим». Г. Стеттин [103] и окружающие его места были наполнены его родственниками, друзьями и челядью его. Род его, которым он «володел», обнимал более 500 особ [104]. Все они приняли христианство по его примеру и по его воле. Он был столь могуществен, что ничего не предпринималось без его совета, даже князь не решался ни на что без его согласия (in illius arbitrio tam publica tam privata pendebant negotia [105]). При всем том он был честным человеком, мы видим (р. 445), что посадник стетинский был тогда Wiricus или Witsacus, а не Домыслав. Имея столь значительное влияние на дела общественные, он, разумеется, владел родом своим совершенно по своему усмотрению по древнеславянскому правилу: *каждый рода своего воевода* (см. снеми[ческие] и юрид[ические] пословицы в Юрид[ических] записках [106] Редкина [107]). Члены, составляющие таковую патриархальную общину, делились на два класса: собственно родственники, соединенные узами крови с родоначальником,— ближники (у русс[ких], серб[ов]) и челядь. Первые нисходящие его потомки и младшие братья, достигши зрелых лет, или оставались в роде своем под патриархальным правлением владыки и состояли тогда в общности имущества, или же, что в особенности должно было часто случаться в древние времена при первом заселении края, они отделялись от рода своего и с женою, и с детьми и челядью, и прочим добытком, выделяемым им владыкою, искали новых жилищ, делались главою нового рода, ставили себе двор, искореняли леса и распахивали землю. Такое отделение происходило всегда с разрешения родоначальника [108], но т. к. обычай требовал такого отделения, то едва ли он мог противиться желанию отделяющегося.

У Гаека мы встречаем бесчисленные примеры таких отделов, даже отец понуждает сына искать себе новых жилищ и говорит ему, что не идет, чтобы взрослый сын жил у отца (см. Гаек, ad ann[um] 756) и обещает ему сыскать славную жену, когда тотприищет себе новое жилище. Коренным правилом было при этом у всех славян (см. Правду русскую, Статут литовский [109], Статут Вислицкий [110], Гаека, ad ann[um] 771 [111], Сербск[ний] закон[ник] [112], grimma),

что меньшему брату не следовало искать новых жилищ, он оставался в отцовском доме, который ему принадлежал по праву. Таким образом, выделенные потомки не имели уже никакого права на имущество отца или прочих оставшихся в прежней нераздельности родственников, потому что выделом они выступали из рода, также и отделенные от них братья не имели никакого права на их имущество. Поэтому в случае их смерти без нисходящих потомков один только родоначальник, выделивший их, мог делать притязания на наследство. Он дал им, он мог взять назад, но едва ли в те времена случалось, чтобы отец пережил сына своего или чтобы сей последний не оставил после себя детей. Из вышесказанного очень понятно, как могло у славян образоваться коренное правило о наследстве: что [113] в имуществе умершего наследуют только не отделенные от него *ближники*, все же прочие, как бы они близки ни были по крови, не имеют никакого права на наследство. Если же нет ни одного ближника, состоящего с умершим в общности имущества, то наследство его делается *пустым*, т. е. вымороченным. Из этого также вытекает то, что у славян не могло существовать право представления, и что дальнейший родственник не исключал ближайшего, ибо все [114], состоявшие с умершим в нераздельности имущества, имели право на его наследство [115], а именно, если они продолжали нераздельность имущества, но владели обще наследством, при отделе же каждый новый родоначальник получал по равной части всего имения, поэтому и наследства [116].

Второе коренное правило наследстве: что имение умершего без прямых наследников и не состоящего ни с кем в нераздельности имущества, падало на князя (см. Выгрд., Русская Правда, Ст[атут] Висл[ицкий], Зак[он] выно-д[ольский] [117]) есть также прямое следствие родовых отношений славян. Князь славянский не есть подобно германскому [герцогу] военный предводитель, глава дружины, он есть родовой старшина, в мирное время судья, а в военное предводитель [118] войска, хотя последняя обязанность преимущественно лежит на *воеводе*. Он в отношении всего народа то, что владыка для рода, с народом своим он состоит в нераздельности обладания всею землею (см. Кромер [119]), а он часто не имеет принадлежащих ему собственно, как князю земель. Приближенные [120] (гридь, hirdmenn) О. С. Tpirp строят ему град, или двор (см. Гаек, ad ann[um] 759) так же, как челядь владыке [121] (из этого впоследствии вырабатывалась общеславянская повинность городового дела) [122], с его разрешения (см. Гаек) служебники его и приближенные осаждаются на новых жилищах и строят новые дворы и грады (см. Гаек) так точно, как родовой старшина разрешает своим ближникам отделяться. Этот отдел однако же тем различен от родового отдела, что здесь связь с князем не прерывается, правда новые осадники не могут уже всегда готовыми исполнять приказания князя и в этом отношении они отделены от него, но зато они отправляют некоторые повинности из грунтов своих или вносят дань (см. Гаек, annum 752). Умирая же без наследников, имущество их [123] переходит на князя не так на верховного обладателя земли (понятие о «dominium universale» — верховном таковом владычестве было всегда чуждо славянам), а как на родового старшину всего народа и оно падает на него не с тем, чтобы делаться его чесною собственностью, а с тем, чтобы он позволял другому из своих служебников на ней поселиться. Понятия эти существовали у всех славян, нигде однако же они не выражены так ясно, как у чехов (см. Выгрд. VI, 6). Напрасно искали в этом обычае доказательство княжеского деспотизма или сравнивали с раздаванием ленов у германцев. *Выпросник* владел выпрошенным имением как вотчиною, не неся никаких новых повинностей. Из этих pu$cisn, как их поляки называют (odůmrt — у чехов, *отастпое* у винодельцев), образовались впоследствии, когда родовые понятия изгладились, *поместья* и различия имений вотчинных и поместных. У поморян существовали те же самые понятия, из жизн[еописания] Оттона мы этого не видим, но у Дрегера мы находим акт, в котором сказано, что за *языческие времена* [124] одни нисходящие наследовали, а не боковые

родственники, этот намек достаточен, чтобы удостоверить нас, что понятия о пусцизне у них также существовало, как и у других славян.

Челядь. Второй класс людей, составлявших родовую общину, составляли служители. Они носили различные наименования: пахолки, тсельники, работники, рабы и пр[очие], но общее их название было *челядь*. Слово это вероятно одного корня с *человек* (ср. ανδραπόδιον [125], Iawl [126], мужик παις [127], puer [128]). Оно обнимало всех не связанных узами крови или одинакового происхождения с родовым старшиною, но пребывающих под его патриархальной властью. Они помогали владыке в распахивании земель, истреблении лесов, ставили ему двор, их то он посылал высматривать новые жилища, в случае опасности они его защищали, вообще отношение их к господину [пану] было чисто патриархально, как у всех первобытных народов, напр. евр[ейских] патриархов, у римлян clientes [126] и пр[очие]. Они не были рабами [servi], рабство неизвестно было древним славянам, даже военнопленных [130] (см. византийцев) они отпущали, позволяли им выкупаться и принимали в свои родовые общины. Эти служебники или челядь разнились тем от прочих свободных обывателей, что они не участвовали на вечах и снемах, не имели родовой власти над потомками своими, ибо всегда жили при владыке, не осаждаясь новыми лицами, а следуя всюду родовому старшине. При выделе сына отец назначал ему и пахалков, которые должны были ему помогать при возделывании новых жилищ. У Гаека мы встречаем уже в VIII столетии пример, что один родоначальник переманывает у другого его пахолков, что, как видно, считалось непозволительным не потому, чтобы пахалок был раб; но по причине священной связи клиентели, связывающей его с его господином, которую он не должен был самовольно разрывать. Отношения челяди в господину своему, опираясь единственно на патриархальности нравов, должны были вместе с упадком древней простоты совершенно измениться, из клиентов они мало-помалу сделались крепостными, а местами (напр., в России) совершенными рабами. Много способствовало к этому сближение [132] славян с немцами и греками, беспрестанные распри между славянами придали несвойственную им прежде одичалость. С военнопленными начали они поступать сурово, бесчеловечно: делились ими при разделе добычи, как скотом, разлучая сына от отца, жену от мужа (ср. Vita Ottonis, p. 408 [133]), переселяли их целыми толпами из первобытных жилищ своих [134] и принуждали к самым трудным земледельческим работам (см. Нестор. Переселенцы на Роси [135]): пословица: „Романе—лихим живеши, литвою ореши" (Maciejowski) или осаждали их на украи[н]ных землях по городам и крепостям, заставляя их нести всю тяжесть военной службы (8000 cum parvulis et uxoribus, ad terram suam captivos obduxerunt at in periculosis machinarum locis, in urbibus et castvis eos collocarunt qua terrae suae praesidia forent et cum hostibus bella gererent [140]). Ср. Vit[a] Otton[is], p. 392 [141]. Этим однако ж не ограничивалось варварство предков наших, гнусный торг невольниками сделался у них всеобщим обыкновением [142]. Вся Европа, но еще более Восток наполнился славянскими рабами так, что имя славянина у всех европейских народов сделалось однозначащим со словом раба (см. Mac[iejowski]) Целые корабли, нагруженные невольниками, отправлялись вниз по Дунаю в Константинополь. О цветущем состоянии этой торговли в России свидетельствуют договоры Олега и Игоря с греками [143] о Далмации, или Lucius V Mac[iejowskiego] Сербии, запрещение царя Душана в Зак[оне] сербск[ом], см. также Винод[ольский] зак[он].

Большая часть междоусобных войн, в особенности сев[еро]-зап[адных] славян, велась под конец именно с той целью, чтобы приобресть поболее пленников, точно как теперь африканские орды ныне друг на друга нападают, чтобы снабдить европейцев черными невольниками. Прибавим к тому, что вскоре, как только славяне засели все земли, находящиеся под их владычеством, труднее было, а наконец и невозможно [144] найти места, никому не принадле-

жащие, на которых бы могли основывать новые жилища, а если и были еще таковые, то необходима была помощь многочисленной челяди для искоренения лесов и распахивания земель. Беднейший класс поэтому естественным образом пришел в необходимость поселяться на чужих замлях уже не в качестве челяди, принадлежащей к родовой общине, но и не как вотчинник, а за платеж известного чинша от земли и за отрабатывание известных повинностей, вот начало крепостного права у слов[ян]. В России этот класс рано проявляется, это *закупы ролейные* Русской Правды (впоследствии *третники* — Акты Арх[еографической] К[омисии][145], I, № 3 и «Акты, относящиеся к истории Зап[адной] России», I, № 82, Ржевская запись — закладни (за известную цену Р[усская] Пр[авда] О закупе § 5[146]: *то наймиту свобода во всех кунах*) они обрабатывали земли вотчинника или своими лошадьми (Р[усская] Пр[авда], там же § 2[147]) и земледельческими орудиями или же господин наделял их таковыми. Смерды могли делаться закупами, урядившись с вотчинником (см. Ипать[евская] летоп[ись][148], principio[149] смерды, упоминаемые здесь, очевидно, закупы и лошади, которыми они орют, не им принадлежит, а даны им от вотчинников, в противном случае непонятно по какому праву дружина имела бы право отнимать у них собственность), но не все смерды были закупами, они могли иметь недвижимую собственность, которая после смерти их переходила на князя, если не оставляли после себя сыновей (Р[усская] Пр[авда] о сманке смердия § 1). Послушество закупа принималось только в маловажных делах (Р[усская] Пр[авда] о послушестве) тогда, как смерд, будучи свободным человеком, стоял наравне с прочими.

Впоследствии закупы известны у нас под именем крестьян и хотя свобода их с конца XVI века была очень ограничена, однако ж они не переставали быть свободными людьми до первой ревизии, вследствие которой они сравнены с холопами во всем и сделались настоящими рабами. В Западной Руси оии известны были под именем людей похожих (см. А[кты] Киевск[ой] Арх[еографической] К[омиссии])[150] посполитых, в Польше — кметы, в Богемии[151] — дединники и седлаци у сербов и пр[очие].

У жизнеописателей Оттона очень часто упоминается о челяди, они называют их villici, ministri, domestici, familia[152], уже одни эти названия показывают, что это челядь, а не закупы (coloni[153]), но в особенности то, что они являются работниками господ своих, помогающим им при земледельческих занятиях, упоминается о богатой вдове, имеющей много челяди. Она приказывает им запречь себе повозку, отправляется с ними на поле и принуждает их жать в воскресный день и когда она чудным образом пораженная падает в поле и с воплем ее привозят в город, является magister operis[154], подобный тиуну ратайному Русской Правды, он иадзиратель или прикажчик над челядью и понуждает ее к работе (in ipso die dominico rustici segetem metebant, homo dui magister erat operis, operarios suos magis as magis urgebat)[155] (p. 411a упоминается minister qui super captivos erat[156]).

Домыслав, приняв христианство, всю челядь велел окрестить (p. 436), вдова отсылает на загородную дачу челядь свою с лошадьми Udalric'a (p. 441). Князь Вратислав приказывает своей челяди (villicis[157]) отвезти лошади Оттона на пастбище (p. 398в).

Из всех этих примеров мы видим, что служебники в Померании были. Челядь же состояла с господином еще в совершенно патриархальных отношениях. О чиншевиках же нигде не упоминается, вероятно, что этот класс был вовсе незнан в Померании. У германцев, напротив, мы уже из известий Тацита[158] видим, что рабы их не имели ничего подобного славянской челяди и были настоящие чиншевики. Господин раздавал им земли и они платили ему ежегодно оброк деньгами или натурою (ср. Tacitus. Germania; cap[ut]... Ministeriales)[159], не были челядью, по занятиям они приближались к челяди, но юридически это был совершенно отличный класс. Они жили не по

народному закону (Volkskl[asse]), а по дворянскому (Hofsrecht), т. е. господин их заступал их во всех тяжебных и пр[очих] делах на Taggericht [160], его суду, а не суду графа были они подвластны и руководствовались данными им постановлениями (jus curtis) [161], впоследствии они исчезли и перешли частью в рыцарское сословие (те из них, кои несли военную службу), частью в мещанство (в городах, освободившихся от власти епископа и приобревших этим юридическое значение города) или же в Horige — крепостные.

В огромном городе Стеттине,— говорит Зигфрид,— было 900 patres familias [162], не считая детей, женщин и reliqua multitudo [163] (p. 404a). Из другого же места мы видим, что Оттон крестил в этом городе более 24 000 людей. Boleslaus наложил на поморян обязательство, чтобы 9 patres f[amiliares] снаряжали своим иждивением десятого в военную службу и во время его отсутствия fideliter domui providerent (p. 402в) [164].

III. Обязательства

Излишне распространяться о цветущей торговле поморян, известно, что портовые их города Julin, Stetin были складочными местами всей торговли между Северной Европой и Востоком, поэтому не удивительно, если встречаем у них свою монету[165] (monetam quoque istius terrae Ep. dedit (p. 393в) [166], установленные законные меры и весы (300 marcas argenti publici ponderis eod[em] p[agina])[167] (ср. договоры с голландцами и новгородцев с Любеком), денежный счет велся у поморян на гривны, как у прочих славян (у Ottona marcae, librae, talenta) [168] (поэтому может быть они и не знали чеканной монеты, а только слитки серебра известного веса). Коммерческие дела с соседними народами, напр., рюгенцами, вели они, по словам Оттона, more institorum (pene omnes more institorum ad inferas insulas causa negotiandi navigaverunt (p. 405b) — Ruthemi commercia omnia mutuaque negotia institorum abrumpentes (p. 418b) [169] значит они имели там складочные свои магазины и коммерческих агентов (ср. договор с греками у Нестора), Оттон нашел, [что] большая часть жителей поморских городов, как-то: Дедоны, Юлина, Стеттина, Колобрега в отсутствии по коммерческим делам (p. 409в, 406), ежегодно отлучались они на несколько месяцев, а потом возвращались. Рюгенцы, вознамерившись воевать против Стетт[ина], сперва прекратили всякие коммерческие сношения.

При раннем развитии торговли между славянами всякие денежные сделки были им знакомы, в особенности денежные ссуды. Уже Ульфила в готском переводе Евангелия выражает слово должник (Χρεωφετιλὲτης) [171] словом dulgiskula, а займодавец dulgahasja, где первая половина славянская [172] (ср. Grimm R. Sr., p. 611). Участь неисправного должника была вообще строгая у всех народов древности, не говоря о XII таблицах, которые позволяли рассекать должника на части между займодавцами [173], несостоятельный должник делался рабом займодавца [174]. У иных народов мог выкупаться или отрабатывать долг (см. Ул[ожение], иногда же он переходил в вечное рабство. У славян он делался ра[бом], в России вольно было его продать в рабство (Русская Пр[авда], гл[ава] о Резах, § 2 [175], p. 241; ср. Догов[ор] с грек[ами] и с готландцами), исключая случаев vis maioris [176], как-то кораблекрушение, рать, огонь [177]. В Моравии тоже самое право было (ср. Mac [iejowski], II, p. 302, § 396):

pro debito si quis citatus fuerit, et vendatur, nisi legitimum probare possit impedimentum [178], можно было заключать в темницу должника, кормить хлебом (в $1/_4$ denarii) и водою (segpha aquae) [179] и даже продать. У Померании мы видим тоже самое: Mirlans — посадник города Gorgangia — содержит в подземных тюрьмах целую толпу должников, некоторые из них окованы железом за руки, ноги и горло (p. 443), обремененные оковами, cippis et compedibus [180], они гнили в этих подземных тюрьмах (p. 403a) под стра-

жею одного из челяди Mirlansa (minister qui super captivos erat, p. 411a) [181]. Оттон увещевает его дать свободу этим несчастным, он отвечает: durum mihi est omnes absolvere, quia magnis rationibus ac debitis quidam ac iis continentur (p. 41a) [182]. Наконец, он решается выпустить их на волю и отпустить им долг, за исключеннем молодого датчанина, отец которого, будучи ему должен 500 гривен серебра (eodem[183], сына оставил в заклад (vadium posuit) [184]. Обычай этот чисто германский. Напр., Lex Longobardica [185], Lib[ri] II, tit[uli] 34, § 1: Si liber homo se loco vadiae in alterius potestate commiserit, ibique contigerit ut damnum aliquod cuilibet fecerit, ille qui hominum liberum in locum vadiae suscepit, damnum solvat: aut hominem in mallo perductum dimittat, perdens eum, simul et debitum, propter quam eum in vadiam suscepit, et qui damnum fecit demissus juxta qualitatem rei cogatur emendare. Si vero liberam faeminam habuerit, usquedum in pignus astiterit, et filios habuerit, liberi permaneant (Слово в слово повторено в Capitular[ii] в ann[o] 803 см. appendice ad Leg[em] Galic[am]p. 852. Capitular[ii] libr[i], III, tit[uli] 29 [186].

Из этого примера видно, что тот, кто Loco vadiae se dedecat [187], терял временно свободу, тот, кто не мог заплатить виру compositionem [188] за убийство или за другое преступление, подвергался лично этой участи (ср. Lex Galica Tit[ulus] de chrenechrude in fine; Capitularii, libri III. Tit[ulus] 65. De eo, qui domum alienam cujuslibet infringerit p. v. Si liber homo tale fecerit, pro quo plenam compositionem facere non valeat, semet ipsum in vadio pro servo dare studeat, usque dum plenam compositionem adimpleat) [189]. Поэтому старались прекратить sua vadia [190] в Capitulare de part. San. [191] сказано: ut nulla tenus alterum aliquis pignerare praesumat [192]. Из последующих законов внде, что не обращали вниманпя на это запрещение и cap. ann 803 cp. supra опять дозволяет vadium [193] (Grimm, 620) (об отдаче головою и правеже в России — славянский не татарский обычай — кабала то же самое).

IV. Права на имущества

Жизнеописатель Оттона не представляет нам почти никаких известий в этом отношении. Видно, однако же, что поморяне преимущественно земледельческий народ, земля их, говорит Зигфрид, изобилует медом, пшеницею, коноплями, маком и всеми возможными огородными и хлебными растениями (р. 391 а, 406). Жатва — главнейшая их работа, все принимают в ней участие: господин и челядь, мужчины и женщины. Земледельческие работы до того важны для них, что с величайшим трудом можно было их приучить к тому, чтобы приостановить их во время воскресных и праздничных дней (р...) [194].

Скотоводство было вторым главным их занятием nulla terra [195], говорит Зигфрид, pascuis et gramine foecundior [196] (р. 391 а), а в другом месте (р. 406) говорит об изобилии масла коровьего, молока из овец и жиру бараньего, вина нет у них и не употребляют [197], они с величайшим искусством приготавливают мед и пиво, превосходящие всякие вина (р. 391а). В народе земледельческом рано и необходимо развивается понятие о правильной поземельной собственности, без которой невозможно никакое земледелие, тогда как народ пастушеский или мало ценящий земледелие, не ощущая необходимости поземельной отдельной собственности, более склонен к нераздельному обладанию землею. Поэтому германцы, презиравшие земледелие, по словам Тацита, по всей вероятности не знали первоначально недвижимой родовой собственности, по крайней мере видно из Юлия Цезаря De bello Gallico, libr[i] [198], что они почти не знали оседлой собственности, поэтому у них преимущественно развилась Markverfassung [199], вследствие которой луга, леса были общим достоянием Markverfassen [200], а отдельной

собственностью почиталось только собственно возделанные участки [201]. У славян напротив: при раннем распространении земледелия понятие об отдельной собственности проявляется с древнейших времен, при изобилии лесов каждый пользовался ими и возделывал: осаждаясь на новом корне всякий, вырубивший таким образом лес и распахавший землю, имел полное на нее право вследствие единственно возделываемых, а не вследствии того, что состоял в Markgenossenschaft [202] с соседями. Возвратимся к померанцам. Из вышесказанного уже явствует, что поземельная собственность должна была им известна. У жизнеописании Оттона мы встречаем этому частые примеры: князь Вратислав дарит земли нововыстроеиному храму в Камине (p. 398в); вдова, оказавшая гостеприимство Удальрану и Альбовану, отсылает их лошадей за город ad villas meas [203] (p. 441).

Оттон вознамерился срубить ореховое дерево, которому оказывали тевтонцы суеверное почитание, владетель поля, на котором находилось дерево, сильно этому воспротивился (p. 417a) [204].

Юридическое различие вещей на движимые и недвижимые или как закон Винодольский — выражаемся гиблые и не гиблые [205] (ср. германскую пословицу: [...][206] было известно славянам, вероятно, и на Помории, хотя мы не встречаем следов это[го] различия).

Главнейшими и более других ценными предметами собственности почитались у поморян невольники, т. е. военнопленные и лошади. О военнопленных скажем ниже, что же касается до лошадей, то они очень высоко ценились на Помории, при продаже недвижимой собственности часто давали лошади вместо денег [207] (ср. Mac[iejowski], II, p. 19). Богатость вообще измерялась у них количеством лошадей (fortis inquiunt, et potens et dives est ille qui tot vel tot habere potest caballos [208] p. 399a). Кто имел до 30 лошадей, почитался очень богатым и сильным потому, что количество лошадей означало вместе и количество дружины, сопутствующей господину на войне (audito numero caballorum numerus militum intellegitur; nullus enim militum praeter unum caballum illic habere consuevit eod[em]) [209]. У прочих славян лошади также высоко ценились. «Аще будет коневый тать,— говорит Русск[ая] Правда,— то выдати его князю на поток (ср. Ул[ожение]). У чехов образовались по этой же самой причине преимущества юридические [210]: кобыл, предназначенных к приплоду, неподкованных, т. е. неупотребляемых в работу, также и преимущества кобыльего поля, см. право земли чешской § 256, 280—2 (Mac[iejowski], X, II, p. 290—299) [211]. О священном коне в Стеттине, в храме Триглава (см. Vita Ottonis, p. 403в), о коне Свантовита в Арконе (ср. Гельмольд).

Корабли составляли также важную часть богатства поморян. Ведамир предлагает Оттону три корабля, погруженные съестными припасами (p. 435a), Wiricus снаряжает шесть кораблей против датчан (p. 440) Naves armatae, ср. inferior [212].

Наконец, оружие (securis bellica, cultri, gladii, fuster, hastae, clipeum, mantica) [213], о котором поговорим ниже при изложении военных учреждений Поморья.

Приступим к изложению тех способов приобретения прав на имущество, которые встречаются в жизнеописании Оттона.

Каким образом недвижимое имущество передавалось и приобреталось, посредством ли tradicionis cum praecedente justu [214], как у римлян (ср. 231, D. de A. R. D. S. 222 eod[em] de pactis), или посредством vestiturae s[eu] investiturae [215], т. е. символической передачи в народном собрании (placitum, Thing) [216], как у германцев (ср. Capitul[arii] libr[i] IV, c[aput] 19 ad Lindenbr[ogum] p. 894), причем traditio [217] обыкновенно предшествовала, имея следствием своим не переход права собственности и не приобретение приобретателем вещного права на имущество, а единственно

переход права владения и установления личных отношений между приобретателем и продавцем (т. е., выражаясь языком римских юристов [218], condictionem non rem vendicationem [219]), вследствие чего приобретатель не мог говорить: scio, hanc rem meam esse [220], а только: scio NN banc rem mini dare oportere [221], так что приобретатель мог принудить продавца ad vestituram perficiendam [222] (ср. cap[itularii] l[ibri]), но до совершения оной не мог располагать имуществом по праву собственности — трудно решать [223] источники слишком мало сохранили нам известий об этом, кажется, однако же, что славянские понятия о переходе права собственности недвижимых имений более подходили к германским, нежели к римским. У чехов переход права собственности совершался созданием у дсек земских и вписанием в оные передачи, а ввод во владение совершался уже вследствие этого (ср. Выгрд.).

В России мы рано встречаем следы символической передачи недвижимой собственности (см. Акты Юр[идические] [224], Арх[еографической экспедиции] и Кромер); в московском периоде право собственности переходит посредством совершения купчей и вписания в книги поместного приказа (Ул[ожение], XVII, 34), а не посредством ввода во владение или продажи; так и в новейшем русском праве совершением купчей крепости у крепостных дел переходит право собственности, вводом во владение только фактическое владение (detentio), а отказ имущества хотя формально тождественен с вводом во владение, совершенно отличен от оного по существу, приобретает и не приобретает оным никаких новых прав, это только [225] для исков и претензий всякого третьего лица (о запродаже).

Как было у поморян, об этом невозможно судить. У Зигфрида встречается только один пример передачи [226] недвижимого имущества. Князь Вратислав дарит земли нововыстроенному христианскому храму в Камине (см. р. 398в). (Ср. Dreger). Мы уже прежде коснулись цветущей торговли поморян, поэтому переход движимых имуществ посредством продажи и купли само собою разумеется (Hermannus itaque chlamydem et palliolum mercatus barbaricum [227], (р. 437в). Из жизнеописателей Оттона видно, что поморяне подобно прочим славянам сделки свои совершали на торгу. Так и в Русской Пр[авде] продажа совершалась на торгу пред мытником или двумя свободными свидетелями (ср. Р[усская] П[равда]. О татьбе: h[uis] v[erbis] [228] паки ли будет что татебное купил в торгу, то вывести свободна мужа два или мытника. О челядином изводе: h[uis verbis] також вывесть ему послуха любо мытника пред кем же купивше. О прочих славянах (см. Чтен[ия] общ[ества] Моск[овского] [229] статью Палацкого). Поэтому, если покупатель не знал, у кого он купил вещь и не мог привести ни мытника, ни свидетелей, то он почитался вором (arg[umentum] [230] Русск[ая] Правда. О татьбе, § 19, стр. 5.). То же самое находим и в германском праве, по той самой причине в Капитуляриях libr[i], III, стр. 24 (ad Lindenbrog[um] — р. 877) сказано: ut nullus comparet caballum, bovem et jumentum vel alia nisi illum hominem cognoscat, qui ei vendit, aut de quo pago est, vel ubi manet, aut quis est senior [231] (ср. Lex Longobardica, II, 18, § 4).

Точно так и Lex Longob[ardica], II, 18 § 2: qui caballum in mercato comparare voluerit, ut ante duos vel tres homines eum emere debeat, et non secreto. Et si homines non habuerit, in quorum praesentia comparavit — componat ipsum caballum pro furto [232]. При этом мы встречаем в России (Русск[ая] Правда, § 16 — [...] ед. Балт.) и у сербов (зак[он] царя Душана § 68, 149) свод, т. е. познавший украденную вещь свою у третьего лица [223] требовал ее обратно, не говоря однако же: се мое (исключая если поз[на]ет в своем миру (in seiner Genoss[enschaft]) (ср. Правда Яросл[ава] § 13, у Еверса [234], р. 268, здесь он имеет полное право взять свое без всякого свода), а поди на свод, где еси взял. Ответчик должен был итти на свод сейчас же или представить на 5 дней поручников (Пр[авда] Яр[ослава], eod[em]).

Свод состоял в том, что он позывал того, от которого он вещь получил (auctorem rei, fordronem) [235]. Этот называл своего же предшественника и т. д., пока не скажут на конечного татя, который отвечал за все, впрочем истец не был обязан следовать далее третьего свода и также свода из города по землям. Кто не мог назвать своего предшественника или же мог привести свидетелей, которые бы присягнули, что он вещь эту точно купил на торге с германской intertiatio [236] столь разительно, что удивительно, как ни один из наших ученых не обратил на это внимание / (ср. Lex Gallica, tit. 49: [...] ttoris; Lex Ripuariorum [237] tit. 33: de intertiare; tit. 72: de homine intertiato; Lex Longob[ardica], libr[i] II tit. 18: de rebus intertiatis [238]. Узнавший вещь свою у третьего, налагал на нее руку свою (mittebat manum super eam), если ответчик противился, то оба присягали (держа левой рукой самую вещь, а в правой — меч): истец, что он налагает руку на собственность свою, а ответчик, что он тянет к руке, давшей ему спорную вещь, т. е. ссылается на свидетельства того, кто передал ему эту вещь. Потом в известный срок (у салейских франков через 40 или 80 дн[ей], у рипуариев через 14, 40 или 80 дней) истец, ответчик и все fordrones, сколько бы их не было, должны предстать на народном собрании (placitum) и друг друга очищать, пока не снидут на того, кто не в состоянии показать предшественника своего, тот считался конечным татем. У Лангобардов intertiatio еще более подходит к славянскому своду: ответчик обязан указать истцу предшественника, но истец не обязан следовать далее третьего свода (super tertium everrentem i[d]e[ste gerant) и третьего [239] — графства (ad tertium comitatum). Если ответчик н] знает предшественника, то он должен привести двух или трех свидетелей в том, что он в самом деле купил эту вещь, или же присягнуть сам в этом (ср. Lex Longob[ardica], II, 18, § 5, 2. I (—) Eichhorn [240] R. G., § 59в § 361в; Rogge. Gerichtsverfahren, p. 226 sq. n. [sequentes] Sachsisches 2d. Rl, II. Buch, § 3b. Capitular[ii], III, 46. VI. 209. Lex. Ripuar[ior], tit. 48, de vestigio sinuando, § 1. Si quis animal suum per vestigium sequitur et tertia die in domo cujuslibet vel in quolibet loco eum inveniret, liceat ei absque intertiato revocare [241] (ср. с Пр[авдой] Яр[ослава], § 11 и Русск[ой] Пр[авдой], § 14 о челяди) [242].

Перейдем к прочим способам приобретений.

1) Добыча военная. Главнейшею целью тогдашних войн славянских племен была добыча. Болеслав с трудом удерживает войско свое, жаждущее добычи, и заключает мир с померанцами (р. 412). Добыча делилась [243] сейчас же и если не по равной части, то все участвовали в дележе.

Vartislav целый день воевал лужичан: возвращается к вечеру, отягощенный добычею, сейчас принялись за дележ [244]: платья, деньги, скот et aliam diversi generis substantiam [245], между прочим и военнопленных. Несчастные пленники наполнили воплями воздух, когда начали разлучать детей от отца, мужа от жены, смотря по тому, какую долю каждый получил. Власть князя является здесь очень слабою, он, хотя христианин и не одобрял таковые бесчеловечья, не может оным воспротивиться и усилиями [246] своими он достиг только того, что избавил малолетних и немощных от дележа, что дети остались при родителях и пленники христиане освобождены (ср. р. 408). Оттон же сколько мог выкупил из неволи (eod[em]).

У поморян существовал при этом закон с незапамятных времен, что они десятую часть всей добычи как морской, так и сухопутной, посвящали в храм богам, напр., стеттинцы в храм Триглава (р. 463) [247].

Варварское право [248], известное под именем Fremdrecht [249], существовало в Померании в позднейшие времена (ср. Maciejowski, IV, p. 426, § 1023), вероятно оно было известно и в языческие времена, в соседней Дании оно существовало в высшем развитии и до сих пор оно еще не совсем изгладилось в этом государстве. Из одного места жизнеописания Оттона можно даже

заключить, что оно согласовалось с понятиями народа и что вообще выбрасываемое морем на берег считалось общею собственностью прибрежных жителей. Зигфрид рассказывает, что море, выбросив рыбу (Rombonim) необыкновенной величины, все жители поделились ее мясом и жиром ex cujus carnibus ac pinguedine omnes cives partes capiunt (ср. р. 417a) [250].

V. Уголовное право

Современные источники уделяют нам по этому отделу права только несколько разрозненных известий, из которых можно себе составить только очень темное понятие о том, на каких [251] [...] опиралось уголовное законодательство в Померании.

При патриархальности их нравов преступления должны были случаться очень редко. Вот как их описывает Зигфрид: между ними царствует такое доверье друг другу и такая общность, что обман и кражи им решительно неизвестны. Ключей и замков мы у них не приметили (сундуки и скрыни свои не запирают), и они весьма удивились, увидев, что ящики и скрыни Оттона eod. были закрыты на замок. Одежду, деньги и вообще все драгоценности свои они хранят в бочках (in cuppis et doliis), просто прикрытых, не опасаясь никакого похищения (ср. р. 406). Воспротивляясь введению христианства, они обыкновенно говорили: у вас, христиан, водятся повсеместно воры, разбойники, вы друг другу ноги отрезываете, глаза выкалываете, словом нет преступления, которого бы христианин над христианином не совершал. Да не будем причасниками такой веры (р. 401a).

Прекраснейшую картину их гостеприимства оставил нам Зигфрид, в ней есть дух чисто славянский. У каждого отца семейства, говорит он, есть чистый светлый покой, отдельный от прочих, предназначен единственно (refectioni) [252]. В нем стоит стол и убран всеми возможными яствами и питьями. Стол этот никогда не опоражнивается, по мере того, как одни яства исчезают, они заменяются новыми. Дабы предохранить яства от мышей (sorices et sorilegi) [253], он всегда закрыт чистейшей скатертью. Пожелает ли кто подкрепить силы свои, будь он гость или домашний, во всякое время дня найдет он в этом покое все приготовленным для себя (ср. р. 406). Хозяин не спрашивал гостя, кто он таков или зачем он пришел, но прежде всего предлагал ему подкрепить силы свои. Так, посланные Оттоном Удальрик и Альбуван, пришед в город Hologast (Halgast) [254], были приняты гостеприимно женой [255] тамошнего посадника, она омыла им ноги, предложила им dapem copiosissimam [256] и тогда только finito prandio [257] спросила, кто они таковые и зачем пришли (р. 441). У прочих славян мы встречаем то же гостеприимство, вспомнил Пиаста у поляков, делившегося последним с пришедшими странниками (Kadłubek) [258], о придунайских славянах ср. византийцев полабских Гельмольда [259]. У сербов если кто отказал в гостеприимстве гостю, купцу или монаху и не впустил переночевать, то должен был ему вознаградить [260] всю потерю в случае, если разбойники или воры между тем его ограбили (см. зак[он] царя Душана, § 126, 127)[261]. У германцев мы встречаем подобные черты о гостеприимстве квадов, у бургундцев — кто не впускал странника в дом или к огню, платил 3 solidi пени (ср. Lex Burgund[ica] XXXVIII, § 1).

Иногда закон запрещал и наказывал оказывание гостеприимства: так, жители Hologasti решили на вече: того из сограждан, кто приймет в дом свой христианина, отдать на поток и разграбление (ср. Vita Ottonis, р. 409a: item firmaverunt (decretum) ut si quispiam testo reciperet — occideretur) [262]. В Русской Правде (о холопстве § 3): кто дасть беглому холопу хлеба или путь укажет, платит господину 5 гривен. В зак[оне] Винодольском § 12: и ежле ако ки пришле николи сгоника того княжества, воля яко ки им дал исти или пити, или ку помоть воля свет [совет] платити има кнезу либар 40.

Сравни Lex Galica Tit, 57, § 5 (De corporib[us] expoliatis). Si quis corpus jam sepultum effoderit, aut expoliaverit, vargus sit h[oc] e[st] expulsus ex eodem pago, et quicumque panem aut hospitalitatem ei dederit, 600 denar. culpabilis judicetur.[263]

Мы уже видели, что воровство, разбой, нанесение ран, а поэтому еще более и убийство считалось тяжкими преступлениями у поморян.

Славяне вообще гнушались воровством и по народным понятиям оно поныне считается самым тяжким преступлением: žadny hřich,— говорит Гаек (ad annum 644) — při nich zlodĕstny tĕžšy ne byl [264].

Клятвопреступство и прелюбодеяние считалось у них также преступлением (ср. Vita Ottonis, пр. Maciejowski, II, § 142).

VI. Государственное право

Уже Бандтке [265] и Шафарик заметили, что у славян (подобно эллинскому πόλις) [266] город составлял (центр всей государственной жизни) ядро, из которого развилось все государственное устройство. В самой глубокой древности, где только являются славяне, следы славян встречаем мы и города (ср. Шафарик. Сл[авянские] Древн[ости]) [267]. Это отличительная черта славянского племени от германского. Германцы вовсе не знали городов (Taci[tus]), даже села в целой Скандинавии и в большей части Германии не встречаются, а только отдельные разбросанные дворы — карды. Разрушив Римскую империю и поселившись в ее недрах, германцы познакомились с городами. Города эти, однако же, сохраняя древние свои городовые римские учреждения, много столетий оставались совершенно чуждыми германскому государственному устройству [268].

Германцы переносили в эти города свою Gau — und Markverfassung [269]. Так, Келн по многолюдности своей почитался целыми гау'ом и имел своего graf (см. Eichhorn, Zeitschrift für Altgeschichte, I). [Чис]то германские города проявляются с VIII и IX столетия преимущественно вследствие учреждения епископств в новообращенных германских землях. Итак, городская община ничем не разнилась от прочих villae [270], в гау'ах состояла под теми сами[ми] начальниками (comes, contenarius) [271], участвовала также на placita и thing [272] и пр.[273]. Мало-помалу однако же епископы [274] получили от франкских королей и императоров привилегии immunitatis [275] и для той части общины, которая состояла из совершенно свободных людей, вследствие чего сии последние перестали судиться и подчиняться власти графа и начали судиться по Hofrecht [276] и сделались епископскими министериалами, потеряв политическую свободу полного гражданина. Это однако же не мешало процветанию городов, напротив, они быстро вознеслись, будучи ограждаемы епископской властью от притязаний королей и дворянства. С XI столетия проявляется в городах оппозиция против епископской власти, борьба была продолжительна, но, наконец, почти всем удалось освободиться от власти епископа, тогда они сделались вольными имперскими городами и только с тех пор существуют юридически как города, отличные от общин (ср. Eichhorn, Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenshaft). Итак, городской элемент, будучи первоначально совершенно чуждым германцам, проявляется у них сначала в рабстве и только впоследствии города [переходят] из рабского в свободное состояние. У славян наоборот: городское устройство составляло искони краеугольный камень политического существования; нигде свобода и жизнь государственная не проявлялись в столь сильном блеске, как в городах, и с падением городов падала их независимость [277].

Померания представляет собой в начале XII века систему городских республик, союз городов, состоящих друг другу в отношении города к пригородам. Старшим городом всей Померании и матерью всех померанских городов был Стеттин [278]. (Hanc enim antiquissimam et nobilissimam dicebant

in terra Pomeranorum, matremque civitatum [279], Vita Otton[is] p. 4000b). Прочие были ее пригородами и существовавшие в [280] русских городах правило, что пригороды должны стать на том, на чем решил город / ср. [...] [281], существовало и в Померании в полной силе. Юлин, второй город в Померании после Стеттина, не решается принять христианство и переменить веру, это считается противозаконным (satis injustum fore, p. 400в) [282] пока это не освящено постановлением глав старшего города [284]. Мы не смеем, говорят они, переменить древний закон отцов и предков наших без согласия старших (primatum) наших quos in hac Stetinensi nostra metropoli reveremur [285] (p. 437a). Может быть Стеттин был пригородом Арконы, по крайней мере рюгенцы объявляют стеттинцам войну за то, что они без их согласия приняли христианство (sine respecto et consilio eorum) [286], p. 447 inf[erior]. Киев на Руси носил имя матери русских городов (ср. Нестор), еще в XIV столетии пригородами его считаются все окружающие его города, напр. [287] Путивль, Канев, Васильков, но не Переяслав и пр[очие] / ср. Литовск[ая] летопись [288] в Чтен[иях] Общ[ества] моск[овских] др[евностей]. Так, на севере Новгород [289] считал пригородами своими Ладогу, Торжок, Тверь, Псков [290] и пр. Мы ничего подобного не встречаем в германском мире, скорее можно видеть в отношении греческих колоний к своей метрополии что-то похожее на славянские пригороды [291]. Известно, что Пелопонесская война [292] началась из споров Кор[инфа] с своими пригородами / ср. Thucydides [293], L[iber] I, c[aput]) [294]. От пригородов должно отличать подгороды (suburbium, forbourgs) [295] (напр. Ип[атьевская] лет[опись], ann[um] 1146, p. 24. Ер.), посады и пр[очее], т. е. вне городской стены тянущиеся дворы, в юридическом смысле они не были отличны от города [?], напр.: 1) при своде (из своего города в чужую землю свода нет. Р[усская] Пр[авда], § 21, Б); 2) касательно веча plebs de rure [296]. V[ita] Otton[is], p. 401; 3) касательно власти посадника, тиуна, тысяцкого [?] (ср. Ист[орический] сборник [297], т. 5).

Я назвал Померанию союзом республик, хотя на челе этого союза находился князь (во время Оттона — Варжислав) по тому праву, по которому и Новгород почитается республикой. Как [и] на Руси, князь земли поморской (dux terrae) был стражею земли и верховным судиею. Как стража земли, он предводительствовал войском (дружиною) у Оттона, где только является князь, там и дружина, окружающая его (milites ducis), над ними он имеет более власти, нежели над горожанами (по его слову, они принимают хр[истиянскую] веру, тогда воспротивляются его послам).

Кто составлял княжескую дружину, трудно отгадать, вероятно, на Помории было, как и у прочих славян: что тот только имел право защищать отечество и сражаться в рядах дружины, кто имел поземельную собственность (так было в Польше, ср. Mac[iejowski], I, p. 121 sq.; в Богемии, Венгрии (ср. eod); в Сербии зак[он] Душ[ана], у казаков малороссийских; пока казак не имел собственной хаты и земли, он не мог служить реестровым казаком, не участвовал в радах, не мог быть выбираем в никакие войсковые чины. Наоборот, каждый владелец поземельной собственности, как бы мала она ни была, был обязан нести военную службу (ср. Mac, eod[em]). Мы не имеем прямых указаний, чтобы так было и на Помории [298], однако же нельзя не заметить там тесного соотношения, существовавшего между поземельной собственностью и войсковой службой. Можно принять за достоверное, что в те времена, когда не было еще дележа земли, а только отделение рода и заселение новых, поземельная собственность находилась в руках одних родоначальников, т. е. людей sui juris [299]. Багатство исчислялось количеством лошадей,— говорит Зигфрид,— потому, что по числу лошадей можно было заключать о числе воинов, следовавших за родоначальником. Эти воины (milites) не были подданные (челядь) родоначальника, сопутствуются ему: такого обычая не было на Помории, всякий шел сам собою

в поход без оруженосца, одна [300] principes et capitanei (воеводы и жупаны) имели одного, а если много — двух отроков (clienti). Поэтому следовавшие за родоначальником milites были свободные вольные граждане, которых он снаряжал в поход из собственного своего имущества, смотря по своему состоянию точно так, как по Вислицкому статуту, где сказано: (р. 102) expeditio generalis debetur a militibus pro quantitate bonorum quilibet miles secundum quantitatem et possessionem suorum bonorum et redituum — teneatur militare [301].

Из Зигфрида видно, что богатый родоначальник снаряжал до 130 воинов (р...). Болеслав Кривоустый, заключив мир с померанцами, обязывает их выставлять ему вспомогательное войско, а именно: 9 родоначальников снаряжает десятого (novem patres familias in expeditionem armis et impensis abunde procurabunt et ejusdem familiae interim domi fideliter providebunt, p. 402b) [302]. Вспомнив при этом о всеславянском делении народа преимущественно в военном отношении на десятки, сотни и тысячи (у поляк[ов] ср. Kadłubek, у сербов ср. Палацк[ий]. Чт[ения] Общ[ества], у русских ср. Bauly), мы найдем и в этом известии след этого учреждения. При общенародной войне все от мала до велика выступали в поход pospolite ruszenie [303], детей, стариков и драгоценности укрывали в укрепленные грады (coeperunt res suas ad loca munita deferre) [304], p. 412a, omnem opem suam substantiam in urbibus collocantes [305] (p. 392в). Поэтому первою заботою при начале войны было укрепить города и возобновить разрушенные укрепления [306] (Pomerani — munitionibus et castris quae bellica vi complanata fuerunt ex magna parte hoc intervallo reparatis (p. 412) at illi suis fixi viribus, eo quod civitates et castra, natura et arte firma — haberent quam plurima, se inexpugnabiles fore arbitrati sunt) (p. 392b) [307]. Болеслав узнал, что поморяне укрепляют города свои, почел себя в полном праве начать против них войну (unde pansi juxtam commonitionem habens sua et c[etera], p. ead[em] [308].

Итак, мы видим в Померании в необыкновенных случаях посполитое рушение, а кроме того, дружину княжескую [309], она была с ним неразлучно как в мирное, так и военное время, как стража земли их, с нею он помогает своим городам в их междоусобиях с соседями.

Так, лужичи, напав на г. Тимину, сии последние призвали на помощь князя Вратислава (р. 441), дружина его частью на конях, частью на лодках (cum duobus exercitibus equestri et navali) [310].

Впрочем поморянские города и без участия князя предпринимали войны (напр., стетт[инцы]) с рюгенцами (и заключали мир) (напр., Стеттин с Болеславом мирный договор) [311] так начинается: Boleslaus dux Polonorum — genti Pomeranae et populo Stetinensi (р. 402в) [312], даже восставали против князя своего, так, например, Оттон, взяв с собою лучших [313] мужей стеттинских, насилу мог склонить Вратислава на мир с Стеттином (р. 417) (pacem affert unitati) [314]. Иногда же князь лично заключает мир, так Болеслав требовал, чтобы Вратислав лично явился к нему и принес повинную за поморские города, он это сделал и заключил мир datis dexstris [315], но все-таки не иначе, как в присутствии многих principes et nobiles, т. е. знатнейших из городов и жуп (р. 444).

Хотя Стеттин — старший город всей Померании, но он ничуть не стольный град князя. Местопребыванием его, как кажется, незначительный город Каминя, он именно называется civitas Ducis [316], и жена его княгиня живет также в оном (р. 398a) ad civitatem Ducis deveniunt, erat autem illic Ducissa uxor viri Ducis legitima — p. 435, ad castrum Camin ubi sedes Ducis est pervenit [317], здесь он распоряжается как полный вотчинник и господин. Видно, что частная его поземельная собственность лежала в окружности города: он дарит церкви земли, отсылает лошадей Оттона на свои поля (omnes equos et jumenta eorum villicos suos ad opportuna loca terrae pastus gra-

tia deducere jussit) [318] (p. 393в), вся дружина принимает хр[истианскую] веру, словом власть его является здесь совсем иною, нежели в прочих случаях.

В прочих городах, напр[имер] Юлин и Стеттин, он имел только двор княжий (curia), точно как и в каждом русском городе (в Новгороде, Пскове, Киеве, Полоцке и пр.). Княжеский двор (in singulis civitatibus Dux palatium habebat et cortem aedibibus, p. 399в) [319], состоящий из дворца и собственного двора (cort[is]), находился всегда в граде (arx) среди города на самом почетном месте, обыкновенно вместе с храмом (напр., в Стеттине на горе Триглава: montem Treglai in media civitate, ubi sedes erat Ducis ascendit p. 445) [320]. У всех славян княжеский двор почитался местом священным, неприкосновенным. В Померании существовал такой закон lex talis erat, что если кто искал убежища в княжем дворе, то он был безопасен от всяких преследований и всякой мести врага (ad quem si quis confugisset, et c[etera], ut quolibet hoste persequente, securus ibi consisteret et illaesus p. 399в tutum ab inimicis asylum possidet [321], p. 435. Поэтому в Юлине и в Стеттине первое дело Оттона добраться княжеского двора, где он себя считал безопасным от свирепства жителей. Так и в России Олаф, совершив убийство в Новгороде, находит убежище в дворе княжьем. Новгородцы не смеют его осудить, преследовать и совершать над ним кровавую месть (см. Сагу Олфа Тригвасона в Русск[ом] историческом сборнике, т. V, раз[дел] ...). В Русской Правде мы видим, что закуп ищет убежище от жестокости господина своего при княжьем дворе (Р[усская] Пр[авда]. О закупе § 1. Иже закуп ко князю бежит, обиды для своего господина).

В позднейшие времена священность княжьего и царского двора еще более развита (ср. Улож[ение], гл[ава] III). О Богемии см. Řad zemského prava [322], § 41. О Сербии Зак[он] Душана, § 82 (аще кои чловек [соузьнь] [323], утече ись тьмнице на дворь царевь — да есть свободьно).

Причина такой святости княжьего двора происходила не столько из благоговейного чувства к княжескому сану, сколько из того, что двор княжеский вместе был и местом суда и народного собрания (так было в Стеттине. V[ita] Otton[is], p. 445 [324], так в Новгороде: двор Ярославлев). Тесная же связь религиозных обрядов с судилищем в языческие времена известна нам из многих свидетельств: в суде Либушин[ском] вместе с мечем карающим и деками правдодатными является огонь правдозвестен и вода святочудная. У полтавских славян в священном Проще Прове сходился по понедельникам [325] (secunda feria) [326] народ, жрец и князь и совершался суд (Illic secunda feria populus terrae cum flumine et Regulo convenire solebant propter judicia. Helmond, I, C. 83) [327]. Вход в святилище был открыт для каждого ищущего безопасности от преследования местника, точно как в княжьем дворе находил он там убежище (asylum), ср. Helmond eod., поэтому очень естественно, что впоследствии перенесли святость эту и на княжий двор, когда сие последнее место сделалось местом отправления суда. А что действительно княжий двор был местом суда [328] это мы видим у всех славян (оже прийдет кровав муж на двор. Пр[авда] Русск[ая]. О муже кроваве: аще ни додержат до света, то вести на княж двор Eod., § 22 (о Тати Б.) [329]. У хорватов (ср. зак[он] Винод[ольский], § 9, 23, 38, 47, 43 [330], 76 и пр. обыкновенно просто двор, иногда двор кнеж, как в § 50), у сербов (§ 46; ко дойде на двор царев да и всякому учини правда; § 146; за три работы на невероу и за кьрье и за разбой владыческий за идоу предь царя), у чехов [Ср...].

Это естественным образом приводит нас к рассмотрению другого атрибута княжеского сана у славян. А именно, князь был у них не только стражею земли, но и верховным судиею своего народа. Чехи, сохранившие гораздо чаще прочих славян столь много юридических национальных по-

нятий, представляют нам так славянского князя в первоначальной своей простоте, он у них не иначе называется как správce a soudce lidu [332] (ср. Hajek, ad ann[um] 663 inf. и пр.), т. е. блюститель и судья народа (поэтому избрание простых земледельцев в князи как, напр. Пршемысла и Пиаста, столько же в духе славянском [333], сколько он противоречит германским понятиям [334], по которым князь должен был быть преимущественно вождем своего народа, т. е. воеводою. Этим и объясняется то странное явление, что мы у всех почти славян еще в языческом периоде видим женщин на престоле, в России — Ольгу, в Польше — Ванду, в Чехии — Либушу, на Помории [334], (ср. сагу Олафа Тригвасона в Р[усском] Ист[орическом] сборн[ике], т. 5, р...[335], у германцев мы решительно не встречаем подобных примеров. Амаласунта, Фредегунда, Брунгильда, во-первых, христианки, а во-вторых, правят не от своего имени, а как опекуны малолетних детей своих). Первые чешские князья не только не герои [336], но любовь их к спокойству переходит в немощь или слабость. Служебники их отделяются от них, не признают их власти верховной, а они все это терпят по доброте своей, как выражается хроника (ср. Гаек) [337]. Были другие добродетели, которые славяне в князьях своих ценили гораздо выше воинской доблести, а именно: мудрость, справедливость и вещий дух, рассказывает Гаек (ad annum 715), что после смерти Крука [338] весь чешский народ, собравшись на поле Drahoniovem с тем, чтобы избрать себе spravce zemi [339], одни не желали повиноваться Либуше и утверждали, что простой народ не может оставаться без доброго spravce мужского рода, могущего защищать землю от нападения неприятелей, но другие же отвечали, что opravdavy spravce lidu [340] есть тот, кто обладает познанием будущих вещей, вследствие чего они общим голосом призвали Либушу судить и рядить чешскою землею. Крук и Пршемысл также являются вещими мужами. Видно, что народ смотрел на них, как на посредников между высшими богами и людьми, поэтому тот им оказывал такую почесть (a počtivost jemu jako Bohu činili [341], Hajek ad annum 670, коленопреклонение и пр[очее]. Не одни чехи имели такое понятие о князьях своих; о рюгенцах Гельмольд (Lib. 1, с. 2.) рассказывает, что они так чтут королей своих, что никакие общественные дела не решаются без их непосредственного участия (propter familiaritatem Deorum — quas majori prae ceteros cultura venerantur) [342].

У нас киевляне прозвали Олега вещим по той же причине, т. е. они видели в необыкновенном его военном счастии следствие его близких сношений с божеством. Так и поляки избрали Пиаста князем как мужа, приобревшего особенную милость божества, проявившуюся в изобилии, которым он был окружен во время всеобщего голода / ср. Kadłubek, Lib[ri], II, epist[ula] [343]. Известно, наконец, что Аттила [344], вероятно следуя духу понятий подданных своих (т. е. славян, ср. Конст[антин Багрянородный]), утверждал будто бы он предназначен небом карать беззаконие народов (ср. Priscus) [345].

После этого неудивительно, если слово князь означает у некоторых славян (поляков, чехов) священника (ср. Maciejowski, Ходаковский), оба они почитаются посредниками между божеством и народом, обладателями высших знаний [346], вещей вытезовых, как выражается суд Либушин, и на острове Рюгене чуть ли не совпадал князь и жрец в одном лице (ср. Mac[iejowski]).

Либуша излагает народу своему, требующему непременно князя, права будущего князя (Hajek, ad annum, 722). О, славный чешский люд, происходящий от знаменитого народа хорватского и языка славянского, откуда явилась в тебе такая глупость, что ты будущее благо твое не ведаешь, забыл [все] слова велеславного князя твоего, приведшего тебя в этот край. О бедный, слишком бедный народ, ты не умеешь жить свободным. О nebožatha sprostna a zuřivosti plna [347], но что ты бежишь из жизни к смерти, несносное иго на себя налагаешь и выю [348] свою незнаемой службе подставля-

ешь. О безумные, поздно, напрасно будете жалеть, как те лягушки, которые избрали себе цаплю в короли, а она их, носом своим насмерть поражая, начала беспощадно их пожирать. Бедные вы, не знаете, что такое права княжеские, я вам их вкратце ознаменую. Легко ныне вам выбрать князя, но не легко вам будет выбранного низложить. Теперь он еще в нашей воле, но раз избран, вы и все наше имущество будет в его воле, перед ликом его, колена ваши затрясутся, язык онемеет, уста сомкнутся (sklesnou se) на его глас, вы едва в состоянии будете с великим трепетом вымолвить: так княже [349] или так. Он же одним мановением (pokynoutim) своим, без вашей рады того отсудит, иного велит выбросить в темницу, иного прикажет на виселицу повесить. Некоторым тем из вас, кого ему вздумается, велит он быть при себе прислужниками: поварами, пекарями, мельниками, поплажскими, палачами, биричами (хотя бы вам это и нелюбо было), установит из среды нас сотников, десятников berniky [350], урядников, винарей, сеячей, женцов и молотильщиков. Он захочет, чтобы сыны и дочери ваши низко ему кланялись, лучшее имущество ваше он себе присвоит, будь оно на поле или в вертограде на лугу, или в селе, в гумне, в коморе или в клети, будь оно даже и в земле зарыто и там он его отыщет и отнимет у вас. Сходство этой речи с речью Самуила к иудеям, просящим царя (I Самуил, гл. 8, ст. 11—17), довольно поразительно, может быть оно даже подражание сего места Ветхого завета, во всяком случае, однако ж, очень важно для нас, [что] сквозь риторические преувеличения Либуши пробивается тогдашнее понятие чехов о княжеской власти; она обнимает власть судебную, как в гражданских (отсудит), так и в уголовных делах (ввергать в темницу, вешать) и власть административную (100-ки, 10-ки урядники, биричи и пр[очее)]) [351], кроме того, князь как родовой старшина всего народа более или менее произвольно располагал не только имуществом, но и лицами подданных своих.

Рождение и выбор народа давали право на княжеский сан. Славимиол, владея пространной и многолюдной областью, требовал от прислужников и подданных своих, чтобы они его именовали князем или паном Куржимским, но, говорит Hajek (ad annum 76 [8]), он не был князем и не имел на это права ни по роду, ни по выбору народному (ne byl on jest Kníže any rozeny, any žádnie volány [352]). После смерти Čecha [353] народ не сейчас избрал Крука, но прежде предложил княжеский стол его брату Леху (ср. Hajek, ad annum 666, 670) и только вследствии его отказа выбран был Крук, которого Čech еще обещал po sobě souditi, a spravce lidy ustanoviti (Haj[ek] ann[o] 653 inf.) [354]. Прогнав Боривоя за то, что он принял христианскую религию, одни советуют выбрать себе князя из земледельцев (od pluhu), как предки их делывали, но народ, собравшись на вече, постановил послать за Стожаиром потому, что он был из княжеского рода (Haj[ek], ann[o] 896). Поэтому эта заботливость Владык и Lopotuom о том, чтобы род княжеский не пресекся, вследствие чего [355] они сейчас после венчания князя [356] приводили ему невесту, а в случае смерти первой супруги заставляли вторично жениться (Hajek. annum, 769 inf.).

Наконец, понятие о княжеском сане как о достоинстве, пребывающем постоянно в известном роде и сделавшимся его достоянием, пробивается и в оппозиции, которую мы встречаем, княжеской власти. Так, знатный род Вр[шов]цев (к роду этому принадлежал и Кресомысл), пытавшийся низвергнуть князя Мната и возсесть на [357] вышеградский престол (Hajek, ad annum 787), возмутился против князя Гостивита и не только его, но и весь род Пршемыслава хотел удалить от княжеского достоинства (rod knížecy od Přemyslava knižte prvniho pošly zahladiti u svůj rod mjeto toho Knižestvi uvesti [358]. Hajek, ad annum 887).

Сукослав сам, будучи из княжеского рода, восставал против Гостивита. «Скажите князю своему,— отвечал он послам, пришедшим напомнить ему

долг подданного,— что и в моих владениях жили некогда такие же князья и что я хочу расширять славу княжества своего» (Hajek, anno 879). При всем том однако же у чехов не было такого понятия о наследственности княжеского сана, как в Скандинавии, где сыну Кондига уже по рождению принадлежало царство отца (напр. сага Олафа Тригвасона, с. 45, 46 riki that er hanu er til borinu) [359]. Княжеская власть постоянно пребывала в роде Премыслава, но ни один из его потомков, однако же, не вступил [360] на престол по праву наследства, одно избрание народа делало его князем. Hajek рассказывает (ad ann[um] 884), что князь Гостивит велел себе выстроить град. Гостивит желал осадить на нем старшего сына своего, но лопоты и владыки просили его оставить при себе сына на Вышеграде, дабы он учился правосудию и мог в будущем правдиво судить подданных своих. Гостивит отвечал им: «Из ваших слов я заключаю, что вы хотите по смерти моей избраться себя [361] одного из сыновей моих себе в князья»,— и согласился на их просьбу. Здесь решительно не видно права, наследственного на престол [362]. Боривой при жизни еще отказался от престола и передал княжескую власть сыну старшему Спитигневу, созвав при этом однако ж на снем все три сословия: владыки, земане и мещане (Hajek, annum, 905). Спитигнев однако ж вскоре умер, и чехи обратились опять к Боривою с просьбой принять княжение, но он отказался и просил только, чтобы они выбрали сына меньшего его Вратислава (Hajek, annum 907). Народ сперва не хотел Вратислава по причине его молодости [363], и только po dluhem rokovani [364] был он избран и венчан. Впоследствии право наследства на престол получает более и более силы, так, уже после смерти Вратислава (ср. Hajek, ad annum, 917), оставившего после себя двух малолетних сыновей — Вацлава и Болеслава, Драгомира [365], вдова его, жаждавшая захватить правление в продолжении малолетства сыновей в качестве правительницы и опекунши, могла сказать собранным владыкам: «Вы не имеете права избрать себе какого-нибудь князя потому, что остались сыновья по муже моем [366], им принадлежит княжеский престол по праву наследства (onit nápad k knižstvi maji) [367], но так как они еще не дошли до лет своих, то кому же другому может надлежать zpravovane zemi [368] до их совершеннолетия, как не мне — княгине и матери их?» Владыки, посоветовавшись с старшими, согласились на требования Драгомиры. Но сам Вацлав о себе свидетельствует (Hajek, annum 921): «Отец мой блаженной памяти Вратислава mne jest pořizenim sve vůli posledni dědicem zůstavil, Lopotove, vládyky, a Zemane tito všichni se mne za Kniže volili [369]. Старший сын обыкновенно по отце наследовал на престоле, но также единственно вследствие выбора, а не вследствие права первородства [370]. Князь Воен, умирая, оставил двух сыновей — Кресомысла и Вратислава. Народ, собравшийся на снем, не знал, кого избрать: многие хотели меньшего брата Вратислава pro zpanilost osoby [371], другие — Кресомысла, который хотя меньше ростом, но ostreho vtipu [372]. Наконец, po dluhych rozepřech z mnohem rokovani [373] постановили выбрать Кресомысла как старшего на вышеградский престол, а Вратиславу в удел zadil дать Луцкую (Лунбицкую) область (Hajek, anno 832). Князь Неклан оставил также двух сыновей: Гостивита и Мстибоя [374], но народ выбрал старшего — Гостивита. Мстибой, питавший до тех пор надежду, что его выберут на пражское или, по крайней мере, на Луцкое княжество, восстал против брата и старался его свергнуть с престола. После пятилетней вражды он, наконец, помирился, приняв zadil — Кауржимское княжество (Hajek, annum 876). Из всех этих примеров [видим], что чехи преимущественно избирали старшего сына, но что это ничуть не было коренным правилом престолонаследия [375]. Общеславянская идея о праве старейшинства была известна чешскому народу [376]. Всего яснее она выказывается в договоре, заключенном между Гостивитом и Мстибоем, о престолонаследии (Hajek, anno 876).

Старшие и владыки, чтобы прекратить усобицу братьев, заставили их заключить договор, вследствие которого Гостивит остался князем в стольном граде Праге, а Мстибой, как младший, получил zadjl княжество Злицкое (т. к. последний владетель оного Леслав умер без наследников). Касательно же престолонаследия установили следующее: если Гостивит умрет прежде Мстибоя, оставив после себя детей, то быть [377] пражским князем Мстибою, а не наследникам Гостивита, в случае же смерти Мстибоя прежде Гостивита, чтобы старший сын Гостивита наследовал в Пражском княжестве, а наследники Мстибоя в удельном (posloupnem) [378], Злицком или Кауржимском княжестве. Договор этот про память будущих дней был записан в книги памятные, в которых находились права и постановления прежних князей Пржемысла, Либуши и их преемников. Дьяк и писец Розан написал оный на телячих книгах, скрепленных дубовыми досками, и они хранились в склепе возле Божницы (т. е. языческого храма, одни старшие лопоты имели ключи от этого склепа (Haj[ек] 1.1). Тщательность эта при хранении акта показывает, что он почитался одним из основных государственных постановлений, а подробность, с которой летописец передает нам внесение договора в dsky zemskie [379], служит ручательством за достоверность самого происшествия. И так в уделе князья наследуют по праву вотчинному, а не первородства (в договоре сказано, что наследники Мстибоя (dědici) наследуют в Злицком княжестве, а не старший сын), в великом же княжении по праву старейшинства брат, потом уже старший сын. Так было и в России, т. е. идея о праве старейшинства существовала, хотя часто обстоятельства не позволяли ей осуществляться, так и в Польше (напр. после смерти Болеслава Хр[аброго] [?] и Кенд[?]).

Народ избирал князя, народ же имел право низложить недостойного. Князь Мнат (ср. Hajek, annum 787), удалившись из Вышеграда в волость свою град Остромеч, Кресомысл предложил на вече низложить Мната как негодного к княжению по многим причинам в особенности потому, что он, оставив Вышеград pžed Knižestvim utika [380], и предложил, чтобы его выбрали на место Мната, как более способного и достойного. Лопоты и владыки послали тогда сказать Мнату, чтобы он возвратился, если хочет оставаться князем, и сидел на Выш[еграде] на отчем столе [381] потому, что они не могут оставаться bez pana a soudce [382], не то изберут себе нового князя.

О Боривое, которого прогнали за то, что он обратился в христианство, уже было упоминаемо [383]. При князе Сибеславе постановлено на снеме в Праге, между прочим (ср. Hajek, anno 1135); в случае князь допустит кого-нибудь против права посягнуть на безопасность государства разбоем heb jakou ž tolik hanbou [384], то паны и рыцарство и города nemaji Knižeti hleděti [385], и даней ему не платить до тех пор, пока не восстановит порядок по долгу присяги, данной князем при вступлении на престол.

Скажем несколько слов о порядке избрания князя и о случающихся при этом церемониях и торжествах. Народ и родственники три дня плакали и голосили над телом: «Земля наша осырела,— говорили они,— мы как пчелы без матери», ногтями лицо раздирали (Haj[ek], ann[um], 709; Jornandes [386] о смерти Атиллы). На третий день зарывали тело, над могилой обыкновенно клали огромный камень и палили огонь от 3 до 9 дней, причем иногда бороды резали и в огонь бросали (Haj[ek], ann[o]), иногда платье на куски рвали и на ветер пускали, взывая к богам, чтобы они им даровали князя. Вскоре после погребения [387] старшие и владыки [388] сзывали весь народ от мала до велика (иногда являлись и женщины) на снем [389] для величания нового князя [390] часто упоминается о снеме при yezevki [391], или студнице — верно священном источнике [392].

Провозгласив нового князя, его сажали на столе stolcě (предшественников его Чеха, Либуши, Пршемысла), при этом надобно заметить, что в

новом княжестве сажали кн[язя] и на новом столе, напр[имер], Вратислава в Луцком княжестве (Haj[ek], annum 834 на stolice nove, jako kniže noveho posadili [393] венчали шапкой čepice) Пршемысла, которую хранили знатнейшие из владык, вручали жезл (палку, которой опирался Чех), народ преклонял пред ним колена, снимал шапки, шлемы и пр. и присягал на верность (иногда старшие и владыки за себя и за народ: 750 избранных) и князь в полном облачении отправлялся на княжеский двор в Вышеград. На другой день лопоты и владыки приводят избранную ими жену, передают ему власть (иногда на 4 день) и все восвояси расходятся [394]. У германцев [395] новоизбранный князь должен был прежде всего обойти (circumire) государство свое, так в Скандинавии, Швеции король из Упсалы объезжал государство по Ераковому шляху (Eriksgato) (ср. Grimm, R. Sv. p. 237 sq.). Этим выражалось символическое — ввод во владение края. Этой черты мы не встречаем у славян, хотя и у них присвоение земли выражалось обхождением границ (Haj[ek], anno, 752 h...v... každy aby z te ochozy kterouž by sobe obšel neco platil [396]. Напротив у чехов проявляется противоположное обыкновение [397]. Так, при венчании Кресомысла (у Гаека весьма ясно отделяется избрание от венчания) Кресомысла избирают старшие и владыки на снеме на дворе Вышеградском в 832 г., а венчание на царство происходит в 833 г. 22 мая на широком поле (недалеко от Вышеграда) при Студинце Езерке весь народ чешский призывается на снем к назначенному дню. Владыки, zemane и лопоты обослали všecken lid česky ke dni určenému aby kniže svuj lid opatřil [398], но как никакое поле не могло вмещать столь огромное количество народу, то ст[аршие] и влады[ки], выбрав 730 мужей лучших, отослали прочих восвояси (Haj[ek] 1.1.). Вообще не видно, чтобы князь покидал столицу свою и объезжал землю осматривать — свое государство или чинить суд и расправу. Крук, например, paromenut se od svych žadců [399] посылает служебников своих ohledati zemi [400]. (Haj[ek], anno 680) и сделать подробное описание направления гор, рек и пр., а Мнат (Haj[ek], anno 787), оставив на время Вышеград, чуть не лишился из-за этого престола.

О венчании князей Корджанских (см. Гримма R...Sr... p. 253 sq...). Все описываемые там обряды чисто славянские, это видно уже из того что вопросы и ответы на славянском языке (in drei [...] [401] Sprachen) [402]. Вскоре после венчания (большею частью даже это было первое действие князя) он сзывал народ и велел себе ставить град или двор. Круку (Haj[ek], anno 675, 678), напр[имер], народ, собравшись на снем, постановил поставить град и место, дабы он, Крук, как пан их, на граде сидел, а они под ним, как подданные, вместе жили (ср. Haj[ek], anno 834 h...v...). Lučane kniže přsyavše dum jemu krasny — postavili anno — 746 služebnicy řadu Nesamyslovi davali, aby sobě k počtivosti někde v místě přihodnem kasal město postaviti [403].

В 759 г. (ср. Haj[ek], hoc, anno) князь Незамысл велел всему народу [404] собраться на двор княжеский [и] говорил им следующее: «Всем вам известно, что предки ваши князьям своим, моим предшественникам, места ставливали им в почесть, а себе для безопасности. Но ваша небрежность и беспечность принуждает меня напомнить вам обязанность, чтобы вы мне в пригожем месте град соорудили». Старшие, посоветовавшись с младшими, отвечали, что требование князя справедливо, вследствие чего г. Прага был обведен стеною. Князь, однако ж, не имел формального права требовать это от народа, это видно из того, что когда Болеслав (Haj[ek], anno 937) созвал весь народ на снем к 14 числу месяца дубна [405] и требовал, чтобы они воздвигли на известном месте город со стенами из тесанного камня. Старшие и zemane отвечали ему, что прежде сего никогда в этой земли этого не водилось, никакой князь никого не заставлял строить ему города, поэтому они отказались от исполнения этого требования. Однако ж Болеслав собственноручно убил Братрамила, говорившего ему от лица народа, [а] подданные

его упали духом, пали ниц на землю и молили его: «Милый княже, отпусти нам вину нашу, уже более не станем тебе противиться. Все, что прикажешь с охотою исполним», и начали строить высокую стену и град по имени Болеслав.

О составлении городов, как повинности, ср. Палацкий в Чт[ении] О[бщества] Н[...] Haj[ek], anno 993 (гр[амота] Болеслава) ср. с нашими тарх[анными] гр[амотами] А. И. И.

Как obrance zemi tebe za Kniže, za soudce, a spravcy y za obrancy jsme voli [406] anno 722). Князь предводительствовал войском большею частью лично, так что князь Неклан в войне с двоюродным братом своим Владиславом, князем Луцким (Haj[ek], anno 869), не надеясь на храбрость свою, должен был прибегнуть к хитрости и упросил храбростью известного Штара надеть на себя блестящую княжескую броню и принять на себя предводительство войском. Впрочем мы часто встречаем у Гаека примеры тому, что князь, не имея возможности лично предводительствовать войском, назначает вместо себя предводителя, например, annum, 861 (haytusan, воевода), тогда он приказывает его слушаться как отца (Haj[ek], ann[um] 960). Итак, у чехов воевода был совсем не то, что у прочих славян, напр[имер], ляхов, у которых уряд этот издревле существовал независимо о[т] княжеского уряда. Польша, образовавшаяся вероятно из федерации 12 земель, состояла под управлением 12 воевод, на челе союза находился князь Глота, а власть его простиралась и на воеводы [407], но по всей вероятности не он, а народ их выбирал. Польские историки сохранили предание (M. Cromer, De [origine et] reb[us] gest[is] Pol[onorum], libri II. p. 27, 31, 39, ed. Basil... 1558) — Dlugos, lib. I. p. 47 sq. 58/78 ed. Gleditschii 1711 [408] о двукратной додекарчии воеводов; эти воеводы существовали и при князе, но власть их исчезла пред могуществом князя; во время междуцарствий они естественным образом оставались единственными правителями народа до нового избрания. В Богемии мы этого не видим, воеводство не было постоянно народным, а только в случае нужды князь (а не народ) назначал воев[оду] на время похода и с окончанием войны кончался и уряд его. Это может потому, что Богемия не составляла, образовалась не из федерации городов или общин как Померания, Польша и даже Русь, но из [409] но одну общину под патриархальным владычеством князя. Чешские князья, хотя окруженные служебниками, не имели однако же дружины подобно русским князьям или сословия людей, единственно посвятившихся военной службе. Все жители равно участвовали в походах и несли военную службу. Неклан, собираясь отражать нападение Влатислава, обсылает všeskni zemane y městiane y věsniki t. j. sedlaky [410] и всем велел немедленно готовиться (Haj[ek], anno 869).

Предпринимая поход, князь созывал народ на снем и приказывал ему к назначенному дню собраться на известном месте (Vlastyslav všemu lidu svemu rozkazal aby pohotově byti, a když rozkaže aby se na Bozděchovském poli postavili, a odtud aby se jeli kdež jemž rozkaže. Haj[ek], anno 869 [411] в полном вооружении, т. е. с мечем, с луком протаванцами, смольниками, пралбицами и пр. (anno 812, 868, 869 и пр.)[412]. Иногда князь приказывал, чтобы все непременно являлись и чтобы никто не отговаривался, а кто бы не пришел [413] jez by tomu kniže porozuměl že jest ten, jeho nepritel [414] (Haj[ek], annum, 812). Князь луцкий Влатислав велел сделать меч [415] и носить его по всем местам княжества целый год, приказывая, чтобы все его подданные сделали себе точно такой меч [416] ни длиннее, ни короче и чтобы на следующий год все те, которые ростом в этот меч или длиннее, были готовы на зов князя выступить в поход в полном вооружении (так aby každy jakž můz najlepe se opatri, na svem podsedelniku neb popravniku hotov byl [417]. Haj[ek], anno 868). Хотя князь обыкновенно совещался пред началом войны с старшими и с владыками [418] и часто даже по их желанию предпринимал поход

(напр., anno 861) [419], однако ж он мог действовать совершенно самостоятельно и даже против воли народа; так, Болеслав, созвав всех старших и владык, велел им готовиться на войну, не открыв однако же никому из них против кого он хочет итти. А они, яко подданные, в великом множестве собрались на восьмой день перед Вышеградскими воротами (brama), он же, выбрав из них только 600 человек, остальных отпустил домой Haj[ek], anno 939, А 964 г. (Haj[ek], h[oc] a[nno]) [когда] император Оттон вторгнулся в Богемию, народ требовал от Болеслава чтобы он покорился Оттону. Болеслав не захотел и vladyky a zemany až ku radi však voisko na rozkaz knižete sveho zebrali [420].

Важною и довольно тягостною военною повинностью было также охранение и защищение городов и укрепленных мест. Повинность эта общеславянская (Лит[овский] ст[атут], stroz..., зак[оны] Вин[одольський], Лит[овский], Гр[имм], Мац[ейовский] и пр.), она подала больше на тех из служебников княжеских, испросивших позволения ставить град (ср. Haj[ek], anno 803 и пр.). Военная добыча делилась всем поровну. Князь получал [421] тоже только часть добычи, обыкновенно самое лучшее из всей добычи. (Ср. Haj[ek], anno 743, inf[erior] h[is] v[erbis]: kožysti a loupeže když mezi bojovniky byli dĕleny, jeden každý rovny dil jest vzal. krom prsten drahy a rzetier zlaty, ten jest dan Přemyslovi. Cp. anno 958 inf. 973 h. v. Kniže svym bojovnikum kasal kožysti a loupeře pohanske rovnym dilem podiliti [422]. Под 861 годом Гаек далее рассказывает, что hautman [423]. Всебой всю добычу принес пред князем, тот же, осмотрев ее, отдал в дар ему, Всебою, а Vsĕboj to všecko mezi sve bojovnike rozdielil [424]. (ср. Vita G. Otton[is] p..., Нестор). Князь предводительствуя войском, начинал битву [425], так Штир, заступающий место князя, окончив речь к своим hnal se sveho místa a Pražane za nim velmi prudce jako by pčely za svou matkou letialy [426]. Это общеславянская черта (ср. Нестор, Procop, de bello Vandalico; Boleslav, о молодости). Война иногда кончалась единоборством князей. (Ср. Мстислава Тмутараканского [427], так Влатислав предложил Неклану кончить таким образом войну так, чтобы победитель владел обеими княжествами (Ср. Haj[ek], anno 868), тоже самое предложил Вацлав Дреславу удельному Каурынскому (Haj[ek], anno 925).

О военнопленных ср: Haj[ek], anno 887 inf[erior], ср. Mac[iejowski] I, § 71. Cosmas Prag[ensis] p. 107 ср. Mac[iejowski] I, p. 513, v[ita] G. Ott[onis] Nar[...] VI. 318, Procop. De bello got[hico], III, c[aput] 14, Murze (?) Haj[ek], anno 1039.

Из двух начал развилось у славян все здание государственного устройства: начало патриархальное и начало демократическое. Из патриархального начала возникла родовая власть князей, из демократического — устройство общин и федеративные союзы республик, каковы встречаются у нас в удельном периоде, в Померании и, может быть, на Адриатическом море [428]. В основании своем идеи эти друг другу не противоречат и [первые] те общины славянские, которым обстоятельства дозволили развиваться по естественному племенному направлению, представляют нам гармоническое слитие обоих принципов. Но борьба этих элементов была неизбежна. Внутренняя история славян есть не что иное, как эта борьба. Вскоре начало получило перевес над другим. Из демократического вышла анархия, как в Польше, Малороссии (в XVII столетии) и даже Богемии, из патриархального — деспотизм.

Из этих двух начал развилось у славян двоякая судебная власть, общины и князя. Всяк своея челяди воевода, владыка в своем роде. Князь над всем народом, с другой же стороны, всяк гражданин, как член общины, правами своими гр[ажданскими] и политическими равный всем прочим, поэтому равный только может судить равного. Нигде это так ясно не выра-

жено, как в Сербском законодательстве ср. § 120 h[is] v[erbis] [429]: «Да су великам властелям велики властем судие, не среднать людем противу их дружина, а сербам дружина, да су судие».

Ч. II, арк. 33—88[430—431]. Автограф.

№ 116

1847 р. березня 17, 18.— З ЖУРНАЛУ III ВІДДІЛЕННЯ В СПРАВІ М. І. ГУЛАКА

Журнал

1847 г. марта 17-го

Государю наследнику цесаревичу доложено полученное от генерал-адъютанта Бибикова донесение студента Петрова о составлявшемся в Киеве Украйно-славянском обществе во имя св. Кирилла и Мефодия и о том, что один из участников этого общества, коллежский секретарь Гулак находится ныне в С.-Петербурге.

Его императорское высочество изволил разрешить арестовать Гулака и осмотреть все его бумаги.

Марта 18-го

Во исполнение означенного повеления обер-полицмейстер генерал-адъютант Кошкин и управляющий III отделением генерал-лейтенант Дубельт арестовали Гулака и доставили его со всеми бумагами в III отделение.

Во время арестования Гулак ходил в отхожее место под предлогом естественной нужды; из предосторожности сопровождал его туда полицейский служитель. После того частный пристав Юнкер приказал осмотреть нечистоты, и в них найдена преступная рукопись «Закон божий», брошенная Гулаком. Эта рукопись через обер-полицмейстера доставлена в III отделение.

Ч. II, арк. 110. Оригінал.

№ 117

1847 р. березня 18.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ М. І. ГУЛАКА В III ВІДДІЛЕННІ

Показание, снятое в III отделении с. е. и. в. канцелярии с чиновника Гулака

18 марта 1847 г.

1. *Объясните ваше происхождение, воспитание и вашу службу?*

Я, коллежский секретарь Николай Иванов сын Гулак, от роду имею 25 лет, исповедания православного, происхожу из дворян Полтавской губ., воспитывался в Дерптском университете, удостоен степени кандидата правоведения 1844 г., в службу вступил в 1845 г.— в канцелярию киевского военного, волынского и подольского генерал-губернатора, представил в феврале 1847 г. просьбу о перемещении меня в канцелярию совета С.-Петербургского университета. В С.-Петербург прибыл по отпуску в феврале месяце.

2. *Принадлежите ли вы к Славянскому обществу, которое имеет целью соединение всех славянских племен и введение между ними представительного образа правления, а если принадлежите, то подробно объясните начало, цель*

и все действия этого общества, поименуйте всех членов оного, объясните, в каких городах преимущественно и какими средствами они действуют?

Ни к какому тайному обществу я не принадлежу. Но случайным образом мне попалась в руки бумага под названием устав общества св. Кирилла и Мефодия. Получив эту бумагу, я дал слово не открывать ни времени, ни места, ни лица, от которого я получил эту бумагу, поэтому я не могу дать никаких объяснений на эти пункты.

3. *Давали ли вы кому-либо в Киеве и в других местах списывать устав Славянского общества, кем сочинен этот устав и у кого именно находятся экземпляры оного?*

Списывать этот устав я ннкому не давал. Мне неизвестно, находится ли где еще экземпляр этого устава.

4. *Имеете ли вы кольцо или икону во имя св. Кирилла и Мефодия?*

Кольцо с надписью св. Кирнлла и Мефодия у меня находится. Кольцо это я купил с теми же надписями в Киеве, в одной из киевских лавок. Купил я его для того, чтобы иметь воспоминание о Киеве.

5. *В какой степени участвовал в разговорах ваших о Славянском обществе в Киеве помещик Полтавской губ. Савич и неизвестно ли вам, с какой целью он отправился за границу?*

Помещик Савич бывал у меня в Киеве, мы имели с ним разговоры о разных предметах. Но ни о каком тайном обществе не говорили.

6. *Какие стихи запрещенного содержания читали вы в Киеве при бывшем студенте университета св. Владимира Навроцком, кто сочинял эти стихи и какое участие принимал Навроцкий в Славянском обществе?*

Бывший студент Навроцкий бывал также у меня и нередко читал разные стихи, но какие именно — не помню.

7. *Откуда получили вы и кем писана тетрадь, которую вы бросили в отхожее место при вашем арестовании?*

Тетрадь с либеральными мыслями, найденная в числе моих бумаг, писана моею рукою, но не мое сочинение. К этим показаниям я ничего не могу прибавить.

К сему показанию руку приложил колл[ежский] секр[етарь] Никол[ай] Гулак
22 марта 1847 г.

8. *Где находится тот экземпляр устава Славянского общества, который у вас находился?*

Где этот экземпляр находится — я не знаю.

К сему показанию руку приложил Никол[ай] Гулак

9. *Кто такие переписывавшиеся с вами: Кулиш, Посяденко, Андрузский, Тулуб, Белозерский, Маркович и Ашанин и где они находятся?*

Кулиш Пантелеймон Александрович служит при С.-Петербургском университете, выехал заграницу по поручению начальства для нзучения славянских наречий в начале 1847 г.

Посяденко Иван Якович, студент университета св. Владимира, в Киеве находится.

Андрузский, имени не знаю, студент того же университета, где он находится — мне неизвестно, потому что он хотел оставить университет.

Тулуб Александр Данилович, студент того же университета, находится в Киеве.

Белозерский Василий Мнхайлович, учился в унив[ерситете] св. Владимнра, служил в Полтаве, хотел уехать заграницу, где теперь находится — мне неизвестно.

Маркович Афанасий Васильевич окончил курс в унив[ерситете] св. Владимира, уроженец полтавский, был при мне в Киеве.

Ашанин Павел Львович, двоюродный мой брат, служит офицером в уланском полку на поселениях в Херсонской губ.

10. *Кто тот офицер, о котором Белозерский упоминал в письме к вам?*

Офицера образцового полка, о котором Белозерский упоминал в письме ко мне, я не знаю.

11. *Кто такой Шевченко и где он ныне находится?*

Шевченко Тарас Григорьевич, художник С.-Петербургской Академии художеств, ехал со мной из Киева до Черниговской губ. Мы с ним расстались в Борзенском уезде. Где он теперь находится — мне неизвестно.

12. *В день арестования вашего где вы обедали, не навещали ли после того еще кого-либо и не показывали ли кому тетрадь, которую потом бросили в отхожее место?*

В день арестования моего я обедал у тайного советника Скребицкого и оставался у него до того самого времени, как возвратился домой. Более же в тот день ни у кого из знакомых не был и тетрадь, которую потом нашли в отхожем месте, я никому не показывал.

13. *Что означает в письме г-на Кулиша выражение, что «между Москвою и С.-Петербургом решаются два великих современных вопроса»; с какой мыслью он советывал вам избрать местопребыванием С.-Петербург, говоря, что это важно и для Украины и для друзей ваших и что такое он намерен был здесь привести с вами в исполнение?*

Что разумел г-н Кулиш под словами «между Петербургом и Москвою решаются два великих современных вопроса» — я не знаю.

Г-н Кулиш советовал мне избрать местом пребывания С.-Петербург потому, что я здесь найду скорее место. Почему это важно для друзей моих и для Украины, я не знаю. Г-н Кулиш имел, вероятно, намерение привести со мною в исполнение какое-нибудь литературное предприятие.

14. *О какой мысли г-н Посяденко в письме к вам упоминает, которая подобна той, какая была у Навроцкого, и о каком христианском обществе говорит он?*

Какая это мысль, о которой упоминает г-н Посяденко в письме ко мне, которая подобна той, какая была у Навроцкого, я решительно не знаю. Словами «я удаляюсь на время от вашего христианского общества» г-н Посяденко намекал, вероятно, с иронией на сообщество или знакомство со мною и с моими знакомыми.

15. *О каком Николае Ивановиче писал к вам г-н Белозерский, по какому общему делу вы с ним трудитесь; в чем состояли ваши предположения, коими восхищен был г-н Белозерский в беседе с вами; для какого круга и какие христианские правила составляет г-н Кулиш; почему Белозерский считает художника Шевченка человеком, который способен угадывать потребности народа и даже целого века?*

Г-н Белозерский писал мне о Николае Ивановиче Костомарове. Общее дело, о котором г-н Белозерский пишет, что я тружусь вместе с г-ном Костомаровым, состоит, вероятно, в разработке отечественной истории и археологии.

В чем состояли предположения, коими восхищен был г-н Белозерский в беседе со мною,— я не знаю.

Для какого круга и какие правила составляет г-н Кулиш, мне неизвестно.

Г-н Белозерский считает художника Шевченка человеком, который способен угадывать потребности народа и пр[очее], вероятно, потому, что он его считает великим поэтом.

16. *Какие мысли передавали вы насчет Малороссии г-ну Марковичу, которые воспламеняли его до того, что он не ручался бы за свои чувства, если бы у него не было никакого имения; почему он называет Малороссию сиротст-*

вующею, каких действий вы ожидаете от него и других ваших друзей насчет Малороссии и почему он говорит, что в этом случае вы можете надеяться на него, Марковича, як на передні воли; в каком смысле он пишет, что бог избрал Белозерского для вас путеводною звездою к Вифлеему?

Какие мысли я передал г-ну Марковичу, которыми он воспламенился,— я не припомню.

Г-н Маркович хотел, верно, сказать, что он потому любит Малороссию, что он видит перед собою возможность сделаться в Малороссии помещиком и, что если бы он не имел этой возможности, то он не ручался бы за чувства свои, т. е. может быть совершенно охладел к Малороссии.

Почему г-н Маркович называет Малороссию сиротствующею, я не знаю. Слова «вы ждете от нас больше, чем мы можем сделать для нашей родины» означают, вероятно, литературную деятельность.

Г-н Маркович хотел выразить словами «вы надейтесь на меня як на передні воли», вероятно, то, что он устремит всю свою деятельность на изучение Малороссии.

В каком смысле г-н Маркович ко мне пишет, что бог избрал Белозерского для меня путеводвою звездою к Вифлеему, я не знаю.

17. *С какою мыслью вы писали к г-ну Ошанину, что он может сделаться великим или завоевателем, или монархом?*

Я советовал г-ну Ошанину не кидать своего предположения и переходить в военную академию. При этом я прибавил, что если он только захочет, он непременно выдержит экзамен. Здесь я присовокупил место из Memoires de Cosanova [432], выражающее ту мысль, что для человека с мощным характером и с сильною волею нет ничего невозможного и что если он захочет сделаться завоевателем или монархом или папою, или султаном. он непременно добьется своей цели.

18. *Почему вы в найденной у вас большой тетради старались показать положение рабов в древней России в самом ужасном виде?*

Я старался показать положение рабов в древней России в таком виде, в каком оно мне самому представлялось.

19. *Для чего вы хранили у себя тетрадь, в которой доказывается, что в Малороссии были жалуемы поместья в противность древних прав малороссиян?*

Я хранил у себя эту тетрадь потому, что в ней заключаются много любопытных сведений, которых я нигде еще не встречал.

29 марта 1847 г.

20. *С кем вы знакомы были в С.-Петербурге и кого посещали?*

В С.-Петербурге я посещал г-на тайного советника Скребицкого, ректора университета Плетнева, директора 2-го кадетского корпуса генерала Бибикова, писательницу Ишимову и служащего в министерстве государственных имуществ, кажется в первом департаменте, чиновника Владимира Иславина.

21. *Поименуйте всех посещавших вас в С.-Петербурге; кто были те два студента Дерптского университета, которые бывали у вас, и кто такой также посещавший вас г-н Варадинов?*

У меня на квартире в С-Петербурге по несколько раз был находившийся в Дерпте, когда я там учился, Кузьма Варадинов и бывший студент Дерптского университета Вильцин. Они посещали меня только по старому знакомству, и я не имел с ними никаких разговоров, кроме самых общих. Более никто у меня не бывал. Где же жительствуют Вильцин и Варадинов, мне неизвестно.

Ч. II, арк. 111—117. Оригінал.

№ 118

1847 р. березня 19.— ЗАПИСКА Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО РЕКТОРА САНКТ-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ П. О. ПЛЕТНЬОВА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ В УНІВЕРСИТЕТСЬКУ БІБЛІОТЕКУ «БОГЕМСЬКИХ ЛІТОПИСІВ» [433], ЯКІ ЗНАХОДИЛИСЬ У М. І. ГУЛАКА

Его превос[ходительст]ву П. А. Плетневу

19-го марта 1847 г., № 433

Генерал-лейтенант Дубельт, свидетельствуя совер[шенное] почтение его превос[ходительст]ву Петру Александровичу, имеет честь препроводить при сем находившееся у кандидата Николая Гулака и принадлежащее библиотеке С.-Петербургского университета сочинение на латинском языке «Богемские летописи» в трех томах, покорнейше прося о получении сих книг почтить уведомлением.

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II, арк. 118. Відпуск.

№ 119

1847 р. березня 19.— ПОВІДОМЛЕННЯ П. О. ПЛЕТНЬОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ОДЕРЖАННЯ УНІВЕРСИТЕТСЬКОЮ БІБЛІОТЕКОЮ «БОГЕМСЬКИХ ЛІТОПИСІВ», ВІДІБРАНИХ ПРИ АРЕШТІ М. І. ГУЛАКА

Его прев[осходитель]ству Л. В. Дубельту

Действительный статский советник Плетнев, свидетельствуя совершенное свое почтение его превосходительству Леонтию Васильевичу, имеет честь уведомить, что книги, присланные при записке от 19 марта сего 1847 г. за № 433 [434], им получены и переданы по принадлежности в библиотеку С.-Петербургского университета.

19 марта 1847 г.

Ч. II, арк. 119. Оригінал.

№ 120

1847 р. березня 25.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ОБЕР-ПРОКУРОРА СИНОДУ М. О. ПРОТАСОВА З ПРОХАННЯМ ПРИЗНАЧИТИ В III ВІДДІЛЕННЯ СВЯЩЕНИКА ДЛЯ ТОГО, ЩОБ СХИЛИТИ М. І. ГУЛАКА ДО РОЗПОВІДІ ПРО КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКЕ ТОВАРИСТВО

Весьма секретно

Его сият[ельст]ву гр. Н. А. Протасову

25 марта 1847 г., № 469

Милостивый государь гр. Николай Александрович!

При III отделении с. е. и. в. канцелярии содержится весьма важный арестант, который, несмотря на все убеждения открыть истину, упорствует в сознании, и я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство дозволить командировать в III отделение способного и просвещенного священника для религиозных увещаний означенного арестанта.

Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II, арк. 120. Відпуск.
Опубл.: П. Зайцев. Нові документи про Гулака // Наше минуле.— 1918.— № 1.— С. 54.

№ 121

1847 р. березня 26.— ВІДНОШЕННЯ М. О. ПРОТАСОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО ДЛЯ УМОВЛЯННЯ М. І. ГУЛАКА ПРИЗНАЧЕНО СВЯЩЕНИКА О. МАЛОВА

Весьма секретно

Марта 26 дня 1847 г., № 2295, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 25 сего марта № 469 имею честь уведомить, что для увещания содержащегося при III отделении с. е. и. в. канцелярии весьма важного арестанта назначен с.-петербургским епархиальным начальником протоиерей Невскокиевского собора Алексей Малов, которому дано надлежащее по сему предмету предписание.

С отличным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

гр. Н. Протасов

Помітка про одержання: 27 марта 1847 г.

Ч. И, арк. 121. Оригінал.
Опубл.: Наше минуле.— 1918.— № 1.— С. 55.

№ 122

1847 р. березня 27.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА СВЯЩЕНИКА О. МАЛОВА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВІДМОВУ М. І. ГУЛАКА ДАВАТИ БУДЬ-ЯКІ СВІДЧЕННЯ

27 марта 1847

1847 г. марта 27 дня при посещении мною коллежского секретаря Гулака открылось следующее:

1. Вид его был печален, но не дик, взоры томны, но кротки и смиренны.

2. Когда я начал говорить ему, чтобы он открыл правительству полную и чистую истину всего того, о чем его спрашивают, он с тихостью отвечал мне: «Нет, отец мой, сего сделать я не могу».

3. Когда я начал спрашивать о причине таковой невозможности, он отвечал мне: «На сохранение сей тайны я дал клятвенное слово, которого никогда и ни за что не нарушу».

4. Когда я начал доказывать ему о сем, что есть святого и досточтимого, что всякое частное клятвенное слово, а особенно если оное дано о каком-либо преступном начинании, есть явный грех и нарушение священнейшей клятвы, которая изрекается нами в верноподданической присяге, он заплакал, заплакал горько и отвечал мне: «Все это справедливо, но я не могу».

5. Когда я спрашивал у него, что же это за тайна и в каком деле правительство хочет дознать от него истину, он отвечал: «Правительство это уже знает; впрочем это некоторые несбыточные мечты, которыми увлекается иногда молодость; мечты сии сами бы собою разрушились, но вероятно кто-нибудь нас подслушал и дело сие получило гласность».

6. Я сказал ему: Вы произнесли слова: «Нас подслушали», следственно в Вашем деле были и некоторые другие участники. Он отвечал: «Были, но по силе взаимной нашей клятвы я их не наименую никогда. Знаю, что я сильно оскорблю господа бога, жестоко огорчаю моих родителей, но мое честное слово я сохраню, какая бы участь меня ни постигла; я вполне предаюсь промыслу божию».

7. В заключение всей беседы, которая сопровождалась непрестанным плачем, он сказал мне: «Отец! Прошу вас об одной милости, удостойте меня святого причащения». На сие я сказал ему: «Если вы сознаетесь в совершении том, чего требует у вас правительство, ваше желание я исполню с радостью, но если продолжите ваше упорство, сего сделать я не смогу». При сих словах моих он зарыдал еще более и сказал мне: «Если не для причащения, то хотя из христианской жалости навещайте меня».

8. Вообще в его разговорах я не заметил ничего сильно злостного и враждебного; все оные сопровождались мягкостью и сокрушением.

Протоиерей Алексей Малов

Помітка про одержання: 27 марта 1847 г.

Ч. II. арк. 122—123. Оригінал.
Опубл. Киевская старина.— 1906.— № 2.— С. 149, 150; Наше минуле.— 1918.— № 1.— С. 55

№ 123

1847 р. березня 28.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА СВЯЩЕНИКА О. МАЛОВА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВІДМОВУ М. І. ГУЛАКА ДАВАТИ СВІДЧЕННЯ

28 марта 1847 г.

При посещении моем Гулака 28 марта открылось следующее:

1. Когда начали отпирать дверь, ведущую в его комнату, он, поникнувши, стоял у открытой форточки и так был задумчив, что по-видимому и не слыхал действия ключа.

2. Когда я вошел в комнату, он смиренно принял от меня благословение, а когда я сказал ему, что пришел к нему от службы божьей, он перекрестился, а на глазах его показались обильные слезы.

3. Когда мы сели, я, успокоив его, объяснил ему дневное евангелие, объяснил и другие места из священного писания, и сии мои объяснения с христианскою любовью наклонял к тому, чтобы ввести его в дух откровенности, требуемой от него правительством. На все мои по сему объяснения он с каким-то внутренним томлением отвечал мне: «Я дал обет богу молчать, и прав ли оный или не прав, но я оного не нарушу. Я вам сказал уже, что никакого открытия сделать я не могу и, связанный обетом, теперь повторяю вам то же. Обет мой перед богом; за мною его исполнение». Долго я говорил ему, что подобные обеты противные богу, но он отвечал мне, что господь со мной ни сделает, моему обещанию я не изменю.

4. За сим я коснулся его воспитания и спросил его, какими предметами он любил заниматься особенно и он сказал мне, что университетский предмет его был юридический, но что он всегда любил историю и особенно древнюю.

5. Выслушав сие, я припомнил ему некоторые резкие места из древней истории и сие для того, чтобы видеть, не отразится ли на его лице или во взорах что-либо такое, чтобы хотя несколько указывало на его дух и правила. Он был совершенно спокоен, судил здраво, места достойные похвалы он хвалил, начинания преступные он осуждал.

6. Далее я завел с ним речь о его родителях и сестрах, он зарыдал, как младенец и сказал мне: «Знаю, что я убью скорбью моих родителей, но они простят меня, они добрые и знают мое сердце; я рос у них кротко, всегда был им предан, и они скажут: верно такова судьба его, пусть помилует его господь сердцеведец».

7. Далее я еще предложил ему несколько вопросов о боге, о наших к нему обязанностях и о других предметах; он на все отвечал с совершенною кротостию и правдивостью и с чувством истинно христианским.

8. Когда я начал с ним прощаться, он снова попросил у меня благословения, и когда я сказал ему, что завтра буду совершать божественную литургию, он с крупными слезами сказал мне: «Отец мой! Помолитесь за меня у престола божьего; выньте за меня часть, и если еще вы ко мне пожалуете, то принесите мне просфору, и если можно, принесите мне евангелие, псалтырь и хотя маленький образ».

9. По окончании сей речи я благословил его, он уронил несколько слез на мою руку, печально склонил голову к подушке и еще тихо сказал мне: «Отец мой! Не забывайте меня».

Протоиерей Алексей Малов

Резолюція Л. В. Дубельта: И в журнал коротко.
Помітка про одержання: 28 марта 1847 г.

Ч. II, арк. 124—125. Оригінал.

№ 124

1847 р. березня 29.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА О. МАЛОВА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВІДМОВУ М. І. ГУЛАКА ДАВАТИ СВІДЧЕННЯ

29 марта 1847 г.

29 марта в бытность мою у Гулака происходило следующее:

1. При входе моем он, как и прежде, смиренно принял от меня благословение и с грустью сказал мне: «Скоро ли решат мою участь?» Я отвечал ему: «Решение сего зависит от вас самих, откройте истину и, конечно, правительство решит ваше дело». На сие он мне отвечал: «Правда, у меня есть нечто, без чего бы меня и не взяли, но я твердо решился скрыть мое дело, быть может необдуманное и худо мною понятое, и сдержу сие слово, это — обет моего духа, на что бы меня не осудили, я все перенесу с покорностью».

2. После сего, делая ему те и другие вопросы, я неприметно довел разговор до следующего важнейшего вопроса: любите ли вы государя императора? Он с какою-то торжественною радостью отвечал мне: «Люблю, отец мой, любил всегда, и буду любить до конца моей жизни как отца отечества и помазанника господня; люблю весь державный его дом; люблю мое отечество, люблю все человечество и сия любовь во мне чиста и искрення. Зла я никому и никогда не желал и не желаю».

3. «Если вы так искренно любите государя,— сказал я ему,— то для чего из чистой преданности к его величеству вы не хотите исполнить требований правительства?» Он отвечал: «Не могу, отец мой, не могу, сила обета связывает язык мой».

4. За сим, переменив тон христианской снисходительности на голос строгого возвестителя божия правосудия, я представил ему все ужасы, которыми караются сердца непокорные, ожесточенные и упорные. Он терпеливо выслушал все и сказал мне: «Мое сердце не преступное, не ожесточенное, но робкое, трепетное, я раб моего обета, быть может оный и безразсуден, но я умру и слово, произнесенное во имя божие, унесу в гроб мой. Пусть буду я жертва, но не злости, не преступности, а мечтательности жалкой и необдуманной».

5. За сим я благословил его, и он сказал мне: «Если вы хотите еще меня порадовать, то приходите для утешения меня в моем узничестве, а не для преклонения меня к открытию истины. Я сказал вам решительно, говорил это и прежде вас другим, что я буду молчать, с сим молчанием и я останусь навсегда».

6. Тон разговоров сего дня со стороны Гулака был как и прежде кроткий, религиозно-чувствительный и впадающий в нечто фантастическое, восторженное. Идеал обета так сильно объял его душу, что он, кажется, готов пожертвовать ей всем.

Протоиерей Алексей Малов

Помітка про одержання: 29 марта 1847 г.

Ч. II, арк. 126—127. Оригінал.

№ 125

1847 р. березня 30.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА О. МАЛОВА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВІДМОВУ М. І. ГУЛАКА ДАВАТИ СВІДЧЕННЯ

30 марта 1847 г.

30 марта я с нарочитым усилением предложил Гулаку все возможные убеждения к открытию пред правительством чистой и полной истины в том, в чем его спрашивали и будут еще может быть спрашивать, но он отвечал мне окончательно и решительно: «Я не могу и не могу не по упрямству, а по силе моего обета; пусть меня судит бог, пусть меня наказывает правительство, но высказать себя я не могу». Более сего он не говорил ничего, только со слезами просил меня молиться о нем господу богу. При отходе моем, целуя мне руку с каким-то необыкновенным жаром, он еще сказал мне: «Отец! Богом клянусь вам, что злого и преступного я никогда и ничего не начинал, даже и не мыслил о сем. Господь меня видит; ему вручаю и участь мою».

Протоиерей Алексей Малов

Помітка про одержання: 30 марта 1847 г.

Ч. II, арк. 128. Оригінал.

№ 126

1847 р. березня 21.— ПОВІДОМЛЕННЯ ОБЕР-АУДИТОРА ЄЛІСЕЄВА В III ВІДДІЛЕННЯ ПРО НАГЛЯД ЗА КВАРТИРОЮ, ДЕ ЖИВ М. І. ГУЛАК

После арестования Гулака в квартиру дворянки Плаксиной никто не приходил и об нем не спрашивал; письмо же, полученное ими с почты, от почтальона к Гулаку, при сем представляется [436].

Обер-аудитор Елисеев

21 марта 1847 г.

Ч. II, арк. 129 [437]. Оригінал.

№ 127

1847 р. березня 22.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ПРО НЕОБХІДНІСТЬ НАКАЗУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ЛИСТІВ, ЩО БУДУТЬ НАДХОДИТИ НА ІМ'Я М. І. ГУЛАКА

Секретно

Его высокопре[восходительст]ву В. Ф. Адлербергу

22 марта 1847 г., № 451

М[илостивый] г[осударь] Владимир Федорович!

По высочайшему государя императора повелению имею честь покорнейше просить ваше высокопр[евосходительст]во, не изволите ли приказать, дабы все письма, кои будут получаться в С.-Петербургском почтамте на имя коллежского секретаря Николая Гулака, немедленно были доставляемы нераспечатанными в III отделение с. е. в. канцелярии.

Примите уверение и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II, арк. 131. Відпуск.

№ 128

1847 р. березня, не пізніше 29.— ВІДНОШЕННЯ ДИРЕКТОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОШТАМТУ Ф. І. ПРЯНІШНІКОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ДОСТАВЛЕННЯ У III ВІДДІЛЕННЯ ЛИСТА, ОДЕРЖАНОГО НА ІМ'Я М. І. ГУЛАКА

Секретно

Его прев[осходительст]ву Л. В. Дубельту

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Во исполнение секретного отношения его сиятельства гр. Алексея Федоровича к г-ну главноначальствующему над почтовым департаментом от 22 сего марта за № 451 [438] имею честь представить вашему превосходительству письмо, полученное сего числа из Новой Праги на имя действительного советника Плетнева для передачи М. И. Гулаку, и копию с заключающихся в том пакете писем.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Ф. Прянишников

Марта 1847, № 20.

Помітка про одержання: 29 марта 1847 г.

Ч. II, арк. 132. Оригінал.

№ 129

1847 р. березня 10.— ЛИСТ І. І. ГУЛАКА ДО М. І. ГУЛАКА З ВИСЛОВЛЕННЯМ ЗАДОВОЛЕННЯ ЙОГО ВЛАШТУВАННЯМ У ПЕТЕРБУРЗІ ТА ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДІСЛАННЯ ГРОШЕЙ

10 марта 1847 г., Николаевка

Любезный мой Николай! Мы получили твое письмо от 8 февраля и очень обрадованы, что дела твои так хорошо и так далеко подвинулись. Мы исполнены живейшей признательности к г-ну Плетневу — твоему покро-

вителю. Теперь от тебя зависит устраивать свою будущность. Не менее того мы довольны, что ты имеешь такое прекрасное знакомство. Умей его ценить и поддерживать.

В предыдущем письме я послал тебе деньги — 490 руб. асс[игнациями] на гардероб и на другие надобности. Ты должен уже получить их. Письмо это я адресую на имя г-на Плетнева, но не лучше ли будет, если ты напишешь мне свой адрес, чтоб не затруднять г-на Плетнева нашими письмами.

Узнай, когда отходит из Петербурга экстрапочта на Новую Прагу и пиши к нам с экстрою. Письма будут получаться вдвое скорее.

Мы получили и то письмо, которое ты писал из Москвы 17 января. Оно заслано было по ошибке в Николаев и потому так поздно получено. Будь здоров и благополучен. Желаю тебе дальнейших успехов на новом твоем поприще.

Преданный тебе И. Гулак

Ч. II, арк. 136, 137. Автограф.
Ч. II, арк. 133, 134 [439]. Копія з поміткою Л. В. Дубельта: Его величество изволил читать. 31 марта 1847 г. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт.

№ 130

1847 р., березня 8.— ЛИСТ Н. А. ГУЛАК ДО М. І. ГУЛАКА З ВИСЛОВЛЕННЯМ ЗАДОВОЛЕННЯ ВЛАШТУВАННЯМ СИНА У ПЕТЕРБУРЗІ З ЖИТТЄВИМИ ПОРАДАМИ ТА ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗНАЙОМИХ

8 марта 1847 г., Николаевка

Милый, бесценный мой Николай! Письмо твое от 8 февраля мы получили. Оно доставило мне так много удовольствия, что и выразить не могу. Оно успокоило меня в моей неизвестности насчет тебя. Я очень уважаю г-на Плетнева, с такою готовностью и без всяких видов принявшего в тебе участие. Всего более мы радуемся, что ты приобрел знакомство с такими просвещенными и значительными людьми. Старайся, мой друг, быть достойным такого общества, старайся быть в нем членом полезным, старайся заимствовать прекрасное как в науках, так и в светской жизни. Перед тобой теперь раскрылся новый свет, новые люди и новая жизнь. Будь деятелен и решителен, не бойся неудач, неудачи с каждым случаются, не смущайся, если тебе что и не удастся, а старайся достигать своей цели с твердою волею. Мы радуемся, что ты теперь из немца сделаешься русским и верно уже теперь не будешь писать стальным пером потому, что оно только годится для немецкого языка или письма. Для нас также приятно, что ты бываешь у Бибикова. Опиши нам подробнее семейство Плетнева; опиши нам вечера, что у вас на них делается, описывай нам все; ты имеешь ежедневно столько предметов для нас любопытных, что есть о чем писать, была б только охота. Уведомляй Александра о себе подробно, чтоб он знал, что с тобою делается, и пригласи его к себе на летние вакации. Уведомь, располагаешь ли ты взять к себе своего Алешку.

Уведомь, нужно ли тебе рубах. Если нужно, то я приготовлю тебе прекрасных голландских, по одесскому фасону, таких, как Демаре привез для себя из Одессы. Уведомь также, нужно ли платков носовых, манишек и пр[очее], все это я тебе пришлю, если ты в этом нуждаешься. Зима у нас до сих пор лежит, снегу в пол-аршина и не думает еще трогаться, метели были сильные, дорога забита и всякие сообщения были прерваны. Мария Корн[еевна] и я были крепко не здоровы, теперь нам лучше, но все еще негоразд. Из Малороссии получаем мы письма постоянно. Там много умерло, в числе прочих и Каролина Антоновна отправилась накануне Моисеевского бала

12 января. Вольховская выехала из дому к Софии Моисеевне, где и гостей принимала, но, разумеется, и третьей части не было тех, которые приехали к ней накануне. Писарева привезла гардероба и брильянтов на 100 тыс., но все это было без употребления. У Керстена дом сгорел, а Капнист уехал в Москву к брату. Немцы наши — отличные люди. Мы ими очень довольны. Соня, Лиза, Володя, Евгений целуют тебя и обнимают крепко-крепко. Мария Анд[реевна], Мария Кор[неевна] и весь ученый факультет кланяется. Из Одессы получаем письма, там все здоровы. Целую и обнимаю тебя мысленно и благословляю тебя, мой милый, дорогой друг, остаюсь сердечно любящая тебя

Н. Гулак.

Ч. II. арк. 138—139. Автограф.
Ч. II, арк. 140—142. Копія і на ній помітка: Его величество изволил читать. 31 марта 1847 г. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт.

№ 131

1847 р. квітня 22.— ВІДНОШЕННЯ Ф. І. ПРЯНІШНІКОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ЛИСТА І. І. ГУЛАКА

Секретно

Его превосход[ительст]ву Л. В. [Дубельту]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Во исполнение секретного отношения его сиятельства гр. Алексея Федоровича к г-ну главноначальствующему над почтовым департаментом от 22 прош[лого] марта № 451 [440] имею честь препроводить к вашему превосходительству письмо, полученное сего числа из Новой Праги на имя Николая Ивановича Гулака, и копию с оного.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Ф. Прянишников

22 апреля 1847 г., № 48

Резолюція Л. В. Дубельта: Оставить при деле.

Ч. II, арк. 143. Оригінал.

№ 132

1847 р. квітня 3.— ЛИСТ І. І. ГУЛАКА ДО М. І. ГУЛАКА З ПОРАДОЮ ПРИСВЯТИТИ СЕБЕ ТВОРЧІЙ РОБОТІ

3 апреля 1847. Николаевка

Любезный мой Николай!

Давно я не писал к тебе, да и от тебя получено только одно письмо от 3 марта. Между прочим ты описываешь, как проводишь время. Это описание доставило нам большое удовольствие. Мы очень радуемся, что ты находишься в таком прекрасном обществе. Желательно бы знать, над какими статьями ты трудишься и можно ли их где видеть в печати? Из теперешних журналов я получаю «Современника» [441] — очень хороший журнал, «Петербургские ведомости» — очень хорошая газета и еще кое-что по части хозяйственной. Если ты принялся теперь писать статьи, то, наконец, ты обратился к тому, за что давно должен был взяться. Но я думаю, что теперь ты и сам видишь слабое знание свое русского языка. Не правда ли? Признайся и напиши нам непременно, какие ты пишешь статьи и можно ли где их видеть?

Вместе с последним моим письмом к тебе я писал к Плетневу и к Бибикову, благодаря их за участие к тебе и за благосклонный прием. В последнем, кажется, письме я писал к тебе о метроиоме; после этого я видел в каталоге, что он стоит 15 карб. [442] Это дорого и потому поспешаю сказать тебе, чтобы ты не покупал; уведомь только о цене, а я посмотрю, если нужно будет, то я вышлю деньги.

Любопытно мне: как тебя принял Скребицкий и как ты его нашел? Ожидаю об этом твоего уведомления.

С светлого праздника у нас началась весна, и теперь уже тепло. Нового у нас ничего нет. Целую тебя от души и от сердца.

И. Гулак.

Маменька передает тебе через меня свой привет. Мы здоровы, кроме Марии Корнеевны. Она даже внушает нам опасения.

Я с твоею маменькою часто говорим о тебе, часто рассуждаем о теперешнем твоем положении и о том, какая лучшая была бы для тебя дорога. О службе гражданской и вообще о службе мы такого мнения, что она потребует от тебя всего твоего времени, что эта служба не будет нуждаться во всех твоих познаниях, следовательно, и не оценит их, и что всякая служба слишком неблагодарна, если иметь в виду все прошедшее время, употребленное тобою для наук. Служба пригодна и впору только тому, кто, кроме русской грамоты, ничего не знает. Во всяком разе служба свяжет тебя и не представит тех моральных и материальных выгод, каких вправе ты сейчас желать. Повторяю: служба возьмет у тебя все время и вознаградит очень скудно. Чин!... Что чин? Чины — последнее дело. Мнение Плетнева,— что должность по учебной части притупляет человека и делает его неспособным к высшим занятиям,— я совершенно одобряю. Это истина непреложная. Обязанный ежедневно повторять одно и тоже естественно делается машиною. Но в последнем письме ты пишешь, что говорил с Аполлоном Ильичем о месте в кадетском корпусе. Я этому не порадовался потому, что такое место противоречило бы моему убеждению. Это показывало бы, что крайность заставила тебя принять такое место.

По крайнему разумению моему и твоей маменьки всего лучше было бы тебе избрать для себя звание литератора. Выгоды были бы несомненны. Во-первых, ты не связан служебными урочными часами и употребляешь свое время по собственному произволу; во-вторых, это обеспечило бы тебя материальными средствами не только на текущее время, но и на будущее. Что может быть благороднее, как звание литератора? Посмотри на литераторов Булгарина, Греча, Сенковского, Краевского и всех других. А почему ж тебе не можно было бы, не говорю, сравниться с ним, но хотя приблизиться. Разве ты не получил предварительного к тому образования. Знаю, что ты не получил образования в русском языке. Это я очень знаю, знаю, что ты тяжел на труд самостоятельный, постоянный, ровный, как тракт. Знаю это. Но разве ты не можешь иметь твердой воли и непоколебимого убеждения? Думаю и уверен, что можешь! При убеждении и твердой воле нет ничего невозможного. Что касается до чинов, то ты мог бы получать их, считаясь на службе, как теперь и начал. Карьеру же свою ты мог устраивать на литературном поле, ни от кого не завися. Для этого, обсудив план, обдумав и решив (если находишь в себе силы и призвание быть литератором), должно приняться за дело усердно, ревностно и деятельно, не увлекаясь уже другими предположениями, не покушаясь уже на другие попытки. Плетнев, конечно, даст тебе насчет этого самый благий совет. А я бы тебе сказал, что тебе прежде всего нужно изучить русскую литературу, русских классиков, русский язык, начиная с правописания. Да! С правописания. Иностранные языки, как совершенно тебе известные, оставить, даже читать на них как можно

меньше, чтобы дать весь простор русскому элементу. Потому, что иностранные совершенно подавляют у тебя русский элемент, а в таком положении нельзя быть русским писателем. Чтобы быть таковым, то должно прилепиться всею мыслью и всею душею к русской литературе. Чтение славянского языка, напр[имер], библии — единственной для этого книги — укрепит и возвысит в тебе русский элемент. Кто не знает славянского языка, тот не может знать и русского. Это несомненно. Не довольно его понимать, надо упражняться в чтении его, чтобы иметь пользу.

Между тем переводы на русский язык, собственные произведения на русском языке — вот в чем ты должен упражняться постоянно, показывая свои произведения на суд таких людей, как Плетнев, и пользуясь их наставлениями. Тебе должно вступить в сотрудники которого-либо из журналов. Я бы искренно желал, чтобы ты избрал себе «Современника». При этом не должно увлекаться тем, чтобы имя твое было напечатано. Сохрани господи! Но иметь постоянное стремление к тому, чтобы произведения твои были в печати. Одно имя не доставит ни славы, ни известности. Достоинство произведений и без подписи твоего имени сделает тебя известным. Еще я тебе должен сказать наше мнение насчет рода литературы, которой ты должен себя посвятить. Мы убеждены, что юридическая и историческая литературы (к которым ты имел столько приготовлений) будут для твоей цели невыгодны. Они будут неблагодарны прн теперешнем состоянии нашего общества. В подтверждение этого мнения можно бы сказать много, но я умалчиваю. Я только скажу тебе, что ты должен избрать для себя литературу беллетрическую — журнальную, современную обществу. Ты скажи себе: со временем я осную журнал и буду издателем с несколькими тысячами подписчиков и, поставив это себе целью, достигай ее неуклонно, не пугаясь никаких преград. Тогда бы то мы были совершенно счастливы твоим успехом.

Таково наше мнение, таковы наши убеждения, не минутные, но долго и зрело обдуманные. Желаем знать об этом твое мнение и твои намерения.

Ч. II, арк. 144—147. Автограф.
Ч. II, арк. 150—156. Копія.

№ 133

1847 р. квітня 9.— ЛИСТ Н. А. ГУЛАК ДО СИНА З ПАСХАЛЬНИМ ПРИВІТАННЯМ, НАДІСЛАНИЙ З с. МИКОЛАЇВКИ ХЕРСОНСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Ч. II, арк. 148. Автограф. Не публікується.
Ч. II, арк. 156. Копія.

№ 134

1847 р. травня 21.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ ЦЕНЗОРА ПОШТАМТА Ф. Ю. УЛЬРІХСА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ТЕ, ЩО НА ІМ'Я М. І. ГУЛАКА НАДІЙШОВ ЛИСТ З м. ДЕРПТА

Ч. II, арк. 157. Оригінал. Не публікується.

№ 135

1847 р. травня 19.— ЛИСТ О. І. ГУЛАКА ДО БРАТА ПРО АРЕШТ О. В. МАРКОВИЧА, О. О. НАВРОЦЬКОГО, М. І. КОСТОМАРОВА ТА ІН.

Mon cher Nicolas!

Il me semble que votre paresse de tantôt a de nouveau renouvelé sur vous son joug. Grand bien vous fasse, si la paresse seule est cause de votre silence. A la maison tous sont malheureux de ne pas avoir de vos nouvelles. J'ai reçu aujourd'hui matin une lettre de papa et je me hâte de vous en communiquer les tristes nouvelles. Le cousin Paul a été enlevé la nuit par force armée pour cause ignorée, sans prendre congé de sa mère; il a été entrainé et ses traces sont perdues. Un aide-de-camp de l'Empereur, un courrier et un officier civil ont exécuté l'enlevement. Ensuite ont suivi les enlèvements de Nawrodsky de chez Capnist, de Marcowitch et de Netchai de chez Ниверовской Avant on a arrêté Costomara à Kiew. On se perd en conjectures, d'autant plus du'onn' a pas de nouvelles de Pawel Lew. Depuis 2 mois vous n'avez écrit ni à la maison ni à moi. Répondez avec la première poste à la maison et à moi. Maman est malade, papa sans argent, par conséquent moi sans le sou. Ecrivez à l'instant à la maison, pour rassurer l'inquiétude de papa. Michalcow est décédé. Peter ira à Odessa y chercher une place.

J'ai demandé de l'argent pour aller à Pétersbourg, on m'a refusé disant, que là où il n'y a rien, le roi perd son droit. C'est fort gentil, mais très peu consolant. Ce sera pour l'hiver. Très peu de nouveau, toujours la même chose, des dettes, point d'argent — c'est ennuyeux. Adieu,— répondez vite quelques lignes et écrivez à la maison tout de suite.

A. Gulac

Дечр, 19 mai 1847

Ч. II, арк. 161, 162 [444]. Автограф. франц. мовою.
Ч. II, арк. 158—159. Копія.

Переклад

Дорогий Микола!

Мені здається, що лінощі недалекого минулого знову заволоділи вами. Добре, якщо тільки лінощі причина вашої мовчанки. Вдома всі дуже засмучені, бо не одержують від вас ніяких відомостей. Сьогодні вранці я одержав листа від батька і поспішаю повідомити ті сумні новини, що в ньому містяться. Вночі з невідомих причин заарештували кузена Павла. Йому не дали попрощатися з матір'ю; забрали, і де він — невідомо. Арешт здійснили флігель-ад'ютант, кур'єр і один чиновник. Потім заарештували Навроцького у Капніста, Марковича і Нечая у Неверовської [445]. Перед цим у Києві був заарештований Костомаров. Губимось у здогадках, до того ж немає листів від Павла Лев(...) [446]. Вже два місяці ви не пишете ні мені, ні додому. Відповідайте з першою поштою додому і мені. Мама хворіє, батько без грошей, отже, і я без копійки. Пишіть негайно додому, щоб заспокоїти батька.

Михалков помер. Петро їде до Одеси шукати місця. Я просив грошей на поїздку до Петербурга; мені відмовили, зазначивши, що там, де немає нічого, навіть король втрачає право. Забавно, але не втішно.

Тепер те ж саме — борги, нестача грошей — набридло.

Прощайте. Швиденько напишіть кілька рядків і негайно шліть листа додому.

О. Гулак

Дерпт, 19 травня 1847 р.

№ 136

1847 р. березня 29.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО В.О. НОВОРОСІЙСЬКОГО І БЕССАРАБСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА П. І. ФЕДОРОВА[447] ПРО З'ЯСУВАННЯ ПОЛІТИЧНОЇ БЛАГОНАДІЙНОСТІ ХЕРСОНСЬКОГО ПОМІЩИКА І. І. ГУЛАКА

Весьма секретно и нужное

Его превосход[ительст]ву П. И. Федорову

29 марта 1847 г., № 487

Милостивый государь Павел Иванович!

По встретившейся надобности имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли приказать немедленно разведать под рукою о поведении, образе мыслей и степени благонамеренности жительствующего в Херсонской губ., в посаде Новая Прага, помещика, отставного чиновника 7-го класса Ивана Ивановича Гулака и о последующем удостоить меня уведомлением.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II. арк. 163. Відпуск.

№ 137

1847 р. квітня 26.— РАПОРТ П. І. ФЕДОРОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО БЛАГОНАДІЙНІСТЬ ПОМІЩИКА І. І. ГУЛАКА

Весьма секретно

Шефу корпуса жандармов, генералу от кавалерии, г-ну генерал-адъютанту гр. Алексею Федоровичу Орлову

Исполняющего должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора

Рапорт

В исполнение секретного предложения Вашего сиятельства от 29 истекшего марта № 487[448] о дознании под рукою о поведении, образе мыслей и степени благонамеренности жительствующего в Херсонской губ., в посаде Новая Прага, помещика, отставного чиновника 7-го класса Ивана Гулака командирован был мною особый чиновник для собрания на месте самым секретным образом означенных сведений.

Чиновник этот ныне доносит мне, что по тщательном секретном разведывании дознано, что отставной [чиновник] 7-го класса Иван Иванович Гулак не живет и никогда не жил в посаде Новая Прага, но что он, имея [в] Херсонской губ., в Александрийском уезде, деревню, называемую «Николаевка» (она же Гулаковка), находящуюся от Новой Праги в 70 верстах, в сентябре месяце 1846 г. переселился в это имение со всем семейством на постоянное жительство, где и ныне находится; до того же времени он постоянно проживал [в] Полтавской губ. в собственном имении его и приезжал в Николаевку временно, в случае надобности, и что со времени поселения Гулака на жительстве в Александрийском уезде он ни в каких дурных и противозаконных поступках не замечен, с соседями живет мирно, с крестьянами обращается кротко и снисходительно; что же касается до образа его мыслей, то по не-

давнему пребыванию его в Александрийском уезде разведать было невозможно, ибо никто из соседей — помещиков — коротко его не знает [449].

О чем имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству.

Генерал-лейтенант Федоров

26 апреля 1847 г., № 87. Одесса
Донесение на № 487

Ч. II, арк. 164—165. Оригінал.

№ 138

1847 р. квітня 1.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ М. І. ГУЛАКА В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные коллежскому секретарю Гулаку, и ответы его

1 апреля 1847 г.

1. *В чем состоит тайное общество, называемое Славянским обществом св. Кирилла и Мефодия; с какой целью оно учреждено, какими средствами предполагало действовать и что именно доселе сделано в видах этого общества?*

Не знаю.

2. *Вы ли учредили Славянское общество и какими обстоятельствами вовлекались в это преступление, если же не вы, то кто первый подал мысль, кто особенно содействовал развитию этой мысли, кто руководил делом и кто вас увлек в сообщество?*

Нет, не я. О Славянском обществе я ничего не знаю.

3. *Кто сочинил устав Славянского общества и тетрадь, называемую «Закон божий»; где находится тот экземпляр устава, который у вас был, и по какой причине упомянутую тетрадь при вашем арестовании вы бросили в отхожее место; не давали ли вы кому списывать устав и означенную тетрадь и у каких именно лиц находятся ныне экземпляры оных?*

Не знаю, кто сочинил устав Слав[янского] общ[ества] и тетрадь под названием «Закон божий». Куда девался находившийся экземпляр устава, я не знаю. Почему я бросил тетрадь, это может всякий предполагать и без моего ответа. Списывать устав и тетрадь я никому не давал, а находятся ли у кого экземпляры этих бумаг, я не знаю.

4. *По какой причине имели вы у себя кольцо с надписью имен св. Кирилла и Мефодия? Не было ли у вас еще иконы сих святых? Все ли члены Славянского общества имели подобные кольца и иконы?*

Кольцо купил я в память Киева; иконы с именами св. Кирилла и Мефод[ия] у меня не было. Находились ли у кого подобные кольца и иконы, я не знаю.

5. *Не входило ли Славянское общество в сношения с жителями Царства Польского и с заграничными славянскими племенами, а также с польскими выходцами, и если входило, то с кем именно и в чем состояли сношения?*

Не знаю.

6. *Действительно ли, что в Москве находится главный центр Славянского общества и кто именно из членов там находится?*

Не знаю.

7. *Поименуйте всех членов Славянского общества вам известных, где каждый из них находится и кто именно из них путешествует по России с целью распространять идеи общества?*

Я не знаю никаких членов Славянского общества.

8. *В какой степени участвовали в Славянском обществе помещик Полтавской губ. Савич, бывший студент Навроцкий и художник Шевченко? По*

Протокол допиту М. І. Гулака 1 квітня 1847 р.

какой причине первый из них поехал за границу? Не имел ли он каких-либо поручений от общества и для чего последние отправились в Малороссию?

Не знаю.

9. *Не известно ли вам, с какой целью путешествует за границею дворянин Федор Чижов?*

Не известно.

10. *Что означает в письме г-на Кулиша выражение, что «между Москвою и С.-Петербургом решаются два великие вопроса»? С какою мыслью он советовал вам избрать местопребыванием С.-Петербург, говоря, что это важно для Украины и для ваших друзей и что такое он намерен был здесь привести с Вами в исполнение?*

Что означает это выражение, я не знаю. Советовал мне переселиться в Петербург, вероятно, потому, что я здесь скорее получу место. Что он разумел под словами «привести в исполнение», я не знаю.

11. *О какой мысли г-н Посяденко в письме к Вам упоминает, которая подобна той, какая была у Навроцкого, и о каком христианском обществе говорил он?*

Не знаю.

12. *О каком общем деле писал к вам г-н Белозерский, по которому вы трудитесь вместе с адъюнктом Киевского университета Костомаровым; в чем состояли Ваши предположения, коими восхищен был Белозерский в беседе с вами; для какого круга и какие христианские правила составляет г-н Кулиш; почему Белозерский считает художника Шевченко человеком, который способен угадывать потребности народа и даже целого века?*

Вероятно, Белозерский разумел под этим наши ученые труды. Я не помню, какими предположениями моими был восхищен Белозерский. Какие правила составляет Кулиш, я не знаю. Белозерский считает художника Шевченко замечательным человеком, вероятно, потому, что в нем большие поэтические дарования.

13. *Какие мысли передавали вы насчет Малороссии бывшему студенту Марковичу, которые воспламенили его до того, что он не ручался бы за свои чувства, если бы у него не было никакого имения; почему он называет Малороссию сиротствующею; каких действий вы ожидаете от него и других ваших друзей насчет Малороссии и почему он говорит, что в этом случае вы можете надеяться на него, Марковича, як на передні воли; в каком смысле он пишет, что бог избрал Белозерского для вас путеводною звездою к Вифлеему?*

Что разумел в этом письме г-н Маркович, я сам не знаю.

14. *С какою мыслью вы писали поручику Новоархангельского уланского полка Ашанину, что он может сделаться великим или завоевателем или монархом?*

Я ничего подобного ему не писал, я развивал только в письме философскую мысль, что сила воли все может преодолеть и привел слова другого писателя, подтверждающие мою мысль.

15. *Почему вы в найденной у вас большой тетради старались показать положение рабов в древней России в самом ужасном виде?*

Я старался показать их положение в том виде, в котором оно мне самому представлялось.

16. *Для чего вы хранили у себя тетрадь, в которой доказывается, что в Малороссии были жалуемы поместья в противность древних прав малороссиян?*

Эту тетрадь я хранил как редкость.

Колл[ежский] секр[етарь] Николай Гулак

1-го апреля 1847 г.

Ч. II, арк. 166—173. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 126—129.

№ 139

1847 р. березня 25 [450].— ЛИСТ О. Ф. ОРЛОВА ДО І. І. ГУЛАКА ПРО АРЕШТ ЙОГО СИНА

Весьма секретно

Его высокобл[агород]ию И. И. Гулаку

Милостивый государь Иван Иванович!

Сын ваш, коллежский секретарь Николай Гулак, вовлекся в преступные замыслы и принадлежит к одному тайному политическому обществу. При открытии этого общества сын ваш арестован и найденные у него бумаги столько изобличают его, что он не может не сознавать принадлежности своей к упомянутому обществу, но между тем он не объявляет ни подробностей замышляемого преступления, ни соучастников своих, решительно и упорно отзываясь одним, что не может открыть истину по силе честного слова, кому-то им данного. После многих убеждений в III отделении с. е. и. в. канцелярии я лично делал сыну вашему самые кроткие и отеческие увещания, описал ему картину сравнения между данною им перед господом богом присягою быть верным подданным государю императору и между честным словом, которое он дал нескольким молодым людям, не показывать истины; объяснил ему все пагубные последствия его запирательства и то несчастье, в которое он ввергает и себя, и вас, и родительницу свою. Сын ваш был тронут до глубины души, плакал и, казалось, готов был последовать отеческим советам моим, но упорство в нем превозмогло и он остался при прежних ответах: не знаю!

Таким образом сын ваш отнял у меня всю возможность облегчить ту меру наказания, которая предстоит ему за столь упорное запирательство. Скорбя за него и еще более входя в чувства ваши и его родительницы, я истощил все средства к тому, чтобы он искренним признанием смягчил вину свою, но он лишил меня утешения поправить его участь. После этого я слагаю с души моей всю тягость ответственности и с величайшим прискорбием извещаю вас, милостивый государь, что не правительство, всегда готовое снисходить к раскаивающимся виновным, но сам сын ваш уже подписал приговор себе и его более ничто не может ожидать, как самое тяжкое наказание.

Еще раз изъявляя искреннейшее сожаление о положении сына Вашего и о той горести, которую он нанес вашему семейству, покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять уверение в истинном моем почтении и преданности.

гр. Орлов

Письмо это я читал и все, что в нем ни сказано, истинная правда.

Николай Гулак

[25] марта 1847 г., С.-Петербург

Резолюція О. Ф. Орлова: Оставить впредь до приказания.

Ч. II, арк. 174—175. Оригінал.

№ 140

1847 р. квітня 1.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА КОМЕНДАНТУ ПЕТРОПАВЛІВСЬКОЇ ФОРТЕЦІ І. М. СКОБЕЛЄВУ ПРО УВ'ЯЗНЕННЯ М. І. ГУЛАКА В ОЛЕКСІІВСЬКИЙ РАВЕЛІН

Весьма секретно

Его высокопр[евосходительст]ву И. Н. Скобелеву

1 апреля 1847 г., № 503

Милостивый государь Иван Никитич!

По высочайшему повелению, препровождая при сем коллежского секретаря Николая Гулака для заключения в Алексеевский равелин, долгом считаю уведомить ваше высокопревосходительство, что арестант сей есть самый важный, закоренелый и доказанный политический преступник, который между тем показал столько упорства, что, несмотря на все убеждения и явные против него улики, не открывает подробностей своего преступления, а потому не благоугодно ли будет вам, милостивый государь, приказать содержать его в равелине самым строгим образом, в совершенном уединении, не допуская никого к нему и не давая ему ни книг, ни других предметов развлечения.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II, арк. 176. Відпуск.

№ 141

1847 р. квітня 1.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА МИКОЛІ І ПРО УВ'ЯЗНЕННЯ М. І. ГУЛАКА В КАМЕРІ № 7 ОЛЕКСІІВСЬКОГО РАВЕЛІНУ

Его императорскому величеству
коменданта С.-Петербургской крепости
генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что доставленный ко мне при предписании главного начальника III отделения с. е. и. в. канцелярии для заключения в Алексеевский равелин коллежский секретарь Николай Гулак сего числа принят и посажен в арестантский покой под № 7.

Комендант генерал от инфантерии Скобелев

Апреля 1-го дня 1847 г., № 34

Помітка: Его величество изволил читать. 2 апреля 1847 г.

Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. II, арк. 177. Оригінал.

№ 142

1847 р. квітня 1.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО УВ'ЯЗНЕННЯ М. І. ГУЛАКА В КАМЕРУ № 7 ОЛЕКСІІВСЬКОГО РАВЕЛІНУ

Весьма секретно

Главному начальнику III-го отделения с. е. и. в. канцелярии
г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта С.-Петербургской крепости
генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Доставленный ко мне при предписании вашего сиятельства сего числа за № 503 [451] коллежский секретарь Николай Гулак для заключения в Алексеевский равелин мною принят и посажен в арестантский покой под № 7 с принятием строгих мер относительно его содержания; о чем вашему сиятельству честь имею донести.

Генерал от инфантерии Скобелев

Апреля 1 дня 1847 г., № 35

Помітка про одержання: 2 апреля 1847 г.

Ч. II, арк. 178. Оригінал.

№ 143

1847 р. квітня 2.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ЗНАЙДЕННЯ У М. І. ГУЛАКА СТАТУТУ КИРИЛО-МЕФОДІІВСЬКОГО ТОВАРИСТВА І «КНИГИ БУТТЯ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ» [452]

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии
г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта С.-Петербургской крепости
генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Найденные при осмотре арестанта Гулака, по моему мнению, достаточной важности две бумаги, сего вашему сиятельству представить честь имею.

Генерал от инфантерии Скобелев

Апреля 2-го дня 1847 г., № 37

Помітка про одержання: 3 апреля 1847 г.

Ч. II, арк. 179. Оригінал.

№ 144

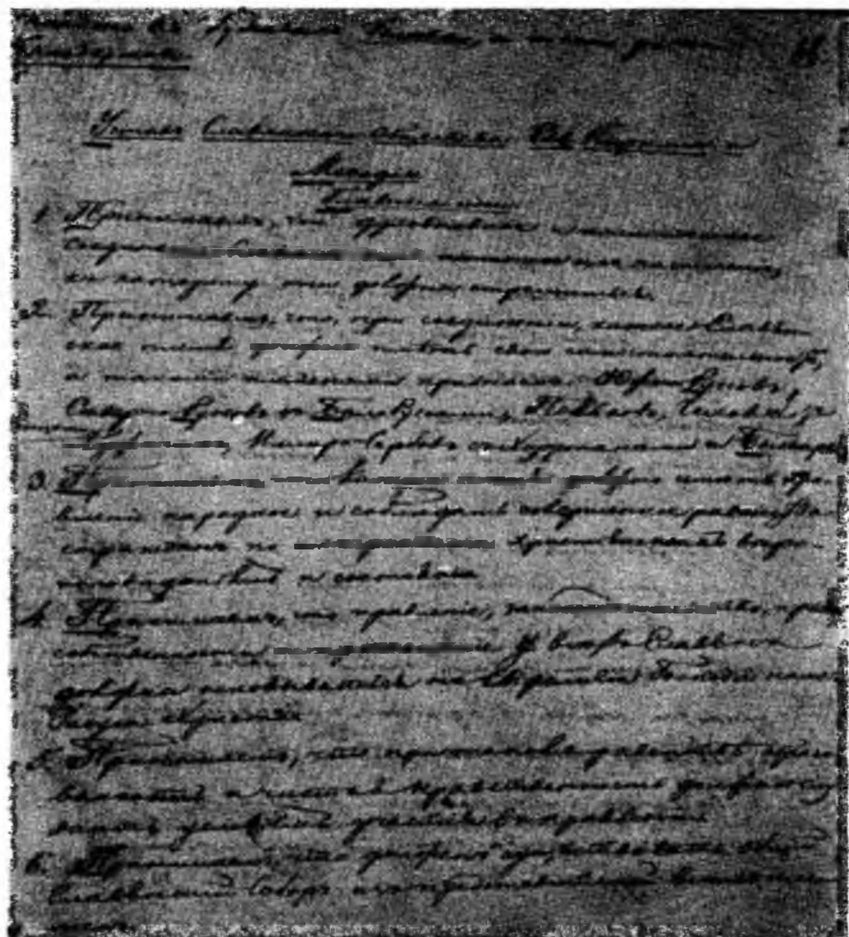
1845 р. кінець — 1846 р.— СТАТУТ КИРИЛО-МЕФОДІІВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Устав Славянского общества св. Кирилла и Мефодия

Главные идеи

1. Принимаем, что духовное и политическое соединение славян есть истинное их назначение, к которому они должны стремиться.

2. Принимаем, что при соединении каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность, а такими племенами признаем: южно-руссов,

Статут Кирило-Мефодіївського товариства.

северно-руссов с белоруссами, поляков, чехов с [сло]венцами, лужичан, иллиро-сербов с хурутанами и болгар.

3. Принимаем, что каждое племя должно иметь правление народное и соблюдать совершенное равенство сограждан по их рождению, христианским вероисповеданиям и состоянию.

4. Принимаем, что правление, законодательство, право собственности и просвещение у всех славян должны основываться на св[ятой] религии господа нашего Иисуса Христа.

5. Принимаем, что при таком равенстве образованность и чистая нравственность должны служить условием участия в правлении.

6. Принимаем, что должен существовать общий Славянский собор из представителей всех пле[мен].

Главные правила общества

1. Установляем общество с целью распространения вышеизложенных идей преимущественно посредством воспитания юношества, литературы и умножения числа членов общества. Общество именует своими покрови-

телями святых просветителей славянства Кирилла и Мефодия и принимает своим знаком кольцо или икону с именами или изображением сих святых.

2. Каждый член общества, поступая, произносит присягу употреблять дарования, труды, состояние, общественные свои связи для целей общества, и ежели бы какой член потерпел гонение и даже мучения за принятые обществом идеи, то, по данной присяге, он не выдает никого из членов, своих собратий.

3. В случае член попадет в руки врагов и оставит в нужде семейство, общество помогает ему.

4. Каждый член общества может принять нового члена общества без необходимости сообщать ему об именах прочих членов.

5. В члены принимаются славяне всех племен и всех званий.

6. Совершенное равенство должно господствовать между членами.

7. Так как в настоящее время славянские племена исповедуют различные вероисповедания и имеют предубеждение друг против друга, то общество будет стараться об уничтожении всякой письменной и религиозной вражды между ими и распространять идею о возможности примирения разногласий в христианских церквях.

8. Общество будет стараться заранее об искоренении рабства и всякого унижения низших классов, равным образом и о повсеместном распространении грамотности.

9. Как все общество в совокупности, так и каждый член должны свои действия соображать с евангельскими правилами любви, кротости и терпения; правило же: «Цель освящает средство» общество признает безбожным.

10. Несколько членов общества, находясь в [453] одном известном месте, могут иметь свои собрания и постановлять частные правила для своих действий, но дабы они не противоречили главным идеям и правилам общества.

11. Никто из членов не должен объявлять о существовании и составе общества тем, которые не вступают или [не] подают надежды вступить в него.

Помітка: Найдено в бумагах Гулака, а писано рукою Белозерского.

Ч. II, арк. 180—181. Автограф.
Ч. I, арк. 3—5. Копія.
Опубл.: Русский архив.— 1893.— № 7.— С. 339—401;
Киевская старина.— 1906.— № 2.— С. 138—140. Былое.— 1906.— № 2.— С. 66—67.

№ 145

1845 р. кінець — 1846 р.— СПИСОК «КНИГИ БУТТЯ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ» М. І. КОСТОМАРОВА, ЩО БУВ ВИЛУЧЕНИЙ У М. І. ГУЛАКА ПІД ЧАС ОБШУКУ В ОЛЕКСІЇВСЬКОМУ РАВЕЛІНІ 2 КВІТНЯ 1847 р. [454]

А.

ЗАКОН БОЖИЙ

Переписано Костомаровым, найдено в бумагах Гулака

1. Бог создав світ: небо і землю і населив усякими тварями і поставив над усею тварью [455] чоловіка і казав йому плодитися і множитися і постановив, щоб род чоловіческий поділився на коліна і племена, і кожному колінові і

Бог сотворил мир: небо и землю и населил всяким творением и назначил над всею земною тварью человека, повелел ему раститься и множиться и узаконил, чтоб род человеческий разделился на поколения и племена, и каждому по-

«Закон божий». Перша сторінка двомовного примірника.

племені даровав край жити, щоб кожне коліно і кожне племено шукало бога, котрий од чоловіка недалеко, і поклонялись би йому всі люди і віровали в його, і любили його, і були б усі счастливі.

2. Але род чоловічий забув бога і отдався діаволу, і кожне племено вимислило собі богів, і в кожному племені народи повидумували собі богів і стали за тих богів биться, і почала земля поливатися кров'ю і усіватися попелом і костями, і на всім світі сталось горе, і біднота, і хвороба, і несчастя, і незгода.

3. І так покарав людей справедливий господь потопом, войнами, а найгірше — неволею.

4. Бо єдин єсть бог істинний, і єдин він цар над родом чоловічим, а люде як поробили собі багато богів, то з тим укупі поробили багато царів, бо як у кожному кутку був свій бог, так у кожному кутку став свій цар, і стали люде биться за своїх царів, і пуще стала земля поливатися кровію і усіватися попелом і костями, і умножилось на всім світі горе, біднота і х[в]ороба, і несчастя, і незгода.

5. Нема другого бога, тільки один бог, що живе високо на небі іже вездес[ущ]ий духом святим своїм, і хоч люде поробили богів в постаті звіриної і чоловічої со страстями і похотями, а то не боги, а то страсті і похоті, а правив над людьми отець страстей і похотей чоловікоубийця диавол.

6. Немає другого царя, тільки один цар небесний утішитель, хочь люде і поробили собі царів в постаті своїх братів-людей со страстями і похотями, а то не були царі правдиві, бо цар єсть то такий, що править над усіма, повинен бути розумніший і найсправедливіший над усіх, а розумніший і найсправедливіший єсть бог, а ті царі со страстями і похотями і правив над людьми отець страстей і похотей чоловікоубийця диавол.

колению и племени даровал страну, дабы каждое поколение и племя искало бога, который от человека близко, и так поклонялись бы ему все люди и веровали в него и любили бы его и все были бы счастливы.

Но род человеческий забыл бога и отдался диаволу, и каждое племя выдумало себе богов, и в каждом племени народы выдумали себе богов и стали биться за этих богов, и начала земля поливаться кровью и усеиваться пеплом и костьми, и во всем свете стало горе, нищета, болезнь, бедствия и несогласия.

Так наказал людей справедливый господь потопом, войнами, мором и что [456] хуже — неволею.

Ибо есть единый бог истинный, и он есть единый царь рода человеческого, а люде как скоро натворили себе богов, то тем самым натворили себе царей, ибо так как в каждом углу был свой бог, так точно . каждом углу был свой царь, и стали люди драться за своих царей, и земля начала еще более поливаться кровью и усеваться пеплом и костьми, и во всем мире увеличились горе, нищета, и болезнь, и бедствия и несогласия.

Нет другого бога, кроме того бога, который обитает в небесных селениях и вездесущ духом своим святым, и хотя люди натворили богов в образе тварей и человека, но их боги были не боги, а страсти и похоти и управлял людьми отец страстей и похотей человекоубийца диавол.

Нет другого царя, кроме одного царя небесного утешителя; хотя люди и натворили себе царей в образе своих братьев-человеков, но то не были настоящие цари, ибо царь, т[о] есть тот, кто всеми управляет, должен быть разумнее и справедливее всех, а разумнее и справедливее всех один бог, царь же со страстями и похотями, и управлял людьми отец страстей и похотей человекоубийца диавол.

7. І ті царі лукаві побрали з людей таких, що були сильніші або їм нужніші, і назвали їх панами, а других людей поробили їх невольниками, і умножились на землі горе, біднота і хвороба, і нещастя, і незгода.

8. Два народи на світі були дотепніші: евреї і греки.

9. Євреїв сам господь вибрав і послав до їх Моїсея і постановив їм Моїсей закон, що прийняв од бога на горі Синайській, і постановив, щоб усі були рівні, щоб не було царя між ними, а знали б одного царя — бога небесного, а порядок давали б судді, котрих народ вибирав голосами.

10. Але євреї вибрали собі царя, не слухаючи старця святого Самуїла, і бог тоді ж показав їм, що вони негаразд зробили, бо хоч Давид був лучший з усіх царей на світі, однак його бог попустив у гріх: він одняв у сосіда жінку; се ж так було, аби люди зрозуміли, що хоч-який добрий чоловік буде, а як стане самодержавно панувати, то зледащіє. І Соломона, мудрішого з усіх людей, бог попустив у саме велике кепсьтво — ідолопоклонсьтво, аби люди зрозуміли, що хоч який буде розумний, а як стане самодержавно панувати, то одуріє.

11. Бо хто каже сам на себе: «Я лучший оду всіх і розумніший над всіх, усі мусять мені коритися і за пана мене уважати і робить те, що я здумаю», той зогрішає первородним гріхом, котрий погубив Адама, коли він, слухаючи диавола, захотів порівнятися с богом, здурів, той, навіть, подобиться самому диаволу, котрий хотів стать вровню з богом і упав у пекло.

12. Єдин бо єсть бог і єдин він цар — господь неба і землі.

13. Тим і євреї, як поробили собі царів і забули єдиного царя небесного, зараз одпали і от істин-

И лукавые цари отобрали из между людей сильнейших и нужнейших для себя и назвали их господами, а других сделали невольниками господ, и умножились на земле горе, нищета и болезнь, и бедствия, и несогласия.

Два народа отличались по достоинству: евреи и греки.

Евреев сам господь избрал и послал к ним Моисея и Моисей установил для них закон, принятый от бога на горе Синайской, и учредил равенство между ними, чтоб не было у них царя, а знали бы все одного царя — бога небесного, а правлением заведывали бы судьи, избранные народною волею.

Но евреи выбрали себе царя, не слушая святого старца Самуила, и бог скоро показал им, что они сделали нехорошо, ибо хотя Давид был лучший из всех царей в мире, но и его бог попустил в прегрешение так, что он отнял у соседа жену. Это же сделалось для того, дабы люди уразумели, что каков бы ни был добродетельный человек, но если он станет властвовать самодержавно, то впадет в порок. И Соломона, мудрейшего из людей, бог попустил впасть в наивеличайшее безумие — идолопоклонство, дабы люди уразумели, что как бы ни был разумен человек, но если [457] станет властвовать самодержавно, то обезумеет.

Ибо кто скажет сам о себе: «Я лучше всех и умнее всех, все должны мне повиноваться и почитать меня владыкою и делать то, что мне вздумается», тот согрешает первородным грехом, погубившим Адама, когда он, слушаясь диавола, захотел поравняться с богом и обезумел, тот даже уподобляется самому дияволу, который хотел поставить себя наравне с богом и впал в ад.

Ибо есть один бог: он же и царь, господь неба и земли.

Оттого и евреи, как только натворили [458] себе царей, а забыли царя небесного, тотчас отпали от

ного бога і почали клаиятися Ваалу і Дагону.

14. І покарав їх господь: пропало і царство їх і всіх забрали у полон халдеї [459].

15. А греки сказали: не хочем царя, хочем бути вільні і рівні.

16. І стали греки просвіщенні над усі народи, і пішли од них науки, і скуства, і умисли, що тепер маємо. А се сталось за тим, що не було у них царей.

17. Але греки не дізнались правдивої свободи, бо хоч одріклись царей земних, та не знали царя небесного і вимишляли собі богів; і так царей у їх не було, а боги були, тим вони вполовину стали такими, якими були б, коли б у них не було богів і знали б небесного бога. Бо хоч вони багато говорили про свободу, а свободні були не всі, а тільки одна частка народа, прочі ж були невольниками; і так, царів не було, а панство було: а то все рівно, якби у їх було багато царків.

18. І покарав їх господь: бились вони між собою і попали в неволю і спершу під македонян, а вдруге до римлян.

[19] [460] І так покарав господь род чоловіческий, що найбільша часть його, сама просвіщенна, попалась в неволю до римських панів, а потім до римського імператора.

[20] 19. І став римський імператор царем над народами і сам себе нарік богом.

[21] 20. Тоді возрадувався диавол і все пекло з ним. І сказали в пеклі: оттепер уже наше царство; чоловік далеко отступив од бога, коли один нарік себе і царем і богом вкупі.

[22] 21. Але в той час змилувався господь — отець небесний — над родом чоловічим і послав на землю сина свого, щоб показать людям бога, царя і пана.

[23] 22. І прийшов син божий на землю, щоб одкрити людям істину, щоб тая істина свободила род чоловічий.

истинного бога и поклонялись Ваалу и Дагону.

И покарал их господь: погибло царство их и всех забрали в плен халдеи.

А греки сказали: не хотим царя, хотим быть вольными и равными.

И стали греки просвещеннейшим народом в свете, ибо от них пошли науки, искусства и художества, какие у нас теперь есть.

Но греки не познали истинной свободы, ибо хотя отреклись от царей, но не знали царя небесного и изобретали себе богов;. и так царей у них не было, а боги были, от этого они вполовину стали такими, какими были бы, если б не было у них богов и если б они знали небесного бога. Ибо хотя много говорили о свободе, а свободными были не все, а только часть народа, прочие же были невольниками; итак, царей у них не было, а господа были, и это все равно, как бы у них было много цариков.

И наказал их господь: дрались они между собой и попали в неволю в руки македонян, а потом римлян.

И так наказал господь род человеческий, большая часть его, самая образованная, попала в неволю, в руки римского императора.

И сделался римский император царем народов и сам себя наименовал богом.

Тогда возрадовался диавол и весь ад с ним. И сказали в аде: вот теперь уже наше царство; человек далеко отступил от бога, когда один назвал себя и богом и царем вместе.

Но в то время сжалился господь — отец небесный — над родом человеческим и послал на землю сына своего, дабы показать людям бога, царя и господина.

И пришел сын божий на землю, чтоб открыть истину, дабы та истина освободила род человеческий.

[24] 23. І навчав Христос, що всі люде — брати і ближні, всі повинні любить попереду бога, а потім один другого, і тому буде найбільшая шана од бога, хто душу свою положить за други своя. А хто первий між людьм[и] хоче бути, повинен бути всім слугою.

[25] 24. І сам на собі приклад показав: був розумніший і справедливіший з людей, стало буть цар і пан, а явився не в постаті земного царя і пана, а народився в яслах, жив у бідності, набрав учеників не з панського роду, не з учених філософів, а з простих рибалок.

[26] 25. І став народ прозрівать істину, і злякалися філософи і люде імператора римського, що істина бере верх, а за істиною буде свобода, і тоді вже не так легко буде дурить і мучить людей.

[27] 26. І засудили на смерть Ісуса Христа — бога, царя і пана — і претерпів Ісус Христос оплєванія, заушенія, бієнія, хрест і погребеніє за свободу рода чоловічого тим, що не хотіли приняти його за царя і пана, бо мали другого царя-кесаря, що сам себе нарік богом і пив кров людськую.

[28] 27. А Христос-цар свою кров пролив з[а] свободу рода чоловічого і оставив на віки кров свою для питанія вірним.

[29] І воскрес Христос в третій день і став царем неба і землі.

[30] 28. Ученики його, бідні рибалки, розійшлися по світу і проповідували істину і свободу.

[31] 29. І ті, що приймали слово їх, стали братами між собою — чи були преж того панами або невольниками, філозофами або не вченим[и]. Усі стали свободними кровію Христовою, котору рівно приймали, і просвіщенними світом правди.

[32] 30. І жили християне братством, усе у них було общественне і були у них вибрані старшини і

И научил Христос, что все люди — братья и ближние, все обязаны любить прежде всего бога, а потом друг друга, и наибольшая заслуга у бога будет тому, кто положит душу за други своя. А кто хочет быть первым, тот должен быть всем слугою.

И сам показал собою пример: он был самый разумный и самый справедливый из всех людей, следовательно царь и господин, но явился не в образе земного царя и господина, а родился в яслях, жил в нищете, избрал учеников не из рода знатного, не из ученых философов, а из простых рыболовов.

И стал народ прозревать истину. Тогда испугались лжефилософы и люди римского императора, что истина торжествует, а за истиною будет свобода и тогда уж не так легко можно дурачить и мучить людей.

И осудил на смерть Иисуса Христа — бога, царя и господина — и претерпел Иисус Христос оплевания, заушения, биения, крест и погребение за свободу рода человеческого, потому что не хотели признать его царем и господином, имея другого царя-кесаря, который сам себя назвал богом и пил кровь человеческую.

А Христос свою собственную кровь пролил за свободу рода человеческого и оставил навсегда свою собственную кровь для питания верным.

И воскрес Христос в третий день и стал царем неба и земли.

Ученики его, бедные рыболовы, разошлись по земле и проповедовали истину и свободу.

И те, которые принимали слово их, стали братьями, были ли они прежде того господами или невольниками, философами-учеными или невеждами — все стали свободными по крови христовой, которую все равно принимали, все стали просвещенными светом правды.

И жили християне братством; все было у них общее и были у них старшие избранные, а те старшие

ті старшини були всім слугами, бо господь так сказав: «Хто хоче першим бути, повинен бути всім слугою».

[33] 31. Тоді імператори римські і пани, і чиновні люде, і вся челядь їх, і філозофи піднялись на християнство і хотіли викоренити христову віру і гибли християне; їх і топили, і вішали, і в чверті рубали, і пекли, і залізними гребінками скребли, і ині тьмочисленні муки їм чинили.

[34] 32. А віра христова не уменьшалась, а чим гірше кесарі і пани лютовали, тим більше було віруючих.

[35] 33. Тоді імператори с панами змовились і казали поміж собою: уже нам не викоренити християнства, піднімемось на хитрощі, приймемо її самі, перевернемо ученіє христово так, щоб нам добре було, та й обдуримо народ.

[36] 34. І почали царі приймати християнство і кажуть: «От бачите: можно бути і християнином і царем вкупі».

[37] 35. І пани приймали християнство і казали: «От бачите: можно бути і християнином і паном вкупі».

[38] 36. А того не уважали, що мало сего, що тільки назваться. Бо сказано: «Не всяк глаголяй ми: господи, господи! внидеть в царство небесноє, но творяй волю отца моєго, іже єсть на небесах».

[39] 37. І піддурили архієреїв і попів, і філозофів, а ті і кажуть: «Істино так воно єсть, ажеж і Христос сказав: «Воздадіте кесарево кесареві, а боже богові»; і апостол говорить: «Всяка власть од бога». Так уже господь установив, щоб одні були панами і багатими, а другі нищими і невольниками.

[40] 38. А казали вони неправду. Хоч Христос сказав: «воздадіте кесарево кесареві», а се тим, що Христос не хотів, щоб були бунти та незгода, а хотів, щоб мирно і люб'язно розійшлась віра і

были всем слуги, ибо господь сказал: «Кто хочет быть первым, должен быть всем слугою».

Тогда императоры римские и господа, и чиновники, и все клевреты их, и философы поднялись на християнство и хотели искоренить христову веру и гибли християне: их топили, вешали, четвертовали, сжигали, строгали [461] железными гребенками и творили им другие неисчислимые мучения.

А вера христова не умалялася, но чем более злились кесари и господа, тем более было верующих.

Тогда императоры с господами условились и сказали между собою так: уж нам не искоренить християнства, поднимемся на хитрости, примем сами християнство, извратим учение христово так, чтоб нам выгодно было, и одурачим народ.

И начали цари принимать християнство и говорить: «Вот видите: можно быть и царем и християнином».

И господа принимали християнство и говорили: «Вот видите: можно быть и християнами и господами».

А того не помнили [462], что мало называться только, ибо сказано: «Не всяк глаголяй ми: господи, господи! внидеть в царствие небесное, но творяй волю отца моего, еже есть на небесах».

И одурачили архиереев, духовных и мудрецов, те и говорят: истинно так, Христос сказал: «Воздадите кесарева кесареви, а боже богови»; и апостол говорит: «Всяка власть от бога». Так сам господь установил, чтоб одни в мире сем были господами и богатыми, а другие нищими и рабами.

А говорили они неправду. Хотя Христос сказал «Воздадите кесарево кесареви», но это сказано потому, что Христос не хотел, чтоб были бунты и несогласия, а хотел, чтоб мирно и любовио распростра-

свобода, бо коли християнин буде воздавать не християнському кесареві кесарево — платить податок, сповнять закон,— то кесар, принявши віру, повинен одріктись свого кесарства, бо він тоді, будучи першим, повинен бути всім слугою; і тоді б не було кесаря, а був би єдиний цар — господь Іісус Христос.

[41] 39. І хоча апостол сказав: «Всяка власть од бога», а не єсть воно те, щоб кожни[й], що [463] зах[в]ати[ть] власть, був сам од бога. Уряд і порядок і правленіє повинні бути на землі: так бог постановив, і єсть то власть, і власть та од бога, але урядник і правитель повинні подлегать закону і сонмищу, бо і Христос повеліває судиться перед сонмищем, і так як урядник і правитель перші, то вони повинні буть слугами, і недостоїть їм робить те, що здумається, а те, що постановлене, і недостоїть їм величаться та помпою очі одводити, а достоїть їм жити просто і працювати для общества пильно, бо власть їх од бога, а сами вони грішні люде і самі послідніші, бо усім слуги.

[42] 40. А сьому ще гірша неправда, бутсім установлено од бога, щоб одні пановали і багатились, а другі були у неволі і нищі, бо не було б сього, скоро б поприймали щире євангеліє; пани повинні свободити своїх невольників і зробитись їм братами, а багаті повинні наділяти нищих, і нищі стали б також багаті; якби була на світі любов християнська в серцях, то так було б, бо хто любить к[о]го, той хоче, щоб тому було також хороше, як і йому.

[43] 41. І ті, що так казали і тепер кажуть і переверчують христово слово, ті оддадуть одвіт в день судний. Вони скажуть судді: Господи, не в твоє лі ім'я пророчествовах? А судія скаже їм: Не вем вас.

нялась вера и свобода, ибо ежели христианин будет воздавать кесарева кесареви, т. е. платить подать, повиноваться закону, то кесарь, принявши веру, должен отказаться от своего кесарства, ибо он, будучи первым, обязан быть всем слугою; и тогда б не было кесаря, а был бы единый царь — господь Иисус Христос.

И хотя апостол сказал: «Всякая власть от бога», но это не значит, чтоб каждый, присвоивший себе власть, был сам от бога. Начальство и устройство и правительство должны существовать на земле, и это власть, и власть эта от бога, но начальник и правитель обязаны подчиняться закону и народному собранию, ибо и Христос повелевает судиться пред народным сонмищем; и так как начальник и правитель первые лица, то они должны быть слугами и не должны делать, что им придет в голову, а должны делать то, что установлено, и не должны величаться и ослеплять великолепием, а должны жить просто и усердно, трудиться для общества, ибо власть их от бога, а сами они грешные люди и самые последние из людей, ибо всем слуги.

А это еще большая ложь, будто бы бог постановил, чтоб одни господствовали и обогащались, а другие были в неволе и нищие, ибо этого б не было, [коль] скоро бы приняли евангелие; господа обязаны освободить рабов и сделаться их братьями, а богатые должны наделять нищих, и нищие стали бы также богатыми; так было бы, если б была в сердцах любовь христианская, ибо кто любит кого, тот желает, чтоб любимому также было хорошо, как и ему.

И те, которые так говорили и говорят и извращают христово слово, те отдадут ответ в день судный. Они скажут судие: Господи, не в твое ли имя пророчествовах? А судия скажет: Не вем вас.

[44] 42. Таким викладом зіпсували царі, пани та вчені свободу християнську.

[45] 43. Благодать дана всім язикам, а спершу коліну Яфетову, бо Сімово через жидів отвернуло Христа.

[46] І перейшла благодать до племен грецького, романського, німецького, слов'янського.

[47] 44. І греки, прийнявши благодать, покаляли її, бо вони прийняли нову віру і не зовлеклись ветхого чоловіка со страстями і похотями, оставили при соб[і] і імператорство, і панство, і пиху царськую, і неволю, і покарав їх господь: чахло, чахло грецьке царство тисячу років, зчахло зовсім і попало до турків.

[48] 45. Романське племено — влохи, французи, гішпани — приняло благодать, і стали народи увіходить у силу і у нову жизнь і просвіщенность, і благословив їх господь, бо лучше вони прийняли св[яту] віру, ніж греки, одначе не зовсім зовлеклись ветхого чоловіка со страстями і похотями, оставили і королей, і панство, і вимислили голову християнства — папу, і той папа видумав, що він має власть над усім світом християнським, ніхто не повинен судити його, а що він здумає, те буде гарно.

[49] 46. І племено німецьке — народи німецькі — приняли благодать і стали увіходить у пущу силу і жизнь нову, і просвіщенность, і благословив його господь, бо вони ще лучче приняли віру, ніж греки і романці, і з'явивсь у них Лютер, который почав учити, що повинно християнам жити так, як жили до того часу, коли попоприймали і попереверчували учеціє хрнстово царі і пани, і щоб не було неподсудимого голови над церквою християнською — папи, єсть бо єдин глава всім — Христос. Але і німці не зовлеклися ветхого чоловіка, бо зоставили у себе і королів і панів, і ще гірше дозволили замість папи і епі-

Такими объяснениями цари, господа и ученые осквернили свободу христианску[ю].

Благодать дана всем языкам, а прежде поколению Яфетов, ибо Симово отвергнуло Христа в лице жидов.

И перешла благодать к племенам греческому, романскому, немецкому и славянскому.

И греки приняли благодать и запятнали ее; ибо они приняли новую веру, а не совлеклись ветхого человека со страстями и похотями, они оставили у себя императоров и господ, и тщеславие царское, и неволю; и наказал их господь: царство греческое чахло тысячу лет и попало под иго турков.

А романское племя — итальянцы, французы, гишпанцы — приняли благодать и вошли в силу, новую жизнь и образованность; и благословил их господь, ибо они лучше приняли св[ятую] веру, нежели греки, однако и они не совлеклись ветхого человека со страстями и похотями, оставили королей и господ и выдумали главу христианства — папу, и этот папа выдумал, будто имеет власть над целым миром христианским, и никто не может судить его, а что вздумает, все то хорошо.

И племя немецкое — народы немецкие — приняли благодать и вошли в силу и новую жизнь, и образованность, и благословил его господь, ибо они еще лучше приняли веру святую, нежели греки и романцы, и появился у них Лютер, который учил, что должно христианам жить так, как жили до того времени, когда учение христово приняли и извратили цари и господа, и чтоб не было неподсудимого главы над церковью христианскою, ибо есть единый глава всем — Христос. Но и немцы не совлеклись ветхого человека со страстями и похотями, ибо и они оставили у себя королей и господ, и, что хуже всего, позволили вмес-

скопов орудувать церквою христовою королям і панам.

[50] 47. І сталась послідняя лесть гірша першої, бо не тільки у німців королі, але і у других землях взяли верх над всім, і, щоб удержати народ у ярмі, поробили ідолів, отвертали людей од Христа, і казали кланятися ідолам і биться за них.

[51] Бо то все рівно що ідоли: хоча французи були хрещені, одначе меньше шановали Христа, ніж честь національну, і такого ідола їм зроблено, а англічане кланялись золоту і мамоні, а другі народи так же своїм ідолам, і посилали їх королі і пани на заріз за шматок землі, за табак, за чай, за [464] вино; і табак, і чай, і вино стали у них богами, бо речено: іде же сокровище ваше, там сердце ваше. Серце християнина с Ісусом Христом, а серце ідолопоклонникове — з своїм ідолом. І стало, як каже апостол, їх богом чрево.

[52] 48. І вимислили одщепенці нового бога, сильнішого над усіх дрібних боженят, а той бог називався по-французські егоїзм або інтерес.

[53] 49. І філософи почали кричати, що то кепство вірувати в сина божого, що немає ні пекла, ні раю і щоб усі поклонялись егоїзмові або інтересові.

[54] 50. А до всього до того довели королі та пани; і завершилася міра їх плюгавства, праведний господь послав [465] свій меч обоюдоострий на рід прелюбодійний; збунтовались французи і сказали: не хочем, щоб були у нас королі та пани, а хочем бутн рівні й вільні.

[55] 51. Але тому не можна було статися, бо тільки свобода, где дух Христов, а дух божий уже перед тим вигнали з Францевщини королі та маркізи, та філософи.

[56] 52. І французи короля свого забили, панів прогнали, а

то папы и епископов управлять церковью христовою королям и господам.

И была последняя лесть горше первой, ибо не только у немцев короли, но и у других землях, взяли верх, а чтоб удержать народ в ярме, творили идолов, отвращали людей от Христа и приказывали поклоняться идолам и биться за них.

Ибо их политические идеи были все равно, что идолы, хотя французы были крещеные, однако они менее заботились о Христе, нежели о своей чести национальной, как назывался их идол, а англичане поклонялись золоту и мамоне, а другие народы также своим идолам; и посылали их короли на зарез за клочок земли, за табак, за чай, за вино; и табак, и чай, и вино, и прочая стали у них богами, ибо сказано: где сокровище ваше, там и сердце ваше. Сердце христианина с Иисусом Христом, а сердце идолопоклоиника — с своим идолом. И стало, как говорит апостол, их богом чрево.

И выдумали отступники нового бога, сильнейшего над всеми мелкими боженятами, этот бог по-французски назывался эгоизм или интерес [466].

И философы начали кричать: глупо веровать в сына божия, нет ни рая, ни ада, все должны поклоняться эгоизму или интересу, или немецкому я.

Ко всему этому довели короли и господа; и исполнилась мера мерзостей, праведный господь послал меч свой обоюдоострый на род прелюбодейный, взбунтовались французы и сказали: не хотим, чтоб были у нас короли и господа, а хотим быть равными и вольными.

Но этого не могло быть, ибо только там свобода, где дух господен, а дух божий давно уже прежде того изгнали из Франции короли, маркизы и философы.

И французы убили короля своего и прогнали господ, а сами на-

самі почали різатися і дорізались до того, що пішли у гіршую неволю.

[57] 53. Бо на їх господь хотів показать усім язикам, що нема свободи без христової віри.

[58] 54. І с той пори племена романське і німецьке турбуються, і королів і панство вернули, і про свободу кричать, і немає в їх свободи, бо нема свободи без віри.

[59] 55. А племено слов'янське то найменьший брат у сім'ї Яфетовій.

[60] 56. Трапляється, що менший брат любить дуже отця, одначе получає долю меншу проти старших братів, а потім, як брати старші своє потратять, а менший збереже своє, то і старших виручає.

[61] 57. Племено слов'янське ще до принятія віри не йміло а ні царей, а ні панів, і всі були рівні, і не було у них ідолів, і кланялись слов'яне одному богу — вседержителю, ще його й не знаючи.

[62] 58. Як уже просвітились старші брати греки, романці, німці, тоді господь і до менших братів слов'ян послав двох братів: Константина і Мефодія і духом святим покрив їх господь, і переложили вони на слов'янську мову святеє письмо, і отправовать службу божую постановили на тій мові, якою всі говорили посполу, а сього не було ні у романців, ні у німців, бо там по-латинські службу одправовали, так що романці мало, а німці овсі не второпали, що їм читано було.

[63] 59. І скоро слов'яне преймовали віру христову так, як ні один народ не преймовав.

[64] 60. Але було два лиха у слов'ян: одно — незгода між собою, а друге те, що вони, як менші брати, усе переймали од старіших; чи до діла, чи не до діла, не бачучи того, що у їх своє було лучше, ніж братівське.

чали резаться и дорезались до того, что впали в горшую неволю.

Ибо на них господь хотел показать всем языкам, что нет свободы без христовой веры.

И с тех пор племена романское и немецкое мятутся, возвратили себе королей и господ, а кричат о свободе, и нет у них свободы, ибо нет свободы без веры.

А племя славянское меньшой брат в семье Яфетовой.

Случается, что меньшой брат лучше любит отца, однако получает меньше участок, чем другие братья, а впоследствии, как братья старшие потратят свое достояние, а меньшой сбережет свое, то меньшой старших выручает.

Племя славянское еще до принятия веры [467] не имело ни царей, ни господ, и все были равны, и не было идолов, а поклонялись славяне одному богу вседержителю. Так пишет о славянах грек-историк.

Когда просветились старшие братья греки, романцы, немцы, тогда господь послал к меньшим братьям славянам двух братьев: Константина и Мефодия; покрыл их господь духом святым и перевели они на славянский язык священное писание, и установили отправлять богослужение на том языке, на котором все говорили, а этого не было тогда ни у романцев, ни у немцев, ибо там по-латыни отправляли богослужение, так что романцы мало, а немцы ничего не понимали, что им было читано.

И славяне скоро принимали христову веру, как ни один народ так не принимал.

Но были две беды у славян: во-первых, несогласие между собою, и, во-вторых, они, как меньшие братья, перенимали все от старших: нужное и не нужное, не видя того, что у них самих собственное лучше было, нежели у старших братьев.

[65] 61. І поприймали слов'яне од німців королів і князів, і бояр, і панів, а преж того королі були в їх вибрані урядники і не чванились перед народом, а обідали с самим простим чоловіком за рівню, і самі землю орали, а то вже у їх стала і пиха, і помпа, і гвардія, і двор.

[66] 62. І панів у слов'ян не було, а були старшини; хто старший літами і до того розумніший, того на раді слухають, а то вже стали пани, а у їх неволники.

[67] 63 [468]. І покарав господь слов'янське племено гірше, ніж другі племена, бо сам господь сказав: кому дано більше, з того більше і зищеться. І попадали слов'яне в неволю до чужих; чехи і полабці — до німців, серби і болгари — до греков і до турок, москалі — до татар.

[68] І здавалось от загине племено слов'янське, бо ті слов'яне, що жили около Лаби і Помор'я Балтицького, ті пропали, так що і сліду їх не осталось.

[69] Але не до кінця прогнівився господь на племено слов'янське, бо господь постановив так, щоб над сим племеном збулось писаніє: Камень его же нє брєгоша зиждущий, той бисть во главу угла.

[70] По многих літах стало в Слав'янщині три неподлеглих царства: Польща, Литва і Московщина.

[71] Польща була з поляків і кричали поляки: у нас свобода і рівність, але поробили панство і одурів народ польський, бо простий люд попав у неволю саму гіршу, яка де-небудь була на світі, і пани без жодного закону вішали і вбивали своїх невольників.

[72] Московщина була з москалів і була у їх велика Річ Посполита Новгородська, вільна і рівна, хоч не без панства: і пропав Новгород за те, що і там [469] завелось панство, і цар московський

И приняли славяне от немцев королей и господ, а прежде того короли были у них выбранные начальники и не тщеславились перед народом, а обедали с простым человеком заровно, и сами землю пахали, а после стали у них великолепие, тщеславие, гвардия, двор.

И господ у славян не было, а были старейшины; кто старше по летам, а к тому еще умнее других, того и слушали на собрании народном, а после стали у них господа, а у господ невольники.

И наказал господь славянское племя жесточе, нежели другие племена, ибо сам господь сказал: кому дано больше, от того больше и взыщется,— и попали славяне в неволю к чужеземцам: чехи и полабы — к немцам, сербы и болгары — к грекам и туркам, а великороссияне — к татарам.

И казалось пропадет племя славянское, ибо те славяне, которые обитали около Лабы и Поморья Балтийского, погибли так, что и следа их не осталось.

Но не до конца прогневался господь на племя славянское, ибо господь предначертал, чтобы над этим племенем совершилось писание: Камень его же не брегоша зиждущие, той бысть во главу угла.

По прошествии многого времени в Славянщине стало три независимые царства: Польша, Литва и Московщина.

Польша состояла из поляков и кричали поляки: у нас свобода и равенство, но и они сотворили себе господ и обезумел народ польский, ибо простой народ попал в неволю самую горькую, какая когда-нибудь была на свете, и господа без всякого закона вешали и убивали своих невольников.

Московщина состояла из великороссиян и была у них великая Речь Посполитая Новгородская, вольная и равная, хотя не без господ; и погиб Новгород за то, что и там завелись господа, и

взяв верх над усіма москалями, а той цар узяв верх, кланяючись татарам, і ноги ціловав ханові татарському, бусурману, щоб допоміг йому держати в неволі неключимій народ московський, християнський.

[73] І одурів народ московський і попав у ідолопоклонство, бо царя свого нарік богом, і усе, що цар скаже, те уважав за добре, так що цар Іван в Новгороді душив та топив по десятку тисяч народу, а літописці, розказуючи те, звали його христолюбивим.

[74] А в Литві були литвяки, та ще до Литви належала Україна.

[75] І поєдналась Україна з Польщею як сестра с сестрою, як єдиний люд слов'янський до другого люду слов'янського нероздільно і незмісимо, на образ [471] іпостасі божої нероздільної і незмісимої, як колись поєднаються усі народи слов'янські поміж собою.

[76] І не [472] любила Україна ні царя, ні пана, а зкомпоновала собі козацтво, єсть то істеє братство, куди кожний, пристаючи, був братом других — чи був він преж того паном чи невольником аби християнин, і були козаки між собою всі рівні, і старшини вибирались на раді і повинні [473] були слуговати всім по слову христовому, і жодної помпи панської і титула не було між козаками.

[77] І постановили вони чистоту християнську держати, тим старий літописець говорить об козаках: «татьби же и блуд ніже именуються у них».

[78] І постановило козацтво: віру святую обороняти і визволяти ближніх своїх з неволі. Тим-то гетьман Свирговський [474] ходив обороняти Волощину і не взяли козаки миси з червонцями, як їм

возвысился над всеми великороссиянами царь московский, а возвысился он, кланяясь татарам, и ноги целовал хану татарскому — бусурману, чтоб помогал ему держать в неключимой неволе христианский народ великороссийский. И обезумел народ великороссийский и впал в идолопоклонство, ибо царя своего назвал земным богом, и все, что царь скажет, считал хорошим, так что когда царь Иван в Новгороде душил и топил по десятку тысяч в день народу, то летописцы, [470] рассказывая об этом, называли его христолюбивым.

А Литва соединилась с Польшею, и в Литве были литвины, а к Литве принадлежала Украина.

И соединилась Украина с Польшею как сестра с сестрою, как единый народ славянский с другим народом славянским нераздельно и несмесимо, по образу ипостасей божественных нераздельных и несмесимых, так как некогда соединятся все народы славянские между собою.

Не любила Украина ни царя, ни пана, а составила у себя казацтво, т. е. братство, куда каждый, вступая, был братом других — был ли он прежде господином или рабом лишь бы он был христианин; и были казаки между собою все равны, а старшины выбирались на собрании и должны были служить всем по слову христову, ибо принимали должности по принуждению, как повинность, и не было никакого господского великолепия и титула между казаками.

И постановили они сохранять чистоту; оттого старый летописец говорит о казаках: «татьба же и блуд ниже именуются в них».

И постановило казацтво охранять святую веру и освобождать из неволи своих ближних. Гетман Свирговский ходил защищать Волощину, и козаки не взяли блюда с червонцами, когда им давали в

давали за услуги, не взяли тим, що кров проливали за віру, та за ближніх і служили богу, а не ідолу золотому. А [475] Сагайдашний [476] ходив Кафу руйнувати і визволив кільканадцять тисяч невольників з вічної підземної темниці.

[79] І багато лицарів таке робили, що не записано і в книгах міра сього, а записаио на небі, бо за їх були перед богом молитви тих, котрих вони визволили з неволі.

[80] І день ото дия росло, умножалося козацтво і незабаром були б на Вкраїні усі козаки, усі вільні і рівні, і не мала б Україна над [со]бою ні царя, ні пана, опріч бога єдиного, і, дивлячись на Україну, так би зробилось і в Польщі, а там і у других слов'янських краях.

[81] Бо не хотіла Україиа ітти услід язиков, а держалась закону божого, і всякий чужестранець, заїхавши в Україну, дивувався, що ні в одній стороні на світі так щиро не молються богу, ніде муж не любив так своєї жони, а діти своїх родителей.

[82] А коли папи та єзуїти хотіли насильно повернуть Україну під свою власть, щоб українці-християнє повірили, бутсім справді усе так і єсть, що папа каже, тоді на Україні з'явились братства, такі, як були у перших християн, і [478] всі, записуючись у братство, був би він пан чи мужик, називались братами. А се для того, щоб бачили люде, що в Україні осталась істинная віра і що там не було ідолів, тим там і єресі жодної не з'явилось.

[83] Але панство побачило, що козацтво росте і всі люде скоро стануть козаками, єсть-то вільними [479], наказали зараз своїм крепакам, щоб не ходили в козаки [480] хотіли забить народ простий як скотину, так, щоб йому не було ні чуствія, ні розуму, і почали

благодарность за услуги, не взяли потому, что проливали кровь за веру и за ближних, служили богу, а не золотому тельцу. А Сагайдачный разорил Кафу и освободил оттуда несколько тысяч невольников из подземных темниц.

И много было рицарей, которые так поступали, их подвиги не все записаны в книгах мира сего, но записаны иа небе, ибо за них пред богом были молитвы тех, которых они освободили из неволи.

И день со дня росло и умножалось казацтво, и скоро все люди в Украине стали бы казаками, т. е. вольными и равными, и не было бы над Украиною ни царя, ни пана, кроме бога единого, и, смотря на Украину, также [477] бы сделалось и в Польше, а потом и в других славянских землях.

Ибо Украина не хотела итти вслед языков, а держалась закона божия, и каждый чужестранец, заехавши в Украину, удивлялся, ибо ни в одном краю на свете так чистосердечно не молились богу, нигде так муж не любил своей жены, а дети не уважали своих родителей.

А когда папы и иезуиты хотели насильио подчинить Украину своей власти, чтоб украинцы-християие поверили, будто в самом деле все так и справедливо, что скажет папа, тогда в Украине появились братства, такие, какие были у первых христиан, и всякий, записываясь в братство, был ли бы он господин или невольник, назывался братом. А это потому, чтоб все видели, что в Украине осталась древняя истинная вера и что в Украине не было идолов; оттого там и ереси никакие не появлялись.

Но господа увидели, что казацтво возрастает и скоро все люди станут казаками, т. е. вольными, и запрещали своим невольникам вступать в казацтво и хотели забить народ простой как скотину, так, чтоб ие было в нем ни чувства, ни смысла, и стали гос-

пани обдирати своїх крепаков, отдали їх жидам на такую муку, що подобную творили тільки над первими хистіянами, драли з їх, з живих, шкури, варили в котлах дітей, давали матерям собак грудями годовати.

[84] І хотіли пани зробить з народа дерево або камінь, і стали їх не пускать навіть в церков, хрестить дітей і вінчатися, і причащатися, і мертвих ховати, а се для того, щоб народ простий утеряв навіть постать чоловічу.

[85] І козацтво стали мучить і нівечить, бо таке рівне братство християнське стояло панам на перешкоді.

[86] Але не так зробилось, як думали пани, бо козацтво піднялось, а за їм увесь простий народ, вибили і прогнали панів, і стала Україна земля козацька вольна, бо всі були рівні і вільні, але не надовго.

[87] І хотіла Україна знову жити з Польщою по-братерськи, нерозділимо і несмісимо, але Польща жодною мірою не хотіла одрікатись свого панства.

[88] Тоді Україна пристала до Московщини [482] і поєдналась з нею як єдиний люд слов'янський с слов'янським нерозділимо і несмісимо, на образ іпостасі божої нерозділимої і несмісимої, як колись поєднаються усі народи слов'янські між собою.

[89] Але скоро побачила Україна, що попалась у неволю, бо вона по своей простоті не пізнала, що там [483] був цар московський, а цар московський усе рівно було, що ідол і мучитель.

[90] І одбилась Україна од Московщини, і не знала, бідна, куди прихилить голову.

[91] Бо вона любила і поляків, і москалів як братів своїх і не хотіла з ними розбрататися, воиа хотіла, щоб всі жили вкупі, поєднав-

пода обдирать своих рабов, отдали их жидам на такую муку, подобную которой только творили над первыми христианами, сдирали с живых кожи, варили в котлах детей, отдавали матерям кормить грудьми собак.

И хотели господа сделать из народа дерево или камень, и стали их не пускать в церковь, запрещали крестить детей, венчаться, причащаться, хоронить мертвых, а все это для того, чтоб народ простой потерял даже образ человеческий и тогда удобнее можно им управлять.

И начали господа мучить и уничтожать казацтво, ибо такое свободное християнское [481] братство мешало очень господам.

Но не так сделалось, как думали господа, ибо казацтво восстало, а с ним поднялся весь народ, истребили и прогнали господ и стала Украина земля казацкая, т. е. вольная, ибо все были равны между собою и свободны, но не надолго.

И хотела Украина снова жить с Польшею по-братски, неразделимо и несмесимо, но Польша никаким образом не хотела отречься от своего панства.

Тогда Украина пристала к Московщине и соединилась с нею как один народ славянский с другим народом славянским неразделимо и несмесимо, по образу ипостасей божественных неразделимых и несмесимых [484], как некогда соединятся между собою все народы славянские.

Но скоро увидела Украина, что она попалась в неволю, ибо она по своей простоте не узнала, что такое значит царь московский, а царь московский значил то же, что идол и мучитель.

И отпала Украина от Московщины, и не знала, бедная, куда приютить голову.

Ибо она любила и поляков, и великороссиян как братьев своих и не хотела с ними разбрататься, а хотела она, чтоб все жили вместе,

шись як один народ слов'янський с другим народом слов'янським, а ті два с третім, і було б три Речі Посполиті в однім союзі нероздімо і несмісимо по образу Тройци божой нероздільной і несмісимой, як колись поеднаються між собою усі народи слов'янські.

[92] Але сього не второпали ні ляхи, ні москалі.

І бачуть ляцькі пани і московський цар [485], що нічого не зробить з Україною, і сказали поміж собою: не буде України ні тобі, ні мені, роздеремо її по половині, як Дніпр її розполовинив, лівий бік буде московському царю на поживу, а правий бік — польським панам на поталу.

[93] І билась Україна літ п'ятдесят, і єсть то найсвятіша і славніша война за свободу, яка тільки єсть в історії, а розділ України єсть найпоганіше діло, яке тільки можна знайти в історії.

[94] І вибилась з сил Україна, і вигнали ляхи козацтво з правого боку Дніпрового, і запановали пани над бідним остатком вольного народу.

[95] А на лівім боці ще держалось козацтво, але час од часу попадало у неключиму неволю московському цареві, а потім петербургському імператорові, бо останній цар московський і первий імператор петербургський положив сотні тисяч в канавах і на костях збудував собі столицю.

[96] А німка цариця Катерина, курва всесвітня, безбожниця, убійниця мужа свого, востанне доконала козацтво і волю, бо, одібравши тих, котрі були в Україні старшими, наділила їх панств[ом] і землями, понадавала їм вольну братію в ярмо і поробила одних панами, а других невольниками.

[97] І пропала Україна. Але так здається.

соединившись как один народ славянский с другим народом славянским, а эти два соединились бы с третьим, и было бы три Речи Посполитые в одном союзе неразделимо и несмесимо по образу Тройцы божественной нераздельной и несмесимой, как некогда соединятся между собой все народы славянские.

Но этого не поняли ни ляхи, ни великороссияне.

И видят [486] польские паны и московский государь, что ничего они не сделают с Украиною, и сказали между собою: не будет Украины ни польским панам, ни московскому царю; раздерем ее на две половины по течению Днепра, который разделяет ее пополам; левый берег будет московскому царю на поживу, а правый берег — польским господам на обдирание.

И билась против этого Украина лет пятьдесят; это святейшая и славнейшая война за свободу, какой подобная едва ли есть в истории, а разделение Украины есть гнуснейшее дело, какое только можно отыскать в истории.

Украина потеряла силы, и изгнали поляки казачество с правой стороны Днепра, и властвовали паны над нищими остатками вольного народа.

А на левой стороне долее держалось казачество, но час от часу подпадало в неключимую неволю московского царя, а потом петербургского императора, ибо последний царь московский и первый император петербургский положил сотни тысяч в каналах и на костях их построил себе столицу.

А немка царица Катерина, распутница всесветная, безбожница, мужеубийца, кончила казацтво и свободу, ибо, отобравши тех, которые были в Украине старшинами, наделила их дворянством и землями и отдала им вольную их братию в ярмо, одних поделала господами, а других рабами.

И погибла Украина. Но так только кажется.

[98] Не пропала вона, бо вона знати не хотіла ні царя, ні пихи, а хоч і був цар, та чужий, і хоч були пани, та чужі; а хоч з української крові були ті виродки, одначе не псовали своїми губами мерзенними української мови і самі себе не називали українцями, а істий український, хоч був він простого, хоч панського роду, тепер повинен не любити ні царя, ні пана, а повинен любити і пам’ятовати єдиного бога Ісуса Христа, царя і пана над небом і землею. Так воно було прежде, так і тепер зосталось.

[99] І Слов’янщнна хоч терпіла і терпить неволю, та не сама її сотворила, бо і цар, і панство не слов’янським духом сотворено, а німецьким або татарським. І тепер в Росії хоч і є деспот цар, одначе він не слов’янин, а німець [487], тим і урядники у його німці; оттого і пани хоч і єсть в Росії, та вони швидко перевертуються або в німця, або в француза, а істий слов’янин не любить ні царя, ні пана, а любить і пам’ятує одного бога Ісуса Христа, царя над небом і землею. Так воно було прежде, так і тепер зосталось.

[100] Лежить в могилі Україна, але не вмерла.

[101] Бо голос її, голос, що звал всю Слов’янщину на свободу і братерство, розійшовся по світу слов’янському. І одізвався він, той голос України, в Польщі, коли 3 мая постановили поляки [488], щоб не було панів і всі були б рівні в Речі Посполитій; а того хотіла Україна за 120 літ до того.

[102] І не допустили Польщу до того, і розірвали Польщу, як прежде розірвали Україну.

[103] І се їй так і треба, бо вона не послухала України і погубила сестру свою.

[104] Але не пропаде Польща, бо її збудить Україна, котра не пам’ятує зла і любить сестру свою так, якби нічого не було між ними.

Не погибла она, ибо она не хотела знать ни царя, ни господина; а хотя и был царь над нею, но чуждый, и хотя были дворяне, но чужие; а хотя из украинской крови эти выродки, однако они не сквернят своими подлыми устами украинского языка и сами себя не называют украинцами, а истинный украинец, будет ли он происхождения простого или дворянского, должен не любить ни царя, ни господина, а должен любить и помнить одного бога Инсуса Христа, царя и господина неба и земли. Так было прежде, так и теперь продолжается.

И Славянщина хотя терпела и терпит неволю, но не сама сотворила неволю, ибо царь и дворянство не славянского духа изобретения, а немецкого и татарского. И теперь в Россин хотя и есть деспот царь, однако он не славянин, а немец и чиновники у него немцы, оттого н дворяне хотя и есть в России, но они скоро переделываются в немцев или французов, а истинный славянин не любит ни царя, ни господина, а любнт и помннт одного бога Иисуса Христа, царя неба и земли. Так было прежде, так и теперь продолжается.

Лежит Украина в могиле, но не умерла.

Ибо голос ея, который призывал всю Славянщину к свободе и братству, разошелся по миру славянскому и отозвался он, этот голос Украины, в Польше, когда 3 мая поляки постановили, чтоб не было между ними господ, чтоб все были равны в Речи Посполитой; а этого хотела Украина еще за 120 лет перед тем.

И не допустили к тому Польшу; разорвали Польшу, как прежде разорвали Украину.

Так Польше и нужно, ибо она не послушалась тогда Украины и погубила сестру свою.

Но не погибнет Польша, ибо ее пробудит Украина, которая не помнит зла и любит сестру свою так, как будто ничего не было между ними.

[105] І голос України одізвався в Московщині, колн після смерті царя Олександра хотіли руські прогнати царя і панство і установити Речь Посполиту, і всіх слов'ян поєднати по образу іпостасей божественних нероздімимо і несмісимо; а сього Україна ще за двісті років до того хотіла.

[106] І не допустив до того деспот: одні покончили живот свій на шибениці, других закатували в копальнях, третіх послали на заріз черкесові.

[107] І панує деспот кат над трьома народами слов'янськими, править через німців, псує, калічить, нівечить добру натуру слов'янську і нічого не зробить.

[108] Бо голос України не затих. І встане Україна з своєї могилн, і знову озоветься до всіх братів своїх слов'ян, і почують крнк її, і встане Слов'янщина, і не позостанеться ні царя, ні царевича, ні царівни, ні князя, ні графа, ні герцога, ні сіятельства, ні превосходительства, ні пана, ні боярина, ні крепака, ні холопа — ні в Московщині, ні в Польщі, ні в Україні, ні в Чехії, ні у хорутан, ні у сербів, ні у болгар.

[109] Україна [491] буде неподлеглою Річчю Посполитою в союзі слов'янськім.

Тоді скажуть всі язики, показуючи рукою на те місто, де на карті буде намальована Україна: «От камень, єго же не брегоша зиждущии, той бисть во главу».

И голос Украины отозвался в Московщине, когда по смерти царя Александра русские хотели изгнать царя и дворянство уничтожить, учредить республику и всех славян соединить с нею по образу божественных ипостасей нераздельно и несмесимо; а этого Украина хотела и домагалась еще за 200 лет перед тем.

И не допустил до того деспот; однн кончили жизнь на виселице, других замучили в рудокопнях, третьих отдали [489] на убой черкесам.

И царствует деспот над тремя славянскими народами, правит ими посредством немцев, заражает, калечит, уничтожает добрую природу славянскую, но ничего он не сделает.

Ибо голос Украины не умолкнул. Встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и услышат воззвание ея, и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, нн крестьянина, ни холопа нн в [490] Велик[ой] России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехни, ни у хорутан, ни у сербов, ни у болгар.

И Украина сделается независимою Речью Посполитою в союзе славянском.

Тогда скажут все народы, указывая на то место, где на карте будет нарисована Украина: „Вот камень, его же не брегоша зиждущий, той бысть во главу угла".

Ч. II, арк. 182—191. Автограф М. І. Костомарова. Див. також док. № 332. Ч. III.
Опубл.: Наше минуле.— 1918.— № 1.— С. 1—21, укр. мовою.
Частково опубл.: *Яворський М.* Україна в епоху імперіалізма.— Х., 1924.— С. 354—355.
Опубл.: *Зайончковский П. А.* Кирилло-Мефодиевское общество.— М., 1959.— С. 149—159.

№ 146

1845 р. кінець — 1846 р.— ВІДОЗВА «БРАТИ УКРАЇНЦІ», НАПИСАНА М. І. КОСТОМАРОВИМ, ВИЛУЧЕНА У М. І. ГУЛАКА ПІД ЧАС ОБШУКУ В ОЛЕКСІЇВСЬКОМУ РАВЕЛІНІ 2 КВІТНЯ 1847 р.

Брати українці! [492]

От сю розказу полагаючи перед ваші очі, даєм вам уважити, чи добре воно так буде.

1. Ми приймаємо, що усі слов'яне повинні з собою поєднатися.

2. Але так, щоб кожен народ зкомпонував свою Реч Посполиту і управлявся несмісимо з другими, так, щоб кожен народ мав свій язик, свою літературу і свою справу [493] общественну. Такії народи по нашому: москалі, українці, поляки, чехи, словаки, хорутани, іллір[о]-серби і болгари.

3. Щоб був один сейм або рада слов'янська, де б сходились депутати оду всіх Речей Посполитих і там розважали б і порішали такі діла, котрі б належали до цілого союза слов'янського.

4. Щоб в кожній Речі Посполитій був свій правитель, вибраний на года, і над цілим союзом був би правитель, вибраний на года.

5. Щоб в кожній Речі Посполитій була посполита рівність і свобода і станів не було ов[с]і [494].

6. Щоб приймано депутатами і урядниками не по роду, не по достатку, а по розуму і просвіщенності народним вибором.

7. До того, щоб віра христова була основою закону і общественної справи в цілому союзі і в кожній Речі Посполитой.

Отсе вам, братіє українці обох сторон Дніпра, подаєм на увагу, прочитайте пильно і нехай кожен думає, як до сього дійти, і як би лучше воно було. Як багато голов, то багато розумів, кажуть. Коли ви об сім станете думати, то в той час, як прийде пора говорити об

Братья украинцы!

Это рассуждение предлагаем вам перед глаза и даем на размышление: хорошо ли так будет, как эти пункты скажут.

Мы принимаем, что все славяне должны между собою соединиться.

Но так, чтоб каждый народ составлял особенную Речь Посполитую и управлялся не слитно с другими; так, чтоб каждый народ имел свой язык, свою литературу, свое общественное устройство. Такими народами признаем: великороссиян, украинцев, поляков, чехов, лужичан, хорутан, иллиро-сербов и болгар.

Чтоб существовал сейм или славянское собрание, где бы сходились депутаты от всех республик славянских и там рассуждали бы и решали дела, которые относятся ко всему союзу славянскому.

Чтоб в каждой республике был правитель, избранный на время, и над целым союзом был такой же правитель, выбранный на время.

Чтоб в каждой республике было всеобщее равенство и свобода и никакого различия сословий.

Чтоб депутатами и чиновниками делали не по происхождению и по имуществу, а по уму и образованности народным выбором.

Чтоб вера христова была основанием законодательства и общественного порядка в целом союзе и в каждой республике.

Вот братья украинцы, жители Украины обоих сторон Днепра, мы даем вам это размышление; прочитайте со вниманием и пусть каждый думает, как достигнуть этого, и как бы лучше сделать. Много голов, много умов,— говорит пословица. Если вы об этом станете прилежно думать, то когда

Відозва «Брати українці».

сім, вам господь бог дарує смисл і уразуменіе.	придет пора вам заговорить об этом, господь дарует вам смысл и уразумение.

Ч. II, арк. 192. Автограф М. І. Костомарова [495].
Опубл.: Наше минуле.— 1918.— № 1.— С. 36—37, укр. мовою. Былое.— 1906.— № 2. С. 67—68, рос. мовою.

№ 147

1845 р. кінець — 1845 р.— ВІДОЗВА «БРАТЬЯ ВЕЛИКОРОССИЯНЕ И ПОЛЯКИ», ВИЛУЧЕНА У М. І. ГУЛАКА ПІД ЧАС ОБШУКУ 2 КВІТНЯ 1847 р.

Братья великороссияне и поляки! [496]

Сие глаголит к вам Украина, нищая сестра ваша, которую вы распяли и растерзали и которая не помнит зла и соболезнует о ваших бедствиях и готова проливать кровь детей своих за вашу свободу. Прочитайте послание это братское, обсудите важное дело вашего общего спасения, восстаньте от сна и дремоты, истребите в сердцах ваших безрассудную ненависть друг к другу, возженную царями и господами, на общую погибель вашей свободы, устыдитесь ярма, которое тяготит ваши плечи, устыдитесь собственной своей испорченности, предайте проклятию святотатственные имена земного царя и земного господина, изгоните из умов ваших дух неверия, занесенный от племен немецких и романских, и дух закоснелости, вдохнутый татарами, облекитесь в свойственную славянам любовь к человечеству, вспомните также о братьях ваших, томящихся и в шелковых цепях немецких и в когтях турецких, и да будет целью жизни и деятельности каждого из вас: славянский союз, всеобщее равенство, братство, мир и любовь господа нашего Иисуса Христа.

Аминь.

Ч. II, арк. 192. Автограф М. І. Костомарова [497].
Опубл.: Былое.— 1906.— № 2.— С. 68.

№ 148

1847 р. квітня 4.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ ПЕРЕДАТИ М. І. ГУЛАКУ НОВІ ЗАПИТАННЯ

Его высокопре[восходительст]ву И. Н. Скобелеву

4 апреля 1847 г., № 526

М[илостивый] г[осударь]! Иван Никитич!

Препровождая при сем запечатанный пакет, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли приказать вручить оный нераспечатанным заключенному в Алексеевский равелин коллежскому секретарю Гулаку с тем, чтобы арестант сей против находящихся там вопросных пунктов написал ответы и, запечатав бумаги в пакет, вручил бы оный вам, а вашему высокопревосходительству не благоугодно ли будет доставить этот пакет в том же виде ко мне.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II, арк. 193. Відпуск.

Відозва «Братья великороссияне и поляки».

№ 149

1847 р. квітня 4.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕРНЕННЯ АНКЕТИ З ВІДПОВІДЯМИ М. І. ГУЛАКА

Весьма секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта С.-Петербургской крепости генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Препровожденный ко мне при предписании вашего сиятельства сего числа за № 526 [498] запечатанный конверт на имя заключенного в Алексеевский равелин коллежского секретаря Гулака по объявлении ему в том же виде при сем вашему сиятельству представить честь имею.

За собственной его печатью.

Генерал от инфантерии Скобелев

Апреля 4 дня 1847 г., № 38

Помітка про одержання: 5 апреля 1847 г.

Ч. II, арк. 194. Оригінал.

№ 150

1847 р. квітня 3.— ПРОТОКОЛ ДОДАТКОВОГО ДОПИТУ М. І. ГУЛАКА В ОЛЕКСІЇВСЬКОМУ РАВЕЛІНІ

Дополнительные вопросы, предложенные коллежскому секретарю Гулаку, и ответы его

3 апреля 1847 г.

1. *По сличении почерков, коими писаны вновь найденные у вас устав Славянского общества и тетрадь под названием «Закон божий», оказалось несомненным, что первый писан Василием Белозерским, а почерк второй тетради весьма близок к вашему почерку, но при всем том объясните, точно ли Белозерским писан устав и вами ли или кем другим переписана упомянутая вторая тетрадь?*

Кем написана найденная у меня тетрадь под названием устав Славянского общества и тетрадь под названием «Закон божий» я не знаю. Также не знаю, кем они переписаны.

2. *Как сии новые улики еще более обнаруживают ваше преступление, то не окажете ли полного сознания и в таком случае объявите имена всех соучастников ваших и все, что ими предпринято и предположено предпринять для достижения цели тайного общества?*

Я не могу сделать никаких новых показаний.

К сим показаниям руку приложил Николай Гулак

Ч. II, арк. 195. Оригінал.

№ 151

1847 р. травня 13.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ ДАТИ НАКАЗ ВСТАНОВИТИ, ЧИ НЕМАЄ НА ТІЛІ М. І. ГУЛАКА ЗНАКА ГЕТЬМАНСЬКОЇ БУЛАВИ

Секретно

Его высокопрев[осходительст]ву И. Н. Скобелеву

13 мая 1847 г., № 770

М[илостивый] г[осударь] Иван Никитич!

Имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли приказать немедленно и самым внимательным образом осмотреть содержащегося в Алексеевском равелине коллежского секретаря Гулака, не находятся ли у него на теле знаки гетманской булавы, и о последующем почтите меня уведомлением.

Примите уверение в истинном моем почт[ении] и предан[ности].

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II, арк. 196. Відпуск.

№ 152

1847 р. травня 14.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ТЕ, ЩО НА ТІЛІ М. І. ГУЛАКА НІЯКИХ ЗНАКІВ НЕ ВИЯВЛЕНО

Весьма секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

коменданта С.-Петербургской крепости генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Во исполнение повеления вашего сиятельства № 770 [499] я сам лично и с полным вниманием осматривал коллежского секретаря Гулака, но никаких решительно знаков на теле его не оказалось, о чем покорнейше донести честь имею.

Генерал от инфантерии Скобелев

Мая 14 дня 1847, г., № 39

Помітки: 1). К сведению. 2). Получено сию минуту.
Помітка про одержання: 14 мая 1847 г.

Ч. II, арк. 197. Оригінал.

№ 153

1847 р. травня 14.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ ДОСТАВИТИ М. І. ГУЛАКА ІЗ ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ ДО III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретно

Его высокопрев[осходительст]ву И. Н. Скобелеву

14 мая 1847 г., № 771

М[илостивый] г[осударь] Иван Никитич!

По высочайшему повелению имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли приказать содержащегося в Алексеевском равелине коллежского секретаря Николая Гулака в четверток

15 мая в 9 часов утра доставить под строжайшим караулом в III отделение с. е. и. в. канцелярии.

Примите уверение в истинном моем почт[ении] и предан[ности].

Подп[исал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II, арк. 198. Відпуск.

№ 154

1847 р. травня 17.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ ЗОБОВ'ЯЗАТИ М. І. ГУЛАКА ПІДПИСАТИ ЗАПИС ОЧНОЇ СТАВКИ БЕЗ БУДЬ-ЯКИХ ЗМІН

Весьма секретно

Его высокопрев[осходительству] И. Н. Скобелеву

17 мая 1847 г., № 795

М[илостивый] г[осударь] Иван Никитич!

Препровождая при сем очную ставку, данную коллежскому секретарю Гулаку с разными лицами, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли приказать Гулаку, чтобы он под каждым из его ответов подписал свою фамилию без всяких прибавлений к объяснениям, объявив ему, что если же он желает сделать какие-либо дополнения, то может написать оные иа особом листке; упомянутую же очную ставку по подписании Гулаком не угодно ли будет вам, м[илостивый] г[осударь], возвратить ко мне.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II, арк. 199. Відпуск.

№ 155

1847 р. травня 17.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ЗАПИСУ ОЧНОЇ СТАВКИ М. І. ГУЛАКА

Весьма секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову коменданта С.-Петербургской крепости генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Во исполнение предписания вашего сиятельства № 795 [500] ответные пункты содержащегося в Алексеевском равелине коллежского секретаря Гулака при сем представить честь имею.

Генерал от инфантерии Скобелев

Мая 17-го дня, № 50

Помітка про одержання: 18 мая 1847 г.

Ч. II, арк. 200. Оригінал.

№ 156

травня 15.— ЗАПИС ОЧНОЇ СТАВКИ М. І. ГУЛАКА З ... ЛОЗЕРСЬКИМ, М. І. КОСТОМАРОВИМ, І. Я. ПОСЯДОЮ, Г. Л. АНДРУЗЬКИМ І О. М. ПЕТРОВИМ

Очная с... ака Гулаку с Белозерским, Костомаровым, Посядой, Андрузским и Петровым.

15 мая 1847 г.

Против Гулака говорили:	*Гулак отвечал:*
1. Белозерский, что в исходе 1845 и начале 1846 гг. Гулак с Костомаровым и с ним, Белозерским, соединились для общих заиятий, назвав союз свой обществом; что через несколько времени придали этому обществу имя св. Кирилла и Мефодия и придумали иметь кольца или образа во имя сих святых; что главная цель общества состояла в соединении всех славянских племен под скипетром российского императора; а средствами полагали восстановление народности каждого племени, примирение их, образование и даже склонение их к исповеданию одной православной веры; что в половине 1846 г., увидя несообразность своих действий, они бросили название общества и занимались исследованиями о славянах как наукою, без всяких политических видов. Василий Белозерский	Гулак остался при прежнем своем ответе, что ничего не знает. Николай Гулак
2. Костомаров, показывая то же, что и Белозерский, присовокупил, что Гулак по дерптскому духу вообще расположен был к товариществам. Н. Костомаров	Гулак повторил тот же ответ. Николай Гулак
3. Посяда, что и он около пасхи 1846 г. слышал от Гулака о намерении его составить какое-либо общество и придумать для него символ. Ив. Посяда	Гулак отозвался незнанием. Николай Гулак
4. Андрузский, что Гулак был из числа представителей славянской партии в обществе, которая имела целью при соединении славянских племен ввести в них устройство по примеру Соединенных Штатов или нынешней конституционной Франции и что Гулак питал вольные мысли. Георгий Андрузский	Гулак отозвался тем же незнанием. Николай Гулак
5. Петров, что Гулак в декабре 1846 г. обнаруживал прямо революционные намерения, что, предполагая соединить славянские племена и ввести в них народное правление, он надеялся достигнуть этого возбуждеиием славян к восстанию против верховных властей их; говорил, что при этом	Гулак отвечал, что может быть вел какие-либо разговоры, но не помнит содержания оных. Николай Гулак

общество будет действовать миролюбиво в отношении к царской фамилии, но если переворот будет произведен, а государь не пожелает сложить с себя верховной власти, то необходимость заставит пожертвовать царскою фамилиею; что средствами для возбуждения к восстанию предполагал: внушение народу в самом невыгодном виде всех распоряжений правительства, путешествия по деревням для сближения с крестьянами и распространения между ними идеи о народном правлении; что некоторые уже путешествуют с этою целью; что учреждение школ и издание книг для простого народа предполагали в той же мысли, что с образованием черни восстание непременно произойдет, если не в настоящее время, то в будущем поколении; что у Гулака часто собирались друзья его и тотчас начинали разговор о приведении в исполнение общаго их намерения и что более всех в этом действовал сам хозяин (Гулак).

Алексей Петров

Ч. II, арк. 201—204. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 244—245.

№ 157

1847 р. травня 17.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ТЕ, ЩО М. І. ГУЛАК ДАВ ДОДАТКОВІ СВІДЧЕННЯ

Весьма секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии
г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта С.-Петербургской крепости генерала
от инфантерии Скобелева

Рапорт

При подписании Гулаком ответных пунктов я представил ему всю ничтожность тех жалких средств, коими думает он оградиться с помощью упорных запирательств в деле слишком ясном, и советовал отечески, как пред богом, равно и правительством, раскрыть душу, признаться и надеяться на милосердие государя.

Вследствие чего спустя час он потребовал бумаги и прислал ко мне покорнейше подносимую у сего вашему сиятельству исповедь.

Генерал от инфантерии Скобелев

Мая 17 дня, 1847 г., № 51

Помітка про одержання: 18 мая 1847 г.

Ч. II, арк. 205. Оригінал.

№ 158

1847 р. травня 17.— ДОДАТКОВІ СВІДЧЕННЯ М. І. ГУЛАКА

Его высокопревосходительству г-ну коменданту Скобелеву
Николая Гулака

Ответные пункты

На допросе вашего высокопревосходительства честь имею изъяснить следующее:

1. Показания на меня гг. Белозерского и Костомарова совершенно справедливы, т. е. в исходе 1845 г. и в начале 1846 г. мы точно условились общими силами содействовать к скорейшему соединению всех славянских племен под Русской державой и к распространению в них православия. Мы уговорились при этом носить кольца с именем св. Кирилла и Мефодия в честь этих святых просветителей славян и в воспоминание нашего намерения. О дальнейшей деятельности гг. Белозерского и Костомарова я ничего не знаю.

2. В исходе 1846 г. я сочинил и написал найденные у меня бумаги: а) устав общества св. Кирилла и Мефодия и в) бумагу, именуемую в допросных пунктах «Закон божий». Я их никому не сообщал и не читал.

3. На показания гг. Андрузского и Посяденки честь имею объявить, что я никогда не старался сделать их соучасниками вышеизъясненного нашего намерения и что я никогда не имел с ними, сколько помню, разговоров о политических предметах.

4. На показания г-на Петрова честь имею повторить то, что я уже сказал на допросах в его присутствии и присовокупляю, что я во всех своих разговорах с г-ном Петровым никогда не упоминал о царской фамилии.

К сим ответным пунктам руку приложил

Николай Гулак

С.-Петербург, 1847 г. мая 17

Помітка 1929 р.: Служебные бумаги Н. И. Гулака [501].

Ч. II., арк. 206—208. Оригінал.
Опубл.: Стороженко Н. Кирило-Мефодієвські заговорщики // Киев. старина.— 1906.— 2.— С. 148—149.

№ 159

1840 р. грудня 31.— ПОВІДОМЛЕННЯ ДЕКАНА ЮРИДИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ ДЕРПТСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ М. І. ГУЛАКОВІ ПРО ДОЗВІЛ СКЛАДАТИ ЕКЗАМЕНИ НА ВЧЕНИЙ СТУПІНЬ

Am 31 Dec. 1840, N 194. Dorpat

Dem Herrn Stud. jur. Gulak wird hierdurch eröffnet, daß sein am 17. Dec. a. c. Nr. 121 eingereichtes Gesuch von der Juristen — Facultät in ihrer am 18. Dec. a. c. gehaltenen Sitzung unter der Bedingung genehmigt worden ist, daß er sich um Ostern 1841 der Hälfte der Gradual — Prüfung unterwerfe [502].

Ч. II, арк. 209. Оригінал.

Переклад

31 грудня 1840 г., № 194, Дерпт

Цим повідомляємо пана студента юриста Гулака, що подане ним прохання від 17 грудня ц. р. за № 121 юридичний факультет на своєму засіданні від 18 грудня ц. р. задовольнить при умові, якщо він до великодних свят 1841 [року] складе половину екзаменів на вчений ступінь.

№ 160

1844 р. липня 20.— ПОВІДОМЛЕННЯ ДЕКАНА ЮРИДИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ ДЕРПТСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ПРО ПРИСУДЖЕННЯ М. І. ГУЛАКОВІ СТУПЕНЯ КАНДИДАТА ПРАВА

Den 20 Juli 1844, N 97, Dorpat

Die Juristen-Facultät der Kaiserlichen Universität Dorpat bezeuget hiemit dem vormaligen Studierenden der Rechte Herrn Nicolaus Gulak für seine mit großem Fleiß und möglichster Vielseitigkeit ausgearbeitete, sehr gelungene Candidatenschrift, enthaltend eine Darstellung des Fremdenrechts nach französischem, preußischem, oestereichischem und rußischem Recht, ihren wohlverdienten Beifall und benachrichtigt ihn zugleich, daß sie ihm die Würde eines Candidaten der Rechte zuerkannt hat und dieserhalb Em. Hochw. Conseil noch heute das erforderliche unterlegen wird.

Dr. E. G. v. Broecker, decan

Ч. II, арк. 210. Оригінал.

Переклад

20 липня 1844 р., № 97, Дерпт

Юридичний факультет імператорського Дерптського університету цим свідчить колишньому студенту права пану Миколі Гулаку своє цілком ним заслужене схвалення його старанної і всебічно опрацьованої кандидатської праці, яка являє собою виклад іноземного права згідно з французьким, пруським, австрійським і російським правами і одночасно повідомляє про присвоєння йому ступеня кандидата права, про що ще сьогодні буде належним чином представлено високій раді.

Др. Е. Г. ф. Брокер, декан

№ 161

1843 р. червня 9.— ПОВІДОМЛЕННЯ ДЕКАНА ЮРИДИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ ДЕРПТСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ М. І. ГУЛАКОВІ ПРО ВІДМІННО СКЛАДЕНИЙ НИМ ІСПИТ НА ВЧЕНИЙ СТУПІНЬ КАНДИДАТА ПРАВА

Am 9 Juni 1843, N 78, Dorpat

Indem die Juristen Facultät dem Studierenden der Rechte Herrn Nicolaus Gulak ihre ganz besondere Zufriedenheit mit seiner ausgezeichnet bestandenen Gradualprüfung hiemit zu erkennen giebt, eröffnet sie ihm als Ergebniß derselben, daß er nach Einreichung einer genügenden Abhandlung sofort die Candidatenwürde erhalten könne.

Dr. E. G. v. Broecker, decan

Діловодний переклад

Дерптский университет, юридический факультет

9 июня 1843 г., № 78, Дерпт

Юридический факультет, изъявляя особенное удовольствие свое студенту прав Николаю Гулаку за отлично выдержанное им испытание на ученую степень, дает сим знать, что по представлении им удовлетворительного рассуждения он немедленно будет удостоен ученой степени кандидата.

Верно: за переводчика начальник стола С. Сухо[в]

Ч. II, арк. 211—212. Оригінал.

№ 162

1846 р. червня 27.— ПРОХІДНЕ СВІДОЦТВО, ВИДАНЕ Д. Г. БІБІКОВИМ КОЛЕЗЬКОМУ СЕКРЕТАРЮ КАНЦЕЛЯРІЇ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М. І. ГУЛАКУ, НА ЧАС ВІДПУСТКИ СТРОКОМ НА 28 ДНІВ У ПОЛТАВСЬКУ ГУБЕРНІЮ.

Ч. II, арк. 213. Оригінал. Не публікується.

№ 163

1838 р. липня 23.— ПОСВІДЧЕННЯ РЕКТОРА ДЕРПТСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ Х. Ф. НОЙЄ ПРО ЗАРАХУВАННЯ М. І. ГУЛАКА СТУДЕНТОМ

Q. F. F. Q. S. [503]

Переклад

Хай це буде щасливим і сприятливим

№ 3859

Цим указом Дерптського імператорського університету ми хочемо сповістити всіх разом і кожного зокрема, для кого це важливо, що до числа студентів зараховано високо достойного юнака Миколу Гулака, росіянина, схильного до юриспруденції, який, власноручно підписавшись, обіцяв: він незаперечно підкорятиметься академічним законам і оголошеним та відомим йому і також тим, які буде потреба оголосити в майбутньому, а насамперед таким:

1. Приватно й публічно шануватиме бога в найблагочеснішій відданості;
2. Буде відданим з найвищою вірністю і покірністю августійшій величності імператора, а також тим особам, які за його призначенням виконують державні обов'язки;
3. Шануватиме і слухатиметься ректора і раду цієї академії, а також академічний суд;
4. Пам'ятатиме намір, заради якого був уведений в академію, і покладе всі зусилля на науки, які слід вивчати, і ретельно, і часто відвідуватиме необхідні лекції;
5. Уникатиме всіляких випадків заворушень і не порушить внутрішнього миру;
6. Відвертатиме угруповання співзмовників і всі об'єднання, які відкликають від порядку і заборонені законом;
7. Найменше цікавитиметься зборищами гравців і не довірятиме свого майна сліпому випадку долі;
8. Вчинену йому умисне несправедливість ні сам, ні за допомогою когось іншого не каратиме, але буде благати допомоги за неї від ректора.

Дерптський університет наук з свого боку урочистим словом гарантує новому громадянину покровительство академічних законів і всі права та привілеї студентів.

На доказ цього його ім'я буде внесене до академічного реєстру, а ми самі наказали, щоб цей, скріплений академічною печаткою, указ був оголошений.

Дерпт, 23 липня 1838 р.
[м. п.]

Ректор і Рада Дерптського Імператорського університету
Д-р Хрістіан Фредерік НОЙЄ, ректор.

Ч. II, арк. 214. Оригінал.

№ 164

1846 р. листопад, не пізніше 27.— ФОРМУЛЯРНИЙ СПИСОК М. І. ГУЛАКА, СКЛАДЕНИЙ У КАНЦЕЛЯРІЇ КИЇВСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО, ПОДІЛЬСЬКОГО ТА ВОЛИНСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА

Формулярный список о службе коллежского секретаря Николая Гулака 1846 г.

Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая, сколько от роду лет и какого вероисповедования?	Из какого звания происходит?	Есть ли за ним, за родителями его или когда женат, за женою недвижимое имение? У родителей и самого него: Родовое	У родителей и самого него: Благоприобретенное	У жены, буде женат: Родовое	У жены, буде женат: Благоприобретенное	Когда в службу вступил и с [какими] чинами, в каких должностях и где [про]ходил; также не было [ль по службе] каких отличных деяний и не был ли особенно кроме чи[ном] награжден и в какое время?
						Месяцы и числа
Коллежский секретарь Николай Иванов, сын Гулака, чиновника для письма, 25 лет, вероисповедания православного	Сын чиновника 7-го класса	За родителем его состоит недвижимое имение в Золотоношском уезде		Не имеет		По окончании курса наук в Дерптском университете со степенью кандидата, вследствие прошения определен на службу в канцелярию киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора, указом правительственного сената от 11 июня 1846 г. утвержден чин коллежского секретаря с старшинством со дня вступления на службу

Месяцы и числа	В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно?	Не был ли в штрафах и под судом и если был, то за что именно, когда и чем дело кончено?	К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет?	Не был ли в отпусках, и если был, то когда именно и на сколько времени, и явился ли на срок к должности?	Не был ли в отставке с награждением чина или без оного и когда?	Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет, где они находятся и какого вероисповедания?
Ноября 27	Не был			Был с 12 февраля 1846 на две недели и на срок явился	Не был	Холост

Генерал-губернатор

Ч. II, арк. 215—216 Оригінал.

№ 165

1838 р. липня 22.— АТЕСТАТ, ВИДАНИЙ ДЕРПТСЬКИМ УНІВЕРСИТЕТОМ М. І. ГУЛАКУ, ПРО СКЛАДАННЯ ІСПИТІВ

Dorpat, Den 22 July 1838, N 376

Dem Herrn Nicolaus Gulack wird hierdurch attestiret, daß er in der von dem Examinations — Comite dieser Universitat mit ihm abgehalten en mundlichen und schriftlichen Prufung

in der griechischen Sprache —
in der lateinischen Sprache —
in der deutschen Sprache — Vollig
in der russischen Sprache —
in der Geschichte und
Geographie — genugende
in der Mathematik —
Kenntnisse bewiesen hat.

In Namen des Examinations-Comite der Kaiserlichen Universitat zu Dorpat:

rector Neue

Ч. II, арк. 217. Оригінал.

Переклад

Дерпт, 22 липня 1838 р., № 376

Пана Миколу Гулака цим атестується, що він на проведених екзаменаційною комісією цього університету усних і письмових екзаменах з грецької, латинської, німецької, російської мов, історії і географії та математики виявив цілком задовільні знання.

Від імені екзаменаційної комісії імператорського Дерптського університету.

ректор Нойє

№ 166

1844 р. липня 26.— АТЕСТАТ ПРО ПРИСВОЄННЯ СТУПЕНЯ КАНДИДАТА ПРАВА М. І. ГУЛАКУ, ВИДАНИЙ ДЕРПТСЬКИМ УНІВЕРСИТЕТОМ

Copie

Auf Befehl Seiner Kaiserlichen Majestät des Selbstherrschers aller Russen s. s. s.

Ertheilt das Conseil der Kaiserlichen Universität zu Dorpat dem gewesenen hiesigen Studierenden der Rechtswissenschaft Herrn Nicolaus Gulack, adlichen Standes, gebürtig aus dem Poltawaschen Gouvernement, welcher seinen akademischen Cursus in der Zeit vom drei und zwanzingsten Julius 1838 bis zum fünfzehnten September 1843, vollständig aus dieser Universität absolvirt, und die in Gemäßheit der bestehenden gesetzlichen Verordnungen von der juristischen Facultät mit ihm abgehaltene Prüfung sehr gut bestanden hat, bei welsher er, wie vorschriftmässig anzuführen ist, auch in der Russischen Sprache, und zwar im schriftlichen Uebersetzen aus dem Deutschen ins Russische gute, im mündlichen Uebersetzen aus dem Russischen ins Deutsche und im Colloquium sehr gute Kenntnisse bewiesen und sich befähiget gezeigt hat, in dieser Sprache schriftlich Geschäfte zu führen, da ferner die von ihm

eingereichten Probeschrift als besonders gelungen befunden worden, hiemit die Würde und die Rrechte eines Candidaten der Rechtswissenschaft, womit nach dem Swod der Reichsgesetze ausg. v. J. 1842 Bd. 3 Verordnungen über den Civildienst, Art. 171, die Zehnte Rangeclasse bei dem Eintritt in den Civildienst verbunden ist.

Dessen zur Urkunde ist dieses Attestat mit der Unterschrift des derzeitigen Rectors der Universität im Namen des Conseils und mit Beidrückung des Siegels der Kaiserlichen Universität zu Dorpat ausgefertiget worden.

Dorpat, d. 26 Julius 1844

Rector Neue

[L. S.] Sekret. E. v. Forestier

Die wörtliche Uebereinstimmung dieser Copie mit dem Original wird durch Unterschrift des derz. Rectors der Universität im Namen des Conseils unter Beidrückung des Siegels der caiserlichen Universität zu Dorpat desmittels bescheiniget.

Dorpat, d. 20 Februar 1847

Rector Neue
Sekretar E. v. Forestier

Ч. II, арк. 218. Копія.

Переклад

Копія

Указом його імператорської величності самодержця всеросійського, і пр., і пр., і пр.

Рада імператорського Дерптського університету вивчаючому тут право пану Миколі Гулаку, дворянину Полтавської губ., який повністю закінчив академічний курс навчання у цьому університеті за період з 23 липня 1838 р. по 15 вересня 1843 р. і, відповідно існуючим узаконеним порядкам на юридичному факультеті, дуже добре витримав іспит, причому він, що треба відзначити, виявив добрі знання також російської мови, зокрема у письмовому перекладі з німецької мови на російську і дуже добрі в усному перекладі з російської на німецьку мову та у розмовній мові, і виявив себе здатним вести на цій мові справи, а також представлений ним згодом пробний твір отримав особливо високу оцінку, присвоює йому цим звання і права кандидата юриспруденції, що згідно із зводом законів імперії, видання 1842 р., т. 3, розпорядження про цивільну службу ст. 171, надає право при вступі на цивільну службу бути зарахованим у десятий клас.

Посвідченням чого є цей атестат, виданий за підписом ректора того ж університету від імені ради і скріплений печаткою імператорського Дерптського університету.

Дерпт, дня 26 липня 1844 р.

Ректор Нойє
Секретар Форестір

[м. п.]

Дослівна тотожність цієї копії з оригіналом засвідчується підписом ректора того ж університету від імені ради, скріпленого печаткою імператорського Дерптського університету.

Дерпт, дня 20 лютого 1847 р.

Ректор Нойє
Секретар Форестір

[Печатка університету]

№ 167

1847 р. травня, не раніше 30.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. І. ГУЛАКА

Коллежский секретарь *Николай Гулак.* У него найдены были кольцо с вырезкою внутри имен св. Кирилла и Мефодия, устав Славянского общества и два экземпляра рукописи возмутительного и коммунистического содержания, называемой «Закон божий», из которых один, переписанный его рукою, он скрыл было при его арестовании.

Гулак ни в чем не сознался. Не отрицая ни существования общества украйно-славянистов, ни своего участия в их действиях, он решительно объявил, что ничего не откроет, ибо связан честным словом. С 17 марта по 1 апреля каждый день производились допросы Гулаку в III отделении и несколько раз самим шефом жандармов, а потом, с высочайшего разрешения, убеждал его протоиерей Малов. Все внушали ему, что если он считает важным честное слово кому-то им данное, то несравненно важнее и священнее верноподданническая присяга, им же данная, что он обязан нарушить первое в силу последней. Гулак иногда плакал и, казалось, готов был последовать отеческим советам, но упорство все превозмогало в нем и он оставался при прежнем своем ответе: «Не знаю!»

После того Гулак 1 апреля заключен был в Алексеевский равелин.

Между тем прочие прикосновенные лица объяснили все подробности Украйно-славянского общества. 15 мая Гулак был вытребован из крепости для очных ставок. Белозерский, Костомаров и др. уличали его, но он и здесь ни в чем не сознался, говоря только, что остается при прежнем ответе.

На другой же день Гулак, вероятно, потому, что на очных ставках видел, что преступление уже обнаружено, прислал из крепости через коменданта откровенное сознание, объясняя дело так, как оно объяснено Белозерским и Костомаровым, т. е. что они трое в исходе 1845 г. и начале 1846 г. составляли Украйно-славянское общество, что это общество имело целью присоединение иноземных славян к России и что оно предполагало действовать только распространением образования и другими мирными средствами.

Хотя студент Петров доносил, что Гулак обнаруживал прямо революционные намерения, что предполагал учредить в славянских племенах народное правление, он надеялся достигнуть этого не иначе, как возбуждением славян к восстанию против верховных властей их; будто бы говорил, что при этом общество будет действовать миролюбиво в отношении царской фамилии, но если переворот будет произведен и государь не пожелает сложить с себя верховной власти, то необходимость заставить пожертвовать царскою фамилиею, но Гулак решительно объявил, что показание Петрова несправедливо.

По высочайше утвержденному решению дела определено: Гулака заключить на три года в Шлиссельбургскую крепость, а потом, буде исправится в образе мыслей, отправить в отдаленную губернию под строжайший надзор.

В Шлиссельбургскую крепость Гулак заключен 30 мая 1847 г.

Ч. II, арк. 219—222. Оригінал.

№ 168

1847 р. травня 30.— НАКАЗ О. Ф. ОРЛОВА ПРАПОРЩИКУ ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ ПАВЛОВУ ТАЄМНО ПЕРЕВЕЗТИ М. І. ГУЛАКА З ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ ПЕТРОПАВЛІВСЬКОЇ ФОРТЕЦІ ДО ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ

Весьма секретно

30 мая 1847, № 875

Прапорщику С.-Петербургского жандармского дивизиона Павлову

По высочайшему повелению предписываю вашему благородию явиться к г-ну коменданту С.-Петербургской крепости, принять с разрешения его высокопревосходительства содержащегося в Алексеевском равелине коллежского секретаря Николая Гулака и отвезти его под строжайшим арестом, сохраняя величайшую тайну, в Шлиссельбург, там сдать упомянутого арестанта коменданту крепости г-ну генерал-лейтенанту Заборинскому и, возвратившись в С.-Петербург, донести мне об исполнении.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. II, арк. 223. Відпуск.

№ 169

1847 р. травня 30.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО РІШЕННЯ МИКОЛИ І ПЕРЕВЕЗТИ М. І. ГУЛАКА З ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ В ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКУ ФОРТЕЦЮ

Секретно

Высокопр[евосходительст]ву И. Н. Скобелеву

30 мая 1847 г., № 873

М[илостивый] г[осударь] Иван Никитич!

Государь император высочайше повелеть соизволил содержащегося в Алексеевском равелине коллежского секретаря Николая Гулака за участие в составлении Украйно-славянского общества и за то упорство, с которым он весьма долго не сознавался в своем преступлении, заключить в Шлиссельбургскую крепость на три года, а потом, буде исправится в образе мыслей, отправить в отдаленную губернию под строжайший надзор.

О таковой монаршей воле сообщая вашему высокопре[восходительст]ву, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли приказать передать Гулака прапорщику С.-Петербургского жандармского дивизиона Павлову, которому предписано мною отвезти его в Шлиссельбург; о том же, когда Гулак будет передан вами прапорщику Павлову, удостоить меня уведомлением.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: колл[ежский] сов[етник] Константинов

Ч. II, арк. 224. Відпуск.

№ 170

1847 р. травня 30.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА КОМЕНДАНТОВІ ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ О. Н. ЗАБОРИНСЬКОМУ ПРО РІШЕННЯ МИКОЛИ І УВ'ЯЗНИТИ М. І. ГУЛАКА В ФОРТЕЦІ НА ТРИ РОКИ

Секретно

Его превосход[ительст]ву А. Н. Заборинскому

30 мая 1847 г., № 874

М[илостивый] г[осударь] Александр Никифорович!

Государь император высочайше повелеть соизволил коллежского секретар[я] Николая Гулака за участие в составлении Украйно-славянского общества и весьма долго с необыкновенным упорством запиравшегося заключить в Шлиссельбургскую крепость на три года, а потом, буде исправится в образе мыслей, отправить в отдаленную губернию под строжайший надзор.

О таковой монаршей воле сообщая вашему превосходительству и присовокупляя, что Гулак будет доставлен к вам вместе с сею бумагою прапорщиком С.-Петербургского жандармского дивизиона Павловым, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли приказать заключить Гулака во вверенную вам крепость; по истечении же трех лет не благоугодно ли вам будет уведомить меня о том, исправится ли Гулак в образе мыслей и будет ли достоин освобождения из крепости.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. II, арк. 225—226. Відпуск.

№ 171

1847 р. травня 30.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА З ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ ДО ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии, г-ну генерал-лейтенанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта С.-Петербургской крепости, генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Во исполнении предписания вашего сиятельства сего числа за № 873 [505] содержавшийся в Алексеевском равелине коллежский секретарь Николай Гулак для препровождения в Шлиссельбургскую крепость прапорщику С.-Петербургского жандармского дивизиона Павлову сдан сего числа в 5 часов пополудни. О чем вашему сиятельству честь имею донести.

Генерал от инфант[ерии] Скобелев

Мая 30 дня, № 55

Помітка про одержання: 31 мая 1847 г.

Ч. II, арк. 227. Оригінал.

№ 172

1847 р. травня 30.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА МИКОЛІ І ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА ДО ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ

Его императорскому величеству коменданта С.-Петербургской крепости, генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в исполнение высочайшей вашего и. в. воли объявленный мне в предписании шефа жандармов [509] содержащийся в доме Алексеевского равелина С.-Петербургской крепости коллежский секретарь Николай Гулак для препровождения в Шлиссельбургскую крепость сдан прапорщику С.-Петербургского жандармского дивизиона Павлову сего числа в 5 часов пополудни и из списка об арестантах исключен.

Комендант генерал от инфантерии Скобелев

Мая 30 дня 1847 г., № 56

Помітка: Его величество изволил читать. 1 июня 1847. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт.

Ч. II. арк. 228. Оригінал.

№ 173

1847 р. червня 1.— РАПОРТ ПРАПОРЩИКА ПАВЛОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПЕРЕДАЧУ М. І. ГУЛАКА КОМЕНДАНТУ ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ

Весьма секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову С.-Петербургского жандармского дивизиона прапорщика Павлова

Рапорт

По принятии от г-на коменданта С.-Петербургской Петропавловской крепости содержащегося в Алексеевском равелине коллежского секретаря Николая Гулака я, вследствие предписания, данного мне 30 мая за № 875 [510], тотчас отправился в крепость Шлиссельбург, где и сдал его коменданту г-ну генерал-лейтенанту Заборинскому, выданную же мне квитанцию за № [511] в принятии Гулака при сем имею счастье почтительнейше представить вашему сиятельству.

Прапорщик Павлов

1 июня 1847 г., № 5, С.-Петербург

Помітка про одержання: 2 июня 1847 г.

Ч. II. арк. 229. Оригінал.

№ 174

1847 р. травня 30.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА КОМЕНДАНТОМ ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ О. Н. ЗАБОРИНСЬКИМ ПРАПОРЩИКУ ПАВЛОВУ ПРО ПРИЙНЯТТЯ ВІД НЬОГО М. І. ГУЛАКА

Квитанция

Дана сия С.-Петербургского жандармского дивизиона прапорщику Павлову в том, что доставил в вверенную мне крепость арестанта Николая Гулака пополудни половины девятого часа, в чем и подписываюсь.
Мая 30 дня 1847 г.

Генерал-лейтенант Заборинский 1-й

Ч. II, арк. 230. Оригінал.

№ 175

1847 р. травня 31.— РАПОРТ О. Н. ЗАБОРИНСЬКОГО О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПРИЙНЯТТЯ М. І. ГУЛАКА ДО ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ

Секретно

Г-ну генерал-лейтенанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта Шлиссельбургской крепости

Рапорт

Препровожденный при предписании вашего сиятельства вчерашнего числа за № 874 с прапорщиком Санкт-петербургского жандармского дивизиона Павловым коллежский секретарь Николай Гулак во веренную мне Шлиссельбургскую крепость того же числа пополудни в половине 9 часа доставлен, о чем вашему сиятельству имею честь донести.

Генерал-лейтенант Заборинский 1-й

Мая 31 дня 1847 г., № 17

Помітка про одержання: 3 июня 1847 г.

Ч. II, арк. 231. Оригінал.

№ 176

1847 р. червня 3.— ВІДНОШЕННЯ СТАРШОГО ЦЕНЗОРА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ПОШТАМТУ Ф. Ю. УЛЬРІХСА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ОДЕРЖАННЯ ЛИСТА НА ІМ'Я М. І. ГУЛАКА

Секретно

Его превосх[одительст]ву Л. В. Дубельту

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Во исполнение секретного отношения его сиятельства гр. Алексея Федоровича к г-ну главноначальствующему над Почтовым департаментом от 22 прошедшего марта № 451 [512] имею честь, за отсутствием г-на почтдиректора, представить к вашему превосходительству письмо, полученное сего числа из Новой Праги на имя Николая Ивановича Гулака и копию с оного [513].

Позвольте, милостивый государь, уверить ваше превосходительство в совершенном моем почтении и преданности.

Ф. Ульрихс

3 июня 1847 г., № 86

Помітка про одержання: 5 июня 1847 г.

Ч. II, арк. 232. Оригінал.

№ 177

1847 травня 21.— ЛИСТ І. І. ГУЛАКА ДО М. І. ГУЛАКА ПРО ТУРБОТУ БАТЬКІВ В ЗВ'ЯЗКУ З ВІДСУТНІСТЮ ЛИСТІВ ВІД СИНА

Копия с письма И. Гулака из Николаевки от 21 мая 1847 г. к Николаю Ивановичу Гулаку в С.-Петербург

Любезнейший Николай!

Удивляемся и не знаем, чему приписать такое долгое твое молчание. Маменька твоя приходит в отчаяние, да и я недалек от того. Или ты заболел, или с тобой что случилось? Всякую почту надеемся получить от тебя письмо и все напрасно. Здоровье твоей маменьки весьма расстроилось; она неутешна об тебе.

Получивши это, пиши с первою почтою непременно, иначе мы сочтем тебя в другом уже свете.

Какая причина такого долгого молчания? Разреши и успокой нас.

Преданный тебе отец И. Гулак

Николаевка, 21 мая 1847 г.

Ч. II, арк. 233. Копія.

№ 178

1847 р. червня 5.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА О. Н. ЗАБОРИНСЬКОМУ ВРУЧИТИ М. І. ГУЛАКУ ЛИСТ ВІД БАТЬКА

Ч. II, арк. 234. Відпуск. Не публікується.

№ 179

1847 р. червня 14.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ О. Н. ЗАБОРИНСЬКОГО ДО НАДІСЛАНОГО В III ВІДДІЛЕННЯ ДЛЯ ПЕРЕВІРКИ ЛИСТА М. І. ГУЛАКА БАТЬКАМ [514]

Ч. II, арк. 235. Оригінал. Не публікується.

№ 180

1847 р. червня 11.— ЛИСТ М. І. ГУЛАКА ДО БАТЬКІВ З ПРИВОДУ ЗАВДАНОГО ЇМ ГОРЯ

Копия

11 июня 1847 г.

Дражайшие родители!

Письмо ваше от 21 мая дошло до меня. Если ответ мой не принесет вам ни радости, ни утешения, но печаль и огорчение, [то] по крайней мере письмо мое прекратит мучительную неизвестность, в которой вы ныне находитесь,

и хоть немного облегчит ваши страдания и успокоит вас. Не сокрушайтесь при мысли, что я может быть физически страдаю или терплю в чем-нибудь недостаток: нет, я совершенно здоров, меня не мучит ни холод, ни голод, ни даже недостаток в умственных занятиях; я имею все необходимое и встречаю от всех ласковое и человеколюбивое обхождение, которого я, увы, ничем не заслужил.

Если что должно меня терзать, так это мысль, что я за все ваши заботы и попечения, за все лишения, которые вы ради меня перенесли, что я за все это платил вам неблагодарностью в продолжении всей моей жизни и кончил тем, что вверг отца в отчаяние, а мать привел на край могилы. Простите мне-дражайшие родители, простите, вот все, что я могу сказать в свое оправда, ние и господь бог прощает кающемуся от искреннего сердца. Утешьтесь, верьте, о верьте, что все, что ни случается с нами, все устроится всеблагим промыслом к лучшему нашему, я ежедневно более и более в этом убеждаюсь. Настанет время, надежда эта никогда во мне не угаснет, настанет еще радостный день свидания, и я еще вас увижу, обниму вас, услышу из уст ваших прощение во всех тех огорчениях, которые я вам причинил, а до того времени я буду мужаться и помнить, что никто в мире не виноват в моей судьбе, что я сам всему причиной, что я заслужил самую тяжкую участь и буду с покорностью переносить свою судьбу. И вы также, добрые мои родители, мужайтесь и терпите, простите мне, благословите меня и сохранитесь для моих братьев и сестер, которых всех прошу обнять и поцеловать; пусть они меня не забывают и дай бог, чтобы жизнь моя послужила им в пользу и в предостережение, чтобы они не впадали в подобные заблуждения и чтобы их не постигла подобная участь. Прощайте, дражайшие родители.

До гроба любящий вас сын ваш.

Под[писал] Николай Гулак

Ч. II, арк. 236—237. Копія.

№ 181

1847 р. червня 19.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО І. І. ГУЛАКА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО О. Ф. ОРЛОВ ДОЗВОЛИВ ЛИСТУВАТИСЯ З СИНОМ ЧЕРЕЗ III ВІДДІЛЕННЯ

Его высокоб[лагоро]дию И. И. Гулаку

19 июня 1847 г., № 1044, С.-Петербург

Милостивый государь Иван Иванович!

По воле г-на генерал-адъютанта гр. Орлова, препровождая к вам, милостивый государь, письмо сына вашего, имею честь присовокупить, что если вам угодно будет ответствовать сыну вашему, то письмо на его имя вы можете доставлять в III отделение с. е. и. в. канцелярии.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Верно: надворный советник Нордстрем

Помітка: И. И. Гулак жительство имеет: Херсон[ской] губ., в Новой Праге, в дер. Николаевке.

Ч. II, арк. 238. Відпуск.

№ 182

1847 р. жовтня 27.— ПРОХАННЯ І. І. ГУЛАКА ПЕРЕДАТИ СИНОВІ ЛИСТ, НАДІСЛАНЕ В III ВІДДІЛЕННЯ

В III отделение с. е. и. в. канцелярии
От чиновника 7-го класса Ивана Иванова сына Гулака

Пользуясь дозволением его превосходительства начальника штаба жандармского корпуса г-на генерала Дубельта, изъясненным в отзыве ко мне, которым его превосходительство удостоило от 19 июня, № 1044 [515], имею честь препроводить при сем письмо на имя сына моего Николая Гулака, покорнейше прося о доставлении ему оного.

Чиновник 7-го класса Иван Гулак

27 октября 1847 г.
Из Новой Праги

Помітка О. Ф. Орлова: Ежели ничего нет, то можно.

На арк. 240 записка до пакета:

«В пакете на имя Николая Гулака оказались письма от матери, братьев и сестер его. Они описывают праздник, бывший в именины их матери, и изъявляют родственную любовь к брату. Недозволенного же ничего нет в этих письмах».

Ч. II, арк. 239—240. Оригінал.

№ 183—185

1847 р. листопада 11, 20, 22.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ З ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЮ ФОРТЕЦЕЮ ПРО НАДІСЛАННЯ М. І. ГУЛАКУ ЛИСТІВ ВІД РІДНИХ

Ч. II, арк. 241—243. Відпуски. Не публікуються.

№ 186

1847 р. листопада 27.— РАПОРТ О. Н. ЗАБОРИНСЬКОГО О. Ф. ОРЛОВУ З ПРИВОДУ ПРОХАННЯ В'ЯЗНІВ ВЕЩИЦЬКОГО [516] ДОЗВОЛИТИ ПИСАТИ, А М. І. ГУЛАКА ПЕРЕКЛАДАТИ ТВОРИ ЕВРІПІДА

Секретно

Г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта Шлиссельбургской крепости

Рапорт

Содержащиеся во вверенной мне крепости арестанты дворянин Вещицкий и Гулак просят убедительно, чтобы им позволено было заняться: первый сочинением и второй переводом с греческого языка Эврипида. О чем донося вашему сиятельству, испрашиваю позволения.

Генерал-лейтен[ант] Заборинский 1-й

Ноября 27 дня 1847 г., № 43

Резолюція О. Ф. Орлова: Можно.

Ч. II, арк. 244. Оригінал.

№ 187

1847 р. грудня, не пізніше 3.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО В'ЯЗНІВ ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ М. І. ГУЛАКА, ВЕЩИЦЬКОГО І МЕДОКСА [517]

Справки

1. Коллежский секретарь Гулак заключен в Шлиссельбургскую крепость на 3 года по прикосновенности его к Украйно-славянскому обществу.

2. В 1846 г. бывший студент университета св. Владимира, дворянин Вещицкий, возвратившись из-за границы, подговаривал чиновника канцелярии попечителя Киевского учебного округа Сосновского ко вступлению в заговор для произведения восстания в западных губерниях и при этом обнаруживал готовность на самые кровавые замыслы; за это Вещицкий в марте 1847 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость.

3. Заниматься крепосным арестантам сочинениями или переводами для себя никогда не запрещалось. Содержащийся в Шлиссельбургской крепости рядовой Медокс, занимаясь сочинениями, просил даже напечатать оныя; вследствие сего в сентябре 1839 г. г-н генерал-адъютант гр. Бенкендорф препровождал к министру народного просвещения сочинение о русском языке, а в июне 1843 г. отрывки из живописной географии, составленные Медоксом с тем, чтобы статьи эти были напечатаны без означения только имени сочинителя.

Ч. II, арк. 245. Оригінал.

№ 188

1847 р. грудня 3.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА О. Н. ЗАБОРИНСЬКОМУ ПРО ТЕ, ЩО ВІН НЕ ЗАБОРОНЯЄ ВЕЩИЦЬКОМУ І М. І. ГУЛАКУ ПИСАТИ І ПЕРЕКЛАДАТИ

Секретно

Его пре[восходительст]ву А. Н. Заборинскому

3 декабря 1847 г., № 1998

М[илостивый] г[осударь] Александр Никифорович!

Вследствие отношения вашего пр[евосходительст]ва от 27 ноября, № 43 [518] имею честь уведомить, что к дозволению содержащимся в Шлиссельбургской крепости арестантам Вещицкому и Гулаку заниматься сочинением в переводами я не нахожу препятствий, но с тем, чтобы они отнюдь не передавали никому своих сочинений и переводов.

Примите увер[ения] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. II. арк. 246. Відпуск.

№ 189

1847 р. серпня 20.— ЛИСТ Н. А. ГУЛАК ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ЇЙ ЛИСТУВАТИСЬ З СИНОМ

Сиятельнейший граф!

Единственно по праву скорбящей матери, сердце которой разорвано на части, обращаюсь к вам, сиятельнейший гр. Алексей Федорович, с горькою просьбою! Вы сами отец, и вопль матери не может быть чужд вашего сердца!

Оно доступно, я хочу этому верить, к нему взываю я как к единственному источнику упования в тяжкой горести.

Сын мой, служивший в канцелярии киевского генерал-губернатора, Николай Гулак подвергся справедливому, но всегда великодушному гневу государя! Не зная ни сущности проступка сына моего, ни степени заслуженного им наказания, я, оставаясь в совершенной неизвестности о судьбе и участи его, прибегаю к вам, сиятельнейший граф, умоляя облегчить горе матери — страждущее мое сердце, покоряющееся вине и определениям судеб без ропота, исходотайствовав единственную милость в позволении мне писать к сыну и от времени до времени получать от него несколько собственных строк.

Твердо уповая на милосердие монарха, отца семейства, как на земное провидение большой семьи русской, беру смелость приложить при сем краткое письмо к сыну и просить несколько слов от него мне в ответ. Будьте граф посланником неба к утешению скорбящей матери и благодать божья да почтит на вас и семействе вашем. Горячие мольбы к всевышнему пролью я из благодарного сердца за августейшую семью милосердного монарха.

С глубоким чувством высокопочитания честь имею быть, сиятельнейший граф, вам покорнейшая к услугам

Надежда Андреевна дочь Гулакова

20 августа 1847 г., Золотоноша

Помітка про одержання: 4 сентября 1847 г.

Ч. II, арк. 247—248. Оригінал.

№ 190

1847 р. вересня 5.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Н. ЗАБОРИНСЬКОМУ ДОЗВОЛИТИ ВРУЧИТИ М. І. ГУЛАКУ ЛИСТА ВІД БАТЬКІВ

Секретно

Его пре[восходительст]ву А. Н. Заборинскому

5 сентября 1847 г., № 1521

Милостивый государь Александр Никифорович!

Руководствуясь тем примером, что от 5 июня, № 953 [519] г-н шеф жандармов изволил препроводить к вашему превосходительству для вручения содержащемуся в Шлиссельбургской крепости коллежскому секретарю Гулаку письмо его родителя, за отсутствием его сиятельства, препровождая при сем письмо родительницы Гулака, имею честь покорнейше просить вас, милостивейший государь, не изволите ли приказать: вручить оное упомянутому арестанту, а то письмо, которое он напишет в ответ, если в оном будут заключаться одни родственные объяснения, доставить в III отделение с. е. и. в. канцелярии для отправления коего родительнице.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] Л. Дубельт

Ч. II, арк. 249. Відпуск.

№ 191

1847 р. серпня 27.— ЗВЕРНЕННЯ І. І. ГУЛАКА ДО ІІІ ВІДДІЛЕННЯ З ПРОХАННЯМ ПЕРЕДАТИ ЛИСТ СИНОВІ

В III отделение с. е. и. в. канцелярии
От чиновника 7-го класса Ивана Иванова сына Гулака

Пользуясь дозволением его превосходительства начальника штаба жандармского корпуса г-на генерала Дубельта, изъясненным в отзыве от 19 июня, № 1044 [520], которым его превосходительство удостоил меня, имею честь представить при сем письмо на имя сына моего, покорнейше прося о доставлении ему оного.

Чиновник 7-го класса Иван Гулак

27 августа 1847 г.
Из Новой Праги

Помітка про одержання: 15 сентября 1847 г.

Ч. II, арк. 250. Автограф.

№ 192

1847 р. серпня 27.— ЛИСТ І. І. ГУЛАКА ДО СИНА З ВИСЛОВЛЕННЯМ ЖАЛЮ З ПРИВОДУ АРЕШТУ

Копия

27 августа 1847 г.
Из Новой Праги

Любезный мой Николай!

После долгой, мучительной неизвестности о тебе наконец я получил письмо от 11 июня. Оно поразило бы меня горестно, если бы можно было увеличить мою скорбь. Но в тяжком неведении, полгода о тебе продолжавшемся, оно было утешительно: оно дало весть о тебе и пролило луч надежды на милость божью и на благость царя.

Я и маменька твоя не знаем твоей вины. Не знаем и меры взыскания, тобою заслуженного. Но знавши твой характер, твое поведение, твой образ мыслей, мы всегда были уверены, что ты не способен к замыслам противозаконным. Мне трудно верить, чтоб ты мог сам собою совратиться с пути порядка и чести, указываемого нам святою нашею религиею и нашими законами. Мне трудно допустить, чтобы ты по собственному убеждению согласился быть лучше безумным демагогом, нежели мирным и честным гражданином, верным слугою царя, подпорою семейства. Скорее могу думать, что юное, неопытное и доверчивое твое сердце увлеклось гибельным примером, заразилось ядовитым дыханием других. Ты не сумел отличить добра от зла. Ты по доброте своей не видел в других испорченности их. Ты по-видимому и не подозревал той бездны, в которую они вели и тебя, и себя. Вот в чем могла быть твоя вина, вина тяжкая и неизвинительная, тем более, что ты во все время не обнаруживал этого и передо мною ни словом ни делом; не прибегнул к моим советам и наставлениям, которые никогда не повели бы тебя к погибели.

Мне остается только то утешение, что ты искренно раскаиваешься, что ты глубоко сокрушаешься о своем проступке, что при всей своей вине не теряешь упования на милость божию и на неизмеримое великодушие государя императора. Так пусть слезы раскаяния омывают твое ложе день и ночь и в соединении с нашими слезами умилостивляют провидение! Бог

милостив и помазанник его милостив. Они воздают и заблудшимся, но чистосердечно раскаявшимся не по их заслугам, а по неисповедимой своей благости. Надейся. Молись богу и господь тебя помилует и царь тебя простит.

Все мы, я и маменька твоя, братья и сестры твои, изъявляем тебе чувства родственной нашей любви. Все мы обнимаем тебя сердечно. Мы собрались теперь в Николаевку. Маменька предпринимала поездку в Малороссию и только что возвратилась, а я должен был сделать поездку в Одессу для пользования Сони от золотухи. По этой причине письмо твое оставалось долгое время неполученным. Александр из Дерпта был у нас на вакациях. Здоровье всех нас по обстоятельствам довольно удовлетворительно. Маменька и я посылаем тебе благословение. Да сохранит тебя господь! Преданный тебе навсегда отец

И. Гулак

Ч. II, арк. 251—252. Копія.

№ 193

1847 р. вересня 18.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Н. ЗАБОРИНСЬКОМУ ПРО ВРУЧЕННЯ ЛИСТА М. І. ГУЛАКУ ВІД БАТЬКА

Ч. II, арк. 253. Відпуск. Не публікується.

№ 194

1847 р. листопада 25.— ЛИСТ Н. А. ГУЛАК ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОМИЛУВАТИ II СИНА

Гр. Алексей Федорович!

Время длится, уходит и не приносит мне исцеления в тяжком моем горе. Оставаясь в неизвестности обо всем насчет моего сына и зная только, что он содержится под арестом, я повинуюсь голосу моего скорбящего сердца и опять обращаюсь к вам, сиятельный граф.

Я прошу у вас милости для моего сына. Я прошу вашего ходатайства пред престолом о помиловании. Я прошу о даровании свободы несчастному. Умоляю вас отпустить его ко мне, ручаюсь вам моими детьми, моею жизнью, что это помилование принесет одни добрые плоды. О если бы я могла уверить вас, сиятельный граф, в том, в чем так твердо убеждена! Но где мне взять слов?

Просьба моя покажется вам, сиятельный граф, слишком обыкновенною. Однако ж, подумайте, она истекает из сердца матери, из сердца, которое стонет и не перестает стонать, не перестанет вас утруждать, пока вы не исцелите мое тяжкое горе.

Мне не к кому обращаться. Вы одни, которого могу я просить. Сильным и могущественным дано представлять на земле роль провидения. Это ваше преимущество. А провидение благо и милосердно без границ. Бог дал вам это преимущество ко благу меньших ваших братьев, оправдайте же ваше призвание. Не отвергайте моих молений.

Для царя нужны верные слуги, а у меня, кроме несчастливца, еще есть три сына, которых я ему готовлю в слуги. И неужели вы думаете, что они не загладят вины старшего своего брата? Неужели вы полагаете, что они останутся непризнательными к помилованию, о котором я вас умоляю! Но что я говорю! Можно ли думать, что несчастный молодой юноша, заблудшийся и впавший в проступок по молодости и неопытности, навсегда оста-

нется таким! Нет! Милосердие обезоруживает и самих преступников, а я не воспитываю своих детей для того, чтоб они были преступниками.

Еще раз взываю к вам, граф. Будьте вестником неба к утешению скорбящей матери. Обрадуйте ее вашим словом, и благодать божья будет несомненно с вами и на семействе вашем.

С глубоким чувством высокопочитания честь имею быть вам покорная к услугам

Надежда Андреевна Гулакова

25 ноября 1847 г.
Из Новой Праги

Помітка Л. В. Дубельта: Граф приказал отвечать, что непреоборимому упорству ее сына он не находит ни возможности, ни справедливости помиловать его.

Ч. II, арк. 254—255. Автограф.

№ 195

1847 р. грудня 9.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО Н. А. ГУЛАК ПРО ВІДМОВУ О. Ф. ОРЛОВА ПОМИЛУВАТИ ЇЇ СИНА

Ея высокоб[лагоро]дию Н. А. Гулак

9 декабря 1947 г., № 2054

Милостивая государыня Надежда Андреевна!

Генерал-адъютант гр. Орлов, прочитав письмо ваше от 25 ноября [521], в коем вы просите о прощении сына вашего Николая Гулака, изволил отозваться, что его сиятельство по непреоборимому упорству, с которым сын ваш не сознался при производстве о нем дела, не находит ни возможности, ни справедливости ходатайствовать о его помиловании.

По воле гр. Алексея Федоровича Орлова уведомляю о сем вас, милостивая государыня, имею честь удостоверить в истинном моем почтении и преданности.

Подписал Л. Дубель
Верно:

Ч. II, арк. 256. Відпуск.

№ 196

1847 р. грудня 17.— ПРОХАННЯ І. І. ГУЛАКА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПЕРЕДАЧУ СИНОВІ ЛИСТА І ГРОШЕЙ НА ПРИДБАННЯ КНИГ

В III отделение с. е. и. в. канцелярии
Чиновника 7-го класса Ивана Иванова сына Гулака

Пользуясь дозволением его превосходительства управляющего оным отделением г-на генерал-лейтенанта и кавалера Дубельта I, изъясненным в отзыве от 19 июня, № 1044, которым его превосходительство удостоил меня, имею честь представить при сем письмо на имя сына моего Николая Гулака и при нем кредитный билет в 100 руб., посылаемый ему по его просьбе на книги, покорнейше прося о доставлении ему письма и денег.

7-го класса [чиновник] Иван Гулак

17 декабря 1847 г.
Из Новой Праги

Резолюція О. Ф. Орлова: Деньги к коменданту.
Помітки: 1) 100 р[уб.] сер[ебром] приходом по книге переходящих сумм записаны 10 января 1848 г. под № 11. 2) 100 р[уб.] Кли[ца].
Помітка про одержання: 10 января 1847 г.

Ч. II, арк. 257. Оригінал.

№ 197—199

1848 р. січня 15, 24.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПЕРЕДАЧУ М. І. ГУЛАКУ ВІД РІДНИХ ЛИСТІВ І 100 крб. СРІБЛОМ [522]

Ч. II, арк. 258—259. Відпуски. Не публікуються.

№ 200

1848 р. лютого 3.— РАПОРТ О. Н. ЗАБОРИНСЬКОГО О. Ф. ОРЛОВУ З ДОДАННЯМ ПРОХАННЯ М. І. ГУЛАКА ВІДДАТИ БАТЬКОВІ КНИГИ, ЩО ЗАЛИШИЛИСЯ НА КВАРТИРІ М. І. КОСТОМАРОВА

Секретно

Его сиятельству г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову коменданта Шлиссельбургской крепости

Рапорт

Содержащиеся во вверенной мне крепости поручик Нилус просит дозволить ему иметь собственного человека для приготовления кушанья, Гулак и австрийский подданный Мюллер просят по прилагаемому реестру вещи их: первый — книги [523], оставленные в г. Киеве у Костомарова, отдать его отцу, а последний — доставить вещи из Москвы во вверенную мне крепость. Донеся о сем вашему сиятельству, покорнейше прошу о дозволении Нилусу иметь собственного человека, который будет находиться под присмотром моим.

Генерал-лейтен[ант] Заборинский 1-й

№ 4

Резолюція О. Ф. Орлова: Можно
Помітка про одержання: 4 февраля 1848 г.

Ч. II, арк. 260. Оригінал.

№ 201

1848 р. лютого 6.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ ВЗЯТИ У М. І. КОСТОМАРОВА ПОЯСНЕННЯ З ПРИВОДУ КНИГ М. І. ГУЛАКА, ЯКІ ЗАЛИШИЛИСЯ В ЙОГО КВАРТИРІ У м. КИЄВІ

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву И. Н. Скобелеву

6 февраля 1848 г., № 204

М[илостивый] г[осударь] Иван Никитич!

Покорнейше прошу ваше высокопре[восходительст]во предъявить содержащемуся во вверенной вам крепости чиновнику Костомарову препровождаемый при сем реестр об оставленных у него в 1847 г. в Киеве книгах [524], принадлежащих Николаю Гулаку, и по отобрании от Костомарова

объяснения, где и у кого означенные книги хранятся, доставить отзыв его ко мне с возвращением упомянутого реестра.

Примите увер[ения] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. II, арк. 261. Відпуск.

№ 202

1848 р. лютого 11.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО НАДІСЛАННЯ ПОЯСНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА З ПРИВОДУ КНИГ М. І. ГУЛАКА

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову коменданта С.-Петербургской крепости, генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Во исполнение предписания Вашего сиятельства от 6 сего февраля, № 204 [526] отобранное от содержащегося в С.-Петербургской крепости чиновника Костомарова объяснение о оставленных у него в 1847 г. в Киеве книгах, принадлежащих Николаю Гулаку, и приложенный при упомянутом предписании реестр при сем вашему сиятельству почтеннейше представить честь имею.

Генерал от инфантерии Скобелев

№ 27

Помітка про одержання: 12 февраля 1848 г.

Ч. II, арк. 262. Оригінал.

№ 203

1848 р. лютого 9.— ПОЯСНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ ПРО КНИГИ М. І. ГУЛАКА

Ваше высокопревосходительство Иван Никитич!

На сообщенное г-ном смотрителем требование вашего высокопревосходительства о доставлении сведения о книгах, принадлежащих г-ну Гулаку, имею честь ответить, что упомянутый им открытый шкаф с книгами еще в феврале прошлого 1847 г. переслан мною в деревню его родителей чрез нарочно присланных людей, а ящик, препорученный им для отсылки ему в С.-Петербург, остался у меня и по прошению моему, кажется, вместе с моими книгами не выдан [527]

С глубоким уважением и совершенною преданностью имею честь пребыть вашего высокопревосходительства всепокорнейшим слугою.

Николай Костомаров

Февраля 9 1848 г.

Ч. II, арк. 263. Автограф.

№ 204

1848 р. лютого 14.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА О. Н. ЗАБОРИНСЬКОМУ ПРО ПЕРЕСИЛКУ КНИГ М. І. ГУЛАКА ЙОГО БАТЬКАМ

Секретно

Его превосход[ительст]ву А. Н. [Заборинскому]

14 февраля 1848 г., № 261

Милостивый государь Александр Никифорович!

Доставленный при отношении вашего превосходительства от 3 февраля, № 4 [528] реестр книгам, оставленным в 1847 г. коллежским секретарем Гулаком в Киеве у коллежского асессора Костомарова, был предъявлен последнему и из полученного от него отзыва видно, что открытый шкаф с книгами в феврале 1847 г. переслан им, Костомаровым, в деревню родителей Гулака через людей, нарочно родителями для того присланных; что же касается до ящика с книгами, оставленного Костомарову для отправления в С.-Петербург, то по предмету сему собираются дополнительные сведения.

Сообщая о сем вашему превосходительству для объявления Гулаку, имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в истинном почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. II, арк. 264. Відпуск.

№ 205

1848 р. лютого 14.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ ВЗЯТИ У М. І. КОСТОМАРОВА НОВІ ПОЯСНЕННЯ ПРО МІСЦЕЗНАХОДЖЕННЯ ЯЩИКА З КНИГАМИ М. І. ГУЛАКА

Его высокопр[евосходительст]ву И. Н. [Скобелеву]

14 февраля 1848 г., № 262

Милостивый государь Иван Никитич!

Усмотрев из доставленного при отношении вашего высокопревосходительства от 11 февраля № 27 [529] отзыва коллежского асессора Костомарова, что ящик с книгами, порученный ему коллежским секретарем Гулаком для отсылки в С.-Петербург, остался у него, Костомарова, и, кажется, не выдан вместе с его книгами, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, истребовать от г-на Костомарова и доставить ко мне подробное и положительное объяснение, где именно остался у него означенный ящик, в Киеве или С.-Петербурге, и не отдан ли он вместе с другими его вещами г-же Мазуровой с тем, чтобы Костомаров изложил все обстоятельства, по которым ящик мог бы быть вытребован от кого следует.

Примите уверен[ие] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Ч. II, арк. 265. Відпуск.

№ 206

1848 р. лютого 3 [530].— ПРОХАННЯ М. І. ГУЛАКА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПЕРЕСЛАТИ КНИГИ, ЗАЛИШЕНІ НИМ У м. КИЄВІ НА КВАРТИРІ М. І. КОСТОМАРОВА, ДО БАТЬКА В с. МИКОЛАЇВКУ ХЕРСОНСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Уезжая из Киева в начале 1847-го г., я оставил у Николая Ивановича Костомарова ящик и открытый шкаф с книгами. В последнем находились, между прочим, следующие сочинения:

Corpus Juris Civilis, cum glossa,	5 томов,	in folio
Bartholide Saxoferrato. Opera,	2 тома,	in folio
Alciati. Opera,	2 т.,	d° d°
Noodt. Opera,	2 т.,	d° d°
Bynkershock. Opera,	2 т.,	d° d°
Codex Theodosianus,	2 т.,	d° d°
Brissonius. De verborum significatione,	1 т.,	d° d°
Brissonius. De formulis,	1 т.,	d° d°
Cujacius. Observationes,	1 т.,	d° d°
Cujacius. Justus Paulus,	1 т.,	d° d°
A. Faber. Conjecturarum libri,	1 т.,	d° d°
A. Faber. Rationalium,	1 т.,	d° d°
Baumgarten. Allgemeine Weltgeschichte,	48 т.,	d° d°
Акты археологической экспезидии [531],	4 т.,	d° d°
Акты юридические [532],	1 т.,	d° d°
Полное собрание русских летописей,	2 т.,	d° d°
Niebuhr. Roemische Geschichte, и пр. и пр.	3 т.,	in 8°

Прошу покорнейше Н. И. Костомарова, буде возможно ему, уведомить о местонахождении этих книг или доставить их по следующему адресу: его высокоблагородию Ивану Ивановичу Гулаку, Херсонской губ., в Новую Прагу, в д. Николаевку.

Ник. Гулак

Ч. II, арк. 266. Оригінал.

№ 207

1848 р. лютого 17.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ З ПРИВОДУ ПОЯСНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ПРО МІСЦЕЗНАХОДЖЕННЯ ЯЩИКА З КНИГАМИ М. І. ГУЛАКА

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии,
г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта С.-Петербургской крепости,
генарал от инфантерии Скобелева

Рапорт

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 14 сего февраля № 262 отобранное от коллежского асессора Костомарова объяснение о ящике с книгами, оставленном у него коллежским секретарем Гулаком, при сем вашему сиятельству почтеннейше представить честь имею.

Генерал от инфантерии Скобелев

Февраля 17 дня 1848 г., № 32

Помітка про одержання: 18 февраля 1848 г.

Ч. II, арк. 267. Оригінал.

№ 208

1848 р. лютого 16.— ПОЯСНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА, ПЕРЕДАНІ І. М. СКОБЕЛЄВУ, ПРО МОЖЛИВЕ МІСЦЕЗНАХОДЖЕННЯ ЯЩИКА З КНИГАМИ М. І. ГУЛАКА

Ваше высокопревосходительство Иван Никитич!

По требованию вашего высокопревосходительства о доставлении сведения о ящике с книгами, порученном мне г-ном Гулаком для отсылки ему в С.-Петербург, имею честь донести, что оный ящик остался в Киеве, в квартире моей, в доме Монькина; но выдан ли он с другими моими вещами г-же Мазуровой, то мне неизвестно.

С глубочайшим высокопочитанием и совершеннейшею преданностью имею честь пребыть вашего высокопревосходительства всепокорнейшим слугою

Николай Костомаров

Февраля 16 дня 1848 г.

Ч. II, арк. 268. Автограф.

№ 209

1848 р. лютого 19.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА О. Н. ЗАБОРИНСЬКОМУ ПРО РОЗШУК ЯЩИКА З КНИГАМИ М. І. ГУЛАКА

Секретно

Его превосход[ительст]ву А. Н. Заборинскому

19 февраля 1848 г., № 278

Милостивый государь Александр Никифорович!

Коллежский асессор Костомаров объяснил, что оставленный у него в 1847 г. коллежским секретарем Гулаком ящик с книгами должен находиться в Киеве и как все принадлежащие собственно ему, Костомарову, вещи и книги выданы, согласно его распоряжению, г-же Мазуровой, то он не знает, не отдан ли ей и упомянутый ящик с книгами Гулака.

Сообщая о сем вашему превосходительству в дополнение отношения моего от 14 февраля, № 261 [533], имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, приказать спросить Гулака, если он желает, чтобы означенный ящик был вытребован из Киева, какие именно книги находились в этом ящике, дабы оные могли быть потребованы от г-жи Мазуровой.

Примите уверение и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Ч. II, арк. 269. Відпуск.

№ 210—212

1848 р. лютого 28, березня 3, 16.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО РОЗШУКИ У КИЄВІ ЯЩИКА З КНИГАМИ М. І. ГУЛАКА [534]

Ч. II, арк. 270—272. Оригінали та відпуск.
Не публікуються.

№ 213

1848 р. березня 23.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ О. Н. ЗАБОРИНСЬКОГО ДО III ВІДДІЛЕННЯ З ЛИСТОМ М. І. ГУЛАКА БАТЬКАМ [535]

Ч. II, арк. 273. Оригінал. Не публікується.

№ 214

1848 р. квітня 14.— ВІДНОШЕННЯ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ НАГЛЯДУ ЗА ЛИСТУВАННЯМ М. І. ГУЛАКА ТА ІНШИХ ЧЛЕНІВ ТОВАРИСТВА

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

По высочайшему повелению, объявленному мне в отношении вашего сиятельства от 22 марта прошлого года за № 451 [536], учрежден был надзор за перепискою коллежского секретаря Николая Гулака, а потом распространен и на других лиц, принадлежащих к Славянскому обществу.

Ныне, находя нужным иметь сведение, следует ли и в какой мере продолжать в отношении к означенным лицам сие наблюдение, я обращаюсь к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою почтить меня о том уведомлением вашим.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности

гр. В. Адлерберг

14 апреля 1848 г., № 86

Резолюція О. Ф. Орлова: Мне кажется надзор не нужен.
Помітка про одержання: 16 апреля 1848 г.

Ч. II, арк. 274. Оригінал.

№ 215

1848 р. квітня 17.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ПРО ЗНЯТТЯ НАГЛЯДУ ЗА ЛИСТУВАННЯМ М. І. ГУЛАКА ТА ІНШИХ ЧЛЕНІВ ТОВАРИСТВА

Секретно

Его сия[тельст]ву В. Ф. Адлербергу

17 апреля 1848 г., № 690

М[илостивый] г[осударь] гр. Владимир Федорович!

Вследствие отношения вашего сия[тельст]ва от 14 апреля № 86 [537] имею честь уведомить вас, м[илостивый] г[осударь], [538] что в дальнейшем наблюдений за перепискою кол[лежского] сек[ретаря] Гулака и других лиц, прикосновенных к делу об Украйно-славянском обществе, более не представляется надобности.

Примите увер[ения] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. II, арк. 275. Відпуск.

№ 216—220

1848 р. березня 23, квітня 7, 22, 29, травня 4.—
ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ТА ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ ПРО ПЕРЕСИЛАННЯ ЛИСТІВ РОДИНИ ГУЛАКІВ І ДОЗВІЛ НА ЇХ ПЕРЕДАЧУ М. І. ГУЛАКУ

Ч. II, арк. 276—280. Оригінали та відпуски.
Не публікуються.

№ 221

1848 р. серпня 8.— ЛИСТ Н. А. ГУЛАК ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД МИКОЛОЮ І ПРО ПОМИЛУВАННЯ ЇЇ СИНА

Сиятельнейший гр. Алексей Федорович!

Провидение карает нас за грехи. Смерть вследствие пагубной холеры везде берет жертвы. Неурожай грозит несчастьем. Все предвещает, что настает суд божий. Ко всем сим бедствиям, всех равно постигшим, не перестает удручать меня собственная моя горесть. Я говорю о моем сыне, уже другой год находящемся в заключении. Давно не имею об нем и известий. Бог весть, жив ли он. Я осмеливаюсь вновь просить ваше сиятельство не в изысканных выражениях, но словами слабой матери: «Будьте ходатаем за моего сына у престола, испросите помилование, дозвольте ему возвратиться во семейство».

С глубоким уважением и совершеннейшею преданностью честь имеют быть вашего сиятельства всепокорнейшею к услугам

Надежда Гулак

8 августа 1848 г.
Из Новой Праги

Резолюція О. Ф. Орлова: Невозможно.
Помітка про одержання: 25 августа 1848 г.

Ч. II, арк. 281. Автограф.

№ 222

1848 р. серпня 24.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО Н. А. ГУЛАК ПРО ВІДМОВУ О. Ф. ОРЛОВА ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПРО ПОМИЛУВАННЯ ЇЇ СИНА

Ея высокоб[лагородию] Н. А. Гулак.

24 августа 1848 г., № 1628

Милостивая государыня Надежда Андреевна!

Г-н генерал-адъютант гр. Орлов, получив письмо Ваше от 8 августа, изволил отозваться, что к исполнению ходатайства Вашего о помиловании сына Вашего Николая Гулака не представляется возможности. По воле гр. Алексея Федоровича Орлова уведомляя о сем Вас, м[илостивая] г[осударыня], имею честь удостовер[ить] Вас в истин[ном] моем почт[ении] и пред[анности].

Подп[исал] Дубельт

Ч. II, арк. 282. Відпуск.

№ 223

1848 р. листопада 2.— ПРОХАННЯ О. І. ГУЛАКА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОЗВІЛ ПЕРЕДАТИ БРАТОВІ КНИГИ З МАТЕМАТИКИ

В III отделение с. е. и. в. канцелярии от студента Дерптского университета Александра Гулака

Осмеливаюсь представить при сем книги математического содержания:
Lasebuch der Anwendung der Mechanik von Ponculat.
Canchy. Differentialrechnung.
Schlöomilch. Differential und Integralrechnung.
Grunert. Analytische Studien.
Vega. Logarithmen
De. hypothecis. Юридическая диссертация.
Покорнейше прося о вручении их брату моему Николаю Гулаку с прилагаемым от меня письмом.

Дерпт, 2 ноября 1848 г.

Ч. II, арк. 293. Оригінал.

№ 224—244

1848 р. червня 16 — 1849 р. травня 10.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ З ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЮ ФОРТЕЦЕЮ ПРО ПЕРЕСИЛАННЯ М. І. ГУЛАКУ ЛИСТІВ І ГРОШЕЙ ТА ЙОГО ЛИСТІВ БАТЬКАМ

Ч. II, арк. 283—292, 294—301, 305—307. Оригінали та відпуски. Не публікуються.

№ 245

1849 р. квітня 16.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО РОЗШУКИ КНИГ М. І. ГУЛАКА

Секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

16 апреля 1849 г., № 3022, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Впоследствии отношения моего от 16 марта прошлого года, № 2445 имею честь уведомить ваше сиятельство, что все книги коллежского асессора Костомарова, оставленные в квартире его, в доме Монькина, согласно просьбе Костомарова были отданы жительствующей в Киеве г-же Мазуровой, коею, как видно из истребованного от нее отзыва, отосланы к нему, Костомарову, в г. Саратов, в числе каковых книг, вероятно, находились и книги, принадлежащие коллежскому секретарю Гулаку.

Возвращая при сем присланный при отношении вашего сиятельства реестр книгам коллежского секретаря Гулака, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Резолюція О. Ф. Орлова: От меня в Саратов.
Помітка про одержання: 29 апреля 1849 г.

Ч. II, арк. 302. Оригінал.

№ 246

1849 р. квітня 26.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО САРАТОВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. Л. КОЖЕВНИКОВА ПРО ПЕРЕСИЛКУ У III ВІДДІЛЕННЯ КНИГ М. І. ГУЛАКА, ЯКІ БУЛИ У М. І. КОСТОМАРОВА

Секретно

Его пр[евосходительст]ву М. Л. Кожевникову

26 апреля 1849 г., № 754

Милостивый государь Матвей Львович!

В феврале 1848 г. коллежский асессор Костомаров, находясь еще в С.-Петербурге, объяснил, что у него в Киеве находился ящик с книгами кол[лежского] секрет[аря] Гулака, принятый им для отсылки в С.-Петербург; что этот ящик остался в Киеве в квартире его, Костомарова; и что ему неизвестно, выдан ли этот ящик с другими вещами его г-же Мазуровой.

По сему случаю было сделано сношение с г-ном генер[ал]-адъют[антом] Бибиковым, который ныне уведомляет, что все книги г-на Костомарова, согласно его просьбе, были отданы г-же Мазуровой, а последняя отозвалась, что упомянутые книги отосланы ею к г-ну Костомарову в Саратов и что в числе этих книг, вероятно, находились и книги, принадлежащие г-ну Гулаку.

Вследствие сего по воле г-на генер[ал]-адъют[анта] гр. Орлова, препровождая к вашему пре[восходительст]ву список, представленный Гулаком об упомянутых книгах его, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], истребовать книги сии от г-на Костомарова и доставить оные ко мне, с возвращением означенного списка для отправления по принадлежности к г-ну Гулаку.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Под[писал] Л. Дубельт

Ч. II, арк. 303—304. Відпуск.

№ 247

1849 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ САРАТОВСЬКОГО ВІЦЕ-ГУБЕРНАТОРА А. М. АНДРЕЄВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НАДІСЛАННЯ М. І. ГУЛАКУ КНИГ, ЯКІ БУЛИ У М. І. КОСТОМАРОВА У м. САРАТОВІ

Секретно

Его превосходительству Л. В. Дубельту

30 мая 1849 г., № 1894, Саратов

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Вследствие отношения вашего превосходительства к г-ну начальнику управляемой мною губернии от 26 минувшего апреля за № 745 [540], вытребовав от коллежского асессора Костомарова книги, бумаги и нот[ы], принадлежащие коллежскому секретарю Гулаку, имею честь препроводить их при сем вообще с списком, представленным им к вашему превосходительству в двух ящиках при описи г-на Костомарова.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

А. Андреев

Резолюція Л. В. Дубельта: Отправить к Альбрандту.
Помітка про одержання: 9 июня 1849 г.

Ч. II, арк. 308. Оригінал.

№ 248

1848 р. лютого, не пізніше 28 [541].— СПИСОК КНИГ [542] М. І. ГУЛАКА, ЗАЛИШЕНИХ У М. І. КОСТОМАРОВА ПРИ ВІД'ЇЗДІ В ПЕТЕРБУРГ, ЯКІ ВІН ПРОСИВ ПОВЕРНУТИ

Я оставил у Н. Н. Костомарова ящик с книгами и нотами, в нем находились между прочим следующие сочинения:

Gaji, [543] Commentarii, libri IV — in 8°
Corpus Juris Romani Antejustinianei [544]
Corpus Juris Civilis, ed. Beck, 2 т. — in 4°
Corpus Juris Civilis cum notis Gothofredi
(без заглавного) листа, большой том in 4° в пергамен[т]е
Mühlenbruch. Pandektenrecht, 2 т. — in 8°
—»— Cession der Forderungsrechte
Thibaut. [545] Handbuch des Pandektenrechts, 2 т.
Savigny. [546] System des heutigen Römishem Rechts, 5 т. — in 8°
Savigny. Über den Besitz.
Goeschen. [547] Vorlezungen, 4 т. — in 8°
Walter. [548] Geschichte des Römischen Rechts
Haubold. [549] Lineamenta
—»— Antiquitates Heineccii
Unterholzner. [550] Uber Obligationen, 2 т.
—»— Ausfürliche Lehre von der Verjahrung, 2 т.
Madai. Über die Mora
—»— Statu liberi
—»— Beitrage zur Dogmengeschichte
—»— Obligationen
Hasse. [551] Über die Culpa
Burchardi. [552] Über die Wiedereinsetzung in den vorigen Stand
France. [553] Über das Notherbenrecht
—»— Civilistische Abhandlungen
Förster. Dissertatio de constra tabulas bonorum possessione
Dirksen [554] Civilistische Abhandlungen
Gans [555] Scholien zu Gajus
Vangerow. [556] Latini Juniani
Ribbentropp. [557] Über Correalobligationen
Haenel. [558] Dissensiones dominorum
Martin [550] Handbuch des Civilprozesses
Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft [несколько тетрадей]
Rechtclexicon von Weiske — 14 тетрад[ей]
Walter. Kirchenrecht
Eichhorn. [560] Deutsche Staats und Rechtsgeschichte
Grimm. [561] Deutsche Rechtsalterthümer
Boseler. Erbverträge [Договор о наследстве]
Weiske. Sachsenspiegel
Engelman. Bibliotheca Juridica
Severin. Catalog
Beutz. Russische Staats — und Rechtsgeschichte
Evers. [562] Das älteste Recht der Russen
Русские достопамятности, [563] 1 т.
Русская правда [564] — in 4°

Уложение царя Алексея Михайловича [565] in 4°
Успенский. [566] Русские древности
Свод законов (изд. 1842 г.), т. 9, 11, 15
Кранихфельд. [567] Русское гражданское право
Дегаи. [568] Учебная книга судопроизводства
Maciejowski. [569] Hystoria prawodawstw narodów słowiańskych, 4 т.
»—» Pamiętniky, 2 т.
Solignac. [570] Histoire de Pologne
Венелин [571]. Болгарские грамоты
Aristophanes. Comoediae
Euripides. Tragoediae
Sophocles. Tragoediae
Vergilii. Carmina
Homeri. Ilias
Plutarchi. Moralia
Plauti. Comoediae
Die Bibel, übersetz von Dr. Luther
Thomas a Kempis. Die Nachahmung unsers Herrn Jeżu Christi
Fielding. [572] Tom Jones, 1 т.
Cürier [573]. Anleitung die in Norddeutschland wachsenden Pflanzen zu erkennen
Reichenbach [574]. Flora Germanica excursoria
—»— Gramineae et Cyperoideae in 4°

Разные ноты для фортепиано в переплете и без переплета,

Я всепокорнейше прошу ящик с означенными книгами и нотами приказать переслать ко мне, на мой счет.

Н. Гулак

Ч. II, арк. 309—310. Оригінал.

№ 249

1849 р. червня 11.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО Л. Л. АЛЬБРАНДТА ПРО НАДІСЛАННЯ В ФОРТЕЦЮ КНИГ, НОТ І ПАПЕРІВ М. І. ГУЛАКА

Секретно

Его превосходит[ельст]ву Л. Л. Альбрандту

11 июня 1849 г., № 1269

Милостивый государь Лев Львович!

Вследствие отношения г-на генерала от кавалерии Заборинского от 28 февраля 1848 г., № 10 [575] на счет доставления книг и нот содержащегося во вверенной Вам крепости коллежского секретаря Гулака, оставленных им у коллежского асессора Костомарова, происходила переписка сначала с киевским военным, а потом с саратовским гражданским губернатором.

Ныне доставлены упомянутые книги, ноты и бумаги г-на Гулака и я, препровождая оные к вашему превосходительству при описи, составленной г-ном Костомаровым для выдачи г-ну Гулаку, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, о получении оных не оставить меня уведомлением.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. II, арк. 311. Відпуск.

№ 250

1849 р. червня 20.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА Л. Л. АЛЬБРАНДТУ ПРО ВІДПРАВКУ В ФОРТЕЦЮ КНИГ М. І. ГУЛАКА

Его превосходит[ельст]ву Л. Л. Альбрандту

20 июня 1849 г., № 1347

Управляющий III отделением с. е. и. в. канцелярии, генерал-лейтенант Дубельт, свидетельствуя совершенное свое почтение его превосходительству Льву Львовичу, имеет честь препроводить при сем в дополнение отношения от 11 июня, № 1269 [576] тюк в холсте с книгами, принадлежащими содержащемуся в Шлиссельбургской крепости коллежскому секретарю Гулаку.

Ч. II, арк. 312. Відпуск.

№ 251

1849 р. червня 26.— РАПОРТ Л. Л. АЛЬБРАНДТА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВРУЧЕННЯ М. І. ГУЛАКУ КНИГ І НОТ

Секретно

В III отделение с. е. и. в. канцелярии
коменданта Шлиссельбургской крепости

№

Рапорт

Присланные при предписании оного отделения от 11 и 20 сего июня за № 1269 и 1347 [577] книги и ноты, принадлежащие содержимому во вверенной мне крепости коллежскому секретарю Гулаку, вручены ему.

О чем честь имею почтительнейше донести

Генерал-майор Альбрандт

26 июня 1849 г., № 10

Помітка про одержання: 1 июля 1849 г.

Ч. II, арк. 313. Оригінал.

№ 252—266

1849 р. липня 27, вересня 6, 23, жовтня 3, 12, 31; 1850 р. лютого 25, березня 13, 21.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ТА ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ ПРО ВРУЧЕННЯ М. І. ГУЛАКУ ЛИСТІВ ВІД БАТЬКА ТА ВІДПРАВЛЕННЯ ЙОГО ЛИСТІВ РІДНИМ

Ч. II, арк. 314—328. Оригінали та відпуски.
Не публікуються.

№ 267

1850 р. квітня 3.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НЕОБХІДНІСТЬ РОЗШУКАТИ АРХІВНІ ДОКУМЕНТИ, ЯКІ БУЛИ У М. І. ГУЛАКА ДО ЙОГО АРЕШТУ

Его пр[евосходительс]тву Л. В. Дубельту

Временная комиссия для разбора древних актов

3-го апреля 1850 г., № 123, Киев

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

В 1846 г. служил в канцелярии моей коллежский секретарь Гулак и занимался переводами и перепискою исторических документов в Комиссии для разбора актов, высочайше учрежденной при мне.

Предполагая, что акты, заключающие в себе переписку гетманов и других важных лиц с польскими комиссарами в последней половине XVII столетия (на 104 листах), находятся в бумагах г-на Гулака, взятых при его арестовании, я покорнейше прошу ваше превосходительство сделать со стороны ваш[е] распоряжение о пересмотре тех бумаг, и если в оных отыскан будет вышеупомянутый акт, то прислать их ко мне [578].

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Дмитрий Бибиков

Резолюція Л. В. Дубельта: Узнать.
Помітка про одержання: 15 апреля 1850 г.

Ч. II, арк. 329. Оригінал.

№ 268

1850 р. квітня 20.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА А. О. ТРОЦЬКОМУ З'ЯСУВАТИ У М. І. ГУЛАКА МІСЦЕЗНАХОДЖЕННЯ АРХІВНИХ ДОКУМЕНТІВ XVII ст.

Секретно

Его превосходительству А. О. Троцкому

20 апреля 1850 г., № 799

Милостивый государь Аникий Осипович!

В 1846 г. коллежский секретарь Гулак занимался переводами и перепискою исторических документов в комиссии, учрежденной для разбора актов при киевском военном губернаторе.

Не находя ныне в делах сей комиссии актов, заключающих в себе переписку гетманов и других важных лиц с польскими комиссарами в последней половине XVII столетия (на 104 листах), г-н генерал-адъютант Бибиков обратился ко мне с вопросом об оных, полагая, что акты сии были опечатаны вместе с бумагами, отобранными от Гулака при арестовании его в 1847 г., но как и между сими бумагами таковых актов не оказалось, то имею честь по приказанию г-на генерал-адъютанта гр. Орлова покорнейше просить вас, милостивый государь, не изволите ли приказать спросить Николая Гулака, где находятся означенные акты и не переданы ли им оные другому лицу, и кому именно. О последующем же не угодно ли вашему превосходительству почтить меня уведомлением.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. II, арк. 230—231. Відпуск.

№ 269

1850 р. березня 30.— ЛИСТ Н. А. ГУЛАК ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ ПЕРЕД МИКОЛОЮ І КЛОПОТАННЯ ПРО ПОМИЛУВАННЯ ЇЇ СИНА

Ваше сиятельство гр. Алексей Федорович!

По повелению вашего сиятельства генерал Дубельт еще в 1847 г. писал ко мне, что сын мой не может быть освобожден по несознанию при следствии.

Как ни горестно было мне получить отказ, но, полагаясь на благость провидения и на неисчерпаемую милость государя императора, я с покорностию его воле осталась в безмолвном ожидании, питаясь надеждою, что сын мой не потерян для меня. Однако же истек уже третий год как заключение продолжается. Скорблю и горюю, что первенец мой, надежда и подпора моя, лишен всякой возможности быть полезным государю и отечеству, а я лишена того утешения и той помощи в преклонных летах моих, которых, как мать, я так долго и с такими жертвами ожидала.

Покоряясь судьбе, осмеливаюсь вновь просить ваше сиятельство соблаговолить исходатайствовать у государя императора дозволение сыну моему возвратиться в мое семейство, где он найдет не одни ласки матери, но и строгое наблюдение за его поведением.

С глубочайшим почтением и совершеннейшею преданностью имею честь быть вашего сиятельства всепокорнейшею слугою

Надежда Гулак

30 марта 1850 г., Новая Прага

Резолюція О. Ф. Орлова: Что невозможно, то и просить не могу.
Помітка про одержання: 15 апреля 1850 г.

Ч. II. арк. 332—333. Автограф.

№ 270

1850 р. квітня 8.— ВІДОМОСТІ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОВЕДІНКУ М. І. ГУЛАКА НАПЕРЕДОДНІ ЗАКІНЧЕННЯ ТРИРІЧНОГО УВ'ЯЗНЕННЯ В ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКІЙ ФОРТЕЦІ

30-го будущего мая исполнится трехгодичный срок, назначенный для заключения коллежского секретаря Гулака в Шлиссельбургской крепости.

Так как в поведении и образе мыслей Гулака не представлялось ничего предосудительного, то, в утешение родителей, по случаю наступающего праздника не будет ли признано возможным освободить его ныне из крепости, тем более, что и заключенный в крепость по тому же делу Кулиш был освобожден несколько ранее.

Мать заключенного в Шлиссельбургскую крепость коллежского секретаря Гулака, сокрушаясь тем, что сын ее лишен всякой возможности быть полезным государю и отечеству, а она сама лишена утешения и помощи в преклонных летах своих, просит об исходатайствовании сыну ее дозволения возвратиться в семейство.

Справка

Коллежский секретарь Николай Гулак за участие в составлении Украйно-славянского общества и за то упорство, с которым он долго не сознавался в своем преступлении, заключен, по высочайшему повелению, в Шлиссельбургскую крепость на три года с тем, чтобы по окончании сего срока,

буде исправится в образе мыслей, отправлен был в отдаленную губернию под строжайший надзор.

30 будущего мая исполнится срок, определенный для заключения Гулака в крепости. В продолжении сего времени он ни в чем предосудительном не замечен; из писем его видно, что он весьма прилежно занимался науками и, не отчаиваясь в монаршей милости, приготовлял себя быть полезным отечеству. Переписка Гулака с родителями и братьями заключалась преимущественно в добрых советах и обнаруживала весьма хорошее направление его мыслей.

При заключении Гулака в Шлиссельбургскую крепость предписано было коменданту оной доставить сведение о его образе мыслей по прошествии трех лет, дабы на основании этого судить о дальнейшем на счет его распоряжении. Не приказано ли будет отнестись ныне по сему предмету к генерал-майору Троцкому?

Заключенный в крепость по тому же одному с Гулаком делу Кулиш содержался в крепости вместо четырех месяцев только три.

Резолюція О. Ф. Орлова: Спросить коменданта и объявить, что ежели все откровенно напишет, то участь его облегчится. Если же пребудет в том же упорстве, то останется в крепости.

Ч. II, арк. 334—336. Оригінал.

№ 271

1850 р. квітня 22.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА А. О. ТРОЦЬКОМУ ПОВІДОМИТИ ПРО ПОВЕДІНКУ М. І. ГУЛАКА У ФОРТЕЦІ

Секретно

Его превосход[ительст]ву А. О. Троцкому

22 апреля 1850 г., № 800

Милостивый государь Аникий Осипович!

От 30-го мая 1847 г., № 874 [579] я сообщил предместнику вашего превосходительства высочайшее повеление о заключении коллежского секретаря Николая Гулака в Шлиссельбургскую крепость на три года.

Имея в виду приближение срока заключению Гулака, долгом считаю покорнейше просить ваше превосходительство почтить меня уведомлением как о настоящем его поведении и образе мыслей, так и о том, заслуживает ли он ходатайства об облегчении его участи.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. II, арк. 337. Відпуск.

№ 272

1850 р. квітня 27.— РАПОРТ А. О. ТРОЦЬКОГО О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ М. І. ГУЛАКА У ФОРТЕЦІ

Секретно

Г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта Шлиссельбургской крепости

Рапорт

Вследствие повеления вашего сиятельства за № 800 [580] почтительнейше честь имею донести, что содержащийся во вверенной мне крепости коллеж-

ский секретарь Гулак во все время заключения в крепости вел себя весьма скромно, в образе мыслей его ничего не замечалось, а потому и полагаю заслуживающим облегчения его участи.

Комендант Троцкий

27-го апреля 1850 г., № 18
Креп[ость] Шлиссельбург

Помітка: Срок 30 мая.
Резолюція О. Ф. Орлова: К сроку доложить.
Помітка про одержання: 30 апреля 1850 г.

Ч. 11, арк. 338. Оригінал.

№ 273

1850 р. квітня 27.— РАПОРТ А. О. ТРОЦЬКОГО Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ВІДІСЛАННЯ КНИГ М. І. ГУЛАКА ДО БАТЬКІВ

Секретно

Начальнику штаба корпуса жандармов, г-ну генерал-лейтенанту и кавалеру Дубельту
коменданта Шлиссельбургской крепости

Рапорт

Вследствие предписания вашего превосходительства за № 799 [581] имею честь представить отобранное объяснение от содержащегося во вверенной мне крепости коллежского секретаря Николая Гулака. Означенный Николай Гулак просит ходатайства моего об испрошении разрешения на отправление книг его к родителям по прилагаемому при сем каталогу, а по другому взять с собою; обстоятельство сие представляю на благоуважение вашего превосходительства, буду иметь честь ожидать в разрешение предписания.

Комендант Троцкий

27 апреля 1850 г., № 19,
Креп[ость] Шлиссельбург

Помітка: Г[енерал]-адъютант Бибиков писал об этих бумагах к вашему превосходительству.

Помітка про одержання: 1 мая 1850 г.

Ч. 11, арк. 339. Оригінал.

№ 274

1850 р. квітня 25.— ПОЯСНЕННЯ М. І. ГУЛАКА ПРО АРХІВНІ МАТЕРІАЛИ, НАД ЯКИМИ ВІН ПРАЦЮВАВ У м. КИЄВІ

Имею честь объявить на сделан[ный] мне запрос [582], что во время бытности в Киеве я не имел в руках никаких актов, ни рукописей, принадлежащих Временной комиссии, высочайше утвержденной для разбора древних актов, кроме первого тома рукописной летописи Самуила Величко [583] (in folio [584], в переплете). Эта рукопись была передана мне для переводов его превосходительством Николаем Орестовичем Писаревым. Уезжая из Киева в начале 1847 г., я передал ее г-ну Костомарову, занимавшемуся подобно мне переводами исторических документов при означенной комиссии.

Николай Гулак

Шлиссельбург, 25 апреля 1850 г.

Ч. 11, арк. 340. Автограф.

№ 275

1850 р. квітня, не пізніше 27.— СПИСОК КНИГ М. І. ГУЛАКА, ЯКІ ВІН ХОТІВ ВЗЯТИ НА ЗАСЛАННЯ В ПЕРМ, І ТИХ, ЯКІ ХОТІВ ВІДПРАВИТИ БАТЬКАМ

Опись книг, которые я желал бы взять с собою:

I

№ 17.	Corpus juris civilis, ed. D. Gothofredi	1 v. in 4°
№ 21.	Goeschen. Vorlesungen über das gemeine Civilrecht (rel.)	4 v. in 8°
№ 23.	Savigny. System des heutigen römischen Rechts (rel.)	5 v. in 8°
№ 34.	Mühlenbruch. Lehrbuch des Pandektenrechts (rel.)	2 v. in 8°
№ 35.	Thibaut. System des Pandektenrechts (rel.)	2 v. in 8°
№ 44.	Böcking. [586] Institutiones (broch.)	1 v. in 8°
№ 47.	Gaji. Institutionum lib. IV (broch.)	1 v. in 8°
№ 48.	Corpus juris civilis Antejustinianei, ed. Bonnensis (rel.)	1 v. in 4°
№ 50.	Anleitung die Pflanzen zu bestimmen, v. Cürie	1 v. in 8°
№ 51.	Reichenbach. Flora Germanica	1 v. in 16°
№ 56.	Turner. [585] Dictionary (english and germ.)	1 v. in 16°
№ 63.	Ossians. [587] Poems (rel.)	1 v. in 8°
№ 82.	Taciti, Opera (broch.)	2 v. in 16°
№ 84.	Homeri, Opera (broch.),	2 v. in 16°
	Shakspeare. Works	1 v. in 8°
	Тетрадей 23 связки	

II

Опись книгам, которые я желал бы отправить через комиссию транспортов:

№ 1.	Свод законов Российской Империи, т. II (broch.)	1 т.	in 8°
№ 2.	Акты юридические (broch.)	1 т.	in 4°
№ 3.	Ипатьевская летопись (broch.),	1 т.	in 4°
№ 4.	Новгородские летописи (broch.)	1 т.	in 4°
№ 5.	Указатель к актам юридическим	1 т.	in 4°
№ 6.	Акты Археографической комиссии	1 т.	in 4°
№ 7.	Акты исторические (broch.)	1 т.	in 4°
№ 8.	Шафарик. Славянские древности	3 т.	in 8°
№ 9.	Русские достопамятности (rel.)	1 т.	in 8°
№ 10.	О населенности древних народов	1 т.	in 8°
№ 11.	Уложение царя Алексея Михайловича	1 т.	in 4°
№ 12.	Дегай. Учебная книга российского судопроизводства (broch.)	1 т.	in 8°
№ 13.	Неволин. Энциклопедия законоведения (broch.)	2 т.	in 8°
№ 14.	Правда Русская (rel.)	1 т.	in 4°
№ 15.	Венелин. Влахо-Болгарские грамоты	1 т.	in 8°
№ 16.	Кранихфельд. Начертание русского гражданского права (broch.)	1 т.	in 8°
№ 18.	Haubold. Institutionum juris romani privati, historico-dogmaticorum lineamenta (broch.)		in 8°

№ 19.	Francke. Das Recht der Notherben und Pflichttheilsberechtigen (rel.)		in 8°
№ 20.	Eichhorn. Deutsche Staats — und Rechtsgeschichte (rel.)	4	in 8°
№ 24.	Foerster. De bonorum possessione liberorum praeteritorum dissertatio (rel.)	1	in 8°
№ 25.	Madai. Die Lehre von der Mora (rel.)	1	in 8°
№ 26.	Beseler. Die Vorgabungen von Tades wegen (rel.)	1	in 8°
№ 27.	Ribbentrop. Zur Lehre von den Correalobligationen (rel.)	1	in 8°
№ 28.	Engelmann. Bibliotheca juridica	1	in 8°
№ 29.	Leist. [588] Historia bonorum possessionis (broch.)	1	in 8°
№ 30.	Tobien [589]. Die Blutrache (broch.)	1	in 8°
№ 31	Madai. Die Statu liberi des römischen Reghts	1	in 8°
№ 32.	Vangerow. Die Latini Juliani (rel.)	1	in 8°
№ 33.	Savigny. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung	1	in 8°
№ 36.	Walter. Geschichte des roemischen Rechts (rel.)	1	in 8°
№ 37.	Ewers. Das älteste Recht der Russen (rel.)	1	in 8°
№ 38.	Francke. Civilische Abhandlungen (rel.)	1	in 8°
№ 39.	Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft (broch.)	28	in 8°
№ 40.	Weiske. Rechtslexicon (broch.)	17	in 8°
№ 41.	Lange. Examinatorium des älteren und heutiger römischen Rechts (broch.)	2	in 8°
№ 42.	Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer (rel.)	1	in 8°
№ 43.	Sachsenspigiel, ed. Weiske (broch.)	1	in 16°
№ 45.	Francke. Dissertationes tres (broch.)	3	in 8°
№ 46.	Waradinoff. Über. die algemeinen Rechtsmittel	1	in 8°
№ 49.	Solignac. Histoire de la pologne (rel.)	5	in 8°
№ 52.	Fleischer. Flora der Ostseeprovinzen (rel.)	1	in 12°
№ 53.	Niels. Kleine Reise etc. (rel.)	1	in 12°
№ 54.	Dänisch-deutch Taschenwörterbuch	1	in 16°
№ 55.	Nuovo dizionario italiano-tedesco	1	in 12°
№ 57.	Fielding. Tom Jones (rel.)	2	in 18°
№ 58.	Smolett [590]. Humphry Clinker (rel.)	1	in 18°
№ 59.	Junius. Letters (broch.)	1	in 64
№ 60.	Sterne. A sentimental journey (broch.)	4	in 64
№ 61.	Swift. [591] Gulliwer's travels (broch.)	4	in 18
№ 62.	Montague Letters (broch.)	1	in 16
№ 64.	Goldsmith [592]. The vicair of Wakefield (rel.)	1	in 16
№ 65.	Peregrine Piekle (rel.)	1	in 18
№ 66.	Milton [593] Works (rel.)	1	in 12
№ 67.	Adrian. Provenzalische Grammatik (rel.)	1	in 8
№ 68.	Hebel [594]. Allemannische Gedichte	1	in 16
№ 70.	Deutsches Liederbuch	1	in 8
№ 71.	Francolini. Grammair italienne (rel.)	1	in 8
№ 72.	Grammair Espagnole (broch.)	1	in 8
№ 73.	Severin Catalog (broch.)	1	in 8
№ 74.	Griechisches Lexicon (broch.)	1	in 32
№ 75.	Buttmann [595]. Griechische Schulgrammatik (rel.)	1	in 8
№ 76.	Kruse. Anastasis der Warager,	1	in 8

№ 77.	Sophoclis. Opera (broch.)	1	in 16
№ 78.	Platonis [596]. Opera (broch.)	8	in 16
№ 79.	Ovidii [597]. Carmina (broch.)	3	in 16
№ 80.	Pindari [598]. Carmina (broch.)	1	in 16
№ 81.	Anacreontis [599]. Carmina (broch.)	1	in 16
№ 83.	Euripidis. Tragoediae (broch.)	3	in 16
№ 85.	Aristophani. Comoediae (broch.)	3	in 16
№ 86.	Plato's. Phaedon (broch.)	1	in 8
№ 87.	Ciceronis. De senectute et de amicitia	2	in 64
№ 88.	Vergilii. Opera (broch.)	1	in 32
№ 89.	Horatii [600]. Carmina (rel.)	1	in 32
№ 90.	Xenophontis [601]. Memorabilia (rel.)	1	in 16
№ 91.	Ausonii. Carmina (rel.)	1	in 32
№ 92.	Mühlenbruch. Session der Forderungsrechte (rel.)	1	in 8
№ 93.	Reutz. Russische Rechtsgeschichte	1	in 8
№ 22.	Savigny. Das Recht des Besitzes	1	in 8

III

№ 1.	Aug. Thierry [602]. Oeuvres completes	8 v.	in 8
№ 2.	Platon. Oeuvres completes (éd. Panthéon)	2 v.	gr. in
№ 3.	Démosthenes [603]. Oeuvres complètes (ed. Panth.)	1 v.	gr. in
№ 4.	Léouzon leduc [604]. La Finlande (broch.)	2 v.	in 8
№ 5.	La ferriére [605]. Histoire du droit français (broch.)	2 v.	in 8
№ 6.	Cuvier [606]. Règne animal (broch.)	3 v.	in
№ 7.	Lagrange [607]. Leçons sur le calcul des functions (broch.)	1 v.	in 4
№ 8.	Lagrange. Traité de la résolution des équations numériques (broch.)	1 v.	in 4
№ 9.	Francoeur. Cours de mathématiques pures	1 v.	in 8
№ 10.	Poisson [608]. Mécanique (broch.)	1 v.	in 8
№ 11.	Navier [609]. Leçons sur l'application de la mécanique, données a l'école des ponts et chaussées, (broch.)	1 v.	in 8
№ 12.	Callet [610]. Tables de logarithmes	1 v.	in 8
№ 13.	Lalande [611]. Tables de logarithmes	1 v.	in 16
№ 14.	Vega [612]. Logarithmentafeln (rel.)	1 v.	in 8
№ 15.	Boncharlat. Elements de calcul différentiel et intégral (broch.),	1 v.	in 8
№ 16.	Poncelet [613]. Lehrbuch der Mechanik (broch.)	2 v.	in 8
№ 17.	Pouillet [614]. Eléments de physique expérimentale et de météorologie (broch.)	1 v.	in 8
№ 18.	Schlömilch [615]. Analytische Studien (broch.)	1 v.	in 8
№ 19.	Grunert [616]. Elemente de Differential und Integral Rechnung (broch.)	2 v.	in 8
№ 20.	Cauchy [617]. Vorlesungen über Differentialrechnungen	1 v.	in 8
№ 21.	Ейлера [618]. Основания алгебры	1 v.	in 8
№ 22.	Terentii [619]. Comoediae (broch.)	1 v.	in 16
№ 23.	Hesiodi [620]. Carmina (broch.)	1 v.	in 16
№ 24.	Aeschyli. Tragoediae (broch.)	1 v.	in 16
№ 25.	Sterne [621]. Tristram Schandy (rel.)	1 v.	in 8
№ 26.	Древнейшие памятники славянских законов, изд. Кухарским [622] (broch.)	1 v.	in 18

№ 27. Wšehrd [623]. O prawiech a sudiech země Ceske (broch.)	1 v.	in 8
№ 28. Die Bibel nach d. Übersetzung Dr. Luther	1 v.	in 8
№ 29. Молитвослов. (rel.)	1 v.	in 16
№ 30. Жуковского. Новые стихотворения	3 v.	in 8
№ 31. Osenbruggen [624]. De jure belli et pacis (в листах)	1 v.	in 8
№ 32. Dissertationes juridicae	30 v.	
№ 33. Срезневский. Святилища и обряды древних славян (broch.)	1 v.	in 8
№ 34. Rakowiecky [625]. Prawda Русская (broch.)	1 v.	in 4
№ 35. Dabelow [626]. Formulare (broch.)	1 v.	in 4
№ 36. Waradinoff. De hypothecis ex jure livonico	1 v.	in 8
№ 38. Bertrand. Lettres sur les révolutions du globe (broch.)	1 v.	in 18
№ 38. Либих. Письма о химии (broch.)	1 v.	in 12
N 39. Isakoff [627]. Catalogues (broch.) Тетрадей — 23 связки.	3 v.	in 8

Ч. II, арк. 341—344. Оригінал

№ 276

1850 р. травня 2.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ТЕ, ЩО АРХІВНИХ ДОКУМЕНТІВ, ЯКІ НАЛЕЖАЛИ КОМІСІЇ ДЛЯ РОЗБОРУ ДАВНІХ АКТІВ, У М. І. ГУЛАКА НЕМАЄ

Его высокопрево[сходительст]ву Д. Г. Бибикову

2 мая 1850 г., № 859

Милостивый государь Дмитрий Гаврилович!

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 3 апреля, № 123 пересмотрены были все находящиеся в III отделении с. е. в. канцелярии бумаги коллежского секретаря Николая Гулака и как в оных не оказалось упомянутых в том отношении вашем актов, заключающих в себе переписку гетманов и других лиц с польскими комиссарами, то требуемо было сведение о них от самого Гулака, который отозвался, что во время бытности его в Киеве он не имел у себя никаких актов, ни рукописей, принадлежащих Временной комиссии, высочайше учрежденной для разбора древних актов, кроме первого тома рукописной летописи Самуила Величко (in folio, в переплете), которую, отъезжая в 1847 г. из Киева, он передал коллежскому асессору Костомарову, занимавшемуся подобно ему, Гулаку, переводами исторических документов при означенной комиссии.

Сообщая о сем вашему высокопревосходительству, имею честь удостоверить Вас, милостивый государь, в истинном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. II, арк. 345—346. Відпуск.

№ 277

1850 р. квітня 18, травня 11, 15.— ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ З ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЮ ФОРТЕЦЕЮ ПРО НАДХОДЖЕННЯ М. І. ГУЛАКУ ЛИСТА І 50 крб. СРІБЛОМ, ЩО ПОВИННІ ВИДАВАТИСЬ ЙОМУ «ПО МЕРЕ НАДОБНОСТИ»

Ч. II, арк. 347—349. Оригінали та відпуск.
Не публікується.

№ 280

1850 р. травня 31.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВИРОК ІМПЕРАТОРА М. І. ГУЛАКУ

Коллежский секретарь Гулак в мае месяце 1847 г. по высочайшему повелению заключен в Шлиссельбургскую крепость на три года с тем, чтобы потом, по истечении сего срока, если исправится в образе мыслей, отправить его в отдаленную губернию под строжайший надзор.

[3]1 мая 1850 г.

Ч. II, арк. 350. Оригінал.

№ 281

1850 р. травня, не раніше 31.— ВІДОМОСТІ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОВЕДІНКУ М. І. ГУЛАКА

Коллежский секретарь Николай Гулак за участие в составлении Украйно-славянского общества и за то упорство, с которым долго не сознавался в своем преступлении, заключен 30 мая 1847 г. по высочайшему повелению в Шлиссельбургскую крепость на три года с тем, чтобы он по окончании сего срока, буде исправится в образе мыслей, отправлен был в отдаленную губернию под строжайший надзор.

В апреле с. г. ваше сиятельство, имея в виду приближение срока заключения Гулака, изволили относиться к коменданту Шлиссельбургской крепости о доставлении сведений как о настоящем поведении и образе мыслей Гулака, так и о том, заслуживает ли он облегчения своей участи. Вследствие сего генерал-майор Троцкий уведомил, что коллежский секретарь Гулак во все время заключения в крепости вел себя весьма скромно, в образе мыслей его ничего предосудительного не замечено, а потому он, с своей стороны, признает его заслуживающим ходатайства об облегчении его участи.

Справка

Из писем Гулака к его родителям видно было, что он в продолжение трехлетнего заключения в крепости весьма прилежно занимался науками и, не отчаиваясь в монаршей милости, приготовлял себя быть полезным отечеству. Переписка Гулака с братьями заключалась преимущественно в добрых советах и обнаруживала весьма хорошее направление его мыслей.

Резолюції Л. В. Дубельта: Доклад. В Пермь.

Ч. II, арк. 351—352. Оригінал.

№ 282

1850 р. травня 31.— ПОДАННЯ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО ЗАКІНЧЕННЯ ТРИРІЧНОГО УВ'ЯЗНЕННЯ М. І. ГУЛАКА В ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКІЙ ФОРТЕЦІ

Копия

О коллежском секретаре Гулаке

Ваше императорское величество в исходе мая 1847 г. при решении дела о составлявшемся в Киеве Украйно-славянском обществе высочайше повелеть изволил: коллежского секретаря Гулака, бывшего главным руководителем означенного общества и долго запиравшегося в своих преступных замыслах, заключить в Шлиссельбургскую крепость на три года и потом отправить в отдаленную губернию под строжайший надзор, буде исправится в образе мыслей.

Гулак переведен был из С.-Петербургской крепости в Шлиссельбургскую 30 мая 1847 г.

Принимая во внимание засвидетельствование коменданта сей последней крепости о скромном поведении Гулака и что в образе мыслей его во все время содержания в оной ничего не замечено предосудительного, равно и доставленные ныне, по моему требованию, удостоверения генерал-майора Троцкого, что Гулак заслуживает ходатайства об облегчении его участи, я осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать соизволения вашего императорского величества на отправление его в г. Пермь под строжайший полицейский надзор.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

31 мая 1850 г.

Помітка Л. В. Дубельта: На подлинном собственного его величества рукою написано карандашом: «Согласен». Петергоф, 1 июня 1850 г.

Верно: ген[ерал]-лейт[енант] Дубельт

Ч. II, арк. 353—354. Копія.

№ 283

1850 р. червня 1.— РАПОРТ ПІДПОЛКОВНИКА С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ДИВІЗІОНУ СВАДКОВСЬКОГО А. Л. БРАНЧАНІНОВУ ПРО ВИДІЛЕННЯ КОНВОЇРІВ ДЛЯ ВІДПРАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА НА ЗАСЛАННЯ В м. ПЕРМ

Его высоко[благородию] А. Л. Бранчанинову

Командир С.-Петербургского жандармского дивизиона подполковник Свадковский, свидетельствуя совершенное свое почтение его высокоблагородию Александру Петровичу, имеет честь донести, что для командирования[a] в г. Пермь назначен унтер-офицер Александр Носков и рядовой Ефим Дикий.

1 июня 1850 г.

Ч. II, арк. 355. Відпуск.

№ 284

1850 р. червня 2.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА А. О. ТРОЦЬКОМУ ПЕРЕДАТИ М. І. ГУЛАКА УНТЕР-ОФІЦЕРУ О. НОСКОВУ ДЛЯ ВІДПРАВЛЕННЯ НА ЗАСЛАННЯ В м. ПЕРМ ПІД СУВОРИЙ НАГЛЯД ПОЛІЦІЇ

Секретно

Его превосходительству А. О. Троцкому

2-го июня 1850 г., № 1151
В С.-П[етер]бург

Милостивый государь Аникий Осипович!

Государь император по всеподданнейшему моему докладу засвидетельствования вашего превосходительства о скромном поведении и благонадежности в образе мыслей содержащегося во вверенной вам крепости коллежского секретаря Гулака высочайше повелеть соизволил отправить его на жительство в г. Пермь под строжайший надзор полиции.

Сообщая о сем вашему превосходительству, покорнейше прошу вас, милостивый государь, во исполнение такового высочайшего повеления приказать Гулака сдать предъявителю сего унтер-офицеру С.-Петербургского жандармского дивизиона Носкову, которому вместе с рядовым того же дивизиона Диким приказано, приняв из Шлиссельбургской крепости помянутого арестанта, доставить его в г. Пермь, к тамошнему гражданскому губернатору. О последующем же не угодно ли будет вашему превосходительству почтить меня уведомлением.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. II, арк. 356—357. Відпуск.

№ 285

1850 р. червня 2.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ПЕРМСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА, І. І. ОГАРЬОВА ПРО ЗАСЛАННЯ М. І. ГУЛАКА В м. ПЕРМ ПІД СУВОРИЙ НАГЛЯД ПОЛІЦІЇ

Секретно

Его превосходит[ельст]ву И. И. Огареву

2 июня 1850 г., № 1152
В. С.-П[етер]бурге

Милостивый государь Илья Иванович!

Вследствие производившегося в 1847 г. в III отделении с. е. в. канцелярии дела о составлявшемся в Киеве Украйно-славянском обществе государь император высочайше повелеть соизволил: коллежского секретаря Николая Гулака, как главного руководителя сего общества, заключить в Шлиссельбургскую крепость на три года с тем, чтобы по истечении сего срока, буде исправится в образе мыслей, он отправлен был в отдаленную губернию.

По миновании ныне срока высочайше определенного заключению Гулака на основании засвидетельствования г-на комендfesta Шлиссельбург-

ской крепости о скромном поведении и безукоризненном образе мыслей сего арестанта всеподданнейше ходатайствовал об облегчении его участи.

Государь император высочайше повелеть соизволил отправить Гулака в Пермь под строжайший надзор полиции.

Сообщив г-ну министру внутренних дел о таковой монаршей воле для зависящего исполнения к учреждению за Гулаком полицейского надзора, я отнесся к г-ну коменданту Шлиссельбургской крепости об отправлении в Пермь означенного арестанта под присмотром двух жандармов С.-Петербургского жандармского дивизиона унтер-офицера Носкова и рядового Дикого, которым приказано вместе с сим представить коллежского секретаря Гулака вашему превосходительству.

Покорнейше прося вас, милостивый государь, о последующем почтить меня уведомлением, имею честь удостоверить вас в истинном моем почтении и преданности [628].

Подписал гр. Орлов

Ч. II, арк. 358—359. Відпуск.

№ 286

1850 р. червня 2.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ЗАСЛАННЯ М. І. ГУЛАКА В м. ПЕРМ

Секретно

Его сиятельству гр. Л. А. Перовскому

2-го июня 1850 г., № 1154

Милостивый государь Лев Алексеевич!

От 30 мая 1847 г., № 896 я имел честь сообщить вашему сиятельству высочайшее повеление, на основании коего коллежский секретарь Николай Гулак как главный руководитель составлявшегося тогда в Киеве Украйно-славянского общества заключен был в крепость на три года с тем, чтоб по истечении сего срока, буде исправится в образе мыслей, он отправлен был в отдаленную губернию. По миновании ныне срока высочайше определенного заключению Гулака, я на основании засвидетельствования г-на коменданта Шлиссельбургской крепости о скромном поведении и безукоризненном образе мыслей сего арестанта всеподданнейше ходатайствовал об облегчении его участи.

Государь император высочайше повелеть соизволил отправить Гулака в Пермь под строжайший надзор полиции.

Сообщая вашему сиятельству о таковой монаршей воле для зависящего исполнения относительно учреждения за Гулаком полицейского наблюдения, имею честь присовокупить, что об отправлении его в г. Пермь распоряжение мною уже сделано.

Примите, ваше сиятельство, уверение в истинном моем почтении и совершеннейшей преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. II, арк. 360—361. Відпуск.

№ 287

1850 р. червня 2.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА О. І. ЧЕРНИШОВА ПРО ЗАСЛАННЯ М. І. ГУЛАКА В м. ПЕРМ

Секретно

Его светлости князю А. И. Чернышову

2 июня 1850 г., № 1155
В С.-П[етер]бурге

Милостивый государь кн. Александр Иванович!

Вследствие производившегося в 1847 г. в III отделении с.е.и.в. канцелярии дела о составлявшемся в Киеве Украйно-славянском обществе государь император высочайше повелеть соизволил коллежского секретаря Николая Гулака как главного руководителя сего общества заключить в Шлиссельбургскую крепость на три года с тем, чтобы по истечении сего срока, буде исправился в образе мыслей, он отправлен был в отдаленную губернию.

По миновании ныне срока высочайше определенного заключению Гулака, я на основании засвидетельствования г-на коменданта Шлиссельбургской крепости о скромном поведении и безукоризненном образе мыслей сего арестанта всеподданнейше ходатайствовал об облегчении его участи.

Государь император высочайше повелеть соизволил отправить Гулака в Пермь под строжайший надзор полиции.

Сделав к исполнению таковой монаршей воли надлежащее распоряжение, я долгом считаю довести об этом до сведения вашей светлости.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности

Подписал гр. Орлов

Ч. II, арк. 362—363. Відпуск.

№ 288

1850 р. червня 3.— РАПОРТ А. О. ТРОЦЬКОГО О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПЕРЕДАЧУ М. І. ГУЛАКА УНТЕР-ОФІЦЕРУ О. НОСКОВУ ДЛЯ ВІДПРАВЛЕННЯ В м. ПЕРМ

Секретно

Г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта Шлиссельбургской крепости

Рапорт

Вследствие повеления вашего сиятельства от 2 числа сего июня за № 1151 коллежский секретарь Гулак передан унтер-офицеру С.-Петербургского жандармского дивизиона Носкову вместе с рядовым Диким, которые и отправились в предписанный им путь пополуночи в 3-м часу сего числа, о чем почтительнейше имею честь донести.

Комендант Троцкий

3-е июня 1850 г., № 32. Креп[ость] Шлиссельбург

Помітка про одержання: 7 июня 1850 г.

Ч. II, арк. 366. Оригінал.

№ 289

1850 р. червня 2.— НАКАЗ Л. В. ДУБЕЛЬТА УНТЕР-ОФІЦЕРУ С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ О. НОСКОВУ ПРО ПОРЯДОК ВІДПРАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА В м. ПЕРМ

Унтер-офицеру С.-Петербургского жандармского дивизиона
Анисиму Носкову

Приказываю тебе немедленно отправиться вместе с назначенным тебе в помощь рядовым Ефимом Диким в Шлиссельбургскую крепость и по прибытии туда, явясь тотчас к коменданту означенной крепости г-ну генерал-майору Троцкому, представить его превосходительству вручаемый тебе пакет за № 1151; потом, приняв из той крепости содержащегося в оной коллежского секретаря Николая Гулака, нимало не медля, отправиться с ним в г. Пермь. Во время пути ты обязываешься ехать безостановочно, никуда в сторону не заезжать, нигде, кроме почтовых станций, не останавливаться, имея при том за означенным Гулаком наистрожайший надзор и не дозволяя ему в пути входить с посторонними лицами ни в какие сношения; по доставлении же коллежского секретаря Гулака в Пермь обязываешься ты сей час явиться к тамошнему гражданскому губернатору г-ну тайному советнику Огареву и, представив Гулака его превосходительству вместе с вручаемым тебе текстом за № 1152, испросить от кого следует расписку в принятии арестанта; по получении сего немедленно возвратиться прямо в С.-Петербург вместе с вышесказанным рядовым Диким. На проезд ваш выдается тебе подорожная за № 1124 и деньги: для продовольствия означенного арестанта примерно 15 руб., прогонных денег от С.-Петербурга до Шлиссельбурга на 2 лошади 3 руб. 22 коп., оттуда в Пермь на три лошади 142 руб. 37 коп., а от Перми до С.-Петербурга на 2 лошади 92 руб. 22 коп. и кормовых тебе и рядовому Дикому по положению каждому по 40 руб. 11 коп., всего же 332 руб. 81 коп. серебром, для записки которых вручается тебе шнуровая тетрадь, которую ты вместе с подорожною и прилагаемым реестром по возвращении в С.-Петербург имеешь представить в штаб корпуса жандармов.

Управляющий III отделением с. е. в. канцелярии
генерал-лейтенант Дубельт

2 июня 1850 г., № 1159, С.-П-[етер]бург

Ч. II, арк. 367—368. Оригінал.
Ч. II, арк. 364—365 Копія.

№ 290

1850 р. червня, не пізніше 2.— РЕЄСТР КОНВЕРТІВ, ВІДІСЛАНИХ З УНТЕР-ОФІЦЕРОМ О. НОСКОВИМ А. О. ТРОЦЬКОМУ ТА І. І. ОГАРЬОВУ

Реестр конвертам, отправляемым с унтер-офицером С.-Петербургского жандармского дивизиона Носковым июня 1850 г.

М[еся]ц и число	№	Кому адресовано	Число пакетов	Подпись получившего
июня 2	1151	Его пр[евосходитель-ст]ву Аникию Осиповичу Троцкому, г-ну шлиссельбургскому коменданту	1	получил Троцкий

М[еся]ц и число	№	Кому адресовано	Число пакетов	Подпись получившего
»	1152	Его пр[евосходитель-ст]ву Илье Ивановичу Огареву, г-ну пермско-му гражд[анскому] губернатору	1	Получил дежурный канцелярии начальника губернии 12 июня, ночью в 12 часов. [*підпис нерозбірливий*]

Статский советник Кранц

Ч. II, арк. 369. Оригінал.

№ 291

1850 р. червня 13.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА І. І. ОГАРЬОВИМ УНТЕР-ОФІЦЕРУ О. НОСКОВУ І РЯДОВОМУ Ю. ДИКОМУ, ПРО ДОСТАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА В м. ПЕРМ

Квитанция

№ 787

Дана сия С.-Петербургского жандармского дивизиона унтер-офицеру Носкову и рядовому Дикому в том, что сопровождаемый за их присмотром арестант Николай Гулак доставлен в Пермь 13 числа настоящего месяца исправно.

Пермь, 13 июня 1850 г.

Пермский гражданский губернатор тайный советник Огарев

Ч. II, арк. 370. Оригінал.

№ 292

1850 р. червня 13.— РОЗПИСКА М. І. ГУЛАКА ПРО ОДЕРЖАННЯ ВІД О. НОСКОВА ОСОБИСТИХ РЕЧЕЙ І ГРОШЕЙ

Деньги и вещи мои сполна получил от жандармского унтер-офицера Носкова.

Пермь, 13 июня 1850 г. Николай Гулак

Ч. II, арк. 371. Оригінал.

№ 293

1850 р. червня 17.— ВІДНОШЕННЯ І. І. ОГАРЬОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА В м. ПЕРМ

Его сиятельству г-ну шефу корпуса жандармов А. Ф. Орлову

17 июня 1850 г., № 201, Пермь

Согласно изъясненному в предписании вашего сиятельства от 2 числа настоящего месяца за № 1152 высочайшему повелению государя императора отправленный из Шлиссельбургской крепости в Пермь под строжайший надзор полиции коллежский секретарь Николай Гулак под присмотром двух жандармов С.-Петербургского дивизиона унтер-офицера Носкова и рядового Дикого доставлен ко мне 13 числа сего месяца исправно, в чем сопровождавшим его жандармам выдана мною квитанция, а об учреждении за

коллежским секретарем Гулаком строжайшего полицейского надзора ныне же предписано здешней градской полиции.

Донося о сем вашему сиятельству, я имею честь пребыть с глубочайшим почтением и совершенною преданностью

вашего сиятельства покорнейший слуга Илья Огарев

Ч. II, арк. 372. Оригінал.

№ 294

1850 р. липня 8.— ПРОХАННЯ І. І. ГУЛАКА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПЕРЕСЛАТИ ЛИСТ СИНОВІ М. І. ГУЛАКУ

В III отделение с. е. и. в. канцелярии
от 7-го класса Ивана Иванова сына Гулака

Представляя при сем письмо на имя сына моего Николая Гулака, покорнейше прошу о доставлении ему оного.

7-го класса Иван Гулак

8 июля 1850 г.
Из Новой Праги

Помітка: Означенное письмо препровождено к пермскому гражданскому губернатору при отношении от 25 июля за № 1582 для передачи кол[лежскому] секр[етарю] Николаю Гулаку.
Помітка про одержання: 24 июля 1850 г.

Ч. II, арк. 373. Оригінал.

№ 295

1851 р. січня 20.— ЛИСТ Н. А. ГУЛАК ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ЛИСТУВАТИСЯ З СИНОМ ЧЕРЕЗ ПОШТУ

Ваше превосходительство милостивый государь!

С того времени, как постигло несчастье моего сына, я имела единственную отраду получать от него письма. В течение трех лет постоянно и исправно я получала письмо через III отделение с. е. и. в. канцелярии, теперь мой сын находится в Перми и хотя я получила от него два письма, но эти письма идут через пермского и херсонского губернаторов открытыми и доставляются ко мне через три месяца.

Осмеливаюсь просить ваше превосходительство дозволить сыну моему писать письма ко мне прямо через почту.

Не посторонние какие сведения для меня интересны от сына. Для матери, страждущей о ее первенце, всего дороже знать о его существовании и передавать ему ход семейных дел.

С глубоким высокопочитанием и совершеннейшею преданностью честь имею быть вашего превосходительства милостивого государя всепокорнейшею слугою

Надежда Гулак

20 января 1851 г.
Из Новой Праги

Резолюція О. Ф. Орлова: Просить губернаторов.
Помітка Л. В. Дубельта: Гулак отправлен в Пермь под строжайший надзор.
Помітка про одержання: 8 февраля 1851 г.

Ч. II, арк. 374. Оригінал.

№ 296

1851 р. лютого 16.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО Н. А. ГУЛАК ПРО ЗАБОРОНУ О. Ф. ОРЛОВИМ ЛИСТУВАТИСЯ З СИНОМ БЕЗ ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Г-же Гулак, 16 февраля 1851 г., № 287

Милостивая госуд[арын]я Надежда Андреевна!

Г-н генерал-адъютант гр. Орлов, находя невозможным исполнить изъясненное в письме ко мне от 20 января желание ваше вести переписку с находящимся в Перми сыном вашим без рассмотрения начальством, отнесся однако к г-дам начальникам губерний Пермской и Херсонской, прося их распоряжений о рассмотрении таковой переписки без особого промедления.

Долгом считаю уведомить о сем вас, милостивая государыня, имею честь удостоверить вас в истинном уважении и совершенной преданности.

Подписал Л. Дубельт

Верно: коллежский секретарь Васильев

Ч. II, арк. 375. Відпуск.

№ 297

1851 р. лютого 16.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО І. І. ОГАРЬОВА ПРО ПРИСКОРЕННЯ ПЕРЕСИЛКИ ЛИСТІВ ВІД М. І. ГУЛАКА ДО ЙОГО БАТЬКІВ

Пермскому гражданскому губернатору Огареву

16 февраля 1851 г., № 288

Милостивый государь Илья Иванович!

Помещица Херсонской губ. Надежда Гулак, объясняя медленность в пересылке к ней писем находящегося в Перми под строгим надзором сына ее коллежского секретаря Николая Гулака и стесняясь тем, что она получает сии письма вскрытыми, просит о дозволении ей вести с ним переписку прямо через почту, без предварительного рассмотрения оной начальством.

Находя невозможным удовлетворить ходатайство г-жи Гулак, я не менее того для ее успокоения имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите вы, милостивый государь, признать возможным приказать, чтобы переписка коллежского секретаря Гулака с его родственниками рассматриваема была без особенного промедления и пересылалась в запечатанных конвертах.

Примите, ваше превосходительство, уверение в истинном почтении и преданности [629].

[Подписал] гр. Орлов

Верно: коллежский секретарь Васильеи

Ч. II, арк. 376, 377. Відпуск.

№ 298

1851 р. жовтня 12.— ЛИСТ Н. А. ГУЛАК ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПЕРЕДАТИ ЇЇ ПРОХАННЯ МИКОЛІ І

Сиятельный граф!

Милостивый государь!

Поднося при сем всеподданнейшее письмо государю императору о помиловании моего сына, утруждаю ваше сиятельство нижайшею просьбою представить всемилостивейшему государю письмо это.

Неизреченно буду счастлива, если по представительству вашего сиятельства удостоюсь высокого монаршего воззрения.

Мера справедливого наказания совершилась. Дозвольте же, ваше сиятельство, и память о прошедшем изгладить добрым поведением и усердною службою.

Соблаговолите, ваше сиятельство, приказать освободить сына моего от надзора полиции. Могу уверить ваше сиятельство, что государь император будет иметь в моём сыне усерднейшего слугу и верного подданного.

С глубоким почтением и истинною преданностью имею счастье быть, сиятельный граф, вашего сиятельства всепокорнейшая слуга

Надежда Гулак

12 октября 1851 г., Бобринец

Помітка про одержання: 26 октября 1851 г.

Ч. II, арк. 378—379. Оригінал.

№ 299

1851 р. жовтня 12.— ПРОХАННЯ Н. А. ГУЛАК ДО МИКОЛИ І ПОМИЛУВАТИ ЇЇ СИНА

Всеавгустейший монарх!

Всемилостивейший государь!

Сын мой имел несчастье заслужить справедливый гнев вашего императорского величества. Трехлетнее заключение и отсылка в Пермь были наказанием, меру коего только благость и милосердие вашего величества сократили.

По чувствам матери, по бесконечному милосердию вашего императорского величества осмелюсь упасть к стопам вашего величества и просить о помиловании.

Всемилостивейший государь, вашего императорского величества верноподданная слуга

Надежда Гулак

12 октября 1851 г., Бобринец

Ч. II, арк. 380. Автограф.

№ 300

1851 р. жовтня 6.— ПРОХАННЯ М. І. ГУЛАКА ДО О. Ф. ОРЛОВА ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ ВЛАШТУВАТИСЯ НА ЦИВІЛЬНУ СЛУЖБУ

Ваше сиятельство!

С июня месяца 1850 г. нахожусь я в городе Перми по распоряжению правительства и проживаю здесь без иных средств к пропитанию, кроме некоторых денежных пособий, присылаемых мне от времени до времени

родными, что при многочисленном нашем семействе и небогатом состоянии отяготительно для моих престарелых родителей, а потому осмеливаюсь всепокорнейше просить ваше сиятельство учинить свое начальственное распоряжение об исходатайствовании мне разрешения вступить вновь в государственную гражданскую службу, причем честь имею присовокупить, что если неопытность и мечтательность юности увлекли меня к поступкам, за которые я подвергся взысканию закона, то ныне, достигнув более зрелых лет, все мои усилия будут устремлены единственно к тому, чтобы ревностно исполнять долг свой на служебном поприще.

Вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Николай Гулак

Октября 6 дня 1851 г., Пермь

Резолюція О. Ф. Орлова: Доложить.
Помітка про одержання: 27 октября 1851 г.

Ч. II, арк. 381. Автограф.

№ 301

1851 р. жовтня 30.— ДОВІДКА ПРО М. І. ГУЛАКА, ПІДГОТОВЛЕНА III ВІДДІЛЕННЯМ МИКОЛІ І

Жительствующая в г. Бобринце Херсонской губ., помещица Надежда Гулак в письме к вашему сиятельству просит повергнуть на всемилостивейшее государя императора воззрение представленную при оном всеподданнейшую ее просьбу о дозволении находящемуся в Перми сыну ее Николаю Гулаку вступить в гражданскую службу, с освобождением его от надзора.

Вместе с сим и Гулак представил вашему сиятельству просьбу, в которой объясняет, что он, проживая в Перми, не имеет, кроме незначительного пособия от родителей, никаких более средств к своему существованию и что означенное пособие при многочисленном их семействе и ограниченном состоянии обременительно для его родителей, Гулак просит о разрешении ему вступить в гражданскую службу и представляя при сем, что если неопытность и мечтательность юности увлекли его к поступкам, за которые он подвергся взысканию закона, то ныне, достигнув более зрелых лет, он употребит все усилия, чтобы ревностно исполнять свой долг на служебном поприще.

Справка

Гулак, коллежский секретарь, принадлежал к открытому в 1847 г. Украйно-славянскому обществу. У него найдены были: кольцо с вырезкою внутри имен св. Кирилла и Мефодия, устав означенного общества и два экземпляра рукописи «Закон божий» возмутительного коммунистического содержания, из которых один экземпляр, переписанный его рукою, он скрыл при арестовании его. На допросе Гулак ни в чем не сознался и, не отрицая ни существования общества Украйно-славянистов, ни своего участия в действиях оного, он решительно объявил, что ничего не откроет, ибо связан честным словом. Он был заключен в Алексеевский равелин, а потом на три года в Шлиссельбургскую крепость, откуда по истечении срока его ареста и по засвидетельствованию о его хорошем поведении в июне 1850 г. отправлен на жительство и под строжайший надзор в г. Пермь.

Из ведомостей о лицах, состоящих под надзором полиции в Пермской губ., оказывается, что Гулак ведет себя хорошо.

30 октября 1851 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Доклад. Разрешить служить в Перми.

Ч. II, арк. 382—383. Оригінал.

№ 302

1851 р. листопада 1.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДОЗВОЛИТИ М. І. ГУЛАКУ ВСТУПИТИ НА ЦИВІЛЬНУ СЛУЖБУ

О коллежском секретаре Гулаке

Помещица Херсонской губ. Гулак прислала ко мне для представления вашему императорскому величеству всеподданнейшую просьбу об оказании сыну ее, коллежскому секретарю Николаю Гулаку, высланному на жительство в г. Пермь, помилования всемилостивейшим дозволением ему вступить там в гражданскую службу.

Вместе с тем и он, принося раскаяние в прежних своих поступках и выражая желание загладить оные, просит меня об исходатайствовании ему означенной милости и объясняет при том, что, проживая в Перми без всяких занятий, он не имеет никаких средств содержать себя, кроме незначительного пособия от родителей, которое при многочисленности семейства обременительно для них.

Коллежский секретарь Гулак принадлежал к Украйно-славянскому обществу и был главным руководителем оного, долго запирался в своих преступных замыслах, за что, по высочайшему вашего императорского величества повелению, заключен был в 1847 г. в Шлиссельбургскую крепость на три года с тем, чтобы по истечении сего срока отправить его в отдаленную губернию под строжайший надзор, буде он исправится в образе мыслей.

Из основания сего по всеподданнейшему моему докладу о засвидетельствовании коменданта помянутой крепости, что во все время содержания Гулака в оной ничего предосудительного в образе его мыслей замечено не было, он в июне месяце 1850 г. с соизволения вашего величества был отправлен в г. Пермь.

Принимая во внимание, что коллежский секретарь Гулак и ныне по отзыву начальника Пермской губ. в поведении одобряется и полагая возможным разрешить ему вступление там на службу по гражданскому ведомству, но с продолжением учрежденного над ним полицейского надзора, я всеподданнейше представляю сие мое мнение на всемилостивейшее усмотрение вашего императорского величества.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

1 ноября 1851 г.

Помітка: На подлинном собственного его величества рукою написано карандашом: «Согласен», 1 ноября 1851 г. В Царском Селе.

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

Ч. II, арк. 384—385. Відпуск.

№ 303

1851 р. листопада 3.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ДОЗВІЛ М. І. ГУЛАКУ СЛУЖИТИ В ЦИВІЛЬНІЙ УСТАНОВІ. ІЗ ЗБЕРЕЖЕННЯМ ЗА НИМ НАГЛЯДУ ПОЛІЦІЇ

Его сият[ельст]ву Л. А. Перовскому

3 ноября 1851 г., № 1979, С.-Петербург

Милостивый государь Лев Алексеевич!

По всеподданнейшему докладу моему просьбы высланного на жительство в Пермь коллежского секретаря Николая Гулака о дозволении ему вступить там в службу по гражданскому ведомству государь император высочайше соизволил на сие, но с тем, чтобы продолжаем был учрежденный над Гулаком полицейский надзор.

Сообщая вашему сиятельству о таковой монаршей воле для зависящего распоряжения и в дополнение отношения моего от 2 июня 1850 г., № 1154 [630], имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов
Верно: коллежский асессор Д. Ребезов

Ч. II, арк. 386. Відпуск.

№ 304

1851 р. листопада 3.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Т. П. ПАНКРАТЬЄВА ПРО ДОЗВІЛ М. І. ГУЛАКУ ВСТУПИТИ НА ЦИВІЛЬНУ СЛУЖБУ

Его пре[восходительст]ву Т. П. Панкратьеву

3 ноября 1851 г., № 1980,
С.-П[етер]б[ург]

М[илостивый] г[осударь] Теофил Петрович!

Помещица Бобринецкого уезда Херсонской губ. Надежда Гулак всеподданнейше просила о дозволении находящемуся в Перми сыну ее Николаю Гулаку вступить там в гражданскую службу.

По всеподданнейшему моему докладу о таковой просьбе государь император высочайше соизволил на сие.

Сделав к исполнению таковой монаршей воли надлежащее распоряжение, покорнейше прошу ваше превосходительство, не изволите ли Вы, милостивый государь, приказать объявить о сем помещице Гулак.

Примите, ваше превосходительство, уверение в истинном моем уважении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. II, арк. 387. Відпуск.

№ 305—306

1854 р. лютого 5, 9.— ЗАПИТ КОМЕНДАНТА ШЛІССЕЛЬБУРЗЬКОЇ ФОРТЕЦІ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ВИДАВАТИ АРЕШТАНТАМ НЕ ВІДПРАВЛЕНІ В ПЕРМ МАТЕМАТИЧНІ КНИГИ М. І. ГУЛАКА ТА РОЗПОРЯДЖЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ПОВЕРНЕННЯ ЇХ ВЛАСНИКУ В МІСЦЕ ЗАСЛАННЯ

Ч. II, арк. 388—389. Оригінал та відпуск.
Не публікується.

№ 307

1854 р. квітня 20.— ЛИСТ Н. А. ГУЛАК ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПЕРЕДАТИ МИКОЛІ І ЛИСТ ПРО ПОМИЛУВАННЯ СИНА

Сиятельнейший граф!

Милостивый государь!

Поднося при сем всеподданнейшую просьбу мою государю императору о помиловании сына моего, осмеливаюсь просить ваше сиятельство о представлении моей просьбы государю императору.

Снятие полицейского надзора и позволение моему сыну возвратиться на родину из Перми, коей климат действует на его здоровье разрушительно, будет вожделенною и неизреченною милостью августейшего монарха, о здравии и долгоденствии коего мы все, верные подданные, не перестаем бога молить.

С глубоким уважением и беспредельным почтением имею счастье быть вашего сиятельства покорнейшая слуга

Надежда Гулак

20 апреля 1854 г., Бобринец
Херсонской губ.

Резолюція: Справку. Нельзя.
Помітки: 1. По отзыву губернатора ведет себя очень хорошо. 2. Он значится из дворян Полтавской губ.

Ч. II, арк. 390. Оригінал.

№ 308

1854 р. квітня 20.— ПРОХАННЯ Н. А. ГУЛАК ДО МИКОЛИ І ПОМИЛУВАТИ ЇЇ СИНА

Всеавгустейший монарх!

Всемилостивейший государь!

Повергаясь к стопам вашего императорского величества, осмеливаюсь просить о помиловании сына моего, находящегося в Перми под надзором полиции.

Вашего императорского величества верноподданная

Надежда Гулак

20 апреля 1854 г., Бобринец

Ч. II, арк. 391. Оригінал.

№ 309

1854 р. травня 7.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Т. П. ПАНКРАТЬЄВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО ВІН ВВАЖАЄ ПЕРЕДЧАСНИМ КЛОПОТАННЯ Н. А. ГУЛАК ПЕРЕД МИКОЛОЮ І ПРО ПОМИЛУВАННЯ ЇЇ СИНА

Г-ну начальнику Херсонской губ.

7 мая 1854 г., № 840

Помещица Бобринецкого уезда Надежда Гулак обратилась ко мне с просьбой об исходатайствовании сыну ее, коллежскому секретарю Николаю Гулаку, всемилостивейшего разрешения возвратиться на родину.

Считаю долгом покорнейше просить ваше пр[евосходительст]во, не изволите ли приказать объявить г-же Гулак, что по недавнему еще облегчению участи ее сына дозволением ему вступить в службу я нахожу ходатайство пред государем императором по вышеозначенной просьбе рановременным.

Г[енерал]-а[дъютант] гр. Орлов

Ч. II, арк. 392. Відпуск.

№ 310

1855 р. лютого 1.— ВІДНОШЕННЯ ПЕРМСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА П. М. КЛУШИНА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. І. ГУЛАКА ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Относительно освобождения чиновника Гулака от полицейского надзора

1 февраля 1855 г., № 12, Пермь

Г-ну главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии

Вследствие производившегося в 1847 г. в III отделении с.е.и.в. канцелярии дела о составившемся в Киеве Украйно-славянском обществе коллежский секретарь Николай Гулак, как главный руководитель сего общества, заключен был, согласно вашему повелению, в Шлиссельбургскую крепость на три года, по миновании же срока заключения он, на основании засвидетельствования г-на комендаита Шлиссельбургской крепости о скромном поведении и безукоризненном образе мыслей, заслужил всеподданнейшего ходатайства вашего сиятельства об облегчении его участи и в 1850 г. с высочайшего его императорского величества соизволения выслан в г. Пермь под строжайший надзор полиции. Потом, в 1851 г., он, Гулак, по ходатайству губернаторского начальства, засвидетельствовавшего его отличное поведение, удостоен высочайшего разрешения вступить в службу по гражданскому ведомству с тем, чтобы продолжаем был учрежденный за ним полицейский надзор.

Поступив на службу сначала в число канцелярских чиновников Пермского губернского правления, Гулак выказал в занятиях своих особенное трудолюбие и ревностию своею к службе обратил на себя внимание местного начальства, по распоряжению которого в 1852 г. определен он на классную должность — переводчика при губернском правлении, каковую должность и ныне отправляет.

По предписанию г-на министра внутренних дел от 30 декабря 1853 г. существующие в империи губернские статистические комитеты, в том числе

и Пермский, подлежали преобразованию по обширной программе, согласно которой следовало собрать многочисленные сведения из разных источников, в особенности в такой губернии, как Пермская, обширная по пространству и населению и богатая своими произведениями из всех царств природы, и потому двигателем или производителем сего дела надлежало быть лицу сколько просвещенному, столько же деятельному и вполне благонадежному.

Труд этот пал на долю чиновника Гулака, как получившего образование в одном из высших учебных заведений и как применившего творческие знания свои к практическим. С самого вступления на это поприще занятий Гулак, не оставляя прямой своей должности, не перестает оказывать неутомимое усердие к службе и вполне оправдывает возложенное на него столь трудное и столь полезное для науки назначение.

Убеждаясь таковою отлично усердною службою чиновника Гулака при похвальном образе мыслей и поведении, я осмеливаюсь утруждать ваше сиятельство покорнейшею просьбою, не изволите ли признать возможным участь сего чиновника, уже более четырех лет под надзором полиции находящегося, повергнуть всемилостивейшему воззрению государя императора и испросить высочайшее его императорского величества соизволение на освобождение Гулака от полицейского надзора.

И. д. гражданского губернатора П. Клушин

Резолюція О. Ф. Орлова: Доклад. Освободить.

Ч. II, арк. 393—395. Оригінал.

№ 311

1855 р. лютого 22.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО МОЖЛИВІСТЬ ПРИПИНИТИ ПОЛІЦЕЙСЬКИЙ НАГЛЯД ЗА М. І. ГУЛАКОМ

Копія

О коллежском секретаре Гулаке

По рассмотрении в 1847 г. дела о составлявшемся в Киеве Украйно-славянском обществе коллежский секретарь Гулак, как главный руководитель общества, заключен был согласно высочайшему повелению в Шлиссельбургскую крепость на три года; по истечении же сего срока он, во внимание к хорошему его поведению, отправлен под надзор полиции в г. Пермь, а в 1851 г. всемилостивейше дозволено ему вступить там в гражданскую службу, но с продолжением учрежденного над ним надзора.

Воспользовавшись тогда же дарованною ему милостью, он поступил в Пермское губернское правление, где примерным трудолюбием и ревностию обратил на себя особое внимание начальства.

В 1853 г. тамошний статистический комитет подлежал, во исполнение распоряжения министерства внутренних дел, преобразованию по обширной программе, согласно которой следовало собрать сведения весьма многочисленные и разнообразные по обширности Пермской губ., ее населению и разнородности тамошних произведений.

Труд этот поручен был коллежскому секретарю Гулаку как по его способностям и познаниям, так и по деятельности и благонадежности его. Продолжая свои занятия с прежним усердием по прямой его обязанности в губернском правлении, он вполне оправдывает также трудное и полезное назначение, которое сделано ему по статистическому комитету.

В уважение к таковой отлично ревностной службе Гулака, равным образом и к похвальному образу мыслей и поведение его, начальник Пермской губ. просит об исходатайствованни высочайшего вашего императорского величества соизволения на освобождение сего чиновнука от полицейского надзора.

Находя после столь одобрительного отзыва о нем, с своей стороны, возможным прекратить помянутый надзор, я обязываюсь вышеизложенное ходатайство начальника Пермской губ. всеподданнейше повергнуть на всемилостивейшее воззрение вашего и. в.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил: генерал-лейтенант Дубельт
Верно: генерал-лейтенант Дубельт

22 февраля 1855 г.

Помітка: На подлинном собственною его величества рукою написано карандашом: «Согласен».

Верно: генер[ал]-лейт[енант] Дубельт

24 феврали 1855 г., и С.-Петербурге

Ч. II, арк. 396—397. Копія.

№ 312

1855 р. лютого 24.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. І. ГУЛАКА ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

24 февраля 1855 г., № 298

Г-ну министру внутренних дел

Начальник Пермской губ., свидетельствуя об отлично усердной службе и похвальном образе мыслей и поведении состоящего в тамошнем губернском правлении коллежского секретаря Гулака, просил моего ходатайства об освобождении сего чиновника от учрежденного над ним надзора.

По всеподданнейшему моему об этом докладу государь император всемилостивейше соизволил на сие.

О таковой высочайшей воле, сообщенной мною вместе с сим г-ну начальнику Пермской губ., имею честь уведомить ваше высокопревосходительство в дополнение отношения моего от 3 ноября 1851 г., № 1979.

Под[писал] генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: коллежский советник Миллер

Ч. II, арк. 399. Відпуск. Арк. 398 пропущено при нумерації.

№ 313

1855 р. лютого 24.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА П. М. КЛУШИНУ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. І. ГУЛАКА ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Г-ну начальнику Пермской губ.

24 февраля 1855 г., № 299

По всеподданнейшему моему, вследствие отношения вашего превосходительства за № 12, докладу [631] о служащем в Пермском губернском правлении коллежском секретаре Гулаке государь император всемилостивей-

ше соизволил на освобождение сего чиновника от учрежденного над ним надзора.

О таковой высочайшей воле имею честь уведомить ваше превосходительство для зависящего распоряжения.

Под[писал] генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: коллежский советник Миллер

Ч. II, арк. 400. Відпуск.

№ 314

1855 р. лютого 24.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 81-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ К. І. ВЛАХОПУЛОВУ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. І. ГУЛАКА ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Г-ну и. д. начальника 8-го округа корпуса жандармов

24 февраля 1855 г., № 300

В дополнение представления моего от 2 июня 1850 г. за № 1153 [632] считаю долгом уведомить ваше превосходительство, что состоящий под надзором полиции переводчик Пермского губернского правления коллежский секретарь Гулак ныне с высочайшего соизволения от надзора сего освобожден.

Под[писал] генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: коллежский сонетник Миллер

Ч. II, арк. 401. Відпуск.

№ 315

1855 р. лютого 25.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ПОЛКОВНИКУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ ПЕРМСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ РЕКУ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА М. І. ГУЛАКОМ

Весьма секретно

Г-ну полковнику корпуса жандармов Реку

25 февраля 1855 г., № 304

Во исполнение высочайшей воли, последовавшей по всеподданнейшему моему докладу о служащем в Пермском губернском правлении коллежском секретаре Гулаке, сделано мною распоряжение о прекращении учрежденного над ним полицейского надзора.

Сообщая о сем вашему высокородию, я не менее того считаю долгом предписать вам иметь с вашей стороны за чиновником Гулаком самое тайное «незаметное наблюдение»; по временам о его поведении и образе мыслей доносить мне.

Подп[исал] генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: коллежский советник Миллер

Ч. II, арк. 402 [633]. Відпуск.

№ 316

1856 р. вересня 21.— ВІДНОШЕННЯ ДИРЕКТОРА ІНСПЕКТОРСЬКОГО ДЕПАРТАМЕНТУ ЦИВІЛЬНОГО ВІДОМСТВА С. СУВОРОВА ДО НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО МОЖЛИВІСТЬ НАГОРОДЖЕННЯ М. І. ГУЛАКА ЗА СУМЛІННУ ПРАЦЮ

Его сият[ельст]ву князю В. А. Долгорукову

21 сентября 1856 г., № 9925, С.-Петербург

Милостивый государь князь Василий Андреевич!

Пермское губернское правление в представлении инспекторскому департаменту гражданского ведомства от 3 августа сего года № 4953 ходатайствует о награждении переводчика оного коллежского секретаря Гулака следующим за выслугу лет чином.

Из формулярного о службе Гулака списка видно, что он по производившемуся в 1847 г. в III отделении с. е. и. в. канцелярии делу о Киево-украйно-славянском обществе по высочайшему повелению заключев был в Шлиссельбургскую крепость на три года и с окончанием сего срока отправлен в г. Пермь под строгий надзор полиции, а 25 января 1852 г. с высочайшего же соизволения определен к исправлению должности переводчика Пермского губернского правления и потом уже на основании такового ж высочайшего повеления 8 марта 1855 г. от учрежденного над ним надзора освобожден.

Сообщая вашему сиятельству о сем ходатайстве губернского правления за отсутствием господина главноуправляющего инспекторским департаментом гражданского ведомства, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, почтить меня уведомлением, не встречается ли с вашей стороны каких-либо препятствий к награждению Гулака чином титулярного советника со старшинством с 9 июня 1854 г., т. е. со дня выслуги за вычетом времени нахождения его в крепости и вне службы с 13 июня 1847 по 25 генваря 1852 г.

Препровождая при сем формулярный список Гулака, с глубочайшим почтением имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Степан [Суворов]

Ч. II, арк. 404—405. Оригінал.

№ 317

1856 р. вересня 25.— ПОВІДОМЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ІНСПЕКТОРСЬКОМУ ДЕПАРТАМЕНТУ ПРО ЗГОДУ НА ПРЕДСТАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА ДО НАГОРОДИ

Ответ на отношение за № 9925

Г-ну директору инспекторского [департамен]та гражданского ведомства

25 сентябри 1856 г., № 1473 В С.-Петербурге

Возвращая препровожденный ко мне при отношении в[аше]го п[ревосходительст]ва за № 9925 [634] формулярный список о службе коллежского секр[етаря] Гулака, имею честь уведомить, что по производству его за выслугу лет в следующий чин с изъясненным в том отношении старшинством я со своей стороны препятствий не встречаю.

Ге[нерал]-а[дъютант] кн. Долгоруков

Ч. II, арк. 406 [635]. Відпуск. Арк. 407 пропущено при нумерації.

№ 318

1875 р. грудня 8.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ КЕРУЮЧОГО СПРАВАМИ КАВКАЗЬКОГО КОМІТЕТУ М. В. ГУЛЬКЕВИЧА НАЧАЛЬНИКУ III ВІДДІЛЕННЯ О. Л. ПОТАПОВУ З ВІДНОШЕННЯМ НАМІСНИКА КАВКАЗУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАЙЛА ПРО ПРЕДСТАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА ДО НАГОРОДИ

Г-ну главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии

8 декабря 1875 г. В С.-Петербурге

Долгом считаю препроводить к вашему превосходительству отношение его императорского высочества наместника кавказского от 21 минувшего ноября, № 395 [636] о несчитании учителю Тифлисской гимназии статскому советнику Гулаку значащегося в его формулярном списке штрафа препятствием к получению наград, а также самый формулярный список этого чиновника, покорнейше прося вас, милостивый государь, о сообщении мне вашего заключения по ходатайству его высочества наместника и о возвращении вместе с тем прилагаемых бумаг для доклада настоящего дела Кавказскому комитету.

Управляющий делами комитета статс-секретарь Н. Гулькевич

Резолюція: Отвечать согласием, возвратив [Прокофьеву] 10.XII.
Помітка: Прежний доклад о Гулаке при сем представляется [637].
Помітка про одержання: 10 декабря 1875 г.

Ч. II, арк. 408. Оригінал.

№ 319

1875 р. листопада 21.— ВІДНОШЕННЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАЙЛА ДО ГОЛОВИ КАВКАЗЬКОГО КОМІТЕТУ П. М. ІГНАТЬЄВА ПРО ПРЕДСТАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА ДО НАГОРОДИ

Копия с отношения наместника кавказского г-ну председателю Кавказского комитета от 21 ноября 1875 г. за № 395

В VII графе формулярного списка о службе учителя латинского языка Тифлисской гимназии статского советника Гулака значится следующий штраф.

Начальник III отделения с. е. и. в. канцелярии гр. Орлову предписанием от 2 июня 1850 г. за № 1152 [638] начальнику Пермской губ. дал знать, что коллежский секретарь Гулак (состоявший в то время с 17 ноября 1845 г. на службе в канцелярии военного, подольского и волынского генерал-губернатора) по производившемуся в 1847 г. в III отделении его величества канцелярии делу о состоявшемся в Киеве Украинском-славянском обществе по высочайшему государя императора повелению заключен в Шлиссельбургскую крепость на три года и по окончании сего срока, по высочайшему государя императора повелению, отправлен в г. Пермь под строгий надзор полиции.

Впоследствии государь император по всеподданнейшему докладу просьбы Гулака в 9 день января 1852 г. соизволил разрешить ему вступить снова на службу по гражданскому ведомству, но с тем, чтобы над ним продолжен был полицейский надзор, от коего Гулак, состоя на службе в Пермском губернском правлении, был по высочайшему повелению освобожден 8 марта 1855 г. За сим статский советник Гулак с 1859 г. состоит на службе

по учебной части, а с 21 мая 1862 г.— по ведомству Кавказского учебного округа.

Ныне ввиду засвидетельствования попечителя Кавказского учебного округа, основанного на удостоверении директора Тифлисской гимназии о том, что Гулак за время служения по ведомству Кавказского учебного округа ни в чем предосудительном не замечен, ведет себя вполне безукоризненно и отличается особенным усердием к службе, я прошу ваше высокопревосходительство исходатайствовать высочайшее государя императора соизволение на несчитание статскому советнику Гулаку вышеозначенного штрафа препятствием к получению наград и других преимуществ по службе, кроме знака отличия беспорочной службы и ордена св. Владимира 4-й степени за выслугу установленных лет, и о последующем меня уведомить.

Формулярный список при сем препровождается [639].

Верно: Гулькевич

Ч. II, арк. 409—410. Копія.

№ 320

1875 р. грудня 12.— ВІДНОШЕННЯ О. Л. ПОТАПОВА ДО П. М. ІГНАТЬЄВА ПРО ЗГОДУ НА ПРЕДСТАВЛЕННЯ М. І. ГУЛАКА ДО НАГОРОДИ

Г-ну управляющему делами Кавказского комитета

12 декабря 1875 г., № 2932

Вследствие отношения за № 109 имею честь с возвращением приложений уведомить ваше превосходительство, что испрошение, согласно ходатайству его императорского высочества наместника кавказского высочайшего государя императора соизволения на несчитание статскому советнику Гулаку внесенного в формулярный список о службе его штрафа препятствием к получению награды и других преимуществ по службе, кроме знака отличия о беспорочной службе и ордена св. Владимира, я с своей стороны признал бы возможным.

Генерал-адъютант Потапов

Ч. II, арк. 411. Оригінал.

№ 321

1875 р. грудня 26.— ВІДНОШЕННЯ М. В. ГУЛЬКЕВИЧА ДО О. Л. ПОТАПОВА ПРО ДОЗВІЛ ПРЕДСТАВЛЯТИ М. І. ГУЛАКА ДО НАГОРОДИ

Г-ну главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии

26 декабря 1875 г., № 1214
В С.-Петербург

Вследствие отношения вашего превосходительства от 12 текущего декабря № 2932 [640] долгом считаю препроводить к Вам, милостивый государь, копию с высочайшего его императорского величества повеления, объявленного сего числа представителем Кавказского комитета министру юстиции в отношении за № 1212 [641] о несчитании статскому советнику Гулаку внесенного в его формуляр штрафа препятствием к наградам.

Высочайшее повеление по сему предмету ныне же сообщено и его императорскому высочеству наместнику кавказскому.

Управляющий делами комитета статс-секретарь Н. Гулькевич

Резолюція: К зависящим распоряжениям по переписке. 27.XII.
Помітки: 1. Иметь в виду этот случай. 29 декабря. 2. Обвинялся в 1847 г. по делу об Украйно-славянском обществе.

Ч. II, арк. 412. Оригінал.

№ 322

1875 р. грудня 26.— ВІДНОШЕННЯ ПОМІЧНИКА КЕРУЮЧОГО СПРАВАМИ КАВКАЗЬКОГО КОМІТЕТУ К. ОСТРОВИДОВА ДО МІНІСТРА ЮСТИЦІЇ К. В. ПАЛЕНА ПРО ЗНЯТТЯ ЗАБОРОНИ ПРЕДСТАВЛЯТИ ДО НАГОРОДИ М. І. ГУЛАКА ЗА ВИСЛУГУ РОКІВ

Копия с отношения председателя Кавказского комитета к министру юстиции от 26 декабря 1875 г. за № 1212

Государь император во внимание к засвидетельствованию его императорского высочества наместника кавказского об особенном усердии к службе учителя Тифлисской гимназии статского советника Гулака, согласно положению Кавказского комитета, в 25 день текущего декабря всемилостивейше соизволил повелеть штраф, значащийся в формулярном списке Гулака по делу, производившемуся в 1847 г., не считать препятствием к получению им, Гулаком, наград и других преимуществ по службе, кроме ордена св. Владимира 4-й сте[пени] за выслугу лет и знака отличия беспорочной службы.

О такой монаршей воле долгом считаю сообщить вашему сиятельству для предложения правительствующему сенату.

Верно: помощник управляющего
делами Кавказского комитета К. Островидов

Ч. II, арк. 413. Копія.

ЧАСТИНА ТРЕТЯ

СПРАВА М. І. КОСТОМАРОВА

1 экспедиціи № 81

Часть 3

АРХИВЪ
III-го ОТДѢЛЕНІЯ
СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
КАНЦЕЛЯРІИ

Объ Украино-Славянскомъ Обществѣ.

О б. адъюнктъ-профессорѣ Костомаровѣ и его матери, вдовѣ [illegible] [illegible] и его невѣстѣ Крагельской (нынѣ Костомаровой)

1847 года.

[illegible] 1847 № 8[illegible]

№ 323

1847 р. квітня, не пізніше 10.— ВИПИСКИ З СПРАВ МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ ПРО СЛУЖБОВУ ТА НАУКОВУ ДІЯЛЬНІСТЬ М. І. КОСТОМАРОВА І П. О. КУЛІША, ЗРОБЛЕНІ В III ВІДДІЛЕННІ

В доставленных от г-на министра народного просвещения делах об адъюкте Костомарове и старшем учителе Кулише заключаются следующие сведения:

1

Николай Костомаров, будучи кандидатом, в 1844 г. держал экзамен при Харьковском университете и удостоен степени магистра исторических наук; потом состоял старшим учителем Киевской 1-й гимназии, согласно избранию Совета университета св. Владимира в августе 1846 г. определен адъюнктом русской истории, а в декабре 1846 г. дозволено ему сверх того заниматься преподаванием русской истории в Киевском институте благородных девиц. При представлении его в адъюнкты попечитель Киевского учебного округа Траскин свидетельствовал, что он убедился из сочинений Костомарова и из прочитанной им в присутствии членов совета университета пробной лекции «Изложение истории русских славян от древнейших времен до образования Гуннской державы» как в обширности исторических познаний его, в верности взгляда на факты, глубокости соображений и самостоятельности суждений, так и в отличной способности выражать свои мысли отчетливо, последовательно и ясно.

2

Кулиш, обучавшийся в университете св. Владимира и известный литературными трудами своими, был преподавателем в С.-Петербургском университете руского языка для инородцев и старшим учителем в 5-й гимназии, а в октябре 1846 г., согласно представлению конференции Академии наук, последовало высочайше утвержденное положение Комитета министров об отправлении Кулиша для изучения славянских наречий в Пруссию, Саксонию и Австрию на два с половиною года с производством на содержание и путевые издержки по 1143 р[уб.] 68 коп. сер[ебром] в год.

Помітка Л. В. Дубельта: Дела возвращены гр. Уварову 10 апреля 1847 г.

Ч. III, арк. 1, 2. Копія.

№ 324

1847 р. квітня 5.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ДОНЕСЕНЬ І. І. ФУНДУКЛЕЯ І О. С. ТРАСКІНА З ПРИВОДУ ОБШУКІВ ТА АРЕШТУ ЧЛЕНІВ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Весьма секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

5 апреля 1847 г., № 1166, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Поспешаю представить к вашему сиятельству в подлиннике полученные мною сейчас донесения от 30 марта: киевского гражданского губернатора за № 639 [1] и попечителя Киевского учебного округа за № 5 [2] с следующими к первому двумя показаниями адъюнкта университета св. Владимира Костомарова [3], а к последнему показанием студента Петрова [4].

При сем честь имеют передать ва благоусмотрение и разрешение вашего сиятельства представление попечителя насчет уведомления гр. Уварова об арестовании Костомарова.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и неограниченной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка О. Ф. Орлова: Высочайше разрешено присутствовать при допросе д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Писареву. Вместе с сим г[осударю] императору угодно было прибавить, что при моих допросах полезно бы было пригласить и самого г[енерал]-а[дъютанта] Бибикова. О чем мною объявлено.

Помітка про одержання: 7 апреля 1847 г.

Ч. III, арк. 3. Оригінал.

№ 325

1847 р. березня 30.— ДОНЕСЕННЯ І. І. ФУНДУКЛЕЯ Д. Г. БІБІКОВУ ПРО ОБШУКИ У КВАРТИРАХ М. І. КОСТОМАРОВА, Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, О. В. МАРКОВИЧА, І. Я. ПОСЯДИ, О. Д. ТУЛУБА І ПРО ВИЇЗД Т. Г. ШЕВЧЕНКА ІЗ КИЄВА

Секретно

Г-ну киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору

30 марта 1847 г., Киев

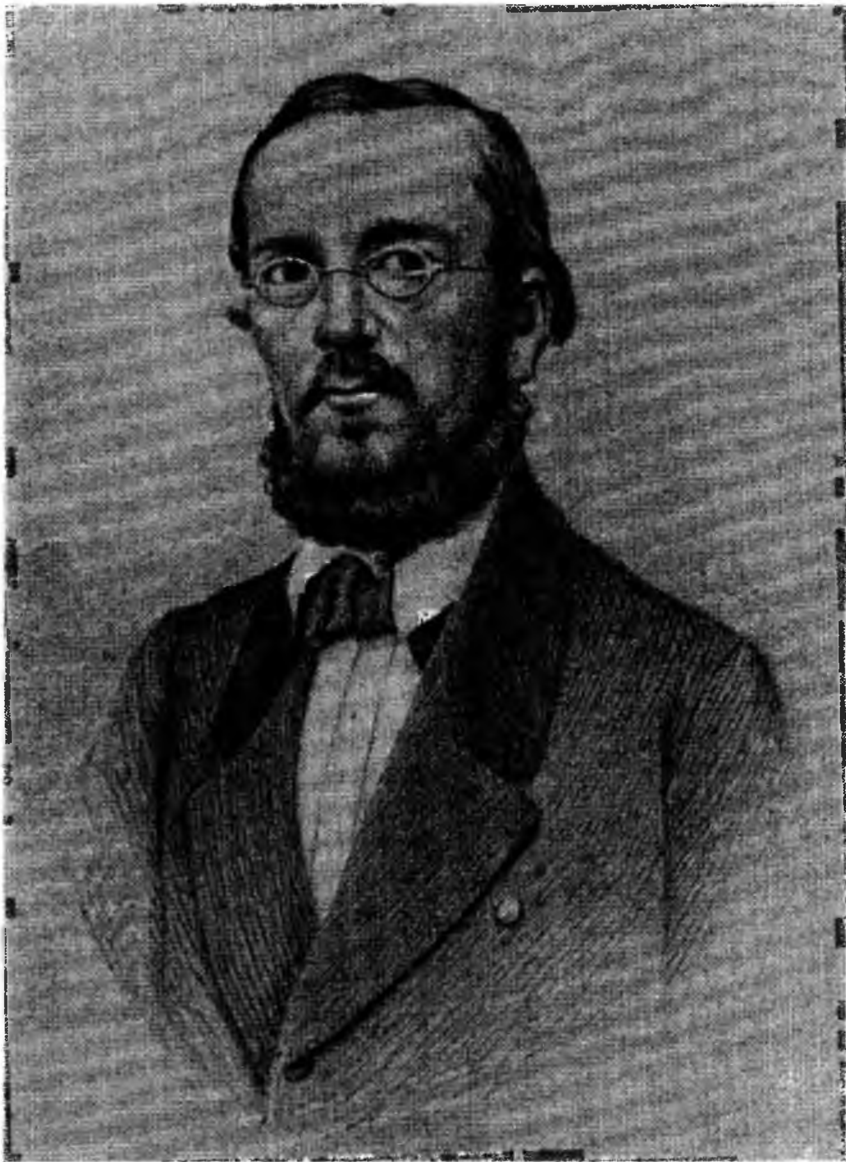
Предложение вашего высокопревосходительства от 22 марта за № 953, посланное по эстафете, я имел честь получить 28 марта и вследствие того, пригласив попечителя Киевского учебного округа и жандармского полковника Белоусова, я обще с ним, а также с прибывшим вместе с генерал-майором Траскиным помощником его, коллежским советником Юзефовичем, приступил к немедленному осмотру квартир лиц, которые были указаны в предложении.

Сперва обыскана была квартира бывшего студента Афанасия Марковича, и как в забранных в сей квартире бумагах его оказалась разная переписка несколько сомнительная, так я, послав чиновника особых при мне поручений Янкулио в г. Переяслав, где по сведениям должен находиться Маркович, для арестования его там и доставления ко мне, дабы можно было допросить его.

После забрания всех бумаг Марковича приступлено было к осмотру квартиры преподавателя истории в университете св. Владимира Костомарова, который при этом случае сам предъявил нам золотое кольцо и собственноручный, им самим сделанный перевод одного места из революционного польского сочинения «Pielgrzymka narodu polskiego». Кольцо, представленное Костомаровым, имеет на наружной стороне надпись по-гречески: «киріе элейсон», а на внутренней стороне древними глаголитскими буквами: «Св. Кирилл и Мефодий». Данные о сем кольце и перевод Костомарова, два пояснения прилагаются при сем в подлиннике.

В квартирах казеннокоштных студентов Тулуба и Посяденка — у первого не нашлось никаких бумаг, а у последнего — разные бумаги, которые и забраты.

У своекоштного студента Андрузского ничего не найдено потому, что он выехал домой [5] к своим родителям в Пирятин, забрав все свои вещи, как слышно, для того, что не желает уже возвратиться в Киев и намерен просить об увольнении из университета.

М. І. Костомаров.

Художника Шевченко в Киеве нет и неизвестно, где он теперь находится и когда приедет сюда. Квартиры у него в Киеве в настоящее время не было и потому обыск не мог быть сделан, но к оному будет приступлено по прибытии его сюда.

После окончания обысков приступлено было, согласно предписанию вашего высокопревосходительства, к тщательному рассмотрению забратых бумаг, и как у Костомарова сверх того оказались переписка и сочинения, имеющие отношение к славянству, то таковые бумаги, а также и частная, какая была, переписка и кольцо с ними же вместе препровождены ныне мною в III отделение с. е. и. в. канцелярии. Для сопровождения Костомарова назначен полицейский офицер с одним жандармом.

Затем, как пересмотр всех бумаг кончен, то теперь я приступаю вместе с попечителем учебного округа и полковником Белоусовым к допросу студентов Тулуба и Посяденка; о их связях и знакомствах с обвиняемыми лицами и сверх того Посяденко должен будет дать пояснение о содержании некоторых из найденных у него бумаг. О показаниях их я не умедлю довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Гражданский губернатор Фундуклей

Помітка про одержання: 5 апреля

Ч. III, арк. 4—5. Оригінал.

№ 326

1847 р. березня 28 [6].— ЗІЗНАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА В КИЄВІ

Кольцо с именем Кирилла и Мефодия выдумано мною в начале 1846 г., но без всякого намерения составить общество, а из уважения к памяти великих просветителей славян. Кольцо носил Гулак и Навроцкий, кажется, но также без всякого общества. Потом мы собирались не с целью общества, а просто как знакомые: я, Гулак, Навроцкий, Посяда, Маркович и еще кто случался из гостей, но об обществе никаком не думали. По крайней мере я не считал это обществом, что люди знакомые сходились и говорили о разных предметах, преимущественно о славянстве. Но что я не думал иметь каких-нибудь злобных замыслов, в этом могу побожиться, кроме того, что более по любопытству слушал что-нибудь противное и преступное, но об уставе ничего не знаю, а если бы кто составил такой устав и вздумал принять кольцо с имен[ем] Кирилла и Мефод[ия] символом, то я не считаю себя членом такого общества, какое бы оно ни было, так что какой-то б[ездель]ник похитил мое невинное изобретение и присвоил его гнусному замыслу.

Николай Костомаров

Ч. III, арк. 6. Автограф.
Ч. III, арк. 7—8. Копія.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 144—145.

№ 327

1847 р. березня, не пізніше 30.— ДОДАТКОВЕ ЗІЗНАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА В КИЄВІ

Вдобавок к прежнему своему показанию, желая искренностью очистить свою совесть и не оставить в душе своей ничего скрытого, я считаю долгом присовокупить следующее: в бытность на Волыни достал я на польском язы-

Свідчення М. І. Костомарова у м. Києві 28 березня 1847 р.

ке написанное сочинение с примесью малороссийского, приписываемое какому-то из польских эмигрантов из Украины, которое я тогда перевел, а впоследствии заметил, читая Мицкевичеву «Pielgrzymku», что оно нечто иное как сколок, из любопытства переписал его в другой раз с намерением добиться, польская ли, Мицкевичева, валедка появилась прежде малороссийской или последняя. Это сочинение одно из тех, которое и в стихах и в прозе распускали поляки для возмущения украинцев во время своего мятежа и отличается во многих местах едким и гнусным тоном не только против царствующей власти, но и против идеи власти вообще. Держа его для себя, я имел неосторожность давать его Гулаку, в чем считаю себя виновным. Что касается до колец, то что они не сделаны были с целью символическою, это можно видеть из того, что

у мастера Констосе [...][7] сделано было их не более двух или трех с такою же целью, с какою делают кольца с именами святых, напр[имер], великомученицы Варвары.

Н. Костомаров

Ч. III, арк. 9. Автограф.
Ч. III, арк. 10—11. Копія.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 115.

№ 328

1847 р. березня 30.— РАПОРТ О. С. ТРАСКІНА Д. Г. БІБІКОВУ ПРО ОБШУКИ І АРЕШТ ЧЛЕНІВ ТАЄМНОГО ТОВАРИСТВА В м. КИЄВІ

30 марта 1847 г., № 5, Киев

Киевскому военному, подольскому, волынскому генерал-губернатору г-ну генерал-адъютанту и кавалеру Бибикову
свиты его и. в. генерал-майора Траскина

Рапорт

Получив третьего дня вечером секретное предписание вашего высокопревосходительства от 22 марта за № 954, я тотчас же с помощником моим, коллежским советником Юзефовичем отправился к г-ну киевскому гражданскому губернатору, где нашел уже корпуса жандармов полковника Белоусова. По предъявлению нам отношения вашего высокопревосходительства к действительному статскому советнику Фундуклею мы на точном основании данных вами приказаний в ту же ночь сделали обыски у поименованных в том отношении лиц и вчера целый [день] занимались разбором их бумаг. Последствия оных вы усмотреть изволите из представляемого вместе с сим донесения гражданского губернатора. Почтительнейше донося сим вашему высокопревосходительству, честь имею присовокупить, что я вновь допрашивал студента Петрова, не может ли он сделать каких еще показаний, которые могли бы обнаружить участников того тайного общества, о существовании которого он мне донес, но он отвечал мне, что за отсутствием главных участников в оном — чиновника Гулака и бывшего студента Марковича — он ничего нового узнать не мог. Отобранное от него письменное показание прилагается при сем в подлиннике[8].

В заключение долгом считаю представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, что я, согласно предписания вашего о сохранении дела этого в совершенной тайне, не считаю себя вправе донести г-ну министру народного просвещения об арестовании адъюнкта университета св. Владимира Костомарова, а как арестование это не может не сделаться гласным, то я покорнейше прошу ваше высокопревосходительство уведомить об оном гр. Сергея Семеновича и оградить меня вообще от ответственности за недонесение обо всем происшедшем установленным порядком господину министру[9]

Свиты его величества генерал-майор Траскин

Помітка Л. В. Дубельта: Донесение Петрова см[отри] с другими донесениями в деле о нем.
Помітка про одержання: 5 апреля.

Ч. III, арк. 12. Оригінал.

№ 329

1847 р. березня 30.— ВІДНОШЕННЯ І. І. ФУНДУКЛЕЯ ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ОБШУК, АРЕШТ ТА ВІДПРАВЛЕННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА

Весьма секретно

30 марта 1847 г., № 640, Киев

В III отделение с. е. и. в. канцелярии

Г-н киевский военный, подольский и волынский генерал-губернатор в предписании от 22 марта за № 953, присланном по эстафете, поручив мне вместе с попечителем Киевского учебного округа и корпуса жандармов полковником Белоусовым сделать обыск в квартире преподавателя истории в университете св. Владимира Костомарова, рассмотреть строжайше его бумаги и если в них будет оказываться что-либо относящееся до Славянского общества или что, могущее служить указанием к обнаружению оного, или что-либо возмутительное, то арестовать и со всеми таковыми бумагами и вещами, а равно частною его перепискою отослать немедленно в III-е отделение с. е. и. в. канцелярии под строжайшим надзором.

Вследствие сего сделан был предписанный у Костомарова обыск, при котором он сам представил золотое кольцо с надписью: «Кирие элейсон» [10], а на внутренней стороне глаголитскими буквами: «св. Кирилл и Мефодий» и перевод, сделанный им из революционного польского сочинения «Pielgrzymka narodu polskiego». Между же прочими бумагами Костомарова оказались переписка и сочинение, имеющие отношение к славянству. Посему все таковые бумаги, а также частную переписку Костомарова и бывшее у него кольцо имею честь препроводить в III отделение вместе с самим Костомаровым, для сопровождения которого назначены мною полицейский офицер с одним жандармом.

При сем прилагаю также найденную у Костомарова печать с надписью: «Іоан, гл. VIII, ст. 32».

Гражданский губернатор Фундуклей

Помітка про одержання: 11 апреля 1847 г.

Ч. III, арк. 13—14. Оригінал.

№ 330

1847 р. березня 30.— РЕЄСТР ПАПЕРІВ І РЕЧЕЙ, ЯКІ ВИЛУЧЕНО У М. І. КОСТОМАРОВА ПІД ЧАС ОБШУКУ

Реестр бумагам и вещам, забратым у преподавателя истории в университете св. Владимира Костомарова, и препровождаемый при отношении от 30 марта 1847 г. за № 640:

1. Связка бумаг на 179 страницах.
2. Книга «Кобзарь», сочинение Шевченка.
3. Рукопись «Кобзарь» Шевченка [11], писанная польскими буквами, в переплете.
4. Печать с надписью: «Іоан, гл. VIII, ст. 32, Н. К.»
5. Кольцо золотое с надписью: «*Кирие элейсон*», а внутри: «*Св. Кирилл и Мефодий*».

Гражданский губернатор Фундуклей

Ч. III, арк. 15. Оригінал.

№ 331

1847 р. квітня 17.— КВИТАНЦІЯ СТАРШОГО ЧИНОВНИКА ПОПОВА, ВИДАНА КВАРТАЛЬНОМУ НАГЛЯДАЧЕВІ КИЇВСЬКОЇ ПОЛІЦІЇ ЛОБАЧЕВСЬКОМУ ПРО ПРИЙНЯТТЯ М. І. КОСТОМАРОВА, ЙОГО ПАПЕРІВ І РЕЧЕЙ В III ВІДДІЛЕННІ

№ 605

Квитанция

Дана сия квартальному надзирателю киевской полиции Лобачевскому в том, что доставленный им в сопровождении одного жандарма, из Киева адъюнкт — проф. Костомаров с его бумагами и вещами принят в исправности в III отделение с. е. и. в. канцелярии.

Апреля 17 дня 1847 г.

Подписал старший чиновник Попов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. III. арк 16 [12]. Копія.

№ 332

1845 р. кінець — 1846 р.— РУКОПИС М. І. КОСТОМАРОВА «КНИГИ БУТТЯ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ» [13]

[1.] Бог сотворив світ, небо і землю, і землю населив всякими тварями, і поставив над усею твар'ю царем чоловіка, і [14] казав йому [15] плодиться і множиться, і постановив, щоб род чоловіческий поділився на коліна і [16] племена, і [17] кож[но]му колінові і племену [18] даровав [19] країну жити [20], щоб кажде коліно і племено шукало бога, котрий от [21] чоловіка недалеко, і поклонялись би йому всі люди [22], і віровали в його, і любили його, і були б усі щасливі.

[2.] Але род чоловіческий забув бога і предався дияволу, і кожне племено вимислило [23] собі нових богів, і в каждому племені народ вимисли[в] собі нових богів, і стали тоді биться за своїх богів, і почала [24] земля поливатися кровію і усіватися костями, і [25] во всім світі стались горе і бідность і хороба, нещастя і незгода.

[3.] І так покарав їх справедливий господь, іспершу потопом, потім войнами, потім неволею.

[4.] Бо єдин єсть бог істинний і єдин цар над родом чоловіческим, а люде як поробили собі много богів, то поробили з тим і царів; бо як у кожнім кутку був свій бог, то став у кожніму кутку свій цар, і стали люде биться за своїх царів, і стала земля пуще поливаться кров'ю і усіватися попелом і костями, і на всім світі умножилось горе і бідність, і хороби, і нещастя, і незгода.

[5.] Нема другого бога, тілько один бог, що живе високо на небі і вездє духом своїм святим, і хоч люди поробили собі других богів в [26] [постаті] звіриної і чоловіческої со страстями і похотями, а то не були боги, а були то страсті и похоті, а правив над людьми отець страстей і похоті, чоловікоубийця, диавол.

[6.] Немає другого царя, тільки один цар небесний утешитель, хоч люде поробили собі царів в постаті людей — своїх братів со страстями і похот[ями], а то не були царі істинні, бо цар, котрий править людьми, му[сить] буть розумніший і справедливіший над усіх людей, а разумніш[ий] і справедливі[ший]

Відбиток печатки Кирило-Мефодіївського товариства.

над усіх людей суть бог, а ті царі були со страстями і похотями, і [був] над людьми отець страстей і похотей, чоловікоубийця, диавол.

[7.] І ті царі лукаві побрали з людей таких, що були силь[ніші] і багатші, і нужніші, і назвали їх панами, а других людей поробил[ли] иевольниками і умножились на землі горе і бідність, і хороба, і нещастя, і незгода.

[8.] Два народи на світі були умніші й дотепніші: євреї і греки.

[9.] Бо євреїв сам господь ізбрав і послав ім Мойсея, і поставив Мойсей закон їм, люду своему, що прийняв од бога на горі Синайській, і постановив, щоб усі були рівні, щоб не було царя між їх, а знали б усі одного царя і бога небесного, а порядо[к] давали б судді, которих народ вибирав голосами.

[10.] Але євреї [27] вибрали собі царя, не слухаючи старого святого Самуїла, і бог тоді ж показав їм, що вони недобре зробили, бо хоч Давид був лучий із усіх царей на світі, а і його бог попустив у гріх, що одняв у сосіда чужу жінку: се же йому за те було, щоб показати людям, що хоч як[ий] добрий чоловік буде, а як стане самодержавно пановати, то зробиться з сего ледащо. І Соломона, мудрішого з усіх людей, попустив господь у велике безуміє, а сему за тим сталось так, щоб показати, що хоч який буде розумний, а як стане самодержавно пановати, то одуріє.

[11.] Бо хто скаже: Я лучий од усіх, і усі мусять м[е]ні покорятись і щитать мене за пана, і що я задумаю, слуги мусять те робити, той [зо]грішає тим первородним гріхом, который погубив Адама, коли він, слухаючи диавола, захотів буть рівним богу і здурів, той навіть самому диаволу подобиться, который хотів стати богом і упав в пекло.

Рукопис М. І. Костомарова «Книги буття українського народу».

[12.] Єдин бо єсть бог і єдин цар — господь неба і землі.

[13.] Тим і євреї, як поробили собі царей і забули істинного царя небесного, то зараз одпали от іс[тин]ного бога і поприймали до себе Ваала і Дагона.

[14.] І покарав їх господь [28]: пропало і царство їх, і всіх забра[ли] у плененіє халдеї.

[15.] А греки сказали: Не хочем [29] царя, хочемо бути вольні і свободні.

[16.] І стали греки просвіщенні над усі народи в світі, і пошли од них усякі науки, і скуства, і умисли, що тепер маємо. А се сталося за тим, що не мали вони царей.

[17.] Але греки не дознались правої свободи і щастя, бо хоч одріклися од царей, та не знали царя небесного і вимишляли собі богів.

І так царей земних у їх не було, а боги земні лукаві були, тим вони вполовину стали такими, якими б були, коли б бога істинного і царя пізнали. Бо хоч вони багато говорили про свободу, а свободні у їх були одні граждани, а прочі стали рабами неключими[ми] і так сталось панство і намісто царя були у їх пани, що все рівно, що якби багато царей у їх.

[18.] І покарав їх господь: бились вони між собою і попали в неволю іспершу македонянам, а. удруге римлянам.

[19.] І так покарав господь бог род чоловіческий, що найбільша часть його, весьма просвіщенна, попалась в неволю спершу до римських панів, а потім до римського імператора, сиріч царя.

[20.] І став римський імператор царем над народами і прозвав себе богом.

[21.] Тоді возрадувався диавол і все пекло з ним вкупі і сказали злі духи: От тепер уже наше царство, бо чоловік далек[о] отступ[ив] от бога, коли [30] *один* назвав себе і царем і богом вкупі.

[22.] Але в той час змилувався господь, отець небесний, над родом чоловіческим і послав на землю сина свойого, щоб показать людям бога, царя і пана.

[23.] І прийшов він на землю, щоб одкрити людям істину, щоб істина свободила род чоловіческий з неволі.

[24.] І учив Христос, що всі люде єсть братія між собою і ближні всі повинні любить один другого, і того буде [31] більше заслуга перед богом, хто душу свою положить за другі своя.

А хто перший між людьми х[о]че бути, той повинен буть всім слугою.

[25.] І сам показав приклад з себе: був він справедливі[ший] і розумніш[ий] і перш[ий] над усіма людьми, і явився не в постаті царя або пана, а народився в яслах, жив у бідності, набрав собі учеників не з панськ[ого] роду, не з учених, не з філософів, а з бідних рибалок.

[26.] І став народ прозрівать істину: і злякались тоді лукаві філозофи, і архієреї, і люде імператора римського, що істина воцаряється на землі, а за істиною буде свобода, і тоді вже не легко буде обдурювать і катовать людей.

[27.] І засудили на смерть Ісуса Христа, і претерпів господь Ісус Христос оплеванія, заушенія, біенія, хрест і погребеніє за свободу роду чоловіческого тим, що не хотіли прийняти його царем і паном [32], бо мали другого царя і пана, лукавого царя, що сам себе назвав богом і пив кров людськую.

[28.] А Христос свою кров пролив за свободу роду чоловіческого і оставив навіки кров свою для питанія вірних в таїнстві євхаристія.

[29.] І воскрес Христос в третій день і вознісся на небо і став царем неба і землі.

[30.] І ученики його, бідняки-риболови, розійшлись по світу і хрестили народи і на[в]чали правді і свободі.

[31.] І [33] ті, що приймали св[яту] віру, ставали братами між собою, хоч були вони прежде [34] панами чи невольниками, вченими чи не вченими — усі

становились свободними і рівними од крові христової і просвіщенними од свято[ї] правди «Євангелія».

[32.] І жили християни братством, усе було усім общественне, а жили вони заможно, і були у їх вибрані старшини, а ті старшини були всім слугами, бо [35] по слову спаситеня: хто хоче першим бути, повинен бути всім слугою.

[33.] Тоді імператори римські і пани, чиновники, філозофи піднялись на християн і хотіли викоренити христову віру: і гибли християне,— їх топ[и]ли, вішали і [на] чвер[ті] рубали, пекли, залізними гребінка[ми] стригали і так тьмочисленні муки їм чинили.

[34.] Але христова віра не уменшилась, а [36] чим більше кесарі та пани ним узлились, тим більше було віруючих в ім'я господа Ісуса і хранящих закон його.

[35.] Тоді імператори з панами змовились і сказали поміж собою: уже нам не викоренити християнства, підем на хитрощі, поймем його самі [37], перевернемо ученіє христово так, щоб нам добре було, та й обдурімо народ.

[36.] І [38] почали приймати християнство і кажуть: От бачите ми християни, можна буть і царем і християнином вкупі.

[37.] І пани приймали християнство і кажуть: От бачите і ми християни, можна буть і паном, і христ[иянином] вкупі.

[38.] А те не вважали, що мало сього, що сказати: Я християнин.

[39.] І піддурили архієреїв, і попів, і філософів, а ті і кажуть: істи[нно] так воно єсть, але ж і Христос сказав: воздадіте кесарево кесареві, а боже богові. Ажеж сказано: вся власть од бога. Тим і власть імператора, і власть панів од бога, так господь установив, щоб одні були панами і богатими, а другі нищими і бідними.

[40.] А казали вони неправду: хоч Христос і всюде воздаєть кесареві кесареве, а се тим, що Христос не хотів, щоб були бунти, а хотів, щоб мирно і любязно віра розійшлась і люди освободились, бо коли християнин буде воздавать кесареві кесареве, то кесар, прийнявш[и] віру, повинен одріктись свого кесарства, бо він, будучи первим, повинен бути всім слугою і тоді б не було кесарів, а був би єдин господь Ісус Христос, цар неба і землі.

[41.] І хоча апостол [39] і сказав, що власть од бога, то се не значить, щоб кожний, хто власть отут має, був од бога [40].

Уряд і порядок і правленіє повинні бути — так бог постановив, але урядники і правителі повинні підлегать закону святому і сонмищу, і буть всім слугами.

Оттого урядику і правителю не [41] достоїть робить те, що він здумав, а те, що постановлено: і урядику, і правителю не достоїть величаться та помпою [42] очі [43] одводити, а достоїть йому жити просто і працювати для общества, і пам'ятовати, що власть його од бога, а він сам — грішний чоловік та ще й сам[ий] послідн[ій], бо усім слуга.

[42.] А сему ще гірша неправда бутсім установлено од бога, щоб одні пан[у]вали, а другі були в неволі, одні були багаті, а другі нищі, бо не було б сього, скоро б поприймали люди св. «Євангелія»: пани повинні свободить невольників і зробиться їм братами, а багаті повинні [44] наділить нищих, і нищі стали б також заможні, як багаті; так було б, якби панувала любов християнська в серцях, бо хто кого любить, той х[о]че, щоб другому [45] було також хороше, як йому.

[43.] І ті, що казали і кажуть тепер, оддадуть отвіт в день судний: вони скажуть судії: Господи. Не в твоє лі ім'я пророчествовах? А суддя їм скаже: Не вєм вас.

Бо не так зищеться з того, хто хулу положить на сина, не знаючи його [46], як, наприклад, туркові [47] язичникові [48]; а не проститься хула на духа святого, не проститься христия[ни]нові, котрий святий закон переверчує для своєй [49] користі.

[44.] Таким викладом зіпсували царі і пани, і вчені чис[ту]ю свободу християнську.

[45.] Благодать Христова дана всім язикам і спершу же коліну Яфетову, бо Симово в лиці жидів отвергло спасителя.

[46.] І перешла благодать [50] до племен грецького і романського, і німецького, і слав'янського, а там і до всіх язиків.

[47.] І греки, прийнявши благодать, закляли [51] її, бо вони при[й]няли християнство, не зовлеклись ветхого чоловіка со страстям[и] и похотями, оставили імператоров і панство, і пиху царськую й панськую, і неволю, і покарав їх господь: чахло грецьке церство тисячі літ, поки зчахло зовсім і попало під турка.

[48.] І [52] романське племено прийняло благодать — єсть то влохи, французи, гишпанці і стали вони увіходить в нову силу, і жизнь, і просвіщенність, і благословив його господь [53] і [54] лучче вони прийняли б віру, ніж греки, одначе не зовсім зовлеклись ветхого чоловіка, оставили королей і панів і зробили собі главу християнства — папу, і той папа все думав, що він має власть над всім миром, християнством, і ніхто не повинен судить його, а що він здумає, те буде гарно.

[49.] Прийняло [55] благодать племено німецьке — єсть то німці, англічани, шведи і датча[ни], і голандці, і прочі, і стали увіходить у нову силу і жиз[н]ь, і просвіщенность, і благословив їх господь, бо вони ще лучче прийняли віру, ніж греки і романці, і з'явився між ними чоловік — Лютер, котрий почав казать, що не повинен бути глава християнства, бо ж неподсудний єсть, бо глава один І[ісус] Хр[истос] і що повинні жить християнє[не], як преж жили, до того часу, попри[й]мал[и] і попереверчували ученіє царі і пани.

Але і німці не зовсім зовлеклись ветх[ого] чол[овіка] со страстя[ми] і пох[отями] [56], бо оставили королів і панів, і ще гірше дозволили королям і панам [57] пановать над церквою христовою, ніж папи і єпіскопи.

[50.] І ви[й]шл[а] послідняя лесть горше первой, бо королі не тільки у німецьк[ім] і у других краях; королі і пани взяли верх і поробили ідолів народам і казали за їх биться.

[51.] Бо все то рівно, які ідоли, як, наприклад, король францyз[ький] [58] посилає на заріз свій народ за честь національну, або англійський король [59] за морську торговлю, а [60] другі за равновесіє політічеськє, а где то за шматок землі, або, ще гірше, за табак та за чай, або за перець. Усе то були спра[в]жні ідоли. Речено бо : Где сокровище ваше, там і сердце ваше». Сердце християнина[нина] повинно бути завше за бога і для ближніх, а люди заводились між собою за чай, за тютюн, та значиться з ним був і бог їх по ска[заному] апост[олом], що для іних бог чрево.

[52—53.] І здуріли народи, і забули господа Христа; а філософи почали кричати, що то кепство вірувати в сина божого, що немає ні раю, ні пекла і так усі [61] поклонялись самому [62] ідолові, котор[ий] по-франц[узьки] зоветься егоїзм або інтерес.

[54.] Но завершалась міра злодійств царських: праведний господь послав свій меч обоюдоострий на мир [63] прелюбовний, збунтувались французи і сказали: «Не хочемо щоб король і панство у нас були, хочем усі рівні буть».

[55.] [64] Але те тільки так сказали, бо там тільки свобода і вольность, де дух христов. Дух віри уже перед тим вигнали із Франції королі та маркизи, та філософи.

[56.] І вийшло у французів те, що вони забили свого короля і панів прогнали, і самі почали різаться і дорізались до того, що підпали у гіршу неволю.

[57.] Бо через їх господь хотів показать усім язикам, що нема свободи без віри христової.

[58.] І с тої пори і досі племена романське і німец[ьке] турбуються. І королів і панство вернули, і про свободу кричать, а нема у їх свободи, бо нема своб[оди] без віри христової.

[59.] А племено слов'янське — то найменш[ий] брат у сем'ї Яфетовій.

[60.] Трапляється, що менший брат любить дужче отця, однак получає долю меншую проти старших, а потім збереже своє лише, а старші брати розтратять, тоді менші старших виручають.

[61.] Плем'я слов'янське ще до віри святої не мало ні царей, ані панів, і усі біли рівні, і не мало воно ідолів[65], і кланялись одному богу вседержителю, ще його й не знаючи.

[62.] Як просвітились старші брати: греки і романці, і німці, вибрав господь двох братів із вчених, Кирила і Мефодія, і духом св[ятим] покрив їх, і переложили вони на слов'янську мову св[яте] письмо і отправили св[яту] службу на[66] тій мові, на котр[ій] усі говоримо, чого не було у німців і у романц[ів], бо у тих по-латинські служби отправлялись, так що романці мало, а німці совсі[м] не второпали, що їм читано було.

[63.] І скоро приймали слов'яне христову віру, як ні один народ.

[64.] Але було два лиха у слов'ян: одно — незгода, а друге те, що вони, як меньші брати, переймали од старших, того не бачучи, що у їх своє було лучче, ніж братівське.

[65.] І поприйняли слов'яне од німців королей і князей і панство, бо преж королі у їх були вибрані і не чванились перед народом, а обходились с самим простим чоловік[ом] зарівно і самі землю пахали, а то вже у їх став і двор, і гвардія, і всяка помпа.

[66.] І панів преж не було у слов'ян, а були старшини, хто старший літами, тих розуміли, того й слухають, а то вже стали пани, а у їх невольники.

[67.] І покарав їх господь гірше, ніж другі племена, бо сам господь сказав: «Кому дано більше, з того іззищеться більш».

І попадали слов'яне у неволю до чужих: чехи і полабці — до німців, серби і болгари — до турок, руси — до татар і до Литви.

[68.] І, здавалось[67], згине племено слов'янське, бо ті, що жили колись по Лабі і по Помор'[ю] балтицькому, пропали так, що тепер сліду їх не зосталось.

[69.] Але не до конця прогнівив господь на племе[но] слов'янське, бо він постановив так, щоб над їм збулось писаніє: «Камень его же не брегоше зиждущий то й бисть во главу угла».

[70.] По многих летах стало в Слов'янщині три неподлеглих царства: Польща, Литва і Московщина.

[71.] Польша була в поляков і кричали поляки: «У нас буде рівність і свобода». Але поробили панство[68] і одурів народ польськ[ий], і народ простий попав у неволю гіршу, як се було на світі, бо пан без жодного закону[69].

[72.] Московщ[ина] була з москалей: там, на севері, буде велика Річ Посполита Новгорода і управлялась свободно, але также не без панства і пропала і запановав над Московщиною цар, а той цар, узяв верх[70], кланяючись і ноги цілуючи хану татарському бусурману і с бусурманами закріпив народ москалей.

[73.] І одурів народ московський, і попав у ідолопоклонство, бо цар[я] свого назвав земним бог[ом] і усе, що цар робив, теє уважав за добре, так уж[е] цар Іван у Новгороді душив та топив по десятку тисяч народу за оди[н] день, а літописці, розказуючи теє, звали його христолюбивим.

[74.] А в Литві були литв'яки, та ще була й Україна.

[75—76.] І Україна[71], поєднавшись с Польшею як сестра з сестрою, як одно плем'я слов'[янське] також с другим люд[ом] слов'[янського] брат[ства]; вони не сотворили, ні царя, ні пана, а сотворили братство — козацт-

во, куди кожний пристав[ав], був би він пан чи невольник, аби христ[иянин]. Там усі були рівні і старшини вибирались і повинен був слугувати всім і за всіх працювати. І жодної помпи, ні титула не було між козаками.

[78.] І постановило козацтво оборонять віру святую і визволяти ближн[іх] своїх із неволі.

І так гетьман Свирговс[ький] ходив оборо[няти] Волошину і не взяв червінці, котрі йому давали, а взяв тільки кухву вина, що послали брати по-братерськи.

І так Сагайда[чний] ходив Кафу руйн[увати] і визволив із темниць тільки десять тисяч невольник[ів] з віри пропасниці.

[79.] І багато лицарів теє робили, що не писано в книгах мира сього, записано на небі, бо за їх були молитви визволених.

[80.] І день со дня більше росло і умножалось козачество, і незабаром були б усі на Вкраїні козак[ами], себто вільні і рівні, не мали над собою цар[я] і пана, тільки бога єдиного [72].

[81.] І не хотіла Україна іти услід язиків, а держалась закону божого, і всякий чужестран[ець], заїхавши туда, дивувався [73], що ні в одній стороні на світі не було такого брат[ст]в[а], такої віри, нігде муж не любив так щиро своєї жони, а діти родителей.

[82.] І коли пани та ієзуїти хотіли насильно повернуть Україну під свою власть, щоб україн[ці]-християн[ни] повірили, буцім і справді усе так і єсть, що папа сказав, тоді иа Вкраїні з'явились братств[а] такі, як були у перш[их] християн, і пан записув[авcя] у брат[ство], і мужик і називались братами. Таке братст[во] було і в Луцьку, і в Києві, і потім Львові [?].

[83.] Але [74] панство побачило, що погано йому буде, взяло зараз мучить [75] людей, брат[ів] своїх, нарікл[о] невольниками, не допускало в козацтво, драли пани шкури в людей, варили в котлах дітей і ругались над вірою і продавали жидам на заріз, як скотину, і примучили козаків, поробили коз[аків] кріпаками, так що думали, що воно вже пропало, козацтво.

[86.] Але [76] не скоро так думалось, козацтво піднялось, а за ним весь народ — вибили і прогнали панів, і стала Україна, земля козацька, єсть то вольне, бо всі були вільні й рівні.

[87.] І хотіла Україна тоді знову жити по-братерсь[ки] з Польщею, але Польща жадним побитом не хотіла покинуть своє панство.

[88.] Тоді Україна пристала до Московщини, як країна слов'янська до слов'янської, як єдин люд слов'я[нский] до друг[ого] слов'янського [77], так щоб жити укупі, зарівно, як колись буде віки між слов'янсь[кими] людьми.

[89.] Але [78] скор[о] побачил[а] Україн[а], що попалась в неволю [79], вона по своїй простоті ще не знала, що то єсть цар, а цар московський значе усерівно, що ідол і мучитель.

[90.] І одбилась Укра[їна] од Москов[щини] [80] і не знала бідна, куди їй схилить голову.

[91.] Бо вона любила і Польщ[у], і Москов[щину], як братів своїх і не хотіла з ними розбрататься, хотіла вона, щоб всі три жили вкупі в союзі, теж щоб були три Річі Посполиті, а [81] з всі[х] трьо[х] вкупі були б одною.

[92.] Але сього не втропали ні ляхи, ні москалі.

І бачать ляхи і москалі, що нічого не зроблять з Україною, і сказали між собою: не буде вона ні тобі, ні мені, роздерли її пополам, по ліву сторону Дніпра москал[еві], по праву — ляхові.

[93.] І билась Україна літ пятдесят, а єсть се святішая і славнішая борба за свободу, яка коли-небудь була на світі, а розділ України єсть саме негодне діло, яке колись було на світі.

[94.] І вибилась із сил Україна, і вигнали ляхи козацтво з правої сторони Дніпра, і положили Укра[їну] [в] тугу, і запанували над бідним остатком вольного народу.

[95.] А на ліві[й] стороні ще держалось козацтво, але в неключ[имой] держ[аві] [?] Московськ[ій], а потім петерб[урзького] імператора, бо цар Петро положив сотні тисяч коза[ків] в канавах і на костях їх збудув[ав] собі столицю.

[96.] А цариця Катерина — німка, курва всесвітна, безбожниця явна — доконала козацтво; бо, одобравши тих, котрі були в Укра[їні] старш[ими], понадавала їм вольних брат[ів] і поставали одні панами, а другі невольниками.

[97.] І так пропала Україна, але так здається.

[98.] Вона не пропала, бо вона не знала ні царя, ні пана, а хоч був цар, єсть так чужи[й], і хоч були і єсть пани, так чужі, хоча ті пани і з [82] укра[їнського] роду, однак не говорили по-українськи, суть виродки, а справж[ній] українець, не любить ні цар[я], ні пана і зна[є] одного бога. Так і перше було, так і тепер.

[99.] І Слов'янщина хоч і терпіла і терп[ить] невол[ю] от царя і панства, однак і цар, і пани у них не слов['янські], а німецьк[і], або татарські, бо од чужих забігли, щоб розво[дити] панство, а [83] правд[иві] слов'яни не жаліють ні царя, н[і] пана, приз[нають] одно[го] бога.

Тим не пропали слов'яни, не пропала і Укра[їна].

[100.] Лежить у могилі Україна, та не мертва, бо уже прихо[дить] голос і пробудить.

[101.] І перший раз вона пробуд[илась], і крикнула, і одізвався крик її в Польщі, і зібрались поляки на сейм 3 мая, і поста[новили], щоб усі в Речі Посполит[ій] були рівні і вільні і незале[жні] б ні [од] царя, ні пана, а знали б одн[ого] бога.

[102.] Але сусіди не допустили до того Польшу і розірвали її, як Україну.

[103.] Так її було і треба, бо раз за те, що вона зробила Україні, те їй зробилось, а друге за те, що ляхи не знали [84], що їм таку думку дала Україна, що в гробі лежала.

[105.] А в друг[ий] раз вона прокинулась і крикнула, а одізва[лось] [в] глибин[і], в Петербурзі 14 дек[абря] 1825 года, і умислили сам[і] пан[и] одріктись свого панства і царя, і позн[ать] одн[ого] бог[а].

[106.] Але деспот не допустив до того [85] свободно, їх пов'язали [86], одн[их] потягнули на шибеницю, других закатували в копальня[х], третіх замучил[и] в Сибір[у], а отдель[них] же заріз[али] черкеси.

Так і треба було, бо й ті не лучче знали, що думка принес[ена] до їх з України.

[108.] І в трет[ій] раз во[на] скоро прокинеться і крикне на всю широку Слов'янщ[ину], і почують крик її.

[109.] І встане Україна, і буде непідлеглою Річ[чю] Посполитою в союзі слов'янськім.

І тоді звершиться та й писаніє: «Камень его же не брего[ша] зиждущ[ії], то і бисть во главу угла».

Ч. III, арк. 18—23. Автограф.

№ 333

(1846 р.).— ПЕРЕКЛАД М. І. КОСТОМАРОВА ПЕРШОЇ ЛЕГЕНДИ ПРО КИРИЛА І МЕФОДІЯ З ТЕКСТІВ ЛАТИНСЬКОЮ МОВОЮ [87]

Ч. III, арк. 24—28. Переклад. Не публікується.

№ 334

(1846 р.).— ПЕРЕКЛАД М. І. КОСТОМАРОВА З ЛАТИНСЬКОЇ МОВИ «ЛЕГЕНДЫ ВТОРОЙ О КИРИЛЛЕ И МЕФОДИИ»

Во времена императора Михаила был муж благородного происхождения из г. Тессалоники по имени Константин, за удивительный ум прозванный философом (в пятидесятый день перед своею кончиною с соизволения верховного первосвященника он возложил на себя имя Кирилла, уверяя, что так ему повелело божественное откровение); когда он возрос, то, будучи набожным и знающим, получил сан священника там же. В то время пришли к вышесказанному императору хозарские послы, прося, чтобы удостоили послать в их страну какого-нибудь ученого мужа, который бы [88] как должно поставил их народ в католической вере. Они прибавляли, между прочим, что их покушаются обратить евреи к своей, а сарацины к своей вере. Тогда император [89] после совета с патриархом послал к ним вышеупомянутого философа, вполне полагаясь на его знание, прекрасный дар слова и чистоту нравов.

Знаменитый муж отправился в Херсонес, лежащий на границе хозарской земли, и пробыл там несколько времени для изучения языка того народа. Между тем, по божию вдохновению, он расспрашивал туземных жителей о мощах св. Климента. Но так как жители были [90] нахожие [91], а не старожилы, то не могли ничего знать об этом. Уже прекратился давно чудный морской отлив за грехи жителей и храм был разрушен во время варварских набегов. Тогда святой муж прибегнул к божию посту и молитвам, умоляя [92] господа удостоить явить ему божественным откровением то, чего не мог узнать от людей.

Тогда по божьей воле просохло место в море, и он вошел в желанную церковь и обрел мощи св. Климента — папы и мученика — с якорем и благовестно подняв оные, унес с собою.

После того он отправился в землю хозарскую, сеял там семена пророческие и евангельские, светился добродетелями и доблестями, словом сладостной проповеди наполняя сердца алчущие, и привел всю землю от мрака идолопоклонства на путь истины. И они, приняв католическую веру, в радости возсылали благодание всемогущему богу и ученику его Константину за избавление от лжи дракона огнерычащего и предлагали философу значительные дары, которые он, как истинный философ, презрел и просил их вместо даров отпустить на волю христианских пленников, что и получил. И тем окончив свое дело, философ возвратился в Константинополь.

Князь моравский [93], слыша, что сделано философом в земле хозарской, с согласия своего народа послал к вышеупомянутому императору просить отправить к нему такого ученого, который бы мог его народу передать в совершенстве справедливую веру, законный порядок и путь истины. Соизволяя на просьбы, император послал к нему вышеупомянутого философа с братом его Мефодием, повелев дать им обильные запасы. И так он прежде всего пришел к болгарам и при содействии божественной благодати обратил их к вере своею проповедью. Оттуда вышедши, он пришел в землю моравскую, неся с собою мощи св. Климента, и начал творить, на что пришел с большим рвением, т. е. посе[к]ать серпом красноречия своего различные заблуждения в народе и на нем, очищенном от заразительных пороков, сеять семена божественного слова. Ежедневно с братом своим Мефодием просвещал он деревни и села, град[ы] и города, вселял в умы верных слово жизни, уча народ крещением принимать отпущение грехов, объяснял, что другого нет спасения. Сие проповедывал муж божий спасительным красноречием, и в сердце царя и нар[ода] влилась вдохновенная божественная

благодать, и царь со всем народом многочисленным, утвердившись в учении, не сомневался в вере и с великою радостью духа и великою надеждою настоящего и вечного спасения непрестанно молил [94] посвятить его в тайну католическ[ой] веры [95]. Мужи святые, слыша это, прослезились от радости, прилежно молили господа о их обращении и желании, наконец, принести в дар мирского смертного царя царю вечному. Когда же мужи божии самого царя со всем народом воззвали своим бого[л]юбезным старанием к свету веры, то в заключен[ие] изложили Новый и Ветхий завет и установили петь публично на славянском языке часы и обедню в божией церкви.

Они пребывали в Моравии четыре года с половиною и землю народа моравского привели на путь спасительный.

Узнав это, папа Николай [96] возрадовался о слышанном, т. е. об обращении народов болгарского и моравского, также и об обретении мощей св. Климента, но только папа удивился, как осмелились священники господни петь кононическую службу по-славянски. Поэтому апостольским приказанием повелено было явиться в Рим. Пока они дошли до Рима, папа умер, а новый папа Адриан [97], слыша, что Кирилл несет с собою тело св. Климента, весьма обрадовался и вышел к нему навстречу с духовенством и народом [98] и принял его со святыми мощами.

Тогда начались перед св. мощами благости всемогущего бога твориться, бесчисленные исцеления, так что, каким бы кто недугом и был одержим, получал выздоровление пред честными мощами св. мученика, тело святого погребли в церкви, построенной для погребения мощей св. Климента.

Апостольский наместник и прочие правители церкви укоряли блаженного Кирилла, для чего он осмелился петь по-славянски службу и переменять уставы святых отцов. Он же отвечал смиренно: обратите внимание, братия и господа, на слова апостола, глаголящего: не запрещаете говорить разными языками. А потому, следуя апостольскому учению, я установил то, за что меня укоряете. Они же сказали: нет, апостол одобрил говорить разными языками, однако это еще не значит петь божественную службу на том языке, на котором вы установили. Когда между ними по этому поводу возник сильный спор, то блаж[енный] Кирилл привел слова Давида: всякое деяние [99] да хвалит господа, а ежели всякое деяние прославляя величает господа, для чего же запрещаете мне справлять на языке славянском часы и обедню. Впрочем, если бы мог я этому народу [100] внушить веру на греческом или на латинском языке, как у других народов, то я бы сам не одобрил то, что вы хулите; но так как я нашел этих людей глупцами и невеждами, совершенными в путях божиих, то животворная благость духа святого указала мне единственное средство, через него я мог привлечь бесчисленный народ к богу. Отцы и господа, размыслите, должно ли изменять правило моего учреждения. Они, слыша это и удивляясь разуму и вере мужа, после прилежного размышления попросили совершить часы и божественную литургию так, как постановил блаженный Кирилл во всех тех странах, которые он приобрел богу.

Когда слава мужа божия распространилась в народе, он убегал известности и всеобщего к себе почитания, рассудил, что лучше бог один будет его знать, чем [101] принимать похвалы человеческие. Поэтому он отказался от предлагаемого епископства и надел монашеское платье, а продолжение дела своего оставил св. Мефодию, брату своему и яв[ив]шему достойными добродетелями и в союзе вечной любви, как блаженный учитель своему ученику, завещал ему, ибо в нем воистину пребывали и дары любви, и правило [102] превосходной жизни, и прилежание к божиему слову.

Ставши первосвященником Моравии и светом отечества, он увещевал благочестиво поверенное ему стадо; учил и исправлял, уничтожал вредное, сеял полезное, возвышал наверх чести церковь божию, творя чудеса, каж-

дого убеждая отстать от скверной религии и принять христово крещение. Так управлял муж божий прилежно церковью, ему порученною.

И так по его спасительному учению звучало во всех странах святое имя Христа; так все покоились в красоте мира, все радовались в познании истины и ликовали в святости веры.

Но соблазнитель душ диавол, видя народ, издавна ему подвластный, освобожденным и преданным царю Христу [103] и принявши оружие неправоты, возбудил к такому вероломству злобы неверного князя Святополка [104], что он с своими соучастниками замыслил тайным делом умертвить [105] набожного дядю своего, да вместо его царствовать. Но благочестивый государь, [приняв] по незнанию смертного пития, покровительствующий благодатью божией, никакого вреда не почувствовал в своем теле.

После скоро набожный государь скончался натуральною смертью и Святополк стал править Моравиею: надменный и свирепый, он при содействии своих близких, служителей сатаны, привязанны[х] к нему подобно яростным собакам [106], называл суетным учение божия мужа и старался истребить тех, которых оный муж призвел заблудших на путь истины, спасения и благодати. Проповедник постоянный во Христе убеждал народ оставаться верным богу, стать на пути истины, и народ легким сердцем воспринимал его спасительные увещания. А враги жизни ругались закону божию и священству господню творили большие оскорбления.

Тогда ангельский отец, размышляя, как свет освещает благочестием и верою, а тьма поглощает нечестных и строптивых и как ищущие добра идут к славе, а грешники влекутся на казнь, унижая их надменность и устрашая врага кафолической веры, презирая всеми их мнениями, сказал сам в себе слова Давида: «К тому не иду с светом нечистивым и с преступным не пребываю, но соединюсь с неповинными и стану при алтаре божим и его». И бросил как молнию приговор отлучения Святополка и всех его слуг. Так подумавши, он хотел итти в дом, желая привести в собор блаженного Кирилла, но узнавши, что он уже преставился, просил папу дозволить принести с собою [107] в Моравию бездыханность его брата ради народа, насильно обращенного. Но когда апостольский наместник не соизволил на такую просьбу, то блаженный Мефодий тайно прибыл в Рим, вошел ночью в церковь св. Климента, где и погребено тело брата, взял его смертного и понес с собою в Лирию. Но через несколько дней он по дороге в каком-то приятном месте прилег спочить, и когда хотел идти далее, то никаким образом не мог двинуться с места. И начал блаж[енный] Мефодий просить, чтобы божественное откровение указало ему место, где должно быть погребено тело. Тогда святой Кирилл поднял правую руку, показал брату своему Мефодию, при многих возвестил на ту сторону, где Рим. Мефодий понес его обратно, папа с народом римским вышел навстречу святому телу и принял с почестию, положил в церковь св. Климента, где оно покоилось прежде.

После того Святополк, раскаявшись в оскорблениях, какие наносил безвинно святому мужу, понес ко святому мужу [108] и просил, чтобы он возвратился в церковь свою, обещая направить все свои прегрешения.

Божий муж желал [109] увидеть стадо свое, с которым разлучился телом, но не мыслию. Знатные с гражданами отечества выбежали к нему навстречу и в восторге и радости воздавали благодарение богу, говоря: «Посетил господь землю твою и возвеселил ее, возвращая нам пастыря душ наших».

Случилось, что король Святополк в беседе посадил богемского князя Боривоя под стол ради пренебрежения к неверию его, почитая недостойным для христианина есть с язычником.

Тогда святой Мефодий обратил Боривоя к католической вере, предвещая ему пророчески, что ежели он крестится, то будет и сам и его потомки могущественными между государями и князьями. Вдруг Боривой крес-

тился с тридцатью своими ближними и, взявши священников, возвратился в Богемию, где крестил супругу свою св. Людмилу со множеством народа богемского, которые уже в вере христовой по местам отдали Христу души, оставя по себе святые примеры для потомков и настоящего дня, на славу и хвалу бога всемогущего ему же честь и слава во веки веков. Аминь.

Ч. III, арк. 29—33. Автограф.

№ 335

(1846 р.) — ПЕРЕКЛАД М. І. КОСТОМАРОВА ІЗ СТАРОГО ТРЕБНИКА ОЛОМУЦЬКОГО

Шесть чтений церковных [о] *св. Кирилле и Мефодии. Из старого требника Оломуцкого.*

1. Блаженный Кирилл, родом грек, наученный как греческой, так и латинской письменности, по обращеиии болгаров пришел во имя святой, нераздельной и единой тройцы проповедовать моравскому народу веру господа нашего Иисуса Христа.

Там при божьей помощи приобретя Христу народ, ввел в употребление новые буквы и Ветхий и Новый заветы, по-славянски и другие книги переложил с греческого языка и латинс[кого] языка на славянский, к тому установил на этом языке путь обедню и церковные часы. Это и до сих пор употребляется в славянских землях, а особенио в Болгарии и миогие души Христу господу приобретаются.

2. Но когда [110] упомянутый Кирилл случался в Риме для поклонения, то получил укор от первосвященника и прочих блюстителей церкви за то, что осмелился против правил петь обедню на славянском языке. Он смиренно оправдывался, но [...] [111] и прочитал стих псалмопевца: всякое дыхание да хвалит господа.

3. И присовокупляя к тексту, он говорил: ежели всякое дыхание хвалит господа, для чего же, отцы избранные, запрещаете на славянском языке совершать богослужение или переводить на него с латинского и греческого? Ежели бы мог славянам [112] как прочим проповедовать на греческом и латинском, то и [113] не стал бы [на] их языке. Наставляя глупцов и невежд на путь господний, я выбрал это средство единственно по божиему вдохновению; через то я там многих приобрел богу. Или не ведаете, отцы и господа, что Павел апостол, учитель народов, в послании своем говорит: не воспрещайте говорить языками. Они, слыша это, удивлялись толикой святости и вере мужа и по власти одобрили и утвердили отправлять [114] обедню и прочие божественные службы на вышеозначенном языке.

Ч. III, арк. 33. Переклад з латинської мови.

№ 336

(1846 р.)— УРИВОК З ПОВІСТІ М. І. КОСТОМАРОВА «ПАНИЧ НАТАЛИЧ»

Когда все славянские народы воспрянут от дремоты своей, прекратят погубные разделения, угаснет всякая семейная ненависть, сильные обнимут слабых, знатные извергнут в огонь свои судные знаки и с благородством человека станут руки с рукою теми, которых едва считали за людей, закон [...] [115] на верховном учении спасителя, свет науки и искусства проникнет своими целительными лучами хижиину земледельца. Свободные, благородные, согретые любовью к Христу, единому царю и учителю, соберутся

славяне с берегов Волги, Дуная, Вислы, Ильменя, с поморья Адриатического и Камчатского в Киев, град великий, столицу славянского племени, воспеть гимн богу на всех языках своих и представители всех племен, воскресших из настоящего унижения, освобождены от чуждых цепей, возсядут на горах сих, загремит вечевой колокол у св. Софии, возрадуются благочестивые, устранятся коварные, суд правды и равенства воцарится, и тогда исполнится предречение Андрея и будет благодать на горах сих и будет благодать над всею славянщиною.

Вот, незнакомец, судьба вашего племени, его будущая история, связанная тесно с Киевом, и оттого-то твою душу наполн[я]ет чувство таинственное, святое и вместе сладостное, как надежда, и вместе томительное, как долгое ожидание. Верь мне, это будет, будет, будет. Ты, странник, в Киеве и предчувствуешь будущее возрождение внуков своих, кров свой, всякий славянин тоже прибудет в Киев, тоже [по]чувствует, ибо здесь поднимается завеса тайная, явится безвестное.

«Дивное пророчество», — сказал Наталич.

«Сохрани его в серце своем», — сказ[ал] незнакомец.

«Позвольте узнать, кто вы?»

«Зачем вам это знать,— сказал незнакомец,— вы уже узнали от меня тайну. Прощайте».

Он быстро вскочил, побежал вниз по извилистой тропинке и исчез из вида Наталича.

Наталич стоял долгое время в раздумьи и вдруг у него прошло неизгладимое таинственное чувство. Он улыбнулся.

Через два дни после того Наталич уехал с своими добрыми советниками.

Все это, до сих пор описанное, я слышал от самого Наталича перед свадьбой его с дочерью чиновника, ездивши с ним в Киев. Болезнь его совершенно прошла и он рассказывал об этом, хохоча во все горло и объясняя, что все это была ме[ч]та, происшедшая от уединенной жизни.

Он уезжал из города, в котором я, живя две недели, познакомился с Наталичем. И потом не был на его свадьбе, но дальнейшая судьба его мне известна.

Недавно я был в Одессе. Я страдал грудью, и медики послали меня туда питаться свежим воздухом.

Проезжая обратно через таможню, я был остановлен человеком довольно строгим на взор. Боже праведный! Это был мой герой.

— Я имел честь быть с вами знакомым сп[е]рва в городе. Ежели не ошибаюсь, вы — Святослав Ростисл[авович] Наталич?

— Да, я таможенный чиновник, коллежс[кий] асессор Наталич,— сказал он сухо,— впрочем до знакомств ваших мне дела нет, выставляйте-ка свои вещи.

Я прикусил губу. Тот ли это Наталич, который прежде так доверчиво рассказывал свои приключения? Хотя у меня не оказалось не только контрабанды, но даже платья, ибо меня мошенники обокрали, но Наталич не пришел от этого [в] удивление, прик[азал] все сложить и не поклонившись мне, остановил какую-то молдаванку, шедшую с пустыми кувшинами из города.

В досаде на такой прием Наталича я напечатал его приключения. Отбрил-таки его голубчика, пусть весь свет знает, что была это за птица?

Ч. III, арк. 34—35. Автограф.

№ 337

(1846—1847 рр.).— РУКОПИС М. І. КОСТОМАРОВА ПРО ПАНСЛАВІЗМ

Из бумаг Костомарова о панславизме

Кому из читающих людей у нас теперь будет странным и чуждым слово «панславизм», хотя ие все, слыхавшие об нем, скажут и стараются придти в состояние сказать, что это такое, хотя не все толкующие об нем правильно понимают его умом и сочувствуют сердцем? Между тем это идея в числе других, порожденных нашим мысленным веком, едва ли не самая нравственная, справедливая, богатая жизнью и полная надежд. Это стремление целого племени славянского выйти из вековой запоздалости [116], стремление каждому из славянских народов даровать собственное развитие при помощи других родственных наций, всем вместе братскою семьею принять живое участие в движущейся сфере образованности человечества и дабы явиться перед судиею с незарытым в землю талантом. Ничего ие может быть справедливее такой идеи, ничего, потому что подобного явления история до сих пор нам не представляла [117]. Племена и народы возрастали политически и духовно вследствие внутренней силы и вследствие обстоятельств. Всмотревшись в историю, нельзя не согласиться, что и греки и римляне, племена романские и тевтонские переходили и переходят эпохи своей духовной гегемонии в человечестве по [118] очевидной необходимости, одаренные внутреннею силою духа и побуждаемые при том обстоятельствами, благоприятными их развитию, они играли блестящую роль в истории сначала безсознательно, а потому, когда уже оглядывались на себя, то сознали свое значение, вместе с этим сознанием получали понятие о своем превосходстве перед другими, затем родилась и гордость — и оттого всегда с их совершенством совпадала несправедливость к другим племенам, противная святой истине христианства, открытой как человеку точно, так и народам, государствам и племенам. Что же касается племен, которые не имели столько силы, чтоб сравняться с перве[нст]вующими, они или коснели в духовной недеятельности, или ... [119]

Ч. III, арк. 36. Автограф.
Ч. III, арк. 37—39. Копія.
Частково опубл.: Былое.— 1907, серпень.— С. 201.

№ 338

1846 р. вересня 11.— ЛИСТ П. О. КУЛІША З ПЕТЕРБУРГА ДО М. І. КОСТОМАРОВА ПРО ВИКЛАДАННЯ СТУДЕНТАМ ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ

1846, сент[ября] 11, С.-Петерб[ург]

Вы облегчили мою душу известием, что «Летопись Самовидца» послана Бодянскому [120]. Если вы послали не всю, то отправьте немедленно: нужна вся. Проезжая через Москву, я возьму ее и привезу вам в Киев. Впрочем думаю, что вы еще прежде получите печатный экземпляр. Я знаю, что вы плените сердца и души своих слушателей лекциями о малороссийской истории, но, ради бога, взвешивайте хорошо ваши заключения. Не все то можно безвредно для них сказать, что пишете вы ко мне. Меня не смущают такие выводы, как, напр., следующий: «Горькая, ничтожная судьба Украины происходит от ничтожества души народа». Меня не смутит эта бойкая, подобная пущенному сильною рукою кацапа булыжнику, фраза, потому что я в груди своей ношу эту народную душу и знаю, что она не ничтожна; но многих

может сбить ваша фраза с толку, а других заставить опустить руки; у нас же и без того делателей мало. Если вы говорите, что в моей новой книжке «историческая истина высказана с такой искренностью, с таким благородным чувством, как еще не было на Руси», отчего же вам не проповедывать бы в моем духе на кафедре? Зачем нападать на душу народа, за которую еще вам слабо говорит едиственная в новой Европе поэзия украинская и которая так сильно напряглась, когда ей ея Моисей говорил: «Тим і стала по всьому світу страшенная козацькая сила, що у вас була воля й дума едина?» В ни во что ей вменяете вы потопление «губителя мучителя фараона». Вы в нетерпеливой досаде на продолжительное ея странствование в пустыне поражаете ее последним проклятием, называя ничтожною. Погодите! Будет, может быть, время, когда от одного звука труб ея падут стены и твердыни, для разрушения которых вы считаете необходимым оружие; будет время и царей-поэтов, которые все покорят своему божественному могуществу; будет время и воздвижению храма, в котором поклонятся и чужие народы; будет время и пророкам-искупителям многих. Вы так поспешно поражаете ее своими и историческими правилами, как будто для чудес божьих есть правила! (А почему ж не совершиться божественным чудесам там, где есть души божественные!). Разделения вашего на избранных и неизбранных я не принимаю и боюсь, чтоб вы не дошли с такими взглядами на историю в глубокий мрак...

Благодать божия всем дарована, и в каждом народе муж светлого ума и чистой воли может сделать много для его чести и будущего могущества (нравственного или вещественного). До сих пор в Малороссии являлось их мало. Все наши лучшие умы обращали свою деятельность для пользы своего семейства, для ложно понимаемого спасения своей души, для науки, отвлеченной от тока настоящей жизни: теперь только, именно теперь, когда вы раскрыли рот, чтоб сказать с кафедры: «душа этого народа ничтожна», самые горячие чувства малороссийских деятелей сосредоточиваются на народе. Браните низость представителей его, но не называйте ничтожною его душу.

Это непростительное богохульство! Смотрите от Сагайдачного, прилагавшего попечения об утверждении просвещения в отечестве до Хмельницкого, каким являлся народ Украины? А когда потом, при губительном влиянии невежественного моск[овского] правительства, на гетьманстве удержались только холопы и подножки е[го] ц[арского] п[ресветлого] в[еличества].

На арк. 41 дописано П. О. Кулішем:

Прошу Вас взять все мои письма, положить перед собою в хронологическом порядке и отвечать на все пункты. Так делают не только основательные, но и просто веж[ливые].

Ч. III, арк. 41—42. Автограф.

№ 339

1846 р. червня 27.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО М. І. КОСТОМАРОВА ПРО ВИВЧЕННЯ І РОЗВИТОК УКРАЇНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

С.-Петербург, Новая деревня, 1846 г. июня 27

Молодые люди, вдаваясь в изучение Малороссии, нисколько не лишают себя этим возможности усвоить себе образованность европейскую. Зачем брать крайности? Можно любить свой буколический хутор и восхищаться блеском столицы еще больше, нежели человек, никогда в хуторе не живавший. Можно знать наизусть все наши песни, предания и летописи и усвоить себе образованность европейскую в высшей степени. Я не понимаю, как вы

С. Петербург. Новая Деревня.
1846, июня 27.

Лист П. О. Куліша до М. І. Костомарова від 27 червня 1846 р.

одним решительно исключате другое! Но если на нашем языке невозможно писать того, до чего не дожил наш народ, то неужели следует из этого, что не нужно писать на нем и того, до чего он дожил? Вы восхищаетесь огромными деревьями и оставляете без призрения самородные ростки, из которых будут впоследствии такие же. Удивительно! Ваше мнение, что для изучения своего языка нужно удаляться от образованного общества, совершенио ошибочно. Для этого стоит только заглянуть вам в те дома, из которых выходят образованные люди, живущие в просвещенном обществе, напр. Белозерский, и посмотреть, как воспитываются там дети и как они изучают родной язык. И я теперь живу не всегда посреди невежд (хотя по большей части эти просвещенные меньше действующие на литературном поприще малороссияне), то и тогда я спокоен и о них не жалею. Явятся новые из народа, явятся сердца свежие, которым сама природа без науки внушит любовь к своему родному, и они примутся работать и приносить жертвы с таким жаром, какого может быть еще и невидано! Если чужое лучше (в чем я не согласен), то следует ли из этого, что наше ничего не стоит, не стоит усилий целой жизни таких ничтожных существ, как один человек сам по себе? Чужое лучше потому, почему обремененная вкусными плодами яблоня лучше слабого [121] и недоставляющего ни прохлады, ни красоты, ни плодов дубчика.

Следует ли из этого, что мы должны прилагать свои усилия к усилиям иноземцев, более нас способных для своего поля сделать и оставить наше, вовсе недоступное для иностранцев и ожидающее только наших трудов? Повторяю: довольно нам изучить иностранное, руководствоваться опытами веков, ио действовать у себя дома.

Христианство же никак не должно охлаждать наше стремление к развитию своих племенных начал, ибо не без причины брошено в землю зерно и пустило уже глубоко корень. Потеря нашего языка и обычаев есть худшее, что может случиться, а вы говорите, что лишь бы мы были отличными христианами, это еще не несчастье. Не забудьте, что наш украинец (простой) только до тех пор и христианин, пока все его обычаи и верования при нем. Вы говорите о нас, людях высшего полета, а для массы такое превращение невозможно. Ей нужны деды, батьки, обычаи, чтобы быть твердыми в добродетелях. Вот П[етр] Великий оиемечил часть русских. И что ж? Только те и близки к идее христианства, которых не коснулось его преобразование. А вы равнодушно говорите, что потеря нашего языка и обычаев не будет для нас несчастьем!

Что же касается до развития, а не стояния, то оно совершается сперва в действователях, а потом (особенно при лучших внешних обстоятельствах) перейдет к народу. Наши писатели своими учеными и [122] поэтическими трудами многих заставили подумать, как бы спасти то, что еще уцелело. И литература малороссийская, какова она есть до сих пор, должна продолжаться своим порядком для просвещенных невежд, а для неграмотных невежд нужно писать учебники наставительные — практические книги и по возможности заводить школы, но делать возгласы об этом крайне безрассудно. Надобно делать так, что будто бы это произошло случайно: помещик увидел в книжной лавке книжку и купил для своей сельской школы, а туда для науки могут отдавать своих детей и казаки. Обо всем этом мы поговорим в Киеве. А теперь напишите мне, неужели Вы, забыв свое обещание, оставили существенно необходимое средство для успехов литературы? Напишите мне об этом немедленно и что следует — пришлите не через кого-либо другого (ибо я ни от кого еще ни копейки не получил), а сами, дабы я перед выездом из Петербурга это дело покончил без всяких недочетов.

Альманаха на эти деньги я печатать не буду. Вы пришлите по 1-е октября. То же скажите и Н[иколаю] И[вановичу] [Гулаку].

Бодянский уже печатает в «Чтениях Московского Общества» «Летопись Самовидца». По получении этого письма прошу с первою почтою выслать на его имя остаток этой летописи с 1668 г. Пожалуйста же не сделайте ему остановки. Будьте точны хоть раз в жизни. Клянусь, я прихожу в отчаяние от безладицы всех вас в исполнении ваших обещаний и моей просьбы. Три маленькие гимназиста аккуратнее исполнили бы свои обязанности в отношении к отсутствующему другу, нежели все вы. Я не знаю; что мне с вами делать! Видно мне придется от камени сотворить себе други [123] имеют знаний и ума, нежели украинские поселяне, однако ж знаю украинский язык. Вы говорите, что можно писать на этом языке только мужицкие повести. Но у вас перед глазами Шевченко, который выражает на этом языке и псалм Давида, и чувства, достойные уст самого высшего общества:

«Обідрана, сиротою понад Дніпром плаче. Тяжко-важко сиротині, а ніхто не бачить!»

Зачем вы говорите, что у нас, украиноманов, идеалы в голове — мужики, свинари, чумаки и т. п. рабы? Я в этих словах не узнаю вас. Это брань и больше ничего. Украинец сочувствует и Ахиллесу, и Александру Македонскому, и крестовым походам, и Генрихам, и Людовикам, и прочим, но следует ли из этого, чтобы он, оставив свое, писал о них?

Пусть пишут о них греки и немцы: нам довольно знать это, и мы знаем. Но оставить своих полуобразованных Гекторов и Ахиллов потому только, что мы не имеем Периклов, Сократов, Наполеонов,— верх безрассудства. И вы ли, Н[иколай] И[ванович], вы ли можете говорить эти ужасные слова: «я не обвиняю тех, которые холодны к своему родному». Человек стремится к лучшему, а чужое лучше? Нет, у вас засохла живая струна, без которой никогда не будет гармонии в ваших ученых и поэтических действиях. Я обвиняю строго! И учить не быть холодным к своему — значит то же, что сказать мертвому: воскресни! Если увянут подобным образом все...

Ч. III, арк. 43—48. Автограф.
Частково опубл.: Былое.— 1907.— № 8.— С. 201.

№ 340

1847 р. січня 16.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО М. І. КОСТОМАРОВА ІЗ ЗАПРОШЕННЯМ НА ВЕСІЛЛЯ ТА ПРО ЗУСТРІЧІ З Т. Г. ШЕВЧЕНКОМ І В. М. ЗАБІЛОЮ [124]

Милый Николай Иванович!

Если вы желаете услышать несколько анекдотов, рассказанных гениально, если хотите взглянуть на то, что составляет представителей украинского народа, если хотите, наконец, видеть обряд венчанья, то прошу вас приезжать накануне пятницы следующей недели, т. е. 23 числа вечером. Для этого вы должны выехать 20 часами ранее 5-ти вечера — 23 числа. В Борзне на станции сделано распоряжение, чтоб дали вам лошадей до хутора Николая Даниловича Белозерского [125] (3 версты). Он вас уважает и как образованный человек сердечно рад такому гостю, вы у него проведете вечер и ночь в обществе несравненного рассказчика Забелы (который живет подле) и Шевченки, а на другой день вместе с хозяином приедет в церковь.

Оттуда к нам обедать. Потом проведете вечер у нас и спасете меня от скуки, какая готовится мне посреди множества людей, у которых со мною нет ничего общего. Мы окончим наш диспут о христианстве, если это будет дозволено комнатами. Если нет, то я расскажу вам подробно о Петербурге и его обществах.

Ваш Кулиш

1847 г., янв[аря] 16, Борзна или, лучше сказать, Мотроновка

Когда же я уйду к жертвеннику, вы уедете ночевать к Ник[олаю] Даниловичу; в субботу мы вас посетим, а потом вы возвратитесь в Киев, хвала и слава богу.

Грабовский в Киеве. Отыщите его квартиру и предложите ехать с собою. У него свои сани! Он обещал в письме своем от 8 генваря быть у меня на свадьбе.

Ч. III, арк. 49—50. Автограф.
Частково опубл.: Былое.— 1907.—№ 8.— С. 202.

№ 341

1846 р. травня 2.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО М. І. КОСТОМАРОВА ПРО НАДІСЛАННЯ ЙОМУ ВИПИСОК З «ЛІТОПИСУ ВЕЛИЧКА», ПРАЦІ ПРО ХМЕЛЬНИЦЬКОГО [126] І ПОВІДОМЛЕННЯ ПРО ЗАКІНЧЕННЯ ДРУГОГО ТОМУ «ЧОРНОЇ РАДИ» [127]

Н. И. Костомарову

С.-Петербург, 1846 г., мая 2

Странно, что вы записку о посылке вам (из Петербурга? из Ровно я не посылал) ваших песен получаете от Чуйкевича! Песни ваши в два приема отправлены вам из Петербурга именно февр[аля] 2 и марта 7, в последний раз вам посланы выписки из «Лет[описи] Величка» и первая глава вашего Хмельницкого. Если они пропали, то, разумеется жаль, но они мною переписаны. Я вам писал, что Срезневский [128] также прислал мне свои женские песни, а от Метлинского [129] не получал.

Ивась Коновченко вообще зсунувсь із сліду. Препростодушно мне пишет, что деньги «оддав неимущему». Это все равно, если б я украл у кого денег, чтобы помочь бедняку. Растолкуйте ему, что благодеяния не должны превышать средств и что в иной юной республике его бы за этот поступок предали смерти или изгнали остракизмом.

Второй том украинской «Чорной рады» окончен, но я не посылаю для переписки потому, что не знаю, угодно ли будет моим великодушным друзьям переписать первую или нет.

Пришлю, получив известие, что первая уже у цензора.

В Малороссию в этом году не еду. Мои домашние дела приняли самый дурной оборот, разумеется, не здесь, а в Украине, так, что и ехать нет позыву. А денег я столько не имею, чтоб совершить путешествие вдоль и поперек en vrai piete [130].

Итак, остаюсь и работаю. Что вы делаете? Каково идут ваши дела?

П. Куліш, рукою власною

Уведомите меня, ради бога, о Шевченко. Неужели он в самом деле навеки умочив морду? Это ужасно!

Напишите мне й свой адрес. В гимназии может пропасть. Что же «Повесть об укр[аинском] народе»?

Зачем вы говорите, что вы не украинец? Что только из гумани[сти]ческой идеи вертитесь между нами? Мы даем вам право гражданства, притом же маменька ваша — украинка. Я не могу вас так любить, как люблю, когда считаю украинцем. Можно ли так отвергать столь драгоценное для нас имя?

Ч. III, арк. 51—52. Автограф.
Частково опубл.: Былое.— 1907.— № 8.— С. 202.

№ 342

1846 р. вересня 4.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО М. І. КОСТОМАРОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗАКІНЧЕННЯ РОМАНУ «ЧОРНА РАДА»

За що ганка-ганка, а за що дяка-дяка

Приязний мой добродею Миколай Иванович!

Ненавидяй обличення скочавается срамно.

Нехай буде такий епіграф до мого листа.

Що, якби якому темному грішнику сказано на тім світі: «Вернись чоловіче назад да попрацюй годков з десяток, то може луче завершиш свої вчинки. А то бач: поки був молодий, да поки батька й матері й старих людей боявся й соромився, то таки й геть-то добре жив, а вже як убивсь у літа, що і в самого посивів волос, то й розопсів, розленовавсь, спустив усе на волю божу, а сам тільки з кумами да з сватами горілочку попивав. Отже вернись, небоже, да зачни от четвертого чи що десятку так наново робить, як божий страх научає; то, може, чи не луччим сюди другим разом покажешся». Що, кажу, якби так сказано на том світі якому бідному нетязі, що й сам не схаменувсь, як із глузду зсунувсь и не знать, у які тенети вплутався? О, дякував би, дуже дякував тому, хто б простер до його таке благе слово!

Оттак же я дякую вам, мій любий добродію, за вашу щиру пораду. Може пам'ятаєте, як колись зимою писали до мене лист про «Чорную раду» і що було добре, то вже хвалили так, що й вище міри, а що негаразд, то так таки по-козацьки на всякий гріх щиро і вказали. От я, взявши до серця й до мислі ваше розумне слово, знов слідом того грішника, зачавши од того, як попадали Кирило Тур из Шрамченком, у голові усе наново пережив и перекомпонував (тільки запорозця з матір'ю да січовий суд не ворушивши зоставив) і до самого конця все по вашему жаданню і совіту допровадив.

І коли хочете знать, то ще тільки на тім тижню з сею працею вгомонився. «Чорна рада» (у главі XXI) вже тепер не з літописця виписана, а таки самі козаки зійшлись да й учинили її між собою із великим галасом і бучами, що аж мені між ними було страшно. А потім бачить Шрамко, що вже одрізана скиба од хліба, не притулиш, своє власне діло закінчив, і душу свою за ближніх по-християнськи (хоч би й нас так господь сподобив) положив. І все, що треба, зведено тепер, дякуючи богу та й вам, гарненько; так як от майстрі зачнуть церкву мурувати, то як-то широко розведуть, що бацця й ладу там ніякого не знайдеш; отже, дивись, вони знають, що роблять: і заломи виведуть, і кришу, й баню збудують, ще на самому версі й святу да одрадну ознаку — хрест золотий поставлять, щоб кожному було розумно, на що така важка праця піднята. Маючи ж у голові собі за правило таких майстрів, і сам я із своєю працею так мірковав, щоб гарненько вгору її вивести і всякому до толку подати, на що отті широкі стіни вимуровані і супротив якої-то думки, уся ота біча й заверуха й «иссталость нашого люду» [131] тут так гірко, по щирій правді виписана. Переговоривши вже все — і про те, що пало в смутні руїни, і про те, що знову принялось й зацвіло, мов квітки на зруйнованім старосвітському мурі, — сіми словами закінчив я свою книжку. Подаю вам їх до сподоби, чи вподобаєте: «Отже я й скончив, любії мої земляки, свою історію розумному на науку. Похилиться, може од смутних думок і не одна так, як моя голова, проходячи по тій нещасливій старосвітчині; що скілько-то було добра в серці в нашого українського люду, да як-то те ні на що обернулось од безладдя,— що не зуміли, як заповідав батько Хмельницький «усі у одно стояти!»

Ще доложу одно слово. Не буди убо вам чтущу разумети, яко суєтного горестью самь обольщаем, і вже тепер свою книжку за непогрішиму ні в чім уважаю.

Ні, добродію, мало нашого й віку, щоб яким словесно письменим своїм ділом до кінця вдовольнитися! Добре знаю, що ще треба міні до своєї історії праці доложити, да вже тепер більше невмоготу. Дайте ще хоч годков зо три у розумних да великих людей поучитися.

З тим вашій ласці приязно кланяюсь. До всякої послуги вам, моєму любому добродієві, по всяк час готовий

П. Куліш, рукою власною

Р[оку] б[ожого] 1846
м[ісяця] сентемврія у 4 день
З С.-Петербурга

Ч. III, арк. 53—54. Автограф [132].
Частково опубл.: Былое.— 1907.— № 8.— С. 202.

№ 343

1847 р., не пізніше березня.— ВІРШ М. І. КОСТОМАРОВА «ДІТИ СЛАВИ, ДІТИ СЛАВИ, ЧАС ВАШ НАСТУПАЄ», ВИЛУЧЕНИЙ ПІД ЧАС ОБШУКУ 28 БЕРЕЗНЯ 1847 р.

Діти слави, діти слави
Час ваш наступає.
От Бенеток до Камчатки
Гомін розлягає.
От Бенеток до Камчатки
От фінн до Босфора
Розрішається загадка
Великого спора.

Розриваються кайдани
Неволі й неслави,
Згине, щезне братня свара
Ворог ваш кровавий.
І освіте ваше небо
Сонечко свободи;

Станугь вкупі перед богом
Вольнії народи
Поклоняться розп'ятому,
Завіт його приймуть,
Ворогів тисячолітніх
Вороги обіймуть.

Узрять те на що гляділи,
І досі не зрілі,
Взнають те, що земля й небо
Всім давно одкрили.

Тілько там, где дух господен
Тілько там і воля!
Де любов Хрестова й правда,
Там і щастя, й доля.

Горе тим, що словом божим
Розум подавляли
Для користі, для мамони
Правду уживали.

Горе тим котрі говорють:
Наша власть од бога,
А без страху над собою
Не знають нікого.

Горе вченим, котрі злеє
Добрим нарікали,
Тим, що істину святую
Од простих ховали!

Всім продажним філософам
Од духа святині
Розсіються їх хитрощі
Як пил по пустині.

Любітися, діти слави,
Любов нас спасає!
Слава — честь тобі вовіки,
Орле наш двоглавий!

Бо ти шпонами своїми
Вирвеш із неволі,
Із поруги давній на світ
Слов'янськую долю!

Слава чехам! Ясним світом
Науки, темноту
Розганяйте, пробужайте
Слов'янську дрімоту

Слава тобі, люде добрий,
Із слов'ян слов'яне!
В день воскресний станеш в славі
Між всіма братами.

Ясне небо Слов'янщини
покрила темнота
Безпросвітна, нерозумна
давняя не[з]года.

Що ж за гомін чудний ходить
Од края до края,
А чи він що ізгадує,
Чи що провіщає?

А ми слухали і чули
І до серця приняли
Не скажемо, правий боже,
Щоб все розібрали!

Не нам, боже, викладати
Небесні глаголи!
Суди боже, нашу долю
По твоєї волі!

Ти даєш нам розуміти
Кому скільки треба.
Молімося, виглядаймо
Твого сина з неба.

Молітеся, діти слави,
Виглядайте часу!
Прислухайтесь до святого
Небесного гласу!

Мирітеся, очищайтесь!
Од пятна й порока!
Любітеся, скоро блисне,
Звізда од Востока!

Горе панству лукавому,
Що в гасло неволі
[О]бернуло хрест всечестний
Гасло вішній волі!

Слава сербам за їх пісні
За чист[у]ю віру,
В милость божу за ненависть
Проти Іузувіра.

Слава, честь вам, брати ляхи,
Мир вам, вішня згода!
Згине панство лукавоє,
Воскресне свобода
Слава тобі, Україно!

Помітка III відділення: «Из бумаг Костомарова стихи Шевченко».

Ч. III, арк. 57—59. Оригінал [133].
Опубл.: Костомаров М. І. Твори.— К., 1967.— Т. 1.— С. 103—107.

№ 344

1847 р. квітня 12.— ВИПИСКИ ІЗ ДОКУМЕНТІВ, ЯКІ ВИЛУЧЕНО У М. І. КОСТОМАРОВА ПІД ЧАС ОБШУКУ

Выписка из замечательных бумаг, найденных у адъюнкта Костомарова.

1. Рукопись, называемая «Закон божий», по словам Костомарова, переведенная им на малороссийское наречение с польского языка из Мицкевичевой «Pielgzyrnki» [134]. В конце этой рукописи нет воззваний к славянским племенам, ни устава Славянского общества.

2. Три легенды о св. Кирилле и Мефодии. В этой легенде описана жизнь Кирилла и Мефодия, их проповедь в славянских землях, изображение ими букв славянских и перевод св. писания на славянский язык.

3. Записка, писанная Костомаровым: «Когда все славянские народы воспрянут от дремоты своей, прекратят пагубные разделения, угаснет всякая семейная ненависть, сильные обнимут слабых, свободные, благородные, согретые любовью ко Христу, единому царю и учителю, соберутся славяне с берегов Волги, Дуная, Вислы, Ильменя, с морей Адриатического и Камчатского в Киев, град великий, столицу славянского племени, воспоют гимн богу на всех языках своих и представители всех племен, воскресших из настоящего унижения, освобожденных от чуждых цепей, возсядут на горах сих, загремит вечевой колокол у св. Софии; возрадуются благочестивые, устрашатся коварные, суд, правда и равенство воцарятся, и когда исполнится предречение св. Андрея и будет благодать над всею Славянщиною. Вот судьба нашего племени, его будущая история, связанная тесно с Киевом и от того-то твою душу наполняет чувство таинственно святое

и вместе сладостное, как надежда, и вместе томительное, как долгое ожидание. Верь мне, это будет, будет, будет! Ты — странник в Киеве и предчувствуешь будущее возрождение внуков своих — крови своей, и всякий славянин, кто ни прибудет в Киев, тоже чувствует: ибо здесь поднимется завеса тайны и явится безвестное» [135].

4. Полулист, на котором начерно набросаны мысли о панславизме [136]. Здесь между прочим сказано: «Эта идея в числе других, порожденных нашим мыслящим веком, едва ли не самая нравственная, справедливая, богатая жизнью и полная надежд. Это стремление целого племени славянского выйти из вековой запоздалости, стремление каждому из славянских народов даровать собственное развитие при помощи других родственных наций, всем вместе братскою семьею принять живое участие в движущейся сфере образованности человечества и дабы явиться пред судею с незарытым в землю талантом. Ничего не может быть справедливее такой идеи, ничего, потому что подобного явления история до сих пор нам не представляет».

5. Письмо Кулиша к Костомарову: «Не все то можно безвредно для студентов (на лекциях) сказать, что пишете вы ко мне: «Горькая, ничтожная судьба Украины происходит от ничтожества души народа». Меня не смутит эта бойкая, подобная пущенному сильною рукою кацапа (русского) булыжнику, фраза, потому, что я в груди своей ношу эту народную душу и знаю, что она не ничтожна; но многих может сбить ваша фраза с толку, а других заставит опустить руки; у нас же и без того делателей мало. Если Вы говорите, что в моей новой книжке историческая истина высказана с такою смелостью, с таким благородным чувством, как еще не было на Руси, отчего же вам не проповедовать бы в моем духе на кафедре? Зачем нападать на душу народа, за которую еще вам слабо говорит единственная в новой Европе поэзия украинская и которая так сильно напрягалась, когда ей ея Моисей говорил: «Тим і сталась по всьому світу страшенная козацькая сила, що у вас була воля і душа єдина?» В ни во что ей вменяете вы потопление «губителя мучителя фараона». Вы в досаде на продолжительное ее странствование в пустыне поражаете ее последним проклятием, называя ничтожною. Погодите! Будет, может быть, время, когда от одного звука труб ея падут стены и твердыни, для разрушения которых вы считаете необходимыми оружия; будет время и царей-поэтов, которые все покорят своему божественному могуществу; будет время и воздвижению храма, в котором поклонятся и чужие народы; будет время и пророкам, искупителям многих. Разделения вашего на избранных и неизбранных я не принимаю и боюсь, чтоб вы не зашли с таким взглядом на историю в глубокий мрак. Благодать божья всем дарована и в каждом народе муж светлого ума и чистой воли может сделать много для его чести и будущего могущества (нравственного или вещественного). До сих пор в Малороссии являлось их мало. Все наши лучшие умы обращали свою деятельность для пользы своего семейства, для ложно понимаемого спасения своей души, для науки, отвлеченной от тока настоящей жизни; теперь только, именно теперь, когда вы раскрыли рот, чтоб сказать с кафедры: «душа этого народа ничтожна», самыя горячия чувства малороссийских деятелей сосредоточиваются на народе. Браните низость представителей его, но не называйте ничтожною его душу. Это непростительное богохульство! Смотрите, от Сагайдачного, прилагавшего попечения об утверждении просвещения в отечестве, до Хмельницкого, каким являлся народ украинский! А когда потом, при губительном влиянии невежественного московского правительства, на гетманстве удержались только холопы и подножки.

6. Письмо того же Кулиша к Костомарову. Из этого письма, как и из предыдущего, видно, что Костомаров опровергал мнения Кулиша о достоинствах малороссийского наречия, доказывая, что малороссиянам надобно

заботиться не столько о своем языке, сколько о добродетелях. Кулиш, возражая на это, объяснял: «Христианство никак не должно охлаждать наше стремление к развитию своих племенных начал, ибо не без причины брошено в землю зерно и пустило уже глубоко корень. Вот Петр Великий онемечил часть русских. И что ж? Только те и близки к идее христианства, которых не коснулось его преобразование. А вы равнодушно говорите, что потеря нашего языка и обычаев не будет для нас несчастьем! Что же касается до развития, а не стояния, то оно совершается сперва в действователях, а потом особенно при лучших внешних обстоятельствах перейдет к народу. Для неграмотных невежд нужно писать учебники, наставительные, практические книги и по возможности заводить школы; но делать возгласы об этом крайне безрассудно. Надобно делать так, что будто бы это произошло случайно: помещик увидел в книжной лавке книжку и купил для своей сельской школы, а туда для науки могут отдавать своих детей и казаки: обо всем этом мы поговорим в Киеве».

7. Письмо Кулиша же к Костомарову: «проведете вечер у нас и спасете меня от скуки, какая готовится мне посреди множества людей, у которых со мною нет ничего общего. Мы окончим наш диспут о христианстве, если это будет дозволено комнатами».

8. Письмо того же Кулиша к Костомарову: «Коновченко препростодушно мне пишет, что деньги «оддав неимущему». Это все равно, если б я украл у него денег, чтоб помощь бедняку. Растолкуйте ему, что благодеяния не должны превышать средств и что в иной юной республике его бы за этот поступок предали смерти или изгнали остракизмом».

9. Письмо того же Кулиша к Костомарову на малороссийском наречии. Одно место из него в русском переводе значит следующее: «Сколько было добра в сердце нашего украинского народа, но все это в ничто обратилось от несогласия, ибо не исполнили завета Хмельницкого, чтобы все заодно стояли».

10. На двух листочках малороссийские стихотворения возмутительного содержания. Например, одно из них оканчивается стихами:

«Згине панство гуновое (от слова гунны). Воскресне свобода! Слава тебе, Украино!»

11. Драма в рукописи на польском языке без означения имени сочинителя. Предисловие к драме такого содержания: «Польша в продолжении полстолетия представляет зрелище, с одной стороны, безпрестанной и неутомимой жестокости ее гонителей, а с другой, такую твердость и такое беспредельное обречение себя на пагубу, что подобных не было со времен преследования христианства. Особенно около 1822 г. начались притеснения Польши в высшей степени со всех сторон и на весь народ. Тогда появился достопамятный в нашей истории сенатор Новосильцев. Он первый возбудил зверскую ненависть русского правительства к полякам, имея в предмете уничтожение польской народности. Тогда пространство от Просны до Днепра, от Галиции до Балтийского моря было замкнуто, и мы находились в обширной темнице. Все управление обратилось в огромную пытку, при которой действовали цесаревич Константин и сенатор Новосильцев, и сей последний, верный принятой системе, начал подвергать мукам детей и юношей, чтобы разрушить надежду народа в самом зародыше.

Общества любителей словесности были дозволены полякам Венским конгрессом и императорскими привилегиями. Не менее того эти общества возбудили подозрение правительства. Новосильцев, будучи отправлен в Вильну с уполномочием от цесаревича, представил цель общества как бунт против правительства, арестовал несколько сот студентов, был сам их обвинителем, суддею и палачем! Потом в Литве он упразднил несколько училищ, а воспитанников запретил принимать в казенные и частные учебные заве-

дения. Многие студенты, принадлежавшие к знатным домам литовским, тогда приговорены были к ссылке в Сибирь в рудники и гарнизоны.

Все авторы, писавшие о преследованиях Литвы, соглашаются, что в судьбе виленских студентов было что-то таинственное. Действительно, наказание небесное постигло гонителей, оставило глубокое впечатление у современников и переносит читателей в века веры и чудес.

Кроме того, в начале драмы находится следующее посвящение: «Блаженной памяти Ивану Соболевскому, Киприяну Дашкевичу, Феликсу Кулаковскому товарищам школы, заточения и ссылки, преследованным за любовь к отечеству, умершим вследствие тоски по отчизне в Архангельске, Москве и Петербурге, великомученикам за права их народа,— посвящает сочинитель».

Далее следует драма. Действие происходит в Сибири. Между действующими лицами находятся упомянутые Соболевский, Дашкевич и Кулаковский. Разговоры их состоят из тех же жалоб, помещенных в предисловии. Но драма не кончена и потому невозможно определить, в чем состоит общее содержание.

12. Стихотворения художника Шевченки на малороссийском языке в двух книгах [137]. Из них одна рукописная, превосходно иллюстрированная, а другая — печатная. Находящиеся в рукописной стихотворения, кроме одного, все те же, которые помещены в напечатанной с дозволения цензуры. Во многих из этих стихотворений проявляются вольные мысли, а не напечатанная еще более исполнена подобными мыслями.

13. Кольцо с надписью: «св. Кирилла и Мефодия».

14. Печать с вырезкою: «Иоанна, гл. VIII, стих 32., Н. К.». В этом тексте евангелиста Иоанна сказано: «И разумеете истину, и истина свободит вы».

Ч. III, арк. 109—120. Оригінал.

№ 345

1847 р. квітня 15.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ М. І. КОСТОМАРОВА В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные г-ну адъюнкт-проф. Костомарову, и ответы его [138].

1. *Известно ли Вам было о существовании тайного общества, называемого Славянским обществом св. Кирилла и Мефодия; если было известно, то подробно опишите цель оного, состав и все действия в видах оного предпринятые.*

На первый пункт имею честь отвечать, что я не знаю и не знал о существовании тайного Славянского общества, которое бы называлось Обществом Кирилла и Мефодия.

2. *Если вы не знали об обществе, то объясните, от кого слышали рассуждения о славянстве, соединении славянских племен, преобразовании государственного управления и других подобных предметах; не можете ли ныне, по объявлении вам о существовании Славянского общества, сообразить, что слышали и объясните подробно все, что может раскрыть начало и действия общества.*

На второй пункт имею честь отвечать, что несмотря на повсеместные толки о славянстве, идея соединения славян не доходила, по моему понятию и сведению, ни на письме, ни в устах до какого бы то ни было политического постоянного стремления.

3. *Какие разговоры по этому предмету и где именно происходили; поименуйте всех лиц вам известных, занимающихся подобными мыслями,*

и объясните, в какой степени каждое из этих лиц участвовало в означенных разговорах.

На третий пункт имею честь отвечать следующее: живя в Киеве, я весьма часто беседовал о славянстве, сам всегда душою любя этот предмет, с почтенными товарищами моими, которые мне помогали и указаниями и советами в моих ученых розысканиях, в особенности с профессорами Иванишевым, Костырем, Селиным и бывшим проф. Максимовичем [139]. Предметы разговоров никогда не выходили из чисто ученой сферы — этнографии, истории и философии.

Г-н помощник Киевского округа Юзефович также со мной часто беседовал о славянстве и не только в ученом, но и в политическом отношении, разделяя со мною то мнение, что все племена славянские должны будут соединиться под скипетром русского государя и что ученые и литераторы должны иметь эту мысль, без которой так называемый панславянизм сух и бесплотен. Эти все почтенные особы могут поручиться, что в разговорах с ними я не показывал никакого противозаконного направления. Тоже должен я сказать о беседах с помещиками Ригельманом и Тарновским [140], с которыми я часто вел разговоры о славянстве чисто в ученом отношении. Кроме того, я часто прежде говорил о том же с Кулишом, от которого не слыхал ничего предосудительного, хотя очень часто с ним спорил за привязанность его и за высокое мнение о своей Малороссии, чего я не мог с ним разделить, как великороссиянин, что видеть можно из переписки его со мною. Впрочем нелепых толков о восстановлении Малороссии я от него не слыхал никогда; о соединении же славян он говорил очень мало и не в противозаконном духе. Кандидат Гулак, человек превосходного образования, но ума и мышления не твердого и характера до крайности странного, познакомившись со мною в исходе 1845 г., занимался древностями и законами славянских народов, а в апреле и в мае 1846 г. начала ему входить в голову мысль заимствованное им от меня кольцо с именем Кирилла и Мефодия сделать девизом какого-нибудь общества, не сознавая вполне какого. Так как он не сознавал, чего именно хотел и менялся с каждым днем в своих убеждениях, то я смотрел на это как на ребячество, следствие того, что он начитался о разных обществах и рыцарских орденах и имел такое настройство, что принимал в себя все, что читал, за некоторое время. С ним жил молодой брат его Навроцкий, студент с весьма ограниченными способностями, и также некоторое время увлекался мыслью об обществе, не показывая вовсе сознания, какого общества желает. Это была чистейшая фантазия. С июня месяца я не слышал от Гулака уже ничего ни об обществе, ни об идеях славянского соединения до самого декабря; он занимался историею Померании. Я с ним почти даже раззнакомился, но Н. Е. Писарев прикомандировал его ко мне для издания Величкинской летописи. В начале текущего года Гулак уехал. Навроцкий во все продолжение 1846 г. бывал у меня очень редко; ясного определительного сознания не показывал и уже не видался со мною более четырех месяцев. Кроме этих, бывали у меня в доме студенты Маркович, Посяда, Андрузский, но все три совершенно не заняты были славянством, а только Маркович и Андрузский были привержены исключительно к малороссийской народности, а Посяда не показывал никакого направления. Эти студенты приглашены были по тому поводу, что г-н Юзефович препоручил мне передать студентам переводы писателей с латинского языка, которые писали о Малороссии, и я поручил им перевести сочинение Пастория [141] «De Bello Scithico Cosaccico» но, увидевши в них неохоту и неспособность, отказал им от дома. В доме у меня никаких собраний и сходбищ не было, кроме как несколько случаев, а именно: в декабре месяце по случаю посещения меня помещиком Савичем, но тогда был и проф. Максимович, и ничего не было предосудительного.

Хотя этот г-н Савич показывал довольно либеральное направление, но умерял его. В другой раз по случаю приезда Кулиша нашло ко мне несколько студентов и так нагло, что я принужден был просить их немедленно удалиться, и с тех пор ни один из них не ступал ко мне ногой в дом, кроме Марковича, который был раза два и то по хозяйственному делу. Студент Маркович имел большую охоту издавать сельское чтение Одоевского [142] для простых малороссиян на малороссийском языке, и к этой мысли приступили в декабре Гулак, Шевченко, Кулиш и я. Поводом к этому были еще два или три собрания, одно — у меня, другое — у Гулака и третье — в квартире Кулиша, на котором не было и помина о соединении славян, а толковали о средствах к печати, для которых положили, чтобы каждый пожертвовал по десяти рублей. Все такие свидания ни малейшей связи не имели с глупейшими бреднями Гулака о составлении общества, о каковых я даже не мог никогда и предполагать, чтоб они возобновились, ибо, казалось, совершенно исчезли еще в мае месяце. Несправедливо обвиняют меня, будто бы у меня в доме собирались студентские какие-то сходки: я держал себя в большом отдалении от студентов. Художник Шевченко бывал у меня единственио несколько раз в сентябре, а потом в декабре и то большей частью при Максимовиче. Хотя молва называет его составителем бродячих стихов очень гадкого содержания, но я от него об этом признания не слышал, и когда, раз спросил, он вспыхнул и назвал мне какую-то другую фамилию. О славянстве он вовсе не заботился ни в хорошем, ни в дурном смысле, а был пламенный малоросс до крайности и грубого характера, но о политическом бытии Малороссии в виде государства не говорил.

4. *Для чего сами вы изобрели кольцо с надписью имен св. Кирилла и Мефодия, перевели с польского рукопись, называемую «Закон божий», кем присоединен к этой рукописи устав Славянского общества, кому давали вы переписывать рукопись и у кого должны находиться экземпляры оной?*

На четвертый пункт имею честь отвечать, что я действительно сделал себе кольцо с именами Кирилла и Мефодия на том основании, на каком в Киеве по обычаю делают кольца с именами святых, напр. Варвары и проч[ее]. Я занимался тогда сочинением о Кирилле и Мефодии и нашедши по историческим свидетельствам, что самые русские славяне первоначально были обращены Кириллом, соображая, какое важное место занимают их заслуги для нашего образования, мне стало досадно, что память таких великих мужей церкви и славянства почти забыта потомками, ибо нигде не увидишь ни образа этих святых, ни храма во имя их. Эти-то мысли расположили меня сделать себе кольцо с их именами, полагая, что это будет самое приличное для меня, как для занимающегося русскою историею. Когда Гулак и Белозерский увидели это, то я сам предлагал и себе поделать такие же кольца, не предвидя несчастья, какое постигнет меня по воле божьей.

Гулак носил после того кольцо и Белозерский изъявил желание, но скоро уехал из Киева навсегда и потому я не могу сказать о его направлении и образе мыслей, ибо с ним не говорил более. Хотя Гулак и проектировал общество, но я после того так мало помнил об этом, что самое кольцо в декабре еще подарил своей невесте, которая многим показывала странную на нем надпись, и только по случаю привезения вещей ее в мой дом кольцо это у меня опять попалось. А сочинение я не переводил с польского в собственном смысле, ибо оно написано было по-малороссийски и только часть его была по-польски, и я в нем перевел то с польского, что было на этом языке, ибо списывать польское для меня было гораздо труднее, нежели, разобравши, выразить на природном языке. Я никогда не разделял в душе подобных убеждений и даже если бы сбился с пути чести и присяги, то и тогда не мог бы разделять их, будучи русским, ибо оно явственно есть

исчадие польщизны. Притом у меня осталась книга Мицкевича «Pielgrzymka» с моими замечаниями, из которых видно, что я не расположен верить этим мерзостям. Я его держал у себя, смотря на него, во-первых, как на исторический документ мятежа польского; во-вторых, как на одну из грез, на которые попадает славянофильство, и считал для себя нужным знать подобные заблуждения, ибо я сам всегда имел в виду идею славянского соединения в одну федеративную монархию, т. е. чтоб все славянские народы были соединены с Российскою империею на таком основании, на каком теперь Царство Польское, и потому с жадностью ловил всякие и правильные, и ложные мысли о славянском соединении, дабы составить себе понятие, в каких видах переходит эта идея в умах. Кем пополнено оно, не знаю, но у меня оно не все, ибо я назначил его к истреблению и оно уже вырвано. Переписывая его, я отделил сначала польское, потом малороссийское; на чем оно изорвано — не помню. Помню, что оно начиналось стихами: «дитина люба», потом следовало по-польски предисловие и нечто вроде правил славянской республиканской федерации, что оно называется «Закон божий» — это я слышал в первый раз, но вспоминаю, что давно слышал о таком сочинении на малороссийском языке, весьма предосудительном, и любопытствовал его достать, приписывали его какому-то с иностранной фамилией, если не изменяет мне память, де Бальменю [143]. Сочинение это досталось мне в кипе разного малороссийского сбора, но так как я получал песни, сказки и тому под[обное], отлагал разбор их до вакационного времени, то и не знаю достоверно, откуда оно мне пришло, ибо я нашел его в кипе песен, сказок и анекдотов в 1846 г., в мае, а собирал этнографические материалы преимущественно в 1845 г. на Волыни; доставляли мне кроме того их с разных мест. Я никому не давал его, кроме Гулаку, который мне сказал, что оно ему уже известно, а в декабре попросил себе на один день, увидя, что я сравнивал его с «Pielgrzymk'ою» и завез. Оно в моем списке названо Поднестрянка; я теперь только узнал, что оно называется «Закон божий», каковое название мне было давно знакомо, но я не знал, какое сочинение так называлось. Гулаку же я дал его в полной уверенности, что в нем перебродили все противозаконные идеи, ибо он никакого расположения к ним не показывал, и с обязанностью никому не давать.

5. *Добавьте, не известно ли вам еще что-нибудь о сверх выше объясненного о славянофилах и вообще все, что может повести к полному обнаружению Славянского общества?*

На пятый пункт я имею честь отвечать, что в Киеве я не замечал особенного славянофильства ни в ком в смысле политическом, и ежели Гулак составлял уставы общества, то и в нем не было твердого убеждения и намерения действовать злоумышленно, а просто ребяческая глупость составить общество какое бы то ни было, хотя бы рыцарский орден. Я с своей стороны признаю себя виновным за необдуманность, с какою сам убеждал делать кольца с именами Кирилла и Мефодия, увлекшись почитанием святых; и еще за то, что с такою же необдуманностью занятый тогда слишком другими семейными обстоятельствами отдал Гулаку «Поднестрянку» [144], которая впрочем ему была уже без того известна, что лично до моих мнений, то я открываюсь, что всегда сознавал святость монархического правления, ибо, будучи христианином, хотя может быть не истинным, но веровавшим всегда в простоте сердца слову божию, ясно видел, что от первой страницы Библии до Апокалипсиса монархия признается нормальною формою общества, как это видно из прямого смысла слов; между тем когда те, которые оправдывали республику, принуждены бывали уродовать и искажать прямой смысл; но, будучи грешным человеком, увлекался социальными вопросами об аристократии и демократии, не в смысле правительства, а в смысле сословий, и в своих суждениях и мнениях часто пристрастно, всегда был

на стороне демократического, т. е. простого класса. Вообще же славянофильство, по моему мнению, не так распространено и не так вредно, как исключительная привязанность к какой-нибудь части общего отечества русского в юных головах, ибо ежели бы молодые люди исключительно привязались не только к идее народности малороссийской, которая существует, но и какому-нибудь Новгороду или Суздалю, то и тогда это бы увлекало их в мир пустых и несбыточных фантазий.

Николай Костомаров

Ч. III, арк. 121—135. Оригінал.
Опубл.: Былое.— 1907.— № 8.— С. 203—208.
Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 143—149.

№ 346

1847 р. квітня 17.— ВІДПОВІДІ М. І. КОСТОМАРОВА НА ПИТАННЯ ПІД ЧАС ДОПИТУ В III ВІДДІЛЕННІ

Дополнительные вопросы, предложенные г-ну адъюнкт-профессору Костомарову, и ответы его [145]

1. *В первом показании вашем объяснили вы, что рукопись, называемая «Закон божий», была у вас неполная, ибо часть от нее оторвана и что вы не знаете, кто ее пополнил, но в ваших бумагах оказался список этой рукописи на цельных листах, а у Гулака найден еще список той же рукописи, писанный вашею рукою на малороссийском и русском языках, совершенно полный, с возмутительными воззваниями в конце: «К братьям украинцам» и «К братьям великороссиянам и полякам». Из этого открывается, что вами переписаны были по крайней мере три экземпляра «Закона божия». С какой целью вы размножали экземпляры этой рукописи и не передали ли еще кому оных, кроме Гулака?*

На первый пункт имею честь отвечать, что я и прежде показал, что рукопись была дана Гулаку, который ее завез, и показал, что в том экземпляре, в котором она у меня найдена, она неполная, что и действительно так было. Я показал, что я перевел с польского то, что было на польском, а малороссийское оставил, что явствует из того списка, который дан был Гулаку. А сколько помню, то у меня было два экземпляра оной, именно: в одном я выписал малороссийское, а в другом присоединил перевод того, что было на польском. А кроме Гулака я ее никому не давал, что я верно знаю.

2. *Таким образом вы размножили экземпляры преступнейшей рукописи, сами сознались, что вами выдумано кольцо с вырезкой имен. св. Кирилла и Мефодия; сверх того, имеется в виду показание, что вы были главным представителем Славянского общества умеренной партии, а по временам предавались либерализму и отвергали монархическое правление. При столь важных уликах, не изъявите ли полного сознания и в том случае подробно объясните начало, состав, все совершенные и предположительные действия Славянского общества.*

На второй пункт имею честь отвечать, что я выдумал кольцо совершенно без всякой цели сделать его девизом, а просто из того же почитания святости, какую оказывают ношением колец Варвары-великомученицы, Макария и т. д., а если кому-либо вздумалось, заимствовав его от меня, сделать его в безумной голове своей девизом какого-то общества, то чем я виноват? Что я был представителем Славянского общества умеренной партии и притом главным, то на это я могу отвечать только то, что я любил заниматься славянскою литературою, филологиею, историею, думал о соединении славян, но никогда не отделял этой мысли от другой святой, задушевной — желания славы и первенства законному отцу-государю и любезному

отечеству моему русскому, монархического правления я никогда не отвергал в своей жизни.

3. *В одной из записок, найденных у вас, сказано, «что славянские народы воспрянут от дремоты своей, соединятся, соберутся со всех концов земель своих в Киев, столицу славянского племени, и представители всех племен, воскресших из настоящего унижения, освободятся от чуждых цепей, воссядут на горах (киевских) и загремит вечевой колокол у св. Софии; суд, правда, и равенство воцарятся. Вот судьба нашего племени, его будущая история, связанная тесно с Киевом... Верь мне это будет, будет, будет... Здесь (в Киеве) поднимется завеса тайны и явится безвестное». Объясните с какой целью составлена была эта записка и не выражались ли в ней надежды и правила Славянского общества?*

На третий пункт имею честь ответить, что записка, найденная у меня, где говорится о собрании славян в Киеве, есть отрывок повести «Панич Наталич», в которой представлен молодой человек, увлекающийся фантазиею и впадающий в разные грезы, в том числе и панславистические. Я смею представить, что в этих словах нет ничего противозаконного, ибо здесь говорится о соединении славян и об освобождении племен славянских от чуждого ига, т. е. турецкого и венгерского (словаков). Пиша это сам, по своим понятиям, я не предполагал непременно в Киеве совершение какого-то возрождения славян, а представил здесь мечтателя, доведшего идею панславизма до смешного восторжения. Я здесь осмеивал увлечение молодежи, и лучшим доказательством того служит то, что герой моей повести женится и делается отличным и добрым чиновником в таможне, чем хотел я выразить, что бред фантазии с летами проходит, и юноша, остепеняясь, делается добрым семьянином и полезным гражданином.

4. *В другой записке вы с особенным восторгом говорите о панславизме, как о лучшей идее нашего века, и о стремлении славянского племени к собственному развитию. Какая была цель ваша при составлении этой записки?*

На четвертый пункт имею честь отвечать, что ежели я говорил с восторгом о панславизме, как о лучшей идее нашего века, и о стремлении славянского племени к собственному развитию, то такие мысли повторялись тысячу раз и в «Журнале Министерства народного просвещения» [146], и само правительство наше посылает в славянские земли путешественников и, ревнуя о просвещении, поощряет и награждает ученых, трудящихся для истории и филологии славянских народов.

5. *Из пяти писем, полученных вами от Кулиша, видно, что хотя вы опровергали чрезмерное понятие его о Малороссии, но с тем вместе разделяли его мнения по другим предметам, например, вы находили, что в его сочинении об Украине, исполненном мыслей о прежней свободе, «историческая истина высказана с такою смелостью, с таким благородным чувством, как еще не бывало на Руси». Почему вы одобряли такие поступки Кулиша?*

На пятый пункт имею честь отвечать, что говоря о сочинении Кулиша, я, с одной стороны, действительно указывал на некоторые исторические достоинства, находившиеся в этой книге, а с другой — это был комплимент. Я вел частый и продолжительный спор с Кулишом и на словах, и на письме, и желал отвлечь его от исключительной, фанатической преданности Малороссии с помощью рассуждений и исторических доводов. Зная его крайнее самолюбие, я не хотел нападать на него сразу и почитал удобнейшим прежде похвалить его, а потом уже опровергать, что и делалось.

6. *Что означают слова Кулиша в одном из тех же писем: «Христианство не должно охлаждать наше стремление к развитию своих племенных начал, ибо не без причины брошено в землю зерно и пустило уже глубокий корень»?*

На шестой пункт имею честь отвечать, что слова Кулиша: «Христианство и проч[ее] означают то, что я к нему писал, что истинный христианин

не должен пристращаться к каким-нибудь обычаям народным и вообще к массе того, что называется народностью, и что ежели малороссийская народность пропадет совершенно, то это еще не потеря для человечества, ибо значит так нужно, и он отвечал, что зерно в землю брошено, т. е. народность, язык, нравы, и потому христианство не мешает им развиваться.

7. *Далее Кулиш, рассуждая о каком-то развитии, опровергает, кажется, вашу мысль и говорит, что делать возгласы крайне безрассудно, а должно действовать на народ распространением сочинений и школ так, чтобы это происходило как бы случайно. Объясните, в чем состояли ваши суждения и намерения по означенному предмету?*

На седьмой пункт имею честь отвечать, что слова Кулиша о возгласах относятся к тому, что я ему писал, что, несмотря на хвастовство малороссиян, их заслуги ограничиваются только пустыми возгласами о том, что у нас так хорошо, мы то-то и то-то и этим доказывал ничтожность их народности, а он мне отвечал, что должно действовать школами и т[ому] под[обным]. В том же письме я ему писал, что кто любит Малороссию, тот должен не хвалить и не превозносить свою народность, а должен заботиться о просвещении и благосостоянии своих земляков на том пункте, на котором его судьба поставила и который предоставлен ему от общественных властей.

8. *Вы писали к Кулишу, что не считаете малороссиян достойными высокой участи. Кулиш, защищая свою родину, между прочим, ответствовал вам: «будет, может быть, время, когда от одного звука труб его падут стены и твердыни, для разрушения которых вы считаете необходимым оружие». Из этого видно, что вы считали необходимым действовать оружием. Объясните, какие предположения имели по этому предмету?*

Я писал Кулишу об оружии, вовсе не разумея здесь какого-нибудь мятежнического действия, а говорил о слабости Малороссии, которая, быв военною, не могла ни удержать своей казацкой самостоятельности, ни даже выбиться без чужой помощи из-под ига польского, и писал: «То разве теперь, когда уже Малороссия прежняя казацкая совсем исчезла, разве теперь, как от труб Иисуса Навина восстанут стены ее?» (не помню слов, а в таком смысле), а он отвечал, что действительно от ее труб падут и проч[ее].

Обстоятельно своего письма я не помню, но знаю только, что мне в своей жизни никогда не выходила мысль о действии оружием за Малороссию, над движением в пользу коей и литературой ее я, как природный русский, посмеивался.

9. *Почему вы дозволяли себе иметь переписку с Кулишом, тогда как все содержание его писем или прямо преступно, или чрезвычайно сомнительно, и почему писем его тотчас же не представили начальству?*

Зная Кулиша прежде как до безумия преданного Украине, без всяких однако политических идей и т[ому] под[обное], я принимал усилившуюся в нем в Петербурге привязанность к Малороссии за следствие долгого прожития вне Малороссии и вел с ним спор в намерении разуверить его историческими доказательствами. Начальству же моему известна была эксцентрическая привязанность его к Малороссии.

10. *Студент Посяденко писал к Гулаку: «Я удалился на время от вашего вполне христианского общества, но дух мой никогда не удалится, «ибо в самой глубине души моей положена мысль никому еще не ведомая; вот почему прежде, чем увидел я Костомарова, душа моя принадлежала уже обществу, коего никто из вас не знает». Не явно ли письмом этим доказывается существование тайного общества и не известно ли Вам, о какой мысли неведомой говорит здесь Посяденко?*

Студент Посяденко пишет, вероятно, разумея под обществом круг знакомых. Этот студент познакомился со мною в мае прошлого года и бывал после того очень редко пока, наконец, я совершенно отказал ему. Но о

какой мысли неведомой говорит Посяденко, мне это не известно и я полагаю, что слова его есть совершенный вздор, ибо этот студент вел жизнь совершенно уединенную, как и слышал от него же самого, и душа его верно принадлежит такому обществу, которого никто не знает и даже сам он. Впрочем, бывши мало знаком с Посяденком, я не могу уверять ни в чем, а знал только то, что этот Посяденко никакого не показывал особенного направления, кроме обыкновенной простоты и мужиковатости студента из простого звания. Знакомство с ним и возникло и кончилось единственно по поводу перевода сочинения Пастория, к чему он оказался неспособный.

11. *После пасхи 1846 г. вы сказали студенту Посяденко, что было бы нехудо составить общество в духе славянском и читали при этом несколько пунктов вроде проекта; спустя несколько дней после того у вас Гулак и Навроцкий, рассуждая о предположении основать общество, говорили, что должно назвать его обществом св. Кирилла и Мефодия и придумать какой-нибудь символ; а в августе того же года вы или Гулак говорили Посяденке, что и его сделают членом того же общества. Подтверждаете ли вы это, какие пункты проекта вы показывали Посяденке, не был ли это устав общества, вами ли он сочинен и в каком именно смысле; состоялось ли это общество и какой символ для него придуман?*

Студенту Посяденке я никогда не говорил о проекте заводить общество в духе славянском, и это показание Посяденки есть самая безстыдная ложь. Студенту Посяденке я говорил, что надобно найти таких студентов, которые бы разделили между собою труд переводить с латинского авторов, писавших в Южной России,— проект известный начальству нашему. Этот студент, которого я выгнал за мужичество и нахальство, теперь клевещет на меня с досады и переделывает то, что было. В августе же Посяденку я даже не видал. Говоря о переводе с латинского, я никаких пунктов проекта не показывал, а просто дал ему книгу, а что Гулак говорил, что должно составить общество и не придумать, а взять символом его кольцо мое с именем Кирилла и Мефодия, то это справедливо и уже мною изложено в первом показании, но это общество никогда не состоялось, по крайней мере сам Гулак перестал говорить мне об нем. Гулак несколько раз говорил мне об этом предполагаемом плане, но так странно и смешно, что я не принимал этого никогда серьезно. Для яснейшего же усмотрения всех обстоятельств я излагаю здесь, каким образом я познакомился с этими людьми. Прибывши в Киев в 1844 г., я в доме Юзефовича познакомился с Кулишом, которого Юзефович рекомендовал мне с самой выгодной стороны, как человека, преданного малороссийской истории и могущего мне много пособить в занятиях историею Богдана Хмельницкого, которую я хотел тогда начинать. Потом я не был в Киеве. В 1845 г. меня перевели в Киевскую гимназию учителем, где я сблизился с Кулишом и познакомился в квартире его с Белозерским и Марковичем, потом с Гулаком. Все они были напитаны пламенным желанием трудиться для украинской истории, филологии и народности. Когда Кулиш уехал в Петербург, я, никогда не преданный украиномании, восставал против бесплодного направления, которое увлекало молодых людей от дельного занятия науками и вдавало в глупости, как наприм[ер], загадки, сказки и т[ому] под[обное], в тех летах, когда надобно заниматься чем-нибудь подельнее, и зная покровительство, оказываемое правительством нашим и начальством занятию славянщиною, тем более еще этим людям, особенно Белозерскому, хотел сделать добро, думая, что он может, занявшись славянскими языками, в чем он прежде получил достаточные основания быть кандидатом для поездки в славянские земли и, зная при том огромные сведения Гулака, старался отклонить их от украиномании и развить в них любовь к славянству, в чем оба они имели начало. Таким образом я занимался с Гулаком сербскими песнями по вечерам, потом он занимал-

ся законодательством древних славян, а я древнейшею историею славян; а Белозерский, квартировавший далеко, занимался также ревностно чешскою литературою и вообще славянскою филологиею. В это время пламенного занятия славянством, в котором я просиживал и дни и ночи, ибо готовился к кафедре, я сделал себе кольцо с именем Кирилла и Мефодия, будучи увлечен почитанием таких великих святых мужей, изобретателей азбуки нашей и переводчиков св. писания, что очень понравилось Гулаку и Белозерскому, и Гулак тотчас сделал себе кольцо, хотя и не такое как у меня, что уже доказывает, что тут не было идеи общества, потому что в противном случае знаки были бы одинаковы. Все это делалось зимою и весною 1846 г. Потом Гулак и Белозерский начали называть обществом такой круг людей, занимающихся славянством, а далее Гулак начал мечтать о том, чтоб установить определенные правила, на что я отвечал, что это ребячество. В самом деле это было следствие дерптского духа, занесенного Гулаком из места своего воспитания. Эта мысль об обществе сделалась в нем совершенным полубезумием; он сам не сознавал ни правил, ни цели, чего хотел и увлекался то в литературу, то в политику, смотря по тому, какая книга на него подействует. Но так как я не отвечал ему на это желанием, а смеялся, то он, казалось, и оставил. Белозерский же держал экзамен, жил несколько времени у Гулака, и тогда с ними я виделся очень редко, ибо квартировал уже от них далеко и совершенно занимался наукою и другим кругом знакомств. К тому еще мне не нравилось ребячество и фантазерство их обоих; я с ними совершенно разззнакомился до того, что Белозерский уехал из Киева, не попрощавшись со мною, навсегда. С половины мая, июнь, июль, август и сентябрь я не видел Гулака, а в октябре, как я выше заметил в первом показании, Писарев прикомандировал его ко мне для издания Величкинской летописи. Гулак не показывал тогда ни малейшей наклонности заводить общество, занимался, кроме летописи, историею Померании и законодательством славянских народов и очень часто я доставлял ему книги из библиотеки университетской. Вообще он от меня тогда скрывался и обращался не как с близким знакомым, бывал редко и очень неохотно. В это время он выманил у меня рукописное сочинение в духе самой противозаконной украиномании, сочиненное, как я подозреваю по названию в других списках «Закон божий», де Бальменом, как я показал уже прежде. С тем Гулак уехал. А студент Навроцкий в близких отношениях со мною никогда не был и только весною, когда Гулак бредил об обществе, Навроцкий тоже заговаривался, но так бессвязно, что я до сих пор не понимаю, о каком обществе он говорил, но кажется, что он разумел под обществом круг людей, занимающихся одним предметом. Белозерский, сколько мне помнится (ибо этому уже год), также далее не простирал своих взглядов. Поэтому я ничего не могу сказать более об этом предмете, кроме сказанного уже чистосердечно в первом показании, что общество Кирилла и Мефодия никогда не существовало и было одним бредом; ежели ж бы оно стало чем-нибудь правильным в противозаконном духе, то я бы непременно донес об этом. По здравому рассудку круг людей, занимающихся одним каким-нибудь предметом, нельзя назвать обществом, разве только принимая слово общество в таком смысле, в каком называется обществом и круг знакомых. Вольно было легкомысленным людям называть обществом то, что в глазах моих обществом никогда не было. Студенты, как Маркович, Посяденко, Навроцкий, втершись в мой дом, действительно разглашали, что они были в обществе, что доходило стороною до моего слуха, за что я им дал отказ и даже весьма неучтивый: к несчастью наглость малороссиянина не знает никаких пределов вежливости, так что мой служитель Посяденку едва было не вывел за руки, а Навроцкому я принужден был сказать, чтоб он никогда уже ко мне не являлся, и только после того в остальные четыре

месяца я их не видал в глаза. Но я с этими студентами никогда не дружил и всегда считал их за пустых людей, и если они приходили в мой дом, никогда не званные, то я всегда показывал вид, что они мне в тягость, а часто просто просил уходить. Такие посещения были притом редки. Я обманулся только в Гулаке и в Белозерском, особенно в первом, ибо г-н Белозерский в близких отношениях со мною не был уже по короткости времени нашего знакомства. Гулак действительно обнаруживал склонность к либерализму, занесенную им из Дерпта, в особенности глупую и странную страсть к корпорациям и обществам, но мне после показывалось, что он изменился; Белозерский же был вначале, подобно Кулишу, который над ним имел влияние, эксцентрически предан Малороссии, но ни от того [147], ни от другого я не видел злоумышленного, коварного, либерального направления, и мечты их мне казались детством и увлечением, ибо все ограничивалось нелепыми возгласами в пользу и преимуществу малороссиян над другими народами.

12. *При вас в собрании у Гулака Савич и Навроцкий рассуждали о необходимости уничтожить в России монархический образ правления, о введении народного правления, в котором бы каждое славянское племя имело своего представителя, а Савич при этом доказывал возможность произвести такой переворот и воспользоваться для этого строящейся в Киеве крепостью. Вполне ли вы разделяли эти мнения Савича?*

Савич, отрекомендованный мне Гулаком, был со мною знаком очень на далекой ноге, так что я его видел раза три в жизнь. Он оказывал либеральное расположение, за что я с ним и раззнакомился, так что, когда он уезжал за границу, хотел побывать у меня, то я приказал сказать, что меня дома нет. Он был помешан на французском коммунизме и считал возможным, что общество человеческое дойдет до того, что все будет общим, даже жены, а о разговоре у Гулака я не помню. Либеральных же мнений его я отнюдь не разделял.

13. *С какой целью вы составили три легенды о св. Кирилле и Мефодие?*

Легенды о Кирилле и Мефодие мною не составлены, а переведены из «Acta sanctorum» [148] для сочинения моего «О том, кто просветил Россию светом христианской веры», которое, сочинение, углубляя меня в житие св. Кирилла и Мефодия, и подало мысль сделать кольцо. Впоследствии я, переработавши его, хотел напечатать вместе с легендами.

14. *Для чего вы хранили у себя написанное на нескольких листочках стихотворение возмутительного содержания, даже «Сон» сочин[ения] Шевченки, исполненное самых наглых и дерзких описаний особ высочайшего дома, равно две книги: печатную и рукописную, сочинений того же Шевченки, исполненных подобных мыслей! Кто переписывал и иллюстрировал означенную рукописную книгу?*

Сочинения эти держал я более для языка, но разделять гнусных мыслей, в них изложенных, я не мог никогда. Я имел намерение давно уже составить словарь малороссийских наречий в сравнении с другими наречиями славянскими и трудился над этим предприятием еще в Харькове, где помогали мне профессора Метлинский и Срезневский. Вследствие того я собирал всякий сброд на малороссийском наречии. Иллюстрированная книга была приведена в это положение де Бальменом, которого я лично вовсе не знаю. Эта книга была у Юзефовича.

15. *Кем сочинена драма на польском языке, в которой предисловие исполнено клевет на правительство России, а действующими лицами выведены политические преступники? От кого получили вы эту драму, для чего хранили у себя и давали ли ее кому-либо для снятия копий?*

Драма, писанная на польском языке, я ее не читал вовсе, бывши учителем, отнял ее у ученика, который инспектором был наказан. Я ее никому не давал и не показывал, а хранил у себя на основании дозволения профес-

сором иметь запрещенные сочинения, но что в ней, я до сих пор не знаю, только — что она Мицкевича по заглавию «Dziady».

16. *Почему на печати вашей вырезано: «Иоанна гл. VIII, ст. 32» и с какой мыслью вы приняли этот стих себе девизом?*

На печати моей вырезанные слова означают то, что во всякой запутанности — как мирской, так и ученой,— должно прибегать к истине евангельской, которая одна может освободить человека из стесненного положения.

17. *Объясните содержание предъявляемых вам писем и стихов, кто такие Метлинский, Тихонович и Александров* [149], *какого рода сношения были у них с вами, не принадлежали они и в какой степени к Славянскому обществу?*

Метлинский — проф. Харьковского университета, Тихонович — учитель 1 гимназии в Харькове латинского языка, а Александрова я не знаю, и в первый раз слышу о нем. С Метлинским и Тихоновичем я знаком совершенно дружески, как ни с кем, живя еще в Харькове я был с ними неразлучен, а с Метлинским и Срезневским занимался славянскими языками. Метлинский и Тихонович — люди самые честные, преданные правительству и, как я, чуждые общества; такими я знал их. Здесь, в их письмах, идет дело о проекте издания «Сельского чтения» для малороссийского простого народа: мысль, не заключавшая ничего политического. Я уже в первом показании изложил, что был намерен издавать «Сельское чтение» для малороссиян, переводя статьи из издания князя Одоевского [150]. Я писал об этом Метлинскому, предлагая ему собрать для этого дела охотников участвовать и деньгами, и пером, чтоб потом, когда соберутся средства, представить это на разрешение правительству. Я, не видя ничего в этом ни противозаконного, ни идеи общества, о чем и писал в письмах Метлинскому, взялся в числе многих участвовать в этом деле, если не пером по-малороссийски, то частью денег, выбором статей, советом, присмотром за печатью, если то будет нужно, не ради любви к Малороссии, а из любви к просвещению, покровительствуемому правительством. Намек на мой план есть то, что я в письме к нему писал, чтобы каждый из подписчиков получил в вознаграждение часть экземпляров и чтоб прежде всего составлена была программа со всеми подробностями и одобренная министерством народного просвещения и чтоб, наконец, испросить содействия министерства государственных имуществ к рассылке издания между народом. При сем имею честь объяснить имеющиеся в письме сомнительности.

1. Здесь говорится о войне за правописание. Метлинский очень жарко спорил о том, какое правописание избрал для малороссийских сочинений и присылал мне разные замечания по этому предмету, и я отвечал ему всегда, что это просто пустяки и смешно. Теперь он это опровергает и доказывает важность.

2. Здесь говорится о войне за дворянство. Это следующее: по поводу статьи моей в «Библиотеке для чтения» [151] и по поводу других замечаний относительно истории Малороссии, в которых я указал, что прежнее малороссийское дворянство все исчезло или ополячилось под игом Польши, а нынешние дворяне — новички и потому не имеют того высокого значения древности, как русские, возник спор, и я писал об этом Метлинскому, а он, как малороссиянин, здесь кажется обижается.

3. Об имении. Я точно имел намерение купить имение близ Киева.

4. «Ты понимаешь» и проч[ее]. Я написал к нему и прежде всегда говорил, что стремление к поддержанию народности необходимо связано тесно должно быть с православием и самодержавием. Что он понимает под национальными и официальными формами, я не знаю; он ссылается на Географическое общество [152], я не знаю изданий этого общества и потому для меня намек этот непонятен. Александрова же стихов и объяснить не умею, ибо не знаю этого человека, а кажется, что это также нечто в роде украино-

мании. Приписку в письме Тихоновича я понимаю так, что необходимы правила для подписчиков. Метлинский любит украинский язык и песни, а Тихонович этим вовсе не занимается, оба малороссияне по роду. При сем имею честь, припомнивши, показать, что я несколько раз говорил Гулаку, Белозерскому и Навроцкому, чтобы они не мечтали об обществе, и если составили какие уставы, то чтобы все порвали, ибо всякое название общества есть уже преступно, на что они уверяли, что у них уже ничего нет, и они об обществе не думают, почему я полагал, что бред их окончился.

Еще припоминаю, что Гулак предлагал мне несколько раз составленные им разные проекты, но я не знаю даже до чего они клонились и отвечал шутками на все подобные фантазии.

Адъюнкт-профессор Н. Костомаров

Имею честь представить при сем припомненное весьма важное обстоятельство. Во время заиятия древностями и историею я действительно имел такую мысль, что хорошо было бы ежели б при императорским университете св. Владимира было основано общество филологии, истории и древностей славянских, даже так, чтоб уже существующая комиссия для древностей была преобразована в такое общество. Эту мысль я сообщил многим и в том числе помощнику попечителя. Но это было не более, как частная мысль, а не замысел, и предположение такое только тогда могло бы осуществиться, когда бы правительство сочло это нужным. Действительно мне казалось тогда, что такое общество всего приличнее могло бы быть названо именами св. Кирилла и Мефодия, просветителей славян, как университет назван именем просветителя России. Эта мысль высказываемая многими, могла породить толк о заведении общества и участии в нем моем и потому показаиие студента Посяденка, что он слышал о чем-то вроде общества св. Кирилла и Мефодия, размысливши и припомнивши, я считаю теперь не совсем безосновательным, ибо желание возможности такого общества меня точно занимало, ио желание, а не замысел.

Адъюнкт Н. Костомаров

18. *Насчет печати вашей с вырезкою ссылки на текст из евангелиста Иоанна: «И уразумеете истину, и истина свободит вы» показали вы, что текст этот взят только в том смысле, что во всех делах одна истина может освободить человека из стесненного положения. Но в § 23 известной вам рукописи («Закон божий») сказано: «И пришел сын божий на землю, чтоб открыть истину, дабы та истина освободила род человеческий». В § 26 и 30 той же рукописи почти тоже сказано. Не эта ли рукопись подала вам мысль сделать упомянутую печать и не была ли печать таким же законом Славянского общества, как кольцо св. Кирилла и Мефодия?*

Печать моя сделана была по следующему незначительному случаю:

Кулиш рассказал мне еще в 1844 г. план своего романа и затруднялся развязкою, а потом, пришедши ко мне через несколько дней, объявил, что он придумал лучше всего оставить так, как в самом деле случилось то событие, которое он избрал для своего романа сюжетом, и произнес этот текст «И уразумете истину» и проч[ее], указывая на то, что истиа вывела его сама из затруднительного положения. Мне понравилось это, и как я себе делал тогда печать, то и вырезал на ней помянутый текст. Это может засвидетельствовать Кулиш, если вспомнит.

19. *При дальнейшем рассмотрении той же рукописи («Закон божий») оказывается, что она не может быть переводом; ибо все обнаруживает в ней оригинальное сочинение, приноровленное к России и Малороссии. Объясните это как следует.*

Подлинник сочинения, известного мне под именем «Поднестрянки», а другим под именем «Закона божия», писан по-малороссийски, о чем я показывал. Список, с которого я переписывал, не знаю где. Обыкновенно все списки малороссийские я бросал в кучу негодной бумаги, предварительно переписав иногда в двух и даже в трех вариантах, что можно видеть из тысячей песен, сказок, документов и тому подобных, хранящихся у меня. Кем сочинен подлинник, я не знаю, о чем уже показал, как я не знаю сочинителей многих подобных бродячих произведений на малороссийском языке, например «Разговора Великороссии с Малороссиею» [153], «Царства праведных», «Грицька Залезняка» и тому подобных. Об этом сочинении я упоминал г-ну помощнику попечителя, именно когда читал ему одну статью свою и по случаю зашел разговор о бродячих малороссийских сочинителях и в самой этой статье, напечатанной в одном из номеров «Библиотеки для чтения» за прошлый год («Мысли об истории Малороссии»), я, исчисляя бродячие малороссийские сочинения, назвал и «Поднестрянку», а [154] сколько мне помнится, при этой рукописи находились стихи, под которыми стояло заглавие «Поднестрянка».

Адъюнкт Костомаров

Ч. III, арк. 136—164. Оригінал.
Частково опубл.: Збірник пам'яті Тараса Шевченка.— С. 149—161.

№ 347

1847 р. квітня 17.— ДОДАТКОВІ ПОКАЗАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ПІД ЧАС ДОПИТУ В III ВІДДІЛЕННІ

Дополнительное показание, поданное адъюнктом Костомаровым

О рукописи «Закон божий» я объявляю, что когда меня схватили в Киеве, то попечитель и губернатор сказали, что Гулак явился с этой рукописью в III отделение и объявил, будто я, будучи участником заговора общества Кирилла и Мефодия, завлекал его и дал ему рукопись, прося распространить ее в народе. Я отвечал, что рукопись мне известна, но не знаю откуда получил ее, и, даже помнится, что от самого Гулака, только не ясно, ибо впоследствии он захватил список, переписанный мною.

Попечитель и губернатор, засмеявшись, сказали, что это отнюдь не в порядке вещей. Тогда я, ясно не припоминая от кого именно я получил ее и соображая, что у Гулака список мой, а у меня другой, и таким образом донос кажется правдоподобным, пришел в такой испуг и совершенное беспамятство, что в моей голове перемешалось: и одна польская рукопись, переведенная мною, и мысль о том, что «Закон» мне казался произведением польского эмигранта, и наконец, невинное намерение мое издать на славянских языках и в том числе на польском сочинения о Кирилле и Мефодие, и я сказал нелепость, что я ее перевел с польского, чего вовсе не было, и таким образом сам на себя наклепал перевод. Когда же меня заставили написать, то я с тех пор не знал, как отделаться от несправедливого показания на себя самого. Я, зная, что Гулаку она давно известна, мне казалось, что она доставлена мне им, однако не ясно, ибо в одно и то же время я переписывал и пересортировывал всякую всячину в своих бумагах и Гулак, как и другие, мне кое-что доставлял; списавши ее наскоро, я впоследствии уже переписал ее, и Гулак захватил у меня список, как я объяснил.

Ч. III, арк. 165—166. Копія.

№ 348

1847 р. квітня 17.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ Д. Г. БІБІКОВА ДО НАДІСЛАНОГО В III ВІДДІЛЕННЯ ЛИСТА А. Л. МЕТЛИНСЬКОГО М. І. КОСТОМАРОВУ В м. КИЇВ

Ч. III, арк. 167. Оригінал. Не публікується.

№ 349

1847 р. березня 28.— ЛИСТ. А. Л. МЕТЛИНСЬКОГО ДО М. І. КОСТОМАРОВА ПРО ВИДАННЯ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ СЕРІЇ КНИЖОК «СЕЛЬСЬКОЕ ЧТЕНИЕ» ТА ЗБИРАННЯ ГРОШЕЙ ДЛЯ ОРГАНІЗАЦІЇ ВИДАННЯ

I

Харків. Провулок Катол[ицької] церкви
28 марта 1847 г.

Коханий ти мій Миколо!

Давненько таки ти не балакав єси зо мною. Та скількось! Я не такий мудрий чоловік, щоб і тобі оддячити за се довгою мовчанкою. Так почнемо на мову твою до мене дещо казати. Саме важніше з усього того, що ти до мене пишеш, конечне, є те за для тебе, що женишся: се зміна в життю чоловіка на цілий вік і зміна безпримінна для всіх, окроме деяких людей, котрих небагато. Бажаю тобі з будущею жінкою, твоєю матер'ю, з усім родом доброго життя од господа бога, а далі здоров'я і всякого другого щастья; бо тепер усе для вас обще, і один без другого [з вас ст]ало буть нічого не матиме. А я [до] тебе останусь также рідним, як [бу]в і попереду, бо не маю і не матиму сім'ї, племені і роду особливого: так пішло життя моє і, може, й не без божого попущенія.

Пан П. П. Артемовський-Гулак [155] іногда хворає, а діла не покидає. Нагадувать хоч про ад'юнкство я не мав случаю та й не знаю, чи послужило б до чого. Коли хоч, напиши до його. Письмо твоє дійшло до мене на страстній неділі. Чув от Сементовського [156], що і він од тебе получив. Я не думаю, як ти писав і пишеш, щоб война за правописаніє було задаром, бо письмо и вимова знамя характерна і существа народности. А що таке война з дворянства, не відаю, а рівно і що з того буде. Я предл[агав] окроме правописанія зміну книжок і проче і нічого на те не чую. Писав недавно до Срезневського, як видно, дуже чимсь занявся, а тільки до родичів пише. [Чув] недавно, що Куліш за границею, Шевченко зазнався з чарочкою (шкода!).— Чи не багато, на[ш] брате, замишляєш. Купуєш [іме]ніє: гляди, щоб не проц[индрив] грошей задаром. Куліш просив збирать підпис на «Чорную раду» на малоросс[ійській] [мові], почав було збирать, а «Ради» нема. Писав — єси про Хмельницького розпитувався, а про Хмельницького не чути. Задумали — есте ізданія для простого народу [157]: чого б, кажу, лучче. Почав було і сам я приглашати декого писати, що можна для того благого діла із людей знаючих науку добре... так їй бо. Вже впять щось інше. Хто ж звіриться на нас, як буде на тиждень сім п'ятниць? Общество для печатання не гудю, тільки нужно його утвердити гаразд, а то не пристане ніхто із посторонніх, а коли мало буде, то вийде із нього пшик. Совісно і казать (хоча казав), бо не відаєм, що одвітить на деякі необходимі вопроси. Моя рада (і до неї пристав би дехто). Збирається сума (без всякого общества... смотри Свод угол[овних] зак[онов]) для пособия при издании сочинений, имеющих предметом Южную Русь по языку и содержанию или

принадлежащих южному краю России в этих отношениях и имеющих содействовать так [им] обр[азом] познанию своего отечественного и противодействуя распространению чужезванных, несвойственных духу и почве народа мечтаний; еще что-нибудь о народности, неразрывно связанной с правосл[авием] и самодерж[авием], последуя примеру Географического общест[ва] и тому подобное (ты понимаешь, что надобно оставлять что-нибудь и для размышления читателю и соблюсти не только национальные, но и официальные формы). Подписчик взамен 10 или 15 руб. сер[ебром] единовременно (кто хочет пожалуй и больше — тем лучше!). Капитал кладется в пр[авление] общественного призрения в Киеве, Харькове (для избежания издержек при пересылках) с тем, чтобы проценты с него бы выдавались в киевские или харьковские типографии за напечатание упомянутых сочинений. Сочинения должны быть одобрены, по крайней мере, тремя из подписчиков, доказавших свое знание языка и края или избранных от прочих подписчиков. Подписчики получают проценты (даже 10!) на свою сумму, книгами изданными (ничего не теряют), а сверх того, напечатанные экземпляры представляются автору в пользу и распоряжение. Подписчики могут и должны бы помогать также сбыту. Я надеюсь быть летом в Киеве. Если общество решится на что-нибудь подобное, взнеси за меня: или отдам лично, или пришлю деньги, ежели дело состоится и найду участников.

Кланяюсь панові Шевченкові і посилаю оцей подарунок. Де він блукає, бог його знає: перешли до його. Ізвісти, коли кому із щирих знадобиться моя книжка: багатому — за гроші, а бідному — за спасибі, ідучи у Києв, буде случай передать. Тут починають багато дехто говорить, а у мене єсть довольно і писаного, більше чужого і особливо по язику дуже доброго. Якби составився капітал, то навіки найшлась би дорога для слова і дарования, уже на 300 [руб.] єдиновр[еменного] пожертвованія можна б мати проценти для невеличкої книжечки. А щоб ізданіє то лучче для кожного і потому було б вигідно для кожного шукать пристаючих до сього діла.

Програму в такім роді, как я отчасти накинув, треба б напечатать і роздать ревнителям в достаточнім числі екз[емплярів]. (Печатное много значит).

Существо дела, напр., что печатать на южном языке, подразумевать і кому следу[ет] объявить и соблюдать: печатной же программе нечего входить в мелочи и подробности, они должны быть приняты facile [158]. Я готов прислать и до вашего плана, но ты ничего про се опять не пишешь и до Сементовского. Да и как опять просить давать сочинения безвозмездно когонибудь? Свое готов бы, но чужое просить совестно. Но повторю, чтобы делу доброму не помешать на первый раз 10 [руб.] за мной, и дальше побачим, як бог дасть.

Ч. III, арк. 173—175. Автограф.

II

(Переклад III відділення)

Письмо на имя Костомарова

(от проф. Метлинского)

Харьков, пр[овулок] Катол[ической] церкви
28 марта 1847

Любезный мой Николай!

Давно уже ты не толковал со мною. Я не столь мудр, чтобы благодарить тебя за это долгим молчанием. Начнем же отвечать на твою речь. Важнейшее из всего, что ты пишешь, конечно, для тебя то, что ты женишь-

ся. Это перемена в жизни на целый век, неизбежная для всех, кроме некоторых людей, каковых немного. Желаю тебе с будущею женою, твоею матерью и всем семейством хорошей жизни, здоровья и всякого другого счастья, теперь для вас все общее и один без другого кажется ничего не имеет. Я останусь родным твоим по-прежнему, ибо не имею ни семьи, ни рода и племени другого, так пошло мое житье может быть по божьему соизволению.

Г-н П. П. Артемовский-Гулак иногда хворает, но не бросает дела [159] хотя про адъюнкство я не имел случая, да и не заю, пригодится ли к чему-нибудь. Если хочешь, то напиши к нему. Письмо твое я получил на страстной неделе. Слышал от Семеитовского, что и он получил от тебя. Я не думаю,— как ты писал и пишешь,— чтобы война за правописание была даром, ибо письменность и речь — знамя характера и существа народности. Но что такое война за дворянство — не знаю, равно и что из этого будет. Я предлагал, кроме правописания, перемену книг и прочее, но ничего о том не слышу. Писал недавно к Срезневскому, он верно много, смотри, занялся, что только к родителям пишет. Недавно я узнал, что Кулиш за границею, а Шевченко познакомился с чарочкой (Жаль!).— Не много ли, брат, задумываешь? Покупаешь имение: смотри, чтобы даром не истратить деиег.

Кулиш просил собирать подписку на «Чорну раду» на малоросс[ийском] — я начал было собирать, да нет толку. Писал — еси про Хмельницкого, расспрашивал, но о Хмельницком не слыхать.— Задумали издания для простого народа: чего бы кажется лучше?— Начал было и я приглашать койкого писать, что можно для того благого дела,— из людей, знающих хорошо науку... Так ничего! Опять проси другое! Кто же поверит нам, если на неделе будет семь пятниц?

Общество для печатания молчит, нужно бы его больше утвердить, а то никто не пристанет из посторонних; если же будет мало, то из него ничего не выйдет! Совестно и сказать (хотя сказал), ибо не знаем, что отвечать на все необходимые вопросы. Мой совет (и к нему кто-нибудь пристанет): собирается сумма (без всякого Общества... см. Свод угол[овны]х зак[онов]) для пособия при издаиии сочинений, имеющих предметом Южную Русь по языку и содержанию или принадлежащих южному краю России в этих отношениях и имеющих целью содействовать так[им] образом познанию своего отечественного, и противодействуя распространению чужеземных, несвойственных духу и почве народа мечтаний (еще что-нибудь о народности, неразрывно связанной с правосл[авием] и самодерж[авием]). Последуя примеру Географического общества и тому подобное; ты понимаешь, что надобно оставлять что-нибудь и для размышления читателю и соблюсти не только национальные, но и официальные формы. Подписчик вносит 10 или 15 руб. сер[ебром] единовременно (кто хочет, пожалуй, и больше — тем лучше). Капитал кладется в Приказ обществ[енного] призрения в Киеве и Харькове (для избежания издержек при пересылках) с тем, чтобы проценты ежегодно выдавались в киевские или харьковские типографии за напечатание упомянутых сочинений. Сочинения должны быть одобрены, по крайней мере, тремя из подписчиков, доказавших свое знание языка и края или избранными от прочих подписчиков. Подписчики получают проценты (даже 10!) на свою сумму книгами изданными (ничего не теряют), а сверх того, напечатанные экземпляры предоставляются автору в пользу и распоряжение (подписчики надеяться могут и должны бы помогать также свету). Я надеюсь быть летом в Киеве. Ежели общество решится на что-нибудь подобное, внеси за меня: или отдам лично, или пришлю деньги, ежели дело состоится, и найду участников.

Кланяюсь Шевченке и посылаю сей подарочек. Где он находится, бог его знает: перешли к нему. Извести, если кому-нибудь из щирых (искренних)

понадобится моя книжка: богатому — за деньги, а бедному — за спасибо; едучи в Киев, будет оказия передать.

Тут много почитают того, кто говорит, а у меня довольно писанного, больше чужого и особливо по языку много хорошего. Если бы составился капитал, то навеки была бы дорога для слова и дарования; уже на 300 единовременных пожертвований можно бы иметь проценты для небольшой книжечки. Чем более, тем лучше для каждого и потому было бы выгодно каждому искать пристающих к этому делу.— Программу в таком роде, как я отчасти изложил, надо бы напечатать и роздать соревнователям в достаточном числе экземпляров. (Печатное много значит!). Существо дела, наприм[ер], что печатать на южном языке подразумевать и кому следует объявить и соблюдать; в печатной же программе нечего входить в мелочи и подробности, они должны быть приняты facile. Я готов бы пристать и к вашему плану, но ты ничего о том не пишешь и к Сементовскому. Да и как просить когонибудь давать сочинения безвозмездно? Свое готов бы, но чужое просить совестно. Но повторяю, чтоб доброму делу не помешать, на первый раз 10 руб. за мною, а дальше, посмотрим, что бог даст.

Ч. III, арк. 168—171. Копія.

№ 350

1846 р.— ВІРШІ В. С. АЛЕКСАНДРОВА, ПРИСВЯЧЕНІ Т. Г. ШЕВЧЕНКУ

До Т. Г. Шевченка.

Брате — голубе Тарасе!
Щасливий ти в бога:
Бог дав тобі сльози й слово
Співай яко мога.
Щасливий ти, що умієш
Горе виливати;
Що умієш так прикладно
Співати — ридати.
Ще ти, брате, й тим щасливий,
Що живеш в чужині;
Що не бачать твої очі,
Як на Україні.
А я живу, брате, дома;
Чого б сумувати?!...
А як гляну кругом себе...
Біда, пане-брате!

Та ще й страшно заридати,
Бо дурня укажуть
Об тим, що є... (панське діло)
Біда, пане-брате!
А що було в старовину,
Нам того не знати;
Бо ми люди неписьменні
Біда пане-брате!
А гірш всього, що не вмію
Я так заспівати,
Як ти співаєш на здоров'я
Біда, пане-брате!
Якби вмів я!... І батечку!!!
Я гори б розбухав:
Усе співав, усе співав,
Нікого б не слухав...

Владимир Александр[ов]

Ч. III, арк. 176. Копія. [180]
Ч. III, арк. 172. Копія.
Опубл.: Новицький М. Шевченко в процесі 1847 і його папери // Україна.— 1925.— Кн. 1/2.— С. 77; Листи до Т. Г. Шевченка. 1840—1861 рр.— К., 1962.— С. 57.

№ 351

1847 р., не пізніше квітня.— ВИКЛАД ЗМІСТУ ВІРШІВ В. АЛЕКСАНДРОВА, ЗРОБЛЕНИЙ КАНЦЕЛЯРІЄЮ III ВІДДІЛЕННЯ

Стихи Владимира Александрова Т. Шевченке

Счастлив ты, что награжден от бога слезами и словом,— пой как можешь; счастлив, что умеешь излагать свое горе, что живешь в чужбине и не видишь, что делается на Украине. Я живу дома: о чем бы печалиться? Но

посмотрю кругом — беда и заплакать страшно (укажут на дурака) о том, что делается... (барское дело). Хуже всего то, что не умею так петь как ты, а уже пел бы, размыкал бы горе, не слушая никого.

Ч. III, арк. 172. Копія.
Ч. III, арк. 176. Копія.

№ 352

1847 р., не пізніше березня. — ЛИСТ П. В. ТИХОНОВИЧА ДО М. І. КОСТОМАРОВА З ВІДОМОСТЯМИ ПРО ЗБИРАННЯ ГРОШЕЙ НА ВИДАННЯ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ СЕРІЇ КНИЖОК

Милостивый государь Николай Иванович!

Ты совершенно забыл старого [товари]ща. Если бы не Амвросий Лукьянович, я [не] знал бы, что ты женишься. [Поздра]вляю и желаю от души всего доброго.

Ты писал в одном письме, что у вас в Киеве вышли «Сатиры» Ювеналовы [161] с объяснениями одного из ваших профессоров,— если они достойны [внимания] и не слишком дороги, прошу выслать мне экземпляр, за который получишь деньги.

Остаюсь Тихонович

Некто обещал мне (студент) тоже пристать к общей подписке 10-рублевой и пригласить других, ежели дело будет обеспечено. Но денег у него теперь нема. По всему видно, что необходимо устав, но не писаный, но прочный.

Ч. III, арк. 178. Автограф.

№ 353

1847 р. травня 13.— ЗАПИС ОЧНОЇ СТАВКИ М. І. КОСТОМАРОВА З В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ, І. Я. ПОСЯДОЮ, Г. Л. АНДРУЗЬКИМ ТА О. М. ПЕТРОВИМ У III ВІДДІЛЕННІ

Очная ставка Костомарову с Белозерским, Посядой, Андрузским и Петровым

13 мая 1847 г.

Против Костомарова говорили	Костомаров отвечал
Учитель Белозерский, что и Костомаров вместе с Гулаком и с ним, Белозерским, называл круг друзей их Славянским обществом. При личном объяснении Белозерский добавил, что Костомаров действительно советовал им не называть круг друзей их обществом. Василий Белозерский	Костомаров устоял в прежнем показании, что сам он не только не называл, но и Белозерскому и Гулаку советовал не называть круг друзей их обществом, ибо это воспрещено законом. Н. Костомаров
Студент Посяда, что около пасхи 1846 г. Костомаров говорил, что было бы не худо составить какое-либо общество в духе славянском и читал при этом несколько пунктов вроде проекта. Обстоятельство насчет самых пунктов проекта отвергнуто Костомаровым, с чем я совершенно согласен. Ив. Посяда	Костомаров пояснил, что он говорил о том обществе, которое желал составить с разрешения начальства при Киевском университете для ученых исследований, думая назвать это общество во имя св. Кирилла и Мефодия по примеру тому, как Киев-

ский университет назван во имя св. Владимира.

Н. Костомаров

Студент Андрузский, что Костомаров был представителем умеренной славянской партии в обществе; что он, начитавшись о древней вольнице Украйны и о новых революциях в европейских государствах, иногда переходил к либерализму и неодобрению монархического правления. При личном объяснении Андрузский присовокупил, что он составлял показаиие свое с полной откровенностью, быть может иное преувеличил, а о либерализме Костомарова сказал излишнее.

Георгий Андрузский

Костомаров решительно отверг это показание.

Н. Костомаров

Студент Петров, что Костомаров в декабре 1846 г. был у Гулака и в то время, когда помещик Савич предавался революционным суждениям, говоря, что в случае возмущения можно воспользоваться Киевскою крепостью, и в то время, когда сам Гулак возглашал о приготовлении народа к восстанию, о введении в славянских племенах представительного правления и о пожертвовании в случае необходимости царскою фамилиею; что хотя главным лицом в этих собраниях был Гулак, но и Костомаров, постоянно присутствовавший у него, действовал весьма ревностно к достижению общей их цели; что Костомаров в своих университетских лекциях всегда старался резко представлять те места в первобытной русской истории, в которых выражалось самовольство и непослушание народа воле великих князей русских; также весьма ярко были очерчиваемы им те места, где народ, в порыве неистовства, посягал на жизнь великих князей. При личных объяснениях Петров пояснил, что Костомаров, во время рассуждений Савича, иные мнения его опровергал, но тем не менее участвовал в его разговоре, и когда Савич судил о французской революции, то Костомаров спрашивал, что произошло бы и какое правление могло бы быть учреждено в России, если бы и у нас случилась революция.

Алексей Петров

Костомаров остался при прежнем показании, что никогда не слышал революционных разговоров ни от Гулака, ни от Савича; что у Гулака вовсе не встречал Савича; что последний был один раз у него, Костомарова, и хотя обнаруживал коммунистические мысли, но революционных мыслей никогда не дозволял себе. Костомаров и во всем прочем отверг показание Петрова.

Н. Костомаров

Ч. III, арк. 177—179. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 245—247.

№ 354

1847 р. травня 1.— РАПОРТ ЛІКАРЯ ШТАБУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ ШПИСА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ПСИХІЧНЕ ЗАХВОРЮВАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА

Управляющему III отделением с. е. и. в. канцелярии
г-ну генерал-лейтенанту и кавалеру Дубельту
состоящего при штабе корпуса жандармов лекаря Шписа

Рапорт

Вследствие приказания вашего превосходительства от 1 мая я свидетельствовал состояние здоровья адъюнкт-проф. Киевского университета Николая Костомарова и оказалось, что Костомаров в продолжении двух дней обнаруживал признаки омрачения ума, которое в последнее время значительно умножилось, при том же телесные явления, как-то: взгляд и пульс заставляют опасаться еще большего усиления сумасшествия, почему я признаю необходимым для предосторожности поместить его в больницу [для] умалишенных.

О чем вашему превосходительству имею честь донести.

Состоящий при штабе корпуса жандармов лекарь Шпис

Резолюція О. Ф. Орлова: Высочайше повелено освидетельствовать лично Л. М. Арендту и потом лично со мною переговорить для принятия надлежащих мер.

Помітка про одержання: 2 мая 1847 г.

Ч. III, арк. 180. Оригінал.

№ 355

1847 р. травня 2.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО М. Ф. АРЕНДТА ІЗ ЗАПРОШЕННЯМ ОГЛЯНУТИ ХВОРОГО М. І. КОСТОМАРОВА

Его превосходи[тельст]ву Н. Ф. Арендту

2 мая 1847 г., № 707

Секретно

М[илостивый] г[осударь] Николай Федорович!

Государь император по всеподданнейшему докладу моему, что содержащийся при III отделении с. е. и. в. канцелярии один важный арестант обнаруживает признаки помешательства ума, высочайше повелеть соизволил, дабы Ваше превосходительство лично освидетельствовали упомянутого арестанта и потом переговорили бы со мною о принятии надлежащих мер.

О таковой монаршей воле уведомляя ваше превосходительство и покорнейше прося, не изволите ли пожаловать в III отделение сего числа (2 мая) в семь часов пополудни, имею честь удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном почтении и пред[анности].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. III, арк 181. Відпуск.

№ 356

1847 р. травня 7.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ДОЗВОЛИТИ ДАТИ НОВІ ЗІЗНАННЯ, А ПОПЕРЕДНІ ЗНИЩИТИ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

С чувством истинного сознания осмеливаюсь всепокорнейше просить ваше превосходительство обратить ко мне милостивое внимание.

Будучи взят в Киеве в самую важную эпоху жизни, я с тех пор находился в таком невыразимом отчаянии, которое расстроило мои душевные силы, и я увидел, что в первых моих показаниях я не мог сообразить и взвесить всего, чего требовало от меня правосудие и пиша их в разные минуты растерянности духа, а иное во время физической слабости, отчасти выражался неясно и запутанно, а отчасти от происходившего со мною беспокойства впадал в совершенное противоречие и ошибки так, что теперь решился, собравши присутствие духа, снова изложить все, что знал и чувствовал, как позволяет мое состояние, со всевозможнейшею искренностью по долгу совести и присяги, посему прибегаю к великодушию вашего превосходительства и всепокорнейше прошу благоволить уничтожить мои прежние показания, а вместо оных принять написанное мною новое. С изъявлением беспредельного уважения и совершеннейшей преданности имею честь пребыть вашего превосходительства всепокорнейшим слугой.

Николай Костомаров

Мая 7 1847 г., С.-П[етер]б[ург]

Ч. III, арк. 182. Автограф.

№ 357

1847 р. травня 7.— НОВІ ЗІЗНАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные г-ну адъюнкт-проф. Костомарову, и ответы его

7 мая 1847 г.

Объясните, когда началось Славянское общество, когда и кем принято символом кольцо и образа и в чем состоял устав общества?

В конце 1845 г., занимаясь в Киеве славянскими языками и историею славянских народов, я познакомился с двумя молодыми людьми — Белозерским и Гулаком, которые, оба, одаренные прекрасными дарованиями, имели отличное образование и хорошие сведения в славянских языках и истории.

Так как я всегда старался распространять любовь к занятиям наукою о славянстве, то сблизился с ними; мы занимались весьма прилежно, хотя не вместе, но видались и передавали друг другу свои замечания. В это время, когда я просиживал дни и ночи над книгами и писал, между прочим, сочинение о Кирилле и Мефодии, я был увлечен почитанием святых просветителей славян, изобретателей азбуки и переводчиков св[ятого] писания, и, сожалея, что память их мало у нас чтима, так что нет нигде ни ликов их, ни храмов во имя их, несмотря на важные благодеяния, оставленные ими и нашей церкви и нашему образованию, я сделал себе кольцо с именами их, подражая киевскому обычаю носить кольца в честь святых. Увидя это, Гулак себе сделал кольцо и Белозерскому это понравилось, но он не носил.

После пасхи 1846 г. Белозерский и Гулак (вообще расположенный к ученым товариществам по дерптскому духу) начали называть обществом такой круг знакомых, занимающихся славянскою наукою, на что я не соглашался, представляя, что круг наш не должно называть этим словом, которое противозаконно, а с[о] своей стороны говорил, что весьма было бы хорошо, ежели б в Киеве с дозволения правительства основано было ученое общество любителей славянской науки, которое всего приличнее могло быть названо именем Кирилла и Мефодия, как университет назван именем св. Владимира, просветителя России. Так продолжалось до конца мая. Тогда Белозерский уехал в Полтаву, а я перешел на другую квартиру, занялся другим кругом знакомств, потом уехал в Одессу и так воображаемое общество само собою исчезло. Я называю его только воображаемым, ибо я не соглашался именовать его обществом и кольца своего символом оного не считал, а Белозерский кольца вовсе и не имел. Устава у нас не было никакого: Белозерский говорил о каком-то уставе иллирийском, который он гораздо ранее еще откуда-то переписал или переделал; но этот устав не служил ни правилом, ни основанием. Впоследствии, воротившись, я не видался с Гулаком и даже с ним раззнакомился, но осенью Писарев прикомандировал его ко мне для издания летописи малороссийской, тогда Гулак бывал у меня, но редко и неохотно, без прежней откровенности и об обществе ни слова не говорил.

В чем состояла цель славянистов, каким путем они впали в заблуждение и какими средствами намерены были действовать?

С идеею об обществе Гулак и Белозерский соединяли чисто ученое направление и не показывали желания действовать сколько-нибудь для потрясения или нарушения существующего порядка, напротив, с жаром говорили о присоединении славян к Русскому государству, о будущем величии России, о распространении православия или, по крайней мере, кирилловского богослужения между иноверными славянами и самые разговоры касались более западных славян, однако впадали и в мечтания следующего рода: многие из западных славянофилов изображают в пленительном виде славянскую, предисторическую, патриархальную общинность, которая, по их мнению, составляет сокровище, каким славяне могут гордиться, и славою такого первобытного состояния, когда они были образованнее соседей своих, заменить ту отсталость от прочих европейских племен, в каковой их упрекают. Немецкие ученые, унижая племя славянское, раздражают славянофилов; от этого последние дошли до другой мечты, что племя славянское впереди покажет что-то новое, чудесное, невиданное в человечестве во всех отношениях общественной и умственной жизни и пророчат славянам великую будущность, вытекающую из развития их первобытных патриархальных начал, с которыми они появляются в доисторическом мраке. От этих двух идей: уверенности в первобытном блаженстве и древней образованности славян и надежд на будущее возрождение славян порождается множество систем, кружащих в разных оттенках под пером и в устах западных и наших славянофилов.

Такая идея будущности славян невольно вскользает в голову, разгоряченную сильным занятием, а потому Гулак и Белозерский мечтали о том, что через несколько веков славяне образуют такое государственное *тело,* в котором будет некий новый, еще не существовавший в истории человечества государственный и гражданский порядок, основанный на религии Иисуса Христа и на чистейших началах доисторической славянщины, долженствующей воскреснуть в обновленном виде; они не сознавали ясно, что будет это новое славянское общественное здание, а вообще говорили, что нет возможности никакому пытливому уму и воображению представить себе ясно, какова будет будущность славянская, ибо славяне суть предизбраны прови-

дением для величайших целей и достижение ими своего назначения будет таким же переворотом в человечестве, как переселение народов и конец древнего мира. Труды же славянофилов должны выражать собою надежду только будущего блаженства, впрочем без малейшего противоречия существующим властям и настоящему порядку. Новое государство откладывалось на тысячелетия, а достижение к оному предполагалось не политическими переворотами, а мирным, ненасилованным ходом развития умственного, путеводимого верою, в чем также полагалось отличие и преимущество славян перед другими народами. Все эти мечтания относились преимущественно к западным славянам, от которых они зашли к нам, особенно от иллирийцев.

Итак, вообще надежды и планы нашего воображаемого общества выражались в четырех предположениях.

1. Вера в великую будущность славян, которую однако никто себе определительно не представлял.

2. Надежда на присоединение славян к Российскому государству.

3. Распространение православного исповедания, или, по крайней мере, кирилловского богослужения между всеми славянами.

4. Распространение знания истории и языков славянских между всеми славянами. Душе обоих моих знакомцев предоставляется открыть, в какой степени занимали их эти идеи.

В чем состояло ваше участие в Славянском обществе?

Я со своей стороны хотя на общество не соглашался, однако занимаясь почти до болезни мраком первобытной славянщины, также впадал в ученые мечтания о будущей судьбе и возрождении славян по первобытным началам; эти мечтания у меня шли параллельно с углублением в древность и никогда не делались положительным убеждением, так что когда я вступил в круг ясной истории, то убедился ученым образом, что, с одной стороны, доисторическая славянская патриархальность есть не более, как не сформировавшееся общество полудикого племени и не составляет особенности славян, а обща всем младенчествующим народам, а с другой стороны, что будущее возрождение может только выразиться в стройной монархии. Тогда я принял за исходный пункт ту идею, что панславизм должен вести славян к соединению с Россиею, как единственною державою славянскою, сохранившею свою самобытность, а чтоб не раздражать других славян, которые дорожат своею народностью я предполагал, что надобно пустить в ход ту идею, что все народы славянские, находящиеся под чужой властью, образуют федеративную монархию под властью русского государя, не относя туда собственной Российской империи. Зная же по опыту и наблюдению, как легко входят в головы мечтательные панславистические идеи (вредные, замечу, тем более, что поляки стали принимать панславизм за средство для своих целей и представлять Польшу светом славянства, а славянство светом человечества), я предполагал написать два сочинения, с целью предотвращения молодых людей от впадания в такие идеи:

1. Составить повесть, в которой осмеять мечтательное славянофильство с его идеями возрождения по собственным началам и с этой целью набросал повесть «Панич Наталич», где представил молодого человека, помешавшегося на панславизме от уединения и сильного занятия пустыми мечтами.

2. Составить сочинение о панславизме, которое я хотел разделить на две части, и в первой показать, что патриархальная славянская блаженная демократия есть мечта, равно как и древняя образованность, и что таким образом нет тех светлых начал, каких ищут славянофилы. А во второй показать, что будущее возрождение славян не может совершиться ни по первобытным началам, каких нет, ни по западным либеральным, чуждым и

гибельным для нашего племени; что истинных начал славянских должно искать в ясной истории русского народа, сохранившего свою самобытность; и поэтому, если только благими видами провидения оправдается надежда славянофилов на возрождение, то оно может совершиться по началам русским, существующим и существовавшим, а не по небывалым началам доисторической славянщины; что, наконец, все славянофилы, если хотят узнать коренные элементы и, так сказать, эссенцию жизни славянской, должны обратиться к изучению России, а славяне западные во всевозможнейшем сближении с Россиею искать желаемого обновления по началам, истинно славянским.

С полною откровенностью излагая здесь ход моих славянских занятий, сознаю, что все панславистические мечтания, идеи, предположения были у меня незаметным для меня самого следствием сильного занятия наукою о славянстве; изучение оной я не предполагал противным благонамеренным видам правительства, которое всегда благосклонным вниманием ободряло и ученых наших славянофилов и путешественников в славянские земли: от этого я с жаром и принялся за изучение славянщины. Если же, увлекаясь наукою, я заходил в мечтание о таких предметах, о которых мне мечтать не следовало, то это делалось невольно, ибо и у наших, и у западных славянофилов встречал я подобные идеи, возгласы, надежды; и я тем же увлекался, но не выходил из чисто ученой сферы, не умалял славянством моим ни на волос любви моей к государю моему, не распространял ничего, что бы могло в ком-нибудь потрясти верность и долг, а в последнее время, занимаясь по долгу службы русскою историею, совсем отстал от панславизма во всех отношениях и углубился в изучение древностей русских, положив себе правилом, что ученый не должен строить утопий и даже с благою целью пускаться в предположения, которые дело правительства, а не науки.

Кто еще, кроме Гулака и Белозерского участвовал в Славянском обществе и поясните, что означают сомнительные выражения в переписке с вами?

Студент Навроцкий, живя с Гулаком на его иждивении, только физически, так сказать, входил в этот круг трех славянофилов, но ни умственно, ни сердечно принимать в нем участие не мог по совершенной ограниченности своей в науке славянской и по официальным занятиям лекциями профессоров.

Украинофильство есть привязанность весьма малого числа малороссиян к своей народности, происшедшая от того, что эта народность гаснет, народ меняет свой язык на русский, а известно, когда исчезает народность, всегда является в пользу ее агоническое движение. Украинофильство глубоких корней не пустило, ибо книги, по-малороссийски писанные, расходятся плохо и появляются редко и преследование их скорее возбудит то, что усыпает навеки. В Киеве прошлый год родилась мысль издавать «Сельское чтение» для малороссиян, выбирая статьи от Одоевского и Заблоцкого; просили и меня содействовать этому, на что я сказал, что соглашусь, когда будет соизволение министра народного просвещения и содействие министра государственных имуществ. Кулиш точно предан Малороссии, за что я с ним спорил до личностей. Он полагает, что малороссияне, будучи превосходнее нас, великороссиян, получат преимущественно перед нами доверенность государей, будут занимать почетные места, превзойдут нас в науках, в литературе, одним словом, все, чем будет гордиться Россия, все, что в ней будет честного, справедливого, верного царю и отечеству, все это будет преимущественно от малороссиян. Кроме этих идей соревнования, я от него не слыхал никаких нелепых толков о каком-нибудь восстановлении Малороссии или потрясений правительственных властей. В переписке его вы-

ражается спор о народности и литературе. Действительно некоторые фразы, напр[имер] о трудах, об оружии и т. п., кажутся сомнительны. Но это значит следующее: я разбирал «Повесть об украинском народе»; одно в ней хвалил, другое порицал и говорил, что когда мне придется с кафедры говорить об истории Малороссии, то я постараюсь наповал поразить историческими доводами это украйнофильство и ложный взгляд на казачество, писал к нему, что предаваться сильно Малороссии не стоит, тем менее стараться поддерживать ее народность; что бог одни народности избрал для саморазвития, а другие, напротив, должны исчезать, примыкая к избранным, и что малороссийская относится к неизбранным, доказывал это фактами, именно тем, что малороссияне, бывши военным народом, нося почти все оружие, не имели столько энергии, чтоб самим собою освободиться от татар и поляков и успокоены единственно Россиею; из этого я выводил заключение, что когда провидению угодно было, чтоб малороссийская народность уступила место русской, то и не нужно стараться ее воскрешать, ибо это во всяком случае будет напрасное усилие и от труб израильских не восстанут ее стены. В ответ на это раздраженный Кулиш, перефразируя мои слова, пустил в меня послание с трубами, от которых падают стены и твердыни и восстанет Украина. Все это не больше, как обыкновенная привычка выражаться гиперболически, принятая им и вообще малороссиянами. Сколько Кулиш позволил мне знать себя, я так понимал их и понимаю.

Художник Шевченко знаком со мною мало, был у меня раза три-четыре, не говорил ничего ни благонамеренного, ни злонамеренного, обращался со мною осторожно и даже никогда не выставлял преимуществ своей малороссийской народности, а рассказывал смешные анекдоты о своих земляках, описывал их обряды и т. п. Направление стихов его, напечатанных еще в 1840 г., уже поэтому не имеет ничего общего с пребыванием его в Киеве, позднейшим и коротким. Молодые же люди, как Маркович и другие, увлекаются народностью отчасти по врожденной юности любви к своему углу, отчасти по неохоте заняться чем-нибудь дельным. Несмотря на то, что они выражаются гиперболически и с важностью о пустяках, этот пыл легко проходит, когда служебное занятие, семейные дела и т. п. не позволяют им более заниматься песнями, загадками и пр., чему я не раз был свидетелем. Не входя с ними в близкие сношения, не допуская их к домашнему знакомству, я не знаю их внутреннего направления вполне, но по долгу совести и присяги показываю, что в Киеве я ни от кого не слыхал чего-нибудь возмутительного, клонящегося к нелепостям о восстановлении Малороссии и т. п. Бывши причастен славянским мечтаниям, украинским я причастен не был, вооружался против них сильно, что ясно доказывают письма Кулиша, писал историю Малороссии, которая бы очень не понравилась украинофилам, и потому не имею сердечного побуждения щадить такое направление, которого я не разделял и над которым смеялся. Увлечение малороссиян происходит еще от того, что нет правильной истории Малороссии, ибо история Бантыша [162] скучна и неудобочтимая, а такое глупое издание, как история Маркевича [163], где всякий гетман представляется гением почти равным Наполеону, сбивает с толку неопытные головы, воображающие себе что-то изумительное в казачестве. Главное, что поражает незнающего бессмысленного украинофильства, это их преувеличения, с какими они посредственного писателя готовы поставить выше Шекспира, и каждую песню считают превосходнее векового произведения искусства. Притом это остаток идеи народности, которая в образованном кругу перешла уже свою крайность, а в западной Малороссии еще не подчинились истинной точке зрения.

Действительно ли в декабре 1846 г. при вас у Гулака помещик Савич рассуждал о революционных предположениях, говоря, что в случае восста-

ния можно воспользоваться киевскою крепостью? Точно ли Гулак, предаваясь революционным идеям, говорил, что в случае необходимости должно пожертвовать царскою фамилиею и правда ли, что на лекциях в университете вы старались выводить примеры из древней русской истории о народных волнениях и убийстве великих князей?

О толках и разговорах, происходящих будто бы у Гулака, по совести объявляю, что ничего не знаю. Савич, с которым я едва знаком, не говорил ничего относительно России или монархического правления, ни о Малороссии. Разговор же о крепости, преступный и до крайности нелепый, вероятно есть выдумка, по крайней мере я не был при нем. Савича я не знаю и не могу сказать ничего ни хорошего, ни дурного об его направлении и мнениях относительно правительства и существующего порядка. Разговор Гулака тоже при мне не происходил; а будто я на лекциях приводил примеры об убийстве великих князей есть клевета и притом невежественная, ибо ни один из наших великих князей в древности не был убит во время революции, и я не столько несведущ в русской истории, чтоб в каком-нибудь отношении взять для сравнения с настоящим временем что-нибудь из удельного хаоса, в котором общественные начала не сформировались, в который Россия совсем не то была, что по образовании из него стройной монархии при Иоанне III. Наконец, я еще так нравственно не падал, чтобы осмелился слушать, не только сам принимать участия в разговорах столь гнусных, каковые означены в предложенном мне вопросе.

Для чего вы хранили у себя возмутительные сочинения, откуда получили рукопись «Закон божий», для чего передали ее Гулаку и не считались ли означенные сочинения средствами для достижения цели общества?

Непозволительные рукописи, как-то: «Dziady», «Поднестрянку», или «Закон божий», «Сон» и другие, я приобрел отчасти по врожденной страсти к редкостям, отчасти с целью, что все пригодится для исследования языка и для соображений исторических, но теперь я крайне сожалею и глубоко раскаиваюсь,что держал и переписывал эти мерзости.То только служит мне утешением, что, видит бог, как далек я был от всех гнусных революционных убеждений и отвратительных мыслей, обращение дара божия — слово на подлое змеиное шептание против священных предметов, установленных и благословенных небом. «Закон божий», я списал еще давно, сколько могу припомнить, от Хмельницкого, который служил в Кавказском корпусе, случайно квартировал со мною недолго в Харькове и потом уехал, кажется, в Петербург. Несколько лет эта рукопись валялась у меня без употребления, пока несчастный случай не привел меня читать Мицкевича, и я вспомнил об ней, открыл и смотрел на нее, как на исторический памятник близких к нашему времени заблуждений. Гулак, бывая у меня в доме по случаю перевода летописи, захватил ее у меня, воспользовавшись моею рассеянностью, происшедшею оттого, что я занят был сильно своим сватовством. Таким образом бог попустил меня за грехи мои в величайшее несчастье быть невольным орудием распространения подлейшей рукописи. Мне кажется она произведением поляка, ибо тексты: всяка власть, истина, быть слугою толкуются и упоминаются также точно у Мицкевича, Лелевеля и в записках Даниловича, покойного профессора, тайного недоброжелателя нашего, хотя ученого человека. Притом многие поляки из Юго-Западной Руси, например Чайковский [164], Залесский [165] и другие, кричали о восстановлении и славе Украины так, что порицали своих соотечественников. Эта рукопись не имела ни малейшего приложения к прежним занятиям славянским и к тому ученому бреду, который происходил в апреле и мае, и обоим знакомцам моим была неизвестна. Также «Сон» и прочие стихотворения со славянством никакого не имели отношения и не служили ни правилами, ни возбуждениями.

Почему вы избрали текст из св. писания: «и уразумеете истину, и истина освободит вы» для своей печати и не была ли она печатью общества?

О печати своей я с полной откровенностью объявляю, что она сделана решительно без всякого непозволительного умысла и не служила никаким девизом общества или тайных целей и намерений. Текст заключает общечеловеческую, применяемую к тысячи случаям жизни истину, а для меня, как для занимающегося историей, он казался самым приличнейшим.

Не имеете ли добавить еще что-либо к своему показанию?

Так с полной откровенностью, совершенным признанием, как только могу вспомнить и собразить в настоящем моем горе, я представляю все, что знаю, и все, что не только было, но и что происходило в душе моей. Занимаясь прошлый год славянством, я был уверен, что действую и думаю не отступая ни от закона, ни от долга, ни от любви к государю, что и действительно так было, но я заходил в мечтания, без коих наука может обойтись, заходил невольно, без злоумышления, с горячей любовью к долгу, притом не разносил из кабинета никаких утопических мечтаний, зная, что самое невинное мечтание, переходя в неопытную толпу, может производить дурные последствия; тем не менее убежден, что ученые не должны и с ревностнейшими желаниями пользы и славы государю и отечеству заходить далее того, сколько им открыто и указано благоразумным правительством, в противном случае они вместо добра по самому назнанию своему будут только препятствовать тому, чего сами, как верные сыны, желают. Все это я теперь ясно вижу и сознаюсь, что в этом я при всей видимой мною законности своих занятий впадал в прегрешение невольное, как мудро выражается церковь; и еще глубже раскаиваюсь, что держал непозволительные рукописи. Сам господь указал мне, как я поступил легкомысленно и неосторожно, но я не имел в душе злых помышлений и потому, полагаясь на бога, в руке коего сердце царево, со страхом и благоговением, слезами умиления орошаю священные стопы августейшего государя, отца моего, и умоляю его высокую благость об отеческом милосердии.

Адъюнкт-проф. Н. Костомаров

Ч. III, арк. 183—208. Оригінал.
Опубл.: Былое.— 1907.— № 8.— С. 220—227.
Збірник пам'яті Тараса Шевченка.— С. 234—243.

№ 358

1847 р. травня 13.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ВИКЛАДОМ ЗМІСТУ ОКРЕМИХ ТВОРІВ М. І. КОСТОМАРОВА ІЗ ЗБІРОК «УКРАЇНСЬКІ БАЛАДИ» ТА «ВЄТКА», ВИЛУЧЕНИХ У НЬОГО ПІД ЧАС ОБШУКУ

Весьма секретно

Его сиятельству А. Ф. Орлову

13 мая 1847 г., № 23, Киев

М[илостивый] г[осударь] гр. Алексей Федорович!

Из сообщенных мне вашим сиятельством показаний адъюнкт-проф. Костомарова видно, что он, находясь еще в Харькове, был в коротких связях с лицами, занимавшимися малороссийским наречием, и принимал участие в их литературных предприятиях по сей части.

Между оставшимися здесь, в квартире Костомарова, книгами отысканы два сочинения его на этом наречии, изданные в Харькове же под именем

Иеремии Галки: одно в 1839 г. под заглавием «Украинские баллады», другое в 1840 г. под заглавием «Ветка».

В сочинениях сих обращают на себя внимание следующие стихотворения:

В первом «Максим Перебийнос»[166] (стр. 3) автор прославляет этого гайдамаку (разбойника) таким образом: В панский ли замок налетят они, и станет панский замок пепелище. В неволе изнывают бедные паны, а в их земле, как на кладбище. Вот как Максим с своею ватагою отомщает за недолю Украины! Не разжалобят его ни вдовы, ни сироты, ни красная девица: для Максима нипочем эта краса; он, знай, истребляет все дотла. Не раз в глазах матери он со смехом разбивал об стену ее дитя. Господь покарал ляхов за их поступки, и страшный свой меч вручил Максиму.

«Щира правда»[167] (истинная правдивость), стр. 14. В этой пьесе изображены два друга Вронский и Харкевич, следовавшие каждый своему убеждению и своему правилу: один быть верным королю, другой поступать по правде. Первый был начальником в Новгород-Северске и успешно защищал его от казаков. Второй был в это время хорунжим в том же уезде, передался казакам и ввел их через потаенный ход в город. Сдавая крепость, Вронский увидел предателя Харкевича, застрелил его и в то же время был изрублен казаками. Умирая, оба они твердили: Вронский стонал: сгубили меня за искреннюю верность, а Харкевич произнес тихо: я убит за истинную правду. Вывод такого заключения может быть тот, что не должно ни говорить правду, ни быть верным своему долгу.

«Дед-пасишник» (старый пасечник), стр. 18, 19, 20. Пасечник рассказы свои о былом оканчивает так: было когда-то — Павло[168] наш не убоялся перед царем, как гетман, смело стал и не устрашился поведать ту думу, которую лелеял в мысли как свое дитя: и он стосковался на чужбине — он был последний украинец.

Побледнел наш старик, голос его изменился; подобно подрубленой липе он повалился на сторону, и кобза повалилась наземь звеня, и недопетая песня развеялась по ветру.

Это выражает известные слова Полуботка, сказанные императору Петру I, о конх в последнее время столько рассуждали малороссияне. Воспоминание их как-будто до того опечалило певца, что он упал в обморок.

«Співець» (певец), стр. 31, 32. Ох, оттого молодой певец не поет, что родная речь как свеча угасает! Ох, оттого певец не бряцает по гуслям, что никто не идет его слушать! Ох, мать моя родимая, старая, задавила уже тебя земля сырая. На могиле начал будяк расцветать; а розы некому было посадить. Ох, пойду я на эту могилу, где мать мою давно схоронили! Пойду к Днепру, на высокую гору, взгляну на широкую степь: в старом Днепре вода играет, а по ковылю легкий ветер реет! И припал певец к земле головою, покатились слезы из очей рекою!

Ох, мать моя, ты родная мать; неужели нам не видать тебя больше! Встань из земли за детьми присмотреть — они плачут, горюют; они уймутся, а за тем, что уймутся, не хочу очнуться!

Пьеса эта выражает печаль казака, что язык его уничтожается и Украина — мать его — умерла; она не хочет воскреснуть по его призыву потому, что ожидает, что дети и казаки перестанут о ней печалиться.

К этому стихотворению приложен перевод его на чешский язык, написанный, как из приписки видно, собственноручно Владиславом Челяковским, известным между чужеземными писателями по своему недоброжелательству ко всему русскому, который переложил также на чешское наречие речь государя императора, произнесенную в Варшаве в 1833 г., с разными на оную от себя пасквильными прибавлениями.

Во втором сочинении «Ветка» — «Пісня моя»[169], стр. 5. 6, 7. Песню

свою автор посылает во пределы славянства по лесам, по горам, по городам, по слободам, велит ей отозваться во всех душах, во всех сердцах. Между скал в опустевшем Заднепровье, где нет жилья, а только виднеются могилы, где нет людей, воют волки; где была Сечь и жили казаки, я ходил ночью... Тогда из лесу, вся в тумане, вышла ко мне какая-то женщина. Пой, она сказала, для всего рода; пой для всех родных. Буду, буду петь, пока достанет голосу, хотя и не захотят слушать, я не перестану.

Сочинение это выражает вполне тот дух, который ввел сочинителя в такие преступные заблуждения.

«Клятьба» (проклятие), стр. 8, 9. Напрасно просишься изменник: не отпущу тебя никуда, вечно буду терзать и мучить без устали. И хотя бы за послабление ты в царство ввел меня, я и от царства отрекся бы за наслаждение издеваться, на[д]ругаться над тобою и творить тебе напасть. Были великие злодеи; небо и земля содрогались от их деяний; плакались на них сожженные страны, их именами ругались и желали им страдать так в аду, как страдали от их напастей несчастные люди. Но вред, какой ты причинил, не сравняется с теми.

«Згадка» (воспоминание), стр. 10, 11. Сидя над рекой, вспоминал о прошлом; о своей некогда охоте к военной славе, о битвах, пожарах, храбрости, досужестве своем, товарищах... Вспомнил и о том, о чем вспоминать тошно, о чем вздыхать не надо и неможно... И канула тихо горячая слеза. Так падает с неба гнев божий, роса, что тихо зеленую поедает траву... И станет все поле печально и пусто, и божая кара над ним пребывает.

Обе эти пьесы представляют желание сделать самое неблаговидное применение.

Во многих местах всех сих сочинений довольно слов, не принадлежащих даже к малороссийскому наречию, но заимствованных большею частью из польского. На страницах же 77 и 78 введена и новая буква — польское «ą».

Долгом поставляю книжки эти представить на благоусмотрение вашего сиятельства со вложенным в первую из них собственноручным переводом Челяковского.

При сем обязываюсь присовокупить, что от Костомарова, в пояснение данных им ответов неизлишне было бы потребовать также показания о том: а) когда, у какого именно ученика отнял он сочинения Мицкевича[170], где это было; какими обстоятельствами случай сей сопровождался? Дабы по ясному показанию я мог сделать распоряжение к произведению надлежащего розыскания в б) какому начальству, когда и каким образом стала известная мысль Костомарова об издании «Сельского чтения» для малороссиян?

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и искренной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка О. Ф. Орлова: Упомянуть.

Помітка про одержання: 20 мая 1847 г.

Ч. III, арк. 209—212. Оригінал.

№ 359

1847 р. травня 19.— СВІДЧЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА В III ВІДДІЛЕННІ

Вопрос, предложенный адъюнкт-профессору Костомарову, и ответ его

9 мая 1847 г.

Коллежский секретарь Гулак сознавшись, наконец в участии с вами по Славянскому обществу объяснил дело согласно с вашим показанием, но между прочим объявил, что рукопись «Закон божий» им сочинена, тогда как по вашим словам рукопись эта есть сочинение в духе польском и была получена вами от офицера Хмельницкого. Объясните противоречие.

Вероятно, Гулак, движимый, наконец, раскаянием в своем безрассудном и бесчестном поступке, именно, что он, отъезжая в С.-Петербург, утащил у меня рукопись и через то поверг меня ответственности и за то, что эта рукопись, быть может распространилась, за то единственно, что по доброте души я слишком был доверчив к людям и не предполагал тайного зла, вероятно, Гулак думает теперь этим загладить перед богом то, чем он отплатил мне за добро.

М. Костомаров

Ч. III, арк. 213. Оригінал.
Опубл.: Былое.— 1907.— № 8.— С. 228, Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 255.

№ 360

1847 р. травня 24.— ДОДАТКОВІ ПОЯСНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО ПОПЕРЕДНІХ ЗІЗНАНЬ В III ВІДДІЛЕННІ

С полною откровенностию и раскаянием объявляю, что я в беспокойном волнении духа, неточно выражаясь, обвинил Савича в каком-то коммунизме совершенно необдуманно и неосновательно, так что, припомнивши и обсудивши, вынужден теперь с ужасом [171] сознаться в своей неумышленной вине и со слезами просить прощения [172], ибо я оговорил человека, которого едва знаю, и согрешил перед богом и государем.

Н. Костомаров

Ч. III, арк. 215. Оригінал.
Ч. III, арк. 214. Копія з поміткою Л. В. Дубельта: Иметь в виду по прибытии Савича.
Опубл.: Былое.— 1917.— № 8.— С. 228.

№ 361

1847 р. квітня 4.— ВІДНОШЕННЯ І. І. ФУНДУКЛЕЯ ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВИДАЧУ ПАСПОРТІВ Т. П. КОСТОМАРОВІЙ, Р. У. МАЗУРОВІЙ ТА А. Л. КРАГЕЛЬСЬКІЙ ДЛЯ ПОЇЗДКИ В м. ПЕТЕРБУРГ

В III отделение с. е. и. в. канцелярии

4 апреля 1847 г., № 7315, Киев

Имею честь уведомить III отделение с. е. и. в. канцелярии, что от меня выданы паспорта на проезд в С.-Петербург на шесть месяцев жительницам г. Киева вдове капитана Татьяне Костомаровой и жене коллежского асессора Анели Мазуровой с дочерью Алиною Крагельскою.

Гражданский губернатор Фундуклей

Помітка про одержання : 17 апреля 1847 г.

Ч. III, арк. 216. Оригінал.

№ 362

1847 р. квітня 25.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО НАЧАЛЬНИКА 1-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ СУВОРОГО НАГЛЯДУ ЗА Т. П. КОСТОМАРОВОЮ, Р. У. МАЗУРОВОЮ, А. Л. КРАГЕЛЬСЬКОЮ ТА О. М. КУЛІШ

Весьма секретно

Его превосход[ительст]ву Д. П. Полозову

25 апреля 1847 г., № 653

М[илостивый] г[осударь] Данило Петрович!

В III отделении с. е. и. в. канцелярии производится одно дело, весьма важное и секретное, между другими об адъюнкте Костомарове Киевского университета и бывшем учителем 5-й С.-Петербургской гимназии Кулише.

Ныне в С.-Петербург прибыли мать Костомарова, вдова капитана Татьяна Костомарова, жена коллежского асессора Анеля Мазурова с дочерью Алиною Крагельскою, из которых последняя есть обрученная невеста Костомарова, и жена Кулиша. Все они прибыли с тою целью, чтобы узнать о положении дела насчет Костомарова и Кулиша и ходатайствовать за них. Но им в III отделении уже объявлено, что сведения по означенному делу не могут быть открываемы, что они не должны стараться принимать какое бы то не было участие в производстве означенного дела, жить в столице сколь возможно спокойнее и никому не сообщать известий ни об упомянутых лицах, ни о деле их.

Уведомляя о сем ваше превосходительство и покорнейше прося Вас сделать распоряжение, дабы за Костомаровою, Мазуровою, Крагельскою и Кулиш во время пребывания их в С.-Петербурге имелось секретное, но самое строгое наблюдение, долгом считаю присовокупить, что из них первые три жительствуют в Моховой улице, против глазной лечебницы, в доме Пикеева, а г-жа Кулиш — московской части в Гороховой улице, в доме Доливо-Добровольского в квартире Кармалеева.

Примите уверен[ия] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. III, арк. 217—218. Відпуск.

№ 363

1847 р. травня 6.— ВІДНОШЕННЯ Д. П. ПОЛОЗОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА Т. П. КОСТОМАРОВОЮ, Р. У. МАЗУРОВОЮ, А. Л. КРАГЕЛЬСЬКОЮ І О. М. КУЛІШ

Весьма секретно

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

6 мая 1847 г., № 193, С.-Петербург

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Вследствие предписания ко мне г-на шефа жандармов от 25 апреля, № 653 [173] я поручил подполковнику корпуса жандармов Ракееву иметь секретное, но самое строгое наблюдение за прибывшими сюда — вдовою капитана Костомаровою, женою коллежского асессора Мазуровою, с дочерью Алиною Крагельскою и г-жою Кулиш, который от 4 сего мая доносит, что

все они в молчании как бы ожидают решения дела их и время проводят чаще у знакомых своих киевлян и гр-ни Мелино; первые три принимают к себе двух прапорщиков Тепловых, состоящих при Инженерном училище, а последняя живет в известном семействе чиновника Кармалеева — весьма спокойно.

Имея честь уведомить о том ваше превосходительство для сведения, покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Д. Полозов

Помітка про одержання: 7 мая 1847 г.

Ч. III, арк. 219. Оригінал.

№ 364

1847 р. травня 19.— ЛИСТ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ ПРО СТАН ЗДОРОВ'Я ЇЇ СИНА

Ваше превосходительство милостивый государь!

Доброта вашего сердца и христианское участие в судьбе несчастных дают мне смелость беспокоить вас моею всепокорнейшею просьбою. Вы — отец и можете потому сочувствовать матери, разлучившейся с единственным почтительным, добрым сыном, единственным родным существом в этом мире. Даже лишившись навеки дорогих нашему сердцу, мы облегчаем скорбь свою, посещая могилы, беседуя с теми, кто не может уже дать нам никакого ответа, тяжкая печаль об отсутствующих уменьшается получением вестей об них, а я не имею и этого горького удовольствия. Вы не позволили мне писать к моему несчастному сыну Николаю Костомарову, и я не смею просить вас об этом, будучи уверена, что если бы было возможно, то вы не отказали бы мне, но неизвестность о нем терзает меня. Несмотря на то, что великость моего несчастья, дошедшего до отчаяния, сделала меня почти равнодушною или безчувственною ко всему, бывают иногда минуты, когда горе мое, ничем не облегчимое, делается невыносимым для слабой женщины. Будучи больна, я осмеливаюсь обратиться письмом к милосердию вашего превосходительства, умоляя вас приказать уведомить меня, жив ли сын мой, здоров ли он, скоро ли решится его участь и вообще обо всем, что долг ваш и доброе сердце позволят сообщить мне. Не опасайтесь испугать меня печальными вестями, если они по воле божей неизбежны: чаша горести моей уже пренсполннлась, а неизвестность мучительнее всего. Не отрыньте же мольбы бедной матери, просящей о несчастном сыне своем. Бог наградит вас.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть навсегда вашего превосходительства покорнейшая ко услугам

Татьяна Костомарова

19 мая 1847 г.

Жительство имею на Моховой улице возле Управы благочиння в доме Пикеева на квартире под № 34.

Помітка Л. В. Дубельта: Разрешено писать.
Помітка про одержання: 21 мая 1847 г.

Ч. III, арк. 220—221. Оригінал.

№ 365

1847 р. травня 31.— ПРОХАННЯ Р. У. МАЗУРОВОЇ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ДОЗВОЛИТИ ПОБАЧЕННЯ З М. І. КОСТОМАРОВИМ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Я не в силах изъявить вам чувствительнейшей благодарности моей за помощь, которую я получила по ходатайству вашему и графа, хотя к несчастью потеряла надежду получить пансион для моих детей. Несмотря на то, что душевно терзаюсь болезнью моего мужа и разлукою с дорогим сердцу моему семейством, я не могу уехать, не вымоливши у ног ваших или где вы мне укажите свидания с Костомаровым. Считаю святою обязанностью не как близкому, а ближнему доставить последнюю перед отъездом отраду, уменьшить его горе и несколько успокоить его. Клянусь что, ежели я его не увижу, то, зная его слабое здоровье и расстройство его души, смело уверяю, что он умрет с горя. Увидев его, я возьму с него клятву: быть спокойным, беречь свое здоровье и благодарить богу за милость царскую, графа и вашу. Исполнив этот долг, мой, я не стану более беспокоить вас и буду собираться туда, куда душа и обязанности влекут меня. Ваше превосходительство! Будьте милостивы, дайте жизнь страдающему. Имею честь быть вашего превосходительства покорная слуга

Мазурова

31 мая 1847 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Пусть напишет к нему.
Помітка. Лично объявлено.

Ч. III, арк. 222. Оригінал.

№ 366

1847 р. травня 30—31.— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ У СПРАВІ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ М. І. КОСТОМАРОВА У КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОМУ ТОВАРИСТВІ

Костомаров

Адъюнкт Киевского университета Николай Костомаров. При арестовании его в Киеве, он сам представил кольцо с вырезкою имен св. Кирилла и Мефодия и рукопись, называемую «Закон божий», которую он именует «Поднестрянкою», у Гулака оказался другой экземпляр этой рукописи, писанный рукою его же, Костомарова. Еще у него найдены печать с вырезкою слов: «Иоанна VIII ст. 32» («И уразумейте истину и истина освободит вы»), легенды о св. Кирилле и Мефодие, записки о панславизме, сочинение Шевченки и рукопись Мицкевича «Дзяды» преступного содержания.

Костомаров хотя и при первых допросах объяснял истину, но запутывал оную разными несообразностями и противоречиями. Вскоре в нем обнаружились признаки помешательства ума. Почувствовав себя в лучшем против прежнего положении и вспоминая все написанные им прежде, под влиянием умственного расстройства, несообразности, он испросил дозволения составить новое показание. В этом последнем показании он объяснил дело славянистов в том же виде, как и Белозерский, т. е., что он, Костомаров, с Гулаком и Белозерским в исходе 1845 г. и начале 1846 г. предавались рассуждениям о присоединении иноземных славянских племен к России, предполагая действовать только распространением образования и другими мирными средствами.

При этом Костомаров сознался, что он придумал носить кольцо во имя св. Кирилла и Мефодия единственно из уважения к памяти первых просветителей славян, что по его предложению кольцо это носил и Гулак; но он, Костомаров, не считал кольца символом общества, даже убеждал Гулака и Белозерского не называть круг свой обществом, напоминал им, что такие названия недозволены законом. Костомаров присовокупил, что он говорил некоторым о желании составить общество, но под этим разумел намерение свое предложить начальству Киевского университета мысль учредить на законном основании общество для занятий славянскими исследованиями с тем, чтобы оно названо было обществом св. Кирилла и Мефодия по примеру тому, как Киевский университет назван во имя св. Владимира.

Далее Костомаров объяснил, что рукопись «Закон божий» он списал за несколько лет пред сим единственно по страсти иметь редкости у находившегося в Харькове Хмельницкого, который имел еще другую какую-то придаточную фамилию и который служил в Кавказском корпусе, а потом уехал, кажется, в С.-Петербург, что эта рукопись должна быть произведением поляков, которые во времена мятежа возглашали о восстании в Малороссии, что эту рукопись он никогда не думал распространять, а Гулак, бывая у него, сам захватил ее без его, Костомарова, воли.

Студент Петров показывал, будто бы помещик Савич, а потом Гулак в присутствии Костомарова предавались революционным предположениям и будто бы Костомаров на лекциях своих весьма ярко очерчивал случаи из древней русской истории о волнениях народных и убийстве великих князей. Но Костомаров отвергает это показание, уверяя, что в нем никогда не погасало чувство благоговения к августейшему дому, что он не дозволил бы себе находиться там, где происходят столь дерзкие рассуждения, и что в самом показании о лекциях его заключается несправедливость, ибо в древние времена русские были столько преданы своим государям, что ни один из великих князей не был погублен народом.

Высочайше утвержденным решением определено Костомарова, хотя впоследствии откровенно сознавшегося, но тем более виновного, что он был старее всех по летам, а по званию профессора, обязан был отвращать молодых людей от дурного направления, заключить в Алексеевский равелин на один год и потом отправить на службу в Вятку, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора; изданные же им под псевдонимом Иеремии Галки сочинения «Украинские баллады» и «Ветка» воспретить и изъять из продажи.

Матери Костомарова, по высочайшему повелению, выдано жалованье сына ее за год, 600 р[уб.] сер[ебром], а матери невесты его, коллежской асессорше Мазуровой, в пособие на возвратный путь из С.-Петербурга в Киев — 300 р[уб.] сер[ебром].

Костомаров заключен в Алексеевский равелин 30-го мая 1847 г.

Ч. III, арк. 223—227. Копія.

№ 367

1847 р. травня, не раніше 30.— ЗАПИС КАНЦЕЛЯРІЇ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО СТАВЛЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО ВИРОКУ МИКОЛИ І

При объявлении коллежскому асессору Костомарову высочайшего решения, когда объяснили ему, что сверх снисхождения к его участи государь император всемилостивейше повелел выдать матери его жалованье его за год и видаться с ним в крепости, он залился слезами и, упав на колена, воссы-

лал мольбы о его императорском величестве, выражая неограниченную благодарность. Между прочим он сказал, что в иностранных государствах за столь важное преступление поступили бы по точной букве закона, а ему милосердием государя дарована еще возможность загладить свое преступление будущею усердною службою.

Мая 1847 г.

Ч. III, арк. 228. Оригінал.

№ 368

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО І. М. СКОБЕЛЄВА ПРО УВ'ЯЗНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ТА П. О. КУЛІША В ОЛЕКСІІВСЬКИЙ РАВЕЛІН

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву И. Н. Скобелеву

30 мая 1847 г., № 877

М[илостивый] г[осударь] Иван Никитич!

Государь император при решении дела об Украйно-славянском обществе высочайше повелеть соизволил: заключить в Алексеевский равелин коллежского асессора Николая Костомарова на один год и 9-го класса Пантелеймона Кулиша на четыре месяца; потом отправить их на службу: первого — в Вятку, а второго — в Вологду; во время же заключения их дозволить иметь в крепости свидания Костомарову с матерью, а Кулишу с женою его, но не иначе как при вашем превосходительстве.

О таковой монаршей воле сообщая вашему высокопревосходительству и препровождая при сем под строгим арестом Костомарова и Кулиша для зависящего исполнения, имею честь присовокупить, что пред окончанием срока заключения их мною сделано будет распоряжение об отсылке первого из них в Вятку, а второго в Вологду; о доставлении же к вам Костомарова и Кулиша не благоугодно ли будет вам, м[илостивый] г[осударь], удостоить меня уведомлением.

Примите уверен[ие] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов
Верно: коллежский советник Константинов

Ч. III, арк. 229—230. Відпуск.

№ 369

1847 р. травня 30.— РЕЄСТР РЕЧЕЙ ТА ГРОШЕЙ М. І. КОСТОМАРОВА, НАПРАВЛЕНИЙ Л. В. ДУБЕЛЬТОМ І. М. СКОБЕЛЄВУ

Реестр препровождаемым пакету, вещам и деньгам

Секретный пакет на имя его высокопревосходительства Ивана Никитича Скобелева за № 877.

При сем следует коллежский асессор Костомаров.

Разные вещи и деньги семьсот девять рублей семьдесят восемь копеек серебром, принадлежащие Костомарову.

Расписка в принятии

Принято: арестант — мною, а деньги и вещи — смотрителем равелина

Скобелев

Генерал-лейтенант Дубельт

Ч. III, арк. 231. Оригінал.

№ 370

1847 р. травня 30.— РОЗПИСКА НАГЛЯДАЧА МАЙОРА ЯБЛОНСЬКОГО ПРО ПРИЙНЯТТЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ

1847-го г. мая 30-го дня присланного из III отделения с. е. и. в. [канцелярии] арестант[а] с разными вещами и деньгами 709 руб. 78 коп. серебром.

Получил смотритель майор Яблонский

Ч. III, арк. 232. Оригінал.

№ 371

1847 р. травня 30.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПРИЙНЯТТЯ М. І. КОСТОМАРОВА ТА П. О. КУЛІША ДО ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

коменданта Санкт-Петербургской крепости генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Доставленные ко мне при предписании вашего сиятельства сего числа за № 877-м коллежский асессор Костомаров и 9-го класса Кулиш для заключения в Алексеевский равелин в 3 часа пополудни мною приняты и посажены в арестантские покои под номерами: первый 6-м, а последний 9-м, о чем вашему сиятельству честь имею донести.

Генерал от инфантерии Скобелев

30 мая 1847 г., № 57

Ч. III, арк. 233. Оригінал.

№ 372

1847 р. травня 30.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА МИКОЛІ І ПРО ПРИЙНЯТТЯ М. І. КОСТОМАРОВА ТА П. О. КУЛІША ДО ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ

Его императорскому величеству

коменданта С.-Петербургской крепости генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Вашему императорскому величеству всеподданейше доношу, что доставленные ко мне при предписании главного начальника III отделения с. е. и. в. канцелярии для заключения в Алексеевский равелин коллежский асессор Николай Костомаров — на один год и 9-го класса Пантелеймон Кулиш — на 4 месяца — сего числа приняты и посажены в арестантские покои: первый под № 6-м, а последний — 9-м.

Комендант генерал от инфантерии Скобелев

Мая 30 дня 1847 г., № 58

Помітка Л. В. Дубельта: Его величество изволил читать 1 июня 1847 г.

Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. III, арк. 234. Оригінал.

№ 373 — 375

1847 р. травня 30.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ О. Ф. ОРЛОВА І Р. У. МАЗУРОВОЇ ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ ПЕНСІЇ ЇЇ ДІТЯМ ТА ВИДІЛЕННЯ ОДНОРАЗОВОЇ ДОПОМОГИ 300 крб. СРІБЛОМ НА ПРОЇЗД ДО м. КИЄВА

Ч. III, арк. 235—237. Оригінали та відпуск.
Не публікуються.

№ 376

1847 р. травня 30.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА Т. П. КОСТОМАРОВІЙ ПРО ВИПЛАТУ ЇЙ РІЧНОГО ЖАЛУВАННЯ СИНА

[Ее] высокобл[агородию] Т. П. Костомаровой

30 мая 1847 г., № 899

Милостивая государыня Татьяна Петровна!

Государь император во внимании, что сын ваш коллежский асессор Николай Костомаров по обстоятельствам удален от службы, высочайше повелеть соизволил: производить вам на содержание в течение одного года то жалование, которое он получал по должности адъюнкт-профессора.

Уведомляя вас о таковой монаршей воле и присовокупляя, что мною немедленно сделано будет к исполнению оной надлежащее распоряжение, имею честь удостоверить в истинном моем почтеиии.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. III, арк. 238. Відпуск.

№ 377

1847 р. травня 31.— ВІДНОШЕННЯ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО РОЗМІР ЖАЛУВАННЯ, ЯКЕ ОДЕРЖУВАЛИ М. І. КОСТОМАРОВ ТА П. О. КУЛІШ

Секретно

Его сият[ельству] гр. А. Ф. Орлову

31 мая 1847 г., № 721

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 30 мая [174] за № 897 имею честь вас уведомить, что бывший адъюнкт университета св. Владимира Костомаров получал штатного жалованья по 600 руб. с[еребром] и квартирных денег 90 руб. с[еребром] в год. Кулиш по должности сверхштатного преподавателя для студентов-инородцев в здешием университете получал в виде платы 350 руб. с[еребром], а по должиости старшего учителя 5-й гимназии производилось ему штатного жалованья 643 р[уб.] 31 коп. сер[ебром] в год.

Примите, милостивый государь, уверение в совершеином почтении и преданности.

Гр. Уваров

Помітка: 600
214 — 43 к.
814 р. 43 к. сер.

Помітка про одержання: 2 июня 1847 г.

Ч. III, арк. 239. Оригінал.

№ 378—381

1847 р. червня 3, 6, 11, 13.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ОТРИМАННЯ 1814 крб. 43 коп. СРІБЛОМ «НА ИЗВЕСТНОЕ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ УПОТРЕБЛЕНИЕ» — ПО СПРАВІ КИРИЛО-МЕФОДІЇВЦІВ

Ч. III, арк. 240—243. Оригінали та відпуски.
Не публікуються.

№ 382

1847 р. червень, не пізніше 13.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ І. М. СКОБЕЛЄВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ДО ЛИСТА М. І. КОСТОМАРОВА ПРО ПЕРЕДАЧУ ЙОГО БІБЛІОТЕКИ Р. У. МАЗУРОВІЙ

Секретно

[Его] превосход[ительст]ву Л. В. Дубельту

[13] июня 1847 г., № 63

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Содержащийся в Алексеевском равелине С.-Петербургской крепости коллежский асессор Костомаров при даче ему свидания с матерью в моем присутствии, воспользовавшись случаем, испросил у меня дозволения написать просьбу относительно некоторых хозяйственных его распоряжений; каковою в подлиннике сем на благоуважении вашего превосходительства препровождая, имею честь покорнейше просить принять уверение в совершенном к вам почтении и преданности.

И. Скобелев

Резолюція Л. В. Дубельта: Так и сделать.
Помітка про одержання: 14 июня 1847 г.

Ч. III, арк. 244. Оригінал.

№ 383

1847 р. червня 13.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ПЕРЕДАТИ ЙОГО БІБЛІОТЕКУ Р. У. МАЗУРОВІЙ І НАДАТИ ЇЙ ПРАВО ВЕСТИ ЙОГО ФІНАНСОВІ ТА ДОМАШНІ СПРАВИ

Ваше высокопревосходительство Иван Никитич!

Дозвольте иметь смелость просить вас покорнейше обратить милостивое внимание на предлагаемую мою просьбу:

В г. Киеве, где я имел жительство, оставлено мною много разных пожитков и в том числе библиотека, что все, без малейшего исключения, чего бы то ни было мне принадлежащего, я желаю предоставить в полное и совершенное распоряжение коллежской асессорши Ангелики Устиновны г-жи Мазуровой, равным образом желаю доставить ей же выписанный на ее деньги мною через артиста Алоизия Паночини для дочери ее девицы Алины Крагельской фортепиан из Вены, да еще желаю чтоб она, Мазурова, получив от матери моей 28 руб. серебром, заплатила содержателю типографии Вальнеру и получила от него экземпляры моего напечатанного уже сочинения «Славянская мифология» и приняла оные в свое распоряжение; наконец, дабы, если что найдется, касающееся моих домашних дел или финансовых, она, Мазурова, имела полное и совершенное право во всем поступать невозбранно по своему собст[вен]ному усмотрению.

Посему всепокорнейше прошу ваше высокопре[вос]ходительство не отказать принять на себя [ми]лостивый труд учинить распоряжение о выдаче г-же Мазуровой как моих вещей, так и принадлежащего ей фортепиано, и о получении ею полного права за отсутствием моим поступать по усмотрению во всем, что может касаться моих домашних обстоятельств.

С чувством истинного высокопочитания и глубочайшей преданности имею честь пре[бывать] вашего высокопревосходительства всепокорнейшим слугою

Николай Костомаров

Июня 13, 1847 г., С.-Петербург

Ч. III, арк. 245. Оригінал.

№ 384—386

1847 р. червня 13, 16.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВИДАЧУ Т. П. КОСТОМАРОВІЙ РІЧНОГО ЖАЛУВАННЯ СИНА 600 крб. СРІБЛОМ, ТА ВІД'ЇЗД Р. У. МАЗУРОВОЇ І А. Л. КРАГЕЛЬСКОЇ ДО м. КИЄВА

Ч. III, арк. 246—248. Оригінали та відпуск. Не публікуються.

№ 387

1847 р. червня 16.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ ПРО ДОЗВІЛ М. І. КОСТОМАРОВУ ПЕРЕДАТИ ВСІ РЕЧІ Р. У. МАЗУРОВІЙ

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву И. Н. Скобелеву

16 мая 1847 г., № 1025

М[илостивый] г[осударь] Иван Никитич!

По доставленному вашим высокопревосходительством от 13 июня № 63 прошению коллежского асессора Костомарова, я с сим вместе сообщил г-ну киевскому военному губернатору, дабы он приказал выдать г-же Мазуровой все вещи, принадлежащие ему, Костомарову, и вообще сделать распоряжение по всем предметам означенной просьбы.

Уведомляя о сем ваше высокопревосходительство для объявления Костомарову, имею честь удостоверить Вас, м[илостивый] г[осударь], в исти[ном] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. III, арк. 249. Відпуск.

№ 388

1847 р. червня 16.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО ДОЗВІЛ М. І. КОСТОМАРОВУ ПЕРЕДАТИ Р. У. МАЗУРОВІЙ СВОЮ БІБЛІОТЕКУ

Его высокопре[восходительст]ву Д. Г. Бибикову

16 июня 1847 г., № 1024

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Коллежский асессор Николай Костомаров подал письменное прошение, коим предоставляет жене коллежского асессора Ангелике Мазуровой в полное и совершенное распоряжение оставшиеся в Киеве разные пожитки,

в том числе библиотеку, и все, без малейшего исключения, ему принадлежащее; равным образом фортепиано, выписанное им из Вены на деньги ее, Мазуровой; также право получения от содержателя типографии Вальнера, по уплате ему 28 р[уб.] серебром, всех экземпляров напечатанной уже «Славянской мифологии», сочинение его, Костомарова; наконец предоставляет Мазуровой во всем, что будет касаться до его домашних или денежных дел, полное и совершенное право поступать невозбранно по ее собственному усмотрению.

Не находя с моей стороны препятствия к исполнению такого желания г-на Костомарова, тем более, что он испросил дозволения написать упомянутую просьбу в присутствии своей родительницы, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли приказать объявить о вышеизложенном г-же Мазуровой, уже выехавшей с С.-Петербурга в Киев, и сделать распоряжение о выдаче ей всего предоставляемого ей Костомаровым; о последующем же удостоить меня уведомлением.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. III, арк. 250—251. Відпуск.

№ 389

1847 р. червня 24.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПЕРЕДАЧУ Р. У. МАЗУРОВІЙ БІБЛІОТЕКИ ТА МАЙНА М. І. КОСТОМАРОВА

Его сият[ельству] гр. А. Ф. Орлову

24 июня 1847 г., № 89

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие почтеннейшего отношения вашего сиятельства, от 16 июня № 1024, я сделал распоряжение объявить г-же Мазуровой о предоставлении коллежским асессором Костомаровым в полное ее распоряжение всех своих вещей, библиотеки и проч[ее] и о выдаче их ей.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 7 июля 1847 г.

Ч. III, арк. 252. Оригінал.

№ 390

1847 р. липня [1].— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО НАДІСЛАНИХ У III ВІДДІЛЕННЯ ЛИСТІВ З. П. МИЛЬНИКОВА Т. П. КОСТОМАРОВІЙ ТА М. І. КОСТОМАРОВУ

Ч. III, арк. 253. Оригінал. Не публікується.

№ 391

1847 р. червня 14.— ЛИСТ З. П. МИЛЬНИКОВА ДО Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ПРО СМЕРТЬ ЇХ МАТЕРІ І ВИМОГИ РІДНИХ ПОДІЛИТИ МАЄТОК У СЛОБОДІ ІВАНІВКА ПОБЛИЗУ м. ПАВЛОВ ВОРОНЕЗЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Ч. III, арк. 254. Копія. Не публікується.

№ 392

1847 р. червня 14.— ЛИСТ З. П. МИЛЬНИКОВА ДО М. І. КОСТОМАРОВА ПРО МОЖЛИВІСТЬ КУПИТИ ЗЕМЛЮ ПОБЛИЗУ СЛОБОДИ КАЛИТВИ ВОРОНЕЗЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Милый мой племянник Николай Иванович!

Пожелав вам от всевышнего творца всех благ, и в ваших хороших делах скорых успехов; сожалею я очень о том, что судьба меня с вами разлучила так, что я с вами не могу и видеться и знать о вашем здоровье и благополучии. Вы по отъезде изволили мне приказывать, чтобы я отыскал для вас землю. Таковая есть у помещика Батовского близ слободы Калитвы, земля подходящая, до 600 десятин со всею хозяйственною устройкою, и если вам угодно будет, то можно купить оную совсем с крепостными людьми оного помещика Батовского. А продажа оной земли для Батовского необходимо нужна, к тому же нужно сказать вам, что оную землю все соседние помещики советуют купить, ибо она очень удобна и выгодна. Если вам угодно будет оную купить, пишите ко мне письмо, а я по получении от вас письма уведомлю вам подробно, какая на ней постройка, заведения, сколько душ крестьян и что она стоит.

Адрес письма пишите ко мне так: Воронежская губ. в г. Павлов помещику Тимофею Лукьяновичу г-ну Шапошникову, живущему в слободе Новой Калитве.

За сим, пожелав вам всех благ, остаюсь жив и здоров, покорный к вашим услугам

Захарий Мыльников

1847 г., июня 14-го дня, слобода Ивановка

Ч. III, арк. 255. Копія.

№ 393

1847 р. вересня 16.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО О. П. ГАЛАХОВА З ПРОХАННЯМ ПРОДОВЖИТИ СТРОК ДІЇ ПАСПОРТА Т. П. КОСТОМАРОВОЇ

Ч. III, арк. 256. Відпуск. Не публікується.

№ 394

1847 р. вересня 19.— ВІДНОШЕННЯ О. П. ГАЛАХОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ПРОДОВЖЕННЯ СТРОКУ ДІЇ ПАСПОРТА Т. П. КОСТОМАРОВОЇ В м. ПЕТЕРБУРЗІ НА ТРИ МІСЯЦІ

Ч. III, арк. 257. Оригінал. Не публікується.

№ 395

1847 р. жовтня 18.— ЛИСТ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ В КРИМ ЇЇ СИНА В ЗВ'ЯЗКУ З ТЯЖКИМ СТАНОМ ЙОГО ЗДОРОВ'Я

Ваше превосходительство милостивый государь!

Зная многочисленность ваших занятий, я не смею лично беспокоить ваше превосходительство, но сострадательность вашего сердца и милостивое внимание к прибегающим к вам дает мне надежду, что ваше превосходительство соблаговолите выслушать в письме мою всенижайшую просьбу.

Единственный сын мой Николай Костомаров, потеряв чрез свое заблуждение всеученую должность, обожаемую невесту, а главное навлекши на себя немилость монарха и чистосердечно раскаиваясь в своей вине при тягости заключения, видимо теряет здоровье и снова подвергся нервическому, а с ним и душевному расстройству, от которого прежде был излечен трехлетним пользованием в Крыму и Одессе.

К спасению моего сына и утешению несчастной матери со слезами припадающей к стопам вашим осталась одна надежда — милосердное участие вашего превосходительства: не отвергните молений несчастной матери; не откажитесь быть для ее сына и для нее отцом-покровителем и спасителем, исходатайствуйте сыну моему отправление в теплый климат Крыма, для поправления и поддержания его расстроенного здоровья. Благословения утешенной матери и ее спасенного сына запечатляются в душах наших на всю жизнь.

В прилагаемом письме я обращаюсь с просьбой к его сиятельству графу Алексею Федоровичу, но уверена, что только благодетельное ходатайство вашего превосходительства может спасти сына и меня, прибегающим к Вам со всенижайшею просьбою и мольбою и непоколебимою верою.

Вручив судьбу нашу в милосердное участие вашего превосходительства, я чувствую, что моя слезная просьба будет услышана и ваше благодеятельное ходатайство принесет нам полное утешение.

С глубочайшим высокопочитанием и беспредельною преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейшая к услугам

Татьяна Костомарова

18 октября 1847 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Справку.

Ч. III, арк. 258—259. Оригінал.

№ 396

1847 р. жовтня 18.— ЛИСТИ Т. М. КОСТОМАРОВОЇ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ЗМЕНШИТИ ПОКАРАННЯ ХВОРОМУ СИНОВІ І ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ ВИЇХАТИ В КРИМ НА ЛІКУВАННЯ

Ваше сиятельство милостивый государь!

Простите дерзновению, с которым осмеливаюсь искать снисходительного внимания сострадательной души вашей.

Сын мой, Николай Костомаров, еще в молодых летах, от сильных занятий науками, впал в такую нервную болезнь, которая довела его до затемнения умственных способностей. После долгого и безуспешного лечения медицинскими средствами, едва трехлетнее пользование морскою водою в Одессе и на Южном берегу Крыма, могло возвратить ему здоровье, оставя однако неизгладимое расположение к нервической болезненности.

Имея, по великодушии государя, отраду посещать моего сына, я с ужасом заметила, что от тоски и раскаяния болезнь его возобновилась: он страдает болью и судорогами в голове, спине и груди, сверх того заметная растерянность в мыслях и безсвязность в речи показывает в нем близость к бывшему с ним душевному расстройству. Как я могу судить по горькому опыту, он уже теперь находится в том положении, в каком только морская вода и воздух Крыма, как прежде, могли бы иметь на него благотворное влияние.

В таких обстоятельствах, повергаясь с страхом и благоговением к августейшим стопам справедливого и милосердного государя — отца нашего,

я дерзаю молить ваше сиятельство обратить милостивое внимание к моей слезной просьбе об освобождении и облегчении участи моего виновного, но глубоко раскаивающегося сына. Наказание, определенное ему от государя, по собственным словам его, весьма милостиво в сравнении с его виною; но ужасен для него суд божий, руководящий обстоятельствами жизни человеческой: сын мой чрез свое заблуждение в одно мгновение потерял все: ученую должность, которой едва достиг после многолетних трудов, обожаемую невесту с которой разлучен накануне брака, быть может навсегда, едва восстановленное здоровье, наконец, что всего ужаснее, милость государя своего! Граф! облегчив его участь, вы дарите ему последнюю отраду в жизни — возможность загладить сколь-нибудь свое преступление пред алтарем божией любви и пред зерцалом царского закона.

С истинным высокопочитанием и совершеннейшею преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейшая к услугам

Татьяна Костомарова

18 октября 1847 г.

Ч. III, арк. 260—261. Оригінал.

№ 397

1847 р. травня 30.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО УВ'ЯЗНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА В ОЛЕКСІЇВСЬКИЙ РАВЕЛІН

Справка

1. Высочайше утвержденным решением определено коллежского асессора Костомарова заключить в Алексеевский равелин, на один год, и потом отправить на службу в Вятку, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора.

2. Костомаров содержится в равелине с 30 мая 1847 г.

Помітка Л. В. Дубельта: Нет.

Ч. III, арк. 262. Копія.

№ 398

1847 р. жовтня 23.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА Т. П. КОСТОМАРОВІЙ ПРО ВІДМОВУ О. Ф. ОРЛОВА ДОЗВОЛИТИ М. І. КОСТОМАРОВУ ПОЇХАТИ В КРИМ НА ЛІКУВАННЯ

Ее высокоб[лагородию] Т. П. Костомаровой

23 октября 1847 г., № 1776

Милостивая государыня Татьяна Петровна!

Письмо ваше от 18 октября об исходатайствовании сыну вашему Николаю Костомарову дозволения отправиться в Крым для поправления его расстроенного здоровья, я имел честь докладывать г-ну ген[ерал]-ад[ъютанту] гр. Орлову, но его сиятельство изволил отозваться, что признает невозможным исполнить означенную вашу просьбу.

Уведомляя о сем вас, милостивая государыня, имею честь удостоверить й пр[очее].

Под[писал] Л. Дубельт

Помітка: На почтовой с бланком.

Ч. II, арк. 263. Відпуск.

№ 399

1847 р. грудня 2.— ЛИСТ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ БУТИ ПОСЕРЕДНИКОМ І ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ ХВОРОГО СИНА З ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ

Ч. III, арк. 264. Оригінал. Не публікується.

№ 400

1847 р. грудня 2.— ЛИСТ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ДОСТРОКОВО ЗВІЛЬНИТИ ХВОРОГО СИНА З ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ

Ваше сиятельство милостивый государь!

Спасти погибающего для вас не считается делом, не стоящим внимания, и потому я смело прибегаю к вашей помощи. Будьте великодушны к несчастной матери; не отриньте мольбы ее. Бог наградит вас.

Шестимесячное заключение в крепости и двухмесячное содержание при III отделении с. е. и. в. канцелярии совершенно расстроили умственные и телесные силы впавшего, по молодости и неопытности, в преступление несчастного сына моего Николая Костомарова. Милосердие монарха пощадило его даже в минуту справедливого гнева. Пораженный таким великодушием, сын мой вполне сознает вину свою, чистосердечно раскаивается и ждет освобождения, чтобы усердным исполнением своих обязанностей заслужить совершенное прощение. Эта только мысль и поддерживает силы его, но дальнейшее заключение лишит его навсегда возможности загладить свое преступление. Если бы ваше сиятельство удостоили осведомиться о жалком его состоянии, то убедились бы в справедливости слов моих и доброе сердце ваше указало бы путь к нашему спасению.

Предстоящее, священное для всех верноподданных, торжество даст мне смелость надеяться, что при помощи божией и я могу соделаться соучастницей в милостях, изливаемых от щедрот благодетельного монарха нашего.

Все упование мое возлагаю на бога всеблагого, милосердного государя и великодушное заступничество вашего сиятельства.

С глубочайшим почитанием и совершенною преданностию имею честь быть навсегда вашего сиятельства покорнейшая к услугам

Татьяна Костомарова

2 [де]кабря 1847 г.

Ч. III, арк. 265—266. Оригінал.

№ 401

1847 р. грудня 2.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ Д. Г. БІБІКОВА О. Ф. ОРЛОВУ ДО НАДІСЛАНИХ У III ВІДДІЛЕННЯ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА, СВІДОЦТВА ПРО НАРОДЖЕННЯ І ПАТЕНТУ НА ЧИН КОЛЕЗЬКОГО СЕКРЕТАРЯ М. І. КОСТОМАРОВА

[Его сия]тельству гр. А. Ф. Орлову

Декабря 1847 г., № 10110, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Долгом поставляю представить к вашему сиятельству доставленные ко мне попечителем Киевского учебного округа формулярный список бывшего адъюнкта Костомарова, метрическое свидетельство о рождении его и па-

тент на чин коллежского секретаря, и покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 11 декабря 1847 г.

Ч. III, арк. 267. Оригінал.

№ 402 — 403

1847 р. грудня 17, 21.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПРОДОВЖЕННЯ СТРОКУ ПЕРЕБУВАННЯ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ В м. ПЕТЕРБУРЗІ ЩЕ НА ТРИ МІСЯЦІ

Ч. III, арк. 268—269. Оригінал та відпуск. Не публікується.

№ 404

1848 р. січня 14.— ЛИСТ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА З ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ

Ваше превосходительство милостивый государь!

Опять я беспокою вас покорнейшею просьбою быть покровителем и заступником в горестном моем положении пред лицом гр. Алексея Федоровича. В прилагаемом здесь письме к нему я умоляю об освобождении сына моего из крепости и всю надежду мою полагаю в великодушии и милосердии вашего превосходительства. У меня нет покровителей, а в вашем добром сердце голос несчастного всегда находит отзыв. Не отриньте моей мольбы злополучной матери. Спасите нас! Господь вас наградит.

С глубочайшим почитанием и совершенною преданностию имею честь быть навсегда, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшая к услугам

Татьяна Костомарова

14 генваря 1848 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Нет.

Помітка про одержання: 15 января 1848 г.

Ч. III, арк. 270. Оригінал.

№ 405

1847 р. січня 14.— ЛИСТ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД ІМПЕРАТОРОМ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ ЇЇ СИНА З ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ

Ч. III, арк. 171—172. Оригінал.

№ 406

1848 р. березня 9.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ Д. Г. БІБІКОВА ДО НАДІСЛАНОГО О. Ф. ОРЛОВУ СВІДОЦТВА М. І. КОСТОМАРОВА НА ВЧЕНИЙ СТУПІНЬ КАНДИДАТА

Секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

9 марта 1848 г., № 2048, Киев

Милостивый государь, гр. Алексей Федорович!

В дополнение к отношению моему, от 2 декабря минувшего года за № 10110, имею честь представить при сем свидетельство, принадлежащее Николаю Костомарову на звание кандидата и покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка: К делу дознания. Ждать Костомарова из крепости.

Помітка про одержання: 18 марта 1848 г.

Ч. III, арк. 273. Оригінал.

№ 407

1848 р. травня 25.— ЛИСТ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ БУТИ ПОСЕРЕДНИКОМ І ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ ЇЇ СИНА ПІСЛЯ ЗВІЛЬНЕННЯ З ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ НА СЛУЖБУ В м. СІМФЕРОПОЛЬ, А НЕ У м. В'ЯТКУ

Ч. III, арк. 274—275. Оригінал. Не публікується.

№ 408

1848 р. травня 25.— ЛИСТ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД МИКОЛОЮ І ПРО НАПРАВЛЕННЯ СИНА ПІСЛЯ ВІДБУТТЯ ПОКАРАННЯ В м. СІМФЕРОПОЛЬ, А НЕ У м. В'ЯТКУ

Ваше сиятельство милостивый государь!

Простите меня, сиятельнейший граф, что я осмеливаюсь опять беспокоить вас просьбой. Только отчаянное состояние, в котором при последнем свидании со мною находился сын мой Николай Костомаров, может извинить мою дерзость. Припадки геморроя, прилив крови к голове, грудная боль и вообще раздражение нервов до того усилились, что я с горестью гляжу на него, как на скорое достояние могилы и почти не имею уже надежды на выздоровление. Это не преувеличенное опасение несчастной матери, теряющей в единственном сыне все, что было для нее дорогого в мире, а убеждение каждого, кто бы взглянул на этого молодого летами, но убитого горем, трудами, лишениями и заточением человека, едва живого и почти помешанного. Умоляю, ваше сиятельство, будьте великодушны к несчастию ближнего, примите на себя труд испросить соизволения государя императора на отправление сына моего на службу в Симферополь. По опыту я знаю, что только теплый климат Крыма может иметь благотворное влияние в болезненном его состоянии. Может быть милосердный бог услышит молитвы мои

и возвратит его к жизни. Как виновный в проступках, происшедших от молодости и неопытности, он наказан, лишившись профессорской должности, к достижению которой посвящена была вся юность его с тяжкими трудами и составлявшей единственный и благородный источник безбедного существования, сверх того, он разлучен и, может быть, навсегда с достойною и любимою невестою на канун свадьбы и перенес четырнадцатимесячное заключение; как искренно раскаявшийся в вине своей и желающий посвятить все свои способности, чтобы изгладить и самые следы ее, он заслуживает снисхождения и прощения; как несчастный он достоин великодушного участия вашего. Бог свидетель, что сын мой находится теперь в таком положении, что отказать в участии, о котором умоляю вас, все равно, что подписать смертный приговор ему, а вместе с ним и его несчастной матери. Для чего мне жалкая скитальческая жизнь, когда мне на всей земле некому будет перелить души своей, кроме его ранней могилы. Будьте великодушны. Спасите нас, господь вас наградит.

С чувством глубочайшего уважения и совершенной преданности имею честь быть навсегда, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшая к услугам

Татьяна Костомарова

25 мая 1848 г.

Ч. III, арк. 276—277. Оригінал.

№ 409

1848 р. травня 26.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. І. КОСТОМАРОВА

30 мая окончится срок заключения бывшего адъюнкт-профессора университета св. Владимира, коллежского асессора Костомарова.

Справка

1. Костомаров в 1846 г. вместе с коллежским секретарем Гулаком и кандидатом Белозерским составляли в Киеве Украйно-славянское общество, в котором рассуждали о соединении славянских племен в одно государство. Хотя Костомаров доказывал, что рассуждения их были более ученые, но произведенными розысканиями обнаружено, что члены общества имели и политические предположения. Костомаров сверх того перевел с польского языка сочинение под названием «Закон божий», самого преступного содержания. За это Костомаров по высочайшему повелению 30 мая 1847 г. заключен в Алексеевский равелин на один год, с тем, чтобы потом был отправлен на службу в Вятку, но никак не по ученой части, а с учреждением за ним строжайшего надзора.

2. Мать Костомарова, вдова капитана, несколько раз просила о сокращении срока заключения сына в крепости и об отправлении его не в Вятку, а в Крым, где в благорастворённейшем климате могло бы поправиться его здоровье. Из описания Костомаровой видно, что сын ее сверх совершенного расстройства телесного здоровья, находится почти в полном помешательстве ума, так что он в нынешнем положении своем возбуждает не опасения, а одно сострадание. Разрешение последней просьбы г-жи Костомаровой ваше сиятельство изволили приказать оставить до окончания срока заключения сына ее в крепости.

26 мая 1848 г.

Ч. III, арк. 278—279. Оригінал.

№ 410

1848 р. травня 27.— ЛИСТ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ НА ІМ'Я Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ СИНОВІ ПРОЖИТИ КІЛЬКА ДНІВ У ПЕТЕРБУРЗІ ПЕРЕД ВІДПРАВКОЮ НА ЗАСЛАННЯ

Ваше превосходительство милостивый государь!

В дополнение к прежним просьбам моим я осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство дозволить сыну моему, по окончании срока содержания его в крепости, прожить несколько дней при III отделении с. е. и. в. канцелярии, чтобы он мог, хоть сколько-нибудь, укрепиться и приготовиться в дальнюю и трудную для него дорогу, в теперешнем же болезненном состоянии он ехать не может без опасения расстроить совершенно и последний остаток сил. И еще покорнейше прошу сделать распоряжение об истребовании из полиции свидетельства на отъезд мой вместе с сыном, так как для решения дела о ломбардном билете моем, присвояемом крестьянином Правдиным, я полагаю, уже не нужно мое здесь присутствие, и я дала доверенность хлопотать по этому делу; заботы же матери в пути о больном, почти умирающем сыне более чем необходимы. Не откажите, ваше превосходительство, в просьбе несчастной матери.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть навсегда, милостивый государь, вашего превосходительства покорная ко услугам

Татьяна Костомарова

27 мая 1848 г.

Ч. III, арк. 280. Оригінал.

№ 411

1848 р. травня 28.— ЗАПИТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО О. Ф. ОРЛОВА ЩОДО ПРОХАННЯ Т. П. КОСТОМАРОВОЇ ЗАМІНИТИ МІСЦЕ ЗАСЛАННЯ ЇЇ СИНА — м. ВЯТКУ НА м. САРАТОВ

Вдова Костомарова, снова объясняя чрезвычайно болезненное положение сына своего и присовокупляя, что он даже не в состоянии перенести предстоящего ему пути и что климат в Вятке еще более расстроит его здоровье, убедительно просит:

1. Вытребовать сына ее из крепости в III отделение, дабы он здесь приготовился к дальней дороге и укрепился в силах.

2. Отправить его, если невозможно в Крым, то в Саратов. Последний город тем удобнее для его местожительства, что туда переезжает с родителями своими невеста его, девица Крагельская.

3. Истребовать от обер-полицеймейстера свидетельство на отъезд ее в то место, куда будет отправлен сын; для ходатайства же по делу о банковом билете в 1500 р[уб]. сер[ебром], присвоиваемых крестьянином Правдиным, она оставляет здесь поверенного.

Справка. Бумаги, подписанные вашим сиятельством об отправлении Костомарова в Вятку, приостановлены отсылкою до 30 мая.

28 мая 1848 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Согласен, тем более, что ты сам увидишь, что г[осударь] император при моем докладе о желании его, Костомарову, быть в теплом климате изволил сам назвать Саратов.

Г[р]. Орлов

Ч. III, арк. 281. Копія.

№ 412

1848 р. травня 28.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО ВІДБУТТЯМ М. І. КОСТОМАРОВИМ СТРОКУ ПОКАРАННЯ В ОЛЕКСІІВСЬКОМУ РАВЕЛІНІ ТА ВІДПРАВКУ ЙОГО НА ЗАСЛАННЯ ДО м. ВЯТКИ

Копия

Об отправлении чиновника Костомарова в Вятку.

Ваше императорское величество в исходе мая 1847 г., при решении дела о составлявшемся в Киеве Украйно-славянском обществе, высочайше повелеть изволили: бывшего адъюнкт-профессора университета св. Владимира, который, вместе с коллежским секретарем Гулаком и кандидатом Белозерским, участвовал в составлении упомянутого общества, заключить в Алексеевский равелин сроком на один год, а потом отправить на службу в Вятку, но никак не по ученой части и с учреждением за ним строжайшего надзора.

Костомаров заключен был в Алексеевский равелин 30 мая того же года, и как ныне приблизился срок окончания его заключения, то я, в исполнение вышеизъясненной монаршей воли, сделал распоряжение об отправлении Костомарова в Вятку, в сопровождении поручика С.-Петербургского жандармского дивизиона Альпена, сообщив всем, кому следует, как об определении упомянутого чиновника в Вятке на службу, так и об учреждении над ним строжайшего надзора.

Обязанностию считаю доложить о сем вашему императорскому величеству

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

28 мая 1848 г.

Помітка: На подлинном рукою генерал-адъютанта гр. Орлова написано карандашом: «Высочайше повелел спросить его, по невозможности позволить жить ему в полуденных губерниях, хочет ли он ехать или в Саратов или в Оренбург».

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. III, арк. 287. Відпуск.

№ 413

1848 р. травня 29.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА І. М. СКОБЕЛЄВУ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА З ОЛЕКСІІВСЬКОГО РАВЕЛІНУ І ПРО ДОСТАВЛЕННЯ ЙОГО ПІД ВАРТОЮ В III ВІДДІЛЕННЯ

Секретно

Его высокопревосход[ительст]ву И. Н. Скобелеву

29 мая 1848 г., № 1026

М[илостивый] г[осударь] Иван Никитич!

По случаю окончания годичного заключения в Алексеевском равелине коллежского асессора Костомарова, имея в виду высочайшее повеление отправить сего чиновника в Саратов или Оренбург, смотря по тому, в котором из сих городов сам он пожелает жительствовать, долгом считаю покорней-

ше просить ваше превосходительство приказать доставить Костомарова под арестом в III отделение с. е. и. в. канцелярии для дальнейшего с моей стороны распоряжения к исполнению означенной монаршей воли.

Примите уверение в искреннем моем почтении и преданности

Подписал гр. Орлов

Ч. III, арк. 289. Відпуск.

№ 414

148 р. травня 30.— РАПОРТ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ПІСЛЯ ВІДБУТТЯ НИМ ПОКАРАННЯ В ОЛЕКСІІВСЬКОМУ РАВЕЛІНІ

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

коменданта С.-Петербургской крепости генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Во исполнение высочайшей воли, содержащегося в Алексеевском равелине коллежского асессора Костомарова я приказал смотрителю равелина представить ныне же в III отделение с. е. и. в. канцелярии и из списков об арестантах исключить, о чем вашему сиятельству впоследствии предписания от 29-го сего мая № 1026 почтеннейше донести честь имею.

Генерал от инфантерии Скобелев

Мая 30 дня 1848 г., № 73

Ч. III, арк. 290. Оригінал.

№ 415

1848 р. травень, не раніше 30.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ВИДАЧУ ЙОМУ ДОПОМОГИ ПЕРЕД ВІДПРАВКОЮ НА ЗАСЛАННЯ У м. САРАТОВ

По случаю отправления своего в г. Саратов на службу я встретил затруднение в денежных средствах, потому что капитал мой в 1500 руб. серебром не выдан матери моей до решения ее запутанного дела. В настоящее время я должен оставить мать свою на произвол судьбы, да сверх того не в состоянии прилично экипировать себя и в первое время принужден буду в Саратове терпеть крайний недостаток. В таких стесненных обстоятельствах я осмеливаюсь покорнейше просить об оказании мне какого-либо пособия.

Коллежский асессор Николай Костомаров

Справка. Белозерскому, Навроцкому, Андрузскому и Посяде, при отправлении их на службу, по высочайшему повелению выдано было каждому по 200 руб. серебром.

Резолюція Л. В. Дубельта: Дано ея 300.

Ч. III, арк. 291. Оригінал.

№ 416

1848 р. червня 8.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО ВИДАЧУ ГРОШЕЙ М. І. КОСТОМАРОВУ ПЕРЕД ВІДПРАВКОЮ НА ЗАСЛАННЯ В м. САРАТОВ

Копия

О коллежском асессоре Костомарове

В исходе мая я всеподданейше докладывал вашему и. в. о сделанном мною на основании последовавшего в 1847 г. высочайшего повеления распоряжения к отправлению на службу в Вятку находившегося в Алексеевском равелине, за участие в составлении Украйно-славянского общества, бывшего адъюнкт-профессора университета св. Владимира, коллежского асессора Костомарова, и ваше величество в уважение болезненного положения Костомарова высочайше разрешить соизволил отправить его, вместо Вятки, в Саратов.

Приготовляя Костомарова к отправлению его в новое место жительства, я узнал, что находится в совершенной бедности, потому, что мать его положила 1500 руб. сереб[ром] частию свои, а частию ему принадлежавшие, в С.-Петербургскую сохранную казну, под безыменный билет, и билет этот, по какому-то доселе не объяснимому случаю, присваивает себе крестьянин Правдин; об этом производится с.-петербургской полициею следствие, а между тем Костомаров не имел средств ни снарядить себя в дорогу, ни обзавестись приличным образом в Саратове.

Всеподданейше докладываю о сем вашему императорскому величеству и, принимая во внимание, с одной стороны, что прикосновенным к делу об Украйно-славянском обществе студентам Белозерскому, Навроцкому, Андрузскому и Посяде при отправлении их в разные губернии, с высочайшего разрешения, выдано было на первоначальное обзаведение каждому по 200 руб. сереб[ром], а, с другой стороны,— что надобности бывшего профессора и коллежского асессора превышают надобности студентов, осмелюсь испрашивать, не соизволите ли всемилостивейший повелеть выдать Костомарову в единовременное пособие 300 руб. сер[ебром]. Обязываюсь присовокупить, что Костомаров, кроме крайней бедности, заслуживает монаршего милосердия и по чувствам глубокого раскаяния: ибо он по возвращении из равелина поставил себе первым долгом письменно изъявить живейшую верноподданическую признательность вашему императорскому величеству за то, что ваше величество, вместо строгого наказания, по чувствам благости своей, даровали ему еще возможность загладить усердною службою прежнее его заблуждение.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно с подлинным: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Помітка: На подлинном рукою генерал-адъютанта гр. Орлова записано карандашом: «Высочайше изволил согласиться с моим мнением».

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. III, арк. 292—293. Відпуск.

№ 417

184 р. червня 10.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Ф. П. ВРОНЧЕНКА ПРО ВИДАЧУ 300 крб. СРІБЛОМ НА «ИЗВЕСТНОЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ УПОТРЕБЛЕНИЕ»

Ч. III, арк. 294. Відпуск. Не публікується.

№ 418

1848 р. червня 11.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО САРАТОВСЬКОГО ЦИВІЛЬНОГО ГУБЕРНАТОРА М. Л. КОЖЕВНИКОВА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ НА ЗАСЛАННЯ В САРАТОВ М. І. КОСТОМАРОВА ТА ВСТАНОВЛЕННЯ ТАМ ЗА НИМ СУВОРОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Его пре[восходительст]ву М. Л. Кожевникову

11 июня 1848 г., № 1159

М[илостивый] г[осударь] Матвей Львович!

Бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира, кол[лежский] ас[ессор] Николай Костомаров вместе с другими лицами составили в Киеве Украйно-славянское общество, в котором было рассуждаемо о соединении славянских племен в одно государство, и, сверх того, перевел с польского языка одну рукопись преступного содержания. За это Костомаров по высочайшему повелению заключен был в крепость на один год, с тем чтобы потом определить его на службу, но никак не по ученой части и с учреждением за ним строжайшего надзора.

Ныне, по окончании означенного срока, согласно высочайшему разрешению, Костомаров отправляется на службу в Саратов в сопровождении поручика с.-петер[бургского] жанд[армского] дивизиона Альпена, которому приказано мною представить означенного чиновника вместе с сим отношением моим к вашему превосходительству.

Сообщая о сем вашему превосходительству присовокупляю, что о сделании дальнейших распоряжений к исполнению упомянутой монаршей воли я уже отнесся к г-ну министру внутренних дел, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь] о доставлении г-на Костомарова в Саратов почтить меня уведомлением.

Примите увер[ения] и проч[ее]

Под[писал] гр. Орлов

Помітка: Рукою гр. Орлова написано: «Прошу быть к нему милостиву, человек с достоинствами, но заблуждался и искренне раскаивается».

Ч. III, арк. 295. Відпуск.

№ 419

1848 р. червня 11.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ПОРУЧИКОВІ С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ АЛЬПЕНУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА НА ЗАСЛАННЯ В м. САРАТОВ

11 июня 1848 г., № 1160

Поручику с.-петербургского жандармского дивизиона Альпену

По высочайшему повелению, предписываю вашему благородию, приняв содержащегося при III отделении с. е. и. в. канцелярии коллежского асессора Костомарова, отвезти его в Саратов; во время пути обязываетесь вы обходиться с ним благосклонно, имея однако же за ним надзор и не дозволяя ему входить с посторонними лицами в излишние разговоры; по прибытии в Саратов должны вы представить Костомарова, вместе с вручаемым вам

пакетом, г-ну саратовскому граж[данскому] губернатору дей[ствительному] ст[атскому] сов[етнику] Кожевникову и потом возвратиться в С.-Петербург, об исполнении же сего представить мне донесение.

Ген[ерал]-ад[ъютант]

Ч. III, арк. 296. Відпуск.

№ 420

1848 р. червня 11.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА НА ЗАСЛАННЯ В м. САРАТОВ ТА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА НИМ СУВОРОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву Л. А. Перовскому

11 июня 1848 г., № 1161

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

От 30 мая 1847 г. № 896 мною сообщено было вашему высоко[превосходительству], что бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира кол[лежский] ас[ессор] Николай Костомаров за участие в составлении Украйно-славянского общества, по высочайшему повелению, заключен в крепость сроком на один год, с тем, чтобы потом был отправлен на службу в Вятку, но никак не по ученой части, а с учреждением над ним строжайшего надзора.

По окончании означенного срока Костомаров освобожден из крепости, и государь император высочайше повелеть соизволил отправить его на службу согласно его прошению не в Вятку, но в Саратов.

Сделав распоряжение об отправлении Костомарова в Саратов в сопровождении поручика с.-п[етер]бургского жанд[армского] дивизиона Альпена, которому предписано по прибытии туда представить означенного чиновника г-ну саратовскому гражд[анскому] губернатору и уведомляя о сем ваше высокопр[евосходительст]во, имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], сделать зависящее распоряжение относительно определения Костомарова в Саратове на службу и учреждения за ним строжайшего надзора

Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. III, арк. 297. Відпуск.

№ 421

1848 р. червня 11.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКУ 7-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ М. О. АХВЕРДОВУ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ СУВОРОГО НАГЛЯДУ ЗА М. І. КОСТОМАРОВИМ У м. САРАТОВІ

Секретно

Его пре[восходительст]ву Н. А. Ахвердову

11 июня 1848 г., № 1162

М[илостивый] г[осударь] Николай Александрович!

Бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира кол[лежский] ас[ессор] Николай Костомаров вместе с другими лицами составлял в Киеве Украйно-славянское общество, в котором было рассуждаемо о соединении

славянских племен в одно государство, и сверх того перевел с польского языка одну рукопись преступного содержания. За это Костомаров по высочайшему повелению был выдержан год в крепости и ныне отправлен в сопровождении поручика с.-п[етер]бургского жанд[армского] дивизиона Альпена в Саратов для определения его там на службу, но никак не по ученой части и с учреждением за ним строжайшего надзора.

Сообщая о сем вашему пр[евосходительст]ву, предлагаю вам сделать распоряжения, дабы за Костомаровым имелось в Саратове с вашей стороны секретное наблюдение и доносить мне через каждые полгода о его поведении.

Пр[имите] ув[ерения] и про[чее].

Подписал гр. Орлов

Ч. III, арк. 298. Відпуск.

№ 422

1848 р. червня 11.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА М. І. КОСТОМАРОВУ ПРО ВИДАЧУ ЙОМУ ГРОШЕЙ НА ВЛАШТУВАННЯ У м. САРАТОВІ

Его высокоблагородию Н. И. Костомарову

11 июня 1848 г., [№ 1166]

М[илостивый] г[осударь] Николай Иванович!

По воле г-на генерал-адъютанта гр. Орлова, препровождая при сем высочайше пожалованные вам в пособие, на обзаведение в Саратове 300 руб. серебром, покорнейше прошу вас уведомить меня о получении сих денег.

Примите уверен[ие] и про[чее].

Подписал Л. Дубельт

Ч. III, арк. 299. Відпуск.

№ 423

1848 р. червня 11.— ЛИСТ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ОДЕРЖАННЯ ГРОШЕЙ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Препровожденные ко мне при отношении вашего превосходительства от 11-го июня за № 1166 высочайше пожалованные мне в пособие на обзаведение в Саратове 300 руб. серебром мною получены.

Долгом считаю уведомить о сем ваше превосходительство с истинным моим уважением и совершенною преданностию имею честь пребывать вашего превосходительства покорнейшим слугою

Николай Костомаров

11 июня 1848 г., С.-П[етербург]

Помітка Л. В. Дубельта: К делу.
Помітка про одержання: 11 июня 1848 г.

Ч. III, арк. 300. Оригінал.

№ 424—425

1848 р. червня 11.— РАПОРТИ ПОРУЧИКІВ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ ДУВІЦА І АЛЬПЕНА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА НА ЗАСЛАННЯ У м. САРАТОВ

Ч. III, арк. 301—302. Оригінали. Не публікуються.

№ 426

1848 р. червня 24.— ВІДНОШЕННЯ М. Л. КОЖЕВНИКОВА ПРО ДОСТАВЛЕННЯ В м. САРАТОВ М. І. КОСТОМАРОВА І ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА НИМ СУВОРОГО ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Г-ну шефу корпуса жандармов генерал-адъютанту гр. Орлову

24 июня 1848 г., № 1164

Поручик с.-петербургского жандармского дивизиона Альпен, представил ко мне сего дня бывшего адъюнкт-профессора университета св. Владимира Костомарова — при предписании вашего сиятельства, от 11 июня за № 1159.

Поручив г-на Костомарова строжайшему надзору полиции в исполнении высочайшей воли, и почтительнейше донося о том вашему сиятельству, почитаю обязанностию принять его в особенное внимание как искренно раскаявшегося в прежних заблуждениях.

Гражданский губернатор Кожевников

Помітка про одержання: 3 июля 1848 г.

Ч. III, арк. 303. Оригінал.

№ 427

1848 р. липня 3.— РАПОРТ АЛЬПЕНА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА НА ЗАСЛАННЯ У м. САРАТОВ І ПЕРЕДАЧУ ЙОГО ГУБЕРНАТОРУ М. Л. КОЖЕВНИКОВУ

Шефу жандармов, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

с.-петербургского жандармского дивизиона поручика Альпена

Рапорт

В исполнение предписания вашего сиятельства от 11 июня № 1160, приняв содержащегося при III отделении с.е.и.в. канцелярии коллежского асессора Николая Костомарова, я доставил его в г. Саратов и сдал вместе с пакетом, при котором препровождался Костомаров, тамошнему гражданскому губернатору, действительному статскому советнику Кожевникову.

Представляя при сем к вашему сиятельству квитанцию за № 1165 в принятии Костомарова и пакет за № 1164 от гражданского губернатора, имею честь доложить, что во время пути Костомаров заболел 14 июня в Твери, где пробыл одни сутки и 22 числа в Пензе, где также должен был пробыть полтора дня, и ему в оба раза было подано медицинское пособие, с помощью которого он и выздоровел.

Поручик Альпен

3 июля 1848 г., № 37, С.-Петербург

Ч. III, арк. 304—305. Оригінал.

№ 428

1848 р. червня 24.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА АЛЬПЕНУ
М. Л. КОЖЕВНИКОВИМ, ПРО ПРИЙНЯТТЯ НА ЗАСЛАННЯ
М. І. КОСТОМАРОВА

Дана поручику с.-петербургского жандармского дивизиона Альпену в том, что отправленный по высочайшему повелению из С.-Петербурга на жительство в Саратов бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира коллежский асессор Николай Костомаров сего числа доставлен ко мне благополучно.

Июня 24 дня 1848 г., Саратов

Саратовский гражданский губернатор Кожевников
Правитель канцелярии Кучинский

Ч. III, арк. 306. Оригінал.

№ 429

1848 р. червня 25.— РАПОРТ ЖАНДАРМСЬКОГО ПІДПОЛКОВНИКА
ЄСИПОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА
НА ЗАСЛАННЯ У м. САРАТОВ

Шефу жандармов командующему императорською главною квартирою
г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
От штаб-офицера корпуса жандармов, находящегося
в Саратовской губ.

25 июня 1848 г., № 79, Саратов

О доставленном в г. Саратов
адъюнкте коллежском асессоре Костомарове

Вечером 23-го числа сего июня месяца прибыл в г. Саратов с.-петербургского жандармского дивизиона поручик Альпен, с бывшим адъюнктом-профессором Киевского университета коллежским асессором Костомаровым, которого представил г-ну саратовскому гражданскому губернатору действительному советнику Кожевникову, а 25 того же июня обратно отправился в С.-Петербург. О чем вашему сиятельству имею честь почтительнейше донести.

Подполковник Есипов

Помітка про одержання: 5 июля 1848 г.

Ч. III, арк. 307. Оригінал.

№ 430

1848 р. червня 19.— ВІДНОШЕННЯ Ф. П. ВРОНЧЕНКА
ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВІДПУСК 300 крб.
У РОЗПОРЯДЖЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ

Ч. III, арк. 308. Оригінал. Не публікується.

№ 431

1848 р. серпня 10.— ВІДНОШЕННЯ М. Л. КОЖЕВНИКОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ НАДІСЛАТИ ФОРМУЛЯРНИЙ СПИСОК М. І. КОСТОМАРОВА

Ч. III, арк. 309. Оригінал. Не публікується.

№ 432

1848 р. серпня 24.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО М. Л. КОЖЕВНИКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО ФОРМУЛЯРНИЙ СПИСОК ТА ІНШІ ДОКУМЕНТИ БУЛО ПЕРЕДАНО М. І. КОСТОМАРОВУ ПЕРЕД ВІДПРАВКОЮ НА ЗАСЛАННЯ ДО м. САРАТОВА

Ч. III, арк. 310. Відпуск. Не публікується.

№ 433

1848 р. вересня 8.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НАДІСЛАННЯ РУКОПИСУ «РУССКАЯ ИСТОРИЯ», ВИЛУЧЕНОГО ПІД ЧАС АРЕШТУ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Великодушие вашего превосходительства, обильно излитое на меня во время моего преступного несчастья, внушает мне смелость обратиться к вам с покорнейшей просьбой. В Киеве, при моей арестации, взято у меня множество ученых бумаг, в числе которых была написанная мною «Русская история», сочинение, стоившее мне много времени и большого труда. Не получив этих бумаг вместе с возвращенною мне из под ареста библиотекою, я. дерзаю покорнейше просить ваше превосходительство об оказании мне снисходительного внимания относительно возвращения мне вышеозначенных бумаг.

С беспредельною признательностию и совершеннейшим уважением имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейшим слугою

Николай Костомаров

Саратов, 1848 г., сентября 8

Помітка про одержання: 17 сентября 1848 г.

Ч. III, арк. 311. Автограф.

№ 434

1848 р. вересня 17.— ЗАПИСКА Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОПОЗИЦІЄЮ НАДІСЛАТИ РУКОПИС «РУССКАЯ ИСТОРИЯ» М. І. КОСТОМАРОВУ

Бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира, коллежский асессор Костомаров, содержащийся год в крепости за прикосновенность к Украйно-славянскому обществу и отправленный на службу в Саратов, объясняя, что в Киеве остались взятые при арестовании его ученые бумаги его, в том числе «Русская история», на сочинение которой он употребил много времени и трудов, просит о содействии к возвращению ему означенных бумаг.

Соображение. Как все бумаги Костомарова преступного и сомнительного содержания были представлены в III отделение, то оставшиеся в Киеве

должны быть безвредного содержания, и потому, не приказано ли будет сообщить генерал-адъютанту Бибикову, дабы все упомянутые бумаги были пересланы к Костомарову в Саратов.

17 сентября 1848 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Справедливо.

Ч. III, арк. 312. Копія.

№ 435

1848 р. вересня 20.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. Г. БІБІКОВА, ПРО НАДІСЛАННЯ М. І. КОСТОМАРОВУ В м. САРАТОВ РУКОПИСУ «РУССКАЯ ИСТОРИЯ»

Его высокопр[евосходительст]ву Д. Г. Бибикову

20 сентября 1848 г., № 1755

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира, коллежский асессор Николай Костомаров, прикосновенный к Украйно-славянскому обществу и ныне находящийся на службе в Саратове, объясняя, что в Киеве остались взятые при арестовании его в большом количестве учебные бумаги его, в том числе написанная им «Русская история», просит о возвращении ему означенных бумаг.

Имея в виду, что все бумаги Костомарова преступного и сомнительного содержания находятся в III отделе с. е. в. канцелярии и полагая, что оставшиеся за тем в Киеве должны быть содержания безвредного, долгом считаю покорнейше просить ваше высокопревосходительство приказать, дабы упомянутые бумаги, оставшиеся в Киеве, были отправлены к Костомарову в Саратов; о последующем же удостоить меня уведомлением.

Примите увер[ение] и проч[ее]

Подписал гр. Орлов

Ч. III, арк. 313. Відпуск.

№ 436—437

1848 р. жовтня 16.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА, ТА Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО М. Л. КОЖЕВНИКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО РУКОПИСИ І КНИГИ М. І. КОСТОМАРОВА, ВІДІБРАНІ ПІД ЧАС АРЕШТУ, ЗНАХОДЯТЬСЯ У Р. У. МАЗУРОВОЇ

Ч. III, арк. 314—315. Оригінал та відпуск.
Не публікуються.

№ 438

1849 р. липня 1.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НАДІСЛАННЯ РУКОПИСІВ ЙОГО ТВОРІВ ТА ПІДГОТОВЧИХ МАТЕРІАЛІВ ДО НИХ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Я принимаю дерзость просить снисходительного внимания к моей покорнейшей просьбе.

В минувшем 1848 г. я имел честь обращаться к вашему превосходительству с просьбою о возвращении моих бумаг, взятых в Киеве, и удостоился

получить чрез саратовского губернатора известие, что бумаги мои выданы г-же Мазуровой. Но как г-жа Мазурова прислала ие все бумаги, остальные же, по ее уверению, не были ей выданы, то я просил ходатайства саратовского губернатора о доставлении их мне. Киевский генерал-губернатор известил саратовского губернатора, что бумаги, выданные Мазуровой, мне отосланы, о тех же, которых возвращения я просил, не сообщил известия.

Поэтому я решился обратиться к вашему превосходительству и просить покорнейше сделать распоряжение о доставлении мне следующих бумаг:

1. «Русская история», которой одна тетрадь ин. 4° процензированная.

2. Две малороссийские летописи, почерка XVIII века, в листе.

3. Летописец Ерлича ин. 4°, на польском языке.

4. Исторический очерк Острогожского Слободского полка, процензированный, в лист.

5. Собрание народных песен, две тетради, ин. 4°, процензированная.

6. Кипа старых бумаг в столбцах, почерка XVII века, относящихся к истории Слободских полков.

7. Три тетради Истории Хмельницкого: две ин. 8° и одна ин. 4°.

Питая надежду на справедливость и великодушие вашего превосходительства, дерзаю принести уверение в глубочайшем моем уважении, совершеннейшей преданности и неизгладимой домогильной благодарности за те истинно отеческие благодеяния ко мне, о которых я не могу вспомнить без слез умиления и которыми вы не только христиански облегчили ужасные минуты моей жизни, но претворили нравственное бытие мое, исцелив от пагубных и суетных заблуждений и вселив в сердце мое корень добра покорности властям и благоразумие.

Имею честь пребыть Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Николай Костомаров

Саратов, июля 1, 1849 г.

Ч. III, арк. 316—317. Автограф.

№ 439

1849 р. липня 12.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО Д. Г. БІБІКОВА ПРО РОЗШУК РУКОПИСІВ М. І. КОСТОМАРОВА В КИЄВІ ДЛЯ НАДІСЛАННЯ ЙОМУ В м. САРАТОВ

Его высокопр[евосходительству] Д. Г. Бибикову

12 июля 1849 г., № 1561

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

От 15 октября 1848 г. № 204 ваше превосходительство изволили сообщить, что находившиеся в канцелярии вашей все бумаги, принадлежащие бывшему адъюнкт-профессору университета св. Владимира Костомарову вручены были жительствующей в Киеве г-же Мазуровой для доставления по принадлежности.

Ныне Костомаров, объясняя, что он получил от г-жи Мазуровой бумаги, но не все, просит о возвращении к нему следующих:

1. «Русской истории», которой одна тетрадь, ин. 4°, процензирована.

2. Две малороссийские летописи, почерка XVIII века, в лист.

3. Летописец Ерлича ин. 4°, на польском языке.

4. Исторический очерк Острогожского Слободского полка, процензированный, в лист.

5. Собрание народных песен, две тетради ин. 4° процензированные.

6. Кипа старых бумаг в столбцах почерка XVII века, относящихся к истории Слободских полков.

7. Три тетради Истории Хмельницкого: две ин. 8, одна ин. 4°.

За отсутствием г-на генерал-адъютанта гр. Орлова о сем вашему высокопревосходительству имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], приказать сделать новую справку и по отыскании упомянутых бумаг доставить оные к Костомарову в Саратов; о последующем же удостоить меня уведомлением.

С отношением уваж[ения] и проч[ее].

Под[писал] Л. Дубельт

Ч. III, арк. 318—319. Відпуск.

№ 440

1849 р. серпня 10.— ВІДНОШЕННЯ Д. Г. БІБІКОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НАДІСЛАННЯ РУКОПИСІВ М. І. КОСТОМАРОВА САРАТОВСЬКОМУ ЦИВІЛЬНОМУ ГУБЕРНАТОРУ ДЛЯ ПОВЕРНЕННЯ ЇХ АВТОРОВІ

Его пре[восходительству] Л. В. Дубельту

10 августа 1849 г., № 6747, Киев

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Вследствие отношения вашего превосходительства от 12 июля № 1561, имею честь уведомить, что все бумаги коллежского асессора Костомарова, которые оставались еще в моей канцелярии, отосланы ныне к саратовскому гражданскому губернатору для возвращения по принадлежности.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 21 августа 1849 г.

Ч. III, арк. 320. Оригінал.

№ 441

1850 р. січня 31.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ДОЗВІЛ ВИЇХАТИ ДЛЯ ЛІКУВАННЯ В ОДИН ІЗ ВОДОЛІКУВАЛЬНИХ ЗАКЛАДІВ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Простите великодушно моей дерзости, с которой я решился обратиться к вашему превосходительству со всепокорнейшею просьбою.

Крайне печальное, совершенно расстроенное, несмотря на все медицинские средства, доведенное ими до ужаснейшего изнеможения и с ноября прошлого 1849 г. препятствующее мне даже заниматься с постоянством и рвением службою моею, здоровье мое вынудило меня на смелость просить у ближайшего начальника саратовского гражданского губернатора исходатайствования у высшего начальства позволения мне втечение четырех предстоящих теплых месяцев 1850 г. пользоваться в каком-нибудь из водолечебных заведений, существующих в Российской империи, из которых известны мне, по слухам, четыре: в Лопухинке, близ столицы, в Умани,

в Люстдорфе близ Одессы, и в Кочетке близ Чугуева. Я столь чувствую вину свою и милосердие, оказанное мне, что и в течение десяти лет не решился бы на дерзость беспокоить молениями о себе правительство, если бы горькое, поистине, положение мое и еще горшая будущность, какой я должен придать для себя при совершенной невозможности продолжать службу и тем самым при лишении средств содержания, не вынуждали меня к тому. Я вменяю себе в непростительную в несчастии моем — быть в немилости правительства — дерзость просить отпустить меня в одно именно какое-либо заведение, но умоляю единственно дозволить мие отправиться туда, куда уместным сочтено будет. Саратовский губернатор, которому вполне известно о крайнем расстройстве моем как по собственному убеждению, так и по отзыву всех здешних врачей, ибо все напрасно пользовали меня, был столь добр, что обещал сего числа сделать обо мне представление, причем, помня неизгладимые в сердце моем благодеяния, которые ваше превосходительство оказали мне. Я умоляю осчастливить меня милостивым содействием к доставлению мне означенного дозволения. Ежели, быть может, по удалении меня из западных губерний за прежние мои заблуждения, в которых я до гробовой доски не перестану раскаиваться с горькими слезами, мне ие дозволено будет пользоваться в Люстдорфе и Кочетке, куда я располагал бы по сравнительной перед другими местами близости к Саратову и, следовательно, дешевизне проезда туда и обратно, то умоляю дозволить мне в конце апреля отправить в Лопухинку. Окажите, ваше превосходительство милосердное внимание и дозвольте присовокупить к моим прежним мольбам о вас новые пред алтарем всевышнего.

Дерзаю принести уверение в глубочайшем моем к вам уважении и совершеннейшей преданности, с которыми навсегда имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга

Николай Костомаров

Саратов, января 31, 1850 г.

Помітка про одержання: 10 февраля 1850 г.

Ч. III, арк. 321—322. Оригінал.

№ 442

1850 р. лютого 25.— ВІДНОШЕННЯ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НАДІСЛАННЯ М. Л. КОЖЕВНИКОВИМ ЗАПИТУ З ПРИВОДУ ДОЗВОЛУ М. І. КОСТОМАРОВУ ВИЇХАТИ З м. САРАТОВА ДЛЯ ЛІКУВАННЯ

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Саратовский гражданский губернатор сообщил мне просьбу находящегося в г. Саратове под присмотром полиции присланного туда по отношению Вашего сиятельства от 11 июня 1848 г. № 1159 коллежского асессора Николая Костомарова (который исправляет должность редактора «Саратовских губернских ведомостей»[175] и переводчика при тамошнем губернском правлении) об увольнении его в четырехмесячный отпуск для пользования от болезни, в каком-либо из следующих водолечебных заведений: в Кочетках Харьковской губ. близ Чугуева, или в Люстдорфе близ Одессы, или в Умани Киевской губ., и[ли] в Лопухинке близ С.-Петербурга; преимущественно же желал бы он отправиться в Кочетку или в Люстдорф.

Усматривая из донесения действительного статского советника Кожевникова, что Костомаров со времени нахождения в гор. Саратове под надзором полиции ведет себя хорошо, я имею честь сообщить на усмотрение вашего сиятельства об изъясненной просьбе Костомарова, покорнейше прося почтить меня о последующем вашем уведомлением.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Л. Перовский

25 февраля 1850 г., № 105

Помітка про одержання: 28 февраля 1850 г.

Ч. III, арк. 323. Оригінал.

№ 443

1850 р. лютого 10.— ДОВІДКА КАНЦЕЛЯРІЇ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. І. КОСТОМАРОВА

Министр внутренних дел, основываясь на засвидетельствовании саратовского гражданского губернатора о хорошем поведении состоящего там на службе и под надзором полиции коллежского асессора Николая Костомарова, передает на усмотрение вашего сиятельства просьбу Костомарова об увольнении его в 4-х месячный отпуск, для пользования от болезни в каком-либо из следующих водолечебных заведений: в Кочетках Харьковской губ., в Люстдорфе близ Одессы, в Умани Киевской губ., или в Лопухинке, близ С.-Петербурга, преимущественно же он желал бы отправиться в Кочетку или Люстдорф.

Справка

Коллежский асессор Костомаров, будучи адъюнкт-профессором университета св. Владимира, участвовал в составившемся в Киеве Украйнославянском обществе, за что в 1847 г., по высочайшему повелению, был заключен в с.-петербургскую крепость на один год, а потом, в июне 1848 г., определен на службу в г. Саратов, с запрещением продолжать оную по ученой части и с учреждением над ним строжайшего надзора.

Высочайшего повеления о воспрещении ему жительствовать в Малороссийских губерниях не было.

10 февраля 1850 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Узнать, нет ли возможности там лечиться.

Ч. III, арк. 324—325. Відпуск.

№ 444

1850 р. березня 4.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДОЗВОЛИТИ М. І. КОСТОМАРОВУ ЛІКУВАТИСЯ В МЕЖАХ САРАТОВСЬКОЇ ГУБ.

Секретно

Его сиятельству гр. Л. А. Перовскому

4 марта 1850 г., № 461

Милостивый государь Лев Алексеевич!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 25 февраля № 105 имею честь уведомить вас, милостивый государь, что я нахожу неудобным дозволить находящемуся в г. Саратове коллежскому асессору Костомарову от-

правиться в просимый им к минеральным водам отпуск, и полагаю, что для точного исполнения последовавшего о нем высочайшего повеления необходимо ему ограничиться теми средствами, какие предоставляет Саратовская губ., и потому не изволите ли, ваше сиятельство, признать возможным предложить г-ну действительному статскому советнику Кожевникову озаботиться изысканием средств для пользования болезни Костомарова в месте его нынешнего пребывания.

Примите, ваше сиятельство, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. III, арк. 326. Відпуск.

№ 445

1850 р. грудня 7.— ЛИСТ А. Л. КРАГЕЛЬСЬКОЇ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ВІДПУСТИТИ М. І. КОСТОМАРОВА ІЗ ЗАСЛАННЯ В м. КИЇВ ДЛЯ ОДРУЖЕННЯ

Ваше высокопревосходительство!

Еще в 1847 г. я имела честь быть с вами знакома; не смею думать, чтобы вы могли меня помнить, хотя в Петербурге я пользовалась некоторое время вашим добродушным участием в горе, постигшем меня на 16-м году жизни. Простите великодушно смелости моей беспокоить вас своею просьбою: меня заставила крайность или участь целой моей жизни. В вышеуказанном году, согласно с желанием моих родителей, я была обручена с г-ном Костомаровым, бывшим адъюнкт-профессором Киевского университета св. Владимира. Это был выбор сердца моего и маменькин, видавшей в нем человека, способного составить счастье мое. Накануне дня нашего бракосочетания он был увезен в Петербург и отослан потом в г. Саратов. С помощью всевышнего я вынесла этот жестокий удар злого рока! Вы сами, ваше превосходительство, утешали меня с отеческою добротою, а потому я и решилась прибегнуть к вам, как к единственной особе, от которой зависит все, могущее составить мое счастье или погубить его. Прошло около четырех лет, как я связана словом и сердцем с Костомаровым, а маменька не соглашалась соединить нас, называя моего жениха изгнанником; теперь же, видя мое постоянство, позволила мне написать к нему письмо, извещая его об этом и что он может приехать в Киев для совершения нашего брака. Притом маменька сказала мне, что если он не получит позволения приехать сюда, то нам никогда не бывать супругами, потому что она не решится ехать со мной в Саратов и тем подавать поводы знаменитым сплетням нашего города. Умоляю вас на коленях, со слезами, не отвергните моей просьбы и отпустите в Киев моего жениха, если он будет просить об этом, хотя на самое короткое время. Если это не от вас зависит, то одно ваше слово будет принято в уважение, и его наверное отпустят. Мне дали сроку до мая месяца, чтобы окончить наши семейные дела. Не примите во зло, что я по секрету от своей матери пишу вам это письмо: я люблю его и вижу свое счастье в нем и потому отважилась на этот поступок с полным убеждением, что найду в вас покровителя — первую надежду полагаю на бога и последнюю на вас. Если я достигну своей цели, то имя ваше будет неотступно с молитвою, которую творю о вашем благоденствии.

Честь имею прибыть с истинным к вашему превосходительству высокопочтением покорною слугою.

Алина Крагельская

7 декабря 1850 г., Киев

Не смею просить ответа на это письмо, во-первых, потому, что не желаю вас беспокоить, и что оно писано секретно, а лучшим ответом будет исполнение моей величайшей просьбы — отпуск Костомарова.

Помітка: Справку.

Помітка про одержання: 27 декабря 1850 г.

Ч. III, арк. 327—328. Автограф.

№ 446

1850 р. грудня 27.— ДОВІДКА КАНЦЕЛЯРІЇ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ВІДНОСИНИ МІЖ А. Л. КРАГЕЛЬСЬКОЮ ТА М. І. КОСТОМАРОВИМ

Находящаяся в Киеве дочь умершего подполковника Алина Крагельская объясняет, что она, будучи в 1847 г. обручена с бывшим адъюнкт-профессором Киевского университета Костомаровым, который накануне свадьбы был арестован и отвезен в С.-Петербург, остается до сих пор верною его невестою и питает к нему неизменную любовь, с надеждою вступить с ним в брак, а потому она убедительнейше просит ваше превосходительство об исходатайствовании Костомарову, в случае его просьбы, дозволения прибыть из Саратова на некоторое время в Киев.

Справка

В 1847 г. Костомаров, бывший адъюнкт-профессор Киевского университета, за прикосновенность к производившемуся тогда делу об Украйно-славянском обществе, действительно, как видно из письма его матери, арестован был накануне предполагавшегося брака с означенною девицею. По решению дела он заключен в Алексеевский равелин на один год, и потом отправлен, по высочайшему повелению, в г. Саратов на службу, с учреждением за ним строгого надзора.

Во время нахождения Костомарова в крепости было выдано прибывшей тогда в С.-Петербург матери его невесты, по второму мужу Мазуровой, на возвратный путь ее в Киев, 300 руб. серебром, а потом по просьбе Костомарова все оставленное им в Киеве имущество и библиотека его предоставлены в полное и совершенное распоряжение ее же, г-жи Мазуровой.

Из ведомостей о лицах, состоящих под надзором полиции в Саратовской губ., оказывается, что Костомаров постоянно отличается хорошим поведением.

Резолюція Дубельта: Пусть туда едет.

Ч. III, арк. 329—330 Оригінал.

№ 447

1850 р. грудня 29.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО М. Л. КОЖЕВНИКОВА ПРО ВІДМОВЛЕННЯ А. Л. КРАГЕЛЬСЬКІЙ В ПРОХАННІ ДОЗВОЛИТИ М. І. КОСТОМАРОВУ ВИЇХАТИ ДО КИЄВА ДЛЯ ОДРУЖЕННЯ

Его пре[восходительст]ву М. Л. Кожевникову

29 декабря 1850 г., № 2600

Милостивый государь Матвей Львович!

Меня просят об увольнении находящегося в г. Саратове отставного коллежского асессора Николая Костомарова на некоторое время в г. Киев, для вступления там в брак с девицею, которая еще до высылки его оттуда была его невестою.

Находя неудобным разрешить испрашиваемую для него поездку, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли принять на себя труд лично объявить Костомарову, что он может предложить своей невесте прибыть для бракосочетания с ним в Саратов.

Примите, ваше превосходительство, уверение в истинном уважении и совершенной преданности.

Подписал гр. Орлов
Верно: коллежский советник К. Миллер

Ч. III. арк. 331. Відпуск.

№ 448

1851 р. січня 15.— ВІДНОШЕННЯ М. Л. КОЖЕВНИКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПОПЕРЕДЖЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ЩОДО ЗАБОРОНИ ВИЇХАТИ ІЗ м. САРАТОВА У м. КИЇВ ДЛЯ ОДРУЖЕННЯ

Секретно

Г-ну шефу корпуса жандармов, генерал-адъютанту гр. Орлову

15 января 1851 г., № 50, Саратов

Ваше сиятельство, от 29 декабря минувшего года за № 2600 уведомили меня, что вы находите неудобным разрешить поездку находящемуся под надзором саратовской полиции коллежскому асессору Николаю Костомарову на некоторое время в г. Киев для вступления в брак с девицею, которая, еще до высылки его оттуда, была его невестою.

Вследствие чего долгом считаю донести, что я, до получения еще этого отзыва вашего сиятельства, по поданной г-ном Костомаровым просьбе о разрешении ему отправиться в Киев для объясненной надобности, вошел с представлением к г-ну министру внутренних дел, 31 декабря минувшего года за № 4464, об удовлетворении его ходатайства, основываясь на том, что г-н Костомаров, по поведению и образу мыслей своих, замечен мною с самой отличной стороны.

Причем долгом считаю присовокупить, что все изъясненное в отношении вашего сиятельства от 29 декабря минувшего года за № 2600, мною г-ну Костомарову лично объявлено.

Гражданский губернатор Кожевников
Правитель канцелярии Семеонов

Помітка О. Ф. Орлова: Ожидать от Перовского.
Помітка про одержання: 27 января 1851 г.

Ч. III, арк. 332. Оригінал.

№ 449

1850 р. грудня 20.— ЛИСТ А. Л. КРАГЕЛЬСЬКОЇ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ НЕ ПОВІДОМЛЯТИ МАТІР ПРО ЇЇ ЛИСТ У III ВІДДІЛЕННЯ

Ваше превосходительство!

С прошедшей почтой я отправила к вам письмо, умоляя об отпуске моего жениха из Саратова в Киев, если он будет вас просить об этом. Письмо это было писано по секрету от моей маменьки, которая узнала об этом и забрасывает меня упреками. Будьте так милостивы, достопочтеннейший Леон-

тий Васильевич, изорвите эти оба письма и если маменька, по старому с вами знакомству, вздумает писать к вам обо мне, то не выдайте моего секрета, ибо это лишит меня прежней материнской любви и доверенности. Если по какому-то ни было обстоятельству жених мой Костомаров не сможет быть отпущен в Киев, то скрепившись духом, я вынесу этот удар — по крайней мере позвольте мне иметь надежду, что о письмах моих к вам не узнает маменька.

Для большей верности я адресовала это письмо на имя одной дамы, которая примет на себя труд переслать его вам. Простите великодушно, что беспокою вас: меня осмелила ваша ласка и снисходительность, которыми я пользовалась в Петербурге.

Честь имею быть вашей покорной слугою

Алина Крагельская

Декабря 20-го 1850 г., Киев

Помітка: Приказано хранить в непроницаемой тайне от Крагельской.

Помітка про одержання: 8 февраля 1851 г.

Ч. III, арк. 332. Автограф.

№ 450

1851 р. квітня 13.— ВІДНОШЕННЯ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ОДЕРЖАННЯ ПОДАННЯ САРАТОВСЬКОГО ЦИВІЛЬНОГО ГУБЕРНАТОРА ЩОДО ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ВИЇХАТИ В м. КИЇВ ДЛЯ ОДРУЖЕННЯ

Его сият[ельст]ву А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира Костомаров, высланный по высочайшему повелению в г. Саратов на службу и под надзор полиции, ходатайствует о дозволении ему отправиться в г. Киев для вступления там в брак с дочерью полковника Крагельского, девицею Алиною Крагельскою, удостоверяя, что он уже обручен с нею во время нахождения его на службе в Киеве.

Получив об этом представление начальника Саратовской губ. и, имея в виду, что сказанное высочайшее повеление о Костомарове объявлено было мне 11 июня 1848 г. № 1161, вашим свидетельством, я считаю долгом о настоящем его ходатайстве сообщить на ваше, милостивый государь, усмотрение и присовокупить к тому, что по отзыву киевского военного губернатора, подольского и волынского генерал-губернатора, с которым я входил в сношение по этому предмету, Костомаров действительно обручился еще до выезда из Киева с девицей Крагельской, у которой и обручальное кольцо остается и до сего времени.

Примите, ваше сиятельство, уверение в совершенном моем к вам почтении и преданности.

Гр. Л. Перовский

13 апреля 1851 г., № 1602

Помітка Л. В. Дубельта: По Славянскому делу был год в крепости и потом выслан в Саратов, было представление губернатора, приказано ожидать от министра в[нутренних] дел.

Резолюція: Можно 3 м[еся]ца.

Помітка про одержання: 16 апреля 1851 г.

Ч. III, арк. 333. Оригінал.

№ 451

1851 р. квітня 19.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ДОЗВІЛ М. І. КОСТОМАРОВУ ВИЇХАТИ ДО м. КИЄВА СТРОКОМ НА ТРИ МІСЯЦІ І ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА НИМ ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

М[инистр]у внутренних дел

19 апреля 1851 г., № 678

М[илостивый] г[осударь] гр. Лев Алексеевич!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 13 апреля, № 1602, имею честь уведомить вас, м[илостивый] г[осударь], что я нахожу возможным дозволить коллежскому асессору Костомарову отправиться в г. Киев для вступления там в брак с девицею Алиною Крагельскою, но с тем, чтобы за ним и в Киеве продолжено было полицейское наблюдение и чтобы он находился там не долее трех месяцев.

Примите ваше сиятельство, уверение в истин[ном] моем почтении и совершенной преданности.

Подписал гр. Орлов
Верно: коллежский советник Тихомиров

Ч. III, арк. 334. Відпуск.

№ 452

1851 р. квітня 19.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ А. О. КУЦИНСЬКОМУ ВСТАНОВИТИ ТАЄМНИЙ НАГЛЯД ЗА М. І. КОСТОМАРОВИМ ПІД ЧАС ПЕРЕБУВАННЯ ЙОГО У м. КИЄВІ

Секретно

Г[енерал]-м[айору] Куцинскому

М[илостивый] г[осударь] Андрей Александрович!

Высланный в 1848 г. под надзор полиции в Саратов, за прикосновенность к тайному обществу, коллежский асессор Костомаров уволен ныне на три месяца в Киев, для вступления там в брак с девицею Алиною Крагельскою.

Предлагаю вашему превосход[ительству] сделать распоряжение, дабы за Костомаровым, по прибытии его в Киев, имелось секретное наблюдение со стороны корпуса жандармов.

Примите уверение в истин[ном] моем почтении и преданности

Подписал гр. Орлов
Верно: коллежский советник Тихомиров

Ч. III, арк. 335. Відпуск.

№ 453

1852 р. квітня 25.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ДОЗВОЛИТИ ВИЇХАТИ В м. ЯЛТУ ДЛЯ ЛІКУВАННЯ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Опыт некогда научил меня видеть в вас добродетельнейшего и великодушного мужа, которого сердце открыто для страданий ближнего и это внушает мне дерзость обратиться к вам.

Когда легкомыслие мое привело меня к несчастью навлечь на себя праведный гнев государя, ободренный сострадательным вниманием вашего превосходительства, я дерзал беспокоить вас просьбой исходатайствовать мне назначение места жительства и службы в Таврической губ. для исправления здоровья. Ваше превосходительство с человеколюбивым участием приняли мою просьбу, но сказали, что в то время еще рано просить об этом. Вот уже пять лет прошло с того времени: здоровье мое расстроилось до крайности с тех пор, и саратовский губернатор двукратно в своих представлениях свидетельствовал об истине моих слов, отиосясь и о поведении моем весьма одобрительно. В настоящее время страдая ужаснейшей болезнью — иссушением спинного мозга — и, как по единогласному приговору врачей, так равно и по всем новейшим исследованиям европейских ученых об этой болезни, находя, что одна морская вода могла бы мне принести пользу, я снова обращаюсь к вашему превосходительству и, если невозможно назначить мне место для службы в Таврической губ., то умоляю ваше превосходительство принять с вашей стороны участие в том, дабы мне было разрешено отправиться по отпуску в Таврическую губ. и пребывать в течение трех предстоящих летних месяцев в г. Ялте для пользования морскими ваннами. Я тем более осмеливаюсь просить об этом, что прошлый год мне разрешено было ехать в Киев для бракосочетания, но, как вследствие усиления моей болезни, невеста моя принуждена была вступить в брак с иным лицом, то я не мог и воспользоваться этой милостию. Теперь я прошу оказать мне подобную милость для спасения моей жизни.

Ваше превосходительство! Будьте милосердны, будьте сострадательны!

Принося уверения в нелицемерных чувствах моего глубочайшего уважения и совершеннейшей преданности имею честь пребыть вашим, ваше превосходительство, покорнейшим слугою.

Николай Костомаров

Апреля 25 1852 г., Саратов

Резолюція Л. В. Дубельта: Можно.

Ч. 111, арк. 336—337. Оригінал.

№ 454

1852 р. квітня не раніше 25.— ДОВІДКА КАНЦЕЛЯРІЇ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. І. КОСТОМАРОВА

Справка

Коллежский асессор Костомаров, будучи адъюнкт-профессором университета св. Владимира, участвовал в составившемся в Киеве Украйно-славянском обществе, имевшем целью соединение славянских племен в одно государство. За это он в 1847 г., по высочайшему повелению, был заключен в Алексеевский равелин на один год, а потом в 1848 г. определен на службу в Саратов, с запрещением служить по ученой части и с учреждением над ним строжайшего надзора.

В 1850 г. г-н министр внутренних дел, основываясь на засвидетельствовании саратовского гражданского губернатора о хорошем поведении Костомарова, передавал на усмотрение г-на генерал- адъютанта гр. Орлова просьбу Костомарова об увольнении его в [176]отпуск, для излечения тяжелой болезни, в каком-либо из следующих водолечебных заведений: в Кочетке Харьковской губ., в Люстдорфе близ Одессы, в Умани Киевской губ., или Лопухинке близ. С.-Петербурга [177], но в[аше] сия[тельст]во изволил признать тогда неудобным удовлетворение этой просьбы.

В 1851 г., вследствие отношения г-на действительного тайного советника гр. Перовского дозволено было Костомарову отправиться в Киев для вступления там в брак с дочерью полковника Крагельского, но отпуском этим, как Костомаров пишет, он не воспользовался.

Ч. III, арк. 338—339. Оригінал.

№ 455

1852 р. травня 10.— ПРОЕКТ ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ДОЗВІЛ М. І. КОСТОМАРОВУ ВИЇХАТИ ДЛЯ ЛІКУВАННЯ В ЯЛТУ ТА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА НИМ СУВОРОГО ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Проект

Его сиятельству Л. А. Перовскому

10 мая 1852 г., № 864

Милостивый государь гр. Лев Алексеевич!

Высланный в 1848 г., по высочайшему повелению, на службу в Саратов коллежский асессор Костомаров, объясняя крайне болезненное положение свое, просило о дозволении ему отправиться в отпуск на три месяца в г. Ялту Таврической губ. для пользования морскими ваннами.

По докладу государю наследнику цесаревичу о таковой просьбе Костомарова, его императорскому высочеству угодно было изъявить на оную соизволение.

Сообщая о сем вашему сиятельству для зависящего распоряжения и покорнейше прося вас, милостивый государь, не изволите ли приказать, дабы за коллежским асессором Костомаровым во время пребывания его в Таврической губ. учрежден был строгий полицейский надзор, имею честь удостоверить ваше сиятельство, в истинном моем уважении и совершенной преданности.

Ч. III, арк. 340. Чернетка.

№ 456

1852 р. травня 10.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА А. А. ШНЕЛЮ ВСТАНОВИТИ ЖАНДАРМСЬКИЙ НАГЛЯД ЗА М. І. КОСТОМАРОВИМ ПІД ЧАС ЙОГО ЛІКУВАННЯ В м. ЯЛТІ

Его прев[осходительству] А. А. Шнелю

10 мая 1852 г., № 860

М[илостивый] г[осударь] Александр Андреевич!

Высланный в 1848 г. по высочайшему повелению, за прикосновенность в Украйно-славянскому обществу, на службу в Саратов с учреждением надзора бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира коллежский асессор Костомаров, объясняя мне крайне болезненное положение свое, просил моего ходатайства о дозволении ему отправиться в отпуск на три месяца в г. Ялту Таврической губ. для пользования морскими ваннами. По докладу моему государю наследнику цесаревичу о таковой просьбе Костомарова, его императорскому высочеству угодно было изъявить на оную соизволение.

Сообщив г-ну министру внутренних дел о таковой воле государя наследника цесаревича, для зависящего распоряжения, я имею честь покорнейше просить ва[ше] превосходительство, не изволите ли приказать, дабы за Костомаровым во время пребывания в означенной губернии учреждено было секретное наблюдение и со стороны корпуса жандармов.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подпи[сал] Л. Дубельт
Верно: коллежский советник Миллер

Ч. III, арк. 341—342. Відпуск.

№ 457

1853 р. лютого 16.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО ВІД НАГЛЯДУ ПОЛІЦІЇ І ДОЗВОЛИТИ ВИЇХАТИ З м. САРАТОВА

Ваше сиятельство милостивый государь!

Со страхом и надеждою осмеливаюсь обратиться к вашему сиятельству с просьбой о снисходительном внимании к моему положению.

Вот уже шесть лет я несу тяжелое бремя справедливого гнева государя за то легкомыслие, с которым я впал в заблуждение в 1847 г., в бытность мою адъюнкт-профессором в университете св. Владимира. До сих пор я нахожусь под надзором на службе в Саратове. Во-первых, расстроенное здоровье мое, которое поправить я не имею способов, будучи связан определенным местом жительства; во-вторых, недостаточность средств к жизни при жаловании, сопряженном с тою службою, которой я переменить не могу; в-третьих, чувство царской немилости, терзающее мою душу — все эти обстоятельства побуждают меня просить ваше снятельство исходатайствовать мне у престола прощение и позволить жить и искать службы в столицах и во всех краях Российской империи, не стесняясь безвыездным местопребыванием в Саратове.

Дерзаю принести уверение в чувствах глубочайшего уважения и совершеннейшей преданности, с которыми пребывать имею честь вашего сиятельства покорнейший слуга.

Николай Костомаров

Саратов, февраля 16, 1853 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Доложить со справками.

Помітка Л. В. Дубельта: Повременить.

Помітка про одержання: Получ[ено] 25 февраля 1853 г.

Ч. III, арк. 343. Автограф.

№ 458

1853 р. лютого 16.— ЛИСТ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО З-ПІД НАГЛЯДУ ПОЛІЦІЇ І ДОЗВОЛИТИ ВИЇХАТИ З м. САРАТОВА

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Ваше великодушное внимание к ищущим покровительства вашего, дознанное мною самим столько раз, внушает мне смелость обратиться к вашему пр[евосходительству]. С 1847 г., неся гнетущее бремя царского нака-

зания за мое заблуждение, находясь под надзором в г. Саратове, при крайне расстроенном здоровье, не видя при том для себя ничего в будущем при таком положении и терзаясь всею кающеюся душою при мысли, что гнев отца-государя, как божие проклятие, висит тяжелым камнем над моей головою, я решаюсь молить его сиятельство и ваше превосходительство об исходатайствовании мне августейшего прощения и позволения жить и искать службы как в столицах, так и во всех краях Российской империи, не стесняясь местом пребыванием в одном Саратове.

Ваше превосходительство! Если бы эта милость, при упадке моих физических и нравственных сил не послужила бы более для выгод земной службы, то, по крайней мере, я буду счастлив тем, что проведу остаток дней и сойду в могилу с облегченным сердцем, моля бога о ниспослании всех благ вам, истинному моему благодетелю. Дерзаю принести уверение в чувствах глубочайшего уважения и совершеннейшей преданности, с которыми имею честь прибыть вашего превосходительства покорнейший слуга

Николай Костомаров

Саратов, февраль 16, 1853 г.

Помітка Л. В. Дубельта: Справку.

Помітка про одержання: Получ[ено] 26 февраля 1853 г.

Ч. III, арк. 344. Оригінал.

№ 459

1853 р. грудня 7.— ВІДНОШЕННЯ М. А. КОЖЕВНИКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОЯСНИТИ, ЯК МОТИВУВАТИ ЗВІЛЬНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ВІД ПОСАДИ АД'ЮНКТ-ПРОФЕСОРА КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ В 1847 р.

Г-ну шефу корпуса жандармов генерал-адъютанту гр. Орлову

7 декабря 1853 г., № 17534, Саратов

Бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира, коллежский асессор Костомаров, высочайшим приказом 13 генваря 1849 г., № 8-й, определен переводчиком при Саратовском губернском правлении. В доставленном ко мне попечтителем Киевского учебного округа формулярном списке о службе Костомарова за 1847 г. не обозначено времени и случая выбытия его с должности адъюнкт-профессора. Из дела моей канцелярии видно, что Костомаров прислан в г. Саратов по высочайшему повелению, под строгий полицейский надзор, за составление в Киеве вместе с другими лицами Украйно-славянского общества и перевод с польского языка одной рукописи преступного содержания, за что Костомаров, по высочайшему повелению, заключен был в крепость на один год, с тем, чтобы потом определить его на службу, но никак не по ученой части, и с учреждением над ним строжайшего надзора, сведений же о времени взбытия Костомарова с должности адъюнкт-профессора нет. Исправляющий должность киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора [178] на требование мое уведомил, что бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира, коллежский асессор Костомаров был взят под арест и выслан в С.-Петербург 30 марта 1847 г.; потом, как видно из присланного при отношении вашего сиятельства от 30 мая 1847 г., за № 849, всеподданейшего доклада по делу об Украйно-славянского общества, по высочайшему повелению, последовавшему на том всеподданейшем докладе, 28 мая 1847 г. назначен

к заключению в крепость на один год и к высылке в Вятскую губ. на службу, но никак не по ученой части, с учреждением над ним строжайшего надзора. Имея в виду, что в формулярном списке переводчика при губернском правлении коллежского асессора Костомарова необходимо обозначить время и случай выбытия его с должности адъюнкт-профессора университета св. Владимира, и что хотя собранными сведениями открыто, что Костомаров с этой должности смещен по высочайшему повелению, последовавшему 23 мая 1847 г. по делу об Украйно-славянском обществе; но как этого объяснить в формулярном списке Костомарова нельзя, ибо означенное высочайшее повеление последовало секретно, то представляя об этом вашему сиятельству, имею честь покорнейше просить разрешения: как объяснить в формулярном списке Костомарова случай выбытия его с должности адъюнкт-профессора?

Гражданский губернатор Кожевников
Секретарь [підпис не розбірливий]

Помітка про одержання: 16 декабря [18]53 г.

Ч. III, арк. 345—346. Оригінал.

№ 460

1853 р. грудня 19.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО М. Л. КОЖЕВНИКОВА ПРО ЗАПИС У ФОРМУЛЯРНОМУ СПИСКУ М. І. КОСТОМАРОВА, ЗВІЛЬНЕНОГО ВІД ПОСАДИ АД'ЮНКТ-ПРОФЕСОРА ЗА НАКАЗОМ МИКОЛИ І

Г-ну саратовскому граж[данскому] губернатору

19 декабря 1853 г., № 2170

Вследствие отношения вашего превосходительства от 7 декабря № 17534 имею честь уведомить, что в формулярном списке коллежского асессора Костомарова имеется быть помещено, что из университета св. Владимира от должности адъюнкт-профессора он уволен 23 мая 1847 г. по выс[очайше]му повелению, не присовокупляя более никаких объяснений на счет секретного дела, по которому состоялось означенное повеление.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов

Ч. III, арк. 347. Відпуск.

№ 461

1854 р. лютого 15.— ЛИСТ М. І. КОСТОМАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО ІЗ ЗАСЛАННЯ ТА ВІД НАГЛЯДУ ПОЛІЦІЇ

Ваше сиятельство милостивый государь!

Простите смелости, с которою решаюсь обратиться к вашему сиятельству. За увлечение идеями соединения славян во время моего преподавания русской истории в университете св. Владимира я семь лет несу тяжелое бремя немилости государя, находясь на службе в Саратове под надзором полиции. Удостойте, сиятельнейший граф, почтить сострадательным вниманием мою покорнейшую просьбу об исходатайствовании мне у августейшего монарха всемилостивейшего прощения.

Приношу уверение в чувствах глубочайшего уважения и совершеннейшей преданности, с каковыми честь имею пребыть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Николай Костомаров

Саратов, февраля 15 1854 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Справку.

Резолюція О. Ф. Орлова: Не время. Оставить без ответа.

Помітка про одержання: 24 февраля 1854 г.

Ч. III, арк. 348. Оригінал.

№ 462

1854 р. лютого 15.— ЛИСТ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО ІЗ ЗАСЛАННЯ ТА ВІД НАГЛЯДУ ПОЛІЦІЇ

Ваше превосходительство милостивый государь!

Не может быть более убийственного чувства для русского человека, как чувство тяготеющей немилости государя своего. Вашему превосходительству известно, что во время моего преподавания русской истории в университете св. Владимира юношеское увлечение идеями соединения славян навлекло на меня гнев справедливого монарха. Семь лет я несу его, находясь под надзором полиции в Саратове, куда отправлен после годичного заключения в крепости. Не ропщу на судьбу свою, напротив, благодарил бы создателя, если б эти годы могли загладить вину мою, которую, по юношеской неопытности, я имел несчастье возбудить неудовольствие отца-государя. Я принимаю смелость обратиться к вашему превосходительству, вспоминая то человеколюбивое и милостивое внимание, которое я испытал в минуты моего горя. Умоляю ваше превосходительство оказать мне милость исходатайствованием мне у августейшего монарха всемилостивейшего прощения.

Приношу уверения в глубочайшем уважении и совершеннейшей преданности.

Вашего превосходительства покорнейший слуга Николай Костомаров

Февраля 15 1854 г., Саратов

Помітка про одержання: 24 февраля 1854 г.

Ч. III, арк. 349. Оригінал.

№ 463

1855 р. березня 15.— ЛИСТ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО ІЗ ЗАСЛАННЯ ТА ВІД НАГЛЯДУ ПОЛІЦІЇ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Ваше превосходительство были некогда судиею моих поступков, но не без сострадания. Это внушает мне смелость просить вас теперь о милостивом внимании.

Вот уже ровно восемь лет я несу на себе бремя царской немилости за юношеские заблуждения. Между тем здоровье мое расстроилось и нуждается в средствах, которых я не могу иметь, будучи связан исключительным

местопребыванием в Саратове. Одно финансовое дело моей матери о билете опекунского совета в 1500 руб. серебром, дело которое было известно вашему превосходительству в 1847 г., требует моего присутствия и ходатайства в С.-Петербурге, я же не смею выезжать из Саратова, наконец тягостное чувство, которое гнетет меня в моем положении сосланного, оклейменного царским гневом, все это вместе побуждает меня принять смелость просить вашего сострадательного содействия к исходатайствованию мне у государя императора прощения и освобождения меня от обязанности жительствовать и находиться на службе единственно в Саратове под строжайшим надзором полиции. В продолжении моего здесь пребывания, с глубоким, сердечным раскаянием неся на себе бремя наказания, я нахожу теперь единственным для себя утешением то, что не имел несчастия заслужить никакою неисправностию, еще менее непослушанием или дурными поступками, неблагосклонность начальства, строжайшему надзору которого меня поручило правительство. В 1852 г. я был обязан государю наследнику, ныне царствующему государю императору, всемилостивейшим дозволением ехать на время в Крым, памятую сию высокую милость, повергаюсь к августейшим стопам монарха и молю, да ознаменуется его торжественное вступление на престол славных предков и для меня, одного из ничтожных и отверженных детей его, радостию отеческого прощения заблуждений моей юности и возвращения к правам его великого русского семейства.

Приношу уверения в чувствах глубочайшего уважения и совершенной преданности, с каковыми имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейшим слугою

Николай Костомаров

Саратов, марта 15 1855 г.

Помітка Л. В. Дубельта: До случая.

Помітка про одержання: 26 марта 1855 г.

Ч. III, арк. 350—351. Оригінал.

№ 464

1855 р. березня 29.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. І. КОСТОМАРОВА

Справка

Коллежский асессор Костомаров, быв в 1847 г. адъюнкт-профессором университета св. Владимира, участвовал в составившемся тогда в Киеве Украйно-славянском обществе, имевшем целью соединение славянских племен в одно государство. За это он в 1847 г., по высочайшему повелению, был заключен в Алексеевский равелин на один год, а потом в 1848 г. определен на службу в Саратов, с запрещением служить по ученой части и с учреждением над ним строжайшего надзора.

В 1850 г. г-н министр внутренних дел, основываясь на засвидетельствовании саратовского гражданского губернатора о хорошем поведении Костомарова, передавал на усмотрение вашего сиятельства просьбу Костомарова об увольнении его в отпуск для излечения тяжкой болезни в каком-либо из водолечебных заведений: Кочетках Харьковской губ., в Люстдорфе близ Одессы, в Умани Киевской губ., или в Лопухинке близ С.-Петербурга; но ваше сиятельство изволили признать неудобным удовлетворение этой просьбы. В 1851 г. дозволено было Костомарову отправиться в Киев для вступления там в брак с дочерью полковника Крагельского, но отпуском этим он не воспользовался. В 1852 г. высочайше разрешен ему был отъезд

на 3 месяца в г. Ялту для пользования морскими ваннами. В 1853 г. Костомаров, представляя расстроенное положение своего здоровья и скорбь о тяготеющей над ним немилости государя императора, просил об исходатайствовании ему всемилостивейшего прощения, с дозволением свободно продолжать гражданскую службу везде, где пожелает. По докладу вашему сиятельству об этой просьбе вы изволили приказать повременить.

Коллежский асессор Костомаров состоит на службе в Саратовском губернском правлении и, по засвидетельствованию губернатора, ведет себя скромно и хорошо.

Примеры: Из принадлежавших к Украйно-славянскому обществу главный руководитель оного коллежский секретарь Гулак, заключенный в крепость на три года и служащий ныне в Перми, 22-го февраля сего года освобожден от надзора. Принадлежавший к тому же обществу губернский секретарь Кулиш был в крепости три месяца, потом выслан на службу в Тулу, а в 1850 г. ему разрешено жить и служить, где пожелает, не исключая и столиц, кроме ученой части. Такая же милость оказана титулярному советнику Белозерскому, который, хотя также подлежал заключению в крепость, но по уважению к его чистосердечному сознанию выслан на службу в Петрозаводск, и в 1853 г. удостоен помилования дозволением продолжать службу везде, где пожелает, кроме ученой части.

29 марта 1855 г.

Ч. III, арк. 352—353. Оригінал.

№ 465

1855 р. червня 17.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ГОЛІЦИНА [179] ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРИВОДУ ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО ІЗ ЗАСЛАННЯ ТА ВІД НАГЛЯДУ ПОЛІЦІЇ

Секретно

Его сият[ельству] гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Служащий переводчиком при Саратовском губернском правлении коллежский асессор Николай Костомаров во всеподданейшем прошении ходатайствует об освобождении его от полицейского надзора, которому он подвергнут с 1847 г.

Прошение сие, вместе с письмом ко мне просителя, имея честь препроводить к вам, милостивый государь, на усмотрение, возобновляю уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын

17 июня 1855 г., № 3898

Резолюція Л. В. Дубельта: Доклад.

Помітка: Костомаров ведет себя скромно и хорошо.

Резолюція О. Ф. Орлова: Можно.

Помітка про одержання: 22 июня 1855 г.

Ч. III, арк. 354. Оригінал.

№ 466

1855 р. травня 31.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО ОЛЕКСАНДРА II ПРО ПОМИЛУВАННЯ

Ваше императорское величество
всемилостивейший государь!

Со страхом и уважением на беспредельное милосердие вашего императорского величества я принимаю дерзновение повергнуть мое моление к августейшим стопам вашим.

В 1847 г., в бытность мою на должности адъюнкт-профессора по кафедре русской истории в императорском университете св. Владимира я имел несчастие, увлекшись исследованиями, впал в панславистические заблуждения, за которые и был наказан лишением профессорской должности, годичным заключением в крепости и отправлением на гражданскую службу в Саратовскую губ. с учреждением надо мною особого строжайшего надзора. Восемь лет я сносил бремя наказания с терпением и единственным утешением для меня осталось то, что в продолжении этого времени я не имел несчастия навлечь на себя неблаговоления начальства. В настоящее время, когда ваше императорское величество изволили ознаменовать ваше вступление на престол делом безмерного милосердия, проливающего луч утешения самым тяжелым преступникам, я дерзаю молить державную благость вашу, государь, о милосердии ко мне. Если бы надзор надо мною ограничивался единственно наблюдением над моими политическими убеждениями, то я бы и не осмелился желать освободиться от него, ибо я других убеждений не имею, кроме тех, какие предписывает мне закон и любовь к своему монарху. Но надзор полиции, соединенный с необходимостью находиться исключительно в одном месте, стесняет меня в моей служебной и домашней жизни и лишает меня средств к поправлению болезни зрения, которую я страдаю уже несколько лет. Государь-отец! Удостойте оком сострадания одного из заблуждавшихся, но истинно раскаявшихся детей великого вашего семейства русского, соизвольте предоставить мне право служить вам, государь, и жительствовать невозбранно во всех местах Российской империи вашего императорского величества.

Верноподданный Николай Костомаров,
коллежский асессор, служащий переводчиком
при Саратовском губернском правлении.

Саратов, мая 31 дня 1855 г.

Помітка про одержання: 8 июня 1855 г.

Ч. III, арк. 355. Оригінал.

№ 467

1855 р. червня 27.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА ОЛЕКСАНДРУ II ПРО ПОМИЛУВАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА

Копія

О коллежском асессоре Костомарове

Из коллегии прошений передана ко мне всеподданнейшая просьба состоящему в Саратове под полицейским надзором переводчика при тамошнем губернском правлении коллежского асессора Костомарова. Описывая, что бытность под надзором стесняет его по службе и в домашней жизни, а еще более лишает средств к излечению глазной болезни, которою он страдает уже несколько лет, Костомаров умоляет, в то время, когда ваше импе-

раторское величество изволите ознаменовать вступление ваше на престол подвигом милосердия, высочайше даровать ему право служить и жительствовать, где пожелает с освобождением от надзора.

Справка

В 1847 г. Костомаров, бывший адъюнкт-профессором университета св. Владимира, участвовал в составлявшемся тогда в Киеве Украйно-славянском обществе, которое сверх ученых исследований имело целью соединение славянских племен в одно государство. За это он был выдержан один год в С.-Петербургской крепости, а потом выслан на службу в Саратов и во все время бытности его там, не только постоянно одобрялся в поведении, но местное начальство несколько раз ходатайствовало об облегчении его участи. Из лиц, прикосновенных к тому же обществу, коллежский регистратор Гулак, который был главною причиною составления общества, а также чиновники Белозерский и Кулиш, не менее Костомарова виновные, уже получили всемилостивейшее прощение.

Полагая, что ныне и Костомарову было бы возможно даровать испрашиваемое им помилование, я имею счастье таковое мнение всеподданейше повернуть на высочайшее воззрение вашего императорского величества.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт

27 июня 1855 г.

Помітка: На подлинном собственною его величества рукою написано карандашом «Согласен».

Генер[ал]-лейт[енант] Дубельт

Ч. III, арк. 356—357. Відпуск.

№ 468

1855 р. червня 29.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА* ДО Д. Г. БІБІКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ІЗ ЗАСЛАННЯ, АЛЕ З ЗАБОРОНОЮ СЛУЖИТИ В НАУКОВИХ УСТАНОВАХ

Г-ну м[инистру] в[нутренних] дел

29 июня 1855 г., № 1031

Известный м[инист]ру в[нутренних] дел из отношения моего от 11 июня 1848 г. за № 1161 [180] коллежский асессор Костомаров, состоя ныне на службе в Саратовском губернском правлении, вошел с всеподданейшею просьбою о всемилостивейшем даровании ему права служить и жительствовать, где пожелает, с освобождением его от учрежденного под ним надзора.

По всеподданейшему моему, вследствие сей просьбы, докладу г[осуда]рь и[мперато]р всемилостивейше соизволил на оную.

Сообщаем о сем в[ашем]у в[еличест]ву для зависящих распоряжений, имею честь присовокупить, что вышеуказанное высочайшее разрешение коллежскому асессору Костомарову продолжать служить по его желанию не распространяется однако на службу по ученой части и что высочайшее повеление, последовавшее о сем в 1847 г. должно оставаться в своей силе.

Г[енерал]-л[ейтенант] гр. Орлов

Ч. III, арк. 358. Відпуск.

№ 469

1855 р. червня 29.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО САРАТОВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА О. Д. ІГНАТЬЄВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ІЗ ЗАСЛАННЯ

Г-ну начальнику Саратовской губ.

29 июня 1855 г., № 1032

Состоящий на службе в Саратовском губернском правлении коллежский асессор Костомаров вошел (как к м[инист]ру в[нутренних] дел), ... на оную.

О такой монаршей милости, сообщенной мною для зависящих распоряжений г-ну м[инистру] в[нутренних] дел, считаю долгом уведомить в[аше] п[ревосходительство], имея честь покорнейше просить, не изволите ли приказать объявить о сем коллежскому асессору Костомарову.

Г[енерал]-а[дъютант] гр. Орлов

Ч. III, арк. 359. Відпуск.

№ 470

1855 р. липня 1.— ЛИСТ М. І. КОСТОМАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД ОЛЕКСАНДРОМ II ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ ЙОГО ІЗ ЗАСЛАННЯ

Ваше сиятельство милостивый государь!

С чувством глубочайшей признательности за давние благодеяния и с упованием на милосердие сочувствия вашего сиятельства к ищущим милости вашей я прошу заступничества вашего, сиятельнейший граф. Терпя более восьми лет наказание за юношеские заблуждения свои, я осмелился повергнуть к августейшим стопам монарха всеподданейше прошение о дозволении мне *служить и искать средств* к поправлению моего здоровья, не стесняясь исключительным пребыванием в Саратове под надзором полиции. Прибегаю к высокой особе вашего сиятельства и всепокорнейше прошу удостоить мое несчастное положение милостивым ходатайством пред престолом государя императора.

С чувством глубочайшего уважения и совершенной преданности честь имею пребыть вашего сиятельства покорнейший слуга

Николай Костомаров

Саратов, июля 1 дня 1855 г.

Резолюція: Взять справку и доложить.

Помітка: Л. В. Дубельта: Высочайше разрешено 27 июня [181].

Помітка про одержання: 13 июля 1855 г.

Ч. III, арк. 361. Оригінал.

№ 471

1855 р. грудня 16.— РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА 7-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА П. Ф. ЛЬВОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ВІД'ЇЗД М. І. КОСТОМАРОВА З м. САРАТОВА ДО м. ПЕТЕРБУРГА

Секретно

Управляющему III отделением с. е. в. канцелярии, г-ну генерал лейтенанту Дубельту 1-му

Декабря 16 дня 1855 г., № 237, в Казани.

Рапорт

Корпуса жандармов подполковник Языков от 8 сего декабря за № 170 донес мне, что бывший адъюнкт-профессор университета св. Владимира, коллежский асессор Костомаров находившийся в г. Саратове под надзором полиции, получил ныне, как осведомился г-н Языков, высочайшее разрешение на свободный выезд во все места империи с правом служить по всем ведомствам, исключая ученого и без всякого надзора, и что в настоящее время Костомаров отправился уже в С.-Петербург.

О сем вследствие предписания ко мне его сиятельства шефа жандармов от 11 июня 1848 г. за № 1162 [182] имею честь довести до сведения вашего превосходительства.

Генерал-лейтенант Львов

Помітка про одержання: 26 декабря 1855 г.

Ч. III, арк. 363. Оригінал.

№ 472

1855 р. січня 13.— ЛИСТ М. І. КОСТОМАРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ ОПУБЛІКУВАТИ ПРАЦЮ «ВЕК ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА» В ЖУРНАЛІ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Г-н цензор Фрейганг отказывается допустить к напечатанию в «Отечественных записках» [183] мое сочинение «Век царя Алексея Михайловича» на том основании, что мои сочинения были изъяты из продажи и он полагает, что мне запрещено печатать. Но как в 1847 г. ваше превосходительство изволили сообщить мне, что означенное изъятие относится только к двум из моих сочинений: «Украинские баллады» и «Ветка», о других же, до того времени изданных, не состоялось такого решения и впредь печатать мне, по милости монаршей, не последовало запрещения, то я осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство удостоить меня милостивым распоряжением о том, дабы сочинения мои на будущее время подвергались цензурному рассмотрению на общем основании цензурных учреждений.

Приношу уверение в чувствах глубочайшего уважения и совершенной преданности, с каковыми честь имею пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга

Николай Костомаров

Января 13 1856 г., С.-Петербург

Резолюція Л. В. Дубельта: Только строго цензировать.

Помітки: 1. Объявлено г-ну Фрейгангу 20 января. 2. *Про одержання:* 14 января 1856 г.

Ч. III, арк. 364. Оригінал.

№ 473

1856 р. січня 8.— ЛИСТ РЕДАКТОРА ЖУРНАЛУ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» А. О. КРАЄВСЬКОГО ДО М. І. КОСТОМАРОВА З ПРОХАННЯМ НАДІСЛАТИ ПОСВІДЧЕННЯ ПРО ЗНЯТТЯ ЗАБОРОНИ НА ВИДАННЯ ЙОГО ТВОРІВ

Милостивый государь Николай Иванович!

Имея намерение напечатать в «Отечественных записках» сочинение ваше «Век царя Алексея Михайловича», я говорил о нем цензору моему г-ну Фрейгангу. Но он требует удостоверения о том, что запрещение, на-

ложенное когда-то (кажется в 1847 г.) на ваше сочинение, снято, без чего, говорил он, ему нельзя будет позволить к печатаиию доставленной вами рукописи.

Вследствие чего покорнейше вас прошу доставить мне означенное удостоверение и принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Краевский

8 янв[аря] 1856 г.

Ч. III. арк. 365. Автограф.
Опубл.: Архіви України.— 1967.— № 6.— С. 63.

№ 474

1856 р. січня 18.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ТЕ, ЩО ЗАБОРОНА ТВОРІВ М. І. КОСТОМАРОВА У ЗВ'ЯЗКУ З ЙОГО АРЕШТОМ У 1847 р. НЕ МОЖЕ БУТИ ПЕРЕШКОДОЮ ДЛЯ ДРУКУВАННЯ НОВИХ ТВОРІВ

Справка

В мае 1847 г., при решении дела об Украйно-славянском обществе, в бозе почивший государь император собственноручно написать изволил против Шевченко: «с запрещением писать и рисовать», и против Кулиша: «запретить писать»; сверх того воспрещены и изъяты из продажи напечатанные их сочинения.

О Костомарове же, по предмету литературы, решение заключалось только в том, чтобы из печатных сочинений его были воспрещены: «Украинские баллады» и «Ветка», а о том, чтобы ему воспрещалось на будущее время писать и печатать свои сочииения, вовсе не было повеления. В означенных сочинениях «Украинские баллады» и «Ветка» замечены были мысли о прежних набегах казаков и гетманщине, но по сравнению с сочинениями Шевченко и Кулиша, особеино преступного направления в них не было, и они запрещены наиболее потому, что в то время признавалось необходимым принять строжайшие меры против возрождающегося украйно-славянского духа.

Соображение. С запрещением какой-либо книги не соединяется запрещение писать. Например «Русские сказки» соч[инения] Даля [184], «Три повести» соч[иения] Павлова [185], «Записки охотника» соч[инения] Ив. Тургенева и проч[ие] запрещены, но сочинители этих книг пишут и печатают новые сочинения без всякого препятствия. Поэтому и Костомарову не может быть отказано в праве печатать свои сочинения. Если угодно будет удовлетворить его просьбу, то можно или сообщить министру народного просвещения, или пригласить в III отделение цензора Фрейганга для объявления ему, что сочинения Костомарова могут быть печатаемы. В том и другом случае, согласно с отношениями вашего сиятельства к бывшим министрам народного просвещения от 30 до 31 мая 1847 г. № 897 и 915 и от 14 июля 1852 г. № 1226, можно объяснить, что цензоры должны обращать внимание на сочинения Костомарова в том только отношении, не будет ли сказываться в них украйно-славянского или славянофильского направления.

18 января 1856 г.

Ч. III, арк. 366—367. Оригінал.
Опубл.: Архіви України.— 1967.— № 6.— С. 64, 65.

№ 475

1857 р. вересня 23.— ЛИСТ М. І. КОСТОМАРОВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ ПОСТУПИТИ НА СЛУЖБУ ПО ВІДОМСТВУ МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ

Ваше сиятельство!

Простите дерзновение, с которым принимают смелость искать снисходительного внимания к моей покорнейшей просьбе.

Занимая некогда кафедру русской истории в императорском университете св. Владимира, я в 1847 г. имел несчастье увлечься вопросами о будущности славянских народов и подвергся за то годичному заключению в крепости и отдаче под надзор полиции с определением на гражданскую службу, но никак не по ученой части. Тяжелыми годами искуплял я свои юношеские увлечения, наконец с 1855 г., по милосердию ныне царствующего государя императора, я получил право жить и служить по желанию, с освобождением от надзора.

Не сознавая в себе ни охоты, ни способностей к гражданской службе и притом занимаясь с давнего времени отечественною историею и древностями, я желал бы вступить снова в ученую службу по ведомству министерства народного просвещения. Посему прибегаю к покровительству вашего сиятельства. Если милость государя императора, освободившая меня от надзора, не отменяет прежнего высочайшего повеления в бозе почившего государя императора о недопущении меня к ученой службе, благоволите, ваше сиятельство, повергнуть к стопам всемилостивейшего государя императора мою всеподданическую просьбу о даровании мне права вступить в ученую службу по ведомству Министерства народного просвещения. Считаю долгом перед богом и совестью принести уверение что такое благодеяние монарха обяжет меня посвятить всю жизнь единственно на то, чтоб с сердечною любовью к своему долгу стараться изгладить память прежних заблуждений неусыпною и постоянною деятельностью на пользу престола, отечества и науки.

Присовокупляю покорнейшую просьбу приказать уведомить меня по месту моего служения в Саратовском губернском статистическом комитете.

Приношу уверение в искренних чувствах глубочайшего уважения и совершенной преданности, с которыми честь имею пребывать, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

Николай Костомаров.

С.-Петербург, сентябрь 23 1857 г.

Резолюція В. А. Долгорукова: Доложить со справкой. 25 сентября.

Помітка про одержання: 1857 г.

Ч. III, арк. 368. Автограф.

№ 476

1857 р. вересня 27.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. І. КОСТОМАРОВА

В 1847 г. производилось дело об Украйно-славянском обществе. К обществу этому, имевшему целью соединение славянских племен под скипетром монарха России, принадлежал и адъюнкт-профессор университета св. Владимира коллежский асессор Костомаров, который, по показанию других и собственному сознанию, оказался виновным в том, что он придумал

название обществу св. Кирилла и Мефодия и кольца во имя сих святых, также дал ход одной полученной им преступной рукописи.

Так как он был старее других летами и по званию адъюнкт-профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления, то высочайше повелено было заключить его в Алексеевский равелин на один год, а потом отправить в одну из отдаленных губерний на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора. По освобождении его в 1848 г. из крепости он был отправлен в Саратов, с определением его в тамошнее губернское правление. Во внимание к одобрительному его поведению, засвидетельствованному начальством Саратовской губ. в июле месяце 1855 г., всемилостивейше разрешено было ему в 1855 г., согласно просьбе Костомарова, дозволить ему служить и жительствовать, где пожелает, с освобождением его от учрежденного над ним надзора.

Сообщив о таковой высочайшей воле министру внутренних дел, генерал-адъютант кн. Орлов присовокупил к тому, что дарованное Костомарову разрешение продолжать службу по его желанию не распространяется на службу по ученой части и что последовавшее в 1847 г. воспрещение оной должно оставаться в своей силе.

27 сентября 1857 г.

Резолюція В. А. Долгорукова: Переговорить по этому предмету с г[-ном] мин[истр]ом народного просвещения. 8 октября.

Помітки: 1. Написать сию записку для кн. Вас[илия] Андреевича. 23 октября. 2. Получил 24 октября. 3. Министр народного просвещения отозвался, что он признает неудобным допущение Костомарова служить по ученой части, разве только библиотекарем.

7 ноября 1857 г.

Ч. III, арк. 369, 370. Копія.

№ 477

1859 р. травня 12.— ВІДНОШЕННЯ ТОВАРИША МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ М. О. МУХАНОВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО КЛОПОТАННЯ ПОПЕЧИТЕЛЯ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ ЩОДО ПРИЗНАЧЕННЯ М. І. КОСТОМАРОВА НА ПОСАДУ ВИКОНУЮЧОГО ОБОВ'ЯЗКИ ОРДИНАРНОГО ПРОФЕСОРА РОСІЙСЬКОЇ ІСТОРІЇ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Конфиденциально

Его сият[ельст]ву кн. В. А. Долгорукову

12 мая 1859 г., № 3366

Милостивый государь кн. Василий Андреевич!

Начальство С.-Петербургского учебного округа, озабочиваясь замещением в С.-Петербургском университете кафедры русской истории, ходатайствует об определении на эту кафедру исправляющим должность ординарного профессора, бывшего адъюнкта в университете св. Владимира магистра Костомарова, известного самостоятельными трудами своими по части русской истории.

По обстоятельствам увольнения Костомарова от службы при университете св. Владимира, известным уже вашему сиятельству по делам вверенного вам, милостивый государь, управления, долгом считаю, предварительно распоряжения, обратиться к вашему сиятельству с покорнейшей прось-

бой почтить меня сообщением вашего заключения по предмету ходатайства попечителя С.-Петербургского учебного округа г-на Костомарова.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою.

Н. Муханов

Резолюції В. А. Долгорукова: 1. Д[оложить] со справкой. 2. Отвечать в том смысле, как мною лично передано 14 мая.

Помітка про одержання: 14 мая 1857 г.

Ч. III, арк. 371. Оригінал.

№ 478

1859 р. травня 14.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО М. О. МУХАНОВА ПРО ТЕ, ЩО М. І. КОСТОМАРОВА МОЖНА ПРИЗНАЧИТИ ПРОФЕСОРОМ РОСІЙСЬКОЇ ІСТОРІЇ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ЛИШЕ З ДОЗВОЛУ ОЛЕКСАНДРА II

Конфиденциально

Его п[ревосходительст]ву Н. А. Муханову

14 мая 1859 г., № 1004

М[илостивый] г[осударь] Николай Алексеевич!

Вследствие отношения в[аше]го п[ревосходительст]ва за № 3366 — по ходатайству начальства С.-Петербургского университета об определении в оный профессором русской истории бывшего адъюнкта в университете св. Владимира магистра — имею честь препроводить к вам, м[илостивый] г[осударь], справку из дела, производившегося о нем в вверенном мне управлении, присовокупить к сему, что подобная справка в ноябре 1857 г. по случаю полученной тогда просьбы г-на Костомарова о дозволении ему вступить в ученую службу, была передаваема бывшему м[инист]ру народного просвещения; но г-н д[ействительный] т[итулярный] с[оветник] Норов в то время отозвался, что он признает неудобным допущение г-на Костомарова служить по ученой части, разве только в звании библиотекаря. Если же в[аше] п[ревосходительст]во согласны ныне на определение его профессором, то не изволите ли вы, м[илостивый] г[осударь], исходатайствовать на это высочайшее разрешение. При этом считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что о г-не Костомарове после 1847 г. не было получено никаких других сведений, кроме самых одобрительных.

Примите, м[илостивый] г[осударь], ув[ерение] в сов[ершенном] моем почт[ении] и искр[енной] пред[анности].

Кн. Долгоруков

Ч. III, арк. 372. Відпуск.
Ч. III, арк. 373. Чернетка.

№ 479

[1859 р.] — ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО СХВАЛЬНИЙ ВІДГУК ЖУРНАЛІВ НА ОПУБЛІКОВАНІ ТВОРИ М. І. КОСТОМАРОВА «БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ» ТА «ИСТОРИЯ СТЕНЬКИ РАЗИНА»

В 1858-м нынешнем году изданы его сочинения: «Богдан Хмельницкий, или война Малороссии при этом гетмане», в двух частях, и «История Стеньки Разина». Об этих сочинениях журналы наши отозвались с величайшей похвалою.

Ч. III, арк. 373а. Оригінал.

№ 480

1859 р. листопада 24.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО М. І. КОСТОМАРОВА

Справка

Из дел 1-й экспедиции видно, что Костомаров, по выдержании в 1844 г. в Харьковском университете экзамена на степень магистра исторических наук, был учителем в киевской гимназии; потом в 1846 г. определен адъюнкт-профессором русской истории в университете св. Владимира и кроме того допущен был к преподаванию русской истории в Киевском институте благородных девиц.

При производстве в 1847 г. дела об Украйно-славянском обществе Костомаров оказался принадлежащим к этому обществу: действия его состояли в том, что он придумал название обществу «Св. Кирилла и Мефодия» и сделал кольцо во имя сих святых; дал также ход одной полученной им преступной рукописи. Так как он был старее других летами и по своему званию обязан был отвращать молодых людей от дурного направления, то высочайше повелено было заключить его в Алексеевский равелин на один год, а потом отправить в одну из отдаленных губерний на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора.

По освобождении его в 1848 г. из крепости он был отправлен в Саратов, с определением его в тамошнее губернское правление. Во внимание к одобрительному его поведению всемилостивейше разрешено было в 1855 г. служить и жительствовать, где пожелает, с освобождением его от учрежденного над ним надзора.

Сообщив о таковой высочайшей воле министру внутренних дел, генерал-адъютант кн. Орлов присовокупил к тому, что дарованное Костомарову разрешение продолжать службу по его желанию не распространяется на службу по ученой части и что последовавшее в 1847 г. воспрещение оной должно оставаться в своей силе.

В 1857 г. просил он ваше сиятельство о дозволении ему служить по министерству просвещения; но бывший министр Норов вследствие словесного объяснения с ним по этому предмету отозвался, что он признает неудобным допустить его к службе по ученой части, разве только в звании библиотекаря. В мае месяце сего года начальство С.-Петербургского учебного округа ходатайствовало об определении Костомарова в здешний университет профессором истории. Вследствие отношения о сем тайного советника Муханова, ваше сиятельство, препроводив к нему справку о Костомарове и сообщив при этом вышеприведенный отзыв бывшего министра просвещения, равным образом и то, что о Костомарове после 1847 г. не было получено никаких других сведений, кроме самых одобрительных, изволили присовокупить, что если он, тайный советник Муханов, согласен на определение Костомарова профессором, то чтобы испрошено было на это высочайшее соизволение.

Костомаров известен своею ученостию по части истории, и первая лекция, прочитанная им на днях в здешнем университете, заслужила общее одобрение слушателей, в числе которых было много посторонних лиц.

Помітка В. А. Долгорукова: Иметь эту справку на случай востребования.

24-го ноября.

Ч. III, арк. 373-б — 375. Оригінал.

№ 481

1860 р. травня 26.— ПРОХАННЯ М. І. КОСТОМАРОВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ПОВЕРНЕННЯ РУКОПИСІВ ТВОРІВ ТА ПІДГОТОВЧИХ МАТЕРІАЛІВ ДО НИХ, ВИЛУЧЕНИХ У НЬОГО ПІД ЧАС АРЕШТУ В 1847 р.

Ваше сиятельство кн. Василий Андреевич!

Извините меня благосклонно за то, что я решаюсь просить вас покорнейше почтить вниманием обстоятельство, которое осмеливаюсь представить на усмотрение вашего сиятельства.

По случаю арестования моего в Киеве в 1847 г. были взяты у меня бумаги, из которых некоторые были мне возвращены, а другие удержаны до сих пор, хотя в них не найдено ничего предосудительного и они не были представлены в III отделение. Я решаюсь покорнейше просить ваше сиятельство оказать надлежащее распоряжение к их возвращению. К этой просьбе в настоящее время побуждает меня следующее обстоятельство: по удалении моем в Саратов в 1848 г. я получил часть своих бумаг, переданных от начальства по моей просьбе г-же Мазуровой; но увидя, что мне присланы далеко не все, обратился с просьбою в III отделение и, вследствие распоряжений III отделения, киевское начальство доставило мне еще значительную часть бумаг; однако много недоставало. Я снова обратился с просьбою о доставлении остальных в III отделение, обращался тогда и к киевскому генерал-губернатору, указывая притом, что в моих присланных мне бумагах нашлась записочка, неизвестно чьей руки, в которой сказано было: передать бумаги [186] Костомарова профессору Иванишеву, и особенно просил возвратить мне автограф летописи Ерлича, полученный мною от гр. Свидзинского. На эти мои посьбы я получил ответ от киевского генерал-губернатора, что более бумаг, принадлежащих мне, не оказалось. Но соображая, что первоначально часть моих бумаг была передана г-же Мазуровой, а другая удержана и впоследствии мне прислана по моей вторичной просьбе и при содействии III отделения, я нахожу возможным, что и остальные находятся до сих пор при делах киевского генерал-губернатора, и потому имею честь покорнейше просить ваше сиятельство: окажите с вашей стороны милостивое содействие к тому, чтобы мои бумаги были найдены и мне возвращены. При этом я присовокупляю следующий список тем бумагам, которые для меня имеют преимущественно важность и которых возвращение я в особенности домогаюсь.

1. Автограф летописи Ерлича и сделанная с него на белой бумаге копия. И автограф и копия ин. 4°.

2. Рукопись моего сочинения: «Памятники Острожского Слободского полка», с копиями грамот числом более двеццати, на белой бумаге, тетрадь в лист.

3. Подлинные грамоты XVII века, относящиеся к истории Острожского Слободского полка, в свитках, подлинного числа не помню, но более двадцати.

4. Написанное мною сочинение о принятии русскими христианства до Владимира, на белой бумаге, тетрадь в лист.

5. Сочиненная мною на южнорусском языке историческая драма: «Косинский», тетрадь в четвертку, на почтовой белой бумаге.

6. Читанные мною в императорском университете св. Владимира лекции из русской истории, в тетрадях на цветной почтовой бумаге ин. 4°; числа тетрадей не припомню.

Не откажите, ваше сиятельство, оказать мне милость содействием к возвращению мне этих бумаг.

Приношу уверение в чувствах моего глубочайшего уважения и совершенней преданности, с каковыми честь имею пребыть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Николай Костомаров,
профессор и[мператорского] С.-Петербургского университета

26 мая 1860 г., С.-Петербург

Помітка про одержання: 27 мая 1860 г.

Ч. III, арк. 376, 377. Автограф.

№ 482

1860 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО КИЇВСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО, ПОДІЛЬСЬКОГО І ВОЛИНСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА І. І. ВАСИЛЬЧИКОВА ПРО РОЗШУК РУКОПИСІВ М. І. КОСТОМАРОВА, ВИЛУЧЕНИХ У НЬОГО ПІД ЧАС АРЕШТУ У м. КИЄВІ В 1847 р.

Секретно

Г-ну киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору

30 мая 1860 г., № 1046 [187]

Профессор императорского С.-Петербургского университета Костомаров обратился ко мне с письмом, в котором просит моего ходатайства о розыскании и возвращении ему некоторых бумаг его, отобранных от него в Киеве в 1847 г.

Хотя из дел вверенного мне управления видно, что бывший предместник вашего сиятельства в августе 1849 г. № 6747 [188] уведомлял III отделение с. е. и. в. канцелярии, что все бумаги г-на Костомарова, какие оставались в канцелярии киевского генерал-губернатора, отосланы были тогда к нему в Саратов, но тем не менее я считаю долгом настоящее письмо г-на Костомарова, заключающее в себе подробное наименование неполученных еще им бумаг его, препроводить к вашему сиятельству, имея честь покорнейше просить, не изволите ли вы, милостивый государь, приказать вновь сделать надлежащее розыскание означенных бумаг г-на Костомарова и если таковые будут найдены, то доставить оныя в вверенное мне управление.

О последующем же не угодно ли будет вашему сиятельству почтить меня уведомлением с возвращением прилагаемого письма.

Подписал генерал-адъютант кн. Долгоруков
Верно: младший чиновник Гаврилов

Ч. III, арк. 378. Відпуск.

№ 483

1860 р. липня 12.— ВІДНОШЕННЯ І. І. ВАСИЛЬЧИКОВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ВІДСУТНІСТЬ БУДЬ-ЯКИХ ПАПЕРІВ М. І. КОСТОМАРОВА В ЙОГО КАНЦЕЛЯРІЇ

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии
г-ну генерал-адъютанту кн. Долгорукову

12 июля 1860 г., № 2982, Киев

Представляя обратно вашему сиятельству присланное при отношении от 30 минувшего мая за № 1046 письмо профессора императорского С.-Петербургского университета Костомарова, имею честь уведомить, что некото-

рые его бумаги, хранившиеся опечатанными в квартире г-жи Монькиной, согласно желанию его, изъясненному в отношении г-на генерал-адъютанта кн. Орлова к предместнику моему от 16 июня 1847 г. № 1024 [189], отданы были жене коллежского асессора Мазуровой, которою отправлены в 1848 г. к нему, г-ну Костомарову, в г. Саратов, потом по ходатайству его хранившиеся в канцелярии генерал-губернатора в особом тюке все остальные бумаги, ему принадлежащие, отосланы саратовскому гражданскому губернатору для выдачи по принадлежности, и теперь в канцелярии генерал-губернатора нет никаких бумаг, принадлежащих г-ну Костомарову. Справиться о том, были ли какие из его бумаг переданы проф. Иванишеву, не представилось возможности по отсутствию в настоящее время г-на Иванишева из г. Киева.

Генерал-губернатор Васильчиков

Помітка: пер[едано] 20 июля.
Помітка про одержання: 19 июля 1860 г.

Ч. III, арк. 379. Оригінал.

№ 484

1860 р. липня 26.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО І. І. ВАСИЛЬЧИКОВА З ПРОХАННЯМ ВСТАНОВИТИ НАЯВНІСТЬ У М. Д. ІВАНІШЕВА РУКОПИСІВ М. І. КОСТОМАРОВА

Его с[иятельству] кн. И. И. Васильчикову

26 июля 1860 г., № 1422

М[илостивый] г[осударь] кн. Илларион Илларионович!

В отношении за № 2982 в[аше] с[иятельство] изволите между прочим сообщить мне, что о передаче бумаг проф. Костомарова проф. Иванишеву не предоставилось возможности справиться за отсутствием последнего из Киева.

Считаю долгом покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], о приказании узнать о сем от г-на Иванишева по возвращении в Киев, или если возвращение его после будет нескоро, то не признаете ли, в[аше] с[иятельство], возможным войти с ним в сношение по этому предмету и о последующем почтить меня уведомлением, сообщив мне при этом опись бумагам г-на Костомарова, отосланным из канцелярии генерал-губернатора к саратовскому гражданскому губернатору; опись эта, оставшаяся вероятно при делах сей канцелярии, может быть укажет возможность к дальнейшему розысканию тех бумаг, о возвращении которых просит ныне проф. Костомаров.

Я обращаюсь по этому предмету к в[ашему] с[иятельству], имея ввиду, что вся переписка о сем профессора о бумагах производились в вверенном вам управлении и что только из дела оного могут быть почерпнуты те сведения, которыми может быть разрешена просьба г-на Костомарова.

Примите, м[илостивый] г[осударь], уверение в истинном моем поч[тении] и сов[ершенной] пре[данности]

Кн. Долгоруков

Помітка: На почтовой с бланком.

Ч. III, арк. 380 [190]. Відпуск.

№ 485

1860 р. грудня 24.— ВІДНОШЕННЯ І. І. ВАСИЛЬЧИКОВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ПЕРЕДАЧУ М. Д. ІВАНІШЕВИМ РУКОПИСІВ М. І. КОСТОМАРОВА ГОЛОВІ ТИМЧАСОВОЇ КОМІСІЇ ДЛЯ РОЗГЛЯДУ ДАВНІХ АКТІВ М. Е. ПИСАРЄВУ

Его сия[тельст]ву кн. В. А. Долгорукову

24 декабря 1860 г., № 5250, Киев

Милостивый государь кн. Василий Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 26 прошлого июля за № 1422 имею честь уведомить, что проф. Иванишев насчет бумаг проф. Костомарова отозвался, что в 1847 г. бывший председатель Комиссии для разбора древних актов, действительный статский советник Писарев, препроводил к нему, г-ну Иванишеву, некоторые бумаги г-на Костомарова для рассмотрения в ученом отношении. Большая часть тех бумаг, сколько помнит Иванишев, состояла из учебных тетрадей по русской и всеобщей истории; но как в них не заключалось ничего важного, но и была возвращена г-ну Писареву.

Описи бумагам г-на Костомарова, отосланным из канцелярии генерал-губернатора к саратовскому гражданскому губернатору, в делах сей канцелярии нет, так как бумаги находились в особом тюке и в таком виде отосланы в Саратов.

Покорнейше прошу ваше сиятельство принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности с коим честь имею быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

кн. И. Васильчиков

Помітка В. А. Долгорукова: Письмом от меня уведомить об этом г-на Костомарова 4 янв[аря].

Помітка про одержання: 2 января 1861 г.

Ч. III, арк. 382. Оригінал.

№ 486

1861 р. січня 4.— ПОВІДОМЛЕННЯ КЕРУЮЧОГО III ВІДДІЛЕННЯМ О. Є. ТИМАШЕВА М. І. КОСТОМАРОВУ ПРО ПЕРЕДАЧУ ЙОГО РУКОПИСІВ М. Д. ІВАНІШЕВИМ М. Е. ПИСАРЄВУ

Его высокоблагородию Н. И. Костомарову

4 января 1861 г., № 22

Милостивый государь Николай Иванович!

Письмо ваше от 26-го мая прошедшего года, в котором вы просили содействия г-на генерал-а[дъютанта] кн. Долгорукова к розысканию бумаг, его сиятельство тогда же препроводил для надлежащего распоряжения к г-ну киевскому военному губернатору.

Ныне генерал-адъютант кн. Васильчиков уведомляет его сиятельство, что все принадлежавшие вам бумаги, хранившиеся в канцелярии киевского генерал-губернатора, еще в 1848 г., согласно вашему ходатайству, отосланы были в особом тюке к саратовскому гражданскому губернатору для передачи вам, и в настоящее время относительно разыскания других бумаг ваших в помянутой канцелярии более никаких не находится.

М. І. Костомаров.

Г-н генер[ал]-адъют[ант] кн. Васильчиков присовокупил к сему, что упомянутый в письме вашем проф. Иванишев на вопрос о бумагах ваших объяснил, что в 1847 г. бывший председатель Комиссии для разбора древних актов д[ействительный] с[татский] советник Писарев действительно передавал Иванишеву ваши бумаги для рассмотрения их в ученом отношении, но бумаги эти, сколько он припоминает, состояли из одних только тетрадей по русской и всеобщей истории и вскоре были возвращены им г-ну Писареву.

По поручению кн. Василия Андреевича считаю долгом сообщить вам о таковом отзыве киевского военного губернатора, я, к крайнему моему сожалению, должен передать вам, м[илостивый] г[осударь], что за сим со стороны его сиятельства не представляет возможности оказать вам какое-либо содействие в дальнейшем розыскании отыскиваемых вами бумаг.

При этом я пользуюсь случаем удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в искреннем своем почтении и преданности.

А. Тимашев

Ч. III, арк. 383, 385. Відпуск.

№ 487

1862 р. січня 26.— ВІДОМОСТІ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЧИТАННЯ М. І. КОСТОМАРОВИМ ПУБЛІЧНИХ ЛЕКЦІЙ У ПЕТЕРБУРЗІ

Публичные лекции профессоров, которым оне разрешены статс-секретарем Головниным, начнутся на будущей неделе в залах Думы и Петропавловской школы. Первая лекция Костомарова имеет быть во вторник, в $^1/_2$ 11 утра. За право слушания лекций будут взымать за целый курс — 2 руб. сер[ебром], за каждую отдельную лекцию — по 25 коп.

26 января 1862 г.

Помітка В. А. Долгорукова: 26 янв[аря].

Ч. III, арк. 384. Оригінал.

№ 488

1862 р. січня, не раніше 6.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОЗВІЛ М. І. КОСТОМАРОВУ ЧИТАТИ ПУБЛІЧНІ ЛЕКЦІЇ З РОСІЙСЬКОЇ ІСТОРІЇ В м. ПЕТЕРБУРЗІ

Профессор русской истории, читавший в С.-Петербургском университете, Костомаров обратился в министерство народного просвещения с просьбой о разрешении ему прочитать несколько публичных лекций о русской истории по предварительно доставленной мне программе. В программе своей проф. Костомаров указал, что он желает говорить о двух эпохах: а) от смерти великого князя Василия Иоановича до избрания на царство Бориса Годунова и б) от начала царствования Бориса до вступления на престол царя Михаила Федоровича. Чтение второго отдела будет отделено от первого некоторым промежутком времени.

Г-н Костомаров объясняет в программе, что лекции эти не будут иметь популярного значения, но будут сохранять учено-академический характер и служить продолжением курса русской истории, читанного им прежде в С.-Петербургском университете.

В «Положении» [от] 4 мая 1841 г. о публичных лекциях в С.-Петербурге, в §§ 4, 5 и 15, сказано, что «члены Академии наук, профессоры, адъюнкты

и преподаватели университетов как лица, облеченные умы правительством в звание высших наставников, имеют право открывать курсы публичных лекций, каждый по своей науке, без предварительных удостоверений в качествах, нужных для этой цели. От них требуется только просьба в министерство народного просвещения о предполагаемых чтениях по такой-то науке и в продолжение такого-то времени и краткая программа, которая бы излагала общие идеи и объем сих чтений. По представлению попечителя округа от министерства просвещения зависит окончательно разрешение на открытие публичных лекций».

По силе § 9 того же «Положения» ученый, занимавший кафедру в одном из высших учебных заведений, и по оставлении ея имеет право на чтение публичных лекций по отделению науки, которую он преподавал, на том же самом основании, как и липо, действительно занимающее подобные кафедры, если только учебное начальство не встретит какого-либо особенного к тому препятствия.

Управляющий министерством народного просвещения, усматривая, что проф. Костомаров по своему званию имеет право на чтение публичных лекций о русской истории и исполнил с своей стороны то, что требуется от него по силе означенного «Положения», и имея в виду, что попечитель С.-Петербургского учебного округа просит министерство о дозволении г-ну Костомарову открыть чтение означенных лекций, входил предварительно в сношение с г-ном шефом жандармов и с г-ном с.-петербургским военным генерал-губернатором.

Г-н генерал-адъютант кн. Долгоруков и кн. Суворов отозвались статс-секретарю Головнину, что, по их мнению, не встречается препятствий к удовлетворению ходатайства попечителя округа и просьбе проф. Костомарова.

По всеподданейшем докладе о сем управляющего министерством народного просвещения государю императору благоугодно было 6-го сего января высочайшие повелеть: внести по сему предмету записку в совет министров.

Помітка В. А. Долгорукова: Прошу проследить, когда будут объявлены лекции, и мне доложить своевременно. 22 янв[аря].
Помітка: Дальнейшие сведения о Костомарове см. дело 1862 г. № 230, часть 126.

Ч. III, арк. 386—388. Копія.

№ 489—490

1866 р. квітня 11, 14.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ВОЄННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА О. А. СУВОРОВА ДО НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ П. А. ШУВАЛОВА[191] ТА НАДІСЛАНИЙ ДО НЬОГО ЛИСТ М. І. КОСТОМАРОВА З МІРКУВАННЯМ ЩОДО СТАТТІ В НІМЕЦЬКІЙ ГАЗЕТІ «GARTENLAUBE» ПРО ПЕРЕДБАЧУВАНИЙ ЗАМАХ НА ОЛЕКСАНДРА II

Ч. III, арк. 108, 109. Оригінал та автограф.
Не публікуються.

ЧАСТИНА ЧЕТВЕРТА

СПРАВА В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Экспедицiи № 81

АРХИВЪ
III^го ОТДѢЛЕНІЯ
СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
КАНЦЕЛЯРІИ

Объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ.

О Кандидатѣ Бѣлозерскомъ.

1847 ГОДА. 238.

№ 491

1847 р. березня 22.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ХАРКІВСЬКОГО, ЧЕРНІГІВСЬКОГО І ПОЛТАВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО АРЕШТ, ОБШУК ТА ДОСТАВЛЕННЯ У III ВІДДІЛЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО І Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Весьма секретно и нужно

Его сиятельству кн. Н. А. Долгорукову

22 марта 1847 г., № 446

Милостивый государь кн. Николай Андреевич!

В Полтавской губ. должен находиться дворянин Василий Михайлович Белозерский, который учился в университете св. Владимира и потом служил в Полтаве, а в Борзенском уезде Черниговской губ. остановился проезжавший из Киева художник С.-Петербургской Академии художеств Тарас Григорьевич Шевченко. Кроме того, в сентябре 1846 г. был в Полтаве присланный из Образцового полка офицер, сын генерала, воспитывавшийся в пажеском корпусе.

По встретившейся чрезвычайной надобности и согласно высочайшему повелению имею честь покорнейше просить ваше сиятельство, не изволите ли приказать немедленно задержать Белозерского, равно и Шевченко, если последний доселе остается в Черниговской или других вверенных вам губерниях; все бумаги Белозерского и Шевченки, не рассматривая на месте, тщательно опечатать и вместе с сими бумагами тотчас отправить их в С.-Петербург в III отделение с. е. и. в. канцелярии в сопровождении самых благонадежных и верных чиновников и под строжайшим надзором, а с тем вместе удостовериться, кто именно тот офицер Образцового полка, который в сентябре 1846 г. был в Полтаве, о последующем же удостоить меня уведомлением.

Не излишним нахожу присовокупить, что на тот случай, если Шевченко возвратился из Черниговской губ. в Киев, я об арестовании и обыске означенного художника уже сообщил г-ну киевскому военному губернатору.

Примите ув[ерение] и проч[ее]

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. IV, арк. 1—2. Відпуск.
Опубл.: Шевченко Т. Г. Документи та матеріали до біографії (1814—1861).— К., 1975.— С. 154—155.

№ 492

1847 р. квітня 5.— ВІДНОШЕННЯ ПОЛТАВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. ОЗНОБИШИНА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВЖИТТЯ ЗАХОДІВ ЩОДО АРЕШТУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО І Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Весьма секретно

Г-ну шефу корпуса жандармов

Апреля 5 дня 1847 г., № 35, Полтава

Во исполнение сообщенного мне г-ном черниговским, полтавским и харьковским генерал-губернатором отношения к нему вашего сиятельства от 22 прошлого марта за № 446 имею честь донести, что кандидат университета Василий Михайлов, сын Белозерский, как по собранным мною

секретным справкам оказалось, находился при полтавском Петровском кадетском корпусе учителем истории и географии, куда поступил из Киевского учебиого округа 1 августа 1846 г., а по прошению его 22 прошлого января, по домашним обстоятельствам уволен, в чем и выдан ему аттестат от 3 февраля за № 222, по коему он отправился в имение свое, состоящее в Черниговской губ., почему об арестовании и обыске его, а равно художника С.-Петербургской Академии художеств Тараса Григорьевича Шевченко, согласно помянутому отношению вашего сиятельства, я вошел в сношение с черниговским гражданским губернатором.

Что касается того, кто именно тот офицер Образцового полка, который в сентябре 1846 г. был в Полтаве, то по справкам оказалось, что сын генерал-лейтенанта, подпоручик Бушен, воспитывавшийся в пажеском корпусе, был прикомандирован из Образцового полка в здешний кадетский корпус для обучения воспитанников фронтовой службе и 2 сентября прошлого года отправился обратно в С.-Петербург.

Гражданский губериатор Ознобишин

Помітка про одержання: 16 апреля 1847 г.

Ч. IV, арк. 3. Оригінал.

№ 493

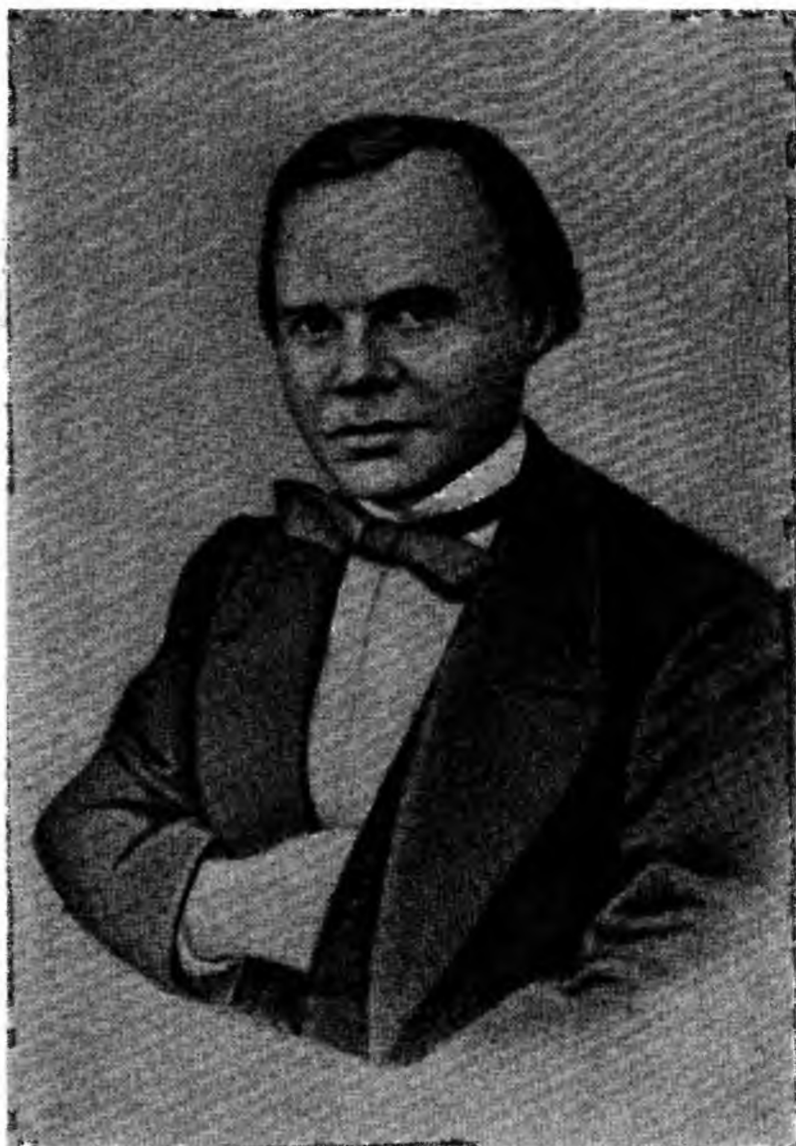
1846 р. жовтня 17.— ЛИСТ О. О. НАВРОЦЬКОГО ДО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ПРО НЕОБХІДНІСТЬ ВЕСТИ РОЗ'ЯСНЮВАЛЬНУ РОБОТУ СЕРЕД НАРОДУ ТА З ВІДОМОСТЯМИ ПРО ДРУЗІВ

Киев, 1846 г., 17 октября

Найдобріший і наймиліший Василь Михайлович!

Не знаю, як я зрадів, як приніс мені пан Миколай [1] Ваш щирий лист [2]. І тепер здається, що я бачу ваш ясний вид і чую привітну річ: та й кому вона дуже і далеко не запала в серце, хіба тому, у кого зовсім немає серця, або таке тверде, як камінь. Тільки те мені не до серця, що ви самі на себе звертаєте багацько вини ні за що, ні про що... Та цур сьому... винен той, хто не вважає на свою винность...

Ви мене питаєте, об яких я людях писав до вас, між которими можно посіять св[яту] любов до родины. У мене не було на приміті, щоб сказать вам отой, або отой. Пошукайте, то найдете і найдете багато... Часом в убогій хатці сидить понура [людина] з таким гарячим серцем, що цілий світ може запалити — тільки киньте туди хоч маленьку іскру. Ви кажете, що ті, котрі живуть посеред України, пригледілись до неї. Пригледілись — бо нічого не бачили, покажіть тільки їм — усе піде до ладу [3]. А ваше щире і привітливе слово кому не западе в душу, кого воно не зворушить з місця? Уповайте.., а для сього от що скажу вам: недавно сказала мені одна щира душа, та ще й з високого роду — княжна Рєпніна [4]: «Неужели [5] образіованный] человек не в состоянии надеть на себя guasi [6] смешную одежду и стать прямо перед обществом, не страшась ни угроз, ни насмешек его»,— причем присовокупила — «если бы, например, образовалось между молодыми людьми общество, которое бы заботилось об утверждении и распространении веры (не в смысле религии, а как чувства, убеждения)». От бачите, це така душа, що не стане питать, чи є такі люди, чи нема, у неї є тільки щира віра і святий помисел на добреє діло, а те, чи мають вони силу, чи

В. М. Білозерський.

ні — не її воля. От її слова: «Человек не должен иметь наперед той мысли — примутся ли его идеи или нет, а должен иметь в виду то, что он призван здесь действовать для блага». Я вам скажу, що це така велика, сильна і розумна душа, що я думав, що таких і немає ва світі. Якби хоч сота доля, або тисячна була таких на Вкраїні, то... не знаю, щоб тоді було: тільки не те, що тепер.

Книжок я вам достав, скількн мені сказав пан Миколай, він сьогодні взяв їх у мене і завтра пошле їх вам. Тільки збережіть — і як не треба буде, зараз пришліть у Київ. У прежньому письмі я вам багато путаниці понаписував. Сказано, вітряна голова. Психологія Іноземцева[7] найшлась. Що ж до Мальникевича, то вийшла кумедна штука (а замісць Матушевича написав Мальникевича) — от і все. Та й об цім не журітесь, бо його, здається, уже давно немає в Кнєві. Скажіть Дядику, що я буду писать до його, тільки не тепер, бо ніколи, а тогді, як скину з плечей ярмо — екзамен — тогді багато дечого напишу йому, а тепер, поки що нехай не спить та не вилежується, та сам напише.

Недавно Посяда получив письмо от Боровиковського, которий пише, що хоче прислать Костомарову якісь свої сочинєнія, щоб надрукувать: тільки не знаю, чи гарні. Бідний Посяда нездужа — уже з місяць болять у його очі. Загурський кланяється вам і просить, чи не можна переслать йому Краледворськую літопись[8], бо він хоче з Н. І. Г[улаком] учитися чеському язику. Шевченка нема в Києві, і може ще не скоро буде... Вам кланяється Чарниш, просить вас, чи нема у вас «Нравст[венной] ф[илософии]», як є, то пришліть. Пану Дмитрові [Пильчикову] посилаю мій щирий поклон, напишіть, як він поживає. Багато б дечого написав, та те все ви прочитаєте у листі Афанасія [Марковича].

Кроме Боровиковського, щирого українця, і Бодянського, там є багато таких людей, з которими вам треба звести знакомство. Паскевич — розумний чоловік і щирий до правди. Та єсть ще такі між учительством, що треба їх одвести от дечого (карт).

Школа — славне діло, тільки трудне — якби удалось, то добре б було; я попробую сказать Рєпніній, може й вона вкине свою лепту, бо це така душа, що більше робить, ніж говорить. Прощайте, Василь Михайлович. Да поможе вам бог.

А. Навроцький

Ч. IV, арк. 4—5. Автограф.

Переклад III відділення

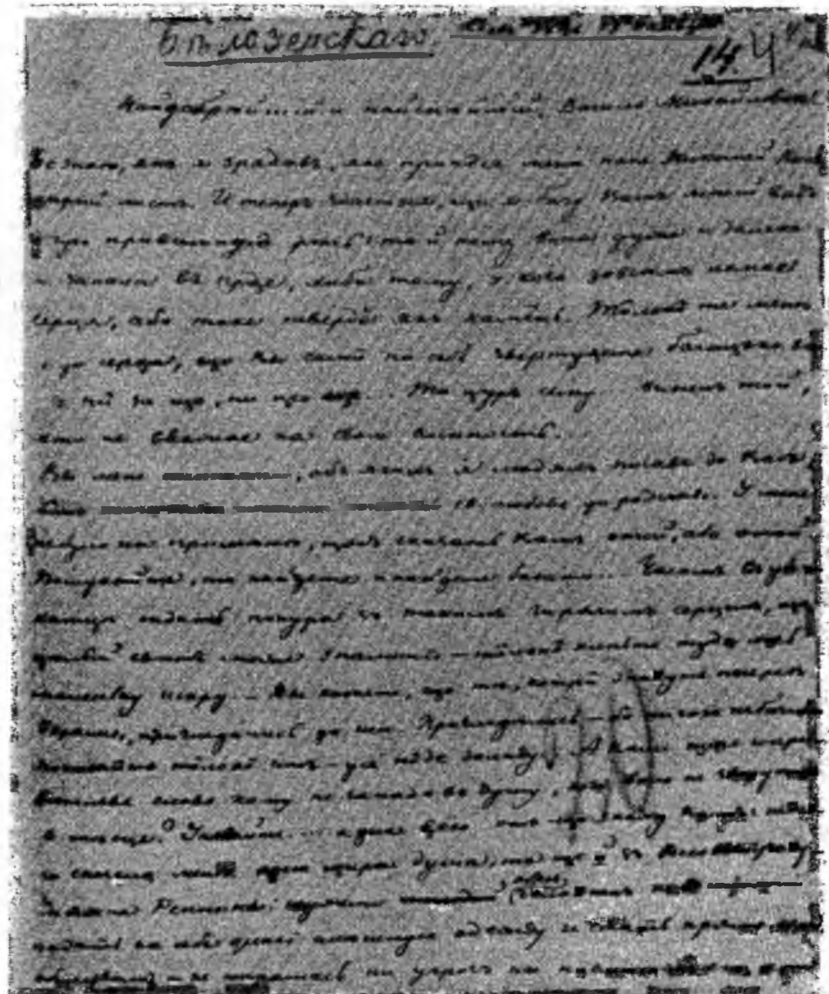
Из письма Навроцкого 17 окт[ября] 1846 г.

Василию Михайловичу

Вы спрашиваете, о каких я писал лицах, между которыми можно посеять св[ятую] любовь к родине. У меня не было на примете указать вам того или другого. Поищите, много найдете...

Иногда в бедной хижине сидит [человек] с таким горячим сердцем, что может сжечь целый свет, если туда бросить хоть маленькую искру... Вы говорите, что те, которые живут в Украине, пригляделись к ней. Пригляделись, ибо ничего не видели, а покажите им — все пойдет на лад.

Если искреннее и приветливое слово не западет в душу, кого оно не тронет с места? Надейтесь... Недавно сказала мне искренняя душа высокого происхождения — княжна Репнина: «Неужели образ[ованный] человек не в состоянии надеть на себя quasi смешную одежду и стать прямо перед обществом, не страшась ни угроз, ни насмешек его? Если бы, наприм[ер],

Лист О. О. Навроцького до В. М. Білозерського від 17 жовтня 1846 р.

образовалось между молодыми людьми общество, которое заботилось бы об утверждении и распространении веры (не в смысле религии, а как чувства и убеждения) — такая душа не станет спрашивать: есть ли люди? — у ней только настоящая вера и св[ятое] помышление на доброе дело, а имеют ли они силу или нет, не ее дело.— Вот ее слова: «Человек не должен иметь наперед той мысли: примутся ли его идеи или нет, а должен иметь в виду то, что он призван действовать здесь для блага». Это такая великая и разумная душа, что я думал и на свете таких нет. Если бы сотая или тысячная доля таких душ на Украине, то не знаю, что бы было, только не то, что теперь.

...Школа славное дело, только трудное, а если бы удалось, то было бы хорошо. Я попробую сказать Репниной, может быть и она бросит свою лепту: она больше действует, нежели говорит.

Ч. IV, арк. 20, 21. Переклад з української мови.

№ 494

1846 р.— ЗАПИСКА В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ПРО ВИВЧЕННЯ ІСТОРІЇ СЛОВ'ЯН

Настоящий век представляет всеобщее стремление к народности. Всякий европейский народ старается изучить завет предков потомству, свои предания, верования, песни, обычаи и вообще весь состав народной жизни. Знакомство с своим повело к исследованию народности других племен, и вот отсюда появились важные результаты для науки и для человечества. В преданиях, верованиях и вообще в проявлениях стародавней жизни народы встречаются, как братья; они увидели между собою великое сродство, сильнее убедились в том, что все они дети одной семьи и несмотря на свою разрозненность, связаны общечеловеческой жизнию, единством первоначала, из которого проистекли и стремления к одной великой и общей цели, к которой назначены.

Первоначальный быт, сохранившийся в памятниках народных, носит в себе много важного и интересного для историка и философа. Нигде не видно такого родства духовного между одним и другим народом, как в этих напоминаниях, оставленных отдаленными поколениями. Изучение оных составляет теперь одно из важнейших занятий в кругу образованной деятельности. Но нигде ни для одного народа изыскание старобытной жизни не представляет столько занимательности и не возбуждает такого воодушевления, как у народов славянских. Я думаю, это происходит от двух причин: 1. Оттого, что славяне — народ весьма древний, великий, в истории Европы и знаменитый (Шафарик) так несправедливо и так надолго были забыты. В недавнее время, когда войска народов славянских появились во всех концах Европы и слава славянская громко прозвучала на Западе, они обратили на себя внимание. У народов славянских появились люди, одушевленные сильно любовью к отечественной славе, глубоко проникнувшие в душу родственных народов, которые, наконец, указали блеск славянской народности и привлекли к ней сынов ея. 2. Самая новость, важность и занимательность предмета возбудила во многих тоже любовь к нему — и вот другая причина этого воодушевления.

Ч. IV. арк. 6. Автограф.
Ч. IV. арк. 74—76. Копія.

№ 495

1847 р., березня, не пізніше 15.— ВИПИСКИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ПРО ПАНСЛАВІЗМ В ЄВРОПІ З ЖУРНАЛУ «Revue de deux Mondes»[9]

Cyprien Roberts

Le panslavisme, si l'on veut définir ce mot dans acception rigoureuse, est la réconciliation, le rapprochement fraternel, et finalement la réunion de tous les Slaves en un seul corps moral . . . .

Панславізм літературний

L'idée qui sert de base au panslavisme n'est point d'ailleurs une idée nouvelle. Les anciens Grecs étaient panhellénistes, quoique divisés en plusieurs républiques rivales. On doit même remarquer que, comme les Slaves modernes, les Hellènes avaient aussi quatre dialectes, ion., éol., att., dor.— Sans doute les divers dialectes grecs de l'antiquité ne différaient pas entre

eux, à beaucoup près, autant que ceux des Slaves. En outre, ils n'ont pu parvenir à régner ensemble et simultanément sur la littér. hellénique.

Entre les nations slaves, les mêmes rapports n'existent pas; l'immense étendue de territoire qu'elles occupent rend leurs communications beaucoup plus difficiles. Voilà pourquoi les divers dialectes slaves diffèrent entre eux beaucoup plus que les anciens dialectes grecs; mais la nécessité de les mettre en contact, d'assurer par la solidarité littéraire le développement normal et simultané de chacun d'eux, cette nécessité est de plus en plus sentie par tous les slavistes, et, on peut le dire, par les gouvernements eux-mêmes. De là les chaires publiques de littérature slave déjà établies sur tant de points différents.

Le premier résultat du panslavisme littéraire devra être d'abattre toutes les barrières morales élevées par le despotisme pour séparer les peuples. Le panslavisme sera dans l'Orient slave ce que sont en Occident les chemins de fer. Le panslavisme comblera les abîmes. Même séparé politiquement, même servant des monarques ennemis les uns des autres, sujet du sultan ou de Frédéric-Guillaume, Polonais, Moscovite ou Illyrien, tout vrai Slave, faisant taire ses opinions de parti, tendra à son frère malheureux une main amie. En tout ce qui ne nuira pas à sa patrie particulière, il soutiendra les autres patries slaves, et jouira du progrès fait par chacune d'elles dans les voies de l'émancipation.

Sans doute les partisans de l'insurrection militaire sont peu favorables aux panslavistes; ils se moquent de ces paisibles et inoffensifs savants qui prétendent amener sans effusion de sang une transformation sociale, qui croient que les idées libérales triompheront par leur propre force, comme si les idées, privées d'un levier matériel, étaient autre chose qu'une impuissante rêverie, une vaine science au profit des despotes. Les rois absolus, nous dit-on, ont eux aussi, des idées à leur service, et de plus ils ont des baïonettes pour les faire exécuter. Comment donc les idées émancipatrices résisteront — elles, livrées sans armes à cette double ettaque de l'ennemi? On peut répondre qu'il y a du moins ceci de rassurant dans les tendances du siècle, que, malgré son apathie, son amour de l'or et son culte des faits accomplis, il a poutrant conservé un respect invincible pour les nationalités. Les diversités de moeurs et d'institutions ne nous choquent plus comme elles choquaient nos pères: on a enfin reconnu le droit de vivre aux races inférieures et aux petits peuples tout comme aux grandes nations. Toute tentative du fort pour absorber le faible excite aujord'hui la réprobation. C'est ce sentiment désormais général qui me paraît assurer le développement égal et parallèle des quatre dialectes slaves, même en dépit des pouvoirs constitués qui paralysent les uns au profit des autres; mais, pour triompher des obstacles, il faut que la solidarité soit franche et complête. Pour obtenir d'être appréciés et admirés du public russe, il faut que de leur côté les critiques polonais apprécient à leur juste valeur les écrivains moscovites; il faut que l'enfant de la Pologne ne soit plus seulement Polonais, mais Slavo-Polonais, que le Moscovite se sente Slave avant de se sentir Russe, qu'il ne se croie pas instruit tant qu'il ne sera pas arrivé à pouvoir lire des revues et des journaux non seulement dans sa langue, mais encore dans les langues polonaise, bohême, illyrienne. Crâce à ces communications, les différents dialectes de la race puiseront les uns dans les autres une force nouvelle, ils se protégeront réciproquement contre l'invasion étrangère, ils s'entr'aideront même à perfectionner les traits de leur physionomie individuelle, en la rendant plus conforme au type général slave, à peu près comme dans l'ordre de la civilisation un peuple est d'autant plus puissant, développe d'autant mieux sa propre nationalité, qu'il se donne des lois plus libérales, plus en harmonie avec les tendances communes du genre humain.

Пансл[авізм] політичний

Comme toute conception dans l'ordre des idées aspire à se réaliser dans l'ordre des faits, il s'ensuit que le panslavisme n'est passeulement une question littéraire: c'est encore une question politique, une question sociale. Quel système politique, quelle organisation sociale fera-t-on dériver du panslavisme? Ce problème, au point de vue théorique, peut se resoudre en quelques mots.

Il y a quatre langues et quatre littératures slaves: or, une langue littéraire, c'est une nation; il y a donc quatre nationalités slaves. De même qu'en littérature ces nations, se déclarant solidaires, cherchent à se faire de mutuels empurnts, à s'enrichir chacune avec le travail de toutes, de même en politique elles doivent se prêter un appui réciproque pour atteindre un but, qui leur soit commun et cher à toutes également. Ce but, quel sera — t-il? Il semble que pour tout homme indépendant il ne peut être autre que la plus grande civilisation et la plus grande liberté possibles de tous les Slaves . . . .

Панславізм. Страх німців і доділки їх до слов'ян

Dans sa vingt-huitième séance, qui a été l'une des plus agitées de la session de 1846, la chambre des députés de Bade a entendu le représentant Hecker prononcer sur l'avenir des Slaves des paroles qui ont eu un long retentissement: «Je crois, a-t-il dit, qu'une catastrophe peu éloignée nous menace. Remarquez le progres des littératures slaves, et comment s'y développe la conscience nationale. Allez écouter les leçons de la chaire slave de Paris, pretez l'oreille à ce que disent des Slaves au sein même de l'Allemagne, disez le Testament de Pierre-le-Grand: tout pronostique à notre patrie allemande une des crises les plus graves qu'elle ait jamais eu à subir. Le panslavisme l'envahit sur tous les points. Parcourez la Bohême, la Hongrie, la Croatie: Partout où un Slave a son foyer, dans la hutte enfumée du plus misérable serf, vous trouvez appendu le portrait du tsar. A votre question: De qui est ce portrait? On vous répond: C'est le portrait du petit père, de maître, qui doit réunir un jour toute notre race en un seul corps. Le jour où cette réunion s'accomplira, je vous le demande, messieurs, comment serons nous en état d'opposer une force de résistance égale à la force d'attaque des Slaves? Qui nous assure que leurs dévastations ne surpasseront pas celles des Mongols? Le panslavisme grandit si rapidement, qu'on peut craindre de le voir prendre bientôt dans le monde le rôle dominateur enlevé successivement aux Romains et à la race germanique».

Quelque exagération qu'il y ait dans ce discours, quelque faux qu'il soit de dire que tous des paysans slaves ont chez eux le portrait de l'empereur N., il n'en est pas moins singulier d'entendre de telles paroles tomber du haut d'une tribune allemande. De tristes pressentiments saisissent de toutes parts l'Allemagne; le démembrement de la Pologne, accompli par elle, la poursuit comme un rêve sinistre...

...Réfoulée sur le Rhin par la France, l'Allemagne se flatte de trouver sur le Danube d'amples compensations, et de se frayer, à l'aide de ce fleuve, un chemin d'or vers l'Orient; mais, comme le bassin du Danube est aux trois quarts peuplé par des Slaves, plus l'importance commerciale de ce fleuve augmentera, plus il deviendra un instrument formidable de l'Orient slave contre l'Allemagne et l'Europe. Si elle ne se proposait que son indépendance, l'Allemagne, au lieu de canaliser les pessages difficiles du Danube, devrait plutôt ensemer le cours de cataractes pour y rendre la navigation impraticable. Il est remarquable que l'Autriche est la seule des grandes puissances qui n'ait jamais fait la guerre aux Russes. Ce fait a une raison plus profonde qu'on ne le pense. En effet, qu'une armée française occupe Vienne, le lendemain de son arrivée alle négocie les conditions de son évacuation. Elle n'est retenue sur le sol

autrichien par aucun rapport de·consanguinité, par aucun intérêt national direct. Il n'en est pas de même d'une armée russe. Maîtresse du Vienne, elle voit aussitôt autour d'elle l'Illyrie, la Bohême, la Galicie et les Slovaques lui tendre les bras et l'invoquer dans une langue d'elle comprend. Pour peu que la Russie, dans une telle circonstance, écoutât son propre intérêt, elle organiserait d'un seul coup sur l'Adriatique, en Hongrie et en Bohême, trois états indépendants, qu'elle pourrait en se retirant, laisser derrière elle à la place de l'Empire des Habsbourg.

...Malgré tant de circonstances fâcheuses, le monde slave porte en lui trop d'éléments hétérogènes pour pouvoir jamais être transformé d'une manière permanente en un seul état. Les Slaves, espérons-le, sauront prendre dans l'Europe moderne la position qu'ont occupée dans le monde ancien les Hellènes... Qu'on l'appelle comme on voudra, cette confédération (fédération des états slaves) sera toujours du panslavisme, comme dans l'antiquité l'amphyctionie grecque était du panhellénisme.

Панславізм. Обойбрані доділки німців і слов'ян

Je sais que beaucoup d'hommes éminents hors des pays slaves traitent ces idées d'utopie; on va jusqu'à regarder la coalition libre des diverses nations de race slavone comme tout aussi impossible que le serait la réunion de toutes les nations romanes ou germaniques en un seul corps; mais on peut répondre que, si de telles coalitions ne sont pas encore possibles dans l'ordre politique, elles deviennent peu à peu un fait dans l'ordre moral...

Ce sont principalement les écrivains allemands qui présentent en Europe le panslavisme comme une utopie. La raison en est toute simple. L'Autriche et la Prusse sont engagées par la loi même de leur conservation à combattre l'indépendance des Slaves. Pour que l'Allemagne soit puissante, il faut que la Pologne, la Bohême et la Hongrie languissent paralysées et sous une tutelle éternelle. Voilà pourquoi les cabinets germaniques s'efforcent dans leurs feuilles officielles de dérober à la connaissance de l'Europe les véritables tendances des panslavistes ...

...Une confédération de peuples slaves, tout à fait indépendants entre Moscou et Berlin, entre Constantinople et Vienne, ne sourira jamais aux Allemands.

C'est pourquoi, je le répète, ils cherchent à rendre odieuses en Europe les idées panslavistes. Etrangère aux questions slaves, la presse française reproduit aveuglement ce qui lui envoie sur ces questions la presse d'outre-Rhin, et les idées les plus faisses s'emparent ainsi des esprits ...

(*Robert C.* Les deux panslavismes // Revue de deux Mondes.— 1846.— 1 Nov.).

Возрожденность іллірської народівщини

D e s p r e z

...L'illyrisme était devenu une force politique.

Ce succès, on le pense bien, représentait une somme d'efforts qui ne dataient point de la veille. Cependant, à tout prendre, le mouvement illyrien n'est vieux que quinze ans. Le sentiment de la race est antique parmi les Slaves méridionaux; mais il ne s'est déclaré bien nettement parmi eux qu'a l'époque où l'attention de l'Europe, sollicitée par la renaissance de la Grèce et la chute de la Pologne, s'est portée sur les questions de races depuis quelque temps agitées par les écrivains allemands. Peut-être aussi la France n'estelle point tout-à-fait étrangère au réveil de l'illyrisme; au moins aime-t-on à s'en glorifier sur les bords de la Save, où l'on a conservé de notre administration les meilleurs souvenirs. En rendant à une partie de l'ancient territoire illyrien son nom primitif, Napoléon avait assurément touché la fibre nationale des populations voisines de l'Adriatique; il avait fait mieux encore: il

avait reconnu plus tard la langue illyrienne pour langue officielle dans les provinces, il avait pris soin qu'un journal fut publié dans les pays dalmates à la fois en italien et en illyrien, et que les lois données par lui fussent écrites dans l'idiome national comme en français. Quelques savants s étaient grandement réjouis d'avoir trouvé un maître si généreux, et l'un d'eux avait même publié, en tête d'une grammaire [10] éditée à Laybach en 1811, une ode toute pindarique, dans laquelle l'empereur des Français est considéré comme le **régénérateur futur de la grande nation illyrienne.** On se plaisait à croire qu'après avoir foudroyé l'Autriche et dégagé entièrement l'Illyrie du joug des Allemands, il allait frapper quelque grand coup sur l'empire ottoman, pour lui enlever l'autre partie de l'Illyrie et la réunir à la première. C'était, à vrai dire, élargir beaucoup les plans de Napoléon, et l'Illyrie d'alors eût été elle — même peu préparée à saisir la fortune qui se serait ainsi offerte: le sommeil dans lequel elle est retombée en 1815 le prouve assez. Toujours est-il que la fondation des provinces illyriennes a exercé sur les bords de l'Adriatique une influence bienfaisante et qu'elle a porté les populations à rentrer en elles-mêmes. Aujourd'hui encore, c'est pour elles comme un rêve heureux qu'elles s'efforcent de poétiser, et l'on voudrait en vain leur persuader que l'Illyrie de l'avenir n'a pas existe dans la pensée de Napoléon.

L'effervescence nationale qui succéda à cette première mais fugitive évocation de l'Illyrisme, coïncida avec les préoccupations qu'excitèrent successivement en Europe les événements de Grèce et de Pologne venus à propos pour démontrer l'importance trop longtemps méconnue des questions de races; mais ces événements n'auraient peut-être pas suffi eux-mêmes pour émouvoir profondement les Croates, si une atteinte directe n'avait pas été portée à leurs intérêts par les Magyars, qui prétendirent, vers 1830, imposer leur langue nationale aux Roumains (Valaques) de la Transylvanie et aux Slaves du nord et du sud. Les Croates s'éveillèrent alors, bieg décidés à résister; leurs droits municipaux, leurs institutions locales, se trouvaient manacés; ils se mirent sur la défensive et combattirent ardemment **pro aris et focis.** C'est dans cette lutte seulement, et une idée amenant l'autre, que l'idée de nationalité prit possession de leurs esprits.

Deux hommes de condition différente, le comte **Draschkowitch,** magnat puissant par sa fortune, et **M. Gaj,** jeune blébéien d'un esprit pénétrant et tres actif, adopterent chaleureusement la cause croate (Souv. de l'Eur.// Or. R. d. d. M.— 1847.— 15 Mars).

Іллірія, її давні і теперішні границі, народнії падіння

H. Desprez

A des époques diverses, le même nom d'Illyrie a servi à désigner des circonscriptions territoriales très différentes. Les plus anciennes traditions parlent d'une Illyrie qui, appuyée àl'ouest sur la mer Ionienne, occupait à peu pres le sol de la Dalmatie, du Monténégro et de la Bosnie modernes. Habitée par des peuplades fort remuantes, alle eut plus d'un démêlé avec la Macédoine et la Grèce, alle imposa même un tribut à Amyntas, père de Philippe; mais Alexandre en eut raison, et la rendit tributaire à son tour. Rome vint ensuite, sous prétexte de réprimer la piraterie que les Illyriens exerçaient sans scrupule jusque sur les côtes de l'Italie. L'Illyrie finit par devenir une province romaine, et à l'époque d'Auguste, après la dixième des guerres sanglantes qu'il avait fallu soutenir pour la soumettre entièrement, elle comprenait, selon toute vraisemblance, le pays situé, de l'ouest à l'est, entre l'Adriatique et la frontière occidentale de la Serbie cutuelle, et, du nord au sud, entre la Save et l'Epire. Sous l'Empereur Constantin, ce même nom était celui d'une préfecture qui embrassait l'espace immense contenu entre les

Alpes Iulliennes et la mer Noire, et que fut divisée avec l'Empire pour disparaître peu à peu devant les invasions des barbares. En 1810, nous avions aussi une Illyrie française, dont Napoléon avait conçu le plan dès le traité de Campo-Formio: ce devait être le complement du royaume d'Italie.

Маджяри в сім часі

Desprez

Depuis plusieurs années, les feuilles magyares, qui se publient à Pesth, ne cessent de dénoncer la Croatie comme un foyer de conspiration; des discours passionnés retentissent quatre fois l'an, dans chaque comitat, pour appeller la colère de l'empereur et roi sur les Illyriens d'Agram, que l'on accuse hautement de travailler à la dissolution du royaume de Hongrie; on envoie même à Vienne des députations chargées d'exposer les griefs du pays. Cependant ces écrits, quelquefois pleins de verve et d'amertume, restent sans effect; ces discours n'ont point de retentissement, ces députations ne sont point reçues par l'empereur. La politique autrichienne est pour les Magyars une énigme et en même temps une sanglante humiliation. Peuple sans appui, victime, en cette affaire, de ses propres fautes, qui ont envenimé et même commencé la lutte, il se demande avec anxiété quelles mystérieuses infortunes sont cachées pour lui dans cette protection accordée aux Illyriens contre l'intérêt hongrois. Aurait-on le projet de pousser un jour cette grande querelle jusqu'à ses dernières conséquences? Les Magyars ne seraient pas éloignés de la craindre. Par bonheur, ils croient encore en eux-mêmes; leurs foi nationale leur offre quelques consolations dans ces rêves sinistres et dans les accès de désespoir qui les suivent. (Souvenirs de l'Europe Orientale.// Revue de deux Mondes.— 1847.— 15 Mars).

Український язик

C. Robert

Parlé par treize millions de Slaves des plus intelligents, le ruthénien aurait pu devenir une langue littéraire du premier ordre; mais, refoulé à la fois par le moscovite et le polonais, il perd chaque jour du terrain. (Les deux panslavismes. Revue de deux Mondes. 1er Novembre).

Ч. IV, арк. 7—19. Оригінал.

Переклад з французької

Киприан Робер

Панславізм, коли дати цьому слову точне визначення, є примирення, братське зближення і, зрештою, об'єднання всіх слов'ян в одне моральне ціле...

Панславізм літературний

До речі.— Ідея, що лежить в основі панславізму не є чимсь новим. Стародавні греки були панеллілістами, хоч ділились на численні республіки, між якими точилася боротьба. Слід зауважити, що греки, як і сучасні слов'яни, також мали чотири діалекти: іонійський, еолійський, аттичний, дорійський. Однак діалекти стародавніх греків не відрізнялися так один від одного, як слов'янські. Все ж вони не змогли злитися і одночасно запанувати в грецькій літературі.

Подібні стосунки не існують між слов'янськими націями, тому що вони займають величезні території, і це ускладнює спілкування. Ось чому

слов'янські діалекти відрізняються один від одного набагато більше, ніж стародавні грецькі, однак потреба у зв'язках між ними і необхідність літературної солідарності, нормального і одночасового розвитку кожного зокрема відчувається все більше і більше всіма славістами і навіть, можна сказати, самими урядами. Це вже привело до заснування в різних місцях публічних кафедр слов'янських літератур.

Першим кроком літературного панславізму має бути знищення всіх моральних бар'єрів, які звів деспотизм між народами. На слов'янському Сході панславізм стане тим, чим є залізниці на Заході. Він засипле ті прірви, що існують між націями.

Навіть відокремлений політично і, перебуваючи на службі у монархів, які ворогують між собою, підданий султана або Фрідріха-Вільгельма — поляк, московит чи іллірієць — кожний справжній слов'янин затамує свої політичні погляди і протягне дружню руку своєму нещасному брату. Він буде у всьому, що не йтиме на шкоду своїй батьківщині, підтримувати інші слов'янські нації і користуватиметься здобутками кожної з них на шляху емансипації.

Прибічники збройних повстань, безперечно, не схильні до панславізму, вони кепкують з сумирних учених, які хочуть здійснити соціальні зміни без пролиття крові і гадають, що ліберальні ідеї переможуть самі по собі, для них-то ідеї позбавлені матеріального важеля — це безплідна маячня, наука на користь деспотам. Нам кажуть, що абсолютні королі теж мають свої ідеї, та крім того, ще й багнети, щоб примушувати схилятися перед цими ідеями. Як саме беззбройні емансипаторські ідеї можуть протистояти цьому подвійному наступові? Можна відповісти, що незважаючи на апатію, на любов до золота і на культ звершених дій, в крайньому разі, існує те заспокоююче в тенденціях віку, що однак зберігає незбориму повагу до національностей.

Нас більше не дивує різноманітність звичаїв і інституцій, як це дивувало наших батьків; право на життя визнано нарешті для слабших рас і малих народів так само, як і для великих націй.

Сьогодні всяка спроба сильного поглинути слабішого викликає осуд. Це почуття, загальновизнане віднині, забезпечить, на мою думку, однаковий і паралельний розвиток чотирьох слов'янських діалектів, усупереч навіть існуючій владі, яка паралізує одних на користь другим, але для подолання перешкод потрібно, щоб солідарність була повною і щирою, щоб російська публіка зрештою і сама оцінювала і висловлювала захоплення, слід і польським критикам з свого боку по-справжньому оцінити письменників-московитів; потрібно, щоб син Польщі був не тільки поляком, але славополяком, щоб московит відчував себе спочатку слов'янином, а вже потім — росіянином, щоб він не вважав себе освіченою людиною до того часу, поки він не навчиться читати журнали і газети не тільки рідною мовою, але й польською, богемською, іллірійською. Завдяки цим спілкуванням різні діалекти раси будуть черпати один в одного нову силу, вони допоможуть один одному в разі іноземного вторгнення, вони допомагатимуть навіть один одному удосконалювати свої індивідуальні риси, роблячи їх більш уподібненими до спільного слов'янського типу, подібно до того, як у ході цивілізації чим могутніший народ, тим він краще розвиває власну національність, чим ліберальніші закони він встановлює, тим більше вони в гармонії з спільними тенденціями людського роду.

Панславізм політичний

З цього виходить, що панславізм, як і всяка концепція, яка прагне здійснитись у плані фактів, є питанням не тільки літературним, але й політичним і соціальним. Яка політична система, яка суспільна організація

виникне з панславізму?. Теоретично це питання можна висвітлити кількома словами.

Є чотири мови і чотири слов'янські літератури: літературна мова — це нація; таким чином є чотири слов'янські національності. Подібно до того, як у літературі ці нації прокламують солідарність між собою, намагаються робити взаємні запозичення, збагачуються наслідками спільної роботи, отже, і в політиці вони повинні надавати одна одній взаємну підтримку в досягненні мети, яка буде спільною і дорогою в однаковій мірі для кожної.

Якою повинна бути мета? Здається, що для кожної незалежної людини вона буде ні чим іншим, як найповнішою цивілізацією і найбільш можливою свободою всіх слов'ян.

Панславізм.
Страх німців і доділки їх до слов'ян

На своєму 28 засіданні, яке було одним з найбільш бурхливих у сесії 1846 р., палата депутатів Бадена вислухала промови представника Теккера про майбутнє слов'ян, які мали великий відгук:

«Я вважаю,— говорив він,— що в недалекому майбутньому нам загрожує катастрофа. Подивіться на успіхи слов'янських літератур і на розвиток в них національної свідомості. Послухайте лекції з слов'янської кафедри в Парижі, уважно вслухайтесь, що кажуть слов'яни навіть у самій Німеччині, прочитайте заповіт Петра Великого: все віщує нашій німецькій батьківщині одну з найбільш серйозних криз, які тільки вона переживала. Панславізм її завойовує у всіх напрямах. Поїздіть по Богемії, Угорщині, Хорватії: всюди, де тільки живе слов'янин, навіть у задимленій хижі найнещаснішого раба, ви побачите на стіні портрет царя. На ваше запитання: «Чий це портрет?», вам скажуть: «Це портрет батюшки-государя, який з часом об'єднає всю нашу расу в єдине ціле». В той час, коли це об'єднання здійсниться, чи зможемо ми виставити силу, рівнозначну силі наступу слов'ян? Хто нас запевнить, що вони не перевершать монгольські спустошення. Панславізм так швидко росте, що я боюсь, якби він на захопив панівну роль у світі, яку було спочатку відібрано у римлян, а потім у германських рас».

Які б не були перебільшення в цій промові, яка б не була фальш щодо того, що кожний слов'янський селянин має у себе портрет імператора М[иколи] І, все ж таки незвичайно чути, як такі слова проголошують з висоти одної з німецьких трибун. Сумні передчуття охоплюють Німеччину з усіх сторін: розподіл Польщі, який вона здійснила, переслідує її, як зловісний сон. ...Відтиснута Францією до Рейну Німеччина плекає надію знайти компенсування на Дунаї і завдяки цьому прокласти золотий шлях до сходу; але поскільки басейн Дунаю на три чверті заселений слов'янами, то чим більше зростатиме торговельне значення цієї ріки, тим більше вона ставатиме важливим знаряддям слов'янського сходу проти Німеччини і Європи. Якщо б Німеччина піклувалась тільки про свою незалежність, то замість прокладання каналів у місцях, важких для проходу суден, слід було б, навпаки, зайняти течію катарактами, щоб зробити судноплавство неможливим. Варто уваги, що Австрія є єдиною з великих держав, яка ніколи не воювала з росіянами. Цей факт має більшу основу, ніж думають. Так, коли французька армія захоплює Відень, то вже наступного дня ведуться переговори про умови його звільнення. Ніякі кровні стосунки, ніяка безпосередня національна зацікавленість не затримували її на австрійській землі. Зовсім інше з російською армією. Коли б вона володіла Віднем, то до неї тягнули б руки Іллірія, Богемія, Галіція і словаки, і звертались би до неї тільки тією мовою, яку вона розуміє. Навіть дбаючи в таких обставинах

за свої власні інтереси, вона б відразу створила на Адріатиці, в Угорщині і в Богемії три незалежних держави, які б залишились, у разі відходу, на місці імперії Габсбургів.

...Незважаючи на таку кількість несприятливих обставин слов'янський світ і в собі несе багато різнорідних елементів, які не сприяють створенню тривалої держави. Ми маємо надію, що слов'яни зуміють зайняти таке становище в сучасній Європі, яке займали в стародавньому світі греки.

Нехай називають її, як хочуть, ця конфедерація слов'янських держав вийде з панславізму, як в давнину грецька амфікція (амфіктион) вийшла з панеллінізму. Я знаю, що багато видатних людей з неслов'янських країн вважають ці ідеї утопічними, доходять до того, що розглядають вільну коаліцію різних націй слов'янської раси такою ж неможливою, як і з'єднання в єдине ціле всіх романських чи германських націй, на це можна відповісти, що якщо подібні коаліції неможливі в політичному плані, вони стають поступово фактом у плані моральному.

Німецькі письменники висвітлюють панславізм у Європі як утопію. І ось з якої простої причини: Австрія і Пруссія змушені законом самозбереження боротися з незалежністю слов'ян. Для того, щоб Німеччина була сильною, треба щоб животіли паралізовані і під вічною опікою Польща, Богемія і Угорщина. Ось чому німецькі кабінети в своїх офіційних газетах намагаються приховати від Європи справжні тенденції панславістів. ...Конфедерація слов'янських народів, зовсім незалежних, [розміщених] між Москвою і Берліном, Константинополем і Віднем, не буде до вподоби німцям.

Панславізм.
Обойбрані доділки німців і слов'ян

Ось чому, повторюю, вони намагаються представити в Європі огидними панславістські ідеї. Стороння, чужа до слов'янських проблем, французька преса сліпо передруковує все, що їй преса з-поза Рейну пересилає в цьому питанні, і таким чином найбільш фальшиві ідеї оволодівають умами. (*Robert C.* Les deux panslavismes // Revue de deux Mondes.— 1846.— 1 Nov.)

Возрожденность іллірської народівщини

Д е п р е

...Ілліризм став політичною силою. Зрозуміло, що цей успіх є наслідком зусиль, які діяли набагато раніше. Однак, виходячи з цього, іллірійський рух не налічує більше п'ятнадцяти років. Серед південних слов'ян почуття раси є досить давнім; досить повно воно проявлялося тільки в той період, коли увага Європи, збуджена відродженням Греції і падінням Польщі, була прикута до расових питань, які німецькі письменники дискутували уже протягом певного часу. Частка участі в пробудженні ілліризму, певно, належить і Франції, яку охоче славлять на берегах Сави, де збереглись найкращі спогади про їх адміністрацію.

Повернувши частині давньої іллірійської території її первісну назву, Наполеон безперечно зачепив національні фібри сусідніх народів Адріатики, більше того, коли він пізніше визнав офіційною мовою цих провінцій іллірійську мову та потурбувався про видання газети в Далмації, як на іллірійській, так і на італійській мовах, а також державних законів — на французькій і національних мовах. Деякі вчені дуже зраділи появі великодушного володаря, і один з них навіть надрукував на початку граматики [10], виданої в Лайбаху [11] в 1811 р., цілком у дусі Піндара оду, в якій

імператора французів охарактеризовано як майбутнього відроджувача великої іллірійської нації.

Хотілося вірити, що після перемоги над Австрією і після повного визволення однієї частини Іллірії від німецького ярма, він завдасть кількох міцних ударів по Оттоманській імперії для того, щоб відібрати другу частину Іллірії і з'єднати її з першою. Це, по правді кажучи, йшло набагато далі планів Наполеона, та й тодішня Іллірія майже не була підготовлена одержати володіння, яке їй було б даровано таким шляхом: сплячка, в яку вона впала в 1815 р., красномовно про це свідчить. Та все ж таки створення іллірійських провінцій справило благодійний вплив на берегах Адріатики, примусило ці народи звернутися до самих себе. Для них ще й сьогодні все пе є ніби щасливим сном, який вони намагаються опоетизувати. І марно їх переконувати, що в Наполеона майбутня Іллірія не існувала.

Національне збудження, яке відбулося слідом за цим першим і таким скороминучим відродженням іллірізму збіглося з турботами, що виникли в Європі спочатку в зв'язку з подіями в Польщі, а потім у Греції і які були так до речі, бо показали нехтувану задовго до цього важливість расових питань; ці події самі по собі не змогли б, можливо, привести до широкого руху серед кроатів [хорватів], якби не було спроб безпосередніх зазіхань на їх інтереси з боку угорців, які хотіли десь близько 1830 г. нав'язати румунам (Валахія), Трансільванії і слов'янам півночі і півдня свою нац[іональну] мову. Хорвати [кроати] прокинулись тоді, рішуче противлячись цьому; їхні муніципальні права, місцеві інституції були під загрозою; вони стали в оборону і боролись завзято за свої домашні вогнища.

Саме в цій боротьбі (та ще коли одна ідея веде за собою іншу ідею) запанувала серед них ідея національності.

Два чоловіки різних станів — гр. Драшкович, багатий і могутній магнат, і М. Гай — молодий плебей з гострим і дійовим розумом гаряче сприйняли кроатські справи. (Спогади Східної Європи.— «Revue de deux Mondes», 1847, 15 березня).

Іллірія.
Її давні і теперішні границі, народні падіння

Г. Депре

Одна і та ж назва Іллірія служила для найменування дуже різних територій у різні епохи. Виходячи з найдавніших традицій можна сказати, що вона займала майже всі ті землі, які тепер займають Далмація, Чорногорія і Боснія, а з заходу підступала до Іонійського моря.

Населена племенами, які були весь час у русі, вона не раз вступала в боротьбу з Грецією і Македонією, вона наклала навіть на Амінтаса, батька Філіпа, контрибуцію; але Олександр уже стягав з неї контрибуцію. Потім прийшли римляни під приводом знищення піратства, яким іллірійці широко займались, доходячи навіть до берегів Італії. Зрештою вона стала римською провінцією; в часи Августа, після десятої з тих кривавих війн, які йому довелося вести, щоб її повністю підкорити. Іллірія обіймала, певно, землі між Адріатикою і західною границею сучасної Сербії, якщо брати з заходу на схід, і землі між Савою і Епіром, якщо брати з півночі на південь.

В часи імператора Костянтина цю назву мала одна величезна префектура між Альпами Юлієнськими і Чорним морем, потім її було поділено між імперіями і зрештою вона помалу зникла під натиском варварів. У 1810 р. була ще французька Іллірія, план якої виник у Наполеона після угоди в Кампо-Формію; це був додаток до Італійського королівства.

Маджари в сім часі

Депре

Протягом багатьох років угорські газети, що виходять у Пешті, звинувачують Кроатію у тому, що вона є вогнищем змов; палкі промови лунають чотири рази в рік в кожному комітеті, мета яких накликати на іллірійців Аграма [12] гнів імператора і короля, їх голосно звинувачують у тому, що вони намагаються розвалити Угорське королівство; шлють до Відня депутації, в завдання яких входить викласти кривду країни. Однак ці писання, іноді зроблені досить талановито, не приносять наслідків, промови не знаходять відгуку, депатції не приймаються імператором. Австрійська політика — загадка для угорців і одночасно — криваве приниження. Народ, який не знаходить підтримки, жертва власних помилок, які підсилили цю боротьбу і навіть дали їй початок, він з тривогою запитує сам себе, які ще приховані неприємності криються для нього в цій протекції, яка надається іллірійцям усупереч угорським інтересам, чи не планується довести цю велику суперечку до крайніх меж. Угорці майже вірять у це. На щастя, вони ще вірять у самих себе; їх національна віра дає їм деяку розраду в час, коли їх охоплюють зловісні марення та приступи відчаю. (Souvenirs de l'Europe Orientale // Revue de deux Mondes.— 1847.— 15 Mars).

Український язик

К. Робер

Русинська (рутенська) мова, на якій говорять 13 мільйонів найбільш здібних і розвинених слов'ян, могла б стати першорядною літературною мовою, але одночасово з російською мовою і польською вона з кожним днем втрачає свій грунт. (Les deux panslavismes.— Revue de deux Mondes. 1er Novembre).

№ 496

1846 р. жовтня 15.— ЛИСТ О. В. МАРКОВИЧА ДО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО З ВИСЛОВЛЮВАННЯМ ДРУЖНІХ ПОЧУТТІВ І ПОДАННЯМ ПОРАД

Вася! Юный всею душою, как прежде, муж по разуму, твое письмо, незабвенный Вася, произвело на меня гораздо лучшее впечатление, чем ты ожидал. Я уверился им в твоей искренней дружбе ко мне и в твоем достоинстве. Бог дал тебе душу светлую и сильную. Будь ему тем благодарен, что не переставай нас освещать собою и укрепляй. Я к тебе был ужасно несправедлив. Мое последнее письмо от 14 октября докажет тебе это. Я просто думал, что ты, как верба: на полтанской почве пустили полтавские каганци. Вижу, что ты очень развился и вижу, что разлука твоя с святым городом не вредна для тебя, а польза уже открылась. Вижу с удовольствием, которого не могу от тебя утаить, потому что сам предсказывал.

Мне справедливо казалось, что уединение будет для тебя полезно, и именно полтавское уединение, среди холодного, среди беспощадного света, без друзей, без наставников.

Тебя обстоятельства привели к размышлению, самосознанию, самодеятельности. Доказательством тому служит драгоценное письмо твое, в котором выразился челонек наблюдательный и размышляющий спокойно и с сознанием того, что говорит. Это одно письмо, это первое письмо от тебя, в котором нет декламации, а без декламации полновесная истина окрыляет

добрыми чувствами и преданностью к создателю, которыми от него ты наделен щедро. Первое письмо (я говорю с откровенностью друга) без самоуверенности и возвышения. Не обижайся, что так говорю резко. Прошу помнить, что твоя самоуверенность не горда, не заносчива, не холодна и самолюбива, а какая-то детская уверенность в то, что и без дальнего труда и без особенного рассуждения ты в силах подействовать на другого. Она сама в себе не зла, а молода как-то. Она даже высока, ибо проистекала из теплой веры в могущество своей богосозданной и богом согреваемой, питаемой, покровительствуемой души, из поэтического взгляда на жизнь и людей, из уверенности в их великом значении и совершенстве.

Но есть возраст духовный, как разные возрасты в организмах физических. И тебе время уже действовать с большей осмотрительностью, вниманием и трудом. Чтобы ты признал немощность твоей веры в себя и в людей или духовного вожделения какого-то, а чтобы выжимал из жизни мало соку, то сок этот будет густ и питателен. Не выставляйся с добрыми желаниями своего сердца и хорошими правилами, которые удерживать может безостановочно твой непомраченный рассудок.

Старайся не уронить себя ни одним лишним словом, которое не почувствовало твое сердце, когда выливается письмо на бумагу, когда даже одно это слово не есть плод твоей мысли применительно к случаю, а наперед предначертанная программа или тон песни. Не стыдись показать себя и слабым и недоумевающим, поверяй [13] прежние авторитеты, ищи новых. Все это легче сказать, чем сделать, но твое неоценимое письмо доказывает, что нетрудно, по крайней [мере] не невозможно для тебя это делать, а мне докажет, может быть, что очень трудно об этом говорить. В отношении к Пилянкевичу я тебе советую или совсем его оставить, или, что согласно с твоим образом мыслей и любовью к нему, напиши такое письмо спокойное, которое бы не дало ему заметить о его нелюбви к тебе. Я пишу тебе, ничего не скрывая, для твоего вразумения и, может быть, для пользы Пилянкевича.

Посяда изнывает от удовольствия, когда я говорю о тебе. А про Пилянкевича или не спрашивай, или уверь, пожалуйста, что ты хороший человек. От чудак! Он на твоем месте. Но ради бога не дай ему заметить что-нибудь.

Твоего письма никто не читал, и да поможет мне Христос, чтобы никто впредь его не прочел. Я обижу та[ким] об[разом] тебя и меня самого. Я не могу жечь твоего письма. Таких писем мало получал кто на свете. Дух веет в нем, как нечто сверхестественное. У меня рука не поднимается сжечь твоего письма. Но для твоего спокойствия я его перепишу так, что не разберет никто на свете, кроме меня одного, а твое тогда истреблю.

15 октября 1846 г., Киев

Ч. IV, арк. 22—23. Автограф.
Ч. IV, арк. 79—82. Копия.

№ 497

1846 р.— ЛИСТ О. В. МАРКОВИЧА ДО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО З ПРОХАННЯМ ПРИЙТИ В ПРИЗНАЧЕНИЙ ЧАС ДЛЯ ЗУСТРІЧІ

Неоцененный и неоценимый Василь Михайлович!

Весьма сочувствую, что под влиянием глубокого впечатления, какое сделала на меня незабвенная снисходительность студента Белозерского, прочитавшего мне статью о глубочайшем образом понятым им Гоголе, я был так очень рассеян с тобой, В[асилий] М[ихайлович], вчера, при прощании. Дело в том, что я сам не знаю, когда я буду дома и боюсь, до унижения, может быть, боюсь, чтобы ты не проходился даром. Оцени же мою готов-

ность встретить тебя с протянутой ланитою и широким лицом и напиши письменное обязательство побрести ко мне в известный день к известному часу. Василь Михайлович не меньше студента Белозерского, а может более всех сынов земли, стоит того, чтобы бояться быть им застигнутым врасплох. Все написанное (хотя и мною) серьезно как физиономия Тюлли, термометр на морозе, поведение Нейкирха, как монархическая власть, как подлость души Брамбеуса, как господии Фавят, как «Журнал м[инистерства] н[ародного] п[росвещения]», должность профессора и проч[ие] нешуточные вещи.

Аф. Маркович

Помітка на арк. 25: «Материалы для русской истории [14]. В. Белозерский».

Ч. IV, арк. 24. Автограф [15].

№ 498

1844 р. липня 3.— РОЗПОВІДЬ КОЗАКА с. МАРТИНІВКИ БОРЗЕНСЬКОГО ПОВІТУ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ С. ЮРЧЕНКА «О ПИКИНЕРНЫХ КАЗАКАХ 1790 г.» ЗАПИСАНА В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ

1. О пикинериых казаках 1790 г. (Рассказывал казак Семен Юрченко. с. Мартыновка Борзенск[ого] уезда 3.07.1844 г.).

Діялось се в 1790 році. Тогді в Польще зробилась заверуха. Між польщаками і добрі люди є, да інколи нишком діло роблять. То уже сказано: братайтесь, братайтесь, а камінь держи за пазухою. От і вийшов указ: добрать малоросійських козаків. То нас і зібрали в Чернігові в 1790 р., а скоро після сього ми [16] в Києві лагерями стояли. Із трьох губернь нас набрато 9 тисяч. Я і знаю, як Потьомкін [17] набирав нас. Потьомкін був первим совітчиком, а Кречетніков [18] був начальником. Ну, так от сей, бувало, нас щонеділю смотрить. А у нас одежа була єгорська, під зелень підходила, щоб під неприятеля ближче підлізти можна було. В страженії він (Пот[ьомкін]) багацько війська потеряв, то про його приложена була й пісня. «Ой Потьомкін генерал, много війська потеряв. А як же він потеряв — у картушки проіграв». А государиия, сказано жінощина, вона йому та й простила. Він і сказав: «Государиня Єкатерина Алексіївна! Нехай другі командують їми, а позвольте із трьох губерень чистих мені малоросіян набрать». От вона, нехай царствує, і позволила. Він із трьох губерень и набрав 9 тисяч і з Фастовець 1000.

От ми ві[й]шли в Київ. А там Дніпр монастир Видубицький [19] підрізав і погреба були одкриті. То старшії й кажуть: «А що, козаки! Каша осталась до буряків!» От ми тогді до буряків, да в казани. Тогді ж я заслабів, оставсь в обозі.

Він перве смотрив у Чернігові все військо: піхота ж махиула, а поки ми з обозом прибули, він уже пересмотрив і махнув: його потребували в Пітербурх. Аж ось — треба! Указ і прийшов: помер Потьомка, помер! Леванідов же тепер владіє войськом і Кречетніков, і говорять: «Що нам робить, з отсим корпусом?» І послали указ до цариці. «Чи його по полкам розбить, так велика сила, чи що?» А вона й одписала: «На вас отдаюсь, на ваше сумлініє — того иема, кому я позволила зобрать». А вони і розсудили — нехай царствують! Пустить їх у господу; вони отслужили — тепер пустить його на свободу, де хотя[ть] прожить, тільки ж однодвірців, а наймитів по полкам, бо скаже — я своє одслужив.

Ото ж ми прийшли у Київ 1793 г. Уже нас не треба, замирились. Тільки Нащокін — я його знав і на рундуку у його стояв на часах — раз іде в ви-

ступцях і сертуку, а був чоловік невеличкий, старенький, я сділав на караул, а він говорить: «Не иадо, голубчик, не надо», бо він не при кавалерії, ніщо. От як роспустили нас, то він і зложив муніцію в гамазини. А тоді потребовали в Польщу і попов, щоб править по благочестію для поляків, скілько там їх привернулось. Ми ж ото вийшлиніччю на майдан над Васильківським шляхом, щоб то повзводно, а проти нас Астраханський полк. От і пошли командовать — палі!

Трісь! — там — трісь! Астраханський полк — трісь! До того дотріскались, що за рулю не можна було доторкнутись, так розігрілись. Ми ж холостими зарядами, а з Астраханського полку якийсь бойним зарядом. Тільки «ззз! ззз!» почала зичать куля. Холостим же зарядом, то вона тільки трісне, а кулю зараз уже знать. От ми стоїмо да й думаємо: тут уже додому б скоро йти, а тут ось яке лихо. Тут зараз начальники постерегли да — «полно! полно»! Ото ми розойшлись.

А й тоді не без заїдів було: не дали нам за треть года жалованья. А я уже прийшов додому. Ну нічого гріха таїть — треба засвататься, одружиться. Бог же зна, коли буде требка; бо однодворці повинні були, як знать дадуть, буть на місці. А брат і каже: «Я за тебе послужу, така согласка».

А тут донесли государині, нехай царствує, що стрілкам не отдано жалования. От вона й приписала отдать жалованнє. Уже ж нам її жалованнє даром не минеться, думаєм собі. Пошли в Борзну, узяли жалованнє, аж тут: «Подай стрілков! Подай малоросійських стрілков! То тут кидай й печене й варене. Леванідов кричить: «Подай стрілков». В Польщі знов закуйовдилось! От же мойму брату йти б служить, так не можна: Леванідов приписав — без мого відома, щоб не перемінялись: чи сліпий, чи кривий, щоб були налічно. Баба моя, тогді ще молода, кланяється: «Братику — соколику! Йди переміни!» А я йому! і тогді ще казав: «А що ж як не підеш, хазяйку засмутиш, ще й вигонить». «Ні каже, піду». От і списали бумагу, да в Борзну. А в Борзні Михайло Васильович комісаром був. А він: «Голубчики, не наша сила. (Був чоловік маленький, грубенький — оттакий). Сохрань боже! Генерали кажуть — не можно». Ми й пошли — нічого робить — в Чернігов, а за нами брати йдуть, як бурлаки, а нам і перекличка єсть. Губернатор каже: «Не могу і я зробить нічого». От ми із Чернігова повернули в Київ. Брати й кажуть: — «Е, братці, ви нас до убитку доведете: ми додому підемо». «Ідіть, кажем — що робить? Ми вас не силуєм. Інші ж пошли, а другі остались з нами. А мій брат каже так: «Учи мене свого артикулу, щоб мене послі не бито. А у мого брата нові чоботи [20]» «На, каже, брате, тобі сі чоботи, а мені дай старенькі». «Ні, кажу, брате: ти дома чи роздобудеш, чи ні, а я тут без чобіт ходить не буду». Ах ото прийшли в Київ, почули, що можна зміниться. Я йду до генерала з бумагою, в руки подав. Прочитав і питає мого брата: «Рад богу й государю служить?» — «Рад, ваше высокопревосходительство». І записали його. От ми уже б то розходиться, аж тут отютант — (а він, як почтар, з бумагами бігає). «Постойте ж бо не йдіть, бо не дойдете». І дав нам бумагу. Як дали ж бумагу, тогді уже серде у нас і зомліло; і рад і смутно на душі; сам угору пішов, а брата неначе притоптав. Серце от-так і от-так! Питаю: «Який я, братко?».— «Білий.— А я братко?» — «Білий і ти». Ну, що ж робити? Взяли водки, попрощались, поцілувались — ідіть собі з богом! А тут дома люди сказали, що обоїх візьмуть, то мати моя тілки що ходить, а жінка моя ледве жива, сказано бабам повірили. После ото увізнали, що він із-за Білої Церкви прийшов в Київ. То я роздобув конячку, до матері: «Поїдьте, побачте». Вона поїхала і бачилась з ним. Через три годи йти б уже йому додому, а він там і вмер.

Ч. IV, арк. 35—38. Автограф.

№ 499

1847 р. квітня, не раніше 10.— ВИКЛАД ЗМІСТУ ПОЕМИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА «КАВКАЗ», ЗРОБЛЕНИЙ У III ВІДДІЛЕННІ ІЗ СПИСКА, ВИЛУЧЕНОГО У В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Извлечение

За горами — горы, облитые кровью. Там орел разбивает сердце Прометея, но живой крови не выпьет. Душа и воля наша не умирают, божие дела не нам судить; нам остается плакать, а между тем текут кровавые реки.— Там много легло костьми, а крови и слез разлилось море. Слава собакам и псарям и нашим царям и вам слава, горы и рыцари: бейтесь, вы победите; вам помогает бог, за вас сила, воля и святая правда.

Чурак и сакля — все твое, не выпрошенное, и не данное; тебя не поведут в оковах; а мы... народ ученый, все в золоте и нагие, мы христиане, все у нас есть — только твоя сакля глаза колет; зачем стоит она, не нами данная? Зачем ваш же чурек не брошен вам, как собакам? Зачем вы не платите дани за солнечн[ый] свет?

Если бы вы подружились с нами — научились бы многому: одна Сибирь у нас бесконечна, а народу, тюрем,— нечего и говорить. На всех языках молчат, ибо благоденствуют. У нас и в библии какой-то царь-пастух взял чужую жену, а мужа убил — и теперь на небе, вот какие у нас на небе!..

Научитеся вы, непросвещенные Христом. Мы краденное не перекупаем, во крещенных людей проигрываем в карты — по закону, или дерем с них кожу, или помолясь о пролитии крови ближнего, приносим в дар украденный покров... Мы всему научим вас, только дайтесь нам в руки, научим тюрьмы строить, оковы делать и наносить и плесть кнуты... дайте только последние свои горы.. море и поле уже наши!

И тебя загнали, мой единый друг, Яков; не за Украйну довелось тебе пролить чистую кровь, но за палача ее; довелось запить московский яд из московской чаши. Носись над Украйною, стереги разрытые могилы, плачь с казаками и ожидай меня в степи из неволи.

А между тем, пускай мои думы и горе растут и говорят с ветром.

Ветер принесет их из Украйны с росою к тебе, и ты разгадаешь могилы, степи, горы [21].

Прим. док.: Чурек — хлеб, сакля — дом у народов кавказских.

Ч. IV, арк. 39—40. Оригінал.

№ 500

1846 р. вересня 11.— ПРОЕКТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ПРО СТВОРЕННЯ НА УКРАЇНІ РЕМІСНИЧИХ ШКІЛ ДЛЯ ЮНАКІВ КОЗАЦЬКОГО СТАНУ

11 сентября

Благодетельнейшая цель правительства — ввести мало-помалу образование в быт низшего класса народа, полезное в его домашней и сельской жизни, не может быть достигнута вдруг, по причине огромных требований и недостатка [22] в деятелях [23] образователях. Заведенные уже школы удовлетворяют только некоторым потребностям [24] сельской жизни и волостного управления [25]. Но еще нет заведений, в которых бы приготовлялись воспитанники к сельской жизни и притом, по преимуществу, земледельческой, заведений, в которых воспитывались бы дети, взятые из селений с той целью, чтобы опять в онные возвратиться с более основательными сведениями и потребностях своего быта и с познаниями [26] ремесел, необходимых в земледель-

ческой жизни, при земледельческих занятиях. Желая исполнить долг граждан своего отечества и употребить с своей стороны имеющиеся (способы) средства на благо человечества [27], мы осмеливаемся предложить свою деятельность и познания в помощь достигаемой благодетельной цели правительства.

Мы просим позволения завести на собственные и складочные деньги школу для детей поселян-земледельцев на следующих основаниях:

Цель: 1. Так как целью такого заведения будет приготовить учеников [28] к тому, чтобы они возвратились опять в тот круг, из которого вышли [29], но с более [30] ясными познаниями о своих обязанностях, о своих пользах и потребностях в земледельческой жизни; то и самое воспитание должно быть сообразно с предполагаемой целью [31].

2. Поэтому [32] в преподавании должно [33] ограничиться следующими предметами:

a) Законом божим. Здесь разумеется изучение молитвы, объяснение необходимых нравственных обязанностей (правил) [34] литургии с присовокуплением краткого назначения [35] св. истории.

b) Необходимейшие познания о явлениях природы, соприкосновення с земледельческим бытом; (физика) объяснение законов растительных с присовокуплением свойств тех произведений земли, которые имеют значение в земледельческой жизни; потом показание средств, какими поддерживается успешное распространение разного рода произведений; след[овательно] сюда должны входить главнейшие основания [36] земледелия, садоводства и лесоводства, огородничества и [37] необходимейшие хозяйственные познания и выгод[ы], кот[орые] можно изыскать из оных.

c) Ознакомление с теми средствами, которые могут быть полезны при излечении болезней, не требующих необходимо присутствия врача, краткое объяснение свойств известных болезней.

d) Научение тем ремеслам, которые [38] наиболее пригодны в быту земледельцев: столярному [39] и токарному ремеслам с присоединением объяснений устройства лучших и необходимейших земледельческих орудий.

e) Арифметика. Изучение первых и главнейших правил счисления; ознакомление с ценностью ходячей монеты.

Условия, на которых это заведение может принести более успехов и пользы, суть следующие:

1. Мальчики, принимаемые в заведение, должны иметь не менее 13 и не более 16 лет.

2. Они должны [40] происходить из казацкого сословия и ни в каком случае помещичьи крестьяне [41].

3. Мальчики должны [42] уже быть научены по крайней мере чтению, но беднейшие принимаются без всяких познаний.

4. Они должны быть представлены заведению на три года и ни в каком случае не удаляться из оного, исключая [43] важнейшие причины. Родители могут видеться с ними в заведении.

5. Так как цель оного воспитать полезных членов своего сословия, то с самого начала воспитатели должны давать сообразное цели направления. Поэтому [44] воспитанники должны оставаться при той мысли, что они впоследствии возвратятся к земледельцам; пища и одежда их должны быть самые простые, но чистые, помещение тоже; всякая роскошь и неумеренность не должны быть терпимы в заведении.

6. [45] Для нравственного присмотра и наблюдения за воспитанниками и за порядком должен быть неотлучный надзиратель в заведении.

Средства, которые необходимы для существования такого заведения, будут состоять из сумм, пожертвованных во имя любви к человечеству и народному образованию. Они должны быть употреблены на следующее:

1. На наем помещения; на устройство классов, необходимых учебных пособий и библиотеки и на приобретение моделей важнейших и полезнейших земледельческих орудий.

2. На одежду воспитанникам, на постельное белье и устройство спален.

3. На стол для воспитанников, на хозяйство заведений.

4. На зарплату надзирателю (и необходимой прислуги).

5. На плату мастерам, необходимым для научения ремесленным искусствам.

Доставление требуемой суммы, равно как и труд преподавания [46], предлагающие положить начало таковому заведению берут на себя.

Польза, которую может принести такое заведение, очевидна. Окончив [47] образование и получив основательные нравственные и хозяйственные познания, воспитанники, возвратясь в свое сословие, в свои дома [48], в хозяйстве и занятиях своих непременно покажут улучшение [49], поведением и познаниями они будут служить примером для своих собратий и это [50] благодетельно отразится в самой жизни полезнейшего народного класса. Безмездное и сообразное с выгодами и требованиями земледельческой жизни воспитания может [51] пробудить в народе любовь к образованию и представить его с нужной и полезной точки. Основанное на нравственности и [52] практической пользе, оно принесет несомненно самые благоприятные плоды; этим достигается истинно христианская и человеколюбивая цель, которая должна составлять сущность деятельности всякого истинного гражданина. Наконец, это заведение может представить удобнейший случай для [53] многих желающих употребить частицу своей деятельности и имущества на достойное человека дело, благодетельствовать неимущим и привносить в жизнь [54] истинное просвещение, на котором единственно и зиждется народное благосостояние.

Счастливыми почтем себя, если начальство признает [55] наше предложение полезным и не оставит нас своим участием, советами и необходимой помощью при начальном основании этого заведения; и если оно, принося истинную пользу, оправдает наши ожидания, то величайшая награда [56] для нас будет в том, что человеколюбивая цель явила и последствия, благодетельные для отечества.

Помітка олівцем невстановленого автора:

Прекрасно. Но главнейшими препятствиями к осуществлению предположения могли бы служить: а) определение пункта для заведения, б) трудность в поддержании его наставниками, а тем более честными мастеровыми, в) самый состав, по наружности простый, но в сущности довольно многосложный.

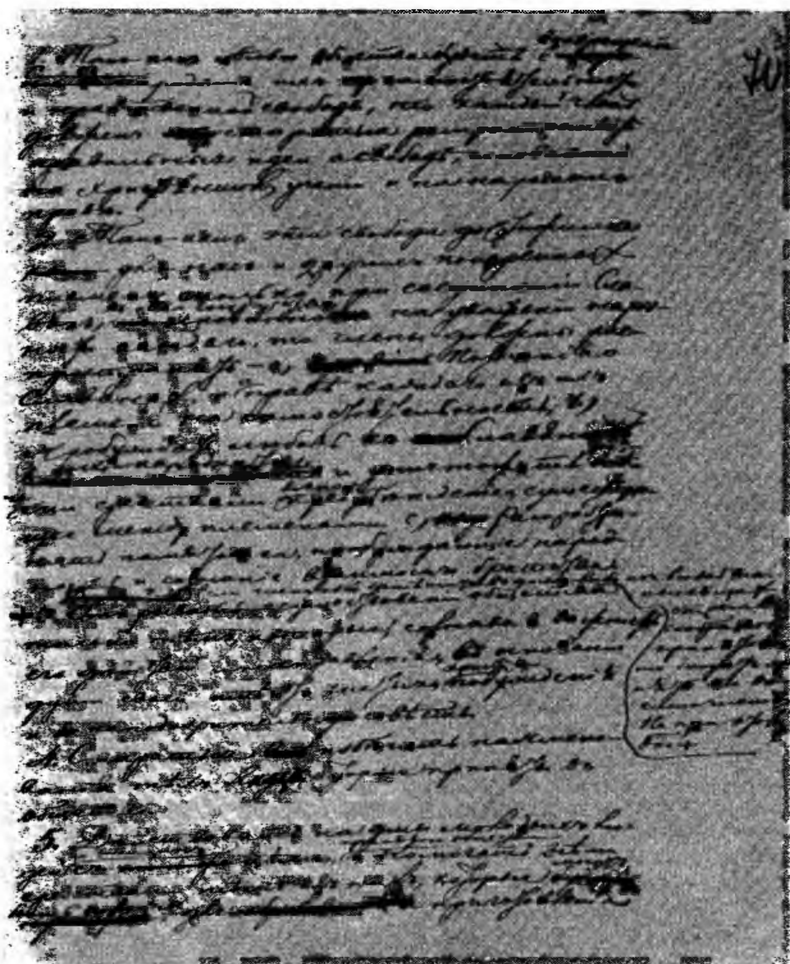
Ч. IV, арк. 65—67. Автограф.

№ 501

[1845 р.— кінець 1846 р.]. — ПОЯСНЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО СТАТУТУ КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Религия Христова дала миру новый нравственный дух, которым он не был проникнут до того времени. Спаситель открыл человечеству [57] любовь, мир и свободу, равенство для всех и братство народов [58] и новые цели [59], указанные народам для осуществления в них великих идей человеческого единства [60].

Но приняли ли народы это благовестие? Почувствовали ли они все благо, какое привносилось в их жизнь новыми лучами божественной жизни? Да и могло ли быть иначе: народы, как вянущий цветок, жаждали небесной росы, которая бы облегчила их страдания.

Пояснення В. М. Білозерського до Статуту Кирило-Мефодіївського товариства.

Те, в руках которых лежит власть и возможность творить небесную правду, исполнили надежды подчиненных народов? Призванные для братской любви и свободы, стремились ли они к утверждению оных между братьями?

Проходит 18 веков — и мы этого [61] не видим. Народы по-прежнему страдают от неправды, по-прежнему угнетаются. Счастливы те, у которых сознание своей национальности столь сильно и твердо, что [62] никакая внешняя сила не в состоянии покорить силы духовной; народ сохранит тогда и свою самостоятельность и свободное [63] развитие: и вот цель, к коей должен стремиться всякий народ, ибо горе понесшему иго!

Едва ли есть другой народ, испытавший больше страданий и притеснений от неправильных, языческих оснований правления [64], чем славянский народ, который, по словам немца, достоин бы обожания всего света, если бы его счастье, его доля была [65] соразмерной с его добродетелями [66]. Еще и теперь продолжается тот же гибельный для слав[янского] духа порядок, но [67]

славяне уже пробудились для новой жизни, для жизни самобытной и свободной. Но это пробуждение открыло им и новую жизнь и горестное положение, которое мешает их развитию: нося зародыш всего прекрасного, все (они) подавляются [68] самовластным произволом. Ни их политическая самостоятельность, ни свободное выражение мыслей и чувств, ни даже самый язык не находит себе покровительства закона; все осуждено на преследование, все подавляется личным произволом [69]. В таком же ужасном положении находится и наша свет-Украина, страна, заслужившая своими горькими страданиями за правду вечное уважение. Присоединенная на основании своих собственных прав, она претерпевает множество несправедливостей. Права ее забыты — и теперь не как сестра единоверного народа, а как раба она должна сносить все, что только есть горестнейшего в жизни народа. Ее судьба, ее будущность — на весах божих; но если долго продолжится настоящий порядок, когда ничто украинское не уважено [70], когда на нас набрасывают чуждое ярмо, когда «мы, о боже мой! — как чужестранцы в своей древней дедине, в своем собственном отечестве», то Украина должна будет погубить свое народное, деловое достояние и превратиться в нового недоляшка. И неужели в этом совершится божья правда? [Не]ужели мы своей жизнью заслужили такую низкую участь? Нет, но мы заслужим ее, если предадимся бездействию, когда будем спокойно глядеть, как [71] убивают при наших глазах величайший дар божий — жизнь народную, с ее духом — идеею, с ее целью, к которой она должна направляться. «Любить и защищать более жизни свое, щадить и не угнетать чужого — есть священная обязанность как всякого человека, так и народа, достигших уже нравственного самосознания себе и своего назначения». Как верные граждане, как верные сыны своей родины, одушевленные желанием ей всякого добра, и сознавая, что оно возможно только при выполнении завещания нашего божественного спасителя, мы должны стремиться к осуществлению в ней божьей правды, к воцарению в ней свободы, братской любви и народного благосостояния, независимого развития той идеи, которая вложена творцом в натуру нашего народа.

Ясно, впрочем, что отдельное ее существование невозможно; она будет находиться между нескольких огней, будет теснима и может претерпеть горестнейшую участь, чем потерпели поляки. Единственное средство, представляющееся уму и одобренное сердцем для возвращения народных прав, заключается в соединении славянских племен в одну семью под охранением закона, любви и свободы каждого. Соплетшись руками дружбы [72], они защитят себя от всякого варвара и возвратят свои права для того, чтобы развив в своей жизни идеи общины христианской, привнести их в жизнь потерявшей главнейшую общественную подставу — религию и [73] опять явиться в Европе с новым благом, которое ей даровала. Как и прежде, задачей их было распространение мирной земледельческой цивилизации, человеколюбивых нравственных понятий; как прежде она смягчила нравы воинственных народов, так и теперь они смягчат раздраженных бедствиями души народов, разрешением социальных задач, возвращением блага, указанного спасителем.

К этому должны стремиться все наши действия, все наши желания, и так как зародышем всякой перемены должно быть общество, которое только и может привести в исполнение известную идею, то и мы будем составлять общество на следующих основаниях:

1. Так как целью общества будет [74] возвращение славянским народам их самостоятельности и нравственной свободы, то каждый член должен стараться распространять правильные идеи о свободе, основанной на христианском учении и на народном праве.

2. Так как эта свобода достижима [75] для нас и других покоренных пле-

мен только при соединении славян [76] в одно государство, основанное на уважении народности каждого, то члены должны распространять:

а) [77] познания о славянах и о праве каждого из их племени на самостоятельность;

в) пробуждать любовь к славянам [78] и их народности и уничтожать разными [79] средствами всякое предубеждение, существующее между племенами;

с) [80] распространять памятники, пробуждающие народность и сознание взаимного братства [81].

Если член общ[ества] заметит в ком-либо из людей благомыслящих стремление, сообразное принятому, то может принять его в число членов, но при этом д[олж]но:

3. Открывать о существовании общества только тем, которые, сознавая важность его действий и направления, в основании души своей имеют чистые христианские побуждения и неподозрительную совесть.

4. Стараться избегать наименования тех лиц, которые приняты в общество.

5. Действовать на умы молодых людей и женщин с [82] целью, принятой обществом, и помогать всеми средствами тем из них, которые могут [83] быть полезны, для [84] приготовления общества к новому порядку, который наступить может. Должно действовать на ум женщин с целью указать им воспитание в духе славянской идеи.

6. Стремиться к определенной цели твердо, прилежно, осторожно и спокойно и ни в каком случае не показывать вида боязни, не подавать обыкновенным людям повода думать, что говорится и действуется в противном настоящему порядку.

7. Должно сближаться с народом [85], заботиться о его образовании и благосостоянии и обнадеживать его возможностью перемены существующего порядка.

8. Подкапывать всеми средствами несправедливые права аристократии и говорить больше о тех лицах, которые к ней не принадлежали или же действовали сообразно с демократическими правилами.

9. Так как побуждения нашего общества основаны на христианской любви и свободе, то нужно стараться, чтобы и самое достижение равенства и [86] достоинства прав человеческих совершилось в духе кротости и миролюбия. Посему главной целью поставить себе должно распространение [87] образования и идей Христовых.

10 [88]. Знакомые взаимно члены общества должны стараться иметь хоть однажды в год (если не все, то по кр[айней] мере, некоторые) съезд в избранном каком-либо месте, для взаимного совещания и отчета в своих действиях.

11. Так как цель общества основана на христианской любви и самых благородных целях и побуждениях, которые не [89] имеют в себе ничего эгоистического и панского, а, напротив, должны привести к возвращению народных прав и уничтожению всего несообразного с достоинством [90] человеческим, то каждый член должен стремиться к осуществлению славянской идеи во весь век свой, употреблять все [91] средства, какими он обладает на служение человечеству и своему народу и быть готовыми даже пострадать за правое дело. Примеры христианского самопожертвования и самоотвержения должны укрепить [92] и научить его, надежда на бога д[олж]на сопутствовать ему, любовь к народу пусть утешает его.

Наше празне место на нас чека,
Јерь е дошла доба славске века.

Единодушие и взаимная любовь, которая николи же [не] отпадает, должна соединять нас. Пусть нас радует мысль, что при наших усилиях придет

пора, когда славяне, распри позабыв, в великую семью соединятся, верные богу и братскому союзу, и тогда процветет то благо, тот мир и свобода, которые завещаны нашим спасителем.

На великом судилище народов с честью и славой предстанут славяне и смело укажут на плоды своего самобытного существования, если они к нему стремились и его желали.

Ни одно из славянских племен не обязано в той мере стремиться к [93] самобытности и возбуждать остальных братьев, как мы — украинцы.

В прошедшей жизни своей мы видим пример и плодов рабства и постоянства в борьбе за [94] свободу прав и за веру Христову. И если мы, сознающие важность подвига своих [95] предков, остаемся спокойными свидетелями неправды, если нас не научит пример погибших народностей, если мы не позаботимся о своем наследии, то по справедливости нас постигнет подобная же участь.

Нет! Мы будем беречь народное сокровище, беречь его для лучшей будущности.

Ч. IV, арк. 68—71. Автограф.
Ч. IV, арк. 84—95. Копія з поміткою: «Літера А».
Опубл.: Україна.— 1914.— Кн. 1.— С. 79—83.

№ 502

1847 р. квітня 10.— ПЕРЕЛІК З КОРОТКИМ ОПИСОМ РУКОПИСІВ, ЛИСТІВ ТА ТВОРІВ, ЯКІ БУЛО ВИЛУЧЕНО У В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО У м. ВАРШАВІ ПІД ЧАС ОБШУКУ І ДОСТАВЛЕНО В III ВІДДІЛЕННЯ

Выписка из замечательнейших бумаг бывшего учителя Белозерского

1. Рукопись, именуемая «Закон божий», на малороссийском наречии. Это вполне та самая рукопись, которой два экземпляра найдено у Гулака, и в конце оной находятся те же воззвания к братьям украинцам и к братьям великороссиянам и полякам с включением устава Славянского общества [96].

2. Стихотворение на малороссийском языке [97], писано рукою Белозерского, в небольшой тетрадке одинакового формата с упомянутою рукописью «Закон божий». И тетрадка и рукопись были сложены вместе так, что первая как бы составляет продолжение второй.

Тетрадь нескольких стихотворений на малороссийском наречии. В них говорится о страданиях, о пролитой крови, о кнуте, о Сибири и проч[ее]. Здесь находится весьма много мест, выражаются ненависть к правительству и могущих возбуждать неудовольствие в народе. В конце помещено стихотворение под названием «Сон», и хотя содержание его не то, как студент Петров в своих показаниях описывает стихотворение «Сон» художника Шевченко, но сходство названий заставляет полагать, не сочинены ли все упомянутые стихотворения Шевченкою.

4. Листок, писанный Белозерским о том пути, который приводит к идее о славянстве, следующего содержания: [...] [98].

5. Несколько листочков, писанных Белозерским, о панславизме, возрождении иллирийской народности и подобных предметах. Это большей частью выписки из сочинений бывшего профессора славянских наречий в Париже Киприана Роберта. В них развивается идея о сродстве славянских племен, необходимости соединения их в одно целое и о средствах к этому соединению [99].

6. Рукопись Белозерского в виде рассуждения о неестественном состоянии славянских племен, находящихся под властию государей, о необходимости действовать к освобождению их, преимущественно малороссиян,

и принятии мер к этому. Эта рукопись, одна из преступнейших по содержанию, прилагается переписанной в особой тетради [100].

7. Проект просьбы к правительству о дозволении учредить в Малороссии, на счет пожертвователей, училища, преимущественно для казачьих сыновей, дабы преподавать им начальные науки и разливать образование, сообразное низшему классу народа. Хотя эта просьба изложена в благовидных выражениях, но в ней проявляется скрытая мысль, что разливать просвещение в простом народе предполагается с целью распространять преступные идеи.

Мысль эта делается тем более ясною, что в уставе Славянского общества сказано, что оно действует не насильственными средствами, а разлитием в простом народе образования [101].

8. Записка [Куліша] на малороссийском наречии, в переводе значущая следующее: [...] [102].

9. Письмо Навроцкого к Белозерскому, на малороссийском наречии, в переводе следующего содержания: [...] [103].

10. Письмо, без подписи, Марковича к Белозерскому [...] [104].

11. Записка того же Марковича к Белозерскому: [...] [105].

12. Письмо Вернацкого [106] из С.-Петербурга. Здесь выписаны буквы эфиопской грамоты с соответствующими им латинскими буквами. Хотя Вернацкий сообщает их для сравнения с глаголитскою азбукою и хотя доселе в бумагах прикосновенных лиц не оказывалось писем иероглифических, но на упомянутое письмо обращено внимание на тот случай, если впоследствии откроются бумаги, писанные символическими буквами [107].

13. Записка Белозерского с означением адресов знакомых ему лиц [108].

14. Писанная Белозерским копия с проекта об уничтожении грекороссийского [веро]исповедания в отторженных от России областях, представленного в 1786 г. государственным чинам ксендзом иезуитским [109].

Ч. IV, арк. 72—83. Копія.

№ 503

1847 р. квітня 10.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО І. Ф. ПАСКЕВИЧА ПРО ДОСТАВЛЕННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ П. О. КУЛІША З ПАПЕРАМИ ТА НЕОБХІДНІСТЬ НЕГАЙНО ЗААРЕШТУВАТИ У ВАРШАВІ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО І ТАКОЖ ДОСТАВИТИ В ПЕТЕРБУРГ

Весьма секретно и нужно

Его светлости кн. И. Ф. Варшавскому

10 апреля 1847 г., № 565

М[илостивый] г[осударь] кн. Иван Федорович!

Чиновник 9-го класса Кулиш доставлен в С.-Петербург и, между прочим, показал, что в Варшаве, на одной квартире с ним жительствовал бывший студент Киевского университета Василий Белозерский, который там и остался.

Как вместе с бугами Кулиша ваша светлость из предосторожности изволили доставить и бумаги Белозерского, из которых по первообзору и беглому взгляду обнаруживается, что и он есть один из важных соучастников Славянского общества, то по высочайшему повелению, имею честь покорнейше просить вашу светлость, не благоугодно ли вам будет приказать немедленно арестовать Белозерского, внимательно осмотреть, не осталось ли у него еще каких-либо бумаг, и, со всеми бумагами и вещами, отправить

его в С.-Петербург, в III отделение с. е. и. в. канцелярии, в сопровождении благонадежнейшего чиновника и под самым строгим надзором.

С отлич[ным] уваж[ением] и проч[ее]

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. IV, арк. 96—97. Відпуск.

№ 504

1847 р. квітня 10 (22).— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО І. Ф. ПАСКЕВИЧА ПРО ПРИБУТТЯ ЗААРЕШТОВАНОГО П. О. КУЛІША У м. ПЕТЕРБУРГ

Au Prince de Varsovie

Le $\frac{10}{22}$ Avril 1847

Mon Prince,

Le Sr Kulesza dont Votre Altesse m'annonce l'arrestation, par Sa lettre du $\frac{3}{15}$ de ce mois, vient d'arriver à St. Pétersbourg dans la nuit du 9 au 10 avril, avec tous les papiers et effets saisis dans son logement. La sagacité et la prévoyance qui président d'ordinaire à toutes les dispositions de Votre Altesse en pareille circonstance, se sont manifestées une fois de plus dans celle-ci, puisqu'on ne s'est pas borné à saisir seulement les papiers appartenant à Kulesza lui-même, mais on a mis aussi la main sur ceux de son compagnon de logis Bielozierski, qui est un de principaux acteurs dans l'affaire qui a motivé l'arrestation de Kulesza.

J'aurai l'honneur d'adresser incessamment à Votre Altesse un office au sujet du Sr Bielozierski: en attendant je me fais un devoir de Vous transmettre ci-jointe une lettre du Sr Kulesza à sa femme.

Il appartiendra entièrement à Vos lumières, Mon Prince, de décider, si cette lettre devra être remise à son adresse, ou non, je me permets seulement d'appeler Son attention sur les phrases ambigues qui concernent la Dame avec laquelle Kulesza conseille à sa femme de faire le voyage à St. Pétersbourg et au cousin qu'elle doit prendre avec elle dans ce voyage.

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. IV. арк. 98—99. Відпуск.

Переклад з французької мови

Князю Варшавському

10 [22] квітня 1847 р.

Князь!

Пан Куліш, про арешт якого ваша високість мене повідомила листом від 3 (15) цього місяця, щойно прибув у Петербург вночі з 9 на 10 квітня з усіма паперами і речами, забраними на його квартирі. Мудрість і передбачливість, які правлять у всіх рішеннях вашої високості у подібних випадках, були ще раз підтверджені у цій справі, бо не обмежились взяттям, вилученням тільки паперів самого Куліша, але взяли папери також його спільника по квартирі Білозерського, який є одним з головних учасників справи, що обумовила арешт Куліша.

Я матиму честь скоро переслати вашій високості справу, що торкається Білозерського, а поки що я повинен вам передати лист Куліша до дружини, який додається. Вам належить повністю вирішувати, ваша світлість, чи повинен цей лист піти по своїй адресі, чи ні, я дозволю собі тільки звернути вашу увагу на двозначні речення, які торкаються дами, з якою Куліш радить дружині їхати до Петербурга, і кузена, якого вона повинна взяти з собою в цю поїздку.

№ 505

1847 р. квітня 11 (23).— ВІДНОШЕННЯ І. Ф. ПАСКЕВИЧА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО АРЕШТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО У ВАРШАВІ ТА НАПРАВЛЕННЯ ЙОГО В III ВІДДІЛЕННЯ

Секретно

Его сият[ельству] гр. А. Ф. Орлову

11 [23] апреля 1847 г., № 656

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Варшавский военный генерал-губернатор донес мне о полученном им отзыве черниговского гражданского губернатора об арестовании по объявленному вашим сиятельством высочайшему повелению находящегося ныне в Варшаве дворянина той губернии Василия Михайлова сына Белозерского и доставлении его, при благонадежном чиновнике, в С.-Петербург, в III отделение с. е. и. в. канцелярии со всеми его бумагами.

Предписав генерал-адъютанту кн. Горчакову отправить немедленно помянутого Белозерского в сопровождении офицера и рядового корпуса жандармов по назначению, со всеми его бумагами, честь имею уведомить о том ваше сиятельство.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Варшавский

Помітка: К сведению.
Помітка про одержання: 18 апреля 1847 г.

Ч. IV, арк. 100. Оригінал.

№ 506

1847 р., квітня 11 (23).— ВІДНОШЕННЯ ВАРШАВСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М. Д. ГОРЧАКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО АРЕШТ ТА НАПРАВЛЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО III ВІДДІЛЕННЯ

Секретно

В III отделение с. е. и. в. канцелярии

Апреля 11 (23) 1847 г., № 165

По случаю выбытия в Варшаву дворянина Черниговской губ. Василия Михайлова сына Белозерского черниговский гражданский губернатор, вследствие отзыва шефа жандармов г-на генерал-адъютанта гр. Орлова на имя черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора последовавшего, отнесся ко мне о приведении в исполнение изъясненного в сем отзыве высочайшего повеления насчет арестования Белозерского и отправ-

ления его в III отделение с. е. и. в. канцелярии со всеми бумагами, какие при нем будут найдены, не подвергая их осмотру.

Вследствие сего помянутый Белозерский арестован в Варшаве и на основании разрешения его светлости наместника Царства [Польского] отправляется мной при сем в III отделение с. е. и .в. канцелярии с найденными у него бумагами, опечатанными полицией на месте.

Для сопровождения сего арестанта в С.-Петербург назначен варшавского жандармского дивизиона прапорщик Миткевич и один конвойный жандарм. Офицер этот снабжен деньгами на путевые издержки от Варшавы до С.-Петербурга и обратно, а также надлежащей инструкцией насчет наблюдения за арестантом в пути и сдачи его с бумагами в III отделение с. е. и. в. канцелярии под надлежащую квитанцию.

Варшавский военный генерал-губернатор,
генерал-адъютант кн. Горчаков
Правитель канцелярии А. Козачковский

Помітка про одержання: 18 апреля 1847 г.

Ч. IV, арк. 101—102. Оригінал.

№ 507

1847 р. квітня 18.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА III ВІДДІЛЕННЯМ ЖАНДАРМСЬКОМУ ПРАПОРЩИКУ МИТКЕВИЧУ, ПРО ДОСТАВЛЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО У м. ПЕТЕРБУРГ

Квитанція № 616

Дана сия варшавского жандармского дивизиона прапорщику Миткевичу в том, что доставленный им в сопровождении одного жандарма из Варшавы дворянин Василий Михайлович Белозерский, с его бумагами и вещами, принят в исправности в III отделении с. е. и. в. канцелярии.

Апреля 18 дня 1847 г.

Под[писал] старш[ий] чинов[ник] Попов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. IV, арк. 103. Відпуск.

№ 508

1847 р. квітня 21.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО І. Ф. ПАСКЕВИЧА ПРО НАДАННЯ ВІДПУСТКИ ЖАНДАРМУ ЗА ДОСТАВЛЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО У м. ПЕТЕРБУРГ

Ч. IV, арк. 104. Відпуск. Не публікується.

№ 509

1847 р. квітня, не раніше 18[110].— ЗАПИСКА ПРО ДОСТАВЛЕННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ПАПЕРІВ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

О новых бумагах Белозерского

По внимательнейшем рассмотрении бумаг, доставленных с бывшим учителем полтавского кадетского корпуса Василием Белозерским, не оказалось в них решительно ничего преступного. Они состоят из писем братьев Белозерских к их родной сестре (жене Кулиша) и к самому Кулишу и из писем других родственников их о делах семейных. Находятся еще отрывки

из стихотворений Пушкина (напечатанных) и других поэтов, песни на малороссийском языке и подобные бумаги совершенно незначительного содержания.

Незначительность бумаг Белозерского объясняется тем, что все важное уже доставлено прежде в числе бумаг Кулиша, жившего с ним в Варшаве на одной квартире; притом же, если бы у Белозерского и оставались еще бумаги преступного содержания, то после арестования Кулиша, он, вероятно, все уничтожил.

Ч. IV, арк. 105—106. Копія.

№ 510

1847 р. квітня 24.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы предложенные бывшему учителю Василию Белозерскому и ответы его

24 апреля 1847 г.

1. *У чиновника Гулака находился устав Славянского Общества, переписанный Вашею рукою, а также бумаги Ваши и других лиц доказывают, что Вы участвовали в замыслах Славянского общества св. Кирилла и Мефодия. Объясните подробно: когда и кем было учреждено это общество, а если предположение об учреждении его еще не приведено в исполнение, то кем и когда были делаемы эти предположения?*

1. Устав Славянского общества, найденный в бумагах Гулака, действительно переписан моею рукою и составлен на основании разных сочинений, действовавших на наше воображение, а также по примеру тех ученолитературных обществ, которые существуют у чехов, лужичан и сербов. Впрочем, уже прошло тому столько времени и образ мыслей моих и стремлений с тех пор до того изменился, что я совершенно забыл о существовании устава, и теперь не помню ни одного пункта из оного.

Общество это существовало только в мысли, а не на деле, и никто не принимался за его учреждение и распространение. Название «общество» употреблено было не в том смысле, какой именно оно имеет и притом человеком, который даже не понимал подозрительного значения этого слова. Под «обществом» разумеется большое число людей, связанных между собою чем-либо одним, для всех их общим. Но в то время, когда я задумал об «обществе», я был один, когда же к этому слову прибавлено было — св. Кирилла и Мефодия, нас было трое: я, Костомаров и Гулак. На дальнейшее число оно не распространялось, ибо мы скоро увидели несообразность и неопытность наших мыслей. Мы заблуждались на время, и я постараюсь подробно, сколько сохранила моя память, изобразить путь моего заблуждения.

Жизнь человеческая бедна без деятельности, но оттого, какое направление примет деятельность, и жизнь человека становится правильною или неправильною, полезною или вредною. Горе молодому человеку, если какаянибудь мысль привьется к нему в то время, когда он еще слишком неопытен и не в состоянии понять и обсудить ее основательно. Тогда деятельность его уподобляется колосу, обвитому негодным растением, он мало-помалу хилеет, теряет свою силу и, если благодетельная рука не избавит его от вредоносного привитка, вместо того, чтобы принести плод, становится бесполезной соломой. Так было со мною.

Будучи студентом, я читал с большим вниманием все, что относилось к славянам, и так[им] обр[азом] постепенно знакомился с историею, литературою и языком славянских племен. Меня восхищало воодушевление,

с которым они стараются возродить свою народность, и всякий порыв поэта или ученого к поддержанию их в этом стремлении меня радовал. Наконец мне стала известна идея панславизма, и она до такой степени меня восхитила, что я предался ей всем сердцем. Я читал рассуждения pro и contra оного во французск[ом], немецк[ом] и наших журналах и долго не знал, на чем остановиться. Наконец, я сделался поборником панславизма и так объяснял себе его значение:

Панславизм есть соединение всех славянских племен в одну общую семью, которая, будучи воодушевлена любовью к человечеству, должна развить в среде своей христианские правила жизни, применить их к обществу, и так[им] обр[азом] принести новый элемент и, так сказать, дать новый толчок для всемирной деятельности. Посему всякое препятствие к полюбовному соединению славянских племен, должно быть отвергаемо. К таковым препятствиям относились: а) влияние чуждых племен на славян, вредное в том отношении, что славяне не могут подать друг другу руку помощи и забывают свое общее родство и народность; б) происходящее оттого разъединение и вражда славянских племен; в) разность религий, ими исповедуемых; г) непросвещенность и недеятельность многих членов общества.

Вследствие сего: а) должно стараться отдалять влияние чужеземных идей, исполненных космополитизма и противных славянским чувствам; б) утверждать в славянских племенах сознание их общей народности. От этого произошло недовольство многими мыслями, встречаемыми в некоторых журналах, уничтожающими народное чувство и желание собирать материалы, относящиеся к изучению Малороссии. Должно стараться поселять согласие и любовь между племенами, раздружившимися от стечения обстоятельств; в) разъяснять вопрос о первоначальном введении христианской веры у славян и показать древнейшее исповедание ими веры греческой, к которой склонялись сами протестанты, как в прежнее, так и в новейшее время, по причине ее неискаженности, сохранившейся от времен апостольских и духа любви, который в ней преобладает; г) заботиться о распространении правильных сведений и образованности и возбуждать к деятельности ученой или гражданской тех, кто имея для этого способности, сим пренебрегают.

В то время я был нездоров и начал думать о том, каким образом скорее увидеть исполнение своих желаний касательно славян; тогда же, раздосадованный, сколько припоминаю, какою-то выходкой против славян и Малороссии в библиотеке для чт[ения], в ипохондрическом расположении духа написал (в этом должен я с великою горестью сознаться!) ту небольшую, но преступную статью, о которой упоминается в вопросе 4. В ней, видимо, говорит болезненный человек, противоречия в мыслях явно это показывают. Здесь есть желание равенства, навеянное французскими идеями, и вместе потребность действовать в духе кротости и миролюбия, свойственных действительно (осмеливаюсь это сказать) моему характеру. Я совершенно забыл эту статью и, свидетельствуюсь богом, не знал, что она у меня хранится. Наверное знаю, что никто оной не имел и, без всякого сомнения, не имеет. Читая, я не верю, чтобы это я написал: так несвойствен мне самый слог упомянутого сочинения и судорожные выражения оного.

Неестественное настроение, в котором находились мои мысли, не могло остаться на долгое время, и как только опытность и познания исторические расширились, я увидел, что в моем образе мыслей было много мечтательного и детского — они начали опадать, как увядшие листья; я увидел, что думать так, как я думал, значит желать, чтобы история совсем изменила свой ход, что невозможно по причине непреложных законов, лежащих в ее основе. Тогда мысль моя обратилась в другую сторону.

И хотя и в то время я был слишком еще неоснователен и неопытен, но

по крайней мере избрал для себя целью, которая была ближе и ко мне и к исполнению. Я обратил большее внимание на себя самого и начал прилагать старание об исправлении своих собственных недостатков и о том, чтобы дары христианского учения и просвещения передавать другим, с коими буду поставлен в соприкосновение. Однако ж чувство любви ко всем славянам вообще и к русским в особенности, меня не оставляло, но сделалось тише и натуральнее, и я боялся уже заниматься мечтательными предположениями, ни к чему не ведущими.

В это время я познакомился с Костомаровым и Гулаком, которые, подобно мне, занимались изучением славянского мира по разным отраслям, и идея панславизма равно их занимала. Мало-помалу разговоры наши склонились к славянам и общая любовь к ним воодушевила и сблизила нас друг с другом. Нас особенно досадовало то равнодушие к родственным племенам, которое замечали в своих журналах, и неразумение славянского вопроса, встречаемое в обществе, но мы радовались, что наше правительство знает это, и, по-видимому, покровительствует славянскому движению. Мы соглашались в средстве, которое должно избрать для того, чтобы поселить в русских сочувствие к славянам и к их идее составить между собою дружеский союз, который бы старался действовать на читателей, ознакомляя их с славянами, и в воспоминание этого носить кольца или образа с изображением просветителей славян христианскою верою. Буквы для написания имен избраны Костомаровым глаголитские, как древнейшие. Но это не считалось необходимым условием, ибо заключало в себе нечто подозрительное: мы же не думали скрываться, но говорить об этом во всеуслышание не решались, опасаясь осмеяния, коим обыкновенно встречают людей и особенно молодых, которые хотят произвести нечто новое. Имел ли кто подобные кольца или образ, мне неизвестно; я же не имел ни того, ни другого.

Мы думали, что правительство одобрит наши старания, целью коих в это время не было ничего противного. Особенно нас интересовала мысль о соединении славян во единое государство с однoю, притом господствующею, религиею, и мы создавали в своем воображении разные средства, какие могли бы привести ее в исполнение. Одна Россия, говорили мы, способна совершить такой переворот и не убоится стать лицом к лицу с остальною Европой. Для этого необходима только твердая воля и ум сильный, который бы мог направить ее действия смело и прямо к цели, следовательно, один только ныне царствующий император может совершить это великое дело. Иногда нам казалось, что это непременно при нас сбудется, а иногда предполагали, что государю неугодно будет подать руку спасения страждущим (так мы думали) племенам славянским, потому что его внимание устремлено на внутреннее устройство собственного государства, что, следовательно, деятельность его чрезвычайно обширна.

Поэтому, мы думали, следует устремить на этот предмет свое старание и действовать научным путем — нам, занимающимся наукою и принявшим на себя обязанность наставителей. Единственным средством для сего мы предполагали — воодушевление всех славян, и русских в особенности, этой идеей, распространяемой во всех слоях общества посредством просвещения. Мы думали, что если народы славянские почувствуют сильно потребность братского соединения, то оно должно само собою совершиться, ибо иностранные державы увидят явную невозможность удержать моральное стремление славянских племен и сами собою уступят то, чем завладели во время бедствий, постигших славянские народы в разные эпохи.

Такое течение мыслей привело нас к той, что главным препятствием к распространению у славян образованности, долженствовавшей развить в них сознание взаимного братства, мы почитали крестьянство, которое нигде не представляется в таком виде, как в Малороссии. Право владения

крестьянами мы считали вредом для государства, и нам казалось, что правительство старается более и более ограничить, смягчить это право, и не преминет случая, когда может освободить крепостных. Мы думали, что обязанность помещиков и всякого, имеющего средства как по человеколюбию, так и для взаимной выгоды, облегчать положение крестьян, заводя для них школы, сообразные с их земледельческим бытом, на что правительство не может употребить сумм, которые бы не восполнились; для казенных же крестьян заведены школы. Мы всегда думали, что правительство не в пример великодушнее общества, мы полагали, что наши стремления, проистекающие единственно из любви к человеку, найдут у него покровительство, что нам следует только писать полезные для народа сочинения, а оно распространит их. Мы основывались на том, что издаются «Сельское чтение» и другие книги — для простонародья [111], заводятся для него приюты, и я так был в этом уверен, что, несмотря на свою неопытность, написал начерно проект просьбы о заведении в Полтаве школы для детей, взятых из селений, в которой бы обучались закону божию, ремеслам простым, земледелию и соприкосновенным с ним сведениям, полезным для домашней сельской жизни, с той целью, чтобы обучавшийся, по окончании курса, возвратился в свой дом и к занятиям своего состояния, но с более основательными сведениями, которые бы представляли ему возможность извлечь более удобств и выгод в своем быту. Этот проект начинается следующими словами: «Благодетельнейшая цель правительства — ввести мало-помалу образование в быт низшего класса народа, полезное в его домашней и сельской жизни,— не может быть достигнута вдруг, по причине огромных требований и недостатка в деятелях-образователях». Эта мысль показывает, что я не почитал противным правительству старание о введении образованности в простой народ, притом я намеревался представить сей проект в Палату госуд[арственных] имуществ, и, в случае дозволения, собирать пожертвования не только денег, но и материалов, потребных для устройства маленькой школы, в виде опыта, но мне отсоветовали это, как бесполезное и неудобоисполнимое. Кроме вышеизложенной, я не имел никакой другой цели, считая полезным заведение школы. Чем более мы приобретали опытности, тем более уверялись в несообразности наших понятий, мы видели, что общество не может сочувствовать им, и наши мысли становились правильнее, желания умереннее и основательнее. Название «общество» для нас исчезло и даже сделалось смешно, ибо не имело никакого применения. Костомаров по свойству своего характера, наклонному к строгому исследованию истории, обращал наше внимание на изучение фактов и советовал бросить славянскую хвастливость; Гулак, будучи характера серьезного и укрепленного немецкою ученостью, требовал, чтобы Костомаров доказывал свои мысли фактами, и мы соглашались с ним в том, что русский народ является в своей истории с характером мощным, и что следует предоставить движение славянских племен истории, коей течение должен указать представительствующий им народ русский. Я старался поддерживать в них любовь к племенам славянским, которых историческую жизнь они, наконец, стали подвергать строгому критическому разбору, и доказывал великую важность славян в развитии добродетелей и жизни, равно и поэзии, несмотря на слабое участие их на пути всемирной образованности. Мы согласны были, наконец, в том, что правильности идей необходимо твердое познание фактов и близкое знакомство с характером народа, с его установлениями, поэзиею, нравами, обычаями и проч[им], и мы стали серьезно заниматься изучением славянских народов. Первым и главным средством к этому — язык изучаемого народа, и так как малороссийск[ий] яз[ык] был из незнакомых к нам ближайшим, то мы обратились к занятию оным. С этим соединялось изучение русской истории, и нас стали занимать все подробности древней ее части:

мы, можно сказать, погрузились тогда в имена и факты, которые много нас образумили.

В таком расположении были наши умы, когда Маркович и Навроцкий познакомились ближе с Костомаровым, со мною и Гулаком они были знакомы и прежде, и мы их любили за добрые качества их сердца. Но они не сочувствовали тому интересу, какой возбуждали в нас славяне, ибо никто, кроме нас, не занимался славянством. Они в ту пору находились посреди наших толков о норманнах и варягах, о язычах, берендеях, торках и других народах, некогда населявших нынешние земли, что их мало интересовало. У них была только любовь к родной стране, к языку ее и поэзии, и вообще ко всему русскому, родному, и к науке, их занимало объяснение религиозных и нравственных истин, славян же они не знали и поэтому не могли сочувствовать тому воодушевлению, с которым мы об них говорили. Скоро наступил мой вызов в полтавский корпус, перед выездом моим познакомился с нами Посяда и Андрузский, был ли последний знаком с Костомаровым — мне неизвестно.

Я отправился в Полтаву, Костомаров от продолжительных и непрерывных занятий заболел и по совету врачей отправился для излечения морскими ваннами в Одессу. Мы расстались охладевшие к славянской идее и только думали об изучении фактическом, о собственном нравственном совершенствовании и о верном выполнении своих обязанностей. Внимание наше наиболее было устремлено теперь к человеколюбию и науке. С тех пор прошло 10 месяцев, и в настоящее время едва ли не каждый из нас отказывался от всяких идей, созданных a priori [112] воображением и не желал учиться и утверждаться в истине опытным образом. Оставались непоколебимыми те только идеи, кои составляют главную характеристику русского.

Я высказал свою исповедь, изобразил верно тот путь, по которому блуждал, пока вышел из этого омута мысли. Мы несчастливы, тем, что сделались известны как преступники прежде, чем успели совершенно очиститься от признаков давней болезни. К тому же свойство молодости увлекаться чемлибо на время; быть может всякий молодой и потом, в возмужалых летах, достойнейший человек, мечтал в юности и строил планы, которые сами собою уничтожались с наступлением зрелого возраста, и только что смешили впоследствии, это действительно и со мною случилось. И я твердо надеюсь, что высокая милость примет во внимание те действия, в которых отразилось наше поведение, как людей здоровых, и мы не будем судимы строгим, но милостивым судом!

2. Кем сочинены упомянутый устав и правила Славянского общества, кто распространял и у кого, кроме вас и Гулака, находились экземпляры их?

2. Объяснено в 1 и в конце показания. Сколько мне известно, никто не распространял устава Сл[авянского] общ[ества] и ни у кого, кроме Гулака (я не знал доселе и об этом), оного не находилось.

3. Кем переписана тетрадь, найденная в бумагах Ваших, которую называют: «Закон божий», с возмутительными воззваниями в конце, от кого получили Вы эту рукопись, и кто распространял экземпляры оной?

3. Кем переписана поименованная тетрадь с названием, о котором я никогда не слышал, мне совершенно неизвестно.

Имеет ли еще кто-либо подобную рукопись и распространял ли кто экземпляры оной, мне тоже неизвестно, а я никогда не думал о распространении оной.

4. Кем написана находившаяся у Вас руко ись, служащая как бы истолкованием уставу Славянского общества, о неестественном состоянии славянских племен под властию государей, о необходимости действовать к освобождению их, преимущественно малороссиян, и принятию мер к этому. Для чего хранили Вы эту рукопись и не находятся ли экземпляры оной еще у кого-либо?

4. Ответ находится в первом объяснении.

5. Кем изобретены символические знаки общества и образа во имя св. Кирилла и Мефодия, кто именно имел и не было ли у Вас оных?

5. Объяснено в 1.

6. В чем состояли подробности предположений славянистов, каким образом надеялись они соединить славянские племена, восстановить самобытность каждого племени и особенно Малороссии?

6. Предположения касательно соединения славянских племен описаны в 1. Что же касается до самобытности славянск[их] племен, то ее не представляли политически отдельною в каждом, а чем-то подобным тому, как семьянин в родной семье, в которой он зависим от другого старшего члена и вместе независим по тем правам, какие дает ему любовь старшего. Об отдельной самобытности Малороссии никто из славянистов не мечтал; желали того только, что описано в 1, именно: освобождения крестьян, просвещения, любви к своему языку и процветания литературы. В этом они полагали самобытность всякого народа. У славянистов желания склонялись на сторону моральную и отнюдь не к материальной.

7. Какие замыслы были против настоящего образа правления в России и какое правление предполагалось ввести в Малороссии и вообще в славянских землях?

7. Вопрос касательно правления в России и в других славянских землях не мог занимать славянистов. Они не имели никаких замыслов против правления и всякое правление, вытекающее из хода истории, под коим процветает спокойствие и благосостояние народное, признавалось ими вполне справедливым. В таком виде сохранилось это в моем воспоминании.

8. Каким образом славянисты предполагали распространить образование между крестьянами и тем приготовлять народ к восстанию?

8. Касательно распространения образования между крестьянами подробное объяснение находится в 1. Славянисты не только не думали употребить образование как орудие к восстанию, а напротив, просвещение считали предохранительным средством против кровопролития и насилия. Дух кротости и миролюбия христианского составлял всегда главную заботу славянистов, и на многие восстания народные в землях славянских они смотрели, как на действия враждебной и вредной для славян политики чужеземцев. Необразованный человек, с грубыми чувствами и понятиями, в порыве гнева ужаснее зверя, что доказали мужичьи воины; просвещение же должно смягчить сердце человека, образовать ум, указать определенное для всякого место в обществе и примирить его с тем состоянием и обязанностями, к которым он определен богом и волею правительствующей. Мысль о следствиях горестных необразованности раздраженного человека выражена и в послании к землякам у Шевченко, где он говорит: «Ибо необразованное око заглянет в вашу (разумел помещиков) душу слишком глубоко».

9. Кто и в каком виде хотел учредить школы для простого народа, сочинять книги и какого содержания, кто собирал деньги для этих целей, и не предназначались ли деньги для каких-либо других преступных намерений?

9. О школах подробно сказано в 1. Учреждение школ было общим желанием всех, размышлявших о пользе общей; особых планов, по которым бы устраивались школы, сколько мне известно, не было, содержание книг, назначенных для простого народа, тоже не было определено, но, без сомнения, они были бы религиозного, нравственного и общеполезного содержания, необходимого, одним словом, для человека в простом быту. Но так как учреждение школ оставалось только предположением, которое не могло ис-

полниться, то ни планов, ни книг, ни собранных денег решительно не существовало и ни на что преступное не было употреблено ни одной копейки.

10. Не было ли предположений действовать оружием, и если было, то когда и каким образом намерены были употребить это средство?

10. Действовать оружием никогда и ни у кого не было в намерении. Это всегда ужасало славянистов, которые считали такое действие преступным и противным любви и миру, Христом заповеданным.

11. Кто из приверженцев славянистов наиболее действовал, склонял и возбуждал к преступным замыслам, не было ли одного, который всем руководил, или, не было ли представителей в отдельных партиях общества, напр. славянской, малороссийской и тому подобное?

11. Так как идея славянства была только выражением частного настроения некоторых молодых голов, а не чем-либо общим, и притом идея эта постепенно принимала вид более спокойный и опытный, весьма натуральный, в людях, с любовью занимающихся наукою и бросивших мечтания о переворотах, зависящих от свыше начертанного хода истории, а не от действий человеческого расчета, то и не могло явиться ни одного приверженца славянства, который бы стал действовать и возбуждать усиленно других к преступным замыслам, что уже выходило бы за пределы мысли. Общество же славянистов и в полном, так сказать, расцвете своем было, можно так выразиться, столь ничтожно по числу участников, что не могло вместить в себе ни одной партии.

12. Опишите подробно все действия Костомарова, Гулака, Шевченко, Кулиша, Навроцкого, Андрузского, Марковича, Посяденко, помещика Савича, бывшего профессора Чижова и других вам известных лиц, каждого особенно и о каждом все, что знаете, в отношении к замыслам славянистов?

12. О действиях лиц, мне известных, я выскажу все, что считаю уместным и что знаю. И если мое суждение будет клониться в пользу их характера, то, да не покажется это пристрастным, либо умышленным. Моими словами будет руководить искренняя совесть.

Действия Костомарова, имевшие кажущееся отношение к задаче общества, состояли в том только, что он старался поселять в учениках своих любовь к родственным славянск[им] племенам, основанную на беспристрастном суде о их достоинствах и недостатках. Это, нужно заметить, занимало самую малую часть его деятельности. Два года был он учителем гимназии и несколько месяцев преподавал русскую историю в университете. Он вел жизнь уединенную, посвященную прилежнейшему изучению исторических материалов и приличную человеку, совершенно преданному науке, составлял лекции по части всеобщей и, преимущественно, русской истории, в преподавании коей им было принято за правило не вводить собственных придуманных идей, а представлять лишь живо картину прошедшего, самые факты истории. Выполнение учительской должности безукоризненным образом он считал своею священною обязанностью, и ничто не могло отвлечь его от урока. В характере Кост[омаро]ва была та особенность, что он, в противоречие с ему свойственным строго критическ[им] исследованием фактов, как бы нарочно увлекался каким-нибудь, иногда самою обыкновенною идеей, которую он хотел себе уяснить, и, доведя в своем воображении оную до крайности, оставлял ее, как бесполезную. От этого, напр[имер], произошло то, что он захотел видеть свое сочинение «Мифология славян»[113] напечатанным церковнославянскими буквами, и потом сам жалел об этом. К концу сего времени он видимо становился серьезнее и осторожнее и одушевлялся для учено-литературной деятельности. Сколько мне известно, ни с кем, кроме нас, Кост[омаров] не сближался.

Гулак преимущественно занимался юриспруденциею; первоначально изучал римское и германское право, а потом законодательство и вообще

жизнь славянск[нх] народов. Из Дерптского уннверситета он вынес редкие познання, любовь к ученым занятням и немецкую честность и порядочность. Он желал, чтобы все существующее вытекало из логическнх законов и осуждал всякнй поступок, который не подходнл под оные. Во всех его действиях выражалась необыкновенная скромность и благоразумне, свойственные его характеру; поступкн его были напечатлены честностью и уважением к праву каждого человека, на обходнтельное с ним обращение. Сужденне свое он предлагал с величайшею осторожностью и без всякой самоуверенностн, как бы ни был убежден в справедливости оного. Гулак не старался о том, чтобы распространить идеи, которые его занимали, а больше заботнлся о том, чтобы объяснять их для самого себя [114]. С этой целью он и храннл бумагн, заключавшие в себе предметы, на кои ум его некогда устремлялся. Выполненне закона он считал непреложным.

Шевченко, сколько я мог заметнть в короткие наши встречн, всегда являлся как поэт-сирота, испытавший в жизни много горя и, кажется, еще более страдавшнй в себе самом. Он вндимо мучился своим положением и по временам старался погрузиться в забытье, употребляя горячне напитки. Кажется, в таком состояннн он написал (большую) многне свон стихотворення, потому что часто не понимал сам написанного. В последнее однако ж время он стал вннмательнее замечать свои недостатки, заботился о своем образованнн и часто жалел о многом, что напнсал, желая, чтобы оно не существовало. От него почтн никогда нельзя было услышать собственного его стнхотворення, нногда только он начннал пронзносить сам для себя какне-лнбо стихн, н обыкновенно заканчивал словами — не знаю! Едва ли кто слышал от него какое-ннбудь патрнотическое желанне или убеждение, он не старался ннкого привлекать на свою сторону. Он болезновал только над положением крестьян и выражал свою досаду на помещиков или рассказывал какой-ннбудь смешной анекдот, илн с горькнм смехом пронзносил отрывистую фразу. Иногда он говорил: «Я нічого не хочу — тільки щоб люди свого не цурались». Любил он петь малороссийскне песнн, которые ставнл выше всех своих пронзведений, часто пел он н русские, и восхнщался ими. Можно думать, что он не нмел никаких дерзкнх намереннй и в естественном состоянии не сочувствовал тому, что написал под влияннем печального расположения духа. С летами он, без сомнення, весьма переменнлся, сердце у него доброе, но невоспитанное н несчастное — н, быть может, сам он причиною своего несчастья.

Кулнш принадлежит к чнслу таких людей, которые свонм благородством, честностью, великодушием и благоразумием заставляют уважать его каждого, кто нмеет с ннм дело. Он человек практнческнй и деятельный, и не любит бросаться то на то, то на другое, н особенно не жалует того, что не одобрено спокойным рассудком. Деятельность его наиболее сосредоточилась на лнтературе и на совершенствованни жизни, которое он преимущественно полагает в деле, н только дело считает существенностью. Всякое увлечение, не имеющее определенной полезной целн, на которую тотчас же указать можно, для него протнвно. Жизнь свою он проводнл, занимаясь литературою н живопнсью; делать добро без отлагательства там, где представнтся случай, он считает главною обязанностью. Такой человек не мог увлечься ннкакимн видамн, нн замыслами, н то показание ошибочно, будто бы он стоял во главе малоросс[ийской] партин. Подобной партни никогда не существовало. Он действительно стоял во главе, но как знаток родной старины, н отнюдь не как прнверженец нзвестной идеи, которая бы искала поборнников и еднномышленннков для совершения какого-либо нелнтературного дела. Демократический дух, замечаемый в его сочинениях, пронсходнт не оттого, чтобы он был напитан демократнческимн идеями. Это проистекает нз самого предмета, им возделываемого, из нсторнн народа, который

не имел определенной власти и вынужден был бороться даже не с правительством польским, а с противниками правительства. Он старается живо н верно представить старину и поэтому не щадит н малороссиян, изображая нх во времена [115] Брюховецкого [116] в последнем своем романе. Кулнш никогда не прннадлежал ни к какой партии, а стоял почтн всегда отдельно, н не раз досадовал, что другие не умеют исполнять своего литературного прнзвання так, как следует, и собранных материалов не приводят в порядок и известность, на пользу ученого света. В этом заключалась его неутомимая деятельность, которой он никогда не захотел бы прервать ннкакимн пустыми мечтаниями, не приносящими никакой пользы. Я сознаюсь нскренне, что я никогда не решнлся даже намекать ему об идее общества, которая тешнла некоторое время мое ноображенне, боясь именно того, чтобы его твердый и строгий ум не осудил меня беспощадно н насмешкой не разрушнл донкнхотского рыцарствования, сделавшегося на время забавой молодого н неопытного сердца. Он тотчас же заметил бы мне, что я чрезвычайно деятелен там, где нет дела, и что посредством мечтанній нскуссно нзбегаю действнтельно полезного труда. Говорю это искренне.

Марковнч, молодой человек с весьма добрым сердцем, но с характером еще не остепенившимся. Он не показал нн одного действня, нмевшего отношенне к обществу, о котором он не знал, н сочувствовал только любвн к малороссийскому языку и поэзии. Вследствне этой любвн он собирал народные слова и рассказы, и кроме обыкновенной любвн к своей роднне, он не имел никаких замыслов, заботясь только о том, чтобы у другнх поддержать чувство, его занимавшее. Уважение к властям в нем всегда было вндно. Элементы его характера еще не установнлись, но качества н побуждения его самые добрые. Он всеми силами старался объяснить себе путь христнанской жизни н по оному следовать, и весьма мне был благодарен за то, что я обратил его внимание на чтенне Евангелия, о чем он прежде небрег и увлекался различными философскнми понятиями. С тех пор он стал внимательнее к себе, но не успел еще освободиться от рассеянностн и преувеличення в словах. Вследствие последнего недостатка он так странно выражался обо мне, называя меня в шутку «не меньше студента и, может быть, более всех сынов земли». Я однажды, около трех лет тому назад, был у него н, по просьбе его, прочитал статью свою о Гоголе (на верху оной, кажется, означен год, что засвидетельствует о времени). Статья эта произвела на него большое впечатленне, в чем он сознавался, говоря, что никто лучше меня не оценнл и не уразумел Гоголя. Статья не была дочнтана, и Марковнч просил меня прийти в другой раз н, по рассеянностн, не назначил часу, когда я могу застать его дома. А так как в то время я с ним был не столь близок потому нменно, что он вел тогда довольно рассеянную жизнь, то он боялся, чтобы мне не было непрнятно, в случае его не будет дома. Оттого он и проснт меня в своей записке «написать письменное обязательство прнбрестн к нему в известный день н к известному часу». Вероятно, я исполнил его желание н дочнтал статью о Гоголе, но в то время, хоть я и занимался изучением славянства, со мной никто еще не разделял даже этих самых обыкновенных занятий. Вся запнска показывает только шутлнвый н рассеянный характер напнсавшего его. Любовь и благодарность, которую питает ко мне Марковнч, за указание ему на Евангелие н на лучшую жнзнь, а также склонность его написать обо мне Гулаку, равно меня ценившему за тихость н кротость характера, за любовь к науке и хрнстнанской жизни, о которой я любнл говорить с увлеченнем, да простят меня за отнесенные к себе (для разъяснення дела) слова: так «Слава богу, избравшему его для нас путеводною звездою к Вифлеему!» Слова этн (до крайностн утрированные), легко могут объясниться моимн к нним письмамн, в конх я всегда старался поддержать в ннх релнгиозное чувство н ннкогда не брал на себя

роли руководителя славянистов, ни кого-либо; говорил то, что считал полезным, без всякой самоуверенности в своем превосходстве.

Навроцкий, тоже молодой человек, доброго и простодушного характера, в нем больше логической строгости в мыслях и чувствах. Он любит Малороссию, и особенно поэзию; замыслов никаких он не выражал и не показал ни одного действия, в котором бы они проявились. В других особенно желает видеть любовь к родине и к добру. Это чувство он выразил в своей записке, о которой говорится в вопросе 19. Навроцкий убеждал меня собирать материалы для малоросс[ийского] языка в Полтаве, где, по его мнению, можно легко найти людей, которые согласились бы помогать мне в этом деле, а также людей, коих чувства к доброму и достойному нужно разогревать, иначе они совсем заглохнут в бездействии. Но я, будучи занят своею новою должностью, не имел времени ни для знакомства, ни для занятий собиранием литературных материалов, притом же я вокруг себя ни в ком не видел сочувствия к тому, что сам любил. Я писал Навроцкому, что он ошибается насчет Полтавы, в которой пригляделись к своему до такой степени, что оно не возбуждает уже никакого сочувствия, ни интереса и любви к родному там нет. Он же утверждал, что я так думаю оттого, что мало знаю Полтаву, и что в ней какой-нибудь бедняк сидит, быть может, в хижине с таким горячим сердцем, что оно целый свет сожжет своею любовью, если бросить в него искру добра и участия. Преувеличенное выражение показало его слова подозрительными, но в них ничего другого не было, кроме желания видеть в своих земляках любящих родину и добрых людей. Это подтверждается дальнейшими его словами, коими он старался поддержать во мне решимость говорить о любви к родному и к добродетели, что могло бы меня сделать смешным посреди тому несочувствующих. Я никогда не старался ни сам, ни через него отыскивать соучастников, и только желал исполнить обязанность человека, трудящегося для науки — собирать материалы, способствующие к изучению языка и поэзии, ибо давно уже все славянские ученые упрекают малороссиян в лености и нерадении касательно собрания всего, могущего познакомить их ближе с страною, которой народная поэзия и язык имеют такую важность для славянской филологии и этнографии. Один этого исполнить не может, и поэтому естественно желание видеть других трудящихся на том же поприще: а это возможно при сочувствии, порождаемом любовью. Обращать же внимание других к добру и к жизни полезной, мы, посвятившиеся преимущественно науке, считали непременною своею обязанностью.

С Посядой и Андрузским я был мало знаком; Посяду знал как человека трудолюбивого, любящего сильно свою родину и болезнующего над бедностью низшего класса, особых действий и выражений я в нем не заметил. Андрузского знал как весьма молодого человека, с наклонностью к религиозным, философским и литературным рассуждениям. Он писал стихи, по большей части русские; те, кои случалось мне читать, не заключали в себе ничего, кроме выражения чувства молодого сердца и человека, любившего царя и отечество.

Чижов и Савич мне совершенно неизвестные лица.

Других лиц, имевших отношение к славянистам, я совсем не знаю, и мне неизвестно о существовании каких-либо замыслов.

13. Для чего написан был Вами листок с рассуждениями о том пути, который приводит к идее о славянстве; не выражали ли Вы здесь тот путь, которым сами впали в заблуждение?

13. Листок, заключающий рассуждение о важности и единстве древних преданий человечества, был началом статьи о пользе изучения оных для истории и для познания характеристики народа, который сохранил в себе таковые предания. Я намеревался написать эту статью и приме-

нить ее к преданиям славянских народов, остающимся доныне без критического рассмотрения. Другой мысли я не соединял с упомянутым рассуждением, и в нем не заключалось бы ничего преступного, если бы и вполне окончена была моя статья. Но за неимением собрания преданий у славянских племен статья отложеиа.

14. Для чего Вы делали выписки на нескольких листочках из Киприана Роберта о панславизме и других предметах?

14. Выписки сделаны из Киприана Роберта с единственной целью изучать славянский мир и взгляд на него славянских писателей. Все места, противные истине и показывающие недоброжелательство иностранца, были мною оставлены. Если бы я читал иную какую-либо статью другого писателя, то выписал бы и из оной то, что считал бы полезным для себя познанием, как и поступал при чтении разных сочинений, чему доказательством служит множество сделанных моею рукою выписок, находившихся вместе с выписками из К. Роберта и переплетенная тетрадь под заглавием «Выписки», где не находится ничего подозрительного, а, напротив, может доказывать, чему достойному я сочувствовал.

15. Что обозначает листок, в котором описываются развалины замка и выражена мысль, что то же и с Вами случится, если не будете стараться для общего блага: не разумели ли Вы под этим Малороссии и намерений славянистов?

15. Мысль, заключающаяся в описании развалин замка, о том, что то же и с каждым случится, кто [117] не будет стараться для общего блага, иавеяна была при обозрении замка князей Чарторийских, который был разрушен казаками во время войн Хмельницкого за то, что владетели оного, происходя от древних князей русской земли и исповедуя прежде веру предков, ради собственных выгод, приняли католичество и сделались преследователями и врагами своего народа и религии. От блистательного замка и фамилии остаются ныне одни развалины. Та же участь, говорил я, может и нас постигнуть, если мы будем предпочитать собственный интерес пользе общей. Мысль христианская, под которой не скрывалось никаких непозволительных намерений.

16. С какой целью был написан Вами проект просьбы о дозволении учредить в Малороссии училище; не было это следствием того правила славянистов, чтобы приготовлять возвращение самобытности Украйне распространением просвещения в простом народе?

16. Ответ на сей вопрос находится в 1, 6, 8 и 9.

17. Вам ли принадлежит найденная в бумагах ваших и Кулиша тетрадка стихотворений, начинающихся словами: «За горами гори, хмарою повиті» и про[чие] самого возмутительного содержания; кто сочинил это стихотворение и о каком Якове в нем упоминается?

17. Ответ находится в 3. Кто сочинил это стихотворение, мне неизвестно, о гр. ли Бальмане в нем упоминается под именем Якова, наверное не знаю. Имел я это стихотворение как материал для языка, о чем говорю в следующем объяснении.

18. Вам ли принадлежат тетрадки с малороссийскими стихотворениями, между которыми находится и «Сон», самое наглое сочинение Шевченко, и другие возмутительные стихи; для чего имели Вы у себя подобные сочинения, и не было ли в видах славянистов распространять эти сочинения и тем приготовлять восстание Малороссии?

18. Тетрадка стихотворений принадлежит мне, но я имел их не потому, чтобы согласоваться с чувствами и понятиями, в них выраженными, а единственно с целью выписать из них неизвестные мне слова малоросс[ийские] для словаря, который я намеревался составить и представить Академии наук, зная о желании оной, объявленном директорам гимназий, иметь слова

наречий, употребляемых в обширном русском царстве. Доказательством этого служит большое собрание материалов лингвистических, собранных с той же целью. Никогда и никто не думал распространять подобные сочинения и не только кто-либо другой, но, полагаю, и сам сочинитель не сочувствовал тем возмутительным выражениям, которые вырывались в ненормальном состоянии человека.

19. Навроцкий от 17 октября 1846 г. писал к Вам, что в Малороссии, в иной бедной хижине сидит с таким горячим сердцем, что может сжечь целый свет, если туда бросить хоть маленькую искру; из того же письма видно, что Навроцкий этими словами отвечал на вопрос Ваш: между какими лицами можно посеять святую любовь к родине? Объясните, в чем состояла переписка Ваша с Навроцким; не старались ли Вы через него отыскивать соучастников, и каким образом предполагали Вы посевать любовь к родине?

19. Подробный ответ на сей вопрос находится в 12.

20. Объясните содержание другого письма Марковича от 15 октября, весьма темного, но показывающего, что между вами происходила переписка о каком-то важном предмете и что он, по Вашему желанию, хотел истребить ваше письмо, переписав прежде его столь неразборчиво, чтобы никто прочитать не мог. Какого содержания было Ваше письмо?

20. Письмо Марковича, написанное весьма темно и подозрительно для постороннего читателя, не имело для меня ничего подобного. Это ответ на мои искренние убеждения его в неосновательности и неправильности любви, которую он питал к сестре жены своего брата по фамилии д'Олива и мне знакомой. Я писал к нему, что не должно увлекаться до такой степени своими чувствами, чтобы мучиться от того, что в ней не находит такой горячей дружбы, какую заслужил и какую сам питал. Я старался ему доказать, что любовь его не то, что он воображает, что она не есть что-либо существенное, а есть естественное чувство молодости, которое скоро может пройти, и душа его от того не пострадает: он же наверное выиграет, ибо спокойнее начнет готовиться к экзамену. Я говорил, что молодой человек, слишком увлеченный любовью к женщине, впоследствии оного впечатления в душе его, трогая заветное чувство беспристрастной правдою. Ответом на мои слова было след[ующее] начало письма его: «Твое письмо произвело на меня гораздо лучшее впечатление, чем ты ожидал. Я уверился в твоей искренней дружбе и в твоем достоинстве». Далее он выражает свое восхищение несколько преувеличенными фразами и неясно для того, кто его не знает, видит в моем взгляде больше опытности, чем прежде, и проч[ее]. Вот содержание моего собственного и Марковича письма; в них не было ничего того, что может казаться при чтении последнего отдельно от первого.

21. Какими поступками Вы заслужили столь высокое о Вас мнение в мыслях Марковича, что он в записке к Вам считает Вас более всех сынов земли, и в чем состояло свидание Ваше, на которое он приглашал вас в известный день, к известному часу; не было ли у Вас условленных собраний по замыслам славянистов?

21. Ответ на этот вопрос находится в п. 12.

22. Почему Маркович в письме к Гулаку, между прочим, писал об Вас: «Слава богу, избравшему его для нас путеводною звездою к Вифлеему»? Не были ли Вы руководителем славянистов?

22. Ответ находится в 12.

23. В каком смысле Вы говорили в письме к Гулаку, что он и Костомаров, если бы служили в одной гимназии, получили бы обширнейшую сферу деятельности, полезной для человечества; и о каком единстве идей их Вы упоминали?

23. При поступлении Костомарова на службу в университет Гулак просился на его место в гимназию. Так как предмет преподавания был ис-

тория, которую они понимали как проводник истин, извлеченных из жизни опытом многих веков и притом как указатель великих путей промысла, то единство, согласие их идей о предмете истории служило ручательством того, что они, представляя ученикам науку с этой точки и исполняя свою обязанность безукоризненно, находились бы в сфере деятельности, истинно полезной для человечества.

24. От какого светского общества отвлекал Вас Кулиш и к выполнению какого дела приучал вас?

24. Зная мой характер, любящий иногда развлечения в светском обществе и видя, как это вредило моим ученым занятиям, Кулиш старался мне доказать бесполезность такого провождения времени и советовал приучать себя к постоянству и прилежаиию в деле полезном. Этот совет чист и безукоризнен и не заключал в себе никакой задней мысли.

25. В каком круге жил Кулиш и какие христианские правила он сочинял для этого круга?

25. Будучи в Петербурге, Кулиш находился в круге господ Плетнева и Максимовича и немногих других, любивших ученые занятия и желавших расположить жизнь свою и дела так, чтобы наиболее благодетельствовать ближним и приблизиться своими поступками к завещанию спасителя. Чтобы яснее представить себе путь христианской жизни, Кулиш не сочинял христианских правил, а только извлек из Евангелия и посланий апостольских те места, в которых он указан.

26. Справедливо ли сделанное против Вас показание, что вы были в полном смысле учеником Кулиша и в Полтаве обязаны были рассеивать волновавшие Славянское общество идеи?

26. Показание, будто я был в полном смысле учеником Кулиша и в Полтаве обязан был рассеивать волновавших славянистов идеи, совершенно несправедливо. В какой степени я был учеником (если нужно употребить это слово) Кулиша, я объяснил в 12 и 24 ответе. В 12 же ответе я засвидетельствовал, что Кулиш не только не принадлежал, но даже не знал о существовании общества, и если бы я не скрывал перед ним тех мечтаний, которые меня занимали в известное время, то, без всякого сомнения, был бы достойнее в глазах правительства, как верный, скромный и благоразумный исполнитель своих обязанностей, а не как преступник, каким теперь кажусь. Доказательством же противного показанию служит и то, что я приглашен был в Полтавский корпус в то время, когда Кулиша не было уже в Киеве и принял должность, не успев даже спросить у него совета. А как я исполнял свою обязанность, тому довольным свидетельством служит аттестация моей службы директора корпуса, расположенность высших и любовь подчиненных, которыми я там пользовался. В Полтаве я не произнес ни одной непозволительной идеи, и обвиняющий меня и Кулиша совсем неправ.

27. Кто такой Вернацкий, от которого Вы получили письмо из С.-Петербурга, и не скрывается ли под буквами, названными им эфиопскими, гиероглифической азбуки славянистов?

27. Письмо от Вернацкого получено не мною, а Кулишом, и уведомление об эфиопской рукописи есть чисто научное известие, не заключающее в себе ничего подозрительного. Вернацкий — кандидат унив[ерситета] св. Владимира, посланный за границу для изучения политической экономии, возвратясь, он держал в Петербургск[ом] университете экзамен на степень магистра.

28. Вы изъявляли Костомарову желание носить изобретенное им кольцо с вырезкой внутри имен св. Кирилла и Мефодия. Было ли у Вас это кольцо и где оно находится?

28. Ответ находится в 1.

29. Для чего хранили Вы у себя копию с проекта об уничтожении греко-российского вероисповедания в западных областях России, представленного 1786 г. государственным чинам одним ксендзом иезуитским?

29. Копию (в русском переводе) проекта, представленного иезуитским ксендзом в 1786 г. об уничтожении греко-росс[ийского] исповедания в западных областях России, я имел единственно как материал для русской истории, что подтверждает надпись, сделанная еще в 1843 г. (год означен в конце проекта), показывающий враждебные намерения врагов России и справедливость возвращения обращенных в унию на лоно древнеисповедуемой веры.

30. Не известно ли Вам, сверх объясненного в вышепредложенных вопросах, еще что-либо о славянистах, их тайном обществе и замыслах?

30. Кроме вышеизложенного, мне более ничего не известно касательно славянистов, ни каких-либо замыслов. Отвечая подробно на все вышепоставленные вопросы, я считаю здесь еще уместным прибавить несколько слов касательно общества. Нельзя, наверное, определить ни начала, ни времени учреждения общества, ни указать, кто из поименованных лиц желал именно того или другого. Приблизительно можно назначить конец 1845 и 1846 гг. [118], в последующее время идеи наши принимали более правильный ход. Никто нас не наставлял и ни от кого мы не учились: мысли приведены были в движение одними учеными занятиями, касающимися славян. В настоящую эпоху ни одно занятие не могло быть к нам столь близко: оттого оно и подействовало сильно на наше воображение.

Постоянных условленных часов или времени у нас никогда не было, а бывали мы один у другого, когда позволял досуг. В разговорах вычитанные мысли постепенно принимали разные формы и применения касательно установления общества, заведения школ, освобождения крестьян и т[ому] под[обное]. Так составлялись правила. Давали честное слово не разглашать этого и не упоминать имен лиц, которые могли бы показаться злоумышленниками. Но во всем этом никогда не было твердого, таинственного, политич[еского] намерения, которое было бы неизменно для нас самих, хотя и является теперь в таком виде, потому единственно, что бумаги, оставшиеся свидетелями различных идей, нас волновавших некоторое время, показывают дело как бы постоянно и нерушимо существующим.

Да позволено мне будет сказать еще несколько слов. Как ни преступными оказались наши мысли, но преступление наше произошло от одного неразумения и увлечения в крайность тем, что мы почитали полезным: так бывает с людьми, неопытными в жизни, не строго следящими за собою, не жившими в свете. Неправильное течение наших мыслей произошло из других источников: из реакции, возбужденной противниками славянства, и доведенной до крайности идеи человеколюбия. Но преступление мысли и осталось в пределах мысли — в дело оно никогда не переходило, и то, чем я был увлечен, никогда не увлекало за собою другого. Я сделался преступником, больше всего боясь преступления, и глубоко чувствую свою вину, сокрушаюсь сердечно. Желаю одного — иметь возможность доказать впоследствии, сколь я уважаю власти, сколь противно мне всякое беззаконие и как желаю быть полезным отечеству! Да простит мне мой проступок высокая милость, не имеющая пределов, ради моих молодых лет, ради матери-старухи, ради отца моего, который прослужил 40 лет своему отечеству и оставил после себя 6 сыновей, готовых на служение! Прибегаю с мольбою и твердою надеждою на великую милость! Несмотря на то, что мы показались не имеющими должного уважения к закону, скажет ли кто из наших начальников, что мы были сколько-нибудь непочтительны или строптивы? Поведение наше доныне не засвидетельствует ли, что мы неспособны к большому преступлению?

И если измерить ту пользу, которую принесли мы обществу справедливым исполнением своих обязанностей, то сколь мало будет пред нею то зло, которое мы нанесли себе, как членам гражданского общества, неправильномыслием? Нам ли возможно было не увлечься чем-либо в молодости? Но если теперь, когда мы образумились, будем еще помилованы и нам представится возможность доказать верность своих чувств, мы вовеки будем благодарны!

Бывший учитель кандидат словесных наук Василий Белозерский

Ч. IV, арк. 107—157. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яті Тараса Шевченка.— С. 186—209.

№ 511

1847 р. квітня 26.— ПРОТОКОЛ ДОДАТКОВОГО ДОПИТУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО В III ВІДДІЛЕННІ

Дополнительный вопрос, предложенный бывшему учителю Василию Белозерскому

26 апреля 1847 г.

1. Подтверждаете ли вы, что Славянское общество не стремилось ни к чему политическому и что лица, приверженные к славянству, не более были виновны, как вы показываете? Также объясните определенно: Кто переписывал находившийся у вас экземпляр рукописи «Закон божий»?

1. Чтобы яснее и убедительнее представить то, в чем заключалась сущность Общества славянистов, считаю приличным предложить еще несколько мыслей, могущих показать истинные цели и смысл, заключающийся в умственном движении нашем.

О действиях, предположениях я не могу ни убавить, ни прибавить ничего к тому, что уже мною сказано в показании.

Если же правительству известно что-нибудь больше того, что мной показано, то, вероятно, это произошло в те последние десять месяцев, в которые я не был в Киеве и не имел о происшедшем там никаких сведений. Рукопись же, так названный «Закон божий», переписана Навроцким вероятно из рукописи, находящейся у Гулака, и, может быть, без его ведома. Но я наверное знаю, что он этой рукописи не хотел распространять и боялся даже кому-либо ее показывать. Винить его можно за любопытство к подобному содержанию и, ни в каком случае, за злой умысел.

Иные (кроме поименованных уже) лица упоминаются в письмах наших или по родству, или по обыкновенному знакомству и не имеют никакого отношения к идеям панславизма.

Общество славянистов никогда не заключало в себе никаких намерений, противных государственному порядку. Неправильные мысли оставались всегда мыслями — не более, и то — в самом малом кругу (как уже было показано). Но никаких воззваний к бунту, к оружию или к нарушению какого-либо закона государственного, никаких тайных умыслов, ни богопротивных действий у них не было и в намерении. Если же известные идеи и были приняты несколькими молодыми людьми, и они взялись было на некоторое время не за свое дело, то это произошло единственно оттого, что они не понимали еще той истины, что теория и практическая, действительная жизнь идут совсем различными путями, при том же, все их стремления ограничивались одною наукою и литературой, которые и породили панславистические идеи, да умственными, никогда на деле не оказавшимися, заботами о потребности образовать низший класс народа. Из этого единственного научного источника проистекали и к нему же возвращались все стремления

славянистов, и кто покажет на них больше того, тот не имеет об них точных и справедливых сведений, равно и всякое действие, нарушающее спокойствие общественного порядка, действие неблагонамеренное или вредное в каком-либо отношении не может происходить от идей славянистов и отвергается ими навсегда, как недостойное и противное совести, присяге и христианскому долгу, принимаемым всегда славянистами в основу всех своих действий.

Бывший учитель Василий Белозерский

Ч. IV, арк. 158—160. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 209—211.

№ 512

1847 р. травня 19.— ПРОТОКОЛ ДОДАТКОВОГО ДОПИТУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО В III ВІДДІЛЕННІ

Вопрос, предложенный бывшему учителю Василию Белозерскому и ответ его

19 мая 1847 г.

1. Объясните смысл в предъявляемом вам письме вашем к Марковичу окончание со слов: «Той, хто вже, може» и проч[ее] и какую статью вы поручали ему распространять?

1. В письме к Марковичу я писал: «Той, хто вже, може, повінчався з своєю вірною дружиною, получить лист» (т. е. тот, кто уже, может быть, повенчался со своей верною другинею, получит письмо). Это я сказал о Костомарове, который предполагал сейчас, после праздника светлого воскресенья, повенчаться со своей невестою. Ему я посылал литературное письмо Кулиша и описывающее развалины и древности Корецких и Острожских, которое было началом описания путешествия по славянским землям. Я считал его достойным издания в свет, поэтому и просил Марковича: «Постарайся переписать і дать переписувать всякому, хто захоче сю літературную статтю, щоб було кільки экземплярів, щоб часом не загубилась», т. е. постарайся переписать и дай переписывать всякому, кто захочет, эту литературную статью, для того, чтоб было несколько экземпляров, и чтоб она каким-нибудь образом не затерялась (в продолжении двух лет и при перемене образа жизни Костомарова после женитьбы).

Смею уверить честным и благородным словом, что никакого иного смысла не заключалось под моими словами.

Василий Белозерский

Ч. IV, арк. 161—162. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 233, 234.

№ 513

1847 р. травня 15.— ЗАПИС ОЧНОЇ СТАВКИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО З Г. Л. АНДРУЗЬКИМ

Очная ставка Белозерского с Андрузским

15 мая 1847 г.

Андрузский говорил:

Белозерский обязан был в Полтаве рассеивать идеи, волновавшие Славянское общество. Впрочем при дальнейших показаниях Андрузский присовокупил, что он наверное не знает, а только слышал, будто Белозерский имел означенное поручение.

Георгий Андрузский

Белозерский отвечал:

Белозерский совершенно отверг это показание.

Василий Белозерский

Ч. IV, арк. 163. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 249.

№ 514

1847 р. травня 19.— ПРОТОКОЛ ДОДАТКОВОГО ДОПИТУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО В III ВІДДІЛЕННІ

Вопрос, предложенный бывшему учителю Белозерскому и ответ его

19 мая 1848 г.

Коллежский секретарь Гулак сознался наконец в участии с вами по Славянскому обществу, согласно Вашему показанию, но с той разностью, что устав Славянского общества им сочинен, тогда как Вы показали, что этот устав был составлен вами. Объясните это противоречие.

Я остаюсь при прежнем своем показании. Быть может Гулак из чувств великодушия хочет принять на себя вину мою.

Василий Белозерский

Ч. IV, арк. 164. Оригінал.
Опубл.: Збірник пам'яти Тараса Шевченка.— С. 254.

№ 515

1847 р. квітня 26.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ ПЕРЕД МИКОЛОЮ I КЛОПОТАННЯ ПРО ПОМИЛУВАННЯ

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

Ласковое, незаслуженное обращение со мной указывает на причину, из которой оно происходит: без сомнения, милостивое приказание вашего сиятельства доставило мне случай сильнее почувствовать свою вину и признательность за снисходительное на нее воззрение. Оно же дало мне смелость обратиться к вашему сиятельству с моею всепокорнейшею просьбою, как к человеку, в истинном смысле, рыцарские чувства и достоинства которого не могут не быть всем известны.

Я изложил откровенно исповедь своего заблуждения; вижу ясно, что оправданий ни в чем мне искать не следует, но надежда на высокие милости всемилостивейшего монарха и отца, пределов им не полагающего, надежда на его всепрощение и уверенность в возвышенно добрых движениях души вашей, сиятельнейший граф, утвердили мою решимость — покорнейше просить вас представить его и. в. мою всеподданнейшую просьбу. Чем ближе к источнику милости, тем легче утолить в ней жажду: если я и недостоин всемилостивейшего воззрения, то желание вашего сиятельства уважит всемилостивейший государь и выслушает мольбу движимого раскаянием и любовью сердца.

В надежде на снисходительное представительство вашего сиятельства имеют честь пребывать, ваш, сиятельнейший граф, покорнейший слуга

Вас[илий] Белозерский

1847 г., апреля 26

Резолюція О. Ф. Орлова: Я ему сим объявляю, по выс[очайшему] повелению, что государь верит его раскаянию, но чтоб он отвечал за себя, а не за других.

Ч. IV, арк. 165. Автограф.

№ 516

1847 р. квітня 26.— ПРОХАННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ПРО ПОМИЛУВАННЯ, ПОДАНЕ НА ІМ'Я МИКОЛИ І

Ваше и. в. всемилостивейший государь!

Под твою всещедрую десницу прибегает к тебе, великий государь, заблудший, но возвратившийся на правый путь, верноподданный. Неудержимые чувства раскаянного сердца и теплая надежда на твои безграничные милости дали мне, недостойному, ту смелость, с которою я прибегаю под всеобъемный покров твоего величия. Даруй мне, всемилостивейший монарх, молодую вину двадцатилетнего юноши, если не ради меня самого, то ради моей матери-старухи, ради отца моего, верой и правдой прослужившего тебе 40 лет, умершего на службе и оставившего 6 сыновей, готовых на верное служение! Прости мне, великий государь, ради высокого внука твоего, столь недавно порадовавшего тебя своим появлением! Да увековечится его рождение в моей и других твоих верноподданных памяти, дарованием прощения умолявшим тебя, всемилостивейший государь, его именем!

Не за себя одного умоляю тебя, о государь всещедрый! Умоляю за других виновных перед тобой, умоляю больше всего за них! Всемилостивейший государь! Ты ли назначишь границы своим царским щедротам! На правый путь мы возвращаемся с глубочайшим раскаянием! Дитя на груди матери, человек любящий на груди любимого так сердечно не жалеет о своем проступке, как мы перед тобой, о государь всещедрый! Отец небесный принял и упокоил заблудшего, но возвратившегося сына. Ты ли отвергнешь нас, отец, своих подданных ?

Не казнь страшна, страшна твоя немилость, о русский великодушный царь! Ужаснее для нас самого наказания мысль, что мы преградили себе путь к тому поприщу, на котором бы могли выразить чувства преданности тебе и пользам Отечества. Много любви в нашем, полном горестного раскаяния, сердце, а любящему много многое даруется. Так пусть же минует и твоя царская немилость! Пусть наступит полное твое прощение и настанет возможность доказать, сколь глубоко почувствуем мы твои монаршие щедроты; пускай радость наша будет безгранична и во всеуслышание о твоей беспредельной милости отозвется в сердцах многих, многих тебе, государь наш, благодарных!

В твердом уповании на твои великие щедроты и в трепетном ожиданни твоего, о милосердный царь, всепрощения, повергаю к стопам твоим мольбу раскаявшегося сердца. Да коснется же живо высокого твоего слуха его искренний неумолкающий голос!

Всемилостивейший государь, вашего и. в. верноподданный

Василий Белозерский

Ч. IV, арк. 166—167. Автограф.

№ 517

1847 р. травень 26—30.— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ ПРО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Белозерский. Бывший учитель Полтавского кадетского корпуса Василий Белозерский. У Гулака найден был устав Славянского общества, исанный рукою Белозерского, а в бумагах самого Белозерского оказались: рас-

суждение в высшей степени возмутительное, служащее как бы истолкованием устава Славянского общества о неестественном состоянии славян под властью государей и необходимости действовать к освобождению их, преимущественно Малороссии, рукопись, называемая «Закон божий», выписки о панславизме и проч[ее].

Белозерский с первых допросов показал совершенную откровенность и, изъявляя глубокое раскаяние, описал всю историю своего падения.

Еще обучаясь в Киевском университете, Белозерский преимущественно занялся изысканиями о славянских племенах, узнал об идее панславизма, читал иностранные и русские журналы и сделался пламенным поборником панславизма. В это время он написал устав Славянского общества, тот самый, который найден у Гулака, по примеру уставов ученолитературных обществ, существующих у чехов, лужичан и сербов, и возмутительную рукопись, служащую как бы истолкованием уставу. Белозерский прибавил, что все эти рукописи были составлены им в лета ранней юности и никогда не были ни основанием, ни правилами Украйно-славянского общества.

В исходе 1845 и начале 1846 гг. Белозерский сблизился с Гулаком и Костомаровым. Этот круг дружества своего они называли обществом, которому потом придали название общества св. Кирилла и Мефодия, а впоследствии придумали носить кольца или образа во имя сих святых. Полагая цель своего общества в соединении славянских племен, они думали однако же соединить эти племена под скипетром российского государя, и им казалось, что ныне царствующий император один может совершить это великое дело. С другой стороны, соображая, что его величество, занятый внутренним благоустройством империи, не соизволит принять участия в соединении славян, члены общества хотели действовать сами для достижения этой цели. По их мнению, надлежало воодушевлять славянские племена к уважению собственной их народности, изгоняя все иноземное, уничтожать вражду и поселять согласие между ними; склонять их к исповеданию одной православной веры; заводить училища для простого народа, издавать книги для чтения того же народа и, таким образом, разлитием общего просвещения доводить племена до того, чтобы они сами слились в одно целое.

Белозерский уверяет, что в мыслях их не было ни народных потрясений, ни возмущений, ни преобразования законных властей в России, а тем менее каких-либо вооруженных действий. Члены общества, как молодые и неопытные люди, думали, что по их теории совершится в быте племен славянских улучшение самым мирным образом. Приобретая же опытность жизни, они увидели несообразность своих предположений, поэтому с половины 1846 г. бросили название общества и начали заниматься изучением истории языков славянских, как наукой, без всяких идей об обществе, а за 10 месяцев перед арестованием Белозерский отправился на службу в Полтаву, и более не знал, что происходило в Киеве.

На очной ставке Белозерский не только подтвердил свои показания, но уличал и Гулака в общем их преступлении.

По высочайше утвержденному решению дела, Белозерский за откровенность определен в Олонецкую губернию на службу, вне министерства народного просвещения, с преимуществами, прежде им приобретенными, но с учреждением за ним надзора, при этом выдано ему на обмундирование и первоначальное обзаведение 200 руб. серебром. Кандидат Белозерский, выслушав высочайшее решение, был тронут до глубины души тем снисхождением, которое ему оказано, и не находил слов для выражения глубочайшей благодарности к государю императору, столь милостиво соизволившему поступить с ним.

Жена Кулиша (сестра Белозерского) при объявлении высочайшего соизволения о выдаче ей в продолжение четырех месяцев жалованья ее мужа и о разрешении видаться с ним в крепости изъявила столь же искреннейшую благодарность, как брат ее.

Ч. IV, арк. 168—173. Копія.

№ 518

1847 р. травня 30.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА З ВИСЛОВЛЕННЯМ ПОДЯКИ ЗА КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД МИКОЛОЮ І ПРО ЗМЕНШЕННЯ ПОКАРАННЯ

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

Сиятельнейший граф!

Выслушав всемилостивейшее решение вины моей с чувством истинного раскаяния, я был растроган до глубины души: милосердие, мною испытанное, показало, что для милостей высочайшего монарха нет границ! Самое искреннее чувство наполняет теперь мое сердце, и было бы для меня невозможно удержать и не высказать его перед вашим сиятельством.

Прежде всего, сиятельнейший граф, позвольте просить вас выразить перед лицом его и. в. беспредельное благодарение мое и всех родных моих. Всещедрая десница государя императора пролила на нас такие милости, что нет слов для выражения возбужденных чувств души нашей! Во веки, во веки сохраним мы, как святилище, память о том, что с высоты престола своего великий государь призрел на виновных и сирых, сохраним, как священнейшее чувство, и признательность за эту великую милость! Слова наши, особенно в настоящую минуту, слишком бедны для выражения полноты души, движимой благодарностью; но всевидящий бог воздаст за нас, ему молящихся, и благословит во веки царя милосердного и великого!

Но, сиятельнейший граф, я не ошибаюсь, думая, что участие и милостивое снисхождение ко мне вашего сиятельства дали мне возможность испытать высочайшие щедроты. Чувства признательности моей к Вам, сиятельнейший граф, слишком глубоки и ни с чем в мире сравнить их не смею: скажу только, что благодарность моя соразмерна с самими милостями. Образ вашего сиятельства сильно запечатлелся в душе моей, и пока будет способна она чувствовать, до тех пор сохраню я и признательность за милостивое участие ваше в судьбе моей. Ничего так не жаждал я, как иметь возможность доказать последующей жизнью, что я способен быть верным исполнителем своих обязанностей, и потому доставление этой возможности есть для меня величайшее счастье!

Примите, сиятельнейший граф, уверение, что я исполню завет милосердых своих благодетелей.

С чувством истинного высокопочитания и совершеннейшей преданности, имею честь пребыть ваш, сиятельнейший граф,

Покорнейший слуга Василий Белозерский

30 мая 1847 г.

Ч. IV, арк. 174—175. Автограф.

№ 519

1847 р. травня 30.— НАКАЗ О. Ф. ОРЛОВА ПОРУЧИКУ С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ ТЄЛЬНОМУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО У м. ПЕТРОЗАВОДСЬК

Секретно

30 мая 1847 г., № 879

Поручику с.-петербургского жандармского дивизиона Тельному

По высочайшему повелению, предписываю вашему благородию, приняв из III отделения с. е. и. в. канцелярии кандидата Василия Белозерского, отвезти его под строгим присмотром, и, сколь возможно сохранить тайну, в Петрозаводск, там представить как его, так и вручаемый вам пакет со вложенными 200 руб. сер[ебром] г-ну олонецкому гражданскому губернатору и, возвратившись в С.-Петербург, донести мне об исполнении.

Под[писал] генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: коллежский советник Константинов

Ч. IV, арк. 176. Відпуск.

№ 520

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ОЛОНЕЦЬКОГО ЦИВІЛЬНОГО ГУБЕРНАТОРА Х. Х. ПОВАЛО-ШВЕЙКОВСЬКОГО ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННЯ У м. ПЕТРОЗАВОДСЬК ТА ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА НИМ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Его превосход[ительст]ву Х. Х. Повало-Швейковскому

30 мая 1847 г., № 878

Милостивый государь Христофор Христофорович!

Кандидат 10-го класса Василий Белозерский участвовал в составлении Украйно-славянского общества в Киеве, которое существовало только несколько месяцев, но с учеными занятиями имело мысль и о присоединении иноземных славянских племен к России; написал еще прежде того устав общества и преступную рукопись в объяснении этого устава, впрочем, не применявшиеся к Украйно-славянскому обществу, и еще в половине 1846 г. прекратил все связи с киевскими славянистами; по арестовании же с первого раза сознался во всем и с искренним раскаянием дал точное и положительное сведение об означенном обществе.

Государь император высочайше повелеть соизволил: Белозерского за откровенность определить в Олонецкую губ. на службу вне министерства народного просвещения, не лишая преимуществ, прежде им приобретенных, но с учреждением за ним надзора, выдав ему 200 руб. серебром на обмундирование и первоначальное обзаведение.

О таковой монаршей воле уведомляя ваше превосходительство, для надлежащего распоряжения и присовокупляя, что Белозерский вместе с сим отношением и пожалованными ему 200 руб. серебром будет представлен к вам поручиком с.-петербургского жандармского дивизиона Тельным, которому поручено отвезти Белозерского в Петрозаводск, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли приказать

выдать ему означенные деньги; о доставлении же Белозерского и получении упомянутых денег удостоить меня уведомлением.

Примите уверение и прочее.

Гр. Орлов

Верно: коллежский советник Константинов

Ч. IV, арк. 177—178. Відпуск.

№ 521

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО НАЧАЛЬНИКА 1-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ У м. ПЕТРОЗАВОДСЬКУ

Секретно

Его превосходительству Д. П. Полозову

30 мая 1847 г., № 882

М[илостивый] г[осударь] Данило Петрович!

Кандидат 10-го класса Василий Белозерский участвовал в составлении Украйно-славянского общества в Киеве, которое существовало только несколько месяцев, но с учеными занятиями имело мысль и о присоединении иноземных славянских племен к России; написал еще прежде того устав общества и преступную рукопись в объяснение этого устава, впрочем не применявшиеся к Украйно-славянскому обществу, и еще в половине 1846 г. прекратил все связи с киевскими славянистами, по арестовании же с первого раза сознался во всем и с искреннейшим раскаянием дал точное и положительное сведение об означенном обществе. Государь император высочайше повелеть соизволил: Белозерского за откровенность определить в Олонецкую губ. на службу вне министерства народного просвещения, не лишая преимуществ, прежде им приобретенных, но с учреждением за ним надзора.

Сделав распоряжение к исполнению таковой монаршей воли, покорнейше прошу ваше превосходительство приказать, дабы по прибытии Белозерского в Петрозаводск имелось за ним и с вашей стороны наблюдение.

Примите уверения и прочее.

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. IV, арк. 179. Відпуск.

№ 522

1847 р. травня 31.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Д. П. ПОЛОЗОВА ПРО НЕОБХІДНІСТЬ ПОВІДОМЛЯТИ В III ВІДДІЛЕННЯ ДВІЧІ НА РІК ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ

Его высокопревосходительству Д. П. Полозову

31 мая 1847, № 913

Милостивый государь Данило Петрович!

В дополнение отношения моего к вашему превосходительству от 30 мая № 882 об учреждении секретного наблюдения за отправленным, по высочайшему повелению, на службу в Петрозаводск кандидатом Василием Бело-

зерским, покорнейше прошу Вас, м[илостивый] г[осударь], приказать доставлять мне через каждые шесть месяцев сведения о поведении упомянутого чиновника.

Примите увер[ение] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Верно: коллежский советник Константинов

Ч. IV, арк. 180. Відпуск.

№ 523

1847 р. червня 7.— РАПОРТ ПОРУЧИКА ТЕЛЬНОГО О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО У м. ПЕТРОЗАВОДСЬК

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

с.-петербургского жандармского дивизиона поручика Тельного

Рапорт

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 30 минувшего мая за № 879, имею честь почтительнейше донести, что принятый мною из III отделения с. е. и. в. канцелярии кандидат Василий Белозерский в г. Петрозаводск доставлен мною 2-го числа сего июня благополучно, где и сдал г-ну олонецкому гражданскому губернатору вместе с пакетом со вложенными в оный деньгами 200 руб. серебром; в принятии от меня его, Белозерского, и пакета с деньгами имею честь представить при сем к вашему сиятельству полученную мной от г-на гражданского губернатора квитанцию за № 3960.

Поручик Тельный

7 июня 1847 г., № 1, С.-Петербург

Помітка про одержання: 9 июня 1847 г.

Ч. IV, арк. 181. Оригінал.

№ 524

1847 р. червня 3.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА Х. Х. ПОВАЛО-ШВЕЙКОВСЬКИМ ПОРУЧИКОВІ ТЕЛЬНОМУ, ПРО ДОСТАВЛЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННЯ В м. ПЕТРОЗАВОДСЬК

Квитанция № 3960

Дана поручику с.-петербургского жандармского дивизиона Тельному в том, что отправленный из С.-Петербурга при отношении г-на шефа корпуса жандармов кандидат 10 класса Белозерский ко мне 2-го сего июня доставлен и принадлежащие ему деньги 200 руб. серебром мною получены.

Петрозаводск, июня 3 дня, 1847 г.

Олонецкий гражданский губернатор Повало-Швейковский

Правитель канцелярии Дячков

Ч. IV, арк. 182. Оригінал.

№ 525

1847 р. червня 3.— РОЗПИСКА Х. Х. ПОВАЛО-ШВЕЙКОВСЬКОГО ПРО ОДЕРЖАННЯ СЕКРЕТНОГО ПАКЕТУ, ГРОШЕЙ І РЕЧЕЙ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Расписка в получении

Секретный пакет на имя его превосходительства Христофора Христофоровича Повало-Швейковского за № 878 со вложением 200 руб. серебром. При сем следует кандидат Белозерский.

Разные вещи, принадлежащие кандидату Белозерскому.

Генерал-лейтенант Дубельт

Пакет с двумястами руб. серебром получил.

Гражданский губернатор Повало-Швейковский

Ч. IV, арк. 183. Оригінал.

№ 526

1847 р. червня 3.— ВІДНОШЕННЯ Х. Х. ПОВАЛО-ШВЕЙКОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ДОСТАВЛЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННЯ У м. ПЕТРОЗАВОДСЬК

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Кандидат 10-го класса Василий Белозерский, назначенный по высочайшему повелению на службу в Олонецкую губ., за изъясненные в уведомлении ко мне вашего сиятельства от 30 минувшего мая за № 878 поступки, вместе с всемилостивейше пожалованными ему деньгами 200 руб. сер[ебром] на обмундирование и первоначальное обзаведение, 2-го числа сего месяца доставлен ко мне поручиком С.-Петербургского жандармского дивизиона Тельным.

Донося о сем вашему сиятельству, имею честь почтеннейше доложить, что об определении кандидата Белозерского на службу, согласно высочайшего повеления, я вслед за сим не премину сделать надлежащее распоряжение.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего сиятельства всепокорнейшим слугою

Христофор Повало-Швейковский

3 июня 1847 г., № 118, Петрозаводск

Ч. IV, арк. 184. Оригінал.

№ 527

1847 р. червня 24.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОДЯКОЮ І ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПЕРШІ ВРАЖЕННЯ ВІД ПЕРЕБУВАННЯ НА ЗАСЛАННІ

Его превосходительству Леонтию Васильевичу г-ну генералу Дубельту

Ваше превосходительство милостивый государь!

Определенный к новому роду службы и приступив к занятиям, я спешу воспользоваться позволением вашего превосходительства и известить вас обо всем, что до меня касается... Я желал бы, чтобы Вам известен был каждый шаг мой!

Часто мысль моя обращается к недавно прошедшему, и я благодарю милосердное провидение, ниспославшее мне на пути жизни, в самые трудные и горькие ее минуты, Вас, как утешителя, защитника, благодетеля! Не буду распространяться на словах о том, что чувствую, когда Ваш драгоценный образ представляется в воспоминании очам души моей: она обращается к вашему превосходительству с такой горячей признательностью, что слова, кажется, могут только охладить ее.

И зачем говорить, как мы благодарны? Если, ваше превосходительство, верите моему сердцу, то лучше меня самого можете измерить и то благодеяние, которое для нас совершили, и то чувство, коим мы способны возблагодарить Вас. А всевидящий и внимающий всякому сердечному движению воздаст Вам по желанию души нашей.

Приступая к гражданской деятельности, я думал, что слишком трудно будет мне примениться к новой сфере, и переход от той, к которой я до сих пор себя готовил, болезненно во мне отразится.

Но, благодаря бога, я увидел, что стоит только уразуметь значение и благородную цель новой деятельности, стоит только понять, что на всяком месте можно выполнять обязанности честного гражданина, и ничего не будет ни слишком трудным, ни тягостным. Все зависит от взгляда нашего на вещи. Мой же взгляд на многое прояснился совершенно и проясняется с каждым днем. А если око наше прямо, то все, что вокруг себя мы видим будет служить книгой святого поучения. Желаю всем сердцем, чтобы исполнились во мне эти слова мудреца христианского.

Мало-помалу я привыкаю к новой службе, и в гражданских занятиях вижу мало занимательного и поучительного. Вглядываясь серьезно в дела, следя за их ходом и изыскивая законную раму, в которую должно, так сказать, вставить их для совершения правды, приучаешь свой ум к строжайшей последовательности и логичности. Здесь нет места ни для определенных стремлений, ни для бесполезной мечтательности, и потому юридические занятия для меня — сущий клад. Само провидение, для которого нет в мире существа ни столь малого, ни столь ничтожного, чтобы на нем не было следов божественной благодати — само провидение призрело на меня, послало испытание и обратило мои способности к иным предметам.

Вечно памятны для меня слова утешительные вашего превосходительства, в коих Вы изволили выразить свою надежду, что все послужит к моей же пользе, и что за все должно возблагодарить бога и милостивого государя. Да, ваше превосходительство! Смею Вас уверить, что душа моя умеет чувствовать признательность!

Высочайшая воля совершила для меня величайшее благодеяние. Не скрою пред Вами, что в другом месте и при другом начальнике разлука со всем, что я любил в жизни, была бы для меня слишком тяжка и мучительна; но здесь, в Петрозаводске, я этого не чувствую в такой степени. В начальнике своем я нашел заботливую попечительность о подчиненных, а в канцелярии его, в которую определен я младшим помощником, встречаю благонравных и прилежных людей, преданных своим занятиям. При таких обстоятельствах радостно служить и трудиться. Не могу не чувствовать глубочайшей благодарности к великодушному монарху, к его сиятельству шефу и к вашему превосходительству — моим незабвенным благодетелям.

Прошу покорнейше, ваше превосходительство, выразить перед сиятельнейшим графом чувства моей глубочайшей признательности и высокого уважения, которых питать не перестану.

Что же сказать мне о внутреннем моем настроении? Скажу одно, что я стараюсь вполне воспользоваться советами вашего превосходительства и наставлениями моего настоящего начальника и смею надеяться, что после-

дующая жизнь моя оправдает благодетельное снисхождение и участие, мне оказанное.

Не скрою также, ваше превосходительство, что я не могу без горести думать о близких моему сердцу родных своих, печаль которых увеличивается от несчастной судьбы, постигшей мужа сестры моей. Во все время меня преследует мысль, что он болен и что по его слабому сложению трудно ему перенести горестное испытание. Облегчение его положения было бы для нас величайшим благодеянием, и я осмеливаюсь умолять ваше превосходительство — будьте до конца нашим благодетелем: не оставляйте нас своим участием! Ваше предстательство перед сиятельнейшим графом может подвигнуть его возвышенно-добрую и истинно благородную душу — внять нашим мольбам и облегчить сколько-нибудь участь сестры моей, которой любовь к мужу испытывает такие терзания! Я знаю, что щедроты милосердого государя, письмо графа и Ваше участие много ее утешили: ее благородное сердце умеет ценить их вечно: пускай же милости к нам, бедным, еще продолжатся, и благодеяния облегчат ее невинно страждущую душу. Боже мой! Какой бы жертвы не принес я, какого бы долга не исполнил, если бы мог этим заслужить сколько-нибудь облегчение горести для сестры своей! А между тем я нахожусь теперь в величайшем беспокойстве: я совсем не получаю писем ни от нее, ни от брата и ничем естественным не могу объяснить себе это молчание!

Простите, ваше превосходительство, что я отвлекаю своим письмом и до меня лишь касающимися подробностями Ваше внимание, но я одно скажу себе в извинение: я уважаю Вас, как отца, навсегда меня облагодетельствовавшего.

Примите от меня, ваше превосходительство, уверение в искренности моих чувств, которые во веки сохраню в своем сердце!

С истинным высокопочитанием и совершеннейшею преданностью, имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга

Вас[илий] Белозерский

1847 г., июня 24, Петрозаводск

Ч. IV, арк. 185—187. Автограф.

№ 528 — 531

1847 р. червня 30, липня 9, 19.— ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ З І. Ф. ПАСКЕВИЧЕМ ТА Ф. П. ВРОНЧЕНКОМ ПРО ВИТРАТИ 347 крб. СРІБЛОМ ЗА ДОСТАВКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО З ВАРШАВИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Ч. IV, арк. 188—191. Відпуски та оригінал.
Не публікуються.

№ 532

1847 р. вересня 15.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОДЯКОЮ ЗА УВАГУ ДО НЬОГО

Его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову

Сиятельнейший граф!

Осмеливаюсь беспокоить ваше сиятельство письмом своим, но извиняю себя тем, что содержанием его единственно будет изъявление глубочайшей признательности. Благодарность моя не должна иметь препятствий, как не имеет она границ.

Ваши непрестанные благодеяния, сиятельнейший граф, ваше великодушное участие в судьбе людей, провидением вверенных вашему попечению, заставляют сердца наши трепетать самыми чистыми чувствами, самыми искренними благословениями, которые молим промысл излить на вас и семейство и потомство ваше вовеки, вовеки! Молим святое провидение — да сохранит оно в славном роде вашем это рыцарское воодушевление к добру и благодеяниям, это бескорыстное человеколюбие, которым прославили вы себя, сиятельнейший граф в великом Отечестве нашем.

Не могут не сказать перед вашим сиятельством, что душа наша полна горячей молитвы ко всевышнему промыслу — да благословит он высокую главу нашего монарха, осененную славою вечно памятных деяний, да укрепит силы его на продолжение многообильного подвигами,— благоносными пути, да возрадует во веки его отеческое сердце, равно открытое для щедрот и милости и к самому первому, и к последнейшему из великого семейства, свыше ему вверенного. «Господи! спаси царя, в онеже аще день призовем тя!» Благодарственная молитва, эта песнь нашего сердца, разнесется по земле, и да услышит ее небо и сотворит по искренним желаниям нашим!

Сиятельнейший граф! Примите снисходительно мое письмо и уверение в неизменной преданности и признательности, с которыми имею честь пребыть Вашего сиятельства покорнейший слуга

Вас.[илий] Белозерский

15 сентября 1847 г., Петрозаводск

Помітка про одержання: 26 сентября 1847 г.

Ч. IV, арк. 192. Автограф.

№ 533

1847 р. листопада 5.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПРО ДОЗВІЛ ЙОМУ ВИЇХАТИ ДО м. ТУЛИ НА ПОБАЧЕННЯ З СЕСТРОЮ, МАТІР'Ю ТА П. О. КУЛІШЕМ

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство!

Я решаюсь еще вас беспокоить. Незабвенное письмо ваше от 26 сентября исполнило сердце мое глубокою радостью и признательностию. Не могу вспомнить об нем без восторга и удивления к вашему великодушию. Иначе и быть не могло. Оно заключает такие благие советы, такое нежное, отеческое участие, так живо отражает высокий ум и сердце ваше! Я не смел надеяться, чтобы ваше превосходительство решились уделить для меня частицу своего драгоценного времени; мог ли я даже и думать, чтобы надолго удержали вы память обо мне? Но я считал своим священным долгом выразить перед вами общие нашему семейству чувства благодарности за ваши благодеяния.

Письмо вашего превосходительства служит для меня лучшею наградой. Я храню его как драгоценнейшее воспоминание о возвышенной доброте души вашей, как залог веры в людей, веры в истинную добродетель и человеколюбие. Счастлив тот, чья душа слышит на земле небесные звуки этих высоких чувств!

Первым движением моим — по получению вашего бесценного письма, было благодарить ваше превосходительство не только в сердечной глубине моей, но и пред вами, письменно. Но я удержался от этого из опасения наскучить благосклонному терпению Вашему. Благоразумно ли я поступал — не знаю; но я знаю, что не раз мне еще представится случай свидетельствовать вам свою признательность за милости, которых я вправе надеяться: ваша добродетельная душа дает мне это право.

Умоляю ваше превосходительство — примите великодушно и снисходительно следующую мою просьбу: оказанная милость сестре моей и ея мужу определением его на службу в Тулу распространяется также и на мать мою, которая имеет ныне возможность увидеть своих детей, в том числе меньшего моего брата Александра, находящегося в Тульском кад[етском] корпусе. Мать моя вероятно приедет в Тулу или вместе с сестрой, которая отправилась к ней с братом, или по первому зимнему пути. Видеться с матерью, утешить ее, успокоить ее сердце подробною повестью оказанных вами благодеяний, подающих надежду на всегдашнее ваше к нам участие, наконец, покончить дела домашние: вот обстоятельства, внятные сердцу и побуждающие меня обратиться к вам с моею всепокорнейшею просьбою.

Позвольте, ваше превосходительство, представить на Ваше благоусмотрение еще следующее: для сестры моей и мужа ея, которые питают к вам глубочайшую признательность и уважение и которых я так давно видел: (разлука увеличивается превратными обстоятельствами), прибытие мое в Тулу доставило бы на некоторое время великую отраду. Для меня же это составляет одно из самых живых желаний, тем более, что письмо, недавно полученное мною от зятя из Тулы, показывает весьма печальное состояние его духа. Он остается доныне заштатным чиновником в канцелярии г-на губернатора и, будучи совершенно один, по выезде сестры моей к матери, он не мог не затосковать в своем положении, и тоска эта возросла наконец до того, что он одряхлел до такой степени, что сам ужасается и пишет почти в полной уверенности, что ему жить остается недолго. Это меня поразило ужасно; душа моя страдает и по чувствам родственным, и по чувствам дружбы, которых мы питаем один к другому. Я пишу об этом к вашему превосходительству, как к отцу, не страшась осуждения.

Уже более пяти месяцев, как я нахожусь в Петрозаводске, но смею надеяться, что отзывы начальства, в виду которого я был всякий день, будут совершенно для меня благоприятны. Простите, ваше превосходительство, что я осмеливаюсь сказать это; но я своим безукоризненным поведением, думаю, заслужил благорасположенность каждого. Я старался исполнять ваши советы и быть верным правилам долга и чести, что и навсегда сохраню.

Представляю все сии причины и мою покорнейшую просьбу на благое решение вашего отеческого сердца. Но не на них я основываю свои утешительные надежды: ваша благодетельность и великодушие, Ваше незабвенное участие, служат мне порукой, что ваше превосходительство примет мое желание благодушно, что ваши благодеяния к нам продлятся на будущее. Мы же и ныне и вовеки не перестанем благословлять своих благодетелей! Услышьте наш общий голос! Умоляю ваше превосходительство употребить свое благодетельное ходатайство у его сиятельства гр. Алексея Федоровича о разрешении мне отпуска в Тулу, на срок, какой благоугодно будет назначить, по окончании коего я немедленно возвращусь к месту нынешнего своего определения. Я же не осмелился сам утруждать его сиятельство. Я твердо уповаю на милостивое ваше и графа участие и на соизволение великодушного монарха-отца, семейные радости коего да продлит всевышний вовеки!

Примите, ваше превосходительство, и настоящее письмо мое благосклонно: пусть оно будет для Вас голосом человека, истинно признательного и уважающего Вас от всего сердца.

С чувством глубочайшего почтения и совершенной преданности, имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга

Василий Белозерский

1847 г., ноября 5-го, Петрозаводск

Резолюція О. Ф. Орлова: Рано. Пусть предоставят тем, которые желают быть ему полезны.

Ч. IV, арк. 193—194. Оригінал.

№ 534

1847 р. листопада 17.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ПРО ЗАБОРОНУ О. Ф. ОРЛОВА НА ВИЇЗД ЙОГО ДО м. ТУЛИ ДЛЯ ЗУСТРІЧІ З РІДНИМИ

Его благородию В. М. Белозерскому

17 ноября 1847 г.

Милостивый государь Василий Михайлович!

Письмо ваше, в котором вы, между прочим, выразили желание отправиться в Тулу для свидания с вашими родственниками, я имел честь докладывать г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову, но его сиятельство, находя еще рановременным ходатайствовать по сему предмету, изволил присовокупить, что вам надлежит вполне положиться на тех, которые принимают в вас участие, оставаясь в уверенности, что они имеют в виду ваше положение и при удобном случае не упустят сделать вам полезное, ежели вы и впредь того заслуживать будете.

Уведомляя вас, милостивый государь, о таковом отзыве его сиятельства, покорнейше прошу вас приимять и от меня уверение в истинном и проч[ее].

Подписал генерал-лейтенант Дубельт

Верно.

Ч. IV, арк. 195. Відпуск.

№ 535

1847 р. грудня 1.— РАПОРТ Д. П. ПОЛОЗОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Декабря 1 дня, 1847 г., № 400, С.-Петербург

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 31 мая с. г. за № 913 [119] и согласно донесению ко мне олонецкого жандармского штаб-офицера подполковника кн. Мышецкого от 25 минувшего ноября, имею честь почтительнейше довести до сведения вашего сиятельства, что кандидат 10-го класса Василий Белозерский со дня доставления его 2 числа июня, по высочайшему повелению, за участие в составлении Украйно-славянского общества, на службу в гор. Петрозаводск, с учреждением за ним надзора, отличается между всеми молодыми людьми особенною нравственностию, отлично примерным поведением, сопровождаемым всегда кротостию, любезностию и искательностию; приобрел всеобщую любовь и даже уважение;

образ мыслей его религиозный, с тихою покорностию и совершенною преданностию; имеет квартиру в доме начальника губернии, и в семейном кругу его не отличается от родственников.

Генерал-лейтенант Полозов

Резолюция: Доклад.
Помітка про одержання: 1 декабря 1847 г.

Ч. IV, арк. 196. Оригінал.

№ 536

1847 р. грудня 3.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ І ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ

Копия

О кандидате Белозерском

В мае месяце, по высочайшему повелению, за участие в составлении Украйно-славянского общества выслан на службу в Петрозаводск кандидат 10-го класса Василий Белозерский. Ныне начальник 1-го округа жандармов генерал-лейтенант Полозов согласно полученным им сведениям доносит, что Белозерский, состоя на службе в канцелярии олонецкого гражданского губернатора, отличается между всеми молодыми людьми нравственностию, примерным поведением, сопровождаемым всегда кротостию, любезностию и искательностию; что через это он приобрел всеобщую любовь и даже уважение, и что, имея образ мыслей религиозный, с тихою покорностию и совершенною преданностию, удостоился обратить на себя особенное внимание начальника губернии, пользуется в доме его квартирой и даже в семейном кругу его не отличается от родственников.

Долгом считаю всеподданейше довести о сем до высочайшего сведения вашего и. в.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Помітка: Его величество изволил читать.

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

3 декабря 1847 г.

Ч. IV, арк. 197. Відпуск.

№ 537

1848 р. травня 30.— РАПОРТ Д. П. ПОЛОЗОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою
г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

30 мая 1847 г., № 257, С.-Петербург

Олонецкий жандармский штаб-офицер подполковник кн. Мышецкий рапортом от 25 сего мая за № 23 донес мне, что за сделанным им донесением за первые шесть месяцев, изложенным в докладной записке моей вашему сиятельству от 1 декабря 1847 г. за № 400 о находящемся в Петрозаводске по высочайшему повелению под секретным наблюдением кандидате 10 класса Василие Белозерском, он ничего более не может добавить, как только под-

твердить скромное поведение его, и что Белозерский помещен ныне в штат канцелярии начальника губернии помощником правителя оной.

О чем во исполнение повеления вашего сиятельства от 31 мая прошлого 1847 г. за № 913 приемлю смелость почтительнейше донести.

Генерал-лейтенант Полозов

Помітка про одержання: 31 мая 1848 г.

Ч. IV, арк. 198. Оригінал.

№ 538

1848 р. листопада, не пізніше 5.— ПОДАННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОЗВІЛ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ СЛУЖИТИ В ПЕТЕРБУРЗІ АБО ПОВЕРНУТИСЯ ІЗ ЗАСЛАННЯ НА УКРАЇНУ

Г-ну начальнику штаба корпуса жандармов

Докладная записка

Благосклонное внимание, оказанное вашим превосходительством секретарю Белозерскому при личном свидании в С.-Петербурге, и позволение, в случае надобности, обращаться непосредственно к Вам, дает ему смелость надеяться и в настоящее время на милостивую снисходительность вашего превосходительства, и убедительно просить о принятии участия в судьбе его.

Коллежский секретарь Белозерский, отправленный по высочайшему повелению в Олонецкую губ. для определения там на службу, был назначен бывшим олонецким гражданским губернатором старшим помощником правителя собственной его канцелярии и в течение полутора года добросовестным исполнением своей обязанности и хорошим поведением имел счастье заслужить одобрительные отзывы и особенное расположение его превосходительства.

Не считая короткую службу свою достаточным поводом к оправданию его перед высшим начальством, но помня вместе с тем указанную вашим превосходительством возможность перемены в его участи, как награду усердной службы и похвального поведения, Белозерский смеет надеяться на облегчение ее и покорнейше просить ваше превосходительство об исходатайствовании ему позволения продолжать службу в С.-Петербурге или возвратиться к своему семейству.

При сем Белозерский честь имеет присовокупить, что преклонность лет его матери и решительная невозможность быть полезным для себя или для службы в Петрозаводске были главными причинами, побудившими его просить разрешения на выезд из Олонецкой губ.

Помітки: 1. От Л. В. Дубельта по поручению гр. Шувалова.
2. Сюда.

Ч. IV, арк. 199. Копія.

№ 539

1848 р. листопада, не пізніше 5.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Служащий в канцелярии олонецкого гражданского губернатора коллежский секретарь Белозерский просит об исходатайствовании ему разрешения продолжать службу в С.-Петербурге или возвратиться к своему семейству в Малороссию.

Справка

Белозерский участвовал в составлении Украйно-славянского общества в Киеве, которое существовало только несколько месяцев; написал еще прежде того устав общества и преступную рукопись в объяснении этого устава, а потом прекратил все связи с киевскими славянистами. По арестовании Белозерского, он тотчас сознался во всем и с искреннейшим раскаянием дал точное и положительное сведение об означенном обществе. В уважение таковой откровенности Белозерский, по высочайшему повелению, в мае 1847 г. отправлен в Олонецкую губ. для определения на службу вне министерства народного просвещения с выдачею ему 200 р[уб]. сер[ебром] на обмундирование и первоначальное обзаведение, и с учреждением за ним надзора.

Из полученных в декабре 1847 г. и в мае 1848 г. донесений видно, что Белозерский отличается в Петрозаводске между всеми молодыми людьми кротостию и примерным поведением; что чрез это он приобрел общую любовь и даже уважение, обратил на себя особенное внимание начальника губернии Повало-Швейковского (впоследствии скончавшегося), пользовался в доме его квартирою и даже в семейном кругу его не отличался от родственников. Об этом в декабре 1847 г. было доведено до высочайшего сведения.

Ч. IV, арк. 200—201. Копія.

№ 540

1848 р. листопада 5.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО СХВАЛЬНУ ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ ТА ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ ПЕРЕЇХАТИ З м. ПЕТРОЗАВОДСЬКА В м. ПЕТЕРБУРГ

Служащий в канцелярии олонецкого гражданского губернатора коллежский секретарь Белозерский просит об исходатайствовании ему разрешения продолжать службу в С.-Петербурге или возвратиться к своему семейству в Малороссию.

По сделанной справке оказалось следующее:

Белозерский, по окончании курса наук в университете св. Владимира, участвовал в составлявшемся в Киеве Украйно-славянском обществе, которое существовало только несколько месяцев; написав еще прежде того устав общества и преступную рукопись, в объяснение этого устава, а через несколько месяцев прекратил все связи с киевскими славянистами.

По арестовании Белозерского он тотчас сознался во всем с искреннейшим раскаянием и дал точное и положительное сведение об означенном обществе. В уважение таковой откровенности Белозерский, по высочайшему повелению, в мае 1847 г. отправлен в Олонецкую губ. для определения на службу вне министерства народного просвещения с выдачею ему 200 руб. сереб[ром] на первоначальное обзаведение и с учреждением за ним надзора.

Из полученных в декабре 1847 и в мае 1848 гг. донесений видно, что Белозерский отличается в Петрозаводске между всеми молодыми людьми кротостию и примерным поведением; что через это он приобрел общую любовь и даже уважение, обратил на себя особенное внимание начальника губернии Повало-Швейковского (впоследствии скончавшегося), имел в доме его квартиру и даже в семейном кругу его не отличался от родственников. Об этом в декабре 1847 г. было мною доведено до высочайшего сведения Вашего величества.

Всеподданейше докладывая о сем вашему и. в. и принимая во внимание, с одной стороны, что Белозерский и во время производства дела о нем в С.-Петербурге замечен был как молодой человек отличных способностей, кроткого характера и, после временного заблуждения, вполне раскаявшийся, а с другой,— что кроме официальных донесений, и все частные сведения подтверждают его приличное поведение в Петрозаводске, я полагал бы возможным дозволить ему служить в С.-Петербурге, тем более, что здесь при ближайшем наблюдении за ним высшего начальства он был бы под лучшим надзором и полезнее своими способностями, нежели в Петрозаводске.

Такое мнение мое осмеливаюсь подвергнуть на высочайшее благоусмотрение вашего и. в.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

5 ноября 1848 г.

Помітка Л. В. Дубельта: На подлинном собственною его величества рукою карандашом написано: «Не рано ли?» 5 ноября 1848 г.

Генерал-лейтенант Дубельт

Ч. IV, арк. 202—203. Відпуск.

№ 541

1848 р. листопада 22.— РАПОРТ Д. П. ПОЛОЗОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

22 ноября 1848 г., № 708, С.-Петербург

Олонецкий жандармский штаб-офицер подполковник кн. Мышецкий рапортом от 16 сего ноября донес мне, что переведенный в прошлом 1847 г., по высочайшему повелению, для определения на службу и под надзор в г. Петрозаводск кандидат 10-го класса Василий Белозерский сначала прибытия своего туда ведет себя кротко и благонравно и нисколько не изменился в том своем поведении и образе мыслей, как донесено мною вашему сиятельству от 1 декабря 1847 г. за № 400 и 30 мая с. г. за № 257.

О чем и имею честь почтительнейше довести до сведения вашего сиятельства во исполнение предписания от 30 мая 1847 г. за № 882.

Генерал-лейтенант Полозов

Ч. IV, арк. 204. Оригінал.

№ 542

1848 р. [листопад].— ЗАПИСКА Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО КЛОПОТАННЯ ЧЛЕНА ДЕРЖАВНОЇ РАДИ О. В. КОЧУБЕЯ ПОМИЛУВАТИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Член государственного совета Кочубей просит об исходатайствовании помилования высланному в мае 1847 г. на службу в Петрозаводск коллежскому секретарю Белозерскому.

Ч. IV, арк. 205. Копія.

№ 543

1848 р. грудня 9.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. В. КОЧУБЕЮ ПРО НЕМОЖЛИВІСТЬ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПРО ПОМИЛУВАННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО В ЗВ'ЯЗКУ З ВІДМОВЛЕННЯМ В ЦЬОМУ МИКОЛОЮ I

9 декабря 1848 г.

Его высокопре[восходительству] А. В. Кочубєю

М[илостивый] г[осударь] Александр Васильевич!

Ходатайство вашего высокопревосходительства о находящемся на службе в Петрозаводске коллежском секретаре Белозерском я имел честь докладывать г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову; и как по справке оказалось, что его сиятельство в весьма недавнем времени, 5 ноября, входил со всеподданнейшим докладом о дозволении Белозерскому служить в С.-Петербурге, и государь император на докладе собственноручно написать изволили: «Не рано ли?» То посему гр. Алексей Федорович Орлов признал, что ныне еще не время утруждать государя императора новым докладом.

Впрочем, его сиятельство отозвался, что будет иметь в виду ходатайство вашего высокопревосходительства и при первом удобном случае возобновит доклад о г-не Белозерском.

Вменяя себе в обязанность уведомить о сем ваше высокопревосходительство, пользуюсь случаем удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. IV, арк. 206. Відпуск.

№ 544—546

1849 р. січня 8, 15, лютого 10.— ЛИСТУВАННЯ М. Е. ПИСАРЄВА, Л. В. ДУБЕЛЬТА І Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ТЕ, ЩО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО МОЖНА ПРИЗНАЧИТИ НА ПОСАДУ АСЕССОРА ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНСЬКОГО ПРАВЛІННЯ

Ч. IV, арк. 207—210. Оригінали та відпуск.
Не публікується.

№ 547

1849 р. лютого 15.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ЗГОДУ НА ПРИЗНАЧЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО АСЕССОРОМ ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНСЬКОГО ПРАВЛІННЯ

Его высокопрев[осходительству] Л. А. Перовскому

15 февраля 1849 г., № 267

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 10 февраля № 861 имею честь уведомить, что и до меня постоянно доходят самые одобрительные отзывы насчет служащего в Петрозаводске коллежского секретаря Белозерского, а потому я совершенно согласен на определение его, по представлению олонецкого гражданского губернатора, асессором Олонецкого губернского правления.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Ч. IV, арк. 211. Відпуск.

№ 548

1849 р. травня 13.— РАПОРТ Д. П. ПОЛОЗОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ

Секретно

Шефу жандармов, командующему имперскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

13 мая 1849 г., № 240, С.-Петербург

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 31 мая 1847 г. за № 913 имею честь почтительнейше донести, что находящийся в г. Петрозаводске, по высочайшему повелению, под секретным надзором кандидат 10-го класса Василий Белозерский, как сообщает мне рапортом от 7 сего мая за № 32 олонецкий жандармский штаб-офицер подполковник кн. Мышецкий, постоянно отличается прекрасным своим поведением, благоразумным образом мыслей и отличной нравственностью и ныне начальником губернии определен на вакансию асессором губернского правления.

Генерал-лейтенант Полозов

Помітка про одержання: 16 мая 1849 г.

Ч. IV, арк. 212. Оригінал.

№ 549

1849 р. вересня 3.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ, ЧИ МОЖНА ЙОМУ ПОДАВАТИ КЛОПОТАННЯ ПРО НАДАННЯ ВІДПУСТКИ ДЛЯ ПОБАЧЕННЯ З РІДНИМИ

Ваше превосходительство милостивый государь!
Леонтий Васильевич!

Сознавая вполне, как неблагоразумно беспокоить ваше превосходительство, но имея в вас единственную надежду на великодушное участие, я вынужден обстоятельствами обратиться с покорнейшей просьбой. Смею надеяться, что ваше превосходительство и на этот раз снисходительно простите мою докучливость.

Два с лишком года прошло со времени нахождения моего в Олонецкой губ. В продолжении двух с лишком лет я тружусь и покорно и совестливо стараюсь быть полезным на поприще, мне указанном. Меня непрестанно поддерживала мысль, внушенная вашим превосходительством, что исполняя надлежащим образом свои новые обязанности, я могу снискать доверие Ваше, оправдать благодетельное ко мне участие и таким образом иметь надежду на облегчение своей участи. Обстоятельства здешней жизни, давняя разлука с ближайшими моими родными и грустное их положение, требующее моего присутствия, вот причины побуждающие меня обратиться с просьбой, не об освобождении, но только об отпуске.

Со всегдашнею доверчивостию обращаюсь к вашему превосходительству с всепокорнейшею просьбою подать мне благодетельное наставление — как мне следует поступить? Могу ль я надеяться, что просьба моя об отпуске не будет тщетна и неуместна. Долгом считаю при сем заверить ваше превосходительство, что дозволение на временный хотя выезд из Олонецкой губ. составляло бы не одно только удовлетворение моего желания: свидание с родными, освобождение, хоть на короткое время из тяжелой и холодной атмосферы олонецкой, вредно действующей на мое здоровье, послужило

бы отдохновением для моей утомленной души и тела необходимым. Оно могло бы способствовать к тому, что я, собравшись с новыми силами, был в возможности с большей пользой и рвением продолжать дальнейшую свою службу; а ручательством за мое поведение и прилежание я смею представить недавнее представление г-на начальника губернии о пожаловании меня высшим чином, который я получил за отличие.

Около двух лет тому, от 17 ноября 1847 г., ваше превосходительство удостоили написать, что его сиятельство гр. Алексей Федорович, хотя и признал тогда мою просьбу об отпуске рановременной, но вместе изволил милостиво обнадежить меня в своем участии. Поэтому, осмелясь повторить мою покорнейшую просьбу, я не теряю надежды, что при благодетельном участии вашего превосходительства и его сиятельство соизволит обратить милостивое и великодушное свое внимание на мое положение.

Умоляю ваше превосходительство не оставить меня без ответа и вместе покорнейше прошу верить в глубочайшее почтение и неизменную преданность, с коими честь имею быть вашего превосходительства покорнейший слуга

В. Белозерский

3 сентября 1849 г., Петрозаводск

Резолюція Л. В. Дубельта: Справ[ку] и зап[иску]. Не запрещено ли в Малороссию?

Помітка про одержання: 14 сентября 1849 г.

Ч. IV, арк. 213—214. Оригінал.

№ 550

1849 р. вересня 14.— ДОВІДКА КАНЦЕЛЯРІЇ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Служащий асессором в олонецком губ[ернском] правлении титулярный советник Белозерский, желая видеться с его родными, просит удостоить его уведомлением: может ли он ходатайствовать об отпуске, и как поступить ему в этом случае.

Справка

Белозерский участвовал в составлявшемся в Киеве Украйно-славянском обществе, которое существовало только несколько месяцев. По доставлении Белозерского в С.-Петербург он во всем сознался с искренним раскаянием и дал положительное сведение об означенном обществе. В уважение таковой откровенности Белозерский не был заключен в крепость, а, по высочайшему повелению отправлен в мае 1847 г. в Олонецкую губ. для определения на службу, с учреждением за ним надзора. С того времени как от начальника тамошней губернии, так и от жандармского штаб-офицера получались о Белозерском постоянно отличные отзывы относительно его нравственности и примерного усердия к службе. Вследствие этого в феврале 1849 г. он определен асессором в олонецкое губернское правление, а потом награжден следующим чином.

В решении Украйно-славянского дела сказано, чтобы Гулака и Кулиша не увольнять в Малороссию, о Белозерском же ничего не упомянуто.

Белозерский заслуживает, чтобы просьба его была уважена.

14 сентября 1849 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Справедливо и я согласен.

Ч. IV, арк. 215—216. Копія.

№ 551

1849 р. вересня 15.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ПРО ДОЗВІЛ О. Ф. ОРЛОВА ПОДАТИ ПРОХАННЯ НА ОДЕРЖАННЯ ВІДПУСТКИ ДЛЯ ПОБАЧЕННЯ З РІДНИМИ

Его благородию В. М. Белозерскому

15 сентября 1849 г., № 2375

Милостивый государь Василий Михайлович!

Письмо ваше от 3 сентября я имел честь докладывать г-ну генерал-адьютанту гр. Орлову, и его сиятельство изволил отозваться, что совершенно согласен на отпуск ваш для свидания с родными, и что вы можете для сего установленным порядком обратиться с просьбой к вашему начальству.

Уведомляя об этом вас, имею честь удостоверить в истинном моем почтении и преданности.

Подписал генерал-лейтенант Дубельт

Ч. IV, арк. 217. Відпуск.

№ 552

1849 р. листопада 21.— ПОВІДОМЛЕННЯ Д. П. ПОЛОЗОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО НЕСХВАЛЬНУ ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Секретно

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

21 ноября 1849 г., № 499, С.-Петербург

Милостивый государь, Леонтий Васильевич!

От 31 мая 1847 г. за № 913 г-н шеф жандармов предписать мне изволил представлять его сиятельству через каждые 6 месяцев сведения о поведении кандидата 10-го класса Василия Белозерского, высланного, по высочайшему повелению, на службу в Петрозаводск под секретный надзор.

Вследствие чего олонецкий жандармский штаб-офицер подполковник кн. Мышецкий доставил ко мне о кандидате Белозерском за последние 6 месяцев донесение свое от 10 сего ноября за № 93, и как в оном, противу прежних донесений своих, объясняет, что в настоящее время не может с уверенностью подтвердить о том поведении и образе мыслей, коими отличал себя Белозерский до сего времени, то я долгом считаю препроводить таковое, в дополнение донесения моего г-ну шефу жандармов от 13 мая с[его] г[ода] за № 240 в подлиннике, на усмотрение вашего превосходительства, покорнейше прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Д. Полозов

Помітка про одержання: 22 ноября 1849 г.

Ч. IV, арк. 218. Оригінал.

№ 553

1849 р. листопада 10.— РАПОРТ ОЛОНЕЦЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ШТАБ-ОФІЦЕРА МИШЕЦЬКОГО Д. П. ПОЛОЗОВУ ПРО НЕСХВАЛЬНУ ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Секретно

Начальнику 1 округа корпуса жандармов
г-ну генерал-лейтенанту и кавалеру Полозову
корпуса жандармов подполковника князя Мышецкого

Рапорт

Предписанием вашего превосходительства от 31 мая 1847 г. № 931 я поставлен в обязанность доносить через каждые полгода о поведении г-на Белозерского, каторый постоянно до сего отличался своей нравственностью, образом мыслей и скромным поведением. К сожалению, в настоящее время эти прекрасные качества Белозерского я подтвердить с той уверенностию, как доносил прежде, не могу.

Вот причина, ослабившая мое о нем хорошее мнение.

В Петрозаводске служил до сего времени исправляющим должность советника уголовной и гражданской палаты коллежский секретарь Пейкер, воспитанник училища правоведения. Во время отсутствия г-на начальника губернии Пейкер сделал дерзость противу его супруги и дам общества. За это Пейкер был исключен всем обществом из собрания и выставлен на черной доске, никто не стал его принимать, тем более никто не оправдывал его дерзости. Белозерский принял во всем его сторону, до возвращения начальника губернии оставил самовольно его дом, где имел квартиру и стол вместе с другим чиновником Макаровым, и, как Пейкер, носил здесь особенную прическу, которую ввел в моду приехавший сюда недавно правовед Барановский для исправления должности прокурора; Белозерский н Макаров, подружась с ним, ему в этой прическе подражают, что и обнаруживает Белозерского не тем уже, чем он казался доселе. Начальник губернии, как мне известно, за ним наблюдает.

Пейкер переведен ныне в Астрахань, и тем молодые люди не будут более иметь возможности обращаться с столько дерзким и неблагонамеренным человеком, каков был Пейкер; что и может послужить к их же пользе.

Вашему превосходительству почтительнейше честь имею представить на благоусмотрение.

Подполковник Мышецкий

10 ноября 1849 г., № 93, Петрозаводск

Резолюція О. Ф. Орлова: Г[енерал]-л[ейтенанту] Дубельту: Писареву: Я интересовался, знаю, хотя вы не доносили, но вразумите, обратите на хорошую дорогу, в противном случае пусть ничего от меня не ожидает.

Проти слів: «правовед Барановский» [120] *помітка:* Справку.

Помітка про одержання: 19 ноября 1849 г.

Ч. IV, арк. 219—220. Оригінал.

№ 554

1849 р. листопада 22.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНСЬКОГО ПРОКУРОРА БАРАНОВСЬКОГО

Справка

Коллежский асессор Барановский был арестован в мае месяце; но комиссия нашла, что он посещал Буташевича-Петрашевского [121] совершенно случайно, в предосудительных разговорах не участвовал, и что вообще

к обвинению его не было никаких оснований, а потому по ходатайству комиссии Барановский освобожден 3 июля, и вскоре после того выехал в Петрозаводск, по случаю назначения его туда прокурором.

22 ноября 1849 г.

Ч. IV, арк. 221. Копія.

№ 555

1849 р. листопада 24.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА М. Е. ПИСАРЄВУ З ПРОХАННЯМ ЗРОБИТИ ЗАУВАЖЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ЩОДО ЗМІНИ В ЙОГО ПОВЕДІНЦІ

Секретно

Его пре[восходительст]ву Н. Е. Писареву

24 ноября 1849 г.

Милостивый государь Николай Эварестович!

Я интересовался служащим в Петрозаводске чиновником Белозерским, и хотя ваше превосходительство ничего не сообщали мне о его неприличном поведении, но я знаю, что он изменил прежнему образу жизни и своими поступками обращает на себя внимание, совершенно противоположное тому, каким пользовался прежде по своей нравственности и скромному образу мыслей.

Это побуждает меня покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли, внушив г-ну Белозерскому неприличие нынешних поступков, стараться тем обратить его к поведению, соответственному его положению и образованию, и вместе с тем не угодно ли вам, милостивый государь, предварить его, что в противном случае он не может уже ожидать от меня того участия, с каким я заботился о нем до сих пор.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. IV, арк. 222—223. Відпуск.

№ 556

1850 р. травня 19.— РАПОРТ Д. П. ПОЛОЗОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО СЛУЖБУ ТА ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Секретно

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

19 мая 1850 г., № 146, С.-Петербург

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

От 31 мая 1847 г. за № 913 г-н шеф жандармов предписать мне изволил: представлять через каждые 6 месяцев сведение о поведении кандидата 10-го класса Василия Белозерского, высланного по высочайшему повелению на службу в Петрозаводск под секретный надзор.

Вследствие чего олонецкий жандармский штаб-офицер подполковник кн. Мышецкий о поведении Белозерского за последние 6 месяцев рапортом от 13 сего мая доносит мне, что Белозерский в настоящее время исправляет должность асессора губернского правления и непременного члена олонецкого приказа общественного призрения и повидимому старается загладить свой поступок, о котором ваше превосходительство изволите быть известны

из донесений кн. Мышецкого за № 93, препровожденного мною к вам в подлиннике при отношении от 21 ноября 1849 г. за № 499.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Д. Полозов

Помітка про одержання: 20 мая 1850 г.

Ч. IV, арк. 224. Оригінал.

№ 557—559

1850 р. квітня 16.— ЗАПИСКИ КН. О. В. КОЧУБЕЯ ТА ГР. С. П. ПОТЬОМКІНА З ПРОХАННЯМ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРОЧИТАТИ НАДІСЛАНИЙ НА ЇХ ІМ'Я ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО І ДОПОМОГТИ ЙОМУ

Ч. VI, арк. 225—227. Автографи франц. мовою.
Не публікуються.

№ 560

1850 р. березня 31.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОЯСНЕННЯМ СВОЇХ ВІДНОСИН З Г. Л. АНДРУЗЬКИМ НА ЗАСЛАННІ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Почитая вас как истинного своего благодетеля, я решаюсь представить вашему превосходительству настоящее мое положение со всей откровенностью и просить вашего великодушного покровительства.

20 настоящего марта по приказанию г-на губернатора в квартире известного вашему превосходительству Андрузского сделан был полицмейстером обыск [122], все бумаги его забраны, а сам он оставлен дома; вслед за тем Андрузский был потребован к г-ну губернатору, откуда отправлен к себе на квартиру под строжайший арест.

На другой день после этого я был у г-на губернатора, и его превосходительство мне сказал, что меня могут постигнуть неприятности.

Мне очень жалко Андрузского. Я не мог предполагать, чтобы в его бумагах заключалось что-либо важное, преступное. Андрузский в состоянии был писать или о предметах безразличных, обыкновенных, или создавать какие-нибудь пустые фантазии, будучи слишком молодым и неопытным человеком, у которого воображение не направлено ни учением, ни разумом. Он не способен ни к какому практически полезному труду как человек больной, которому дикость характера, близорукость и бедность мешали делать знакомства, живший в совершенном уединении и почти дошедший до мономании.

Тем не менее, слова г-на губернатора при настоящем моем положении, весьма беспокоят меня, потому что был знаком с Андрузским и позволил ему бывать у меня, хотя сам не был у него в продолжении целого года ни разу.

Знакомство мое основывалось единственно, на сострадании к его жалкому положению; у меня не было ничего с ним общего, кроме участия, которого он вполне заслуживает по своему физическому и моральному состоянию. Странности его способны скорее оттолкнуть от него всякого, чем приблизить, и это самое обязывало меня оказывать ему больше внимания, которое я успел обратить на него и со стороны г-на губернатора. Андрузский видел это, и из благодарности сначала был ко мне привязан и даже откро-

венен, и часто выслушивал мои наставления, самые строгие и неприятные для его самолюбия, с величайшим терпением, но в последнее время я был так занят, что не мог уделять ему много внимания: это показалось ему пренебрежением, и он, написавши записку, полную оскорбленного самолюбия и вместе сознания своей негодности, совсем перестал бывать у меня. Я вдаюсь в эти пустые подробности для того, чтобы яснее представить вашему превосходительству, на чем существенно основывались мои отношения к Андрузскому и какого рода действительно было мое с ним знакомство, начавшееся только в Петрозаводске, ибо до тех пор я с ним знаком не был.

Я знаю, что он пишет, но не бывая у него и не имея охоты перечитывать его рукописи, я знал только то, что он сам мне показывал. Это бывали большей частью или пустые стихи, или отрывочные рассуждения, заметки; если я что-нибудь хвалил, он был весьма доволен; большей же частью я порицал его манию писать что попало и не раз ему советовал не писать ничего для сбережения глаз; но он всегда возражал, что не может от этого удержаться, и так как для него дорог самый процесс передачи на бумагу своих мыслей, а не содержание того, что написано, то я и не придавал никакой важности его писанию. В последние же месяцы, когда он бывал у меня редко и всегда почти задумчив, я несколько раз допытывался у него — не пишет ли он о предметах, которых совсем не знает и о которых рассуждать не следует, но он всегда отвечал мне, что не пишет ничего подобного. И сколько могу себе припомнить, сам я не встречал у него ничего важного; если же в бумагах Андрузского есть что-либо неприличное, то это не более, как следствие его расстроенного воображения, его мономании и не заключает в себе ровно никакого дурного умысла. Писать и писать беспрестанно составляет для него непобедимую потребность: это — единственное занятие, к которому он способен и которое сколько-нибудь развлекает его.

Мое поведение, мои занятия и мнение так были всегда открыты и так хорошо известны г-ну губернатору, что я нисколько не опасался знакомства ни с кем, а тем менее с Андрузским: я был убежден, что сочувствовать положению человека — не значит еще сочувствовать ему во всех его помышлениях.

Мне неизвестно, какое значение имеют бумаги Андрузского в глазах его превосходительства г-на губернатора, смею только уверить, что мои мысли и советы всегда клонились к его истинной пользе и не заключали в себе ничего такого, отчего бы я должен бояться неприятностей. Я никогда не воображал, что можно подпасть ответственности за какие-нибудь стишонки или фразы сумасбродного человека, в котором мы принимаем участие. Я не могу думать, чтобы ни служба, ни безукоризненное поведение в продолжение трех почти лет не защитили человека от подозрений в разделе мыслей, не имеющих никакого разумного основания. Жизнь недаром делает меня с каждым днем опытнее и рассудительнее.

Я твердо верую в справедливость и беспристрастие вашего превосходительства и вполне полагаюсь на вашу благодетельную защиту, о которой вновь умолять осмеливаюсь.

Провидение вручило вам судьбу мою: позвольте же надеяться, что ваше превосходительство никогда не пожелаете пренебречь ею и не лишите меня того отеческого участия, которое меня спасало и останется навсегда священным в памяти моего сердца.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенной преданностью имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга

В. Белозерский

31 марта 1850 г., Петрозаводск

Помітка про одержання: 17 апреля 1850 г.

Ч. IV, арк. 228—230. Оригінал.

№ 561

1850 р. березня 20.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО О. В. КОЧУБЕЯ З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО ДОЗВІЛ НА ВІДПУСТКУ ЙОГО В м. ПЕТЕРБУРГ ДЛЯ ПОБАЧЕННЯ З РІДНИМИ

Ваше превосходительство
милостивый государь Александр Васильевич!

По возвращении своем из Петербурга губернатор мне сказал, что гр. Орлов приказал не давать мне отпуска. На вопрос мой, могу ли я знать, по каким причинам его сиятельству угодно было лишить меня милости, раз уже дарованной, г-н Писарев объяснил, что это сделано по соображениям, которые не будут иметь для меня дурных последствий, а напротив — хорошие.

Ответ его превосходительства был для меня в высшей степени неожидан и непонятен, ибо, во-первых г-н губернатор сам обещал мне ходатайство в мою пользу; во-вторых, разрешенный мне письмом Леонтия Васильевича от 15 сентября отпуск не был отменен, и, наконец, в-третьих, по воле губернатора, я уже оставался полгода в Петрозаводске, и разве только одна несправедливость, одна недальновидность и злоба может найти в моем поведении и службе что-нибудь не соответствующее чести и настоящему моему положению.

Я не мог не удивиться тому, что вдруг меня лишили единственного блага в моем положении, существенной необходимости для меня и родных моих. Я не в состоянии объяснить себе ответа г-на Писарева ничем иным, как только тем, что вероятно до гр. Орлова доведены были какие-либо ложные и (неверные), дурные на мой счет сведения.

Чувствуя себя совершенно невинным, сознавая во глубине души перед богом и совестью, что находясь в Петрозаводске, я не сделал ничего преступного или недостойного, что я постоянно был употребляем на службе в продолжение двух с половиной лет как человек доверенный и способный,— я смело прибегаю к покровительству вашего превосходительства и умоляю об исходатайствовании мне вызова в Петербург.

Я желаю выслушать все обвинения, какие против меня имеются, объяснить причину их и утвердить о себе то мнение, которое успели, может быть, поколебать в гр. Орлове и Леонтии Васильевиче. Там, где мне будет внимать справедливость и беспристрастие, там я не сомневаюсь в оправдании своей невинности: говорю это с полным убеждением в истине и правоте своей. Обращаюсь к вашему высокопревосходительству как давнему и постоянному благодетелю нашего семейства, столь часто встречавшего нужду прибегать под покров вашей силы и доброты.

Умоляю вас всем священным о полном ко мне участии Вашей христианской души, ибо оно необходимо не для одной какой-либо частной пользы, но для спасения всего человека, который не имеет здесь ни защиты и никакого ручательства против преследований злобы и страданий, которым не видит конца.

С чувством глубочайшего почтения и искренней преданности, имею честь пребыть вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

В. Белозерский

Не имея возможности поступить иначе, я осмеливаюсь покорнейше Вас просить быть посредником при передаче прилагаемого письма к Леонтию Васильевичу.

20 марта 1850 г.

Помітка Л. В. Дубельта: Это письмо писано к А. В. Кочубею и им мне передано.

Ч. IV, арк. 231, 232. Автограф.

№ 562

1850 р. березня 20.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОЯСНЕННЯМ СВОЄІ ПОВЕДІНКИ В м. ПЕТРОЗАВОДСЬКУ І ПРОХАННЯМ КЛОПОТАТИ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО ДОЗВІЛ НА ВІДПУСТКУ ДО м. ПЕТЕРБУРГА

Ваше превосходительство
милостивый государь Леонтий Васильевич!

По возвращении своем из Петербурга его превосходительство г-н губернатор на просьбу мою об отпуске для свидания с родными мне отвечал, что «гр. Орлов приказал меня не отпускать». На вопрос мой, могу ли я знать, по каким причинам его сиятельству угодно было лишить меня милости, раз уже дарованной, его превосходительство объяснил, что это сделано по соображениям, которые не будут иметь для меня дурных последствий, а напротив — хорошие.

Ответ его превосходительства был для меня в высшей степени неожидан и непонятен ибо, во-первых, г-н губернатор сам обещал мне ходатайство в мою пользу, во-вторых, разрешенный мне письмом вашего превосходительства от 15 сентября отпуск не был отменен, и, наконец, в-третьих, по воле г-на губернатора я уж оставался полгода в Петрозаводске, и разве только одна несправедливость, одна недальновидность может найти в моем поведении и службе что-нибудь несоответствующие чести, совести и настоящему моему положению.

Не могу себе объяснить ответа г-на губернатора ничем иным, как только тем, что, вероятно, до его сиятельства гр. Орлова доведены были какие-либо неверные и дурные на мой счет сведения.

Чувствуя себя совершенно невинным, сознавая в глубине души перед богом и совестью, что находясь в Петрозаводске, я не сделал ничего преступного или недостойного, что я постоянно был употребляем на службе в продолжении двух с половиной лет как доверенный и прилежный чиновник, я осмеливаюсь вновь обратиться к вашему превосходительству в тяжком для меня положении и умолять Вас об исходатайствовании у его сиятельства одной для меня милости. Оставляя в стороне отпуск, существенно для меня и родных моих необходимый, я жажду теперь одного — выслушать все обвинения, какие против меня имеются, объяснить их причину и принести верное оправдание в своей невинности. Для сего умоляю вызвать меня в Петербург. Там, где мне будет внимать справедливость и беспристрастие в лице вашего превосходительства, там я не сомневаюсь в оправдании. Обращаюсь к вашему превосходительству как единственному своему благодетелю, как к отцу, от коего я вправе ожидать участия и защиты.

Прошу покорнейше верить, что я говорю не пустые слова, но с полным убеждением в истине и правоте своей, прошу покорнейше ваше превосходительство принять меня вновь под свое покровительство и не оставить меня без благодетельной помощи. Здесь я не имею никого, кто подал бы мне в в настоящем положении совет или помощь. Если вашему превосходительству не угодно будет мне поверить и убедить его сиятельство внять моей просьбе, то я останусь здесь без всякой подпоры и неминуемо должен переносить самую горькую и незаслуженную участь.

В твердой надежде на доброту души Вашей и с глубочайшим почтением и преданностью имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга

В. Белозерский

20 марта 1850 г., Петрозаводск

Ч. IV. арк. 233—234. Автограф.

№ 563

1850 р. квітня 19.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ЩОДО НАДАННЯ ВІДПУСТКИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ДЛЯ ПОЇЗДКИ В ПЕТЕРБУРГ

Асессор Олонецкого губернского правления титулярный советник Белозерский, желая видеться с своими родными, в сентябре 1849 г. просил удостоить его уведомлением: может ли он ходатайствовать об увольнении его в отпуск, и как поступить ему в этом случае? — С соизволения гр. Алексея Федоровича Белозерскому ответственно было, что его сиятельство совершенно согласен на означенный отпуск и что он может для сего установленным порядком обратиться с просьбою к своему начальству.

Ныне А. В. Кочубей, принимающий особенное участие в Белозерском, доставил полученное от него письмо на имя вашего превосходительства, в котором Белозерский объясняет, что г-н олонецкий и гражданский губернатор в прошедшем году изъявлял согласие на означенный отпуск, между тем теперь по возвращении своем из С.-Петербурга объявил ему, Белозерскому, что «гр. Орлов приказал его не отпускать».— Полагая, что его сиятельству сообщены были какие-либо неверные и дурные сведения, Белозерский просит вызвать его в С.-Петербург, дабы он мог объяснить причину обвинений, какие против него имеются, и принести оправдание своей невинности.

Письмо Белозерского имеет вид жалобы на губернатора, и он присовокупляет, что если ему будет отказано в настоящей просьбе, то он должен будет переносить самую горькую и незаслуженную участь.

Независимо от сего Белозерский прислал еще другое письмо на имя вашего превосходительства, в котором сообщаем, что по распоряжению г-на губернатора отобраны у находящегося в Петрозаводске Андрузского бумаги, и что на другой день после сего действительный статский советник Писарев сказал Белозерскому, что и его могут ожидать неприятности. Объясняя за сим, что он был знаком с Андрузским, и что знакомство это основывалось единственно на состраданьи и к его жалкому положению, Белозерский старается изъяснить, что все его мысли и советы всегда клонились к истинной пользе Андрузского и не заключали в себе ничего такого, что могло бы повергнуть его, Белозерского, неприятностям.

Справки: [1]. После данного Белозерскому в прошедшем году разрешения проситься в отпуск получено было от штаб-офицера корпуса жандармов донесение, что он не отличается уже прежним похвальным поведением, и в, особенности, с тех пор, когда вошел в дружбу с одним молодым человеком, Пейкером, который публично нанес оскорбление супруге губернатора и навлек на себя общее презрение. Вследствие этого писано было губернатору, дабы он сделал Белозерскому должное внушение.

2. Относительно опасения Белозерского насчет знакомства его с Андрузским сведений не имеется, и в представлении г-на Писарева об Андрузском ничего не было упомянуто о сношениях с ним Белозерского.

19 апреля 1850 г.

Помітка Л. В. Дубельта: Сообщено Кочубею.

Ч. IV. арк. 235—236. Копія.

№ 564

1850 р. листопада 20.— ЧЕРГОВИЙ РАПОРТ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ О. Ф. ОРЛОВУ З ПОДАННЯМ РАПОРТА КН. МИШЕЦЬКОГО Д. П. ПОЛОЗОВУ ПРО НЕСХВАЛЬНУ ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ

Ч. IV, арк. 237. Оригінал. Не публікується.

№ 565

1850 р. листопада 14.— РАПОРТ КН. МИШЕЦЬКОГО Д. П. ПОЛОЗОВУ ПРО НЕСХВАЛЬНУ ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Секретно

Начальнику 1-го округа корпуса жандармов
г-ну генерал-лейтенанту и кавалеру Полозову
корпуса жандармов подполковника кн. Мышецкого

Рапорт

После донесения моего вашему превосходительству от 13 мая сего года № 34, я не вижу, чтобы кандидат 10-го класса, ныне асессор губернского правления Василий Белозерский старался исправиться в своем поведении и в образе мыслей; начальник губернии постоянно недоволен им за его свободный дух и мне это лично известно.

Вашему превосходительству почтительнейше донести честь имею.

Подполковник кн. Мышецкий

4 ноября 1850 г., № 97, Петрозаводск

Помітка: Донести III отделению.
Помітка про одержання: 18 ноября 1850 г.

Ч. IV, арк. 238. Оригінал.

№ 566

1851 р. січня 1.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО М. Е. ПИСАРЄВА ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО І МОЖЛИВІСТЬ НАДАТИ ЙОМУ ВІДПУСТКУ

Его пре[восходительст]ву Н. Э. Писареву

11 января 1851 г., № 4

Милостивый государь Николай Эварестович!

Член государственного совета Кочубей просит меня об исходатайствовании высланному по высочайшему повелению в г. Петрозаводск титулярному советнику Белозерскому хотя кратковременного отпуска к его матери.

Сообщая о таковой просьбе вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, почтить меня уведомлением, заслуживает ли Белозерский таковогo снисхождения и может ли он, по вашему мнению, быть уволен в отпуск.

Примите, ваше превосходительство, уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов
Верно: коллежский советник К. Миллер

Ч. IV, арк. 239. Відпуск.

№ 567

1850 р. грудня 29.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО НАДАННЯ ЙОМУ ВІДПУСТКИ

Ч. IV, арк. 240—241. Автограф. Не публікується.

№ 568

1851 р. січня 4.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО УЧАСТЬ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО В КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОМУ ТОВАРИСТВІ ТА ЙОГО ПОВЕДІНКУ НА ЗАСЛАННІ

Находящийся в Петрозаводске асессор Олонецкого губернского правления титулярный советник Белозерский, получив сведение, что зятю его, служащему в Туле чиновнику 9-го класса Кулишу, всемилостивейше разрешено иметь жительство и служить, где пожелает, не исключая и столиц, просит ваше превосходительство об исходатайствовании ему, Белозерскому, таковой же милости.

Справка. 1. Кандидат 10-го класса Белозерский по производившемуся в 1847 г. делу об Украйно-славянском обществе оказался виновным в том, что принимал ближайшее участие в развитии сего общества, составил устав оного, рукопись, именуемую «Закон божий», в конце которой находятся воззвания к «Братьям украинцам» и «Братьям великороссиянам и полякам», и другую в высшей степени преступную рукопись о неестественном состоянии славян под властию государей, и о необходимости действовать к освобождению их, преимущественно Малороссии.

Как Белозерский по арестовании во всем сознался и дал положительное сведение об упомянутом обществе, то в уважение сего он не был заключен в крепость, а по высочайшему повелению отправлен в мае 1847 г. в Олонецкую губ. для определения на службу без лишения преимуществ, прежде приобретенных, но не по ученой части и с учреждением за ним надзора.

Сначала получались о Белозерском удовлетворительные сведения, и потом он в 1849 г. определен в настоящую должность; но в ноябре того же 1849 и за тем в 1850 г. находящийся в Олонецкой губ. подполковник корпуса жандармов кн. Мышецкий доносил, что поведение Белозерского заметно изменяется к худшему, что несмотря на сделанное ему за это замечание, он не старается исправить себя ни в образе мыслей, ни в нравственности и что начальник губернии постоянно недоволен им за его свободный дух и что это лично известно ему, кн. Мышецкому.

Хотя г-н действительный статский советник Писарев и входил о Белозерском с представлением к упомянутому торжеству — 25 лет царствования — о дозволении ему служить в других губерниях, но гр. Алексей Федорович принял во внимание донесение кн. Мышецкого, изволил приказать исключить его, Белозерского, из списка лиц, которым испрашивалось помилование.

Резолюція Л. В. Дубельта: Когда поведением заслужит и будет рекомендован губернатором.

Ч. IV, арк. 242—243. Копія.

№ 569

1851 р. січня 6.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ПРО ЗАБОРОНУ О. Ф. ОРЛОВА НАДАТИ ЙОМУ ВІДПУСТКУ В ЗВ'ЯЗКУ З НЕГАТИВНИМ ВІДЗИВОМ ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА ПРО ЙОГО ПОВЕДІНКУ

Его благородию В. М. Белозерскому

Милостивый государь Василий Михайлович!

6 января 1851 г., № 34

По докладу г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову просьбы вашей, изъясненной в письме от 29 декабря, гр. Алексей Федорович изволил отозваться, что ежели вы, милостивый государь, поведением своим и усердным исполнением служебных обязанностей обратите на себя внимание вашего начальства и получится засвидетельствование о том г-на олонецкого гражданского губернатора, то его сиятельство не оставит принять на себя ходатайство о даровании вам испрашиваемой вами милости.

Уведомляя вас, милостивый государь, о таковом отзыве гр. Алексея Федоровича, имею честь удостоверить в истинном почтении и преданности.

[Подписал] Л. Дубельт
Верно: коллежский советник К. Миллер

Ч. IV, арк. 244. Відпуск.

№ 570

1851 р. січня 20.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОЯСНЕННЯМ ВЗАЄМОВІДНОСИН З ОЛОНЕЦЬКИМ ГУБЕРНАТОРОМ М. Е. ПИСАРЄВИМ

Ваше превосходительство милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Первым своим долгом поставляю выразить вашему превосходительству совершенную признательность за ответ (на письмо мое от 29 декабря), которым ваше превосходительство изволили меня удостоить и тем поставили меня в известность насчет моего положения в Петрозаводске.

Обстоятельства, в которых я нахожусь в настоящее время, и полное доверие, которое питаю к справедливости и душевной доброте вашей, обязывают меня откровенно высказать перед вашим превосходительством все, что лишает меня покоя... надежды на благоприятный результат, которого я был бы вправе для себя ожидать, основываясь на условиях хорошего поведения и усердного исполнения служебных обязанностей, при которых его сиятельство гр. Алексею Федоровичу благоугодно принять на себя ходатайство обо мне. Усерднейше прошу ваше превосходительство терпеливо меня выслушать.

Я имел бы право сказать, что моя усердная служба и честность была причиной, что я тотчас не воспользовался разрешенным мне в сентябре месяце прошлого 1849 г. отпуском, если бы сверх того не присоединилась другая цель в удержании меня в Петрозаводске.

В отсутствие г-на олонецкого гражданского губернатора, с июня до начала сентября того же 1849 г., была открыта в здешнем приказе общест[венного] призр[ения] значительная растрата денег и карт, и следствие обнаружило в отделах и счетах приказа весьма важные беспорядки.

На третий день по выезде губернатора из Петрозаводска в отпуск я тоже должен был выехать по поручению в Олонецк, где пробыл около двух месяцев. На другой [день] после моего возвращения, 22 августа, в клубе, где я, утомленный дорогой, не мог быть, произошли неприятности между бывшим здесь на службе советником уголовной палаты Пейкером и супругой губернатора, причиной которых было то, что она услыхала веденный тихо разговор Пейкера с одной знакомой ему, приехавшей из Петербурга, дамой, в котором он выразился о г-же Писаревой, «qu'elle est femme trissimple»[123].

С этого же дня по усердию некоторых досужих людей, для которых близость моя к губернаторскому семейству была помехой, начались и мои неприятности. Я ввожу эти мелочные обстоятельства по необходимости, чтобы сделать понятным свое объяснение.

В начале сентября губернатор возвратился. Я с нетерпением ожидал его приезда, я не сомневался, что моих объяснений будет совершенно достаточно, как для того, чтобы показать недобросовестность людей, которые для собственных целей дали неожиданный оборот ничтожному случаю и, раздражая умышленно г-жу Писареву, беспощадно чернили других,— так и для того, чтобы поистине объяснить дело, о котором я подробно уже писал губернатору в Москву. Но вдруг, сверх всякого чаяния, г-н Писарев прислал мне сказать, чтобы я не являлся к нему до тех пор, пока он сам не позовет меня, что продолжалось около двух недель, в течение которых разные неблагонамеренные лица совершенно, как оказалось после, овладели мнением г-на Писарева.

Через несколько дней после приезда губернатора получен был мною и милостиво дарованный мне отпуск, вследствие чего я просил позволения с ним видеться.

Объяснив сначала по всей справедливости обстоятельства этого щекотливого дела, в которое меня замешали самым ложным и коварным образом, и будучи удовлетворен ответом губернатора: «Я вас в душе нисколько не обвиняю», я предъявил письмо, на основании которого просил дозволения подать просьбу об отпуске. В минуту мне было сказано на это согласие, но вслед затем г-н Писарев просил меня остаться до ноября месяца по той причине, что приказ (лежащий на непосредственной ответственности губернатора, как председателя) в большом расстройстве, и что он, кроме меня, не имеет чиновника, которому бы мог поверить распоряжение суммами и приведение делопроизводства в порядок. К тому же мне было сказано, что в городе подумают будто я уезжаю вследствие случившихся неприятностей, что, наконец, в это время неудовольствие его супруги пройдет, обстоятельства разъяснятся, и наступит совершенное примирение. Считая себя обязанным г-ну Писареву, будучи совершенно убежден в своей правоте и надеясь, что приведением приказа в порядок я вновь докажу свое усердие к службе, сделаю пользу губернатору и тем заслужу с его стороны право на ходатайство у правительства о совершенном моем освобождении из Олонецкой губ., я остался, в два месяца с полным успехом исполнил возложенное на меня дело и дожидался только зимнего пути, чтобы выехать. Вдруг г-н Писарев мне говорит, что он намерен назначить меня в следственную комиссию о растрате денег и карт в приказе, так как первое следствие оказалось неудовлетворительным.

Зная, что это дело многосложное и может задлиться, я напомнил о своем отпуске и просил меня не задерживать. Но г-н Писарев опять начал представлять свое затруднение насчет знающего и верного чиновника, уверяя меня, что к концу января я окончу свое поручение и тогда поеду, что между тем он в Петербурге будет непременно ходатайствовать за меня. Я снова покорился своей участи и стал снова работать, просиживая иногда до 5 часов утра в комиссии.

Но г-н Писарев вероятно опасался, что я могу подать просьбу об увольнении меня в отпуск, призвав меня однажды в начале декабря, показал отношение его сиятельства гр. Алексея Федоровича (от 24 ноября 1849 г.), в котором предписывалось «внушить мне, чтоб я исправился в своем поведении и образе мыслей, которые с некоторого времени изменились; в противном случае я лишусь того участия, каким до тех пор пользовался». После двухкратного по требованию губернатора чтения названной бумаги я с удивлением и огорчением спросил его, что могло дать повод к такому обо мне мнению и просил откровенно мне сказать, что есть ли в моем поведении и образе мыслей что-нибудь, заслуживающее порицания. Но г-н Писарев меня уверял, что он не понимает причины и старался утвердить меня в той мысли, что вероятно Пейкер, находясь в Петербурге, для своего оправдания обвинил меня и что это дошло до графа. Но подобное объяснение меня не удовлетворило, ибо хотя я знал Пейкера как малого ветренного, но благородного, который никогда бы не решился обвинять человека совершенно невинного и мнения которого совершенно были тому противны; поэтому я сказал, что намерен написать к вашему превосходительству и просить поставить в известность, в чем мое поведение и образ мыслей изменился к худшему, так как я решительно не знаю, каким образом должен исправиться. Но г-н Писарев усиленно меня от этого удерживал и обнадежил, что при свидании с графом он обо всем узнает и оправдает меня в глазах его сиятельства. Это возбудило во мне мучительнейшие подозрения, но не желая отступиться от данного слова, я не решился беспокоить ваше превосходительство своим письмом в надежде, что мой выезд из Петрозаводска близок.

Сверх всякого ожидания губернатор долго пробыл в Петербурге, и комиссия окончила свои занятия прежде его возвращения; однако же, несмотря на три письма, я не получил от иего никакого ответа. Наконец г-н Писарев воротился. После объяснения по возложенному на меня поручению я спросил, какого мнения обо мне в Петербурге, и получил в ответ — мнения хорошего; когда же я сказал, что семейные обстоятельства настолько требуют моего присутствия на родине, мне отвечали: «Гр. Орлов не велел вас пускать! А что касается до семейных обстоятельств, то я был в гораздо худших». И когда впоследствии я просил объяснить причину такой немилости ко мне графа, то мне было сказано только, что «меня не пускают по соображениям, которых последствия будут для меня полезны, а не вредны». Смею уверить ваше превосходительство, что я не прибавляю от себя ни слова, напротив, я опускаю множество обстоятельств, неприятностей, терзаний и всю обстановку, сопровождавшую эти нагие факты, которые сами за себя говорят. Прошу покорнейше ваше превосходительство быть в этом деле судьею. Можно ли было ужаснее и несправедливее воспользоваться честностью и трудами безукоризненного человека, его стесненным и зависимым положением?

Сначала это меня удивляло, поражало, но теперь, через год после описанного, я нисколько не удивился, когда г-н Писарев на просьбу мою засвидетельствовать пред правительством о моей усердной службе и поведении сам лично отозвался, что «пред ним я этого ничего не заслужил и что он сам, в бытность свою в Петербурге и всегда, дурно отзывался обо мне гр. Орлову». Такое открытие меня уже не удивило, хотя не более месяца тому назад из тех же самых уст я слышал, что обо мне был послан хороший отзыв и что непонятно, почему я до сих пор не удостоин прощения и при этом г-н Писарев мне обещал свое ходатайство в Петербурге, куда вскоре он намерен отправиться. Мог ли я уже удивляться подобному отзыву, несмотря на то, что к такому невозможному, по-видимому, противоречию в словах и действиях не было никакого повода!

Когда я по возвращении г-на Писарева из нынешней поездки по губернии предъявил ему письмо вашего превосходительства и просил послать хороший обо мне отзыв, г-н Писарев мне отвечал, что этого теперь не сделает и оставляет до личного свидания с его сиятельством. Когда же усиленными представлениями, и зная по опыту, как неблагоприятны для меня его поездки, я старался убедить его отозвать ныне, г-н Писарев отвечал, что «ничего хорошего сказать обо мне не может». Поэтому я просил объяснить мне, наконец, почему я не могу во столь продолжительное время заслужить никакой похвалы, ни награды за свою усердную службу, несмотря на то, что мое поведение и служба открыты для тысячи глаз,— и это повело к объяснениям, из которых я увидел, до какой степени можно словами извращать факты и истину и утешился, по крайней мере, тем, что все обвинения, какие только могли при всевозможных усилиях собрать в целые годы, слишком слабы и шатки и не выдерживают прямого и открытого анализа даже в получасовом, ничуть не подготовленном разговоре.

Г-н Писарев обвиняет меня в том: 1) что я интриговал против него и знакомился с людьми, которых он хотел «выгнать»; 2) что я старался иметь иа него влияние, 3) что я «развратил» Макарова (жившего у него в доме чиновника) и сделал его врагом ему. Других обвинений не нашлось, а эти я тут же разъяснил.

Во-первых, я никогда не хотел «иметь на него влияние», (понимая слово в дурном смысле), напротив, ознакомившись уже прежде с Олонецкой губ., я старался быть ему полезен чем мог: говорил ему правду, высказывал свое мнение, когда меня спрашивали о делах и людях, как понимал, по чистой совести, и всегда был искренним и бескорыстным посредником между им и другими, которым доступ к нему был затруднительнее моего и которые не осмеливались подробно объяснять ему о своих нуждах; что я никогда не мог понять и теперь не понимаю, как можно было по сплетням, ни на чем не основанным, оттолкнуть от себя и преследовать человека, который целым годом доказал свою преданность и честность, на которого г-н Писарев никогда ни в чем поистине не может пожаловаться: справедливость моих слов я могу подкрепить фактами, которые писал к нему из уездов и на которые получал ответы; 2) что касается до того, что я развратил Макарова, то я ни развращать, ни внушать кому-либо враждебные чувства не способен, а напротив всегда готов служить примирителем, если к тому есть какой-либо повод или возможность; я объяснил г-ну Писареву, что единственной причиной, почему Макаров оставил его, был он сам; что его недоверие и предпочтение честному и благородно воспитанному Макарову людей, которые недостойны ни почему никакой веры, были первым оскорблением, которое решило в его душе намерение оставить Олон[ецкую] губ[ернию], что я сам сначала удерживал Макарова и старался умирить его, но последовавшие нападки и неприятности, намерения сослать его в один из отдаленных городов довели Макарова до того, что ему даже опасно было здесь оставаться. Наконец, 3) обвинение, будто я интриговал и знакомлюсь с людьми, против которых г-н Писарев питает неудовольствие, упало само собою, ибо, во-первых, не в моем положении, не в моих понятиях и не при здешних обстоятельствах, когда все средства направлены к тому, чтобы меня в чем-то поймать или обвинить, я мог решиться интриговать; притом же я не имел никакой достаточной причины, ни выгоды интриговать, хлопотать в городе, из которого ежеминутно желал вырваться, а если бы на то и решился, то слишком уверен, что все до мельчайших подробностей было бы известно г-ну Писареву, и он без сомнения заметил бы неприличное мое поведение, чего никогда не случалось, потому что не было с моей стороны никакого повода; если же на меня исподтишка лгали, то лгали люди, которые известны всякому наперечет, и критика источников покажет всю их

достоверность. Что же касается до моих знакомств, то мне даже непонятно, как можно было меня упрекать за знакомство с горным начальником Бутеневым, с советником губернского правления Виноградским, с доктором Онессоном, с бывшим вице-губернатором Нуромским и секретарем каз[енной] палаты Минченковым; с последними двумя мои отношения так далеки, что странно предполагать какую бы то ни было близость; вменять же в вину такое знакомство, как мое, при обществе, ограниченном горстью людей и одних чиновников, можно разве только для того, чтобы обвинять. Знакомство же мое с Бутеневым и Виноградским началось с первых дней моего приезда в Петрозаводск, следовательно, гораздо раньше неудовольствия к ним г-на Писарева, притом же Виноградский — товарищ мне по службе, а Онессон — честный, скромный и всеми уважаемый человек и хороший доктор, приятельские отношения к которому начались у меня с тех пор, как он первый предложил мне на время у себя приют, когда после смерти бывшего губернатора я остался в тяжком и затруднительном положении. Я не беру на себя права говорить за других, но сколько известно мне, как члену губернского правления, через руки которого проходят все дела, эти лица никогда первые не подавали повода к неудовольствиям. Я сказал г-ну Писареву, что он, без сомнения, первый назвал бы меня бесчестным человеком, если бы я прекратил без всякой причины знакомство с людьми, от которых, кроме расположения, я ничего не видел в течение нескольких лет. Притом же в Петрозаводске порядочных людей так немного, и сделано было все, чтобы посредством страха и сплетен внушить ко мне недоверие, что я должен дорожить людьми, которые в отношении ко мне никогда не изменялись.

Когда обоюдные объяснения истощились, я просил г-на Писарева ходатайствовать обо мне хоть ради того, что я по его желанию два раза остался в Петрозаводске, если я, положим, ничем другим не мог заслужить его благосклонность. На это, не находя уже никаких новых обвинений, резко прервал разговор, поставив мне в вину, то, что я осмелился писать к вашему высокопревосходительству, не сказавши ему, и что мое спасение зависит отсюда.

Но мог ли я после испытанного сказать ему о своем намерении?

Считаю бесполезным распространяться о своем поведении и прошу усерднейше ваше превосходительство извинить меня за это утомительное письмо, но я не находил никакого другого средства к тому, что бы вы могли узнать истину. Я ручаюсь за каждое свое слово; я не устраивал бы очной ставки ни с кем из своих обвинителей. В течение почти 4 лет я ни от кого ни разу не заслужил здесь малейшего упрека на свое поведение или за свой образ мыслей, и пункты приведенных обвинений при всем желании найти самые сильные, ясно доказывает мою невинность. А если вашему превосходительству будет угодно принять в соображение тысячи неприятностей, которые так обыкновенно и легко достаются в провинциальном городе на долю мне подобных людей,— способы, посредством коих стараются выводить из терпения и вызывают умышленно на дерзость и ссору, столкновения, возможных в губ[ернском] правлении, где я имею голос и обязан на основании законов подавать свое мнение по разнообразным вопросам, то, ваше превосходительство, без сомнения признаете, что я весьма терпелив и приобрел в свое пребывание в Петрозаводске достаточно опытности и благоразумия. Убежденный в Вашей справедливости, в Вашем светлом уме и участии, я с твердостью переносил тяжкую жизнь, которую нельзя сравнить даже с тюрьмой, где человек по крайней мере покоен; я не хотел воспользоваться и десятой долей представлявшихся мне случаев, чтобы наскучать ваше превосходительство своими жалобами и просьбами.

Я бы и теперь по-прежнему ожидал с терпением и, полагаясь на ваше участие, решение своей участи, я бы не решился беспокоить вас этими скуч-

ными подробностями, если бы каждую минуту не убеждался, что здесь мне невозможно дожидаться справедливости, что здесь не только не желают мне добра, а, напротив, ищут с непостижимой настойчивостью всякого повода сделать мое положение еще тяжелее,— скажу больше, ищут моей гибели. Я не говорю о множестве ложных слухов, которые распускали на мой счет, не говоря о том, что всякий, у кого доставало дерзости взвести на меня небылицу, какого бы рода ни было, безнаказанно и даже с поощрением пользовался этим правом: я приведу недавний случай, который мне показал весь ужас моего беззащитного положения. Вчера я был призван к губернатору, который мне, между прочим, поручил составить по губ[ернскому] правлению журнал и перевод отсюда в другой город писцом чиновника Гриневича, служащего столоначальником в приходе общ[ественного] призрения. Зная этого чиновника по поведению и прилежанию с отличной стороны и помня, что он остался на службе в приказе по моему настоянию, я спросил г-на Писарева, что написать о Гриневиче в журнале присутствия, так как он переводится на низшую должность, что без собственного его желания и без причин, как мера взыскания, определенного законом, не могло иметь места. На это г-н Писарев мне сказал, что Гриневич дерзок, что его обыскивали и, хотя ничего не нашли, но что его нельзя терпеть в Петрозаводске. Зная прежде поведение этого чиновника, который своими занятиями принес большую пользу делопроизводству приказа, за что с согласия г-на губернатора и был утвержден в настоящей должности, я решился заметить, что он постоянно вел себя и занимался службой отлично и не недоразумение ли причиной дурного о нем мнения? Губернатор послал за Гриневичем, а мне приказал остаться у него, и тут я тотчас заметил, что Гриневич в этом деле лицо страдательное, а действнтельное, против которого направлены все эти неприятности — я. Пока явился чиновник, разговор склонился к предмету моего отпуска, и г-н Писарев, неожиданно показав мне последний запрос его сиятельства на мой счет, приказал мне подать ему просьбу об исходатайствовании отпуска, с тем, что он намерен уже писать обо мне гр. Орлову, что я исполнил, решительно не понимая, к чему ведет теперь просьба. Явился Гриневич, и при мне, в кабинете с затворенными дверями, начался допрос, из которого я увидел ясно, что Гриневич уже был обо всем переспрошен, что спрашивать было незачем, что у него не нашли ровно ничего подозрительного, и что вся эта сцена делалась для меня, вроде очной ставки, которая бы не имела равно никакой цели, если бы из вопросов я не заметил, что Гриневича хотят сделать моим знакомым, который мне переписывал какие-то бумаги, который будто бы что-то скрывает и что от него во что бы то ни стало хотят вынудить какое-то признание, относящееся ко мне, хотя обвиняют его, по-видимому, только в том, что он писал какие-то маленькие записки на польском языке, которых даже подобия у него не нашли, не нашли даже писем, потому что он — круглый сирота, беден и, как ссылался на свидетельство полиции, нигде не бывал и ни с кем не вел знакомства. Гриневича в чем-то хотели уверить, а меня смутить, но он был так догадлив, его ответы были так положительны, он был так чист и невинен, для меня же все было так ясно, что я готов был смеяться от души, видя, что столько труда потрачено понапрасну, что вся эта интрига не родит даже мыши.

Во-первых, Гриневич не только не вел, но даже не мог вести со мной знакомства по отношениям служебной подчиненности и по необразованию; если же являлся ко мне, то весьма редко, на несколько минут и тогда только, когда мне было что-нибудь доложить или я сам призывал его; во-вторых, он переписывал самые невинные бумаги, относящиеся или до службы, или географические и статистические сведения об Олон[ецкой] губ., что ему можно было поручить, как пишущему скоро, чисто и хорошо, в-третьих,

нет ни малейшего повода думать, что я бы стал связываться с человеком, которого я видел только в присутственном месте, который мне совершенно неизвестен и подчинен, с которым я не мог иметь, кроме службы, никаких точек прикосновения.

Поняв цель и обыска и преследований Гриневича, по выходе его с отчаянием и страхом за свою службу, составляющую всю его репутацию и существование, я прямо спросил г-на Писарева, не угодно ли ему просмотреть бумаги, которые он для меня переписывал и, убедившись в совершенной его невинности, простить его и оставить на настоящем месте службы. Но г-н Писарев уверил меня, что дело идет только о польских записках и что он, может быть, оставит его в покое. Ужасно самому страдать, но ужаснее видеть, что меня же еще делают невольной причиной несчастья других, совершенно невиновных людей! Об усердии и пользе моей службы достаточным свидетельством может быть то, что со времени назначения моего в губ[ернское] правление, именно с марта 1849 г., я едва ли месяц оставался на месте собственно асессора, а постоянно занимал высшие должности, управляя отделениями губернского правления за советников и исполняя другие значительные поручения по службе; во время же годичного исправления должности непременного члена приказа о[бщественного] пр[изрения], я привел его в совершенный порядок, вновь устроил сберегательную кассу, и отчеты показали, что доход постоянно превышал при мне расходы приказа. На службе я никогда не получал не только замечания, но даже напоминания, хотя г-ну Писареву не угодно было представить меня ни разу к награде, тогда, как я, исправляя в течение двух лет высшие должности без увеличения жалования, имел на то законное право.

Прошу покорнейше, ваше превосходительство, не взыскать за столь длинное письмо.

Обращаясь к вам с душевным доверием, я твердо надеюсь найти в вашей добродетельной душе участие и покровительство. С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь пребыть, ваше превосходительство, покорнейший слуга

Вас[илий] Белозерский

20 января 1851 г., Петрозаводск

Помітка Л. В. Дубельта: К делу.

Ч. IV, арк. 245—250. Оригінал.

№ 571

1851 р. січня 3.— ВІДНОШЕННЯ М. Е. ПИСАРЄВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО МОЖЛИВІСТЬ НАДАННЯ ВІДПУСТКИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ДЛЯ ПОЇЗДКИ В ЧЕРНІГІВСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

На почтеннейшее предписание Вашего сиятельства, от 1 января № 4, которое я получил по возвращении моем в Петрозаводск после объезда губернии, честь имею донести, что в настоящее время с моей стороны нет препятствий к увольнению титулярного советника Белозерского в отпуск в Черниговскую губ. к его матери.

С глубочайшим почтением и неограниченной преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

Николай Писарев

[3] января 1851 г., № 550

Помітка Л. В. Дубельта: Просит член совета Кочубей.
Резолюція О. Ф. Орлова: Отпустить на 3 месяца.
Помітка про одержання: 24 января 1851 г.

Ч. IV, арк. 251. Оригінал.

№ 572

1851 р. січня 26.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ТЕ, ЩО ВІН НЕ ЗАПЕРЕЧУЄ НАДАННЮ ВІДПУСТКИ НА ТРИ МІСЯЦІ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ДЛЯ ПОЇЗДКИ В ЧЕРНІГІВСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Его сиятельству гр. Л. А. Перовскому

Милостивый государь Лев Алексеевич!

Вследствие поступившего ко мне ходатайства об увольнении асессора Олонецкого губернского правления титулярного советника Белозерского в отпуск для свидания с матерью в Черниговской губ. я сносился с действительным статским советником Писаревым, который ныне уведомил меня, что он не находит препятствия к удовлетворению означенного ходатайства.

Признавая и с своей стороны возможным уволить титулярного советника Белозерского в помянутый отпуск, я имею честь сообщить о сем на усмотрение вашего сиятельства с тем, неугодно ли будет вам, милостивый государь, приказать сделать распоряжение о разрешении Белозерскому испрашиваемого увольнения на три месяца, ежели ваше сиятельство не изволит с своей стороны встречать препятствия таковому разрешению, о последующем же я покорнейше прошу вас, милостивый государь, почтить меня уведомлением.

Примите, ваше сиятельство, уверение в истинном уважении и совершенной преданности.

[Подписал] гр. Орлов
Верно: коллежский советник Миллер

Ч. IV, арк. 252—253. Відпуск.

№ 573

1851 р. лютого 23.— ВІДНОШЕННЯ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО ВІН ДАВ ДОЗВІЛ М. Е. ПИСАРЄВУ ВІДПУСТИТИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ТРИ МІСЯЦІ У ЧЕРНІГІВСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Разрешив вместе с сим олонецкого гражданского губернатора уволить асессора тамошнего губернского правления титулярного советника Белозерского в 3-месячный отпуск в Черниговскую губ., имею честь уведомить о сем ваше сиятельство, вследствие отношения вашего, милостивый государь, от 26 минувшего января за № 155.

Примите, ваше сиятельство, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Л. Перовский

23 февраля 1851 г., № 48

Помітка про одержання: 25 февраля 1851 г.

Ч. IV, арк. 254. Оригінал.

№ 574

1851 р. березня 1.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО С. О. КОКОШКІНА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ ПІД ЧАС ЙОГО ПЕРЕБУВАННЯ У ВІДПУСТЦІ У ЧЕРНІГІВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ

Секретно

Генерал-адъютанту С. А. Кокошкину

1 марта 1851 г., № 356

М[илостивый] г[осударь] Сергей Александрович!

Прикосновенный к делу об Украйно-славянском обществе титулярный советник Белозерский, находясь на службе в Олонецком губернском правлении, получил разрешение отправиться на три месяца в отпуск в Черниговскую губ. [для свидания с матерью].

Сообщая о сем вашему превосходительству, долгом считаю покорнейше просить Вас, милостивый государь, не изволите ли сделать распоряжение, дабы по прибытии Белозерского в Черниговскую губ. учреждено было за ним секретное наблюдение [124].

Примите, ваше пре[восходительство], уверение в истинном моем уважении и сов[ершенной] пред[анности] [125]

Под[писал] гр. Орлов

Ч. IV, арк. 255. Відпуск.

№ 575

1851 р. березня 15.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО ДОЗВІЛ ЗАЛИШИТИСЯ В м. ПЕТЕРБУРЗІ НА ТИЖДЕНЬ ДЛЯ ПОБАЧЕННЯ З РІДНИМИ

Его превосходительству Л. В. Дубельту

Ваше превосходительство милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Получив разрешение на отпуск в Черниговскую губ., я первым долгом своим поставляю засвидетельствовать пред лицом вашего превосходительства мою искреннюю и глубочайшую признательность за милость и снисхождение ко мне.

Прибыв в настоящее время в столицу, я нашел здесь большую часть близких своих родных, с которыми я не виделся четыре года; это заставляет меня усерднейше просить ваше превосходительство об исходатайствовании мне у гр. Алексея Федоровича разрешения остаться здесь у родных около недели и вместе уверить его сиятельство в чувствах моей искренней преданности и благодарности.

С совершенным почтением и душевною преданностью имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга

В. Белозерский

15 марта 1851 г., С.-Петербург

Резолюція О. Ф. Орлова: Три дня.
Помітка про одержання: 16 марта 1851 г.

Ч. IV, арк. 257. Автограф.

№ 576

1851 р. травня 3.— ВІДНОШЕННЯ С. О. КОКОШКІНА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ, ЯКИЙ ПРИБУВ У ВІДПУСТКУ НА ХУТІР МОТРОНІВКУ БОРЗЕНСЬКОГО ПОВІТУ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие почтеннейшего отзыва ко мне вашего сиятельства от минувшего марта за № 356, имею честь уведомить вас, милостивый государь, что прикосновенный к делу об Украйно-славянском обществе титулярный советник Белозерский, как ныне доносит мне исправляющий должность начальника Черниговской губ., прибыл 12 минувшего апреля в отпуск в дом матери своей Борзенского уезда в хут. Матроновку, и за ним учрежден секретный надзор.

С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

Сергей Кокошкин

3 мая 1851 г., № 114, Харьков

Помітка про одержання: 14 мая 1851 г.

Ч. IV, арк. 258. Оригінал.

№ 577

1851 р. травня 25.— РАПОРТ КОЛЕЗЬКОГО РАДНИКА 1-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ А. НАУМОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО НАПРАВЛЕННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ДОНЕСЕННЯ КН. МИШЕЦЬКОГО, ЯКИЙ ЗДІЙСНЮВАВ ТАЄМНИЙ НАГЛЯД ЗА В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ

Ч. IV, арк. 259. Оригінал. Не публікується.

№ 578

1851 р. травня 16.— РАПОРТ КН. МИШЕЦЬКОГО НАЧАЛЬНИКОВІ 1-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ М. Є. ЦУКАТО ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Копия

Секретно

Исправляющему должность начальника 1-го корпуса жандармов г-ну генерал-лейтенанту и кавалеру гр. Цукато
Корпуса жандармов полковника кн. Мышецкого

Рапорт

14 ноября № 97 я доносил о кандидате 10-го класса Белозерском. С того времени по день его отпуска 6 марта, который получил он с разрешения его сиятельства г-на министра внутренних дел в Черниговскую губ., ничего особенного заметно не было, ибо Белозерский вел себя скромно.

О сем вашему сиятельству почтительнейше донести честь имею и доложить, что Белозерский пробудет в отпуске до 6 июня.

Подлинный подписал полковник кн. Мышецкий
С подлинным верно: секретарь Наумов

Ч. IV, арк. 260. Копія.

№ 579

1851 р. травня 30.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ СЛУЖИТИ В м. ПЕТЕРБУРЗІ

Ч. IV, арк. 261. Оригінал. Не публікується.

№ 580—581

1851 р. червня 8, 12.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОЗВІЛ ЗБІЛЬШИТИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ВІДПУСТКУ НА 28 ДНІВ

Ч. IV, арк. 262—263. Оригінал та відпуск. Не публікуються.

№ 582

1851 р. червня 2.— ВІДНОШЕННЯ С. О. КОКОШКІНА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВИБУТТЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО З ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ У ПЕТРОЗАВОДСЬК

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь, гр. Алексей Федорович!

В дополнение отзыва моего к вашему сиятельству от 3 минувшего мая на № 114 имею честь довести до сведения вашего, милостивый государь, что прикосновенный к делу об Украйно-славянском обществе и находившийся в отпуску у матери своей в Борзенском уезде титулярный советник Белозерский, как ныне доносит мне начальник Черниговский губ., отправился 16 того же мая на службу в г. Петрозаводск.

С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

Сергей Кокошкин

2 июня 1851 г., № 140, Харьков

Ч. IV, арк. 264. Оригінал.

№ 583

1851 р. серпня 10.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ТА МИКОЛОЮ І ПРО ПОМИЛУВАННЯ

Ч. IV, арк. 265—266 Автограф Не публікується

№ 584

1851 р. серпня 16.— ЗАПИТ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДОЗВОЛИТИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ СЛУЖИТИ В м. ПЕТЕРБУРЗІ

Ваше сиятельство приказали доложить вам месяца через два об исходатайствовании Белозерскому дозволения служить в П[етер]бурге. Два месяца прошло, и он сам опять просит помилования. Кулишу это уже разрешено. Как прикажете?

16 августа 1851 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: По моему возвращен[ию].
Помітка Л. В. Дубельта: Оставить до новой просьбы.

Ч. IV, арк. 267. Оригінал.

№ 585

1851 р. вересня 10.— ВІДНОШЕННЯ С. С. ЛАНСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ІЗ ЗАПИТОМ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ПРИЗНАЧИТИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО РАДНИКОМ ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНСЬКОГО ПРАВЛІННЯ

Ч. IV, арк. 268. Оригінал. Не публікується.

№ 586

1851 р. вересня 13.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО С. С. ЛАНСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО О. Ф. ОРЛОВ НЕ ЗАПЕРЕЧУЄ ПРОТИ ПРИЗНАЧЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО РАДНИКОМ ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНСЬКОГО ПРАВЛІННЯ

Ч. IV, арк. 269. Відпуск. Не публікується.

№ 587—588

1851 р. жовтня 5, 9.— ЛИСТУВАННЯ С. С. ЛАНСЬКОГО І О. Ф. ОРЛОВА ПРО НЕМОЖЛИВІСТЬ ЗАДОВІЛЬНИТИ ПРОХАННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ВИДАТИ ЙОМУ РІЧНЕ ЖАЛУВАННЯ ТА ПРОГОННІ ВІД м. ПЕТЕРБУРГА ДО ПЕТРОЗАВОДСЬКА ЗА ЧИНОМ КОЛЕЗЬКОГО СЕКРЕТАРЯ

Ч. IV, арк. 270—271. Оригінал та відпуск. Не публікуються.

№ 589

1851 р. листопада 20.— РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА 1-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ М. Є. ЦУКАТО О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ

Шефу жандармов командующему императорскою главною квартирою г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

20 ноября 1851 г., № 335
В Петербурге

Олонецкий жандармский штаб-офицер, полковник кн. Мышецкий рапортом от 9 сего ноября доносит, что состоящий под секретным надзором кандидат 10-го класса Василий Белозерский, о образе жизни которого и

поведении, ваше сиятельство, от 31 мая 1847 г. за № 913 предписать изволили представлять сведения через каждые 6 месяцев, из дозволенного ему отпуска 7 июля с. г. возвратился и определен в Олонецкое губернское правление советником; ведет себя очень скромно и, как видно, рекомендован начальнику губернии, который поведением Белозерского доволен; насчет же образа мыслей Белозерского кн. Мышецкий отзывается, что утвердительно пока донести ничего не может, ибо Белозерский в разговорах очень осторожен, и не заметно, чтобы он имел близких друзей, из которых можно было бы хотя подозревать состав общества с неблаговидной целью.

О сем имею честь почтительнейше донести, ваше сиятельство.

Генерал-лейтенант гр. Цукато

Помітка про одержання: 21 ноября [18]51 г.

Ч. IV, арк. 272. Оригінал.

№ 590

1852 р. травня 12.— РАПОРТ М. Є. ЦУКАТО О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ

Секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

12 мая 1852 г., № 145, в Петербурге

В дополнение докладной записки моей от 20 ноября 1851 г. № 335 имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству, что находящийся в Петрозаводске под секретным надзором кандидат 10-го класса Василий Белозерский, как доводит до сведения моего тамошний жандармский штаб-офицер, полковник кн. Мышецкий, в поведении кроток, образ мыслей имеет хороший, друзья или знакомые его — люди с добрыми качествами и известны своей нравственностью, и г-н начальник губернии разумеет его с хорошей стороны.

Генерал-лейтенант гр. Цукато

Помітка про одержання: 15 мая 1852 г.

Ч. IV, арк. 273. Оригінал.

№ 591

1852 р. липня 1.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО НАДАННЯ ЙОМУ ДОЗВОЛУ ВИЇХАТИ У м. ПЕТЕРБУРГ ДЛЯ ЗУСТРІЧІ З РІДНИМИ

Ваше превосходительство милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Вследствие письма, полученного мной от родных моих, призывающих меня в С.-Петербург для свидания и объяснений по делам семейным, я приемлю смелость всепокорнейше просить ваше превосходительство исходатайствовать мне у гр. Алексея Федоровича разрешение на приезд мой в столицу и удостоить меня вашим милостивым ответом. При сем долгом поставляю довести до вашего сведения, что здешний гражданский губернатор кн. Юрий Алексеевич Долгоруков, изъявил полное свое согласие на мой отпуск с условием разрешения на сие с вашей стороны.

Свидетельствуя глубочайшее мое почтение, имею честь пребыть с постоянной к вам признательностью и совершенной преданностью вашего превосходительства, покорный слуга

В. Белозерский

1 июля 1852 г., Петрозаводск

Помітка Л. В. Дубельта: Кн. Мышецкий высказывается о нем очень одобрительно. Он был уже увольняем в Малороссию и сюда в начале 1851 г.
Помітка про одержання: 5 июля 1851 г.

Ч. IV. арк. 274. Автограф.

№ 592

1852 р. липня 9.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА Ю. О. ДОЛГОРУКОВА ПРО ТЕ, ЩО ВІН НЕ ЗАПЕРЕЧУЄ ПРОТИ НАДАННЯ ВІДПУСТКИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ДЛЯ ПОЇЗДКИ У м. ПЕТЕРБУРГ

Олонецкому гражданскому губернатору кн. Ю. А. Долгорукову

9 июля 1852 г., № 1190

М[илостивый] г[осударь] кн. Юрий Алексеевич!

Служащий в Олонецком губернском правлении титулярный советник Белозерский, представляя мне о необходимости приезда его по семейным делам в С.-Петербург и сообщая, что ваше сиятельство изъявляет согласие на увольнение его в отпуск, просит меня об исходатайствовании ему у г-на генерал-адъютанта гр. Орлова разрешения на оный.

Вследствие сей просьбы имею честь, за отсутствием гр. Алексея Федоровича, уведомить вас, милостивый государь, что к увольнению титулярного советника Белозерского в С.-Петербург на двадцать восемь дней со стороны III отделения с. е. и. в. канцелярии препятствий не имеется.

Примите, ваше сиятельство, уверение в истинном уважении и преданности.

[Подписал] Л. Дубельт
Верно: коллежский секретарь Васильев

Ч. IV, арк. 275. Відпуск.

№ 593—595

1852 р жовтня 28; 1853 р. травня 23.— РАПОРТИ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ В III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ [126]

Ч. IV, арк. 276—278. Оригінали. Не публікуються.

№ 596

1853 р. червня 26.— ЛИСТ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО ПОМИЛУВАННЯ ТА НАДАННЯ ВІДПУСТКИ ДЛЯ ПОЇЗДКИ В ЧУХЛОМСЬКИЙ ПОВІТ КОСТРОМСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ В МАЄТОК І. М. КАТЕНІНА

Ваше высокопревосходительство милостивый государь
Леонтий Васильевич!

По миновании 6-летнего нахождения моего в Петрозаводске, я осмеливаюсь вновь беспокоить вас моей всепокорнейшей просьбой.

Шестилетний опыт окончательно убедил меня, что кроме вашего высокопревосходительства я не имею ни одного покровителя, на участие которого я мог бы полагаться с надеждой получить желаемое.

Несмотря на обещания бывших олонецких губернаторов — действительного статского советника Писарева и кн. Юрия Алексеевича Долгорукова я до сих пор остаюсь в Олонецкой губ. под тем же надзором, и только однажды имел счастье, два года назад, воспользоваться, и то единственно по Вашему участию, кратковременным отпуском.

Кн. Долгоруков, отправляясь отсюда в С.-Петербург, два раза принимал от меня записки с изъяснением моей просьбы о разрешении мне свободного выезда из Олонецкой губ., обещая непременно представить обо мне с отличной стороны гр. Алексею Федоровичу и притом сказывал, что из эгоизма он не должен бы так представлять обо мне, потому что не желал бы, чтобы я оставил губернию в его управление. Но было ли сделано обо мне представление и какого рода, я совершенно не знаю; по крайней мере, беспоследственность дает мне право думать, что обо мне или не было представлено, или же представление было неубедительно и недостаточно для моего освобождения. Неблагоприятного для меня мнения не имел, я полагаю, кн. Долгоруков и не сообщил такого ни графу, ни вашему высокопревосходительству, ибо официальное представление кн. Долгорукова о награждении меня, в числе весьма немногих, сделанное в феврале месяце текущего года г-ну министру внутренних дел, показывает лестное мнение о службе моей и поведении; притом же, по совести, я старался употребить со своей стороны все усилия, дабы заслужить внимание начальства и уверен, что был бы еще полезнее и угоднее кн. Долгорукову, если бы не встречалось препятствий, от меня не зависевших.

Ваше превосходительство! Я потерял 6 лет, 6 дорогих лет жизни в краю отдаленном, скучном и вредном для здоровья южных уроженцев; в 6 этих тяжелых лет я состарился и расстроил свои силы до того, что притупились даже мои способности и энергия; я потерял здесь весьма много, приобретя разве одну только опытность в службе и жизни практической, незнание коей было единственной причиной моего несчастья: неужели еще и теперь я не удостоюсь обратить на себя полного Вашего участия, не заслуживаю милостивого внимания и снисхождения со стороны графа?

Умоляя вас об этом, я осмеливаюсь сам поговорить в свою пользу, хотя в течение 6 лет не одни токмо слова, но и факты говорят в подкрепление моей усерднейшей просьбы. Служба моя была успешна и деятельна; доказательством сему служит то, что, начав здесь свое служение, я в короткое время удостоен быть членом высшего в губернии присутственного места: — мое поведение было безукоризненно, ибо, несмотря [на] всю затруднительность моего положения при г-не Писареве, я не подал повода ни одним своим действием по службе, ни поступком, лишить меня участия, коим я столь дорожу, со стороны вашего превосходительства. Позвольте же надеяться, что уже наступило время для облегчения моего стеснительного положения; в вашей благородной и возвышенной душе я ищу верной опоры для своего спасения. Умоляю ваше превосходительство не отринуть моей усердной просьбы; желая добра всем, Вы, без сомнения, не пожелаете погибели одному из преданных и искренне признательных вам людей, ибо, могу уверить ваше превосходительство, я чувствую себя до того упавшим духом и физическими силами, что если Ваше великодушное участие не спасет меня, я погибну здесь, как пловец, который долго боролся с противными волнами и, едва только успел ступить на спасительный берег, изнеможенный и упавший духом, вновь унесен в безвестное море. Неужели я буду столь несчастлив? Неужели столь тяжкое наказание постигнет меня за ошибки ранней, неопытной молодости?

В трепетном ожидании последнего вашего решения я, между тем, осмеливаюсь усерднейше просить ваше превосходительство исходатайствовать мне дозволение на кратковременный выезд отсюда в Чухломский уезд Костромской губ., в деревню отставного полковника гвардии Ивана Николаевича Катенина, который, в приезд свой сюда по откупным делам, познакомясь со мной в Петрозаводске, где находится дом его, несколько раз уже повторял мне свое приглашение. Чувствуя необходимость в отдыхе и перемене воздуха и не имея в настоящее время никого родных в столице, я осмеливаюсь покорнейше просить ускорить разрешением сей моей просьбы, дабы я мог воспользоваться остатком лета, когда, обыкновенно, служебных занятий менее и законом по преимуществу дозволено пользоваться отпусками.

Передавая судьбу свою в руки ваши, имею честь пребыть с глубочайшим почтением и душевной преданностью, ваше высокопревосходительство, покорнейший слуга.

В. Белозерский

26 июня 1853 г., Петрозаводск

Резолюція О. Ф. Орлова: Доклад.
Помітка про одержання: 2 июля 1853 г.

Ч. IV, арк. 279—280. Оригінал.

№ 597

1853 р. липня 7.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ТА П. О. КУЛІША

Справка

1. 10-го класса Белозерский, по производившемуся в 1847 г. делу об Украйно-славянском обществе, оказался виновным в том, что принимал ближайшее участие в развитии сего общества, составил устав оного, рукопись, именуемую «Закон божий», в конце которой находятся воззвания к «Братьям украинцам» и «Братьям великороссиянам и полякам», и другую в высшей степени преступную рукопись о неестественном состоянии славян под властью государей и о необходимости действовать к освобождению их, преимущественно Малороссии.

Как Белозерский по арестовании во всем сознался и дал положительное сведение об упомянутом обществе, то в уважение сего он не был заключен в крепость, а по высочайшему повелению отправлен в мае 1847 г. в Олонецкую губ. для определения на службу, без лишения преимуществ, прежде приобретенных, но не по ученой части и с учреждением за ним надзора.

Он был определен в Олонецкое губернское правление, в котором ныне состоит советником, в чине титулярного советника. В 1850 г. олонецкий губернатор действительный статский советник Писарев по случаю торжества 25 лет царствования государя императора ходатайствовал о дозволении Белозерскому служить в других губерниях, но представление сие осталось без последствий. В 1851 и 1852 г. он был увольняем в отпуск в Малороссию и С.-Петербург.

Он ведет себя хорошо. В 1851 г. он просил о дозволении ему служить в С.-Петербурге: его сиятельство изволил приказать оставить до получения от него новой просьбы.

2. Из числа лиц, прикосновенных к производившемуся в 1847 г. делу об Украйно-славянском обществе, одному губернскому секретарю Кулишу дозволено прибыть в С.-Петербург.

Мера виновности Кулиша заключалась в следующем. Он находился в дружеских отношениях с виновными по упомянутому делу, но сам участия в составлявшемся Украйно-славянском обществе не принимал; в найденных у него бумагах в изданных им сочинениях выражал неумеренную любовь к родине своей, Малороссии, с восторгом описывал дух прежнего казачества и наезды гайдамаков; приводил песни украинские, в которых выражалась любовь к вольности, и описывал распоряжения государей, начиная со времен императора Петра I в виде угнетения и подавления прав Малороссии. За это Кулиш, во внимание к искреннему его раскаянию в сделанном преступлении, был по высочайшему повелению заключен в Алексеевский равелин только на 4 месяца и потом отправлен на службу в Тулу с учреждением за ним строжайшего надзора и с тем, чтобы не увольнять его на родину, ни за границу; напечатанные же им сочинения запрещены.

Как Кулиш в продолжении трех лет бытности в Туле отличал себя скромным поведением и постоянно заслуживал одобрительные отзывы местного начальства, то по сему в ноябре 1850 г. между милостями, дарованными другим лицам по случаю 25-ти летнего царствования государя императора, и Кулишу высочайше разрешено жить и служить везде, не исключая столиц и Малороссии (но не по министерству народного просвещения) и иметь за ним до времени секретный надзор.

Ныне Кулиш состоит на службе в департаменте сельского хозяйства.

7 июля 1853 г.

Ч. IV, арк. 281—282. Копія.

№ 598

1853 р. липня 11.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДОЗВОЛИТИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ СЛУЖИТИ В БУДЬ-ЯКОМУ МІСЦІ

Копия

О титулярном советнике Белозерском

При производстве в 1847 г. дела об Украйно-славянском обществе оказался виновным в содействии развитию сего общества чиновник 10-го класса Белозерский; но как он, по арестовании его, во всем сознался и своими показаниями дал положительное сведение о помянутом обществе, то в уважение сего вашему и. в. угодно было высочайше повелеть взыскание с него ограничить отправлением его на службу в Олонецкую губ., но не по ученой части, и с учреждением за ним надзора.

Во исполнение сего он был определен в Олонецкое губернское правление, где, служа с отличным усердием и удостаиваясь постепенно повышений, состоит ныне в должности советника.

В продолжении проведенных им там шести лет он неоднократно обращался ко мне с просьбой об исходатайствовании ему всемилостивейшего прощения, и хотя об этом ходатайствовало также его начальство, но я не осмеливался входить о сем с всеподданнейшим докладом, желая еще более удостовериться в благонадежности сего чиновника.

Ныне он вновь обратился ко мне с просьбой, в которой представляя тяжкое положение, испытываемое им по нахождению его под наказанием, и выражая глубокое раскаяние в заблуждении молодости, также объясняя вредное влияние на его слабое здоровье тамошнего климата, он, Белозерский, испрашивает себе помилование вашего и. в.

Принимая в уважение засвидетельствование местного начальства о хорошем поведении Белозерского, также его раскаяние, которое он доказал

уже своею постоянно усердною службою, равно и то, что чиновник Кулиш, бывший в означенном деле более его виновным, еще в 1850 г. удостоился высочайшего помилования, дозволением ему проживать и служить, где пожелает, кроме ученой части, я осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать титулярному советнику Белозерскому таковой же милости.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов

Скрепил генерал-лейтенант Дубельт

11 июля 1853 г., № 30

Помітка: На подлинном собственной его величества рукой написано карандашом «Согласен».

12 июля 1853 г.

Верно: генерал-лейтенант Дубельт

Ч. IV, арк. 283—284. Копія.

№ 599

1853 р. липня 14.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ПОМИЛУВАННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ІЗ ЗБЕРЕЖЕННЯМ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ

Секретно

14 июля 1853 г., № 1236, Стрельна

Г-ну министру внутренних дел

По всеподданейшему докладу моему просьбы советника Олонецкого губернского правления, титулярного советника Белозерского об исходатайствовании ему всемилостивейшего прощения государь император высочайше соизволил разрешить Белозерскому проживать и служить, где пожелает, но не по ученой части и с продолжением за ним до времени секретного надзора.

Считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству о таковой монаршей воле для зависящего распоряжения и в дополнение отношения моего от 9-го октября 1851 г. № 1826 [127].

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов

Верно: коллежский секретарь Васильев

Ч. IV, арк. 285. Відпуск.

№ 600—602

1854 р. листопада 22; 1855 р. червня 7, листопада 24.— РАПОРТИ М. Є. ЦУКАТО О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ХОРОШУ ПОВЕДІНКУ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ЗАСЛАННІ [128]

Ч. IV, арк. 286—238. Оригінали. Не публікуються.

№ 603

1856 р. березня 24.— ЛИСТ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА П. М. ІГНАТЬЄВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ЗАПИТОМ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ПРИЗНАЧЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО РАДНИКОМ 1-ГО ДЕПАРТАМЕНТА ПЕТЕРБУРЗЬКОЇ УПРАВИ БЛАГОЧИННЯ В ЗВ'ЯЗКУ ІЗ ЗБЕРЕЖЕННЯМ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА НИМ

Секретно

Его превосходительству Л. В. Дубельту

24 марта 1856 г., № 3888

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

О коллежском асессоре Белозерском

По прошению советника Олонецкого губернского правления коллежского асессора Белозерского, я вошел в сношение с министром внутренних дел о перемещении его на должность советника 1-го департамента здешней управы благочиния.

Между тем из полученного мною уведомления начальника Олонецкой губ. видно, что по высочайшему повелению, объявленному генерал-адъютанту гр. Орловым, Белозерский состоит под секретным надзором.

Принимая во внимание, что Белозерскому разрешено проживать и служить везде, где пожелает, и что означенный надзор учрежден над ним еще во время бытности его студентом, имею честь покорнейше просить, ваше превосходительство, не изволите ли вы признать возможным сообщить мне сведения о последствиях наблюдения за сим чиновником и можно ли иметь в виду снятие с него означенного надзора, в случае если министр внутренних дел не встретит препятствия к определению его, согласно моему ходатайству.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Павел Игнатьев

Помітка: Нужное.
Помітка про одержання: 26 марта 1856 г.

Ч. IV, арк. 289. Оригінал.

№ 604—607

1856 р. березня 27, квітня 6.— ІЗ ЛИСТУВАННЯ III ВІДДІЛЕННЯ З МІНІСТРОМ ВНУТРІШНІХ СПРАВ І ПЕТЕРБУРЗЬКИМ ВОЄННИМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ВІД ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ

Ч. IV, арк. 290—293. Відпуски. Не публікуються.

№ 608

1856 р. квітня 9.— ДОПОВІДЬ Л. В. ДУБЕЛЬТА ОЛЕКСАНДРУ II ПРО МОЖЛИВІСТЬ ЗВІЛЬНИТИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ВІД ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ

При производстве в 1847 г. дела об Украйно-славянском обществе оказался виновным в содействии развитию сего общества чиновник 10-го класса (ныне коллежский асессор) Белозерский; но как он, по арестовании его,

во всем сознался и своими показаниями дал положительное сведение о помянутом обществе, то в уважение сего высочайше повелено было взыскание с него ограничить отправлением его на службу в Олонецкую губ., но не по ученой части, и с учреждением за ним надзора. Во исполнение этого он был определен в Олонецкое губернское правление, где, служа с отличным усердием и удостоиваясь постепенно повышений, состоит теперь в должности советника.

В 1853 г. всемилостивейше дозволено ему проживать и служить, где пожелает, но не по ученой части, и с продолжением за ним, до времени, секретного надзора.

Ныне по прошению коллежского асессора Белозерского с.-петербургский военный генерал-губернатор предполагает перевести его советником в 1-й департамент здешней управы благочиния и спрашивает; можно ли иметь в виду снятие с него надзора. Министр внутренних дел, не встречая с своей стороны препятствий к тому, представляет испросить на это высочайшее соизволение.

9 апреля 1856 г.

Помітка Л. В. Дубельта: Высочайше соизволил. 13 апреля 1856 г.

Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Помітка олівцем: После освобождения его в апреле 1856 г. от надзора никаких сведений о нем в III отделении получаемо не было. Обстоятельства дела, производившегося об этом обществе, и высочайшее повеление, последовавшее относительно членов оного, было сообщено и министерству просвещения в 1847 г.

Ч. IV, арк. 294. Відпуск.

№ 609

1856 р. квітня 14.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО С. С. ЛАНСЬКОГО ПРО ДОЗВІЛ ОЛЕКСАНДРА II НА ЗВІЛЬНЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ВІД ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ

Ч. IV, арк. 295. Відпуск.

Не публікується.

№ 610

1859 р. грудня 17.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ Є. П. КОВАЛЕВСЬКОГО ДО ШЕФА ЖАНДАРМІВ В. А. ДОЛГОРУКОВА З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ПРИЗНАЧЕННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛУ «ОСНОВА»[129], ПРОГРАМА ЯКОГО НАДСИЛАЄТЬСЯ

Г-ну главному начальнику над III отделением с. е. и. в. канцелярии

17 декабря 1859 г., № 2573

О г-не Белозерском

Экспедитор государственной канцелярии, надворный советник Василий Белозерский, просит о д[оз]волении ему издавать ежемесячный южнорусский литературно-ученый журнал под названием «Основа».

Имея честь препроводить у сего к вашему сиятельству программу, по коей предполагается издавать вышеозначенный журнал, я обращаюсь к вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением, с возвращением программы, не встречается ли по делам III отделения с. е. и. в. канцелярии каких-либо препятствий к дозволению г-ну Белозерскому быть редактором периодического издания.

Министр народного просвещения Е. Ковалевский
Директор А. [підпис нерозбірливий]

Помітки: 1. При сем представляется справка о нем. 2.19 декабря. 3. Отвечать, что по таким-то причинам полагалось бы неудобным давать надобным разрешение лицам, участвовавшим в тайных обществах [Долгоруков].
Помітка про одержання: 18 декабря 1859 г.

Ч. IV, арк. 296. Оригінал.

№ 611

1859 р. грудня, не пізніше 17.— ПРОГРАМА ЩОМІСЯЧНОГО ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВОГО ЖУРНАЛУ «ОСНОВА», СКЛАДЕНА В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ

Копия

Программа периодического издания, под названием «Основа», «Южнорусский литературно-ученый вестник»

I. Изящная словесность: стихотворения, повести и рассказы на южнорусском языке, а также — на великорусском, но изображающие жизнь и природу южного края.

II. История. Жизнеописания. Древности. Акты исторические и юридические. Старинные записки.

III. Народоописание. Языкознание. Современный общественный и частный быт.

IV. Воспитание и образование.

V. Земледелие. Естествознание. Медицина в применении к южнорусскому краю.

VI. Сельское хозяйство, промышленность и торговля.

VII. Правительственные постановления и распоряжения, относящиеся к южнорусскому краю.

VIII. Разбор замечательнейших сочинений и указатель всех вообще книг и статей, также музыкальных и художественных произведений, предметом коих будет южнорусский край.

IX. Областные известия; переписка, вопросы, заметки, объявления и вообще мелкие статьи.

Подписал: надворный советник В. Белозерский
Верно: коллежский регистратор Адов

Ч. IV, арк. 297. Копія.

№ 612

1859 р. грудня 24.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО Є. П. КОВАЛЕВСЬКОГО ПРО СВОЮ НЕЗГОДУ ДОЗВОЛИТИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ВИДАВАТИ ЖУРНАЛ «ОСНОВА»

Ч. IV, арк. 298. Відпуск.

Не публікується.

№ 613

1860 р. червня 20.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА КАНЦЕЛЯРІЇ III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВУ ПРО КЛОПОТАННЯ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ЩОДО ВИДАННЯ ЖУРНАЛУ «ОСНОВА» ТА ПРО ТЕ, ЩО ДВОРЯНИ КИЇВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ ПРОСЯТЬ ДОЗВОЛИТИ ВИКЛАДАТИ ПОЛЬСЬКУ МОВУ В УЧБОВИХ ЗАКЛАДАХ

Экспедитор государственной канцелярии Белозерский просил в декабре прошедшего года дозволить ему издавать южнорусский литературный журнал под названием «Основа».

Белозерский был членом Украйно-славянского общества, открытого в 1847 г., поэтому сообщено было министру просвещения, что ваше сиятельство полагали бы разрешение Белозерскому редакции журнала неудобным.

Из донесения подполковника Грибовского видно, что на выборах, бывших в Киеве, в июне месяце, дворянство представило всеподданейшее прошение, испрашивая дозволения преподавать польский язык в учебных заведениях того края.

Помітка В. А. Долгорукова: Изложено ли мое мнение или нет? 20 июня

Ч. IV, арк. 299. Відпуск.

№ 614

1860 р. липня 23.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОЗВІЛ ГОЛОВНОГО УПРАВЛІННЯ ЦЕНЗУРИ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОМУ ВИДАВАТИ ЖУРНАЛ «ОСНОВА» ІЗ ЗМІНАМИ В ПРОГРАМІ ВИДАННЯ

По справке в главном управлении цензуры оказалось, что на просьбу г-на надворного советника Белозерского о дозволении ему издавать журнал «Основу» последовало разрешение 24 февраля 1860 г., но с некоторыми изменениями в составе вышеизложенного журнала.

Прапорщик Дьяконов

23 июля 1860 г.

Резолюція В. А. Долгорукова: Иметь этот журнал у себя и представить мне [экземпляры] оного, которые вышли. 25 июля.
Помітка: Журнал этот еще не издается.
Резолюція В.. А. Долгорукова: Иметь наблюдение согласно прежней резолюции. 26 июля.

Ч. IV, арк. 300. Оригінал.

ДОДАТКИ

ПРИМІТКИ

Частина перша
ЗАГАЛЬНІ МАТЕРІАЛИ СЛІДСТВА

[1] Бібіков Дмитро Гаврилович (1792—1870) — державний діяч, активний провідник реакційної політики Миколи І, брав участь в розгромі Кирило-Мефодіївського товариства. На військовій службі з 1808 р. У 1819—1837 рр. був володимирським, саратовськнм, московським віце-губернатором, займав різні посади у відомствах Петербурга. У 1837 р. призначений київським генерал-губернатором, а 1852 р.— міністром внутрішніх справ. У 1855 р. вийшов на пенсію. Характеристику Бібікову Т. Г. Шевченко дав у поемі «Юродивий».

[2] Орлов Олексій Федорович (1786—1861) — російський військовий і державний діяч, дипломат. У 1825 р. брав участь у придушенні повстання декабристів, за що одержав титул графа. У 1844—1856 рр.— шеф жандармів і головний начальник III відділення імператорської канцелярії. Керував слідством і розправою над членами Кирило-Мефодіївського товариства. З 1856 р.— голова Державної ради і Комітету міністрів.

[3] Петров Олексій Михайлович (1827—1883) — студент Київського університету, за доносом якого були заарештовані члени Кирило-Мефодіївського товариства. За цю «послугу» у травні 1847 р. зараховано на службу до III відділення. В березні 1849 р. за викрадення документів 1-ї експедиції канцелярії III відділення посаджено в Олексіївський равелін. У жовтні 1850 р. після зізнання відправили на службу в м. Олонецьк, видавши на витрати 300 крб. сріблом (крім 300 крб., які він одержав за донос). О. М. Петров написав спогади, в яких намагався заперечити свою роль донощика на членів Кирило-Мефодіївського товариства (Див.: наше видання: т. 3, ч. XVI; ЦДІА СРСР.— Ф. 1280, оп. 1, спр. 68; *Петров А. М.* Из далекого прошлого // Звенья.— 1935.— Кн. 5).

[4] У 1845—1848 рр. попечителем Київського учбового округу був генерал Траскін О. С. (1805—1855). До складу округу, утвореного в 1832 р., входили Київська, Подільська, Волинська, Чернігівська, а з 1839 р. і Полтавська губернії.

[5] Гулак Микола Іванович (1821—1899) — український революційний демократ і вчений. Народився у Варшаві, 1843 р. закінчив юридичний факультет Дерптського університету, 1844 р. одержав ступінь кандидата права. З 1845 р. служив у канцелярії київського генерал-губернатора на посаді перекладача — археографа в Тимчасовій комісії для розгляду давніх актів. Разом з М. І. Костомаровим і В. М. Білозерським заснував Кирило-Мефодіївське товариство. 9 січня 1847 р. переїхав до Петербурга, де намагався влаштуватися службовцем у Раді Петербурзького університету. За доносом студента Петрова, 17 березня 1847 р. заарештований і ув'язнений в Олексіївський равелін Петропавловської фортеці. На допитах тримався мужньо, за що «как человек, способный на всякое вредное для правительства предприятие», був засуджений до трирічного ув'язнення в Шліссельбурзькій фортеці. В червні 1850 р. його вислали до м. Пермі (док. № 69). Тут він працював у губернському статистичному комітеті, брав участь в дослідженнях природних ресурсів краю. В лютому 1855 р. з. М. І. Гулака було знято гласний поліцейський нагляд, але залишено таємний (док. № 315).

Після повернення із заслання займався педагогічною і науковою діяльністю, 1859—1861 рр.— викладач російської мови, географії, математики і геометрії Рішельєвського ліцею в Одесі, 1861—1862 — історії в Кушніковському жіночому інституті у Керчі, 1862—1863 — математики в гімназії Ставрополя, у 1863—1867 рр.— фізики і космографії Кутаїської гімназії, з 1867 до 1886 р.— математики, фізики, латинської і грецької мови в 1-й Тифліській гімназії. В 1886 р. вийшов у відставку і переїхав у м. Єлизаветполь (нині м. Гянджа Азербайджанської РСР), де й помер. М. І. Гулак — автор праць «Опыт геометрии о четырех измерениях», «О месте, занимаемом грузинским языком в семье индоевропейских языков», «О знаменитом персидском поэте Низами», «О «Барсовой шкуре» Руставели». Перу Гулака належить ряд рецензій, присвячених грузинській літературі. Майже щороку він читав у Тифлісі публічні лекції про спектральний аналіз, Конта і Лапласа та ін. (*Стороженко Н.* Кирилло-Мефодиевские заговорщики (Н. И. Гулак) // Киевская старина.— 1900.— № 2.— С. 261—272; ЦДІА УРСР у м. Києві.— Ф. 442, оп. 801, 1851 р., спр. 215.— Арк. 1—7; Держархів Ставропольського краю.— Ф. 15, оп. 2, спр. 2427; ЦДІА Естонської РСР у м. Тарту.— Ф. 402, оп. 2, спр. 8188.— Арк. 1—8); *Маханек К. С.* Пермская ссылка Н. И. Гулака — члена и организатора Украинско-Славянского общества (К истории Кирилло-Мефодиевского общества). // Уч. зап. Перм. гос. пед.

ин-та.— 1941.— Вып. 8.— С. 78—84; *Єніколопов Ів.* Громадська діяльність М. І. Гулака в Грузії та Азербайджані // Вітчизна.— 1955.— 17.— С. 154—157; *Поракішвілі Н.* Дослідження М. Гулака про поему «Витязь у тигровій шкурі» // Рад. літературознав.— 1966. № 9.— С. 65—72; *Якименко М. А.* З Кобзарем будив він волю // Укр. іст. журн.— 1972.— № 8.— С. 125—127; *Марахов Г. И.* С верой в будущее: Революционный демократ Н. И. Гулак.— Киев, 1989.

[6] Савич Микола Іванович (1804—1892) — педагог, громадський діяч, закінчив філософський факультет Харківського університету, в 1827—1831 рр. служив у армії на Кавказі, у 1831—1834 рр. навчався у Парижі, вивчав хімію. Ще студентом у Харкові познайомився з М. І. Костомаровим. Зблизився з Т. Г. Шевченком, у 1846 р. став членом Кирило-Мефодіївського товариства. У 1847 р., перебуваючи за кордоном, вручив А. Міцкевичу поему Т. Г. Шевченка «Кавказ». За належність до таємного товариства був затриманий за кордоном і висланий у Полтавську губернію у власний маєток під нагляд поліції. Згодом оселився в Одесі, співробітничав у газеті «Одесский вестник». (Киевская старина.— 1904.— № 2.— С. 229—238; *Павловский И. Ф.* «Полтавцы».— Полтава, 1914.— С. 249; ЦДІА УРСР у м. Києві.— Ф. 385, оп. 1, спр. 173.— Арк. 150—152; *Марахов Г. І.* Т. Г. Шевченко в колі сучасників.— К., 1976.— С. 108—109; *Сергієнко Г. Я.* Т. Г. Шевченко і Кирило-Мефодіївське товариство.— К., 1983.— С. 158—159).

[7] Костомаров Микола Іванович (1817—1885) — літературний псевдонім Іеремія Галка — історик, етнограф і письменник. Народився в с. Юрасівці Острогозького повіту Воронезької губернії у поміщицькій сім'ї. У 1833—1837 рр. учився на історико-філологічному факультеті Харківського університету, де у 1844 р. одержав ступінь магістра. У 1829—1840 рр. видав дві збірки українських поезій «Українські балади» і «Вєтка». У 1845 р.— учитель Ровенської, 1845—1846 рр.— 1-ї Київської гімназії. У серпні 1846 р. обраний ад'юнктом російської історії Київського університету. Костомаров — один з ініціаторів створення Кирило-Мефодіївського товариства. Підтримував тісні зв'язки з Т. Г. Шевченком, високо цінував його талант. Під час обшуку у Костомарова були вилучені «Сон», «І мертвим, і живим...» та інші вірші Шевченка, переписані його рукою. 28 березня 1847 р. його було заарештовано і відправлено до Олексіївського равеліну. Після річного ув'язнення вислано в Саратов під гласний нагляд поліції з забороною працювати по учбовій і науковій частині. Там спочатку зараховано на посаду перекладача губернського правління, а згодом редактора «Саратовских губернских ведомостей». На засланні Костомаров продовжував вивчати народні рухи. Спираючись на зібраний великий фактичний матеріал, написав монографію «Богдан Хмельницький» і розвідку «Бунт Стеньки Разина». Водночас готував збірки українських і російських пісень та ін. У 1855 р. Костомаров був звільнений від поліцейського нагляду, а у вересні 1859 р. рада Петербурзького університету обрала його екстраординарним професором російської історії. Та працювати довго викладачем йому не довелося. В березні 1862 р. Костомаров був звільнений з університету і, незважаючи на неодноразові запрошення Казанського, Київського і Харківського університетів, йому не дозволили зайняти кафедру. Він працював у петербурзькій Археографічній комісії, готуючи до друку окремі томи «Актов Южной и Западной России». У травні 1864 р. рада Київського університету надала М. І. Костомарову вчений ступінь доктора історичних наук. Історичні праці М. І. Костомарова привертали до себе увагу багатьох істориків, економістів. Ними цікавилися К. Маркс і В. І. Ленін. (*Костомаров Н. И.* Автобиография.— М., 1922; ЦДІА СРСР.— Ф. 733, оп. 5, спр. 58; оп. 50, спр. 164; оп. 70, спр. 75; Ф. 735, оп. 10, спр. 193.— Арк. 82, 105—107, 132; Ф. 777, оп.1, спр. 3970, 4588; оп. 2, спр. 9, 31, 92; Державна публічна бібліотека ім. Салтикова-Щедріна, рукописний відділ.— Ф. 4807 (Особистий фонд М. І. Костомарова); *Чернишевський Н. Г.* По поводу «Автобиографии» Н. И. Костомарова // Полн. собр. соч.— М., 1939.— Т. 1.— С. 757—777; *Gołąbek J.* Bractwo św. Cyryła i Metodego w Kijowie.—Warszawa.— 1935.— S. 89—129; *Полухін Л. К.* Формування історичних поглядів М. І. Костомарова.— К., 1959; *Бутич І.* М. І. Костомаров і царська цензура // Архіви України.— 1967.— № 6; *Сарбей В. Г., Шаблиовский Е. С.* Н. И. Костомаров в историческом наследии К. Маркса // Вопр. ист.— 1967.— № 8.— С. 49—59; *Сарбей В. Г.* Знайомство В. І. Леніна з творами М. І. Костомарова /// Укр. іст. журн.— 1967.— № 5.— С. 72—76; *Марахов Г. І.* Нові сторінки з біографії М. І. Костомарова // Вісник АН УРСР.— 1972.— № 1.— С. 99—106; *Шаблиовский Е. С.* Чернышевский и Украина.— Киев, 1978.— С. 31—32, 43, 49, 50—52, 54, 62, 187—189 и др.; *Дьяков В. А.* Освободительное движение в России 1825—1861; М., 1979.— С. 25, 176, 220—221; *Пинчук Ю. А.* Исторические взгляды Н. И. Костомарова. (Критический очерк).— Киев, 1984.

[8] Див. док. № 144.

[9] Кирило-чернецьке ім'я Костянтина (827—869), слов'янського просвітителя й проповідника християнства. Народився у м. Солуні. Освіту здобув при дворі візантійського імператора Михайла III. Разом з своїм братом Мефодієм (близько 815—885) сприяв освіті населення Моравії рідною слов'янською мовою. Кирило вважається творцем слов'янської азбуки — кирилиці.

[10] Навроцький Олександр Олександрович (1823—1892) — український громадський діяч, перекладач і поет. Двоюрідний брат М. І. Гулака. Народився у сім'ї безмаєтного

дворянина в с. Антипівці Золотоніського повіту Полтавської губернії. У 1846 р. закінчив філософський факультет Київського університету. Заарештований у березні 1847 р., на допитах тримався мужньо. Висланий у м. Вятку (нині м. Кіров), згодом у м. Єлабугу, де після шестимісячного ув'язнення влаштувався на службу. Із заслання повернувся в 1853 р. Служив у містах Курську, Новочеркаську, Миколаєві, Темір-Хан-Шурі (тепер м. Буйнакськ Дагестанської АРСР) і Єревані. На Закавказзі багато перекладав (переважно творів античних, західноєвропейських і російських класиків), цікавився фольклором народів Кавказу та тогочасною літературою. О. О. Навроцький підтримував родинні і творчі стосунки з М. І. Гулаком, якому присвятив переклади поем Оссіана. Найвизначнішим доробком його є переклад на українську мову «Витязя в тигровій шкурі» Шота Руставелі (Киевская старина.— 1902.— № 12.— С. 369; Наше минуле.— 1918.— № 1. С. 46; Радянське літературознавство.— 1966,— № 9.— С. 73—78; Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР, відділ рукописів.— Ф. 21, № 18; Держархів м. Києва.— Ф. 16, оп. 281, спр. 1; оп. 465, спр. 63; оп. 284; спр. 78; Держархів Курської області.— Ф. 33, оп. 2, спр. 3917; Держархів Кіровської області.— Ф. 582, оп. 134; *Павлюк М. М.* О. О. Навроцький — перший український перекладач поеми Руставелі // Рад. літературознав.— 1966.— № 9.— С. 73—78).

[11] Шевченко Тарас Григорович (1814—1861).— Навесні 1846 р. зблизився з членами Кирило-Мефодіївського товариства М. І. Костомаровим, М. І. Гулаком, О. В. Марковичем, М. І. Савичем та ін. Його антикріпосницькі, антисамодержавні поезії впливали на формування світогляду кирило-мефодіївців і поширювалися ними. Документи свідчать, що В. М. Білозерський, О. В. Маркович й інші члени товариства часто згадували про зустрічі з ним. Про спільні інтереси Т. Г. Шевченка і засновників товариства М. І. Гулака і М. І. Костомарова свідчать їх наукові та літературні твори. Шевченко пише поему «Єретик» і присвячує її Шафарикові, а Гулак і Костомаров у своїх працях проголошують ідеї спільності слов'янських народів (М. І. Гулак «Юридичний побут поморських слов'ян», М. І. Костомаров «Міфологія слов'ян»). Знаменно, що «Закон божий» закінчується словами з псалма «Камень его же не брегоше зиждущий, сей бысть во главу угла», і ці ж слова стають епіграфом поеми Т. Г. Шевченка «Єретик».

[12] Тимчасова комісія для розгляду давніх актів у Києві створена в 1843 р. при канцелярії київського генерал-губернатора для збирання і видання історичних документів. Вона видала ряд документальних джерел з історії України XIV—XVIII ст. (Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов.— Киев, 1845—1859.— Т. 1—4; Літопис Самовидця.— К., 1878; Архив Юго-Западной России.— Киев, 1859—1914.— Ч. 1—8; та ін.)

[13] Київську фортецю, або «Косий капонір», було збудовано в 1842 р. як одну з споруд Києво-Печерської цитаделі. Але за призначенням не використовувалася. З 1861 р. була перетворена у військово-політичну в'язницю, яку називали «Київським Шліссельбургом».

[14] Арк. 3—5 слідчої справи містять копію статуту Слов'янського товариства св. Кирила і Мефодія. Публікується оригінал. Див. док. 144.

[15] Писарєв Микола Еверестович (1805— 1884) — дійсний статський радник, у 1825—1834 рр. працював у департаменті зовнішньої торгівлі міністерства фінансів. З грудня 1835 р.— секретар поліцейської частини, а з 1838 р.— керуючий секретною канцелярією київського генерал-губернатора. Водночас був керуючим канцелярією Інституту шляхетних дівчат (з 1838), головою слідчої комісії у справі Ш. Конарського (1838—1839), головою археографічної комісії (1843—1848) та чиновником особливих доручень при генерал-губернаторі (з 1839), пізніше — олонецький губернатор (1848—1851). «Єфрейтор малий» — так характеризував його Т. Г. Шевченко у поемі «Юродивий». (ЦДІА УРСР.— Ф. 442, оп. 770, 1850 р., спр. 84; оп. 297, 1834 р., спр. 113.— Арк. 4—67; Державна бібліотека ім. В. І. Леніна, рукописний відділ.— Ф. 178, М. 3722, 3724, д. 34; Киевская старина.— 1893,— листопад.— С. 3).

[16] Великий князь Олександр Миколайович (1818—1881). Спадкоємець престолу, російський імператор (1855—1881).

[17] Очевидно, маються на увазі док. № 1, 6, 7.

[18] Куліш Пантелеймон Олександрович (1819—1897) — український письменник, етнограф, історик і видавець. Псевдоніми: Хуторянин, Панько Казюка, Данило Юс та ін. Народився в м. Воронежі на Сумщині. Закінчив Новгород-Сіверську гімназію, в 1839—1840 навчальному році слухав лекції на 1-му відділенні філософського факультету Київського університету. Потім учителює і водночас займається літературно-науковою діяльністю, бере активну участь у створенні Кирило-Мефодіївського товариства. Пише історичні романи і повісті. Після розгрому товариства Куліш був ув'язнений у Петропавловській фортеці, а потім (через 4 місяці) засланий у м. Тулу. Його твори «Михайло Чарнишенко», «Україна», «Повість про український народ» були заборонені. У Тулі Куліш був призначений помічником редактора «Тульских губернских ведомостей». У 1850 р. Кулішу дозволено служити, де побажає, але під таємним наглядом. Після заслання Куліш П. О. розгортає літературно-видавничу діяльність. У 1857 р. видав українською мовою «Граматку» (буквар). Брав участь у випуску журналу «Основа» (1861—1862). В 70—

90-х рр. П. О. Куліш відходить від прогресивних поглидів часів Кирило-Мефодіївського товариства, розхвалює діяльність Катерини II, Петра I, засуджує гайдамаччину. Літературна, перекладацька та видавнича діяльиість піддавалася критиці його сучасниками (І. Франко). (Держархів м. Києва.— Ф. 16, оп. 279, спр. 215, 239; ЦДІА СРСР.— Ф. 735, оп. 10, спр. 193, арк. 105—107; ф. 1286, оп. 12, спр. 1045; ф. 776; оп. 20, спр. 222, арк. 106—110; ф. 777, оп. 2, спр. 66. Поети пошевченківської доби — К., 1961; *Франко І.* Хуторна поезія П. А. Куліша // Твори. У 50 т.— К., 1980.— Т. 26; *Сергієнко Г. Я.* Суспільно-політичний рух на Україні після повстания декабристів.— К., 1971.— С. 185; *Шубравський В. Є.* Куліш П. О. // Шевченків. слов.— К., 1976.— Т. 1.— С. 334—335).

[19] «Січові гості (споминка старого діда)» — художня обробка народного опоаідаиия про боротьбу та загибель гайдамацьких ватажків Чуприни і Чорноуса. За свідченням Куліша, це оповідання було надруковаие в польському журналі «Rubon» (див: т. 2, док. № 11).

Опубліковаио: Основа.— 1862.— № 1.— С. 1—12). Якщо тут, на початку літературиої діяльності письменника відчутні иотки співчуття гайдамакам, то пізиіше гайдамацький рух П. Куліш оцінював різко негативио. Відкрито негативне ставлення до гайдамаків (гайдамацький рух — прояв руїнницької стихії) Куліш висловив у праці «Мальоваиа гайдамаччииа» (1876).

[20] Див. док. № 4.

[21] Рукопись «Гайдамаки» присоединена к делу Навроцкого.— *Прим. док.* Віриа назва у заголовку.

[22] Дату встаиовлено за док. № 1.

[23] Підгурський Давид Олександрович (1803—1880) — письменник, професор Київської духовної академії. Переклав твори єпископа карфагенського Кіпріаиа, друкувався в «Трудах Киевской духовной академии».

[24] Іншим сусідом був С. В. Бадилєвський.

[25] Йдеться про повстаиия декабристів 1825 р., ідеї яких впливали і иа формування світогляду члеиів Киряло-Мефодіївського товариства. (Див. *Сергієнко Г. Я.* Декабристи та їх революційиі традиції на Україні.— К., 1975).

[26] У даному випадку під китаїзмом розуміються азіатські, деспотичні форми правління.

[27] «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (СПб., 1846—1853.— Т. 1—5) — збірка документів з історії Росії, України, Білорусії і Литви за 1340—1699 рр.

[28] Маркович Опанас Васильович (1822—1867) — український етнограф і фольклорист. Народився в с. Кулажинцях Полтавської губерції у сім'ї збідиілого поміщика. У 1846 р. закінчив історико-філологічний факультет Київського університету. У 1847 р. за участь у Кирило-Мефодіївському товаристві висланий в м. Орел. Служив там в губериській каицелярії, пізніше — редактор «Черииговских губернских ведомостей», в 1853 р. переїхав до Києва, де працював у палаті державних маєтностей. В серпні 1855 р. переїжджає у м. Немирів, де викладає в гімназії географію. У 1860—1861 рр.— співробітник журиалу «Осиова». В 1861 р. зиову повертається на Україиу. О. В. Маркович зібрав багато зразків народної творчості, особливо прислів'їв і приказок, значна кількість яких увійшла до видании М. Т. Номиса «Українські приказки, прислів'я і таке інше» (1864). Багато матеріалів, зібраних Марковичем, опубліковано у фольклорних та етиографічних збірках, «Записках Чернігівського статистичиого комітету».

У 1857 р. Маркович написав музику до п'єси «Наталка Полтавка» І. П. Котляревського, нку поставив у Чериігові (1862) силами аматорського драматичного гуртка (*Чалий М. К.* К биографии А. В. Марковича // Киев. старина.— 1894.— Т. 45.— С. 342—345; Держархів м. Києва.— Ф. 16, оп. 281, спр. 1; оп. 283, спр. 24; оп. 286, спр. 2; оп. 465, спр. 63).

[29] При сем представляется.— *Прим. док.* Див. прим. 19.

[30] Юзефович Михайло Володимирович (1802—1889) — помічник попечителя Київського учбового округу (1843—1858), голова Київської археографічиої комісії (з 1857 р.), колезький радник. Виступав проти розвитку української мови, літератури і культури, Т. Г. Шевчеико в щоденнику називав його «предателем».

[31] С. В. Бадилевський.

[32] Йдеться про поему Т. Г. Шевченка «Сон» і вірш «І мертвим, і живим, і иенародженим землякам моїм в Украйні і не в Украйиі моє дружнєе посланіє».

[33] Рилєєв Кіндрат Федорович (1795—1826) — російський поет, декабрист. Життя і творчість Рилєєва пов'язані з Україиою. В 1817—1820 рр. жив на Слобідській Україиі (в Острогозьку), відвідував Київ і Харків. Знав україиську мову і иародну поезію, вивчав історію, побут, звичаї. Героїчному минулому України присвятив думу «Богдаи Хмельницький», поеми «Войиаровський», «Наливайко», «Мазепа», незакінчену трагедію «Богдан Хмельницький».

[34] Див. док. № 6. 8, 9-й пункти опубліковано: Т. Г. Шевченко. Документи і матеріали.— С. 160—161.

[35] Див. т. 3, док. № 447.

[36] Див. док. № 7.

[37] Див. док. № 145, 332.

[38] Ганка (Hanka) Вацлав (1791—1861) — видатний поет і діяч чеського національного відродження. Написав чеську, польську і російську граматики, перекладав українські пісні. Кирило-мефодіївці були обізнані з його творами (М. І. Гулак), листувалися з ним.

[39] Посяда, Пасяда (Посяденко) Іван Якович (1823—1894) — педагог, громадський діяч. Народився у м. Зінькові Полтавської губернії в сім'ї міщанина. У 1843 р. поступив на філософський факультет Київського університету. З весни 1846 р.— член Кирило-Мефодіївського товариства, 28 березня 1847 р. був заарештований і відправлений в Петербург, згодом генерал-губернатором Бібіковим Д. Г. і III відділенням адміністративно висланий н Казань з правом вступу до університету. В 1848 р., закінчивши факультет загальної словесності Казанського університету, одержав ступінь кандидата за дисертацію «Значення перших творів Гоголя в російській літературі взагалі та їх заслуга для народності». У 1849 р. був призначений помічником керуючого канцелярією рязанського губернатора. В 1856 р. виїжджав у Західну Європу, де пробув 8 років. Повернувшись у Росію, перейшов (з 1865 р.) на викладацьку роботу. Працював у Петербурзькій та Полоцькій військових гімназіях, з 1869 р.— директор Київської учительської семінарії, що пізніше була переведена до м. Коростишева. У 1880 р. призначений директором шкіл Воронезької, а у 1882 р.— Оренбурзької губерній (Держархів м. Києва.— Ф. 16, оп. 261, 1847 р., спр. 15.— Арк. 1—3; ЦНБ АН УРСР, рукописний відділ, 111 386; Наукова бібліотека ім. М. І. Лобачевського (м. Казань), рукописний відділ, спр. 5995).

[40] Андрузький Георгій (Єгор) Львович (1827 — рік смерті невідомий) — поет, народився в с. Вечірках Полтавської губернії в сім'ї дрібного поміщика. Учився на першому курсі юридичного факультету Київського університету. Як член Кирило-Мефодіївського товариства відстоював республіканську форму правління. Заарештований у квітні 1847 р., був висланий в Казань з правом вступу в університет. Але в грудні 1847 р. виключений за непідкорення начальству і відправлений у Петрозаводськ, де в 1850 р. вдруге заарештований за написання «Конституції республіки» і відправлений у Соловецький монастир, звідки за активну участь в обороні монастиря під час нападу англійської ескадри, переведений до Архангельська, де працював у канцелярії Архангельської палати кримінального і цивільного суду. З 1857 р. служив у Полтавській судовій палаті під суворим наглядом поліції до 1864 р. Дальша його доля невідома (*Кузьмін З. М.* Шевченко і Андрузький // Зб. праць п'ятої наук. шевченків. конф.— К., 1957.— С. 144—159; ЦДІА СРСР.— Ф. 796, оп. 131, спр. 649; ф. 797, оп. 20, спр. 44503; ф. 735, оп. 10, спр. 193.— Арк. 167—176; *Фруменков Г. Г.* Узники Соловецкого монастыря.— Архангельск, 1970.— С. 163—173).

[41] Тулуб Олександр Данилович (1825—1875) — педагог. Народився у сім'ї дрібномаєткового дворянина Золотоніського повіту Полтавської губернії. Закінчив 1-шу Київську гімназію, з 1843 р. учився на філософському факультеті Київського університету. В березні 1847 р. був заарештований у справі Кирило-Мефодіївського товариства, але через відсутність доказів уникнув покарання. У 1847—1848 рр. вчитель Чернігівської гімназії, з 1857 р.— 2-ї Київської гімназії, а також завідував редакцією неофіційної частини «Киевских губернских ведомостей», пізніше працював вчителем у Кам'янці-Подільському та Катеринославі (Держархів м. Києва.— Ф. 16, оп. 312, 1855 р., спр. 149.— Арк. 1—26; оп. 17, спр. 608, 609; оп. 30, спр. 41; оп. 282, спр. 211; Ф. 347, оп. 1, 1858 р., спр. 1123.— Арк. 1—2; *Зайончковский П. А.* Кирилло-Мефодиевское общество.— М.— 1959).

[42] Білозерський Василь Михайлович (1825—1899) — один з ініціаторів створення Кирило-Мефодіївського товариства. Народився у дворянській сім'ї в м. Борзна Чернігівської губернії. В 1841—1845 рр. учився в Київському університеті. У 1846 р. вчителював у Полтавському кадетському корпусі, підтримуючи тісні зв'язки з М. І. Гулаком, М. І. Костомаровим, О. В. Марковичем, П. О. Кулішем та іншими кирило-мефодіївцями. Високо цінував талант Т. Г. Шевченка, М. В. Гоголя. Написав «Проект про створення на Україні ремісничих шкіл для юнаків козацького стану». Див. док. 500.

Білозерського було заслано в Олонецьку губернію під нагляд поліції, де служив у Петрозаводському губернському правлінні. У 1856 р. Білозерський, звільнений з-під поліцейського нагляду, переїхав у Петербург. В грудні 1859 р. став надвірним радником, експедитором державної канцелярії і тоді ж порушив клопотання про дозвіл видавати журнал «Основа». В 1861—1862 рр. працював редактором «Основи», потім служив у Варшаві. Останні роки жив на хут. Мотронівка Борзенського повіту Чернігівської губернії, де й похований.

[43] У тексті помилка, потрібно: «Маркович».

[44] Проти прізвища Т. Г. Шевченка резолюція Л. В. Дубельта: Арестовать.

[45] Бушен Микола Християнович — поручик, закінчив у 1839 р. Пажеський корпус. У вересні 1846 р. прикомандирований до Полтавського кадетського корпусу, але невдовзі повернувся у Петербург.

[46] Чижов Федір Васильович (1811—1877) — педагог, письменник-слов'янофіл, фінансист і підприємець. У 1840—1847 рр. жив за кордоном, вивчав мистецтво, побував

у слов'янських землях. Був знайомий з М. В. Гоголем і листувався з ним. До Кирило-Мефодіївського товариства не належав.

[47] Див. док. № 1.

[48] Див. док. № 11.

[49] Див. док. № 12.

[50] Отпуски за № 441, 448 и 450 находятся в делах о Савиче, Чижове и Кулише.— *Прим. док.* (Див. т. 2, док. № 1).

[51] Арк. 34 у ч. I відсутній через помилку у нумерації. На арк. 27 помітка: Отпуск с отношения от 22 марта № 446, с которого писана была эстафета, находится в деле о Белозерском. Див. ч. IV, док. № 491.

[52] Кокошкін Сергій Олександрович (1785—1861) — петербурзький обер-поліцмейстер (1830—1847), харківський генерал-губернатор і попечитель Харківського учбового округу з 1847 по 1856 рр., до складу якого входили: Харківська, Чернігівська, Полтавська (до 1839), Орловська, Воронезька, Курська, Миколаївська, Таврійська, Катеринославська губернії, а також землі донських та чорноморських козаків (до 1848). Проводив реакційну політику в галузі освіти.

[53] Див. док № 1.

[54] Див. док. № 146.

[55] Див. док. № 147.

[56] Див. прим. 32.

[57] Бушен Християн Миколайович (1787—1867) — генерал, учасник походів російської армії у 1805—1807 рр., Вітчизняної війни 1812 р., брав участь у придушенні польського повстання 1830—1831 рр. та революції 1848 р. в Угорщині; з 1849 р.— член генерал-аудиторіату військового міністерства.

[58] Паскевич Іван Федорович (1782—1856) — генерал-фельдмаршал, у полку якого виховувався Микола I. За взяття Єревана (1826) імператор удостоїв його титулу графа Єреванського, а за жорстоке придушення польського повстання — князя Варшавського (1831), з 1832 по 1856 р. намісник Царства Польського, у якому проводив реакційну політику Миколи I.— Док. № 32.

[59] П. О. Куліш не встиг виїхати за тодішній кордон Росії. Він був заарештований у Варшаві.

[60] Олексіївський равелін — таємна в'язниця Петропавлівської (С.-Петербурзької) фортеці, призначена для утримання політичних в'язнів. У ній перебували члени Кирило-Мефодіївського товариства: М. І. Гулак (з 1.04 по 30.05 1847), переведений згодом у Шліссельбурзьку фортецю : П. О. Куліш (30.06—30.12. 1847), засланий у Тулу; М. І. Костомаров (30.05.1847—30.05.1848), висланий у Саратов.

[61] Чарторийський Адам Юрій (1770—1861) — польський політичний діяч, монархіст.

[62] «Літературне товариство», створене в 1832 р. у Парижі, як одна з політичних організацій польської еміграції на чолі з А. Чарторийським.

[63] Міцкевич (Mickiewicz) Адам Бернард (1798—1855) — великий польський поет і діяч національно-визвольного руху. Знав історію та народну поетичну творчість України. Поема «Дзяди» (1832) спрямована проти кріпацтва і самодержавства, тому список М. І. Костомарова вилучено під час арешту.

[64] Шафарик (Šafárik) Павел-Йосеф (1795—1861) — видатний чеський і словацький філолог, історик, багато зробив для розвитку славістики. Кирило-мефодіївцям були відомі ним написані капітальні наукові праці «Славянские древности» (1837), «Славянское народоописание» (1842) та ін.

[65-67] На арк. 57—68 копія доноса О. М. Петрова. Див. док. № 6.

На арк. 69—73 копія зізнань О. М. Петрова. Див. т. 1, док. № 7.

На арк. 74—99 копія зроблена у III відділенні з «Закону божого» з помітками О. Ф. Орлова: «Вот правила, которые они называли «Законом божим» і Л. В. Дубельта: «Его величество изволил читать. 29 марта 1847 г.». Див. док. № 145, 332.

На арк. 99 зв.— 100 копія відозви. «Брати українці».

На арк. 100 зв.— 101 копія відозви «Братья великоросияне и поляки».

[68] Див. док. № 37.

[69-70] Див. т. 2, док. № 348.

[71] Див. док. № 40.

[72] «Повесть об украинском народе» — науково-популярна праця для молоді, в якій подано короткий виклад історії українського народу на підставі козацьких літописів, історичних хронік та народних дум. Спочатку була надрукована в журналі «Звездочка» за 1846 р., а в червні 1846 р. видана окремою книжкою. Після арешту П. Куліша твір було заборонено, конфісковано і вилучено з бібліотек (док. № 42). За наказом царя Миколи I цензору, що дав дозвіл на видання «Повести», оголошено догану (ЦДІА СРСР.— Ф. 777, оп. 1, 1846 р., спр. 208 516.— Арк. 1, 73—74).

[73] «Україна» — перша поетична збірка П. О. Куліша. Частина її видана в 1843 р. у Києві, в університетській друкарні, під назвою «Украйна. Зложив П. Кулѣшъ. Одъ початку Вкраины до батька Хмельницького». Вона складається з народних дум та ори-

гінальних поезій автора. Поет прагнув створити українську епопею на зразок «Іліади» та «Одіссеї» Гомера, поетично відтворити життя з етнографічною точністю. Після видання першої частини «України» П. Куліш довго не наважувався публікувати свої вірші. Три наступні частини «України» не було видано.

[74] «Михайло Чарняшенко» — історичний роман П. О. Куліша, «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» (К., 1843.— Ч. 1.— 206 с.; ч. 2.— 190 с.; ч. 3.— 215 с. Уривки з роману були надруковані в журналі «Москвитянин».— 1843.— № 9.— Ч. 5.— С. 243—264). Написаний російською мовою 1842 р. під впливом романів англійського письменника Вальтера Скотта та українських історичних пісень, дум, легенд і переказів про звичаї та хоробрість козацтва.

[75] Див. док. № 145.

[76] Див. док. № 501.

[77] Див. док. № 337.

[78] Див. ч. III, на арк. 55, 56 та 105, 106 переписані М. І. Костомаровим твори Т. Г. Шевченка «І мертвим, і живим...», «Три душі» і «Сон».

[79] Див. ч. III, на арк. 104 вміщено відбиток печатки з написом «Іоан» гл. VIII ст. 32. Н. К.»

[80] «Księgi narodu Polskiego i Pielgrzymstwa Polskiego» опублікована у грудні 1832 р. у Парижі. Висвітлюючи історію польського народу в релігійно-містичному дусі, А. Міцкевич засуджує сваволю самодержавства та зрадництво польської аристократії. У книзі містяться заклики до солідарності народів, до боротьби за волю. Вона справила велике враження на сучасників. Певний вплив справила вона і на членів Кирило-Мефодіївського товариства, зокрема і на «Закон божий» (Книга буття українського народу).

[81] На арк. 118 помітка III відділення: «Вложение: книга на польском языке, сочинение Мицкевича». Книги в справі нема.

[82] І. М. Скобелєв — комендант Петропавловської фортеці. Див. Шевченківський словник.— К., 1977.— Т. 1.— С. 214.

[83] Рігельман Микола Аркадійович (1817—1888) — письменник-археограф. Народився на Чернігівщині, навчався у Московському університеті. 1839 р. служив у канцелярії московського губернатора, 1846—1848 рр.— у канцелярії київського генерал-губернатора. З серпня 1848 р.— дійсний член Київської тимчасової комісії для розгляду давніх актів, а з березня 1860 р.— дійсний член товариства любителів російської словесності при Московському університеті. Рігельман — автор творів «Вечори для читания», «Малоросійське весілля» та ін. Під його редакцією видано два томи «Літопису Величка».

[84] Див. док. № 46.

[85] Див. док. № 45.

[86] Там же, док. № 47.

[87] Треба Андрущенка. Див. док. № 50.

[88] Андрущенко Олександр Трохимович (1828 — р. смерті невід.) — український педагог. Народився у сім'ї офіцера, в Пирятинському повіті Полтавської губернії. До 1847 р. учився в 1-й Київській гімназії, а в 1847—1853 рр.— на фізико-математичному факультеті Київського університету. В 1854—1855 рр.— домашній учитель у О. О. Красовської в с. Лозанівці Черкаського повіту Київської губернії. З 1856 р.— учитель Ровенської гімназії (ЦДІА УРСР.— Ф. 347, оп. 1, 1854 р., спр. 974.— Арк. 1—8).

[89] Київський інститут шляхетних дівчат заснований 5 (17) листопада 1834 р. для навчання дітей дворян Київської, Волинської та Подільської губерній. Інститут перебуває під покровительством імператриці, яка була його головною начальницею. Головою ради інституту був київський генерал-губернатор. Термін навчання — шість років. У 1839 р. розпочато будівництво інституту (нині Жовтневий палац).

[90] Див. док. № 49.

[91] Див. док. № 52.

[92] Див. док. № 54.

[93] Див. док. № 56.

[94] Див. док. № 344.

[95] Див. док. № 345.

[96] Див. док. № 346.

[97] Див. т. 3, док. № 199.

[98] Див. т. 2, док. № 258.

[99] Там же, док. № 261.

[100] Див. док. № 502; т. 2, док. № 45.

[101] Див. док. № 501.

[102] Див. т. 2, док. № 36.

[103] Див. док. № 56, 57.

[104] Див. т. 3, док. № 215.

[105] Див. т. 3, док. № 216.

[106] Див. док. № 510.

[107] Див. док. № 511.

[108] Див. т. 3, док. № 364.

[109] Див. т. 2, док. № 337.
[110] Див. т. 3, док. № 2.
[111] Див. док. № 56—58.
[112] Див. док. № 357.
[113] Див. док. № 156.
[114] Див. док. № 353.
[115] Див. т. 2, док. № 37.
[116] Там же, т. 2, док. № 338.
[117] Див. док. № 513.
[118] Див. т. 3, док. № 20.
[119] Див. т. 2, док. № 262.
[120] Див. док. № 158.
[121] Див. т. 3, док. № 21.
[122] Див. т. 2, док. № 518.
[123] Див. док. № 514.
[124] Див. док. № 359.
[125] Див. док. № 58.
[126] Див. також т. 2, док. 3, 7.
[127] Див. док. № 61.
[128] Йдеться про великодержавне і шовіністичне гасло відновлення Польщі у кордонах 1772 р., тобто приєднання до Польської держави українських, білоруських і литовських земель, загарбаних колишньою Річчю Посполитою.
[129] Див. док. № 147. Треба: «Братья великороссияне и поляки».
[130] Див. док. № 146. Треба: «Братья украинцы».
[131] Чуйкевич Петро Омелянович — учитель Кам'янець-Подільської гімназії. У 40-х рр. вчителював у Ровно, Луцьку, Кам'янці-Подільському, був близько знайомий з М. І. Костомаровим і П. О. Кулішем. У 1846 р. Т. Г. Шевченко зупинявся у нього на квартирі в Кам'янці-Подільському. Про Чуйкевича як збирача народних пісень свідчать записи, зроблені у м. Ровно і вміщені у рукописному збірнику П. О. Куліша (Інститут літератури АН УРСР, рукописний відділ.— Ф. 99, № 203).
[132] Напевне, Боровиковський Левко Іванович (1806—1889) український поет-романтик, у 1838—1855 рр.— вчитель гімназії. Розквіт його поетичної творчості припадає на 30—40-ві рр. У 1852 р. вийшла в світ книга Боровиковського «Байки й прибаутки».
[133] Пильчиков Дмитро Павлович (1821—1893) — педагог і громадський діяч. Народився у Полтаві в сім'ї дворянина. Закінчивши Київський університет, викладав у Полтавському кадетському корпусі (1846—1864). У 1846 р. став членом Кирило-Мефодіївського товариства. Брав участь у «громадах» (член Полтавської громади), перебував під поліцейським наглядом. У 70-х рр. виїхав за кордон і разом з Є. І. Милорадович сприяв заснуванню товариства ім. Т. Г. Шевченка (1873) у м. Львові, з 1893 р. воно реорганізоване в Наукове товариство ім. Т. Г. Шевченка. Помер у Харкові. (*Плачинда В. П.* М. Д. Пильчиков.— К., 1983).
[134] Судовщиков Євген Павлович (1827 — близько 1866) — учитель словесності. Народився у дворянській сім'ї на Полтавщині. Навчався на історико-філологічному факультеті Харківського університету, в 1847 р. перевівся до Київського університету. Засланий у Архангельськ, де й загинув (Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.— Киев, 1964.— С. 456; Держархів м. Києва.— Ф. 16, оп. 465, 1847 р., спр. 69.— Арк. 58—59).
[135] Загурський Микола (1833—1919) — студент юридичного факультету Київського університету (1855—1860). У 1861 р. зустрічав прах Т. Г. Шевченка в с. Микільському поблизу Києва. Того ж року організував у будинку М. Домбровського недільну школу для українських дітей. У 1863 р. виїхав до Львова, де брав участь у демократичному русі польської та української молоді.
[136] Плетньов Петро Олександрович (1792—1866) — російський критик, поет, академік Петербурзької АН (1841). Друг О. С. Пушкіна, видавець-редактор «Современника» (1838—1846), ректор Петербурзького університету (1840—1861).
[137] Йдеться про В. М. Білозерського.
[138] На конверті листа П. О. Куліша до Ганни Барвінок підпис: «Ее высокоблагородию Александре Михайловне Кулиш в Варшаве, на Краковском предместье, но 2 этаже, дом под № 429».
[139] Див. док. № 63.
[140] Панславізм — громадсько-політична течія серед слов'янських народів кінця XVII—XIX ст., що відбивала прагнення до об'єднання слов'ян. Виникла в умовах визвольної боротьби слов'ян проти турецького і австрійського іга. Буржуазно-поміщицькі кола царської Росії використовували ідеї панславізму в реакційних цілях, намагаючись об'єднати слов'ян під владою російського царизму. Реакційність панславізму викривали О. І. Герцен, М. Г. Чернишевський та ін. Непримиренну боротьбу проти панславізму вели К. Маркс і Ф. Енгельс.

[141] Тобто О. Ф. Орлова.
[142] Адресат не встановлено.
[143] Див. також т. 2, док. № 348.
[144] Тепер м. Ромни.
[145] «Укравнские баллады» (1839) — перша збірка українських поезій М. І. Костомарова, в якій він виступає як поет-романтик під псевдонімом Ієремії Галки.
[146] «Вєтка» (1840) — друга збірка поезій М. І. Костомароиа українською мовою. Ця збірка, як і «Украинские баллады», була заборонена і вилучена з бібліотек після викриття Кирило-Мефодіївського товариства.
[147] *Куліш П.* Повесть об украинском народе // Звездочка.— 1846.— Т. 27/29.
[148] Див. прим. № 73.
[148] Див. т. 3, док. № 433.
[150] Слов'янофіли — один із напрямків суспільної думки в Росії 30—60-х рр. XIX ст., що об'єднував представників різних верств та станів — дворян, чиновників, купців, учених, письменників та ін.
[151] Див. т. 3, док. № 395—399.
[152] Див. прим. 80.
[153] Див. док. № 501.
[154] Українофільство — офіційний термін, яким у дореволюційний час визначався український національний рух. Цей термін вперше з'явився у першій половині XIX ст. поряд з слов'янофільством і вживався до діячів України, які виступали за створення літератури українською мовою, збирання й збереження пам'яток народної творчості, безперешкодний розвиток української національної культури. Царський уряд відносив до українофілів і кирило-мефодіївців.
[155] Збоку висновків помітка: Собствеиною его величества рукою написано карандашом: «Буде исправиться в образе мыслей». *Верно:* генерал-лейтенаит Д у б е л ь т.
[156] Збоку висновків помітка: «В Вятскую губериию». *Верно:* генерал-лейтенант Д у б е л ь т.
[157] Збоку проти висновків: «За откровенность прямо на службу в Олонецкую губернию под надзор». *Верно:* генерал-лейтенант Д у б е л ь т.
[158] Збоку проти висновків: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать». *Верно:* генерал-лейтенант Д у б е л ь т.
[159] Збоку проти висновків: «Запретить писать и на службу в Вологду». *Верно:* генерал-лейтенант Д у б е л ь т.
Див. також т. 2, док. № 80, 83, 84.
[160] Збоку проти висновків: «в Вятку». *Верно:* генерал-лейтенант Д у б е л ь т.
[161] 2 червня 1847 р. С. С. Уваров дописав О. С. Траскіну: «Сочинение г. Шевченко «Кобзарь» (1840), г. Кулиша «Повесть об украинском народе» (1846), «Україна» (1843), «Михайло Чарнишенко» (1843) и г. Костомарова (под псевдонимом Иеремии Галки) «Украинские баллады» (1839) и «Ветка» (1840) подвергнуты запрещению» (Держархів м. Києва.— Ф. 16, оп. 261, 1847 р., спр. 18.— Арк. 2). 13 вересня 1847 р. О. С. Траскін иаказав завести таємне «Дело об истребовании из библиотек училищ и Киевского учебного округа запрещенных сочинений гг. Кулиша, Костомарова и Шевченко», а також видав розпорядження директорам училищ і гімназій про вилучення вказаних книжок з бібліотек. З свого боку, Д. І. Бібіков наказав київському, волинському і подільському губернаторам, останні ж — земським справникам: «Запрещенные сочинеиия Шевченко, Кулиша и Костомарова, если у кого окажутся, следует отбирать, но без всяких розысков и обысков» (Держархів м. Києва.— Ф. 2, оп. 3, 1847 р., спр. 7577.— Арк. 1—4).
[162] Закреслено: «Во время содержания Костомарова и Кулиша в крепости дозволить им свидание: 1. С матерью и 2. С женой».
[163] Див. також т. 2, док. № 314.
[164] Там же, док. № 131, 213, 218, 219.
[165] Этот пункт в отношении к министру внутренних дел опущен.— *Прим. док.*
[166] Того ж числа О. Ф. Орлов підписав аналогічне відношення за № 896 на ім'я Перовского Льва Олексійовича (1792—1856) — міністра внутрішніх справ (1841—1852), але зі зміною закінчення: «О таковой монаршей воле уведомляя ваше высокопр[евосходительст]во, долгом считаю присовокупить, что мною уже сделаны распоряжения к заключению Гулака, Костомарова и Кулиша в крепость, относительно Белозерского и Навроцкого, отправленных: первый — в Петрозаводск, а второй — в Вятку, сообщено и олонецкому и вятскому губернатору с тем, чтобы Навроцкий в Вятке был выдержан шесть месяцев в тюремном замке и потом выслан на службу в один из уездных городов, а по прочим предметам сообщаю гг. министрам военному, финансов и народного просвещения, а также г[енерал]-а[дъютантам] Бибикову и Кокошкину. Примите увер[ения] и пр. Подписал гр. О р л о в. *Верно:* к[оллежский] сов[етник] К о н с т а н т и н о в». Ч. І, арк. 200. Відпуск.
[167] Датується за док. № 103.
[168] Див. док. № 61, 63, 66.
[169] Вся Росія спочатку ділилась на п'ять, а потім на вісім жандармських округів, що були виконавчими органами III відділення. Очолював округ генерал, а губернію —

жандармський штаб-офіцер. Штаб 4-го округу жандармів знаходився в Одесі, 5-го у Вільно. Начальником останнього був Шнель Олександр Андрійович.

[170] О. Ф. Орлов направив аналогічне повідомлення Буксгевдену П. Ф. (1790—1863) — начальнику 4-го округу корпусу жандармів (1842—1850) — за № 982 із зміною в останньому пункті: «Сообщив... вашему сия[тельст]ву... округа, особенно в губерниях Киевской и других, в которых находятся уроженцы Малороссии, воспитывавшиеся в университете св. Владимира, дабы они с своей стороны... внимание.

Примите уве[рение] и пр.» — Ч. І., арк. 209. Відпуск.

[171] На арк. 210 помітка: «Петрову — 500 р., Белозерскому — 200 р., Навроцкому — 200 р., Андрузскому — 200 р., Посяде — 200 р., Мазуровой — 300 р. Итого: 1600 р. серебром».

[172] Див. док. № 77.

[173] Див. док. № 77.

[174] Від слів «попечителю Киевского округа» до слів «о сем повторено» підкреслено вертикальною лінією.

[175] Див. прим. № 170.

[176] Від слів «обязан лв я» до кінця абзац підкреслено вертикальною лінією.

[177] Див. док. № 86.

[178] Див. прим. 166.

[179] Див. док. № 88.

[180] Див. док. № 75, також т. 2, док. № 61.

[181] Див. док. № 75.

[182] «Санкт-Петербургские ведомости» — офіційна газета царського уряду, що виходила у 1728—1917 рр.

[182] Две поэмы на малороссийском языке Т. Г. Шевченко.— *Прим. док.* Йдеться про видання «Чигиринский Кобзарь» и «Гайдамаки» (Спб., 1844). Поема «Гайдамаки» опублікована окремим виданням у 1841 р.

[184] Див. док. № 75.

[185] Див. прим. 166.

[186] Того ж числа за № 1107 О. Ф. Орлов направив відношевни С. С. Уварову з такими змінами: «В 1-м пункте:... № 897... вашему сиятельству. Во 2-м пункте: хоти распоряжения к исполнению по означенному пункту были предоставляемы вашему сиятельству, но усматривая, с одной стороны, что отношением от 2 июня, № 749 вы изволили уведомить меня о предписании вашем только по цензурному ведомству... со[чинения] Шевченки, я с сим вместе вошел в сношение с г-ном министром внутренних дел о сделании с его стороны распоряжении к воспрещению и изъятию из продажи вышеименованных сочинений.

Сообщая о сем вашему с[иятельст]ву, долгом считаю предоставить усмотрению вашему, не следует ли подтвердить по цензурному ведомству, дабы о книгах, по высочайшим повелениям воспрещаемых, не было помещаемо в газетах и журналах никаких объявлевий.

Примите увер[ение] и пр.».— Ч. І, арк. 225. Відпуск.

[187] Див. прим. 186.

[188] Перший абзац від слів «по цензурному ведомству» і другий від слів «я полагал, что» до кінця підкреслено вертикальною лінією. Див. також док. № 90.

[189] Див. док. № 92.

[190] Від слів «предписание» до кінця абзац підкреслений вертикальною лінією.

[191] Датується за док. № 96.

[192] «Allgemeine Zeitung» «Німецька газета» (нім.) видавалася з 1798 р. у різних містах Німеччини — Тюбінгені, Штутгарті, Ульмі, Мюнхені.

Частина друга

СПРАВА М. І. ГУЛАКА

[1] Див. док. № 105.

[2] Див. док. № 106.

[3] Див. док. № 107.

[4] Див. док. № 108.

[5] Йдеться про обрання М. І. Костомарова ад'юнктом російської історії Київського університету та про вакантну посаду учителя 1-ї Київської гімназії, яку він займав до серпня 1846 р.— Док. № 104.

[6] Йдеться про офіцера М. Х. Бушена, який не був членом товариства.

[7] Див. прим. 36.

[8] Див. док. № 114.

[9] Див. док. № 111.

[10] Див. док. № 109.

[11] Див. док. № 115.

[12] У зазначеному документі йдеться про соціальні відносини, що існували на Україні до і після Переяславської ради 1654 р. Розглядаючи статті Литовського статуту, що гарантували привілегії польських феодалів на Україні, автор показує, ик замість статей статуту почали запроваджуватися закони самодержавної Росії — скасування гетьманського правління, урівняння старшини у правах з російським дворянством, грабування українських земель російськими вельможами тощо.— Ч. 2, арк. 89—96. Відпуск. Не публікуєтьсн.

[13] Див. прим. 55.

[14] Закреслено: «и выслать им означенные».

[15] Напевно, М. І. Гулак має на увазі книжку В. Ганки «Начала церковно-славянского языка».

[16] Сазавський монастир, споруджений у 1032—1039 рр. на річці Сазава, і Еммауськнй у Празі в 1347 р. відігравали значну роль у поширенні слов'янської писемності, 1828 р. Ганка виявив в останньому уривки Євангелія латинською мовою і видав їх з підрядковям чеськнм перекладом.

[17] Закреслено: «прежде нежели угодно будет провидению положить конец вашей деятельности».

[18] Закреслено: «какой дивный свет прольют они на новый».

[19] «Руська правда» — пам'ятка давньоруського права, що з'явилась у Київській Русі в XI—XII ст. // *Греков Б. Д.* Київська Русь.— К., 1951; *Юшков С. В.* Русская правда.— М., 1950.

[20] Очевидно, Бржестислав — чеськнй князь (1034—1055), що видав у 1054 р. закон про князівське наступництво.

[21] Від слів «преимущественное вннманне» до слів «внимательного нзучения» абзац підкреслено вертикальною лінією.

[22] Добнер Геннадій (1719—1790) — чеський історик. Основні праці: «Історія чехів» (1761—1783), «Історичні пам'ятники Чехії» (1764—1786).

[23] Мацейовськнй Вацлав-Олександр (1793—1883) — польський історик культури, права й літератури. Написав праці: «Historia prawodawstw słowiańskich» («Історія слов'янських законодавств») т. 1—4, 1842; («Записки про події, писемність і законодавство слов'ян», 1839).

[24] Від слів «здесь вы можете» до слів «литературы украинской» і від слів «во мне найдете» до слів «Не правда ли?» абзац підкреслено вертикальною лінією.

[25] На арк. 12 конверт з адресою: «Его благородию милостивому государю Николаю Ивановичу Гулаку. В Киеве».

[26] Від слів «еще раз решаюсь» до слів «сделано в Дерпте» абзац підкреслено вертикальною лінією.

[27] Див. т. 2, док. № 36.

[28] Караваєв Володимир Опанасович (1811—1892) — хірург та офтальмолог. Народився у м. Вятка (нині Кіров) у купецькій сім'ї. Закінчив медичний факультет Казанського університету (1831), в 1832—1834 рр. служив у Петербурзі (у військовому госпіталі та Маріїнській лікарні), два роки перебував за кордоном. У 1836—1838 рр. слухав лекції в Дерптському університеті, у 1839—1840 рр. працював у Кронштадському морському госпіталі. З 1841 р.— професор Київського університету.

[29] Д. П. Пильчиков.

[30] О. О. Навроцький.

[31] Від слів «ибо в самой» до слів «но делать нечего» абзац підкреслено вертикальною лінією.

[32] Від слів «неужели Вы предполагаете» до слів «каждый в своем роде» і від слів «я не хочу быть» до «что бог даст» текст підкреслено вертнкальною лінією.

[33] Граббе Павло Христофорович (1787—1875) — генерал, учасник Вітчизняної війни 1812 р., служив на Кавказі, з 1831 р.— начальник штабу 1-го піхотного корпусу, кинутого на придушення повстання на Україні, у 1849 р. командував особливим загоном по придушенню революції в Угорщині.

[34] Див. т. 2, док. № 36.

[35] Йдеться про М. Х. Бушена.

[36] Як свідчить В. М. Білозерський, П. О. Куліш ніяких «християнських правил» не писав, а тільки зробив відповідні виписки з Євангелії. У слідчій справі цих випнсок немає.

[37] Див. док. № 500.

[38] Поема «Дочка слави», у якій Коллар Ян (1793—1852) — чеський поет і мислитель, відстоював ідею дружби, єдності та прагнення до волі слов'янських народів.

[39] Єдлічка (Jedlička) Алоїз Вячеславович (1819—1894) — український музикознавець, педагог і композитор. За походженням чех. У 1848—1892 р. жив у Полтаві. У 1845 р. зустрічався з Т. Г. Шевченком, видав збірник українських народних пісень, де окремі вірші поета поклав на музику.

[40] «Москвитянин» — щомісячний літературно-художній і науково-літературний (з 1849 р.) журнал. Видавець та редактор М. Н. Погодін.

[41] Напевно, Скалон Аркадій Володимирович (1829 — р. смерті невід.) — книговидавець, бібліограф, власник книжкового магазину в Харкові.
[42] «Русский инвалид» — військова газета, що виходила у Петербурзі з 1813 по 1917 рр.
[43] «Северная пчела» — газета, виходила у Петербурзі з 1825 по 1864 рр.
[44] Піль Роберт (1788—1850) — у 1834—1835 та 1841—1846 рр.— прем'єр-міністр Великобританії. У 1846 р. уряд Піля скасував хлібні мита, що свідчило про значну перемогу англійської буржуазії над земельною аристократією. Про це писали газети, зазначеві в листі В. М. Білозерського.
[45] Мішо Жозеф-Франсуа (1767—1839) — французький історик. Зазначена в листі книжка — «Французи, як вони зображають самих себе».
[46] Леба Філіп (1794—1860) — французький археолог, написав працю «Німеччина».
[47] Вірно Ф. К. Лоренца «Руководство ко всеобщей истории» (Спб., 1841).
[48] Можливо, Бюхнер Георг, німецький письменник і драматург.
[49] Лафатер (1741—1801) — німецький письменник. У 1772—1778 рр. видав у Лейпцігу та Вінтертурі «Фізіономіку» («Physiognomische Fragmente zur Beforderung der Menschenkentniss und Menschenliebe»), де намагався визначити внутрішній (духовний) стан людини за її зовнішніми ознаками.
[50] Напевне, В. М. Білозерський мав на увазі, крім поеми Коллара «Дочка слави», його трактат «Про літературні взаємозв'язки між окремими слов'янськими племенами і наріччями», виданий у 1836 р. чеською мовою, а у 1837 р.— німецькою.
[51] Ейхгофф Фредерік-Густав (1799—1875) — французький філолог, професор. Основна праця — «Histoire de la langue et de litterature des Slawes, Russe, Serbe, Bohemes, Polandes et Lettens» («Історія мов та літератури слов'ян, росіян, сербів, чехів, поляків та литовців», 1839).
[52] «Грекослов'янський світ» (*фр.*) у журналі «Огляд Старого і Нового світу».
[53] О. О. Навроцький.
[54] Петровський Полтавський кадетський корпус відкрито у 1840 р.
[55] Селін Олександр Іванович (1816—1877) — філолог. Закінчив історико-філологічний факультет Московського університету. З 1845 р.— ад'юнкт, 1847 р.— магістр, 1852 р.— доктор філології Київського університету. Листувався з В. Ганкою.
[56] Костир Микола Трохимович (1818—1853) — філолог. У 1839 р. закінчив історико-філологічний факультет Київського університету. З того ж року — ад'юнкт, 1845 р.— магістр, 1850 р.— доктор філології, з 1851 р.— професор Харківського університету.
[57] Закреслено «наперед».
[58] Напевно, Терновський Петро Матвійович (1798—1874) — професор Московського університету.
[59] Закреслено: «и благородного».
[60] Йдеться про О. О. Навроцького.
[61] Батько М. І. Гулака.
[62] Палацький (Palacký) Франтішек (1798—1876) — чеський історик і політичний діяч. З 1827 р.— редактор «Журнала общества патриотического музея в Чехии». У 1829 р. видав «Давні літописи чеської 1278—1527 рр.», а в 1836—1867 рр.— монументальну «Історію чеського народу», спочатку німецькою, а згодом чеською мовами.
[63] Активно розпочата справа (*лат.*)
[64] Іванишев Микола Дмитрович (1811—1874) — професор права (1840—1865), ректор Київського університету (1862—1865), член Київської археографічної комісії. Під його редакцією вийшли: «Летопись Величка» (три томи), «Жизнь Курбского» й більшість томів «Архива Юго-Западной России».
[65] На арк. 27 конверт з адресою: В Киев, его высокоблагородию милостивому государю Николаю Ивановичу Гулаку.
[66] На арк. 28 написано: «Оригинал, писанный рукою Гулака «О сотворении мира», на 12 листах. Див. док. № 145.
[67] Див. док. № 105.
[68] Див. док. № 107.
[69] Див. док. № 106.
[70] Див. док. № 108.
[71] Див. док. № 110.
[72] Див. док. № 114.
[73] Див. док. № 111.
[74] Див. док. № 109.
[75] Див. док. № 115.
[76] Не друкується, див. примітку № 12.
[77] Див. док. № 112.
[78] Див. док. № 145.
[79] Йдеться про поему «Єретик», або «Іван Гус», автограф якої після арешту Шевченка потрапив до III відділення. Вступ до поеми «Посланіє славному П. І. Шафарикові» вперше надруковано в журналі «Основа», 1861, № 1. Лист свідчить про обізнаність з нею кирило-мефодіївців.

[80] Йдеться про «Псалми Давидові» Т. Г. Шевченка (1845). Це вільний виклад псалмів, в якому втілено революційні ідеї поета.

[81] Мається на увазі ярмарка на Подолі в 1844 р.

[82] Праця М. І. Гулака присвячена історії слов'янських племен, що заселяли південне узбережжя Балтійського моря. Їх земля, Помор'я, поділялася на західну частину, від пониззя р. Орди до р. Леба, та східну — від р. Леба до Віслинської затоки. (*Марахов Г. И.* Роль Н. И. Гулака в выработке идеологии Кирилло-Мефодиевского общества // Вопр. ист.— 1986.— № 9.— С. 33—34).

[83] Закреслено: «не грубым и диким».

[84] Отто Святий (1062—1139) — єпископ бамберзький, апостол Померанії. У 1124 і 1127 рр. був запрошений польським герцогом Болеславом III для поширення серед слов'ян Помор'я іншої віри. Здійснив дві місіонерські поїздки в підкорені землі.

[85] Ср. Hajek [89] ad annu[um] 876 — пор. Гаєк до року 876 *(лат.)*.

[86] Закреслено: «поэтому в отношении полов мы встречаем признаки образованности».

[87] У вас не було вірності одному шлюбу, бажаючі мали кілька жінок (с. 397б) *(лат.)*.

[88] Княгиня *(лат.)*.

[89] Гаєк (Гайек) Вацлав (близько 1500—1553) — відомий чеський літописець, письменник, історик. Був монахом Августинського монастиря в Празі. Автор книжки «Kronika česka» («Чеська хроніка», 1541), що охоплює історію Чехії від найдавніших часів до 1527 р.

[90] Жонка с жонкого присужати поле, а наймиту от жонки не быти над одну сторону. А[кты] а[рхеографической] э[кспедиции] I № 103, Lex Baino III, 28 § 3, Si autem pugnare voluerit per audaciam cordis sui aiant vir non erit duples compositio eius, sed aiant fratres eius, ita et ipsa recipiat [А будуть запевняти, що коли чоловік хоче битися через хоробрість свого серця, то його задум не буде лукавим, а будуть запевняти його брати, і так вона згодиться — *лат*]. О послушестве жен у винодольцов ср. § 18, 27, 28.— *Прим. док.*

[91] Женщины участвуют в снеме.— см. Гаек, anno. 670. *Прим. док.*

[92] Ниже *(лат.)*.

[93] Очевидно, йдеться про батька Дітмара. Див. прим. 283.

[94] Майнова спільність подружжя *(нім.)*.

[95] В свої більш віддалені помістя *(лат.)*.

[96] Див. примітку № 145.

[97] Грімм Якоб у 1828 р. видав «Deutsche Rechtsalterthumer» («Старожитності німецького права»).

[98] Закреслено: «выбрасывали».

[99] Закреслено: «что если у них было много девочек, то они некоторых...».

[100] Якщо деякі родили багато дочок, щоб легше забезпечити немовлят, деяких з них душили, не вважаючи це вбивством *(лат.)*.

[101] И у вилчан.— *Прим. док.*

[102] Ср. Карамз[ин]. Гр. 63.— *Прим. док.*

[103] М. Щецін.

[104] Кроме родственников (propinqui) и приближенных (amici), на Руси *Радион Несторович* с ним княжата и дети боярские и *двора* до *1700 человек* (около 1332).— Ср. Карамз[ин], IV, пр. 324.— *Прим. док.*

[105] Від його рішення залежать і державні, і особисті справи (лат.).

[106] Закреслено: «Редкая община состояла из двух кланов».

[107] Редкін Петро Григорович (1808—1891) — юрист, вихованець Ніжинської гімназії, у 1840—1842 рр. видавав збірник «Юридические записки».

[108] С позволения отца сын строит себе новый двор. См. Гаек, ann[um] 80, 780, 775, 763, 758; отец, рассердившись на сына за то, что тот обзаводился новым хозяйством, убивает внука.— См. там же anno 676.— *Прим. док.*

[109] Литовські статути — зведення законів Литовської держави, що відображають феодальні права. Статути мали три редакції (1529, 1566 і 1588 рр.). В їх основу покладено феодальні законники, в тому числі «Руська правда».

[110] Віслицький статут (правильніше «Віслицько-Пйотрковські статути) — законник, виданий за рішенням з'їздів феодалів Малої Польщі у Віслиці (1346—1347) та Великої Польщі у Пйотркові (1347).

[111] Ср., однако, Гаек, ann[um] 803 —старшие братья не разд[еляются], живут на отцов[ском] дв[оре], а младшие осаждаются на новых жилищах (может быть потому, что при этом была крепость, отец служил князю, будучи ее комендантом, и поручал сыновьям продолжать служить кн[язю]).— *Прим. док.*

[112] Сербський законник — «Законник Стефана Душана», прийнятий на соборі духовної і світської знаті в Скопле у 1349 р. і доповнений новими статтями в 1354 р., є записом звичаєвого права і зведенням законів сербських правителів.

[113] Закреслено: «умерший без прямых наследников».

[114] Закреслено: «Имеющие права на имущество умершего».

[115] Закреслено: «и каждый наследовал по равной части».

[116] В славянских понятиях не лежало никакого преимущества мужского пола перед

женским. Женщины наследовали по этому же праву, как и мужчины (см[отри] Болг[арскую] грам[оту] Выгрд.), по естественному ходу вещей, однако же они не могли наследовать в имуществе так, как мужчины, до замужества они оставались в родительском доме, естественно и в нераздельности имущества, при выходе же замуж они не делались главою нового рода, а переходили в род мужа, не основывали новых жилищ, дворов, а жили вместе с мужем. Поэтому они редко имели поземельную собственность. При выходе замуж отец наделял их движимым имуществом и челядью, но не землями, потому что в первоначальные времена вообще не знали никакого дележа земли. Впоследствии же, когда теснота жителей заставила делить свои вотчины, вместо того, чтобы заселить новые, женщины не всегда получали земли (чаще всего только за недостатком мужского пола), и здесь уже видно настоящее преимущество муж[ского] п[ола] перед женским. Права, однако, же своего ва равное участие их они не теряли: это видно из того, что при выходе замуж они *отрекались* от права своего на н[аследство] и получали вместо того spravedl[ive] opatření [справедливый посаг] — *чеськ.* См. Выгрд.— *Прим. док.*

[117] Винодольский закон — звід стародавніх законів Винодолу — приморської частини Хорватії.

[118] Закреслено: «народа».

[119] Кромер Марцин (1512—1589) — польський письменник, історик. Написав латинською мовою польську хроніку «De origine et rebus gestis Polonorum, libri XXX» («Походження і військові подвиги поляків» в 30 книгах, 1555).

[120] Гридь, hirdmenn (О. С. Trygr [?] — член молодшої дружини *(нім.)*.

[121] В зак[оне] сербск[ом] § 98 сказано: Господин царь, кгде има сына женити или кърстити и буде ему двор чинити кукие, *всяки да поможе* — мал и великь. Болеслав захватил в плен реченского короля, и весь народ участвует в его выкупе, так что Ruthenia tota insolita paupertate evastabesceret. Вся Рутенія почала спустошуватись незвичайною бідністю *(лат.)*. V[ita] Оттон, p. 392a; Grimm R. Sr. 250 sq. n. 11.— *Прим. док.*

[122] Закреслено: «так даже уделы, по крайней мере, в России».

[123] Делалось *пустым,* всякий имел право запоселиться на его землях, но не так, как всякое новое осажденне, не иначе происходило как с разрешения князя, то он должен был прежде испросить его согласин. Из этого мало-помалу образовалось понятие, что кн[язь] раздает *пустые* земли. Князья же, с своей стороны, очень легко могли себе здесь присвоить право раздавать такие земли только своим служебникам.— *Прим. док.*

[124] Salos filios habebant successores. Тільки сини могли бути спадкоємцями *(лат.)*.— *Прим. док.*

[125] Раб *(грец.)*.

[126] Раб *(євр.)*.

[127] Раб *(грец.)*.

[128] Раб *(лат.)*.

[129] Особи, які знаходять заступництво, клієнти *(лат.)*.

[130] *Mauric.* Strateg. Liber XI, p[agina] 273. Qui eunt in captivitate apud eos, non omni tempore, at apud gentes alias, in servitute tenentur; sed certum eis definitur tempus in arbitrium eorum relinquendo, si oblata mercedia velint dein reverti ad suos, ut munera apud ipsos liberi et amici. (Ті, які потрапляють до них у полон, не весь час перебувають у рабстві, як у інших племен, а їм дається певний час подумати, щоб залишитися, а якщо ж, однак, хочуть, запропонувавши викуп, повернутися до своїх, то викуп за них дають діти або друзі.— Ср. *Palacky.* Geschichte Bõhemes, 23, 1, not. 150.— *Прим. док.*

[131] Праця Палацького, на яку посилається М. І. Гулак, присвячена історії Чехії; у 1836 р. з'явився перший том німецькою мовою «Geschichte Bohemes» («Історія Богемії»), у 1848 р.— чеською мовою «Dějiny narodu českého v Čechach a Morave» («Історія чеського народу в Чехії та Моравії»).

[132] Закреслено: «а отчасти и порабощение».

[133] Ср. Жизнь Оттона, с. 408 *(лат.)*.

[134] Закреслено: «в далекие».

[135] Др. т. Н[естор]: л[ето] 6539, повоеваста лядскую землю и многи ляхи приведоста, и разделиста их и посада Ярослав [136] свои по Рсн н суть до сего дне; ср. Карамз[ин], III, § 114 др. т. Н[естор]; л[ето] и власть Казимир [137] за вено людей 800, еже бе полонил Болеслав [138], победив Ярослава. Лавр[ентиевская] л[етопись] [139]; л[ето] 6650 и воевавшие воротившася, более вземше *мирных* ляхов, *нежели ратных.— Прим. док.*

[136] Ярослав Мудрий (978—1054) — великий князь Київської Русі (з 1019). Сприяв розвитку писемності серед східних слов'ян. За його правління Київська Русь зміцніла в боротьбі з нападами степових кочівників-печенегів, виник Києво-Печерський монастир.

[137] Казимир I (1016—1058) — польський князь (1034—1058), був одружений з Доброгневою (Марією), сестрою Ярослава Мудрого.

[138] Болеслав I Хоробрий — польський князь (992—1025), король. У 1018 р., підтримуючи Святополка, пішов на Київ, розбив Ярослава Мудрого, а Київ передав Святополку. Ярослав Мудрий утік у Новгород, де зібрав нові сили і вигнав Святополка з Києва. Втручання у справи Київської Русі послабило Польщу.

139 Літопис Лаврентіївський — давньоруський літопис історії Київської й Південно-Східної Русі; переписаний у 1377 р. монахом Лаврентієм. Повне виданни було здійснено в 1846 р. (*Шахматов А. А.* Обозреиие русских летописных сводов XIV—XVI вв.— М.; Л., 1938).

140 8000 [переселенців] з жінками і дітьми привозили на свої землі і поселялн їх у містах і таборах небезпечних прикордонних зон, і ті охороняли їх землі і вели війни з ворогами *(лат.)*.

141 Et castvis. Haj[ek] ann[o] 1039; ann[o] 1026. inf[erius] 1030, 1133 pr. 1266.— *Прим. док.*

142 Haj[ek] ann[o] 1026 inf[erius] ann[o] 1149 pr. Palacky Geschichte Röhemes, I n[umero] 153.— *Прим. док.*

143 Ср. (Рейна § 15, п. I: в Новгороде продавали суздальца по 2 ногаты, ср. Карамз[ин], III, 7.— *Прим. док.*

144 Закреслено: «основывать новые жилища на...»

145 Напевне, мова йде про «Акты археографической экспедиции» (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской Академии наук.— Спб., 1836—1838. — Т. 1—4.) — першу друковану публікацію археографічної комісії, створеної при міністерстві освіти в 1834 р., яка займалася розбиранням, виданням і зберіганням давніх актів, літературних та історичних пам'ятників.

146 § 2 еод.: от него же *кому* емлет.— *Прим. док.*

147 А[кты] А[рхеографической] К[омиссин], 1, 3; *третники* н наймиты кто стражет в готовых конех, а в кунах.— *Прим. док.*

148 Іпатіївський літопис — давньоруський літопис, нкий складається з трьох частин, об'єднаних у одне літописне зведення — «Повість временних літ», Київський звід кінця XII ст. і Галицько-Волннський літопис. Назва походить від Іпатіївського монастирн у Костромі, де зберігався.

149 Спочатку *(лат.)*.

150 Йдеться про «Памнтники», які видавала Київська археографічна комісія. В 1845—1859 рр. вийшло 4 томи, де вміщені документи за 1490—1787 рр.

151 Ср. Mac[iejowski], I, § 67, о рабах, I, § 72.— *Прим. док.*

152 Прикажчикн, слугн, домашні, челидь *(лат.)*.

153 Колони *(лат.)*.

154 Управитель рабами *(лат.)*.

155 В ту неділю селяни жали; чоловік, який керував роботами, все більше і більше підганяв своїх робітииків *(лат.)*.

156 Слуга, який наглядав за полоненими *(лат.)*.

157 Прикажчики.

158 Таціт Публій Корнелій (близько 55 — близько 120) — видатний римськнй історик, оратор і політичний діяч, автор ряду праць, зокрема «Germania» («Германія»), «De origine et situ Germaniae» («Про виникнення і місцеположення Германії»), на які посилається М. І. Гулак. *Таціт.* Германіи, глава... Прислужники *(лат.)*.

159 Щоденний, можливо, постійно діючий суд *(нім.)*.

160 Обмеженими правами *(лат.)*.

161 Батьків сімейств *(лат.)*.

162 Останніх велику кількість *(лат.)*.

163 Вірно служили дому *(лат.)*.

164 Закреслено: «поморяне издревле занимались торговлею, известно цветущее положение сих народов».

165 На острове Рюгене не было звонкой монеты, куски полотна заменяли ее (ср. Helmold [170] I).— *Прим. док.*

166 Також дав монету цієї землі *(лат.)*.

167 300 марок срібла загальноприйнитої ваги, с. та ж *(лат.)*.

168 Міри, вага, куски металу *(лат.)*.

169 За допомогою прнкажчиків (майже всі, як і прикажчики, відплили до нижніх островів, щоб торгуватн (с. 405б). Рутени припиняють всі комерційні справи і взаємні справи прнкажчиків (с. 418б) *(лат.)*.

170 Гельмольд (близько 1125 — після 1177) — німецький історик, написав «Chronicon Slavorum» («Хроніка слов'ян»), що стали цінним джерелом при внвченні історії полабських слов'ян.

171 Боржник *(грецьк.)*.

172 Закреслено: «долги».

173 См. Набур, П. 313, sq. Grimm 616 sq.— *Прим. док.*

174 Postea de capite addicti pēnas sumito, aut si volet uls Tiberim venum dato. Ge[llius], N[octes] A[tticae] (потім, приймаючи належні покарання або, якщо хоче..., продаючи на ту сторону Тібру — ср. Гелій, А[ттичні] н[очі] *(лат.)*. О герм[анцах] см. Гримм, с. 613 sq).— *Прим. док.*

175 Слово нерозбірливе.

176 Вищої сили *(лат.)*.

[177] Ср. зак[он] Винодольський, § 74.— *Прим. док.*

[178] Якщо хто за борг буде викликаний в суд, буде проданий, хіба що зміг би довести справжні труднощі *(лат.)*.

[179] Чашку води *(лат.)*.

[180] Дерев'яними колодками і кайданами *(лат.)*.

[181] Слуга, який стежив за полоненими *(лат.)*.

[182] Мені тяжко звільнити всіх тому, що їх утримують більше договори і борги *(лат.)*

[183] Там же *(лат.)*.

[184] Так в тексті *(лат.)*.

[185] «Лангобардська правда» — законник, що регламентував звичаєві права давньогерманських племен лангобардів VI—VII ст.

[186] Закон Лангоб[ардів], кн. II, ст. 34, § 1. Якщо вільна людина віддала себе під владу іншої замість поручительства і, там перебуваючи, нібито вчинила комусь якісь збитки, то той, хто взив вільну людину замість поручительства, відшкодує збиток, або відпустить людину, що потрапила в біду, втрачаючи її, а одночасно і борг, за який взив її замість поручительства, а той, хто вчинив збитки, звільнений повинен відшкодувати її згідно з якістю речі... І якщо він мав вільну дружину, то вона завжди буде в боргу, а якщо мав синів, то вони будуть вільні *(лат.)*.

[187] Віддає себе замість поручительства *(лат.)*.

[188] Компенсація, відшкодування *(лат.)*.

[189] Закон Галльський. Про того, хто чужий дім пограбував. Якщо таке зробила вільна людина і не може її повністю відшкодувати, нехай прагне віддати в заставу самого себе замість раба, поки не покрнє повного відшкодування *(лат.)*.

[190] Своє поручительство *(лат.)*.

[191] В капітулирії про приватну власність *(лат.)*.

[192] Щоб ніхто не мав наміру брати іншого в заклад *(лат.)*.

[193] Борг *(лат.)*.

[194] Так в тексті.

[195] Нічия земля *(лат.)*.

[196] Багата пасовиськами і травою *(лат.)*.

[197] Hajek, ad апп. 892: первый раз принесло вино в Богемию.— *Прим. док.*

[198] М. І. Гулак посилається на «Записки Ю. Цезаря про Галльську війну».

[199] Межові відносини *(нім.)*.

[200] Сусідів *(нім.)*.

[201] Это считалось не столько общею собственностью, сколько αδέσπαα, поэтому сколько бы кто ни припахвл земли из очищенного леса, все это он приобретал в полную собственность (см. А[кты] З[ападной] Р[оссии], у германцев напротив (составив всякому соответственно известного участия в лесе) ср. de exartis — о выкорчеванных и герм[анское] [...] (нерозбірлнве), всегда восставали против очищения лесов (ср. Grimm).— *Прим. док*·

[202] Межова співдружність *(нім.)*.

[203] У свої помістя *(лат.)*.

[204] О servitutes piscandi et sylvae caedendae [Про обов'язки ловити рибу і рубати ліс] *(лат.)*. ср. Mac[iejowski], II, p. 288, п. 376.— *Прим. док.*

[205] Ср. Dagiel, anno 1228.— *Прим. док.*

[206] Нерозбірливо.

[207] Rkps krdvrsk, Jalóvku sin kupi ot pastuchy. Dada za niu kóň iz uzdu. Краледворський рукопнс. Цю корову купив у пастухів. Дав за неї коня з ву"дечкою — чеськ. Česth a vesev rs 163 sqq[sequen tes] наступні *(лат.)*.

[208] Говорять, що хоробрим, могутнім і багатим є той, хто може утримувати стільки-то і стільки-то коней *(лат.)*.

[209] Під певною кількістю коней розуміє кількість воїнів, бо був звичай не тримати жодного воїна без коня (с. та ж) *(лат.)*.

[210] Закреслено: «Лошадей».

[211] О России — ср. Карамз[ина], II, пр. 296.— *Прим. док.*

[212] Озброєні кораблі, ср. нижче *(лат.)*.

[213] Бойова сокира, ножі, мечі, палиці, списи, круглий мідний щит, праща *(лат.)*.

[214] Передачі з належним правом *(лат.)*.

[215] Символічна передача *(лат.)*.

[216] Збори *(нім.)*.

[217] Передача *(лат.)*.

[218] Закреслено: «actionem in personam» — дія проти особи *(лат.)*.

[219] Позов, а не привласнення речі *(лат.)*.

[220] Знаю, що ця річ моя *(лат.)*.

[221] Знаю, що NN повинен дати мені цю річ *(лат.)*.

[222] До здійснення символічної передачі в народних зборах *(лат.)*.

[223] Ср. Mac[iejowski], II, p. 278.— *Прим. док.*

[224] «Акты юридические», «Акты юридические, или собрание форм старшинного делопроизводства» (СПб., 1838) — збірник приватних документів за XIV — початок XVIII ст. Покажчик до цього збірника був виданий у 1840 р.

[225] Два слова нерозбірливі.

[226] Закреслено: «права».

[227] І так німець купив варварську кирею з відлогою *(лат.)*.

[228] Цими словами *(лат.)*.

[229] «Чтения в обществе истории и древностей российских» — періодичне видання «Московського товариства історії та старожитностей російських» (1846—1918).

[230] Доказ *(лат.)*.

[231] Щоб ніхто не купував коня, вола та в'ючиої тварини або інших, якщо не знає людина, яка йому продає, з якої вона громади, чи де мешкає і хто старшина *(лат.)*.

[232] Хто хотів купити коня на ярмарку, необхідно щоб раніше двоє чи троє людей його [коня] прилюдно оцінили. А якщо не мав людей, в присутності яких купував, то цей кінь буде вважатися краденим *(лат.)*.

[233] Закреслено: «не мог от него требовать».

[234] Еверс Іоганн-Філіп-Густав (1781—1830) — юрист, історик, з 1810 р.— професор, з 1818 р.— ректор Дерптського університету, член-кореспондент Російської Академії наук (з 1809 р.), автор ряду праць з історико-правових питань Давньої Русі — «Предварительные критические исследования для российской истории» (1814), «История руссов» (1816), «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (1826) та ін.

[235] Хазяїн речі, попередник *(лат.)*.

[236] Інтерціацією, тобто вводом третьої особи *(лат.)*.

[237] Закон Галльський, с. 49: про ...: Закон Рипуарський, с. 33; про інтерціацію; с. 72; про людину, введену як третя особа; Закон Лангобардів, кн[ига] II, с. 18; про інтерціативні речі *(лат.)*.

[238] «Рипуарський закон» («Рипуарська правда») — законник рипуарських франків (VI—VIII ст.).

[239] Закреслено: «земли».

[240] Ейхгорн Карл-Фрідріх (1781—1854) — німецький професор права, основна його праця — «Deutsche Staats — und Rechtsgeschichte» («Історія німецької держави і права», т. 1—4, 1808—1823). У 1815 р. разом з Ф. Савіньї (1776—1861) заснував «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft» («Журнал з історії права»).

[241] Про залишення слідів § 1. Якщо хто переслідує свою худобу по сліду і на третій день знайде її в чийомусь домі, або в якомусь місці, то може повернути її собі без інтерціації *(лат.)*.

[242] Інший поклик нерозбірливий.

[243] Кн[язь] получал только известную часть (arg[umentum] V[ita] Ott[onis]) (доказ — «Життєопис Оттона») *(лат.)*. Ср. др[угой] т[ом] Нест[ора] л[ето] 6539: и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхы приведоста и разделиста я и посади Яросл[ав] своя по Рси. Яр[ослав] и Мст[іслав].— *Прим. док.*

[244] Ср. Ипать[евская] лет[опись] ad ann[um] 1171. Helmold[us] I, c. I, inf[erior] — Лавр[ентьевская] лет[опись] л[ета] 6574: и секота муже, а жены и дети сдаша на щиты. О военной добыче ср. Hajek ann[o] 861 inf[erior].— *Прим. док.*

[245] Та інше різноманітне майно *(лат.)*.

[246] Закреслено: «его ограничению».

[247] Ср. Greg. (Tur.— Gr. Tur. 11, 27, Aimoin 1, 12, Grimm R [...] Sr[...] p. 246 sq [sequentes] (п. 9) ap Leon и Нестора, закон Сербск[ий] § 101. Helmoldus I. c. 6 inf[erior:]. De omnibus quoque provinciis Slavorum illic (in Rusia) responsa petuntur et sacrificiorum exhibentur annuae solutiones, sed nec mercatoribus, qui forte ad illac sedes appulerint, patet ulla facultas vendendi vel emendi, nisi prius de mercibus suis deo ipsorum pretiosa quoque libaverint et tunc demum marcimonia foro pablicantur.— *Прим. док.* (Від усіх провінцій слов'ян та (на Русі) стягаються борги та підтримуються річні жертвування, проте купцям, які швидко вирушили в ті місцевості, не було ніякої змоги продавати і купувати, якщо спочатку не приносили в жертву їх богу найцінніші з своїх товарів, і тільки тоді товари виставляли на базарній площі *(лат.)*.

[248] «Варварські правди» або «Варварські закони» — законники прав окремих германських племен з різними назвами: «Алеманський звід» («Pactus Alemanorum»), звід права франків-хамавів («Ewa Chamavorum»), лангобардів («Edictus Langobardorum») та ін.

[249] Іноземне право *(нім.)*.

[250] Із м'яса і жиру, частини якого одержують всі громадяни *(лат.)*.

[251] Слово нерозбірливе.

[252] Відпочинку *(лат.)*.

[252] Мишей, мишачого посліду *(лат.)*.

[254] Ср. Odyss[ea] 119, 312, Ilias 174 sq. Одиссея, [книга] I, [стих] 119, [книга] IV, [стих] 312; Илиада, [книга] VIII, 174 и след[ующие].— *Прим. док.*

[255] Дом ее semper viatori patuit [завжди відкритий для подорожніх],— говорила она.— *Прим. док.*

[256] Дуже багатий обід *(лат.)*.
[257] Коли закінчили обід *(лат.)*.
[258] Кадлубек Вінцентій (близько 1150—1223) — польський літописець, написав «Переможну хроніку» («Chronica vincentiana»), яка охоплює події до 1202 р.
[259] Ср. Chronic[a] Slav[iensis] I, cap[ut] 82. Nulla gens honestior Slavis in hospitalitabis gratia. In colligendis enim hospitibus omnes quasi in sententia alvares sunt, ut nec hospitium quemquam postulare necesse sit... si quis vero quod rurissimum est, peregrinum hospitio removisse deprehensus fuerit, hujus domam vel facultates incendio consumere licitum est; atque in illud omnium vota conspirant pariter, illum inglorium, illum vilem et ab omnibus insibilandum dicentes, qui hospitii partem nigrare non timuisset. Ср. Sim. Starovolsky [261]. Polonia sive status regni Polon[iae] descriptio, p. 71. Жодне плем'я не гостинніше слов'ян. Зустрічаючи гостей, вони пам'ятають ніби тільки про шлунки, нібито гостинність нічого іншого не вимагає: якщо хто-небудь був викритий, що подорожньому відмовив у гостинності, що дуже не ввічливо, то дім його і майно спалюються, він знеславлюється, всі його осуджують і зневажають і говорять, що той, хто насмілився заплямувати гостинність, повинен бути всіма знехтуваний (ср. Сімеон Старовольський. Польща або опис розміщення польської держави, ст. 71 *(лат.)* — *Прим. док.*
[260] Закреслено: «все, что тот унес».
[261] Старовольський Симон (1588—1656) — польський письменник, історик, публіцист, автор книжки «Polonia sive status regni Poloniae descriptio» («Польща або опис державного устрою Польської держави», 1632).
[262] Підтвердили також (декрет), якщо хто приймає в дім, повинен бути вбитим *(лат.)*.
[263] (Про пограбування мерців). Якщо хтось викопає вже похованого мерця або пограбує, то він є vagus, тобто вигнанцем з цієї громади, а якщо хто дасть йому хліб чи виявить гостинність, той буде присуджений до 600 денарів штрафу *(лат.)*. Ср. Grimm. R. Sr., p. 735.— *Прим. док.*

Закреслено: «У младенческих народов большая часть преступлений не имеет еще уголовного характера, они почитаются оскорблением частной личности, а не целого (закреслено: «народа») государства. По мере усиливающейся образованности (закреслено: «и сложности государственных») связь, соединяющая сограждан, становится тесней, яснее проявляется в членах государства сознание того, что они составляют одно целое и что нарушение прав одного члена имеет последствием оскорбление всего государства. Так было у римлян, так у германцев и у славян».
[264] Не було у них гріха тяжчого, ніж злодійство *(чеськ.)*
[265] Бандтке Георгій-Самуїл (1768—1835) — польський історик, мовознавець і бібліограф, автор книжки «Dzieje narodu polskiego» («Історія польського народу»), 1810.
[266] Місто *(грецьк.)*.
[267] Яр[ослав], наряди сына своя и тако раздели им грады (а не земли) — др[угой] т[ом], Нест[ор], л[ето] 6562.— *Прим. док.*
[268] Закреслено: «где же этого не было там».
[269] Територіальний і общинний устрій *(нім.)*.
[270] Помістя *(лат.)*.
[271] Намісник, сотник *(лат.)*.
[272] Народні збори *(лат., нім.)*.
[273] Городская община состояла частию из совершенно свободных людей, имеющих право участвовать в Thing'aux и судившихся по [...]. [Они состояли под начальством графа], частию из министериалов епископа судившихся [...] чиновником, назначаемым епископом и не имеющих права присутствовать на Thing'aux.— *Прим. док.*
[274] Епископы пользовались в отношении своих подданных того же самого права immunitatis [недоторканості] как дворянство в своих владениях.— *Прим. док.*
[275] Звільнення від податків *(лат.)*.
[276] Дворове право *(лат.)*.
[277] Веча в городах, княжь двор, храмы языческие. Ditmar [183]. V[ita] Otton[is].— *Прим. док.*
[278] Civitas Stetinensis — quae totius Pomeraniae metropolis fuit [Місто Стеттін — воно було метрополією всієї Померанії — (лат.)], р. 392 в.— *Прим. док.*
[279] Називали це місто найстарішим і самим славним на землі Померанії і матір'ю міст *(лат.)*.
[280] Новгородцы же изначала и смольняве, и кыяне, и полочане, и все власти егда на вече сходятся, что старейшие сдумают, на том и пригороды станут. Карамз[ин], III, § 219.— *Прим. док.*
[281] Слово нерозбірливе.
[282] Буде несправедливо *(лат.)*.
[283] Дітмар (Тітмар) (975—1018) — епископ мерзебурзький, німецький хроніст, син Зігфріда, графа вольбекського; брав участь у ряді походів феодалів проти Польщі і полабських слов'ян. Написав «Хроніки» («Chronicon») у 8 книгах, що охоплюють події 919—1018 рр.

[284] Жителі м. Келін не хотіли визнати Іоана королем: Ne chceme aby on kraloval nam, ale k komúž Praha, naše hlavni mesto, privoli, toho y my za pana miti budeme: [Не хочемо, щоб він царював над нами, але до кого приєднається Прага — наше головне місто, того і ми будемо вважати господарем *(чеськ.)*.] Ср. Hajek, anno 1310.— *Прим. док.*

[285] Яких шануємо н цій нашій метрополії Стеттіна *(лат.)*.

[286] Без їх дозволу і поради *(лат.)*.

[287] Закреслено: «Переяслав, Владимир».

[288] Литовські літописи — умовна назва літописів, складених у Литовському князівстві в XIV—XVI ст. Насправді це — західноруські літописи, в нких частково висвітлюється історія Литовського князівства.

[289] Ср. Карамз[ин], V, § 195 [13 пригород].

[290] С 1348 г. освободился от Новгорода, у Карам[зина], т. IV, § 645. Но уже н прежде назывался стольным городом, ср. с. г. г. н. д. anno 1307 впоследствни он имел до 10 пригородов и 2 городка, ср. Карамз[ин], § 77.— *Прим. док.*

[291] Закреслено: «так Корцира и Епидомн былн пригородами Коринфа».

[292] Пелопоннеська війна (431—404 рр. до н. е.) точилася між рабовласницькимн угрупованнями міст Стародавньої Греції — Пелопоннеським союзом на чолі з Спартою й Афінами. Закінчилася поразкою Афін.

[293] Фукідід (близько 460 — близько 400 рр. до н. е.) — давньогрецький історик, автор книги «Історія», в якій викладена історія Греції від «Троянської до Пелопоннеської війни».

[294] Фукидид, кн[ига] I, гл[ава]...

[295] Передмістя *(лат., старонім.)*.

[296] Простий народ із села *(лат.)*.

[297] Правильніше, «Русский нсторический сборник», що вндавався при Московському університеті товариством істориків у 1837—1844 рр. Всього внйшло 7 томів.

[298] В позднейшие времена правила эти существовали там в полной силе, это видно из того, что тот только мог приобретать поземельную собственость, кто был способен к несению военной службы и повинностей военных Dreger p. 287, пр.; Mac, I, p. 122, § 288.— *Прим. док.*

[299] Які мали владу *(лат.)*.

[300] Закреслено: «князья».

[301] Головний похід повинен здійснюватися воїнами по кількості майна, нехай вважається, що всякий воїн б'ється у відповідності з наявною кількістю свого майна і прибутків *(лат.)*.

[302] Дев'ять батьків сімейста щедро споряджують десятого зброєю і утримаиннм в похід, а, крім того, будуть турбуватись про його сім'ю *(лат.)*.

[303] Загальне піднесення *(польськ.)*.

[304] Починають зносити свої речі в укріплені місця *(лат.)*.

[305] Багатства, все своє майно розміщують в містах *(лат.)*.

[306] Audiens Niclotus quia congregandus esset in brevi exercitus ad destruendum eum, convocavit universam gentem suam et coepit aedificare castrum Dubin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis. Слухаючи Ніклот, тому що йому необхідно було в короткий час зібрати військо для знищення його, скликав весь свій народ і почав споруджувати табір Дубін, щоб він був схованкою для народу у скрутний час *(лат.)*. Helmond I, p. 62.— *Прим. док.*

[307] Поморяни, нкі мали однакову військову силу, насамперед за цей перепочинок, спорудили укріплення і табори (p. 412), а вони дуже сильні тому, що мали численні міста і табори, укріплені природою і штучно, вважалн, що будуть непереможнними (p. 3926) *(лат.)*.

[308] Чим вони порушили згідно з умовою, маючи свої та інші *(лат.)*.

[309] Вождь ненароком напав на нього своїм ескортом *(лат.)*.

[310] З двома військамн — кінним і морехідним *(лат.)*.

[311] Прийнят приговором веча.— *Прим. док.*

[312] Болеслав, князь поляків — племена Померанії і народ Стеттіна.

[313] Vires honorabiles [почесних мужів *(лат.)*.]— *Прим. док.*

[314] Схилнв згодитись на мир *(лат.)*.

[315] Подавши праві руки, тобто заключити мир *(лат.)*.

[316] Місто кннзя *(лат.)*.

[317] Приходять до міста князя, була в ньому княжна, законна дружина чоловіка, князя — с. 435, прийшов до табора Каміна, де було місцеперебування князя *(лат.)*.

[318] Наказав своїм слугам відвести всіх коней і в'ючну худобу на зручні для випасу ділянки землі *(лат.)*.

[319] В окремих містах князь мав палац і двір з службовими будівлями *(лат.)*.

[320] Піднявся на гору Триглава в центрі міста, де було місцеперебування князя *(лат.)*.

[321] Якщо хто втік до нього і т. д., переслідуваний яким-небудь ворогом, щоб бути у безпеці і неушкодженим, має там безпечну від ворогів схованку *(лат.)*.

[323] Устав земського права *(чеськ.)*.

[323] Так у тексті.
[324] Ср. р. 399 в palatium, cortem c[um] aedibus (палац, двір з службовими будівлями (лат.).— *Прим. док.*
[325] Debet singulis septimanis die Lunae hostingis sedere et teneri l[iber] Edwardi, c[aput] 35, ap[endix] 9 (γ) [Необхідно в один сьомий місячний день судити і займатися відплатою за належне, кн[ига] Едварда, частина 35, дод[аток] 9 (γ) *(лат.)*]. R. Sr. p. 820.— *Прим. док.* У германцев преимущественно вторник назначался для совершения судов, ср. Grimm, p. 818, у славян напротив, так у чехов o úterniem dni nenie žáden stati povinen [по вівторках ніхто не повинен ставати перед судом *(чеськ.)*]. Выгрд, III, 2. p. 90.— *Прим. док.*
[326] Другий день *(лат.)*.
[327] Там у другий день тижня, як правило, сходився народ землі з рікою і князем для суда *(лат.)*.
[328] Хотя не единственным, ср. судии в Р[усской] Пр[авде] и в Дог[оворе] Мстисл[ава] пред двором или unde [звідки — *(лат.)*] в Винодольском зак[оне], см. Зигфрид.— *Прим. док.*
[329] Ср. Дог[овор] Мстисл[ава] Смол[енского].— *Прим. док.*
[330] Кметы имаю се позвати од всякого вред дворам пред ратника. Однако же зак[он] Сербск[ий] § 136 предписывает; никто да и не призыва на двор царев мамо, область царева соудне (au Berdem Gebiet [за область *(нім.)*] когда є поставно, царь, такмо да иде всяки предь своем судию). Ср. § 139.— *Прим. док.*
[331] Повелитель і суддя народу *(чеськ.)*.
[332] Volme sobě Kniže od pluhu jako předkove naše [Хочемо собі князя від плуга, як наші предки *(чеськ.)*]. Haj[ek] ann[o] 896 — говорят чехи прогиав Борнвоя. — *Прим. док.*
[333] Reges ex nobilitate summunt [царів обирають із знаті *(лат.)*]. Tacit[us], 7.— *Прим. док.*
[334] Ім'я відсутнє в тексті.
[335] См., однако же, Grimm R. Sr., p. 408, n. 4.— *Прим. док.*
[336] Напр., Неклан: Mudrost maji nevsdat běse že шу dobre spraovat. se. Ale valky se velmi bojise) [Потрібно мати мудрість, не здаватись, ми добре підготовлені, але війни дуже боїмося *(чеськ.)*]. Dalimil, Kronika Boleslava, Neklan lepore pavidior et pardo fuga velocior pugnam imminentem pertinuit, et ficta infirmitas in castro delituit. [Неклан боязливий більше, ніж заєць, і при втечі стрімкіший, ніж барс. Коли потрібно йти в бій, як боягуз сховався в таборі *(чеськ.)*. Ср. Chr[onican], Cosm[as] Prag.[ensis] Chronic[on] I c[aput]...— *Прим. док.* Даліміл Мезіржицький (р. н. невід.— близько 1326 р.) —болеславський канонік, очевидно, автор старочеської хроніки. Чеський вчений Ієшін назвав її болеславською і з таким заголовком опублікував у 1620 р.
[337] Ad ann[um] 668, inf.— *Прим. док.*
[338] Крук (Круко, рік народження невідомий — 1092) — слов'янський князь Варгії (з 1066 р.), обраний народом, успішно воював з німцями. За свідченням чеського літописця Козьми Празького, потомками Крука були князі Незамисл, Мната, Войок, Уніслав, Кресомисл, Неклан, Гостивіт і Боривій.
[339] Повелитель країни *(чеськ.)*.
[340] Мудрий повелитель народу *(лат.)*.
[341] І шанували його як бога *(чеськ.)*.
[342] Заради дружби з богами їм створюють більший культ, ніж для всіх останніх *(лат.)*.
[343] Кадлубек, книга II, лист. 3 *(лат.)*.
[344] Атілла (р. н. невід.— 453) — ватажок гуннів. Його резиденція знаходилась на території сучасної Угорщини. Гуннський союз племен поширював свій вплив на схід — до Кавказу, на захід — до Рейна, на північ — до датських островів, на південь — включаючи правий берег Дунаю. У 447 р. гунни спустошили Фракію, Іллірію; 451 р.— вдерлися в Галію, 452 р.— північну Італію.
[345] Пріск [Панійський] (?)
[346] Закреслено: «вещими мужами».
[347] О, нещасний простий народ, повний відчаю *(чеськ.)*.
[348] Шию *(давньослов'ян.)*.
[349] Закреслено: «господние».
[350] Биричей *(чеськ.)*.
[351] Закреслено: «родовую, т. е. распоряжается имуществом подданных своих».
[352] Він не був князем ні за походженням, ні за обранням *(чеськ.)* Ср. у германцев (три слова нерозбірливі) Grimm R. Sr., p. 233, Haj[ek], anno 1297 pr [...].— *Прим. док.*
[353] Чеха *(чеськ.)*.
[354] Вважати після себе і поставити повелителем народу *(чеськ.)*.
[355] Закреслено. «первым делом он».
[356] Закреслено: «годить ему».
[357] Закреслено: «княжеский».
[358] Князівський рід від Пршемислава, князя першого, пішли стерти і свій рід замість того ввести в князівство *(чеськ.)*.

[359] Не перекладено.
[360] Закреслено: «имел права».
[361] Так в тексті.
[362] Ср. Haje, anno 1138, 1140, 1142.— *Прим. док.*
[363] Хотя приверженцы Вр[атислава] приводили, что Боривой будет его zpravovati [повідомлити *(чеськ.)*] подобно тому, как и Спитигнев.— *Прим. док.*
[364] Після довгого обговорення *(чеськ.)*.
[365] Драгомира — дружина Вратислава І. Після смерті чоловіка захопила владу, але у 928 р. змушена була віддати її своєму сину Вацлаву Святому.
[366] Закреслено: «они то имеют».
[367] Спадкове право на князівство.
[368] Управління країною *(чеськ.)*.
[369] Рішенням своєї останньої волі призначив мене спадкоємцем, лопотові, владики і земани всі вибрали мене князем *(чеськ.)*.
[370] Братислав, умирая, советовал владыкам избрать князей по первородству, сохраняя нераздельность государства так, чтобы младшие братья были не удельные, но подлинные. Ср. Hajek, annum 1055. Ср. Hajek, annum 1101.— *Прим. док.*
[371] Через шляхетність його особи *(чеськ.)*.
[372] Гострого розуму *(чеськ.)*.
[373] Після довгих чвар і багатьох обговорень *(чеськ.)*.
[374] Неклан владел Луцким и Пражским княжеством и хотел поделить сыновей своих (Hajek, annum 871).— *Прим. док.*
[375] Закреслено: «таковым было в Богемии».
[376] Ср. Haj[ek], ann[o] 1101 h. v. Oldřych — двоюродный брат Bořevoja, ссылаясь на постановление Bratislava (Ср. Haj[ek] annum), aby nadstarši brat z rodu Knižetskeho zemi Ceskou zprovoval, a že on jest starši než Bořivoj, a tak že ma Česka zeme k ňemu haléžati. [Щоб найстарший брат княжого роду повелівав чеськими землями, і так, як він старший Боривоя, то йому повинна належати чеська земля *(чеськ.)*].

Лавр[ентьевская] лет[опись] л[ето] 6562. Яросл[ав] говорит: Се поручаю в собе место мене старейшему сыну моему и брату вашему Изьяславу Киев сего послушайте, яко слушаете меня да то вы будете в мене место [Далі нерозбірливо]. Ср. Kraledv[orska] rukop[is].
[377] Bez odporu — без опору *(чеськ.)*.
[378] У спадковому *(чеськ.)*.
[379] Земські таблиці *(чеськ.)*.
[380] Уникає княжіння *(чеськ.)*.
[381] Что они только в таком случае останутся его подданными.— *Прим. док.*
[382] Без хазяїна і судді *(чеськ.)*.
[383] Вместо слепого Boleslava III избраи сын его Яромир [387a] Haj[ek] annum. — *Прим. док.*
[384] Або якоюсь ганьбою *(чеськ.)*.
[385] Не були зобов'язані шанувати князя *(чеськ.)*.
[386] Два слова не прочитано.
[387] Через пять месяцев (Hajek, annum...).— *Прим. док.*
[387a] Яромир — чеський князь (між 1003—1012), син Болеслава II, брат Болеслав III Рижого, скинутий з престола своїм молодшим братом Ульріхом (Ольдржіхом, 1012—1034), Яромир був осліплений і в 1037 р. убитий.
[388] Сходились на двор княжеский в Вышеграде и избирали князя потом, иногда через год Haj[ek], anno 832 sg.— *Прим. док.*
[389] Закреслено: «избрания».
[390] Закреслено: «место избрания происходило или на месте погребения, там, где умер последний князь (ср. Grimm), или на княжеском дворе Вышеградском, или же на чистом поле».
[391]. Озерце (чеськ.).
[392] Sešli jsou se ti jenž byli k tomu voleni ode všech te země obyvatelů, k jedne přečiste studni cy jenž sbula jezerka. Ot tu jest prinesena zlatem okrešlena Lubušina stolice a pri te studnicy postvena, na které ž Vladycim roskasanim Křesomysl se posadil. Když ze pak vladyky spolu narokovali, vyniali se z škřinky čepicy ňekdy Přemyslovu dva muži najznamenitejši, tatéž stravimu a Křislav, na hlavu Křesomyslovi, tu všechen lid tu přitomny, jako usty jedněmi vzkřikl a řka: Křesomysl gospodin naš, y on nas bude blagosloviti, a všychni se klaněli. A ten křik y to klaněni dlouhu trvalo chvili, a když se upokojili, Křesomysl vstal se b jest v te Knižeckečepicy až na Vyšehrad, lid také za nim všechen se obrutil, a odtudž rosišli se na sva obydlo. Зійшлись всі вибрані жителями всієї землі до дуже чистого колодязя — озера, до якого було принесено позолочений трон Любуші і поставлено біля колодязя. На нього сів Кресомисл за згодою з владиками. Після цього владики порадились, вийняли з скриньки шапку, яка колись належала Пршемислові, потім страченому Криславу; її два найзнатніших мужі поклали на голову Кресомисла. Всі присутні разом вигукнули: «Кресомисл — наш володар, він нас буде благословляти!» і всі йому вклонилися. Цей крик і це поклоні-

ня тягнулось деякий час, потім, коли Кресомисл встав і сказав, що поїде в цій шапці на Вишеград, народ повернув за ним, а звідтіля розійшовся по домах *(чеськ.)*.— *Прим. док.*

393 На новому столі як нового князя посадовили *(чеськ.)*.

394 Ч[ешские] князья не смели жениться без воли владык. Ср. Hal[ek], annum 1007.— *Прим. док.*

395 Закреслено: «было при этом обыкновенное, что первый князь».

396 Щоб кожний платив за господарство, яке він собі обійшов *(чеськ.)*.

397 Закреслено: «весь народ собирался, дабы князь» *(чеськ.)*.

398 Увесь чеський народ на відповідний день, щоб князь подивився на свій народ *(чеськ.)*.

399 Одержавши нагадування від тих, котрі його чекали *(чеськ.)*.

400 Оглядати землю *(чеськ.)*.

401 Слово нерозбірливе.

402 На трьох [...] мовах *(нім.)*.

403 Лучани, прийнявши свого князя, спорудили йому гарний палац року 746, а слуги пораду Незамислу давали, аби з поваги до себе наказав спорудити місто в пристойному місці *(чеськ.)*.

404 Закреслено: «люду княжества своего».

405 Квітень *(чеськ.)*.

406 Мы обирали тебе князем, суддею, повелителем та охоронцем *(чеськ.)*.

407 И затмевала их, поэтому о них и не упоминается при князьях во времена междуцарствами, вот источник сказань П. И. [?] о двукратной дод[екарнии] воевод.— *Прим. док.*

408 Кромер М. Хроніка про походження та війни Польщі, кн[ига] II.— С. 27, 31, 39. Базель, 1555 — Длугас. К[нига] I, с. 47 і наступні 58, 78 видано: Гледич, 1711 р.

409 Так в тексті.

410 Всіх земан і міщан, і селян, тобто землевласників (чеськ.)

411 Влатислав наказав своєму народові, щоб були готові і коли він накаже, щоб зібралися на Бождеховському полі, а звідти їхали, коли він їм накаже *(чеськ.)*.

412 Haj[ek], anno, 957 Болес[лав] обослал zem[ane], vl[adyki] a Lopoty земли Лучанской и велел готовиться на войну, и к 1 маю собрались к Праге.— *Прим. док.*

413 Володимир посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться кто реце богат ли убог или нищ ли работник противен ми да будеть». Др [...] т., Н[естор]; л[ето] 6496, р. 50.— *Прим. док.* Володимир Мономах (1053—1125) — київський князь (1113—1125). Почав дипломатичну і військову діяльність в 1073 р. У 1078 р. одержав у спадщину Чернігів. З 1093 р. вів війну з половцями. Виступав проти князівських міжусобиць (на з'їздах у 1103, 1107, 1111 рр.).

414 Того князь вважав би своїм ворогом *(чеськ.)*.

415 Ср. Mac[iejowski], I, § 106, p. 500.— *Прим. док.*

416 Haj[ek] anno, 1039 Братислав послал houžev lučenym [мотузку лучанам *(чеськ.)* — приказывая, чтобы всякий, что мог владеть мечом за ним потянул, а кто бы не пришел или убежал от войска, чтобы был повешен такою houževi [мотузкою]. Cosm[as] Prag[ensis]: Ut qui corporis staturae praecellens gladii mensurum, sequens jusso egregeretur ad pugnam, procul dubio poniretur gladio [Той, хто за розмірами тіла відрізнявся від розмірів меча і згідно з наказом виступив би в бій, без сумніву був би покараний мечем *(лат.)*]. О подобном обычае в Венгрии. Ср. Thurocz, p. I, c. 10. ap. Dabn. Ann. Haj[ek] *Прим. док.*

417 Аби кожен чоловік був добре озброєний і був готовий [виступити] на своєму коні або возі *(чеськ.)*.

418 Ср. Haj[ek], anno, 1664, pr.— *Прим. док.*

419 Или оставляя задуманную войну (Hajek, anno 871).— *Прим. док.*

420 Владики та земани за наказом князя зібрали все військо на раду *(чеськ.)*.

421 Закреслено: «столько, сколько другие и как praecipuum — [глава — *(лат.)*].

422 Нижче такими словами: Якщо серед воїнів були здобичі та крадіжки, кожен брав собі рівну частину за винятком дорогого персня та золотого ланцюга, які одержав Пршемисл (пор. рік 958); нижче 973 такими словами: князь наказав своїм воїнам порівну розділити ворожі здобичі та крадіжки *(чеськ.)*.

423 Ватажок *(нім., чеськ.)*.

424 Всебой розподілив все це серед своїх воїнів *(чеськ.)*.

425 Aita Kniež vze proapor
v mocnou rukou:
Za mnú, za mnú chrabro
na polany,
Na polany, vrahy našich
zemi! —
Hrnou se za niém osm
vladyk,
S vládykami třista pól
sta voinóv.

Ср. Kralidv. rkps. Oldž., a Boleslav vrs
23 sqq.

[Тоді князь взяв прапор в могутню руку: за мною, за мною, за мною на поле бою, на землю наших ворогів. Кинулись за ним 8 владик, за владиками 350 воїнів *(чеськ.)*].

И рече Свенелд и Асмолд: книзь уже почал, потягнем дружина по князе. Ср. др. [...] т. Н[естора], л[ето] 6454.— *Прим. док.*

[426] Кинувся з свого міста, а пражани стрімголов полетіли за ним, як бджоли за своєю маткою *(чеськ.)*.

[427] И рече Редедя ко Мстиславу: что радн губиве дружину межи собою? По видеве ея сама бороть: да еще одолеешь ты, то возмете именье мое и жену мою, а дети мое, и землю мою, еще ли аз одолею, то взму твое все. Т. Н[естор], л[ето] 6530 [не оружьем ся быве, но борьбою]. Ср. eod[em] ann[o] 1069, лета 6500.— *Прим. док.*

[428] Закреслено: «Счастливая была. Только при гармоническом развитии этих двух идей. Мы почти не встречаем».

[429] Такими словами *(лат.)*.

[430—431] У справі М. І. Гулака на арк. 89—96 тетрадь под названием «Рассуждение о поземельной собственности в Малороссии, написанное частным образом для какой-то особы 1778 г.» На арк. 97—108 копія «Закону божого» з відозвами, які переписані М. І. Гулаком. Копія не друкується. Див. док. № 145, 146, 147. На арк. 109 Опис укладень за 1929 р. Див. також прим. 12.

[432] Казанова Джованні-Джакопо (1725—1798) — мемуарист. Його «Мемуари» («Mémoirs écrits par lui meme» вийшли в світ у 1826—1838 рр. після смерті автора. У них висвітлюються культурно-історичні події, а також діяльність окремих осіб, зокрема Фрідріха II (1712—1786) — прусського короля (1740—1786) та ін.

[433] «Хроніка Богемії» Козьми Празького (близько 1039—1125), чеського літописця. Тритомна «Хроніка» написана латинською мовою.

[434] Див. док. № 118.

[435] Див. док. № 120.

[436] Див. док. № 129, 130.

[437] На арк. 130 конверт з адресою: Его благородию Николаю Ивановичу Гулаку, в С.-Петербург. В Прачечном переулке Гасса Мендельс, в квартире Т. Гр. Плаксиной, № 4. В С.-Петербург.

[438] Див. док. № 127.

[439] На арк. 135 конверт з адресою: Его превосходительству Петру Александровичу Плетневу для передачи Н. И. Гулаку. В С.-Петербург.

[440] Див. док. № 127.

[441] «Современник» — літературний та громадсько-політичний журнал, що видавався у Петербурзі (1836—1866). Заснований О. С. Пушкіним. У 1838—1846 рр. він видавався П. О. Плетньовим, у 1847—1848 рр.— М. О. Некрасовим, І. І. Панаєвим, О. В. Никитенком. В 1859—1861 р. завдяки участі в ньому М. О. Добролюбова та М. Г. Чернишевського перетворився на орган революційної демократії Росії.

[442] Так у тексті.

[443] У тексті російською мовою.

[444] На арк. 162 адреса: Его благородию Николаю Ивановичу Гулаку. В С.-Петербург. В Прачечном переулке, в доме г-жи Мендельс, № 4.

[445] Про цю подію див. також ЦДІА УРСР.— Ф. 442, оп. 797, спр. 77.

[446] Так у тексті.

[447] Федоров Павло Іванович (1791—1855) — губернатор Бессарабії (1834—1854); тимчасово виконував обов'язки генерал-губернатора Новоросії й Бессарабії (з 18 вересня 1838 р. по 14 жовтня 1839 р., з 22 липня по 22 вересня 1840 р., з 3 липня 1843 р. по 26 жовтня 1844 р.), з 1854 р.— сенатор.

[448] Див. док. № 136.

[449] Від слів «в сентябре месяце 1846 г.» до кінця абзац підкреслено вертикальною лінією.

[450] Дату встановлено за док. № 444, т. 3.

[451] Див. док. № 140.

[452] Див. док. № 144, 145.

[453] Закреслено: «различных».

[454] Див. також док. № 332. В ч. І, арк. 74—79 справи є копія III відділення із списку М. І. Гулака з помітками О. Ф. Орлова: «Вот правила, которые они называли «Законом божим», і Л. В. Дубельта: «Его величество изволил читать 29 марта 1847 г. Г[енерал] л[ейтенант] Д у б е л ь т. Російський текст звірено з списком М. І. Гулака.

[455] Закреслено: «царем»

[456] У списку М. І. Гулака: «что всего хуже».

[457] У списку М. І. Гулака: «если он».

[458] У списку М. І. Гулака: «починили».

[459] Халдеї — семітське плем'я, що поселилось у II тисячолітті до н. е. на березі Пер-

ської затоки (нині Ірак). Халдеї двічі підкоряли Вавілонію — у 721 й 626 рр. до н. е. Потім асимілювалися з вавілонянами.

460 Тут і далі у квадратних дужках подається нумерація за списком М. І. Гулака.
461 У списку М. І. Гулака: «стригали».
462 Там же: «не понимали».
463 Закреслено: «має».
464 Закреслено: «перець».
465 Закреслено: «на їх».
466 У списку М. І. Гулака дописано: «а по-немецки — я».
467 У списку М. І. Гулака: «веры христовой».
468 Далі в оригіналі нумерація відсутня.
469 Закреслено: «було».
470 У списку М. І. Гулака: «летописец ... называет».
471 Закреслено: «Троіци».
472 Закреслено: «хоті[ла]».
473 Закреслено: «бути».
474 Свирговський (Сверговський) Іван (р. н. невід.— 1574) — козацький гетьман діяльності якого М. І. Костомаров присвятив працю «Иван Свирговський, український козацький гетьман XVI ст.». (1855).
475 Закреслено: «пан».
476 Сагайдачний (Конашевич-Сагайдачний) Петро Кононович (р. н. невід.— 1622) — гетьман українського реєстрового козацтва. Під його командуванням козаки здійснили успішні походи проти султанської Туреччини і Кримського ханства. В 1616 р. козаки напали на Кафу (Феодосія), де визволили багато невільників.
477 У списку М. І. Гулака: «то же».
478 Закреслено: «кожний».
479 Закреслено: «почали зараз».
480 Закреслено: «щоб».
481 Закреслено: «общество».
482 Закреслено: «як».
483 Закреслено: «щоб».
484 У списку М. І. Гулака відсутні слова: «по образу ипостасей божествекных неразделимых и несмесимых».
485 Закреслено: «ляхи і москалі».
486 Закреслено: «ляхи и великороссияне».
487 Закреслено: «есть пани».
488 Йдеться про польську конституцію 3 травня 1791 р., яка мала ліквідувати феодальну анархію, послабити політичні позиції магнатів і шляхти та скасувати «ліберум вето» і виборність королів, проте не скасовувала кріпацтва і шляхетських привілеїв.
489 У списку М. І. Гулака: «третьи отданы».
490 Закреслено: «Московщине».
491 Закреслено: «оживе».
492 Див. т. 2, док. № 36, п. 50.
493 Закреслено: «гражд».
494 Закреслено: «подаємо на ува».
495 Список М. І. Гулака, ч. II, арк. 107—108 та копія III відділення, ч. I, арк. 99 зв. автентичні з опублікованим.
496 Див. т. 2, док. № 36.
497 Список М. І. Гулака, ч. II, арк. 108 та копія III відділення, ч. I, арк. 100 зв. автентичні з опублікованим.
498 Див. док. № 148.
499 Див. док. № 151.
500 Див. док. № 154.
501 На окремому (208) аркуші.
502 Два підписи нерозбірливі.
503 Q — [quod] F — [felix] F — [faustumque] S — [sit].
504 На стандартному бланку з типографським текстом вписано лише такий текст: «Предъявитель сего чиновник канцелярии моей колежский секретарь Николай Гулак уволен в отпуск в Полтавскую губ. по собственным делам сроком на 28 дней».
508 Див. док. № 169.
509 Там же.
510 Див. док. № 168.
511 Так у тексті. Див. док. № 174.
512 Див. док. № 127.
513 Див. док. № 177.
514 Резолюція Л. В. Дубельта: Отослать отцу, сняв для нас копию.
515 Див. док. № 181.

[516] Вещицький (Гржимало-Вещицький) (1819—1856) — студент Київського університету, польський революціонер. Схоплений у 1846 р. за участь у підготовці повстання проти уряду, був посаджений у київську фортецю. Для дальшого відбування покарання 1 квітня 1847 р. відправлений у Шліссельбург, де, просидівши 10 років, збожеволів і помер. (*Гернет М. И.* История царской тюрьмы.— М., 1951.— С. 389, 395—396; *Марахов Г. И.* Социально-политическая борьба на Украине в 20—40-е гг. XIX в.— Киев. 1979.— С. 130—131).

[517] Медокс Роман Михайлович (1796—1859) — син англійського театрального антрепренера, корнет. У 1825 р. за участь у декабристському русі засланий рядовим у Сибір, звідки втік у 1832 р. Пізніше, 4 серпня 1834 р., посаджений у Шліссельбурзьку фортецю, а у 1856 р. відправлений у маєток брата.

[518] Див. док. № 186.

[519] Див. док. № 178.

[520] Див. док. № 181.

[521] Див. док. № 194.

[522] О. Ф. Орлов наказав видавати гроші «по мере надобности» (арк. 258).

[523] Див. док. № 206.

[524] Закреслено: «пом[ещенных] в ящике и шкафе».

[525] Дата встановлена за док. № 205.

[526] Див. док. № 201.

[527] Книжки й папери, відібрані у М. І. Костомарова в Києві, було передано у канцелярію Д. Г. Бібікова, яка 1 червня 1847 р. завела справу для «рассмотрения бумаг и книг г. Костомарова». Вивчення їх було доручено чиновнику особливих доручень Львову і помічнику попечителя Київського учбового округу М. В. Юзефовичу. Серед зазначених паперів була магістерська дисертація М. І. Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии» (ЦДІА УРСР.— Ф. 707, оп. 261, 1847 р., спр. 8.— Арк. 1—3).

[528] Див. док. № 200.

[529] Див. док. № 202.

[520] Див. док. № 200.

[531] Напевне, йдеться про «Акты археографической экспедиции» («Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук» (т. 1—4.— Спб., 1836—1838) — першу друковану працю археографічної комісії, створеної при міністерстві народної освіти в 1834 р.

[532] «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства» (Спб., 1838) — збірник приватних документів за XIV — початок XVIII ст. Покажчик до цього збірника був виданий у 1840 р.

[533] Див. док. № 204.

[534] О. Ф. Орлов повідомляв Д. Г. Бібікову, що М. І. Костомаров підтвердив, що «упомянутий ящик с книгами действительно остался в Киеве, в квартире его, в доме Монькина и что этот ящик быть может отдан вместе с другими вещами его г-же Мазуровой» (арк. 271).

[535] Резолюція Л. В. Дубельта «Отправить». Помітка: «Отправлено 30 марта».

[520] Див. док. № 127.

[537] Див. док. № 213.

[538] Закреслено: «приказать прекратить».

[539] Листування М. І. Гулака продовжувалося на основі розпорядження О. Ф. Орлова Прохання І. І. Гулака у III відділення про вручення листів сину в 1848 р. (16 червня, 26 серпня), в 1849 р. (6 січня, 4 березня та 10 травня) — (див. арк. 285, 287, 300, 301, 305) висловлювались тоді коротко: «имею честь покорнейше просить о пересылке моему сыну прилагаемого письма». У червні місяці було надіслано батьками 50 крб. сріблом, які видавались йому «по мере его надобности» (там же, арк. 283).

[540] Див. док. № 245.

[541] Дату встановлено за док. № 210.

[542] Список книг, що належали М. І. Гулакові, включає 40 найменувань німецькою мовою, 2 польською, 7 російською. Серед них видання з правознавства та історії права, а також опубліковані німецькою мовою твори античних авторів — Арістофана, Евріпіда, Софокла, Вергілія, Гомера, Плутарха, Платона. Серед книг також «Біблія» німецькою мовою, твір Філдінга «Том Джонс», праці природознавчого характеру та ін.

[543] Гай — римський юрист II ст. н. е., автор понад 100 юридичних трактатів та коментарів, найважливіший з них — «Institutionum commentarii quattuor» («Чотири коментарі до постанов»). Тут і далі даються пояснення та уточнення лише до тих творів, що вказано у списку М. І. Гулака.

[544] Йдеться про звід цивільного права римської рабовласницької держави, складений у VI ст. при імператорі Юстиніані. Звід складається з книжок: інституції, дігести, кодекса Юстиніана і новели. У середні віки чотири збірки були об'єднані у звід «Корпус громадянського права» і під такою назвою видані у XVI ст. Діонісієм Готофредом (1549—1662).

[545] Тібаут Антон-Фрідріх (1772—1840) — німецький юрист, професор римського права, автор книжки «System des Pandectenrechts» («Система права пандекти», т. 1—2, 1803).

[546] Савіньї Фрідріх-Карл (1779—1861) — німецький юрист, професор римського права, один із засновників реакційної історичної школи права, автор праць: System des heutigen römischen Rechts» («Система сучасного римського права, 1840—1847), «Das Recht des Besitzes» («Майнове право», 1803) та ін.

[548] Вальтер Фердінанд (1794—1879) — німецький юрист, опублікував кількома виданнями «Geschichte des römischen Rechts bis auf Justinian» («Історія римського права до Юстиніана», 1834—1840), «Курс церковного права («Lehrbuch des Kirchenrechtes», 1822).

[549] Гаубольд Християн-Готліб (1766—1824) — німецький професор римського і саксонського права, автор праць: «Historia juris Romani» («Історія римського права», 1790), «Heineccii Antiquitatum Romanorum syntagma» («Трактат Генеція про римські старожитності», 1822).

[550] Унтергольцвер Карл-Август (р. н. невід.— 1838) — німецький юрист, професор, автор праць: «Die Lehre von der Verjährung durch fortgesetzen Besitz nach den Grundsetzen des römischen Rechts» («Теорія про втрату права на спадкове майно за давністю, за принципами римського права», 1815) та ін.

[551] Хассе Йоган-Християн (1779—1830) — німецький професор римського права, автор праці «Die Culpa des römischen Rechts» («Провина в римському праві», 1815).

[552] Бурхарді Георг-Християн (1795—1882) — німецький юрист, професор, автор праці «Die Lehre von der Wiedereinsetzung in den vorigen Stand» («Вчення про поновлення у попередньому становищі», 1831).

[553] Франке Вільгельм (1803—1873) — німецький юрист, професор, написав праці: «Das Recht der Noterben und Pflichtteilsberechtigen» («Право обов'язкового успадкування», 1831), «Civilistische Abhandlungen» («Цивільні трактати», 1826), тощо.

[554] Діркcен Генріх-Едуард (1790—1868) — німецький юрист, професор римського права, автор праці «Civilistische Abhandlungen» («Цивільні трактати», 1820).

[555] Ганс Едуард (1799—1839) — німецький філософ права, автор праці «Scholien zum Gajus» («Коментарі до Гайя», 1822).

[556] Вангеров Карл-Адольф (1808—1870) — німецький професор римського права; крім підручника з питань пандектного права, опублікував кілька монографій, серед яких «Über die Latini Juniani» («Про латинян Юніана»).

[557] Ріббентроп. «Вчення про боргові зобов'язання».

[558] Хенель Густав (1792—1878) — німецький професор-романіст, автор праці «Dissensiones dominorum, sive controversiae veterum juris Romani interpretorum, qui glossatores vocantur» («Суперечки церковників або старих тлумачників римського права, які звуться глосаторами», 1834).

[559] Мартін Христофор-Рейнгарт-Дітріх (1772—1857) — німецький юрист, написав «Lehrbuch des deutschen gemeinen bürgerlichen Prozesses» («Підручник німецького загального цивільного процесу», 1800).

[560] Ейхгорн Карл-Фрідріх (1781—1854) — німецький професор права, основна його праця «Deutsche Staats — und Rechtsgeschichte» («Історія німецької держави і права», т. I—IV. 1808—1823). У 1815 р. разом з Ф. Савіньї (1776—1861) заснував («Журнал з історії права»).

[561] Грімм Якоб видав «Dentsche Rechtsalterthümer» («Старожитності німецького права») в 1828 р.

[562] Еверс Іоганн-Філіп-Густав (1781—1830) — юрист, історик, з 1810 р.— професор, з 1818 р.— ректор Дерптського університету, член-кореспондент Російської Академії наук (з 1809 р.), автор ряду праць з історико-правових питань Давньої Русі — «Предварительные критические исследования для российской истории» (1814), «История россов» (1816), «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (1826) та ін.

[563] «Русские достопамятности» — збірки, що видавалися «Московським товариством історії і старожитностей російських». У першій частині, опублікованій у 1815 р., вміщена «Руська правда», деякі уставні грамоти та інші матеріали. Друга частина вийшла у 1843 р., третя — у 1844 р.

[564] Див. прим. № 19.

[565] «Соборное уложение» 1649 р. («Уложение царя Алексея Михайловича») — збірник законів Російської держави, пам'ятник феодального права (*Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.— М., 1940.— Т. 1).

[566] Успенський Гаврило Петрович (р. н. невід.— 1820) — професор історії, статистики і географії Харківського університету, автор монографії «О древности и достоинстве законов российских до издания Соборного уложения».

[567] Краніхфельд Олександр Іванович — професор права Петербурзького університету, видав підручник «Начертание российского гражданского права в историческом его развитии» (1843).

[568] Дегай Павло Іванович (р. н. невід.— 1849) — російський юрист, професор, автор «Учебной книги российского гражданского судопроизводства» (1846).

[569] Див. прим. № 2, 3.

[570] Соліньяк Пьєр-Жозеф (1687—1773) — французький історик, написав книжку «Histoire de Pologne» («Історії Польщі», т. 1—5, 1750).

[571] Венелін Юрій Іванович (справжнє прізвище Гуца, 1802—1839) — історик-славіст, філолог, етнограф, написав кілька книжок з історії й культури Болгарії, серед яких «Влахоболгарские или дако-славянские грамоты» (1840).

[572] Філдінг Генрі — автор повісті «Історія життя Тома Джона» (1749).

[573] Кюрір, автор праці «Путівник з рослин Північної Німеччини».

[574] Рейхенбах Генріх, автор праці «Flora Germanica» («Флора Німеччини»).

[575] Див. док. № 210.

[576] Див. док. № 249.

[577] Див. док. № 249, 250.

[578] Див. док. № 274.

[579] Див. док. № 170.

[580] Див. док. № 271.

[581] Див. док. № 268.

[582] Див. док. № 267, 268.

[583] Велнчко Самійло Васильович (р. н. невід.— не раніше 1728) — український козацький літописець. Його літопис складається з чотирьох томів, поділених на дві частини. Перша з них, про яку говорить М. І. Гулак, має назву «Сказание о войне казацкой с поляками».

[584] У рукопису *(лат.)*.

[585] Бекінг Едуард (1802—1870) — німецький професор права, автор праці «Institution des römischen Civilrechts» («Інститут римського цивільного права», 1862).

[586] *Тернер.* Словник *(англ.)*.

[587] Оссіан — легендарний герой кельтського народного епосу. Шотландський поет Макферсов у XVIII ст. видав «Поеми Оссіана».

[588] Лейст Буркард-Вільгельм (1819 — р. смерті невід.).— німецький юрист, знавець римського права, основна праця якого «Die bonorum possessio» («Про майнову власність», 1844—1848).

[589] Тобін Евальд Карлович (1811—1860) — історик російського права, професор Дерптського університету, автор книжки «Die Blutrache nach altem russischem Rechte» («Кривава помста за стародавнім російським правом», 1840).

[590] Смоллетт Тобайас Джордж (1721—1771) — англійський письменник, автор роману «The expedition of Humphrey Clinker» («Подорож Хемфрі Клінкера»).

[591] Свіфт Джонатан (1667—1745) — англійський письменник, автор роману «Пригоди Гуллівера» (1727).

[592] Голдсміт Олівер (1728—1774) — англійський письменник, у 1766 р. опублікував роман «The vicair of Wakefield» (Векфільдський священик»).

[593] Мільтон Джон (1608—1674) — англійський поет. Найвизначніші твори «Утрачений рай» (1667), «Повернений рай» (1671), «Самсон-борець» (1671) стверджують гуманістичні ідеали, узагальнюють події буржуазної революції XVII ст. в Англії. Склад збірки «The works» (твори), названої М. І. Гулаком, не встановлено.

[594] Гебель Йоган-Петро (1760—1826) — німецький поет, написав «Alemannische Gedichte» («Алеманські вірші», 1803).

[595] Буттман (1764—1829) — німецький філолог, написав «Griechische Grammatik» («Грецьку граматику», 1792), витягом з якої була «Griechische Schulgrammatik» («Грецька шкільна граматика», 1816).

[596] Платон (427—347 до н. е.)— давньогрецький філософ-ідеаліст, ідеолог рабовласницької аристократії. Вчення Платона викладено в діалогах «Теетет», «Федон», «Парменід», «Держава», «Тімей», «Закони» та ін.

[597] Овідій Публій Назон (43 до н. е.— 17 н. е.) — римський поет. Автор збірок «Любовні елегії», «Героїні», творів «Метаморфози», «Скорботні» елегії та «Листи з Понту». Деякі твори, зокрема трагедія «Медея», не збереглися. На українську мову поеми Овідія перекладали Ф. Прокопович, І. Франко, О. Пчілка, О. Маковей, М. Зеров.

[598] Піндар (близько 522 — близько 442 до н. е.) — давньогрецький поет, класик хорової музики. Вийшли в світ «Pindari carmina» («Ліричні вірші Піндара»).

[599] Анакреонт (близько 570—478 до н. е.) — давньогрецький поет. Його ліричні вірші «Anacreontis carminum reliquiae» переведені у 1834 р.

[600] Горацій Квінт Фланк (65—8 до н. е.) — поет давнього Рима. Його твори — оди й ліричні вірші («Carmina»), збірник віршів «Еподи», «Пісня віку» («Carmen saeculare»).

[601] Ксенофонт (близько 430—354) — давньогрецький історик і філософ; йдеться про його працю «Вікопомності».

[602] Тьєрі Огюстен (1795—1856) — французький історик, творець буржуазної теорії класової боротьби. М. І. Гулак посилається на повне зібрання творів Тьєрі («Oeuvres completes», vol. 1—10).

[603] Демосфен (384—322 до н. е.) — видатний давньогрецький оратор; у списку М. І. Гулака вказуються твори Демосфена французькою мовою.

[604] Леозон-Ледук (1815 — рік смерті невідомий) — французький письменник; подорожуючи по північних країнах, вивчав їх мову та історію. Написав працю «La Finlande,

son histoire, sa mythologie, sa poésie» («Фінляндія, її історія, міфологія, поезія», т. 1—2, 1845).

[605] Лафар'єр Луї-Філіп (1798—1861) — французький юрист. Він написав працю з історії римського і французького права з філософським ухилом — «Histoire du droit civil de Rome et du droit français» («Історія римського та французького цивільного права, 1846—1856).

[606] Кюв'є Георг-Леопольд (1769—1832) — французький природознавець, професор, спеціалізувався в галузі анатомії тварин; у 1817 р. видав у Парижі працю «Règne animal» («Царство тварин», т. 1—4).

[607] Лагранж Жозеф-Луї (1736—1813) — французький математик і механік, член Паризької й Берлінської академії наук, автор підручника «Leçons sur le calcul des functions» («Лекції по функціональному численню»), праці «Traité de la résolution des équations numériques des tous les degrés» («Розробка рішень числових рівнянь всіх систем», мемуарів тощо.

[608] Пуассон Сімон-Дені (1781—1840) — французький механік, фізик і математик, член Паризької Академії наук, почесний член Петербурзької академії, автор численних праць з проблем теоретичної і небесної механіки, математики тощо.

[609] Нав'є Луї-Марія-Генріх (1785—1836) — французький інженер, член Паризької Академії наук, професор, що спеціалізувався в галузі будівельної механіки, опору матеріалів й теорії пружності, автор книжки «Résumé des leçons données, à l'Ecole des ponts et chaussées sur l'application de la mécanique à l'établissement des constructions et des machines» («Резюме прочитаних лекцій у школі відомства шляхів сполучення по застосуванню механіки у машинобудуванні», 1823).

[610] Калле (1744—1798) — французький математик, автор логарифмічних таблиць «Tables portatives des logarithmes» («Портативні логарифмічні таблиці).

[611] Лаланд Жозеф-Жером-Франсуа (1732—1807) — французький астроном, член Паризької Академії наук, автор п'ятизначних логарифмічних таблиць.

[612] Вега Георг (1756—1802) — австрійський математик, морський інженер, став відомий завдяки виданню «Logarithmentafeln» («Таблиць логарифмів», 1783).

[613] У документі йдеться про «Підручник з механіки» німецькою мовою французького математика Понселе Жан-Віктора.

[614] Пульє (1791—1868) — французький фізик, професор, його основна праця «Traité de physique expérimentale et météorologie» («Трактат з експериментальної фізики та метеорології») витримала кілька видань і перекладена на німецьку мову.

[615] Шлемільх Оскар (1823—1901) — німецький математик, професор, автор численних праць з вищої математики й аналітичної механіки.

[616] Грунерт Йоган-Август (1797—1872) — німецький математик і фізик, автор книжки з питань диференціальних та інтегральних числень.

[617] Коші Огюстен-Луї (1789—1857) — французький математик, творець теорії хвильової природи світла, автор праці «Leçons sur le calcul différentiel» («Лекції по диференціальному численню»), на яку посилається М. І. Гулак.

[618] Ейлер Леонард (1707—1783) — видатний математик, механік і фізик. У Росії жив з 1727 по 1741 рр. і з 1766 по 1786 рр.

[619] Теренцій Публій Афер (близько 185—159 до н. е.) — римський комедіограф. Його твори — «Comoediae» («Комедії») — мав на увазі М. І. Гулак.

[620] Гесіод (VIII—VII ст. до н. е.) — давньогрецький поет, автор поем «Теогонія» («Родовід богів») та «Роботи і дні».

[621] Стерн Лоуренс (1713—1768) — англійський письменник, набув популярності після виходу роману «The life and opinions of Tristram Shandy» («Життя й погляди Трістрама Шенді», 1759—1767).

[622] Кухарський Андрій (1795—1862) — польський письменник. Вчився у Варшаві. Працював учителем у різних місцях. Автор «Записок, составленных во время путешествия по славянских землях», що друкувалися в різних слов'янських журналах. Окремим виданням вийшла праця «Starożytne pomniki prawodawstwa narodów słowiańskich» («Найвидатніші пам'ятки слов'янського законодавства», 1839).

[623] Вшерд Корнелій (1450—1520) — чеський правознавець, професор Празького університету: його основна праця «Knihy devatery o pravich zeme Česke» («Дев'ять книжок про чеське державне право»).

[624] Озенбрюген Едуард (1809—1879) — німецький професор-правознавець, автор праці «De jure belli et pacis» («Про право війни та миру»).

[625] Раковецький Ігнатій-Бенедикт (1783—1839) — польський історик, вивчав побут слов'ян, опублікував книгу «Prawda Ruska» («Російська правда», т. 1—2, 1820—1828).

[626] Дабелов Христофор-Християн (1768—1830) — німецький юрист римського й германського права, з 1819 — професор Дерптського університету.

[627] Ісаков Яків Олексійович (1811—1881) — петербурзький книготорговець і видавець, опублікував ряд праць бібліографічного характеру, а також «Систематический каталог русских книг».

[628] Того ж дня О. Ф. Орлов підписав розпорядження за № 1153 на ім'я в. о. начальника 8-го округу корпусу жандармів Влахопулова Костянтина Ізотовича із зміною 3-го пункту:

«Сообщая о сем Вашему превосходительству и предлагая Вам сделать распоряжение, дабы за Гулаком по доставлении его в Пермь имелось строжайшее и со стороны корпуса жандармов наблюдение, долгом считаю удостоверить Вас в истинном моем почтении и преданности».— Ч. II, арк. 359. Відпуск.

[629] Нижче, замість відпуску, подано: «16 февраля 1851 г., № 289. Херсонському гражданскому губернатору Кириллу Якимовичу Оленич-Гнененко точно в таком содержании, как пермскому гражданскому губернатору. Подписал гр. Орлов».— Ч. 2, арк. 377. Відпуск.

[630] Див. док. № 286.

[631] Див. док. № 310.

[632] Див. прим. 268.

[633] Арк. 403 пропущено при нумерації.

[634] Див. док. № 316.

[635] Арк. 407 пропущено при нумерації.

[636] Див. док. № 319.

[637] Див. док. № 319.

[636] Див. док. № 285.

[636] Формулярний список відсутній.

[640] Див. док. № 320.

[641] Див. док. № 322.

Частина третя

СПРАВА М. І. КОСТОМАРОВА

[1] Див. док. № 325.

[2] Див. док. № 328.

[3] Днв. док. № 326, 327.

[4] Див. т. 3, док. № 362.

[5] Проти слів «он выехал домой» резолюція Л. В. Дубельта: Должно требовать.

[6] Дату встановлено на підставі док. № 327, 330.

[7] Прізвище нерозбірливе.

[8] Див. т. 3, док. № 362.

[9] Від слів «в заключенне долгом» до кінця абзац підкреслено вертикальною лінією.

[10] Старогрецьке біблійне — «Господи помилуй».

[11] Мається на увазі переписаний Я. де Бальменом польською транскрипцією «Кобзар» Т. Г. Шевченка і ним же разом з М. Башиловим ілюстрованний.

[13] На арк. 17 записи:

1) Подлинные бумаги Костомарова, представленные при квитанции от 17 апреля 1847 г. за № 605, опись которых значится на стр. 18—44, включ[ены] января 20 дня 1914 г.

Помощник нач[альни]ка архива С. Бакланов.

2) Вложение: Бумагн, взятые при обыске у Н. Костомарова, согласно опнси на стр. 18 — [4] 9 № 1—11,
№ 12 — Стихотворения Шевченко в двух книг[ах] и № 13 — Кольпа в пакете не имеется.

[Закреслено: «н № 14 — печати в пакете»].
13/IX — 1924 эк.

3) Проверено 11/XI 1919 Козлова.

[13] Інша редакція (див. док. № 145). Нумерація рукопису подається за списком М. І. Гулака.

[14] Закреслено: «дав».

[15] Закреслено: «вместе».

[16] Закреслено: «народ».

[17] Закреслено: «щоб».

[18] Закреслено: «жило на».

[19] Закреслено: «землю».

[20] Закреслено: «і повелів».

[21] Закреслено: «каждо[го]».

[22] Закреслено: «люди».

[23] Закреслено: «поробило».

[24] Закреслено: «стала».

[25] Закреслено: «запановало над землею».

[26] Закреслено: «обра». У другому списку таору (див. док. № 145) на цьому місці слово «постаті».

[27] Закреслено: «потім».

[28] Закреслено: «усі».

[29] Закреслено: «ни».
[30] Закреслено: «царь».
[31] Закреслено: «більш».
[32] Закреслено: «котрий був царем і паном».
[33] Спочатку закреслено: «тоді».
[34] Закреслено: «раб».
[35] Закреслено: «їх вибра[ло]».
[36] Закреслено: «що».
[37] Закреслено: «по[тім] об[ду]римо народ».
[38] Закреслено: «при».
[39] Закреслено: «Христос».
[40] Закреслено: «і робив усе тільки добре».
[41] Закреслено: «можно».
[42] Закреслено: «себе».
[43] Закреслено: «закат[увати]».
[44] Закреслено: «були б».
[45] Закреслено: «ему».
[46] Закреслено: «под».
[47] Закреслено: «ідоло».
[48] Закреслено: «ніж хрис[тиянинові]».
[49] Закреслено: «чоловічої».
[50] Закреслено: «греків».
[51] В тексті: «її передано ей».
[52] Закреслено: «перещ[ло]».
[53] Закреслено: «але не совсі[м]».
[54] Закреслено: «лучше пішло в».
[55] Закреслено: «благодарне».
[50] Закреслено: «а есть».
[57] Закреслено: «власть».
[58] Закреслено: «видумав ідола».
[59] Закреслено: «вимислив власть».
[60] Закреслено: «прусський король».
[61] Закреслено: «пороб[или].
[62] Закреслено: «незмінному».
[63] Закреслено: «розвратнні».
[64] Закреслено: «одн[і] забили».
[65] Закреслено: «знало».
[66] Закреслено: «приро[дний]».
[67] Закреслено: «про».
[68] Закреслено: «стали панами».
[69] Так у тексті.
[70] Слово нерозбірливе.
[71] Закреслено: «не хотіла знать ні царя і ні пана».
[72] Закреслено: «але пани».
[73] Закреслено: «як».
[74] Закреслено: «панство, поляки зіпсували усе добре».
[75] Закреслено: «преж».
[76] Закреслено: «так».
[77] Закреслено: «що».
[78] Закреслено: «мислив цар».
[79] Закреслено: «до Москов[щини]».
[80] Закреслено: «виову пристала до Польщі».
[81] Закреслено. «трьох».
[82] Закреслено: «слов'[янського]».
[83] Закреслено: «справж[ні].
[84] Закреслено: «видн[о]».
[85] Закреслено: «праведних воїні[в]».
[86] Закреслено: «повіша[ли]».
[87] Переклади М. І. Костомарова з латинської на російську мову «Легенды о святом Кирилле и обретении тела святого Климента» та «Легенды второй о Кирилле и Мефодии» по змісту і по формі однакові, хоч назви дещо відмінні. Йдеться про одне й те ж, а саме: нібито Кирило був у Херсонесі за завданням Риму, знайшов останки св. Климента, привіз їх до Риму і невдовзі вмер. Брат Мефодій хотів поховати Кирила, грека за походженням, дома в м. Тесалониках в Моравії, але цього Рим не дозволив. Глибокий інтерес до подібних текстів не інкреминувалось як злочин; це свідчить, що М. І. Костомаров почав працювати над давньою історією слов'ян, шукав документальних підтверджень великої ролі Кирила і Мефодія у запровадженні богослужіння слов'янською мовою. Сьогодні вчені ще не дійшли згоди, який алфавіт — кирилицю чи глаголицю вони склали, але писемність у слов'ян була

і до просвітительської діяльності Кирила і Мефодія. Брати відомі як укладачі основ слов'янської писемності і літератури. Друкується один варіант легенди.

[88] Закреслено: «научил».

[89] Закреслено: «послал».

[90] Закреслено: «боль[ше] прихожие».

[91] Закреслено: «недавно».

[92] Закреслено: «бл[годатью]»

[93] Ростислав — князь мораиський (846—870). Завоювавши у боротьбі з німцями незалежність Моравії, він вирішив звільнитися і від німецької церковної залежності. У 862 р. Ростислав запросив Кирила та Мефодія, за допомогою яких у Моравії розповсюджувалася слов'янська писемність і було запроваджено богослужіння слов'янською мовою (замість латинської).

[94] Закреслено: «молением обращался к ним, чтоб».

[95] Грецька вимова, а латинська — католицька.

[96] Йдеться про Миколу I — римського папу (858—867).

[97] Йдеться про Адріана II (792—872) — римського папу (867—872).

[98] Закреслено: «и принял его, встретил его несущего».

[99] Закреслено: «прославляя величать господа».

[100] Закреслено: «подобно другим народам».

[101] Закреслено: «будет вознесен на».

[102] Закреслено: «источн... лучшей».

[103] Закреслено: «вооружитесь не».

[104] Тут і далі в тексті «Святоплук».

[105] Закреслено: «благочестне».

[106] Закреслено: «начал».

[107] Закреслено: «Отечество».

[108] Слово нерозбірливе.

[109] Закреслено: «наставить».

[110] Закреслено: «выше».

[111] Три слова нерозбірливі.

[112] Закреслено: «народ».

[113] Закреслено: «не побуждал бы».

[114] Закреслено: «богослужение».

[115] Достатньо [...].

[116] Закреслено: «принять живое участие в вечно движущейся сфере образованности человечества».

[117] Закреслено: «и греки, и римляне, и германцы возрастали в духовной силе все народы».

[118] Закреслено: «законам».

[119] На цьому текст уривається.

[120] Бодянський Осип Максимович (1808—1877) — український філолог-славіст, письменник та історик. Написав цінні історичні розвідки: «Про погляди щодо походження Русі» (1835), «Про час виникнения слов'янських письмен» (1845), за його редакцією видано «Літопис Самовидця» (1846). Був у дружніх стосунках з Т. Г. Шевченком.

[121] Закреслено: «не приносящего ни тени».

[122] Закреслено: «литератури[ыми]».

[123] Приписка П. О. Куліша: «Адресовать теперь на имя Плетнева. Ну как-таки вам не сообщить мне своего адреса».

[124] Забіла Віктор Миколайович (1808—1869) — український поет-романтик. Перші поезії Забіли було надруковано в альманасі «Ластівка» (1841). У 40-х рр. був близько знайомий з Т. Г. Шевченком, П. О. Кулішем, М. І. Костомаровим, зустрічався з ними у м. Борзні. Поезії В. М. Забіли, покладено на музику, вони користувалися й користуються популярністю. Зокрема, пісня «Гуде вітер» (композитор М. І. Глінка).

[125] Білозерський Микола Данилович — поміщик і суддя Борзенського повіту, дядько В. М. Білозерського, якого він відвідував разом з іншими членами товариства. Під час обшуку в нього було вилучено частину документів, що вказували на зв'язки між членами товариства.

[126] Йдеться про рукопис книжки М. І. Костомарова «Богдан Хмельницький і повернення Південної Русі до Росії» (1857).

[127] Йдеться про історичний роман П. О. Куліша «Чорна рада», написаний українською і російською мовами в 1845—1847 рр. і виданий у 1857 р., в якому реалістично зображуються явища минулого України.

[128] Срезневський Ізмаїл Іванович (1812—1880) — російський і український філолог, славіст, історик, палеограф, академік Петербурзької АН (1849), учитель М. Г. Чернишевського. Закінчив історико-філологічний факультет Харківського університету (1829). В 1837—1846 — професор того ж, 1847—1880 — Петербурзького університетів: *Сарбей В. Г.*, *Крюков А. В.*, І. І. Срезневський як історик України // Укр. іст. журн.— 1987.— № 6.

[129] Метлинський Амвросій Лук'янович (1814—1870) — український поет, фольклорист і видавець. Псевдонім —Амвросій Могила. Закінчив Харківський університет (1835). з 1843— професор цього ж, 1849—1854 — Київського, 1854—1858 — Харківського університетів.

[130] Через прихильність (*лат.*).

[131] *Прим. док.*— Літ[опис] Самов[идця].

[132] На арк. 55, 56 вірші Т. Г. Шевченка переписані М. І. Костомаровим: «І мертвим. і живим»... та «Трн душі».

[133] На арк. 60—103 слідчої справн список М. І. Костомарова драми А. Міцкевича «Дзяди», який не друкується. Див. прим. № 134. На арк. 104 відбиток печатки М. І. Костомарова з написом «Иоанн», гл. VIII, ст. 32, Н. К.». На арк. 105, 106 спнсок М. І. Костомарова поеми Т. Г. Шевченка «Сон». На арк. 107, 108 документи за 1866 р. Днв. док. 489, 490.

[134] Днв.: *Mickiewicz*. Dziela. Warszawa, 1955.— Т. 3. Російський переклад // *Мицкевич А*. Собрание сочинений. В 5-ти т.— М., 1952.— Т. 3.; український переклад: *Міцкевич А*. Вибрані твори. У 2-х т.— К., 1955.— Т. 1. Список поеми, що зберігається у зазначеній справі, переписано М. І. Костомаровим. Ввезення та розповсюдження «Дзядів» у Росії каралося, заборона була скасована лише на початку 70-х рр. XIX ст.

[135] Див. док. № 336.

[136] Див. док. № 337.

[137] Див. док. № 330.

[138] Відповіді М. І. Костомароиа злегка перекреслені чорним олівцем.

[139] Максимович Михайло Олександрович (1804—1873) — український вчений, природознавець, філософ, історик, філолог, фольклорист, етнограф і письменник. Перший ректор Київського уиіверситету (1834—1835). Працюючн в Київській археогрфічній комісії, підготував і видав ряд літературиих пам'яток Київської Русі. Листувався з кирило-мефодіївцямн (див. т. 2, док. № 21), зустрічався в Києві і був у дружніх стосунках з Т. Г. Шевченком, П. О. Кулішем та іншими діячами української і російської культурн (*Острянин Д. Х.* Світогляд М. О. Максимовича.— К., 1960; *Марков П. Г.* Общественно-полнтические и исторические взгляды М. А. Максимовича.— К., 1986).

[140] Очевидно, Тарновський Василь Васильович (старший) (1810—1866) — поміщик Чернігівської губернії, закінчив Московський університет, родич М. В. Юзефовича, зустрічався в 1845—1846 рр. у Києві з М. О. Максимовичем, Т. Г. Шевченком, М. І. Костомаровим; вивчав феодальне звичаєве право, автор праць «Юридичний побут України» і «Про ділимість сімейств у Малоросії» (1853).

[141] Пасторій Юхим (1610—1682) — польський феодальний історнк, написав книжку «Bellum scythico-cosaccicum seu de conjuratione Tartarorum Cosacorum et plebis Russiae contra regnum Poloniae ab invictissimo Poloniae et Sueciae rege Ioanno Casimiro» («Війна скіфсько-козацька, або про змову козаків і черні руської проти Королівства Польського за непереможного короля Польші й Швеції Іоана Сігізмунда», 1652), де є відомості з історії Українн.

[142] Збірка «Сельское чтение» видавалася з 1843 р. російським письменииком Одоєвським Володимиром Федоровичем (1804—1869) разом із Заблоцьким-Десятовським Андрієм Порфеновичем (1807—1886). У 1846 р. була здійснена спроба видавати цю збірку українською мовою.

[143] Де Бальмен Яків (1813—1845) — близький Т. Г. Шевченкові офіцер і художник, родом з Полтавщини. Разом з художником М. Башиловнм у 1844 р. ілюстрував збірку віршів Шевченка. Загинув на Кавказі під час одного з походів царського війська проти черкесів у 1845 р. Шевченко присвятив йому поему «Кавказ».

[144] Подібного твору не виявлено.

[145] Відповіді М. І. Костомарова на початку тексту і далі в окремих місцях злегка перекреслені чорним олівцем.

[146] «Журнал министерства народного просвещения» виходив щомісяця з 1834 по 1917 р.

[147] На полях проти слів «но ни от того...» помітка: «Какое противоречие! Выше сам говорит о их либеральном направлении, а тут что не заметил оного!»

[148] «Acta sanctorum» («Акты святых») — збірка житій святих східних і західних церков.

[149] Александров Володимир Степанович (1825—1894) — український письменник. Вперше з поезіями виступив в журналі «Основа» (1861), автор популярної у народі пісні «Я бачив, як вітер березку зломив» та ін. Написав вірш «Т. Г. Шевченку». (1846) (див. док. № 350).

[150] Збоку тексту напроти слів: «Князь Одоевский» помітка Костомарова: «Мысль эта известна начальству».

[151] «Библиотека для чтения» — російський журнал, видавався в Петербурзі з 1834 по 1865 р. Журнал боровся з передовими течіями в російській літературі, за що його критикували М. В. Гоголь і В. Г. Бєлінський.

[152] «Географическое общество» — засновано в Петербурзі в 1845 р., випускало періодичні видання: «Известия», «Записки», а також журнали: «Метеорологический вестник» н «Живая старина».

[153] «Разговор Великороссии с Малороссиею» — великий історичний віршований твір, створений у 1792 р. Семеном Дивовичем, перекладачем генеральної канцелярії. «Разговор» — це витвір представника козацької старшини. Мета твору — довести, що українська козацька старшина має такі ж підстави на державні та політичні права, як і російське дворянство. Інші твори цього автора істориками не виявлено.

[154] Від слів «а сколько мне помнится» і до кінця текст відповіді написаний М. І. Костомаровим.

[155] Гулак-Артемовський Петро Петрович (1790—1865) — український поет. Народився у с. Городище Київської губернії у сім'ї священика. Учився у Київській духовній академії, але не закінчив її, служив репетитором поміщицьких дітей. З 1817 р.— слухач і одночасно викладач польської мови Харківського університету, магістр (з 1820), професор історії, географії й статистики, ректор цього ж університету (1841—1849). Автор байок та балад «Пан та собака», «Рибалка» та ін.

[156] Сементовський Костянтин Максимович (псевдонім — Калайденський) (1823—1902) — етнограф, критик. Підтримував стосунки з П. П. Гулаком-Артемовським, І. І. Срезневським, М. І. Костомаровим, А. Л. Метлинським.

[157] По вертикалі тексту приписка А. Л. Метлинського: «А не то буду подписчиком на Шевченка и хорошее сочинение».

[158] Легко *(лат.)*.

[159] Крапки в тексті.

[160] На арк. 176 зв. конверт з адресою: В Киев. Его высокоблагородию Николаю Ивановичу Костомарову, адъюнкт-профессору университета, квартирующему в Старом Киеве, близ церкви Андрея Первозванного, в доме чиновника Монькина.

[161] Ювенал Децім Юній (біля 60-тих рр. І ст. н. е.— до 160) — римський поет-сатирик. Автор 16 сатир; класик сатири, якого середньовіччя цінувало як наставника-мораліста, а новий час — як викривача-борця («Ювеналов бич» у О. С. Пушкіна). Відоме видання: «Сатиры».— М., 1888.

[162] Бантиш-Каменський Дмитро Миколайович (1788—1850) — російський і український історик і археограф.— На основі архівних матеріалів написав «Историю Малой России...» (М., 1822) та ін. праці. Деякі відомості з опублікованих його праць використав Шевченко у поемі «Гайдамаки» і в повісті «Прогулка с удовольствием и не без морали».

[163] Маркевич (Маркович) Микола Андрійович (1804—1860) — український історик, письменник і поет, етнограф, талановитий музикант. Автор «Українських мелодій» (1831), п'ятитомної «Истории Малороссии» та етнографічної праці «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян». Був товаришем О. С. Пушкіна, К. Брюллова, М. І. Глинки, до заслання — Т. Г. Шевченка. Йому належить один з перших музичних творів на слова поета, романс «Сирота» («Нащо мені чорні брови»), створений у 1847 р. (*Косачевская Е. М.* Н. А. Маркевич, 1804—1860.— Л., 1987).

[164] Чайковський Міхал (Садик-Паша) (1804—1886) — польський письменник і політичний діяч. Учасник польського повстання 1830—1831, після поразки якого емігрував. Був агентом А. Чарторийського й західних держав у Туреччині, де в 1850 р. прийняв іслам і створював загони козаків для боротьби з Росією. В 1873 р. повернувся на Україну.

[165] Можливо, Залеський Броніслав (1820—1880) — польський історик і художник, друг Т. Г. Шевченка.

[166] Кривоніс (Перебийніс) Максим (р. нар. невід.— 1848) — полковник, герой визвольної війни 1648—1654 рр., один з сподвижників Богдана Хмельницького. Відданість Кривоноса інтересам трудового народу оспівана в народних піснях та думах. Йому присвятив вірш і М. І. Костомаров.

[167] Повний текст поезій «Щира правда», «Дід пасічник» та «Співець» був опублікований у збірці «Украинские баллады» 1839 р. у Харкові. Твори пройнято типовим для поетів-романтиків сумом за героїчним минулим України, за що їх заборонялось розповсюджувати і друкувати.

[168] Полуботок Павло Леонтійович (близько 1660—1724 р.) — чернігівський полковник (1706—1722). *Прим. док.*— «Наказной гетман и Черниговский полковник Павел Полуботок» (1722—1724). Очолив верхівку українських старшин, незадоволеної обмеженням політичних привілеїв, почав добиватися від Петра І скасування заборони виборів гетьманів. Був викликаний до Петербурга, підступно ув'язнений до Петропавловської фортеці, де й помер.

[169] У віршах «Пісня моя», «Клятьба» і «Згадка» М. І. Костомаров присягається збагачувати скарби народного епосу — пісні, легенди, перекази. Їх також вважали «козакофільськими», за що забороняли передруковувати і розповсюджувати.

[170] Проти слів «Сочинение Мицкевича» *помітка:* Драма.

[171] Закреслено: «чистосердечно».

[172] Закреслено: «в оной».

[173] Див. док. № 362.

[174] Див. док. № 75.

[175] «Саратовские губернские ведомости» — газета, що видавалася з 1838 по 1916 р.

[176] Закреслено: «4-х месячный».

[177] «На сие было ответствовано, что гр. Алексей Федорович, находя неудобным дозволить Костомарову отправиться в просимый им к минеральным водам отпуск, полагает, что для точного исполнения последовавшего о нем высочайшего повеления необходимо ограничиться теми средствами, какие предоставляет Саратовская губ.».

[178] У 1853 р. в. о. київського військового, подільського і волинського генерал-губернатора (1852—1854), а згодом (1855—1862) генерал-губернатором був Васильчиков Іларіон Іларіонович (1805—1862).

[179] Голіцин Олександр Федорович (1796—1864) — камергер Миколи I у справах III відділення, член слідчих комісій у справі О. І. Герцена, М. П. Огарьова та ін., з 1855 голова комісії прохань, що подавались на «высочайше» ім'я.

[180] Див. док. № 420.

[181] На арк. 360 помітка Л. В. Дубельта: Из дел наших видно, что ваше сиятельство 27 дня уже исходатайствовали Костомарову освобождение от надзора и служить, где пожелает, следовательно, это письмо к сведению.

[182] Див. док. № 421.

[183] «Отечественные записки» — літературно-політичний журнал, що видавався у Петербурзі у 1818—1884 рр.

[184] Даль Володимир Іванович (1801—1872) — літературний псевдонім «Козак Луганський», російський письменник, лексикограф, діалектолог. Почесний член Петербурзької АН (1863). Перший його твір «Русские сказки» (1832) був заборонений. Підготував «Тлумачний словник великоросійської мови» (т. 1—4, 1863—1866). Був знайомий з Т. Г. Шевченком.

[185] Павлов Микола Пилипович (1805—1864) — російський письменник, видав «Три повести. Именины, Аукцион и Ятаган» (1835), у 1851—1855 рр. на засланні у Вятці.

[186] Проти слів «передать бумаги» зроблено помітку: [Возвращены Юзефович[у]] (?).

[187] У відпуску помилково «1857». Див. оригінал: ЦДІА УРСР.— Ф. 442, оп. 810, спр. 174.— Арк. 1.

[188] Див. док. № 440.

[189] Див. док. № 388.

[190] На арк. 381 засвідчувальний запис: В сем деле писанных и нумерованных 288 листов. Колл[ежский] сов[етник] Мавродинов.

[191] Шувалов Петро Андрійович (1827—1889) — генерал, петербурзький обер-поліцмейстер (1857—1860), директор департаменту загальних справ міністерства внутрішніх справ (1860—1861), начальник штабу корпусу жандармів і керуючий III відділенням (1861—1864), прибалтійський генерал-губернатор (1865—1866), головний начальник III відділення й шеф жандармів (1866—1874), посол в Англії (1874—1879).

Частина четверта

СПРАВА В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО

[1] Можливо, йдеться про брата В. М. Білозерського, Миколу Михайловича Білозерського, українського етнографа і фольклориста, який зустрічався з Т. Г. Шевченком, записував народні пісні з його голосу (*Правдюк О.* Т. Г. Шевченко і музичний фольклор України.— К., 1966.— С. 17—19, 73, 74 та ін.).

[2] Див. т. 3, док. № 99.

[3] Див. т. 2, док. № 336.

[4] Репніна В. М. (1808—1891) — російська письменниця, близький друг Т. Г. Шевченка. В 1843 р. в Яготині зустрічалася з поетом, тривалий час листувалась, на прохання Репніних Т. Г. Шевченка було призначено вчителем малювання до Київського університету. Шевченко присвятив Репніній поему «Тризна». Під час заслання Т. Г. Шевченка і О. О. Навроцького надсилала в III відділення прохання поліпшити їх долю.

[5] Закреслено: «молодий».

[6] Занадто (*лат.*).

[7] Йдеться про працю Іноземцева Федора Івановича (1802—1869) — «Commentatio physiologico-pathologica» (Психологопатологические комментарии. М., 1845).

[8] «Краледворський рукопис» — збірка чеських пісень, знайдених нібито Вацлавом Ганкою у м. Краледворові 1817 р. і опублікованих 1819 р. В дійсності це написані Ганкою твори на зразок народного епосу.

[9] Записки з французького літературного і публіцистичного журналу «Огляд Старого й Нового світу» зроблено В. М. Білозерським з статей про панславізм французького письменника і славіста Р. Кіпріана, професора слов'янських мов і літератури, наступника А. Міцкевича на слов'янській кафедрі Колеж де Франс (Париж) та про відродження іллірійської народності французького письменника А. Депре. Французький вчений К. Робер виступив у пресі з заявою про «два панславізми» — літературний і політичний. Розділяючи останній на два підвиди — російський і західнослов'янський, він привертав увагу на особливу зацікавленість у цьому питанні німецької преси, що розпалювала ненависть до ідей панславізму, не бажаючи утворення нових незалежних слов'янських держав. Ця полеміка привернула увагу членів Кирило-Мефодіївського товариства, зокрема В. М. Білозерського

[10] Йдеться про граматику («Pismenost»), видану 1811 р. першим словенським поетом Валентином Водником (1758—1819). На початку граматики було вміщено вірші «Ilirija oživlejena», сповнені надії на відродження країни в національному дусі.

[11] Тепер м. Любляни.

[12] Тепер м. Загреб (СФРЮ).

[13] Закреслено: «в письмах».

[14] На арк. 26—34 у справі В. М. Білозерського міститься проект, переписаний ним 15 січня 1843 р. у Києві. Див. прим. 15.

[15] «Проект об уничтожении греко-российского вероисповедания в отторженных от России областях, представленный в 1786 г. государственным чинам одним ксендзом иезуитским» — не друкується. В цьому документі йдеться про колонізацію українських, російських і білоруських земель Польщею, пропонуються економічні і політичні методи закабалення народів.

[16] Закреслено: «а в 1791 і 2-му ми уже».

[17] Потьомкін Григорій Олександрович (1739—1791) — російський державний і військовий діяч, один із фаворитів Катерини II. Т. Шевченко згадав його як гнобителя трудового народу під прізвиськом Грицька Нечоса в поемі «Сліпий». З політичних міркувань записався в козаки Запорозької Січі.

[18] Кречетніков Михайло Микитович (1720—1793) — граф, генерал. Командуючий російськими військами, що придушували гайдамацьке повстання (Коліївщину) 1768 р.

[19] Києво-Видубицький монастир засновано у другій половині XI ст. князем Всеволодом Ярославичем (1030—1093).

[20] Закреслено: «були».

[21] На арк. 41—63 твори Т. Г. Шевченка, переписані В. М. Білозерським: «Гоголю», «Розрита могила», «Сон», «Холодний яр», «І мертвим, і живим...», «Як умру, то поховайте», на арк. 64 помітка: Бумаги Белозерского на 93 писанных листах 1 — [...] 6 экземпляров.

[22] Закреслено: «средств».

[23] Закреслено: «способных».

[24] Закреслено: «государс.».

[25] Закреслено: «еще недостает».

[26] Закреслено: «необходимейших».

[27] Закреслено: «...желаем, по мере сил наших, употребить, предложить... старание».

[28] Закреслено: «к жизни земледельческой и с тем».

[29] Закреслено: «поэтому».

[30] Закреслено: «с большим сознанием своих польз, обязанностей, польз и...»

[31] Закреслено: «2. Поэтому должно обращать внимание на причины, препятствующие правильному и успешному ходу образования воспитанников и устранять оные. Для того, чтобы воспитанник с успехом и пользой мог (заняться обра[зованием]), принимать прилагаемые...»

[32] Закреслено: «предметы».

[33] Закреслено: «соответствовать».

[34] Закреслено: «и значение божественной».

[35] Закреслено: «изучение».

[36] Закреслено: «правила садоводства».

[37] Закреслено: «пр[очие] другие».

[38] Закреслено: «находят в биту... [слово нерозбірливе]».

[39] Закреслено: «ремеслу, с которым будут соединять приготовление».

[40] Закреслено: «быть из...»

[41] Закреслено: «во избежание того, чтобы помещик впоследствии не захотел бы извлекать из воспитанника для себя выгод непомерными нечеловеческими требованиями».

[42] Закреслено: «быть, знать».

[43] Закреслено: «необходимейших».

[44] Закреслено: «одежды они должны».

[45] Закреслено: «приобретение важнейших моделей важнейших земледельческих орудий», «будет состоять в воспитателях, которые».

[46] Закреслено: «воспитатели».

[47] Закреслено: «воспит[ание]».

[48] Закреслено: «становятся», «в своем».

[49] Закреслено: «своим».

[50] Закреслено «непременно».

[51] Закреслено: «возбудить».

[52] Закреслено: «несомненной».

[53] Закреслено: «людей».

[54] Закреслено: «свет высш. образования».

[55] Закреслено: «предло...».

[56] Закреслено: «наша».

[57] Закреслено: «при».

[58] Закреслено: «...эту новую связь, которая одна своей теплотой и жизнью могла согреть и оживить распадавшие члены. Любовь ведет за собой...».
[59] Закреслено: «вот это».
[60] Закреслено: «Призванные для любви и свободы мы должны стремиться всеми силами к утверждению их между братьями».
[61] Закреслено: «еще».
[62] Закреслено: «им».
[63] Закреслено: «своем».
[64] Закреслено: «как».
[65] Закреслено: «равномерна».
[66] Закреслено: «по».
[67] Закреслено: «народа».
[68] Закреслено: слово нерозбірливе.
[69] Закреслено: слово нерозбірливе.
[70] Закреслено: «нет литературного языка».
[71] Закреслено: «погибает».
[72] Закреслено: «слав.».
[73] Закреслено: «снова».
[74] Закреслено: «воцарение».
[75] Закреслено: «как».
[76] Закреслено: «то».
[77] Закреслено: «правиль[ные]».
[78] Закреслено: «славянским племенам».
[79] Закреслено: «всеми».
[80] Закреслено: «надо».
[81] Закреслено: «достойно».
[82] Закреслено: «тою же».
[83] Закреслено: «будут нуждаться».
[84] Закреслено: «образования».
[85] Закреслено: «приготовлять его, обнадеживать его, возможност...».
[86] Закреслено: «основание образования».
[87] Закреслено: «идей».
[88] Закреслено: «известные уже».
[89] Закреслено: «за».
[90] Закреслено: «христ».
[91] Закреслено: «от него зависящее».
[92] Закреслено: «его».
[93] Закреслено: «своей».
[94] Закреслено: «незав[исимость]».
[95] Закреслено: «соплеменников».
[96] «Закон божий», переписаний О. О. Навроцьким, у справі В. М. Білозерського взагалі відсутній, його текст див. док. № 145, 332. Статут — див. док. № 144, відозви — док. № 146, 147.
[97] Див. док. № 499.
[98] Оскільки документ друкується в оригіналі, то виклад тут і далі не подається. Див. док. № 494.
[99] Див. док. № 495.
[100] Див. док. № 501.
[101] Див. док. № 500.
[102] Див. т. 2, док. № 15.
[103] Див. док. № 493.
[104] Див. док. № 496.
[105] Див. док. № 497.
[106] Можливо йдеться про Вернадського Івана Васильовича (1821—1884) — економіста, професора Київського, а згодом Московського ун-ту (1846—1856).
[107] Див. т. 2, док. № 12.
[108] Треба — Куліша. Див. т. 2, док. № 22.
[109] Див. прим. № 15.
[110] Див. т. 2, док. № 3.
[111] Серія книжок, що видавалась В. Ф. Одоєвським разом з А. П. Заблоцьким-Десятовським. Див. також прим. 142, Ч. III.
[112] Наперед, без досвіду (*лат.*).
[113] «Слов'янська міфологія» М. І. Костомарова друкувалась 1847 р. у Києві в друкарні Вальнера старослов'янським шрифтом. Це видані окремо фрагменти лекцій М. І. Костомарова в університеті, де він прагнув обгрунтувати ідею об'єднання слов'ян.
[114] Закреслено: «Выполнение закона».
[115] Закреслено: «період».

[116] Брюховецький Іван Мартинович (р. н. невідомий — 1668) — гетьман Лівобережної України (1663—1668), обраний на чорній раді 1663 р. на околиці Ніжина, яка відображена в одноіменному романі П. О. Куліша. Зональна козацька рада була названа «чорною» тому, що поряд з козацькою старшиною, рядовим та запорізьким козацтвом у раді брали участь і селяни навколишніх сіл та міська біднота.

[117] Закреслено: «если».

[118] У тексті спочатку було: «конец 1844 и 1845 гг.».

[119] Див. док. № 522.

[120] Барановський Олександр — юрист, служив у Сенаті (1848—1849). Наприкінці 1845 р. познайомився з петрашевцями, брав участь у їх таємних зборах, 1849 р. заарештований у справі петрашевців, але за відсутністю доказів звільнений і відправлений на службу в Петрозаводськ.

[121] Буташевич-Петрашевський Михайло Васильович (1821—1866). Вихідець з дворян Полтавської губернії, діяч російського визвольного руху, керівник політичного гуртка у Петербурзі 40-х рр. З 1845 р. у його квартирі збиралась дворянська і різночинна молодь, що ставила завдання знищити кріпацтво та встановити республіканський лад у Росії. У 1849 р. заарештований і в грудні того ж року засуджений до страти, яку згодом замінили довічною каторгою. Помер на засланні у с. Бельське Єнісейського повіту.

[122] Відомості про обшук, арешт та заслання Г. Л. Андрузького в Соловецький монастир. Див. т. 2, док. № 562—572.

[123] Що вона дуже проста жінка *(фр.)*.

[124] «Закреслено: «со стороны местной полиции».

[125] На арк. 256 відпуск III відділення: «Такого же содержания генерал-майору Шнелю с переменою второго пункта. 1 марта 1851 г., № 357.

Предлагаю вашему пре[восходительст]ву сделать распоряжение, дабы по прибытии Белозерского в Черниговскую губ. учреждено было за ним секретное наблюдение и со стороны корпуса жандармов, имею честь удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном моем почтении и преданности. Подписал гр. Орлов».

[126] Генерал-лейтенант Цукато та полковник Мишецький рапортували про хорошу поведінку В. М. Білозерського, але зазначали, що підтвердити його добрі почуття «совершенно определенно, как истину, по скрытному его характеру», не можуть (арк. 276). У травні Цукато відзначив, що В. М. Білозерський «стал более общественным человеком, обращение его со всеми одинаково ровное, службу свою отправляет с усердием» (арк. 278).

[127] Див. док. № 587—588.

[128] У відповідь на наказ О. Ф. Орлова (див. док. № 522) в цих рапортах коротко характеризувалась поведінка В. М. Білозерського: «не иначе можно отозваться, как с отличной стороны».

[129] «Основа» — перший український громадсько-політичний і літературно-мистецький журнал. Друкувався в Петербурзі щомісяця у 1861—1862 рр. під редакцією В. М. Білозерського з участю П. О. Куліша, М. І. Костомарова. В журналі співробітничали Т. Г. Шевченко, Марко Вовчок, М. О. Максимович, О. Ф. Кістяківський та ін. В «Основі» друкувались дослідження з історії, етнографії та літературно-критичні твори. Частина матеріалів друкувалась російською мовою. «Основа» відіграла значну роль у розвитку української мови, літератури і мистецтва на засадах реалізму і народності, обстоювала навчання українською мовою.

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

ХРОНОЛОГІЧНИЙ ПЕРЕЛІК ДОКУМЕНТІВ

1838

1838 р. липня 22.— Атестат, виданий Дерптським університетом М. І. Гулаку, про складання іспитів.— Док. № 165.

1838 р. липня 23.— Посвідчення ректора Дерптського університету Х. Ф. Нойє про зарахування М. І. Гулака студентом.— Док. № 163.

1840

1840 р. грудня 31.— Повідомлення декана юридичного факультету Дерптського університету М. І. Гулакові про дозвіл складати екзамени на вчений ступінь.— Док. № 159.

1843

1843 р. червня 9.— Повідомлення декана юридичного факультету Дерптського університету М. І. Гулакові про відмінно складений ним іспит на вчений ступінь кандидата права.— Док. № 161.

1844

1844 р. липня 3.— Розповідь козака с. Мартинівки Борзенського повіту Чернігівської губернії С. Юрченка «О пикинерных казаках 1790 г.», записана В. М. Білозерським.— Док. № 498.

1844 р. липня 20.— Повідомлення декана юридичного факультету Дерптського університету про присудження М. І. Гулакові ступеня кандидата права.— Док. № 160.

1844 р. липня 26.— Атестат про присвоєння ступеня кандидата права М. І. Гулаку, виданий Дерптським університетом.— Док. № 166.

1845

1845 р. грудня 8.— Лист П. О. Куліша до М. І. Гулака з порадою переїхати працювати в Петербург.— Док. № 106.

1845 р. кінець — 1846 р.— Статут Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 144.

1845 р. кінець — 1846 р.— Список «Книги буття українського народу» М. І. Костомарова, що був вилучений у М. І. Гулака під час обшуку в Олексіївському равеліні 2 квітня 1847 р.— Док. № 145.

1845 р. кінець — 1846 р.— Відозва «Брати українці», написана М. І. Костомаровим, вилучена у М. І. Гулака під час обшуку в Олексіївському равеліні 2 квітня 1847 р.— Док. № 146.

1845 р. кінець — 1846 р.— Відозва «Братья великороссияне и поляки», вилучена у М. І. Гулака під час обшуку 2 квітня 1847 р.— Док. № 147.

1845 р. кінець — 1846 р.— Рукопис М. І. Костомарова «Книги буття українського народу».— Док. № 332.

1845 р. кінець — 1846 р.— Пояснення В. М. Білозерського Статуту Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 501.

1846 р. лютого 15.— Лист О. В. Марковича до М. І. Гулака з висловленням його щирої любові до Батьківщини та з повідомленням про етнографічні пошуки.— Док. № 111.

1846 р. березня 4.— Лист П. О. Куліша до М. І. Гулака, в якому він знову радить переїхати працювати в Петербург.— Док. № 107.

1846 р. березня 8.— Лист М. І. Гулака до Вацлава Ганки з повідомленням про свою наукову роботу і проханням вказати додаткові джерела з історії права.— Док. № 105.

1846 р. березня 19 [31].— Лист Вацлава Ганки до М. І. Гулака з повідомленням джерел з історії права.— Док. № 112.

1846 р. квітня 4.— Лист І. Я. Посяди до М. І. Гулака про свої відносини з іншими членами товариства.— Док. № 108.

1846 р. травня 1.— Лист В. М. Білозерського до М. І. Гулака з висловленням жалю за пропущену ним зустріч членів товариства та захоплення творами Т. Г. Шевченка.— Док. № 114.

1846 р. травня 2.— Лист П. О. Куліша до М. І. Костомарова про надіслання йому виписок з «Літопису Величка», праці про Хмельницького і повідомлення про закінчення другого тому «Чорної ради».— Док. № 341.

1846 р. червня 27.— Прохідне свідоцтво, видане канцелярією київського військового губернатора М. І. Гулаку на 28 днів відпустки в Полтавську губернію.— Док. № 162.

1846 р. червня 27.— Лист П. О. Куліша до М. І. Костомарова про вивчення і розвиток української культури.— Док. № 339.

1846 р. вересня 4.— Лист П. О. Куліша до М. І. Костомарова з повідомленням про закінчення роману «Чорна рада».— Док. № 342.

1846 р. вересня 11.— Лист П. О. Куліша з Петербурга до М. І. Костомарова про викладання студентам історії українського народу.— Док. № 338.

1846 р. вересня 11.— Проект В. М. Білозерського про створення на Україні ремісничих шкіл для юнаків козацького стану.— Док. № 500.

1846 р. вересня 14 — жовтня 1.— Лист В. М. Білозерського до М. І. Гулака, в якому він розповідає про життя в Полтаві, про намір організувати школу для козацьких дітей та поїздку за кордон.— Док. № 110.

1846 р. жовтня 15.— Лист О. В. Марковича до В. М. Білозерського з висловленням дружніх почуттів і порад.— Док. № 496.

1846 р. жовтня 17.— Лист О. О. Навроцького до В. М. Білозерського про необхідність вести роз'яснювальну роботу серед народу та з відомостями про друзів.— Док. № 493.

1846 р. листопад, не пізніше 27.— Формулярний список М. І. Гулака, складений у канцелярії київського військового, подільського та волинського генерал-губернатора.— Док. № 164.

1846 р.— Лист поручика Новоархангельського уланського полку П. Л. Ашаніна до М. І. Гулака з повідомленням про заняття математикою та оточення в Єлизаветграді.— Док. № 109.

1846 р.— Наукова праця М. І. Гулака «Юридичний побут поморських слов'ян», вилучена при арешті 18 березня 1847 р.— Док. № 115.

1846 р.— Переклад М. І. Костомарова легенди першої про Кирила і Мефодія з тексту латинською мовою.— Док. № 333.

1846 р.— Переклад М. І. Костомарова з латинської мови «Легенды второй о Кирилле и Мефодии».— Док. № 334.

1846 р.— Переклад М. І. Костомарова із старого требника Оломуцького.— Док. № 335.

1846 р.— Вірші В. С. Александрова, присвячені Т. Г. Шевченку.— Док. № 350.

1846 р.— Уривок з повісті М. І. Костомарова «Панич Наталич».— Док. № 336.

1846 р.— Записка В. М. Білозерського про вивчення історії слов'ян.— Док. № 494.

1846 р.— Лист О. В. Марковича до В. М. Білозерського з проханням прийти в призначений час для зустрічі.— Док. № 497.

1846—1847 рр.— Рукопис М. І. Костомарова про панславізм.— Док. № 337.

1847 р. січня 16.— Лист П. О. Куліша до М. І. Костомарова із запрошенням на весілля та про зустрічі з Т. Г. Шевченком і В. М. Забілою.— Док. № 340.

1847 р. березня 3.— Донос О. М. Петрова О. С. Траскіну про існування в Києві таємного товариства.— Док. № 6.

1847 р. березня 8.— Лист Н. А. Гулак до М. І. Гулака з висловленням задоволення влаштуванням сина у Петербурзі, з життєвими порадами та повідомленнями про знайомих.— Док. № 130.

1847 р. березня, не пізніше 9.— Відповіді О. М. Петрова на запитання О. С. Траскіна про склад і діяльність таємного товариства в Києві.— Док. № 7.

1847 р. березня 10.— Лист І. І. Гулака до М. І. Гулака з висловленням задоволення його влаштуванням у Петербурзі та повідомленням про надіслання грошей.— Док. № 129.

1847 р. березня, не пізніше 15.— Виписка В. М. Білозерського про панславізм в Європі з журналу «Revue de deux Mondes».— Док. № 495.

1847 р. березня 17.— Відношення київського військового, подільського і волинського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова до начальника III відділення імператорської канцелярії О. Ф. Орлова, в якому повідомляється про існування таємного Слов'янського товариства в Києві.— Док. № 1.

1847 р. березня 17.— Запит Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про доцільність використання керуючого його канцелярії М. Е. Писарева при допитах М. І. Гулака.— Док. № 2.

1847 р. березня 17.— Доповідна О. Ф. Орлова цесаревичу Олександру про необхідність арешту члена таємного товариства М. І. Гулака.— Док. № 3.

1847 р. березня [*17*].— Записка III відділення про місцезнаходження розпоряджень на арешт М. І. Гулака, В. М. Білозерського, П. О. Куліша, О. О. Навроцького, Т. Г. Шевченка, М. І. Савича і Ф. В. Чижова.— Док. № 10.

1847 р. березня 17, 18.— З журналу III відділення в справі М. І. Гулака.— Док. № 116.

1847 р. березня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про дозвіл цесаревича Олександра на арешт М. І. Гулака.— Док. № 4.

1847 р. березня 18.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням про надіслання матеріалів допиту доносчика О. М. Петрова і твору О. П. Куліша «Січові гості, споминка старого діда».— Док. № 5.

1847 р. березня 18.— Протокол допиту М. І. Гулака в III відділенні.— Док. № 117.

1847 р. березня, не раніше 18.— Довідка III відділення про призначення грошової винагороди приставу А. Юнкеру і поліцейським за знайдення при обшуку і арешті М. І. Гулака «Книги буття українського народу» («Закону божого»).— Док. № 24.

1847 р. березня 19.— Записка Л. В. Дубельта до ректора Санкт-Петербурзького університету П. О. Плетньова про відправлення в університетську бібліотеку «Богемських літописів», які знаходились в М. І. Гулака.— Док. № 118.

1847 р. березня 19.— Повідомлення П. О. Плетньова Л. В. Дубельту про одержання університетською бібліотекою «Богемських літописів», відібраних при арешті у М. І. Гулака.— Док. № 119.

1847 р. березня 20, 22, квітня 3, 8, 10, травня 3, 6.— Із листування III відділення про витрати 192 крб., 20, 25 коп. сріблом за доставку естафети в Харків М. А. Долгорукову.— Док. № 16—23.

1847 р. березня 21.— Повідомлення обер-аудитора Єлісеєва в III відділення про нагляд за квартирою, де жив М. І. Гулак.— Док. № 126.

1847 р. березня 22.— Доповідь О. Ф. Орлова цесаревичу Олександру про хід розслідування справи про таємне товариство.— Док. № 8.

1847 р. березня 22.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова з наказом про обшук та арешт Т. Г. Шевченка, М. І. Костомарова, І. Я. Посяди, О. В. Марковича, О. Д. Тулуба, Г. Л. Андрузького і відправлення їх з речами і паперами в III відділення.— Док. № 11.

1847 р. березня 22.— Рапорт Д. Г. Бібікова О. Ф. Орлову з повідомленням про виконання його розпорядження на обшук і арешт членів таємного товариства в Києві.— Док. № 13.

1847 р. березня 22.— Відношення О. Ф. Орлова до В. Ф. Адлерберга про необхідність наказу про доставлення в III відділення листів, що будуть надходити на ім'я М. І. Гулака.— Док. № 127.

1847 р. березня 22.— Відношення О. Ф. Орлова до харківського, чернігівського, полтавського генерал-губернатора М. А. Долгорукова про арешт, обшук та доставлення у III відділення В. М. Білозерського і Т. Г. Шевченка.— Док. № 491.

1847 р. березня 23.— Відношення міністра фінансів Ф. П. Вронченка до О. Ф. Орлова про заходи вжиті при митних округах для затримання і арешту М. І. Савича, Ф. В. Чижова і П. О. Куліша при поверненні їх з-за кордону.— Док. № 15.

1847 р. березня 24.— Відношення О. Ф. Орлова до намісника Царства Польського І. Ф. Паскевича (Варшавського) з повідомленням про викриття таємного Слов'янського товариства Кирила і Мефодія в Києві та розпорядженням заарештувати і доставити в III відділення М. І. Савича, П. О. Куліша і Ф. В. Чижова.— Док. № 61.

1847 р. березня 25.— Відношення О. Ф. Орлова до обер-прокурора Синоду М. О. Протасова з проханням призначити в III відділення священика для того, щоб схилити М. І. Гулака до розповіді про Кирило-Мефодіївське товариство.— Док. № 120.

1847 р. березня 25.— Лист О. Ф. Орлова до І. І. Гулака про арешт його сина.— Док. № 139.

1847 р. березня 26.— Відношення М. О. Протасова до О. Ф. Орлова з повідомленням, що для умовляння М. І. Гулака призначено священика О. Малова.— Док. № 121.

1847 р. березня 27.— Доповідна записка священика О. Малова до III відділення про відмову М. І. Гулака давати будь-які свідчення.— Док. № 122.

1847 р. березня 28.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова з наказом про обшук та арешт Т. Г. Шевченка, М. І. Костомарова, І. Я. Посяди, О. В. Марковича, О. Д. Тулуба і Г. Л. Андрузького і відправлення їх з речами та паперами в III відділення.— Док. № 11.

1847 р. березня 28.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про таємне «Слов'янське товариство св. Кирила і Мефодія», що існувало в Києві.— Док. № 32.

1847 р. березня 28.— Доповідна записка священика О. Малова до III відділення про відмову М. І. Гулака давати свідчення.— Док. № 123.

1847 р. березня 28.— Зізнання М. І. Костомарова в Києві.— Док. № 326.

1847 р. березня, не пізніше 30.— Додаткове зізнання М. І. Костомарова в Києві.— Док. № 327.

1847 р. березня 28.— Лист А. Л. Метлинського до М. І. Костомарова про видання українською мовою серії книжок «Сельское чтение» та збирання грошей для організації видання.— Док. № 349.

1847 р. березня 29.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова з наказом заарештувати В. М. Білозерського і О. О. Навроцького.— Док. № 12.

1847 р. березня 29, квітня 3, 11, 16, 18.— Із листування III відділення з петербурзьким обер-поліцмейстером С. О. Кокошкіним про вручення дарованих Миколою І 200 крб. сріблом приставу А. Юнкеру і 15 крб. сріблом поліцейським службовцям за обшук у М. І. Гулака і знайдення «Закону божого».— Док. № 25—31.

1847 р. березня 29.— Доповідна записка О. Малова до III відділення про відмову М. І. Гулака давати свідчення.— Док. № 124.

1847 р. березня 29.— Відношення О. Ф. Орлова до в. о. новоросійського і бессарабського генерал-губернатора П. І. Федорова про з'ясування політичної благонадійності херсонського поміщика І. І. Гулака.— Док. № 136.

1847 р. березня, не пізніше 29.— Виписки з паперів заарештованого М. І. Гулака, зроблені в III відділенні для Миколя І.— Док. № 104.

1847 р. березня, не пізніше 29.— Перелік листів та паперів, вилучених у М. І. Гулака під час арешту.— Док. № 113.

1847 р. березня, не пізніше 29.— Відношення директора С.-Петербурзького поштамту Ф. І. Прянішнікова до Л. В. Дубельта про доставлення у III відділення листа, одержаного на ім'я М. І. Гулака.— Док. № 128.

1847 р. березня 30.— Доповідна записка О. Малова до III відділення про відмову М. І. Гулака давати свідчення.— Док. № 125.

1847 р. березня 30.— Донесення І. І. Фундуклея Д. Г. Бібікову про обшуки у квартирах М. І. Костомарова, Г. Л. Андрузького, О. В. Марковича, І. Я. Посяди, О. Д. Тулуба і про виїзд Т. Г. Шевченка з Києва.— Док. № 325.

1847 р. березня 30.— Рапорт О. С. Траскіна Д. Г. Бібікову про обшуки і арешт членів таємного товариства в Києві.— Док. № 328.

1847 р. березня 30.— Відношення І. І. Фундуклея до О. Ф. Орлова про обшук, арешт та відправлення в III відділення М. І. Костомарова.— Док. № 329.

1847 р. березня 30.— Реєстр паперів і речей, які вилучено у М. І. Костомарова під час обшуку.— Док. № 330.

1847 р. березня 31.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про вжиті заходи щодо обшуків і арештів В. М. Білозерського та О. О. Навроцького.— Док. № 14.

1847 р. березня 31.— Відношення Л. В. Дубельта до С. О. Кокошкіна про видачу поліцейським 15 крб. за знайдений «Закон божий» при обшуку на квартирі М. І. Гулака.— Док. № 34.

1847 р. березень.— Відомості та пропозиції М. Е. Писарева щодо осіб, які згадуються в зв'язку з викриттям таємного товариства в Києві.— Док. № 9.

1847 р. не пізніше березня.— Вірш М. І. Костомарова «Діти слави, діти слави, час ваш наступає», вилучений під час обшуку 28 березня 1847 р.— Док. № 343.

1847 р. не пізніше березня.— Лист П. В. Тихоновича до М. І. Костомарова з відомостями про збирання грошей на видання українською мовою серії книжок.— Док. № 352.

1847 р. квітня 1.— Протокол допиту М. І. Гулака в III відділенні.— Док. № 138.

1847 р. квітня 1.— Розпорядження О. Ф. Орлова коменданту Петропавлівської фортеці І. М. Скобелеву про ув'язнення М. І. Гулака в Олексіївський равелін.— Док. № 140.

1847 р. квітня 1.— Рапорт І. М. Скобелева Миколі І про ув'язнення М. І. Гулака в камері № 7 Олексіївського равеліну.— Док. № 141.

1847 р. квітня 1.— Рапорт І. М. Скобелєва О. Ф. Орлову про ув'язнення М. І. Гулака в камері № 7 Олексіївського равеліну.— Док. № 142.

1847 р. квітня 2.— Рапорт І. М. Скобелєва О. Ф. Орлову про знайдення у М. І. Гулака статуту Кирило-Мефодіївського товариства і «Книги буття українського народу».— Док. № 143.

1847 р. квітня 3.— Відношення О. Ф. Орлова до головнокеруючого поштовим департаментом В. Ф. Адлерберга про необхідність перлюстрації листів, які надходитимуть з-за кордону М. І. Савичу, П. О. Кулішу і Ф. В. Чижову.— Док. № 36.

1847 р. квітня 3 [15].— Лист І. Ф. Паскевича до О. Ф. Орлова про вжиті ним заходи для заарештування П. О. Куліша.— Док. № 62.

1847 р. квітня 3.— Лист І. І. Гулака до М. І. Гулака з порадою присвятити себе творчій роботі.— Док. № 132.

1847 р. квітня 3.— Протокол додаткового допиту М. І. Гулака в Олексіївському равеліні.— Док. № 150.

1847 р. квітня 4.— Розпорядження О. Ф. Орлова І. М. Скобелєву передати М. І. Гулаку нові запитання.— Док. № 148.

1847 р. квітня 4.— Рапорт М. І. Скобелева О. Ф. Орлову про повернення анкети з відповідями М. І. Гулака.— Док. № 149.

1847 р. квітня 4.— Відношення І. І. Фундуклея до О. Ф. Орлова про видачу паспортів Т. П. Костомаровій, Р. У. Мазуровій та А. Л. Крагельській для поїздки в Петербург.— Док. № 361.

1847 р. квітня 5.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про надіслання в III відділення донесень І. І. Фундуклея і О. С. Траскіна з приводу обшуків та арешту членів Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 324.

1847 р. квітня 5.— Відношення полтавського губернатора М. І. Оснобишина до

О. Ф. Орлова про вжиття заходів щодо арешту В. М. Білозерського і Т. Г. Шевченка.— Док. № 492.

1847 р. квітня 8.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про присутність на допитах членів Слов'янського товариства керівника його канцелярії М. Е. Писарєва.— Док. № 37.

1847 р. квітня 9.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням про те, що М. Е. Писарєва ознайомлено з наказом бути при допитах членів Слов'янського товариства.— Док. № 38.

1847 р. квітня 9.— Лист П. О. Куліша до О. М. Куліш (Ганни Барвінок) з порадами щодо виїзду з Варшави і влаштування в Петербурзі.— Док. № 65.

1847 р. квітня 9.— Лист Н. А. Гулак до сина з пасхвльним привітанням, надісланий з с. Миколаївки Херсоиської губернії.— Док. № 133.

1847 р. квітня 10.— Перелік з коротким описом рукописів, листів та творів, які було вилучено у В. М. Білозерського у Варшаві під час обшуку і доставлено в III відділення.— Док. № 502.

1847 р. квітня 10.— Відношення О. Ф. Орлова до І. Ф. Паскевича про прибуття в III відділення П. О. Куліша з паперами та про необхідність иегайно заарештувати у Варшаві В. М. Білозерського і також доставити в Петербург.— Док. № 503.

1847 р. квітня 10 [22].— Відношення О. Ф. Орлова до І. Ф. Паскевича про прибуття заарештованного П. О. Куліша в Петербург.— Док. № 504.

1847 р. квітня, не пізніше 10.— Виписки з справ Міністерства народної освіти про службову та наукову діяльність М. І. Костомарова і П. О. Куліша, зроблені н III відділенні.— Док. № 323.

1847 р. квітня 11.— Відношення С. О. Кокошкіна до Л. В. Дубельта про одержання 15 крб. сріблом для винагороди поліцейським, икі зиайшли в квартирі М. І. Гулака рукопис «Закону божого».— Док. № 35.

1847 р. квітня 11 [23].— Відиошеиня І. Ф. Паскевича до О. Ф. Орлова про арешт В. М. Білозерського у Варшаві та направлення його в III відділения.— Док. № 505.

1847 р. квітня 11 [23].— Відношення варшавського військового генерал-губернатора М. Д. Горчакова до О. Ф. Орлова про арешт та направлення В. М. Білозерського до III відділення.— Док. № 506.

1847 р. квітня 12.— Відношения О. Ф. Орлова до Ф. П. Вронченка про повериення до канцелярії полтавського цивільного губернатора грошей, витрачених на доставку заарештованого О. О. Навроцького.— Док. № 40.

1847 р. квітня 12.— Виписки із документів, вилучеиих у М. І. Костомарова під час обшуку і передаиих у III відділення.— Док. № 344.

1847 р. квітня 15.— Протокол допиту М. І. Костомарова у III відділенні.— Док. № 345.

1847 р. квітня 17.— Квитанція старшого чиновиика Попова, видана квартальному наглядачеві київської поліції Лобачевському, про прийняття М. І. Костомарова, його паперів і речей в III відділенні.— Док. № 331.

1847 р. квітня 17.— Відповіді М. І. Костомарова иа питання під час допиту в III відділенні.— Док. № 346.

1847 р. квітня 17.— Додаткові показання М. І. Костомарова під час допиту в III відділенні.— Док. № 347.

1847 р. квітня 17.— Супровідиий лист Д. Г. Бібікова до надісланого в III відділения листа А. Л. Метлинського М. І. Костомарову в Київ.— Док. № 348.

1847 р. квітня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про звільнення М. Е. Писарева від участі в допитах членів Слов'янського товариства.— Док. № 39.

1847 р. квітня 18.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з проханням надіслати копії допитів членів Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 54.

1847 р. квітня 18.— Відношення О. Ф. Орлова до І. Ф. Паскевича про нові викриття і арешти члеиів Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 63.

1847 р. квітня 18.— Квитанція, видана III відділенням жандармському прапорщнку Миткевичу, про доставлення В. М. Білозерського в Петербург.— Док. № 507.

1847 р. квітня, не раніше 10.— Виклад змісту поеми Т. Г. Шевченка «Кавказ», зроблений у III відділенні із списка, вилученого у В. М. Білозерського.— Док. № 499.

1847 р. квітня, не раніше 18.— Записка про доставлення в III відділення паперів В. М. Білозерського.— Док. № 509.

1847 р. квітня 19.— Повідомлення Ф. П. Врончеика О. Ф. Орлову про новернення канцелярії полтавського цивільного губернатора грошей, витрачених на перевезення заарештованого О. О. Навроцького з Полтави до Петербурга.— Док. № 41.

1847 р. квітня 19.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про розпорядження копіюватн для генерал-губернатора слідчі документи у справах членів Слов'янського товариства.— Док. № 55.

1847 р. квітня 21.— Відношення О. Ф. Орлова до І. Ф. Паскевича про надання відпустки жандарму.— Док. № 508.

1847 р. квітня 22.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про надіслання йому копій документів з справ М. І. Гулака, О. О. Навроцького, І. Я. Посядн, О. В. Марковича, Г. Л. Андрузького.— Док. № 56.

1847 р. квітня 22.— Відношення Ф. І. Пряніпшнікова до Л. В. Дубельта про надіслання в III відділення листа І. І. Гулака.— Док. № 131.

1847 р. квітня 24.— Протокол допиту В. М. Білозерського в III відділенні.— Док. № 510.

1847 р. квітня 25.— Відношення О. Ф. Орлова до начальника 1-го округу корпуса жандармів Д. П. Полозова про встановлення суворого нагляду за Т. П. Костомаровою, Р. У. Мазуровою, А. Л. Крагельською та О. М. Куліш.— Док. № 362.

1847 р. квітня 26.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова та реєстр надісланих йому копій слідчих. документів у спранах М. І. Костомарова, О. Д. Тулуба, Т. Г. Шевченка, О. П. Куліша, В. М. Білозерського.— Док. № 57.

1847 р. квітня 26.— Рапорт П. І. Федорова О. Ф. Орлову про благонадійність поміщика І. І. Гулака.— Док. № 137.

1847 р. квітня 26.— Протокол додаткового допиту В. М. Білозерського в III відділенні.— Док. № 511.

1847 р. квітня 26.— Лист В. М. Білозерського до О. Ф. Орлова з проханням порушити перед Миколою І клопотання про помилування.— Док. № 515.

1847 р. квітня 26.— Прохання В. М. Білозерського про помилування, подане на ім'я Миколи І.— Док. № 516.

1847 р. квітня 30 [*травня 12*].— Лист І. Ф. Паскевича до О. Ф. Орлова про від'їзд О. М. Куліш (Ганни Барвінок) з Варшави та про політичні події в Прусії і Польщі.— Док. № 64.

1847 р. квітень.— Висновки III відділення про спільність ідей визволення і об'єднання слов'ян, висловлених членами Слов'янського товариства св. Кирила і Мефодія в Києві та Слов'янського літературного товариства в Парижі.— Док. № 33.

1847 р. квітень.— Список творів М. І. Костомарова, Т. Г. Шевченка і П. О. Куліша та цензорів, які дозволили їх друкувати.— Док. № 68.

1847 р. не пізніше квітня.— Виклад змісту віршів В. Александрова, зроблений у III відділенні.— Док. № 351.

1847 р. травня 1.— Перелік книг та інших матеріалів, вилучених у кирило-мефодіївців, з якими III відділення мало ознайомити міністра народної освіти С. С. Уварова.— Док. № 42.

1847 р. травня 1.— Рапорт лікаря штабу корпуса жандармів Шписа Л. В. Дубельту про психічне захворювання М. І. Костомарова.— Док. № 354.

1847 р. травня 2.— Відношення О. Ф. Орлова до М. Ф. Арендта із запрошенням оглянути хворого М. І. Костомарова.— Док. № 355.

1847 р. травня 3.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про розшук і пересилання в III відділення твору А. Міцкевича «Книги народу польського і пілігрімства польського».— Док. № 43.

1847 р. травня 3.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про чутки ніби

на тілі членів таємного товариства в Києві наколото знаки гетьманської булави.— Док. № 44.

1847 р. травня 6.— Відношення Д. П. Полозова до Л. В. Дубельта про встановлення таємного нагляду за Т. П. Костомаровою, Р. У. Мазуровою, А. Л. Крагельською і О. М. Куліш.— Док. № 363.

1847 р. травня 7.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про наказ київському поштмейстеру перлюструвати листи, які надходитимуть на адресу заарештованих кирило-мефодіївців і чиновника його канцелярії М. А. Рігельмана.— Док. № 45.

1847 р. травня 7.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова та реєстр надісланих йому копій слідчих документів у справах В. М. Білозерського, О. О. Навроцького, І. Я. Посяди і донощика О. М. Петрова.— Док. № 58.

1847 р. травня 7.— Відношення О. Ф. Орлова до І. Ф. Паскевича про хід розслідування діяльності Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 66.

1847 р. травня 7.— Прохання М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта дозволити дати нові зізнання, а попередні знищити.— Док. № 356.

1847 р. травня 7.— Нові зізнання М. І. Костомарова в III відділенні.— Док. № 357.

1847 р. травня 13.— Розпорядження О. Ф. Орлова І. М. Скобелєву дати наказ встановити, є чи немає на тілі М. І. Гулака знака гетьманської булави.— Док. № 151.

1847 р. травня 13.— Запис очної ставки М. І. Костомарова з В. М. Білозерським, І. Я. Посядою, Г. Л. Андрузьким та О. М. Петровим у III відділенні.— Док. № 353.

1847 р. травня 13.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з викладом змісту окремих творів М. І. Костомарова із збірок «Українські балади» та «Ветка», вилучених у нього під час обшуку.— Док. № 358.

1847 р. травня 14.— Лист підполковника Я. Лаптева з приводу чуток, що поширювалися у Полтавській губернії про арешт О. О. Навроцького і діяльність Слов'янського товариства.— Док. № 67.

1847 р. травня 14.— Рапорт М. І. Скобелєва О. Ф. Орлову про те, що на тілі М. І. Гулака ніяких знаків не виявлено.— Док. № 152.

1847 р. травня 14.— Розпорядження О. Ф. Орлова І. М. Скобелеву доставити М. І. Гулака із Олексіївського равеліну в III відділення.— Док. № 153.

1847 р. травня 15.— Запис очної ставки М. І. Гулака з В. М. Білозерським, М. І. Костомаровим, І. Я. Посядою, Г. Л. Андрузьким і О. М. Петровим.— Док. № 156.

1847 р. травня 15.— Запис очної ставки В. М. Білозерського з Г. Л. Андрузьким.— Док. № 513.

1847 р. травня 17.— Відношення директора департаменту зовнішньої торгівлі міністерства фінансів Д. С. Язикова до Л. В. Дубельта про від'їзд у Радзівілів Р. І. Остен-Сакена, який доставив заарештованого Ф. В. Чижова в III відділення.— Док. № 52.

1847 р. травня 17.— Розпорядження О. Ф. Орлова І. М. Скобелєву зобов'язати М. І. Гулака підписати запис очної ставки без будь-яких змін.— Док. № 154.

1847 р. травня 17.— Рапорт М. І. Скобелева О. Ф. Орлову про надіслання в III відділення запису очної ставки М. І. Гулака.— Док. № 155.

1847 р. травня 17.— Рапорт І. М. Скобелєва О. Ф. Орлову про те, що М. І. Гулак дав додаткові свідчення.— Док. № 157.

1847 р. травня 17.— Додаткові свідчення М. І. Гулака.— Док. № 158.

1847 р. травня 18.— Відношення Л. В. Дубельта до Д. С. Язикова про згоду III відділення повернути Р. І. Остен — Сакена до Радзівілівської таможні.— Док. № 53.

1847 р. травня 19.— Лист О. І. Гулака до брата про арешт О. В. Марковича, О. О. Навроцького, М. І. Костомарова та ін.— Док. № 135.

1847 р. травня 19.— Свідчення М. І. Костомарова в III відділенні.— Док. № 359.

1847 р. травня 19.— Лист Т. П. Костомарової до Л. В. Дубельта з проханням повідомити про стан здоров'я її сина.— Док. № 364.

1847 р. травня 19.— Протокол додаткового допиту В. М. Білозерського в III відділенні.— Док. № 512.

1847 р. травня 19.— Протокол додаткового допиту В. М. Білозерського в III відділенні.— Док. № 514.

1847 р. травня 20.— Відношення О. Ф. Орлова до В. Ф. Адлерберга про наказ Д. Г. Бібікова київському поштмейстеру перлюструвати листи до заарештованих кирило-мефодіївців і чиновника М. А. Рігельмана.— Док. № 46.

1847 р. травня 20.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про затримання листа нібито адресованого Г. Л. Андрузькому.— Док. № 49.

1847 р. травня 20.— Пояснення III відділення, що затриманий лист належав не заарештованому Г. Л. Андрузькому, а студенту Київського університету О. Т. Андрущенку.— Док. № 50.

1847 р. травня 20.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про одержання копій слідчих документів у справі Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 60.

1847 р. травня 21.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова та реєстр копій документів у справах про Слов'янське товариство.— Док. № 59.

1847 р. травня 21.— Супровідний лист цензора поштамта Ф. Ю. Ульріхса до Л. В. Дубельта про те, що на ім'я М. І. Гулака надійшов лист з м. Дерпта.— Док. № 134.

1847 р. травня 21.— Лист І. І. Гулака до М. І. Гулака про турботу батьків в зв'язку з відсутністю листів від сина.— Док. № 177.

1847 р. травня 22.— Відношення В. Ф. Адлерберга до О. Ф. Орлова про незаконне розпорядження Д. Г. Бібікова київському поштмейстеру перлюструвати листи до М. А. Рігельмана.— Док. № 47.

1847 р. травня 24.— Додаткові пояснення М. І. Костомарова до попередніх зізнань в III відділенні.— Док. № 360.

1847 р. травня 26.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про діяльність Кирило-Мефодіївського товариства і пропозиції щодо покарання його членів.— Док. № 69.

1847 р. травня 26.— Подання О. Ф. Орлова Миколі І на присудження звання дійсного студента та виділення грошової нагороди донощику О. М. Петрову.— Док. № 70.

1847 р. травня 26—30.— Висновок III відділення про В. М. Білозерського.— Док. № 517.

1847 р. травня 27.— Супровідний лист О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова з повідомленням поштового департаменту про порядок перлюстрації листів.— Док. № 48.

1847 р. травня 29.— Запитання О. Ф. Орлова та вирок Миколи І членам Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 74.

1847 р. травня 29.— Розпорядження О. Ф. Орлова Л. В. Дубельту про виконання вироку, винесеного Миколою І членам Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 72.

1847 р. травня, не пізніше 29.— Запитання О. Ф. Орлова до Миколи І про визначення покарань членам Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 71.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про повернення затриманого листа студенту Київського університету О. Т. Андрущенку.— Док. № 51.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до С. С. Уварова про діяльність Кирило-Мефодіївського товариства і вирок його членам.— Док. № 75.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про виконання вироку Миколи І членам Кирило-Мефодіївського товариства і посилення політичного нагляду на Україні.— Док. № 77.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до І. Ф. Паскевича про закінчення слідства над членами Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 78.

1847 р. травня 30, червня 1, 3, 5.— Із листування III відділення про витрати 1600 крб. сріблом, виділених за розпорядженням Миколи І.— Док. № 80—83.

1847 р. травня 30.— Наказ О. Ф. Орлова прапорщику жандармського дивізіону Павлову таємно перевезти М. І. Гулака з Олексіївського равеліну Петропавлівської фортеці до Шліссельбурзької фортеці.— Док. № 168.

1847 р. травня 30.— Розпорядження О. Ф. Орлова М. І. Скобелеву з повідомленням про рішення Миколи І перевезти М. І. Гулака з Олексіївського равеліну в Шліссельбурзьку фортецю.— Док. № 169.

1847 р. травня 30.— Розпорядження О. Ф. Орлова комендантові Шліссельбурзької фортеці О. Н. Заборинському про рішення Миколи I ув'язнити М. І. Гулака в фортеці на три роки.— Док. № 170.

1847 р. травня 30.— Рапорт І. М. Скобелева О. Ф. Орлову про відправлення М. І. Гулака з Олексіївського равеліну до Шліссельбурзької фортеці.— Док. № 171.

1847 р. травня 30.— Рапорт І. М. Скобелева Миколі І про відправлення М. І. Гулака до Шліссельбурзької фортеці.— Док. № 172.

1847 р. травня 30.— Квитанція, видана комендантом Шліссельбурзької фортеці О. Н. Заборинським прапорщику Павлову про прийняття від нього М. І. Гулака.— Док. № 174.

1847 р. травня 30—31.— Висновок III відділення в справі М. І. Костомарова.— Док. № 366.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до М. І. Скобелева про ув'язнення М. І. Костомарова та П. О. Куліша в Олексіївський равелін.— Док. № 368.

1847 р. травня 30.— Реєстр речей та грошей М. І. Костомарова, направлений Л. В. Дубельтом І. М. Скобелеву.— Док. № 369.

1847 р. травня 30.— Розписка наглядача майора Яблонського про прийняття М. І. Костомарова до Олексіївського равеліну.— Док. № 370.

1847 р. травня 30.— Рапорт М. І. Скобелева О. Ф. Орлову про прийняття М. І. Костомарова та П. О. Куліша до Олексіївського равеліну.— Док. № 371.

1847 р. травня 30.— Рапорт М. І. Скобелева Миколі І про прийняття М. І. Костомарова та П. О. Куліша до Олексіївського равеліну.— Док. № 372.

1847 р. травня 30.— Із листування О. Ф. Орлова і Р. У. Мазурової про призначення пенсії її дітям та виділення одноразової допомоги 300 крб. сріблом на проїзд до Києва.— Док. № 373—375.

1847 р. травня 30.— Повідомлення О. Ф. Орлова Т. П. Костомаровій про виплату їй річного жалування сина.— Док. № 376.

1847 р. травня 30.— Довідка III відділення про ув'язнення М. І. Костомарова в Олексіївський равелін.— Док. № 397.

1847 р. травня 30.— Лист В. М. Білозерського до О. Ф. Орлова з висловленням подяки за клопотання перед Миколою І про зменшення покарання.— Док. № 518.

1847 р. травня 30.— Наказ О. Ф. Орлова поручику с.-петербурзького жандармського дивізіону Тельному про доставлення В. М. Білозерського в Петрозаводськ.— Док. № 519.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до олонецького цивільного губернатора Х. Х. Повало-Швейковського про відправлення В. М. Білозерського на заслання в Петрозаводськ та встановлення за ним таємного нагляду.— Док. № 520.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до начальника 1-го округу корпуса жандармів Д. П. Полозова про встановлення таємного нагляду за В. М. Білозерським в Петрозаводську.— Док. № 521.

1847 р. не раніше травня 30.— Довідка III відділення про М. І. Гулака.— Док. № 167.

1847 р. не раніше травня 30.— Запис канцелярії III відділення про ставлення М. І. Костомарова до вироку Миколи І.— Док. № 367.

1847 р. травня 31.— Рапорт О. Н. Заборинського О. Ф. Орлову про прийняття М. І. Гулака до Шліссельбурзької фортеці.— Док. № 175.

1847 р. травня 31.— Прохання Р. У. Мазурової до Л. В. Дубельта дозволити побачення з М. І. Костомаровим.— Док. № 365.

1847 р. травня 31.— Відношення С. С. Уварова до О. Ф. Орлова про розмір жалування, яке одержували М. І. Костомаров та П. О. Куліш.— Док. № 377.

1847 р. травня 31.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. П. Полозова про необхідність повідомляти в III відділення двічі на рік про поведінку В. М. Білозерського на засланні.— Док. № 522.

1847 р. травень.— Наказ О. Ф. Орлова про відрядження в Петергоф жандармської команди для охорони царської сім'ї.— Док. № 73.

1847 р. червня 1.— Рапорт прапорщика Павлова О. Ф. Орлову про передачу М. І. Гулака коменданту Шліссельбурзької фортеці.— Док. № 173.

1847 р. червня 2.— Відношення С. С. Уварова до О. Ф. Орлова про вжиті заходи по учбовому відомству до членів Кирило-Мефодіївського товариства і заборону друкувати їх твори.— Док. № 90.

1847 р. червня 3.— Рапорт С. О. Кокошкіна О. Ф. Орлову про посилення жандармського нагляду в Чернігівській, Полтавській і Харківській губерніях.— Док. № 84.

1847 р. червня 3.— Відношення старшого цензора петербурзького поштамту Ф. Ю. Ульріхса до Л. В. Дубельта з повідомленням про одержання листа на ім'я М. І. Гулака.— Док. № 176.

1847 р. червня 3.— Із листування III відділення про отримання 1814 крб. 43 коп. сріблом «на известное государю императору употребление» — по справі кирило-мефодіївців.— Док. № 378—381.

1847 р. червня 3.— Квитанція, видана Х. Х. Повало-Швейковським поручикові Тєльному, про доставляння В. М. Білозерського на заслання в Петрозаводськ.— Док. № 524.

1847 р. червня 3.— Розписка Х. Х. Повало-Швейковського про одержання секретного пакету, грошей і речей В. М. Білозерського.— Док. № 525.

1847 р. червня 3.— Відношення Х. Х. Повало-Швейковського до О. Ф. Орлова про доставляння В. М. Білозерського на заслання в Петрозаводськ.— Док. № 526.

1847 р. червня 4.— Відношення міністра внутрішніх справ Л. О. Перовського до О. Ф. Орлова з проханням повідомити про місце заслання М. І. Гулака, М. І. Костомарова і П. О. Куліша після закінчення строків покарання у фортеці.— Док. № 88.

1847 р. червня 5.— Розпорядження О. Ф. Орлова О. Н. Заборинському вручити М. І. Гулаку лист від батька.— Док. № 178.

1847 р. червня 7.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського з приводу відправки М. І. Гулака, М. І. Костомарова і П. О. Куліша на заслання після закінчення строків покарання у фортеці.— Док. № 89.

1847 р. червня 7.— Рапорт поручика Тєльного О. Ф. Орлову про доставлення В. М. Білозерського в Петрозаводськ.— Док. № 523.

1847 р. червня 9.— Відношення Орлова до начальника 5-го округа корпуса жандармів О. А. Шнеля про діяльність Кирило-Мефодіївського товариства та про посилення таємного жандармського нагляду на Україні.— Док. № 79.

1847 р. червня 11.— Лист М. І. Гулака до батьків з приводу завданого їм горя.— Док. № 180.

1847 р. червня 13.— Прохання М. І. Костомарова передати його бібліотеку Р. У. Мазуровій і надати їй право вести його фінансові та господарські справи.— Док. № 383.

1847 р. червня 13.— Із листування III відділення про видачу 600 крб. сріблом на від'їзд Р. У. Мазурової і А. Л. Крагельської до Києва.— Док. № 384—386.

1847 р. червня, не пізніше 13.— Супровідний лист М. І. Скобелєва Л. В. Дубельту до листа М. І. Костомарова про передачу його бібліотеки Р. У. Мазуровій.— Док. № 382.

1847 р. червня 14.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про вжиті заходи для посилення жандармського нагляду в губерніях.— Док. № 85.

1847 р. червня 14.— Супровідний лист О. Н. Заборинського до надісланого в III відділення для перевірки листа М. І. Гулака.— Док. № 179.

1847 р. червня 14.— Лист З. П. Мильнікова до М. І. Костомарова про можливість купити землю поблизу слободи Калитви Воронезької губернії.— Док. № 392.

1847 р. червня 16.— Повідомлення О. Ф. Орлова І. М. Скобелеву про дозвіл М. І. Костомарову передати всі речі в Києві Р. У. Мазуровій.— Док. № 387.

1847 р. червня 16.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про дозвіл М. І. Костомарову передати Р. У. Мазуровій свою бібліотеку.— Док. № 388.

1847 р. червня 17.— Відношення начальника 4-го корпуса жандармів П. Ф. Буксгевдена до Л. В. Дубельта про нагляд за випускниками Київського університету.— Док. № 86.

1847 р. червня 19.— Повідомлення «Allgemeine Zeitung» про заборону Миколою I професорам університетів та іншим вченим поширювати панславістські ідеї.— Док. № 96.

1847 р. червня 19.— Лист Л. В. Дубельта до І. І. Гулака з повідомленням про те, що О. Ф. Орлов дозволив листуватися з сином через III відділення.— Док. № 181.

1847 р. червня, не пізніше 19.— Замітка про арешти на Україні, надрукована в газеті «Allgemeine Zeitung».— Док. № 95.

1847 р. червня 24.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про передачу Р. У. Мазуровій бібліотеки та майна М. І. Костомарова.— Док. № 389.

1847 р. червня 24.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з подякою і повідомленням про перші враження від перебування на засланні.— Док. № 527.

1847 р. червня 25.— Відношення Л. В. Дубельта до П. Ф. Буксгевдена з розпорядженням О. Ф. Орлова встановити політичний нагляд за випускниками університету в Київській і Волинській губерніях.— Док. № 87.

1847 р. червня 27.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про заборону друкувати і розповсюджувати таори Т. Г. Шевченка, П. О. Куліша і М. І. Костомарова.— Док. № 92.

1847 р. не пізніше червня 27.— Довідка III відділення з приводу оголошення в «С.-Петербургских ведомостях» про продаж творів Т. Г. Шевченка «Чигиринський кобзар» і «Гайдамаки».— Док. № 91.

1847 р. червня 30.— Листування III відділенни з І. Ф. Паскевичем та Ф. П. Вронченком про витрати 347 крб. сріблом за доставку В. М. Білозерського з Варшави до Петербурга.— Док. № 528.

1847 р. липня 1.— Супроводний лист Д. Г. Бібікова О. Ф. Орлову до надісланих у III відділення листів З. П. Мильнікова Т. П. Костомаровій та М. І. Костомарову.— Док. № 390.

1847 р. липня 5.— Відношення С. С. Уварова до О. Ф. Орлова про виконання заборони друкувати і розповсюджувати твори Т. Г. Шевченка, П. О. Куліша і М. І. Костомарова.— Док. № 93.

1847 р. липня 8.— Відношення Л. О. Перовського до О. Ф. Орлова про заборону друкувати і розповсюджувати твори Т. Г. Шевченка, П. О. Куліша і М. І. Костомарова.— Док. № 94.

1847 р. липня 8, 12, 17, 21.— Листування III відділенни щодо витрат 793 крб. 20 коп. сріблом під час слідства иад кирило-мефодіївцнми і виділення з них 125 крб. матері донощика О. М. Петрова.— Док. № 97—102.

1847 р. серпня 20.— Лист матері Н. А. Гулак до О. Ф. Орлова з проханням дозволити їй листуватись з сином.— Док. № 189.

1847 р. серпня 27.— Звернення І. І. Гулака до III відділення з проханням передати ляст синові.— Док. № 191.

1847 р. серпня 27.— Лист І. І. Гулака до сина з висловленням жалю з приводу арешту.— Док. № 192.

1847 р. вересня 5.— Розпорядження Л. В. Дубельта О. Н. Заборинському дозволити вручити М. І. Гулаку листа від батьків.— Док. № 190.

1847 р. вересня 15.— Лист В. М. Білозерського до О. Ф. Орлова з подякою за увагу до нього.— Док. № 582.

1847 р. вересня 16.— Відношення Л. В. Дубельта до О. П. Галахова з проханням продовжити строк паспорта Т. П. Костомарової.— Док. № 393.

1847 р. вересня 18.— Розпорядження Л. В. Дубельта О. Н. Заборинському про вручення листа М. І. Гулаку від батька.— Док. № 193.

1847 р. вересня 19.— Відношення О. П. Галахова до Л. В. Дубельта про продовження строку дії паспорта Т. П. Костомарової в Петербурзі на три місяці.— Док. № 394.

1847 р. жовтня 18.— Лист Т. П. Костомарової до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання про відправлення в Крим її сина в зв'язку з тяжким станом його здоров'я.— Док. № 395.

1847 р. жовтня 18.— Прохання Т. П. Костомарової до О. Ф. Орлова зменшити покарання хворому синові і дозволити йому поїхати в Крим на лікування.— Док. № 396.

1847 р. жовтня 23.— Повідомлення Л. В. Дубельта Т. П. Костомаровій про відмо-

ву О. Ф. Орлова дозволити М. І. Костомарову поїхати в Крим на лікування.— Док. № 398.

1847 р. жовтня 27.— Прохання І. І. Гулака передати синові лист, надіслане в III відділення.— Док. № 182.

1847 р. листопада 5.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання про дозвіл йому виїхати до Тули на побачення з сестрою, матір'ю та П. О. Кулішем.— Док. № 533.

1847 р. листопада 11, 20, 22.— Із листування III відділення з Шліссельбурзькою фортецею про надіслання М. І. Гулаку листів від рідних.— Док. № 183—185.

1847 р. листопада 17.— Повідомлення Л. В. Дубельта В. М. Білозерському про заборону О. Ф. Орлова на виїзд його до Тули для зустрічі з рідними.— Док. № 534.

1847 р. листопада 25.— Лист Н. А. Гулак до О. Ф. Орлова з проханням помилувати її сина.— Док. № 194.

1847 р. листопада 27.— Рапорт О. Н. Заборинського О. Ф. Орлову з приводу прохання в'язнів Вещицького дозволити писати, а М. І. Гулака перекладати твори Евріпіда.— Док. № 186.

1847 р. грудня 1.— Рапорт Д. П. Полозова О. Ф. Орлову про поведінку В. М. Білозерського на засланні.— Док. № 535.

1847 р. грудня 2.— Повідомлення III відділення про залишення С. Г. Строгановим посади попечителя Московського учбового округу і висловлення йому співчутти і подяки від викладачів.— Док. № 103.

1847 р. грудня 2.— Лист Т. П. Костомарової до Л. В. Дубельта з проханням бути посередником і порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про звільнення хворого сина з Олексіївського равеліну.— Док. № 399.

1847 р. грудня 2.— Лист Т. П. Костомарової до О. Ф. Орлова з проханням достроково звільнити хворого сина з Олексіївського равеліну.— Док. № 400.

1847 р. не пізніше грудня 2.— Записка III відділення з приводу листування між С. С. Уваровим і попечителем Московського учбового округу С. Г. Строгановим про слов'янофілів.— Док. № 76.

1847 р. грудня 3.— Повідомлення О. Ф. Орлова О. Н. Заборинському про те, що він не забороняє Вещицькому і М. І. Гулаку писати і перекладати.— Док. № 188.

1847 р. грудня 3.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про поведінку В. М. Білозерського на засланні.— Док. № 536.

1847 р. не пізніше грудня 3.— Довідка III відділення про в'язнів Шліссельбурзької фортеці М. І. Гулака, Вещицького і Медокса.— Док. № 187.

1847 р. грудня 9.— Лист Л. В. Дубельта до Н. А. Гулак про відмову О. Ф. Орлова помилувати її сина.— Док. № 195.

1847 р. не пізніше грудня 11.— Супровідний лист Д. Г. Бібікова О. Ф. Орлову до надісланих в III відділення формулярного списка, свідоцтва про народження і патенту на чин колезького секретаря М. І. Костомарова.— Док. № 401.

1847 р. грудня 17.— Прохання І. І. Гулака до III відділення про передачу синові листа і грошей на придбання книг.— Док. № 196.

1847 р. грудня 17.— Із листування III відділення про продовження строку перебування Т. П. Костомарової в Петербурзі ще на три місяці.— Док. № 402—403.

1848

1848 р. січня 14.— Лист Т. П. Костомарової до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про звільнення М. І. Костомарова з Олексіївського равеліну.— Док. № 404.

1848 р. січня 14.— Прохання Т. П. Костомарової до О. Ф. Орлова порушити клопотання перед імператором про звільнення її сина з Олексіївського равеліну.— Док. № 405.

1848 р. січня 15, 24.— Із листування III відділення про передачу М. І. Гулаку від рідних листів і 100 крб. сріблом.— Док. № 197—199.

1848 р. лютого 3.— Рапорт О. Н. Заборинського О. Ф. Орлову з доданням прохан-

ни М. І. Гулака віддати батькові книги, що залишалися на квартирі М. І. Костомарова у Києві.— Док. № 200.

1848 р. лютого 3.— Прохання М. І. Гулака до III відділення переслати книги, залишені ним у Києві на квартирі М. І. Костомарова, до батька в с. Миколаївку Херсонської губернії.— Док. № 206.

1848 р. лютого 6.— Розпорядження О. Ф. Орлова І. М. Скобелєву взяти у М. І. Костомарова пояснення з приводу книг М. І. Гулака, які залишилися в його квартирі у Києві.— Док. № 201.

1848 р. лютого 9.— Пояснення М. І. Костомарова І. М. Скобелєву про книги М. І. Гулака.— Док. № 203.

1848 р. лютого 11.— Рапорт І. М. Скобелєва О. Ф. Орлову про надіслання пояснення М. І. Костомарова з приводу книг М. І. Гулака.— Док. № 202.

1848 р. лютого 14.— Повідомлення О. Ф. Орлова О. Н. Заборинському про пересилку книг М. І. Гулака його батькам.— Док. № 204.

1848 р. лютого 14.— Розпорядження О. Ф. Орлова М. І. Скобелєву взяти у М. І. Костомарова нові пояснення про місцезнаходження ящика з книгами М. І. Гулака.— Док. № 205.

1848 р. лютого 16.— Пояснення М. І. Костомарова, передані М. І. Скобелєву, про можливе місцезнаходження ящика з книгами М. І. Гулака.— Док. № 208.

1848 р. лютого 17.— Рапорт І. М. Скобелєва О. Ф. Орлову з приводу пояснення М. І. Костомарова про місцезнаходження ящика з книгами М. І. Гулака.— Док. № 207.

1848 р. лютого 19.— Розпорядження О. Ф. Орлова О. Н. Заборинському про розшук ящика з книгами М. І. Гулака.— Док. № 209.

1848 р. лютого 28, березня 3, 16.— Із листування III відділення про розшуки у Києві ящика з книгами М. І. Гулака.— Док. № 210—212.

1848 р. не пізніше лютого 28.— Список книг М. І. Гулака, залишених у М. І. Костомарова при від'їзді в Петербург, які він просив повернути.— Док. № 248.

1848 р. березня 9.— Супровідний лист Д. Г. Бібікова О. Ф. Орлову до свідоцтва М. І. Костомарова на вчений ступінь кандидата наук.— Док. № 406.

1848 р. березня 23.— Супровідний лист О. Н. Заборинського з листом М. І. Гулака батькам.— Док. № 213.

1848 р. березня 23, квітня 7, 22, 29, травня 4.— Із листування III відділення та Шліссельбурзької фортеці про пересилання листів родини Гулаків і дозвіл на їх передачу М. І. Гулаку.— Док. № 216—220.

1848 р. квітня 14.— Відношення В. Ф. Адлерберга до О. Ф. Орлова про встановлення нагляду за листуванням М. І. Гулака та інших членів товариства.— Док. № 214.

1848 р. квітня 17.— Відношення О. Ф. Орлова до В. Ф. Адлерберга про зняття нагляду за листуванням М. І. Гулака та інших членів товариства.— Док. № 215.

1848 р. травня 25.— Лист Т. П. Костомарової до Л. В. Дубельта з проханням бути посередником і порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про відправлення її сина після звільнення з Олексіївського равеліну на службу в Сімферополь, а не у В'ятку.— Док. № 407.

1848 р. травня 25.— Прохання Т. П. Костомарової на ім'я О. Ф. Орлова порушити клопотання перед Миколою І про направлення сина після відбуття покарання в Сімферополь, а не в В'ятку.— Док. № 408.

1848 р. травня 26.— Довідка III відділення про М. І. Костомарова.— Док. № 409.

1848 р. травня 27.— Лист Т. П. Костомарової на ім'я Л. В. Дубельта з проханням дозволити синові прожити декілька днів в Петербурзі перед відправкою на заслання.— Док. № 410.

1848 р. травня 28.— Запит Л. В. Дубельта до О. Ф. Орлова щодо прохання Т. П. Костомарової замінити місце заслання її сина — Вятку на Саратов.— Док. № 411.

1848 р. травня 28.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про відбуття М. І. Костомаровим строку покарання в Олексіївському равеліні та відправку його на заслання до Вятки.— Док. № 412.

1848 р. травня 29.— Розпорядження О. Ф. Орлова І. М. Скобелєву про звільнення

М. І. Костомарова з Олексіївського равеліну і про доставлення його під вартою в І І відділення.— Док. № 413.

18.8 р. травня 30.— Рапорт І. М. Скобелєва О. Ф. Орлову про відправлення в III відділення М. І. Костомарова після відбуття покарання в Олексіївському равеліні.— Док. № 414.

1848 р. травня 30.— Рапорт Д. П. Полозова О. Ф. Орлову про поведінку В. М. Білозерського на засланні.— Док. № 537.

1848 р. не раніше травня 30.— Прохання М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта про видачу йому допомоги перед відправкою на заслання в Саратов.— Док. № 415.

1848 р. червня 8.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про видачу грошей М. І. Костомарову перед відправкою на заслання в Саратов.— Док. № 416.

1848 р. червня 10.— Відношення О. Ф. Орлова до Ф. П. Вронченка про видачу 300 крб. на «известное его величеству употребление».—Док. № 417.

1848 р. червня 11.— Відношення О. Ф. Орлова до саратовського цивільного губернатора М. Л. Кожевнікова про відправлення на заслання в Саратов М. І. Костомарова та встановлення за ним суворого нагляду.— Док. № 418.

1848 р. червня 11.— Розпорядження О. Ф. Орлова поручикові с.-петербурзького жандармського дивізіону Альпену про доставлення М. І. Костомарова на заслання в Саратов.— Док. № 419.

1848 р. червня 11.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра внутрішніх справ Л. А. Перовського про відправлення М. І. Костомарова на заслання в Саратов та про встановлення за ним суворого нагляду.— Док. № 420.

1848 р. червня 11.— Розпорядження О. Ф. Орлова М. О. Ахвердову про встановлення суворого нагляду за М. І. Костомаровим у Саратові.— Док. № 421.

1848 р. червня 11.— Повідомлення Л. В. Дубельта М. І. Костомарову про видачу йому грошей на влаштування у Саратові.— Док. № 422.

1848 р. червня 11.— Лист М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта з повідомленням про одержання грошей.— Док. № 423.

1848 р. червня 11.— Рапорти поручиків корпуса жандармів Альпена і Дувіца Л. В. Дубельту про відправлення М. І. Костомарова на заслання у Саратов.— Док. № 424—425.

1848 р. червня 16 — 1849 р. травня 10.— Із листування III відділення з Шліссельбурзькою фортецею про пересилання М. І. Гулаку листів і грошей рідних і його листів батькам.— Док. № 224—244.

1848 р. червня 19.— Відношення Ф. П. Вронченка до О. Ф. Орлова про відпуск 300 крб. у розпорядження III відділення.— Док. № 430.

1848 р. червня 24.— Відношення М. Л. Кожевнікова про доставлення у Саратов М. І. Костомарова і встановлення за ним суворого поліцейського нагляду.— Док. № 426.

1848 р. червня 26.— Квитанція, видана Альпену М. Л. Кожевніковим про прийняття на заслання М. І. Костомарова.— Док. № 428.

1848 р. червня 25.— Рапорт жандармського підполковника Єсіпова О. Ф. Орлову про доставлення М. І. Костомарова на заслання в Саратов.— Док. № 429.

1848 р. липня 3.— Рапорт Альпена О. Ф. Орлову про доставлення М. І. Костомарова на заслання у Саратов і передачу його губернатору М. Л. Кожевнікову.— Док. № 427.

1848 р. серпня 8.— Лист Н. А. Гулак до О. Ф. Орлова з проханням порушити клопотання перед Миколою І про помилування її сина.— Док. № 221.

1848 р. серпня 10.— Відношення М. Л. Кожевнікова до Л. В. Дубельта з проханням надіслати формулярний список М. І. Костомарова.— Док. № 431.

1848 р. серпня 24.— Лист Л. В. Дубельта до Н. А. Гулак про відмову О. Ф. Орлова порушити клопотання про помилування її сина.— Док. № 222.

1848 р. серпня 24.— Відношення Л. В. Дубельта до М. Л. Кожевнікова з повідомленням про те, що формулярний список та інші документи було передано М. І. Костомарову перед відправкою його до Саратова.— Док. № 432.

1848 р. вересня 8.— Прохання М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта про надіслання рукопису «Русская история», вилученого під час арешту.— Док. № 433.

1848 р. вересня 17.— Записка Л. В. Дубельта до О. Ф. Орлова з пропозицією надіслати рукопис «Русская история» М. І. Костомарову.— Док. № 434.

1848 р. вересня 20.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про надіслання М. І. Костомарову в Саратов рукопису «Русская история».— Док. № 435.

1848 р. жовтня 15.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова та Л. В. Дубельта до М. Л. Кожевнікова з повідомленням про те, що рукописи і книги М. І. Костомарова, які відібрані під час арешту, передані Р. У. Мазуровій.— Док. № 436—437.

1848 р. листопада 2.— Прохання О. І. Гулака до III відділення про дозвіл передати братові книги з математики.— Док. № 223.

1848 р. листопада 5.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про схвальну поведінку В. М. Білозерського на засланні і про можливість дозволити йому переїхати з Петрозаводська в Петербург.— Док. № 540.

1848 р. не пізніше листопада 5.— Подання Л. В. Дубельта О. Ф. Орлову про дозвіл В. М. Білозерському служити в Петербурзі або повернутися із заслання на Україну.— Док. № 538.

1848 р. не пізніше листопада 5.— Довідка III відділення про В. М. Білозерського.— Док. № 539.

1848 р. листопада 22.— Рапорт Д. П. Полозова О. Ф. Орлову про поведінку В. М. Білозерського на засланні.— Док. № 541.

1848 р. листопад.— Записка Л. В. Дубельта О. Ф. Орлову про клопотання члена Державної ради О. В. Кочубея помилувати В. М. Білозерського.— Док. № 542.

1848 р. грудня 9.— Повідомлення Л. В. Дубельта О. В. Кочубею про неможливість порушити клопотання про помилування В. М. Білозерського в зв'язку з відмовленням Миколи І.— Док. № 543.

1849

1849 р. січня 8.— Листування М. Е. Писарєва, Л. В. Дубельта і Л. О. Перовського про те, що В. М. Білозерського можна призначити на посаду асесора Олонецького губернського правління.— Док. № 544—546.

1849 р. лютого 15.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про згоду на призначення В. М. Білозерського асесором Олонецького губернського правління.— Док. № 547.

1849 р. квітня 16.— Відношення Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про розшуки книг М. І. Гулака.— Док. № 245.

1849 р. квітня 26.— Відношення Л. В. Дубельта до саратовського губернатора М. Л. Кожевнікова про пересилку в III відділення книг М. І. Гулака, які були у М. І. Костомарова.— Док. № 246.

1849 р. травня 13.— Рапорт Д. П. Полозова О. Ф. Орлову про поведінку В. М. Білозерського на засланні.— Док. № 548.

1849 р. травня 30.— Відношення саратовського віце-губернатора А. М. Андрєєва до Л. В. Дубельта про надіслання М. І. Гулаку книг, які були у М. І. Костомарова в Саратові.— Док. № 247.

1849 р. червня 11.— Розпорядження Л. В. Дубельта до Л. Л. Альбрандта про надіслання в фортецю книг, нот і паперів М. І. Гулака.— Док. № 249.

1849 р. червня 20.— Повідомлення Л. В. Дубельта Л. Л. Альбрандту про відправку в фортецю книг М. І. Гулака.— Док. № 250.

1849 р. червня 26.— Рапорт Л. Л. Альбрандта до III відділення про вручення М. І. Гулаку книг і нот.— Док. № 251.

1849 р. липня 1.— Прохання М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта про надіслання рукописів його творів та підготовчих матеріалів до них.— Док. № 438.

1849 р. липня 12.— Відношення Л. В. Дубельта до Д. Г. Бібікова про розшук рукописів М. І. Костомарова в Києві для надіслання йому в Саратов.— Док. № 439.

1849 р. липня 27, вересня 6, жовтня 3, 12, 31; 1950 р. лютого 25, березня 13, 21, 23.— Із листування III відділення та Шліссельбурзької фортеці про вручення М. І. Гулаку листів від батька та відправлення його листів рідним.— Док. № 252—266.

1849 р. серпня 10.— Відношення Д. Г. Бібікова до Л. В. Дубельта про надіслання рукописів М. І. Костомарова саратовському цивільному губернатору для повернення їх авторові.— Док. № 440.

1849 р. вересня 3.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з проханням повідомити, чи можна йому подавати клопотання про надання відпустки для побачення з рідними.— Док. № 549.

1849 р. вересня 14.— Довідка канцелярії III відділення про В. М. Білозерського.— Док. № 550.

1849 р. вересня 15.— Повідомлення Л. В. Дубельта В. М. Білозерському про дозвіл О. Ф. Орлова подати прохання на одержання відпустки на побачення з рідними.— Док. № 551.

1849 р. листопада 10.— Рапорт Олонецького жандармського штаб-офіцера Мищецького Д. П. Полозову про несхвальну поведінку В. М. Білозерського.— Док. № 553.

1849 р. листопада 21.— Повідомлення Д. П. Полозова Л. В. Дубельту про несхвальну поведінку В. М. Білозерського.— Док. № 552.

1849 р. листопада 22.— Довідка III відділення про олонецького губернського прокурора Барановського.— Док. № 554.

1849 р. листопада 24.— Лист Л. В. Дубельта М. Е. Писарєву з проханням зробити зауваження В. М. Білозерському щодо змін в його поведінці.— Док. № 555.

1850

1850 р. січня 31.— Прохання М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта про дозвіл виїхати для лікування в один із названих водолікувальних закладів.— Док. № 441.

1850 р. лютого 10.— Довідка канцелярії III відділення про М. І. Костомарова.— Док. № 443.

1850 р. лютого 25.— Відношення Л. О. Перовського до О. Ф. Орлова про надіслання М. Л. Кожевніковим запиту з приводу дозволу М. І. Костомарову виїхати із Саратова для лікування.— Док. № 442.

1850 р. березня 4.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про можливість дозволити М. І. Костомарову лікуватися в межах Саратовської губ.— Док. № 444.

1850 р. березня 20.— Лист В. М. Білозерського до О. В. Кочубея з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про дозвіл на відпустку його в Петербург для побачення з рідними.— Док. № 561.

1850 р. березня 20.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з поясненням своєї поведінки в Петрозаводську і проханням клопотати перед О. Ф. Орловим про дозвіл на відпустку до Петербурга.— Док. № 562.

1850 р. березня 30.— Лист Н. А. Гулак до О. Ф. Орлова з проханням порушити перед Миколою I клопотання про помилування її сина.— Док. № 269.

1850 р. березня 30.— Лист В. М. Білозерського до О. В. Кочубея з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про дозвіл на відпустку його в Петербург для побачення з рідними.— Док. № 561.

1850 р. березня 31.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з поясненням своїх відносин з Г. Л. Андрузьким на засланні.— Док. № 560.

1850 р. квітня 3.— Відношення Д. Г. Бібікова до Л. В. Дубельта про необхідність розшукати архівні документи, які були у М. І. Гулака до його арешту.— Док. № 267.

1850 р. квітня 8.— Відомості III відділення про поведінку М. І. Гулака напередодні закінчення трирічного ув'язнення в Шліссельбурзькій фортеці.— Док. № 270.

1850 р. квітня 16.— Записки кн. О. В. Кочубея та гр. С. П. Потьомкіна до Л. В. Дубельта з проханням прочитати надісланий на їх ім'я лист В. М. Білозерського і допомогти йому.— Док. № 557—559.

1850 р. квітня 18, травня 11, 15.— Листування III відділення із Шліссельбурзькою фортецею про надходження М. І. Гулаку листа і 50 крб. сріблом, які повинні видаватись йому «по мере надобности».— Док. № 277—279.

1850 р. квітня 19.— Записка III відділення щодо надання відпустки В. М. Білозерському для поїздки в Петербург.— Док. № 563.

1850 р. квітня 20.— Розпорядження Л. В. Дубельта А. О. Троцькому з'ясувати у М. І. Гулака місцезнаходження архівних документів XVII ст.— Док. № 268.

1850 р. квітня 22.— Розпорядження О. Ф. Орлова А. О. Троцькому повідомити про поведінку М. І. Гулака у фортеці.— Док. № 271.

1850 р. квітня 25.— Пояснення М. І. Гулака про архівні матеріали над якими він працював у Києві.— Док. № 274.

1850 р. квітня 27.— Рапорт А. О. Троцького О. Ф. Орлову про поведінку М. І. Гулака у фортеці.— Док. № 272.

1850 р. квітня 27.— Рапорт А. О. Троцького Л. В. Дубельту про відісла ня книг М. І. Гулака до батьків.— Док. № 273.

1850 р. не пізніше квітня 27.— Список книг М. І. Гулака, які він хотів взяти на заслання в Перм, і тих, які хотів відправити батькам.— Док. № 275.

1850 р. травня 2.— Відношення Л. В. Дубельта до Д. Г. Бібікова про те, що архівних документів, які належали Комісії для розбору давніх актів, у М. І. Гулака немає.— Док. № 276.

1850 р. травня 19.— Рапорт Д. П. Полозова Л. В. Дубельту про службу та поведінку В. М. Білозерського.— Док. № 556.

1850 р. травня 31.— Довідка III відділення про вирок імператора М. І. Гулаку.— Док. № 280.

1850 р. травня 31.— Подання О. Ф. Орлова Миколі I про закінчення трирічного ув'язнення М. І. Гулака н Шліссельбурзькій фортеці.— Док. № 282.

1850 р. не пізніше травня 31.— Відомості III в дділення про поведінку М. І. Гулака.— Док. № 281.

1850 р. червня 1.— Рапорт підполковника санкт-петербурзького дивізіону Свадковського А. Л. Бранчанінову про виділення конвоїрів для відправлення М. І. Гулака на заслання в Перм.— Док. № 283.

1850 р. червня 2.— Розпорядження О. Ф. Орлова А. О. Троцькому передати М. І. Гулака унтер-офіцеру О. Носкову для відправлення на заслання в Перм під суворий нагляд поліції.— Док. № 284.

1850 р. червня 2.— Відношення О. Ф. Орлова до пермського губернатора І. І. Огарьова про заслання М. І. Гулака в Перм під суворий нагляд поліції.— Док. № 285.

1850 р. червня 2.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про заслання М. І. Гулака в Перм. — Док. № 286.

1850 р. червня 2.— Відношення О. Ф. Орлова до військового міністра О. І. Чернишова про заслання М. І. Гулака в Перм.— Док. № 287

1850 р. червня 2.— Наказ Л. В. Дубельта унтер-офіцеру санкт-петербурзького жандармського дивізіону О. Носкову про порядок відправлення М. І. Гулака в Перм.— Док. № 290.

1850 р. не пізніше червня 2.— Реєстр конвертів відісланих з унтер-офіцером О. Носковим А. О. Троцькому і І. І. Огарьову.— Док. № 289.

1850 р. червня 3.— Рапорт А. О. Троцького О. Ф. Орлову про передачу М. І. Гулака О. Носкову для відправлення в Перм.— Док. № 288.

1850 р. червня 13.— Квитанція, видана І. І. Огарьовим унтер-офіцеру О. Носкову і рядовому Ю. Дикому про доставлення М. І. Гулака в Перм.— Док. № 291.

1850 р. червня 13.— Розписка М. І. Гулака про одержання від О. Носкова особистих речей і грошей.— Док. № 292.

1850 р. червня 17.— Відношення І. І. Огарьова до О. Ф. Орлова з повідомленням про доставлення М. І. Гулака в Перм.— Док. № 293.

1850 р. липня 8.— Прохання І. І. Гулака до III відділення переслати лист синові М. І. Гулаку.— Док. № 294.

1850 р. жовтня 20.— Черговий рапорт корпуса жандармів О. Ф. Орлову з поданням рапорта кн. Мищецького про несхвальну поведінку В. М. Білозерського на засланні.— Док. № 564.

1850 р. листопада 14.— Рапорт кн. Мищецького Д. П. Полозову про несхвальну поведінку В. М. Білозерського.— Док. № 565.

1850 р. грудня 7.— Лист А. Л. Крагельської до Л. В. Дубельта з проханням відпустити М. І. Костомарова із заслання в Київ для одруження.— Док. № 445.

1850 р. грудня 20.— Лист А. Л. Крагельської до Л. В. Дубельта з проханням не повідомляти матері про її лист у III відділення.— Док. № 449.

1850 р. грудня 27.— Довідка канцелярії III відділення про відносини між А. Л. Крагельською та М. І. Костомаровим.— Док. № 446.

1850 р. грудня 29.— Відношення О. Ф. Орлова до М. Л. Кожевнікова про відмовлення А. Л. Крагельській в проханні дозволити М. І. Костомарову виїхати до Києва для одруження.— Док. № 447.

1850 р. грудня 29.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про надання йому відпустки.— Док. № 567.

1851

1851 р. січня 1.— Відношення О. Ф. Орлова до М. Є. Писарєва про поведінку В. М. Білозерського і можливість надати йому відпустку.— Док. № 566.

1851 р. січня 3.— Відношення М. Є. Писарєва до О. Ф. Орлова про можливість надання відпустки В. М. Білозерському для поїздки в Чернігівську губернію.— Док. № 571.

1851 р. січня 4.— Відомості III відділення про участь В. М. Білозерського в Кирило-Мефодіївському товаристві та його поведінку на засланні.— Док. № 568.

1851 р. січня 6.— Повідомлення Л. В. Дубельта В. М. Білозерського про заборону О. Ф. Орлова надати йому відпустку у зв'язку з негативним відзивом олонецького губернатора про його поведінку.— Док. № 569.

1851 р. січня 15.— Відношення М. Л. Кожевнікова до О. Ф. Орлова про попередження М. І. Костомарова щодо заборони виїхати із Саратова у Київ для одруження.— Док. № 448.

1851 р. січня 20.— Лист Н. А. Гулак до Л. В. Дубельта з проханням дозволити листуватися з сином через пошту.— Док. № 295.

1861 р. січня 20.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з поясненням взаємовідносин з олонецьким губернатором М. Е. Писаревим.— Док. № 570.

1851 р. січня 26.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про те, що він не заперечує наданню В. М. Білозерському відпустки на три місяці для поїздки в Чернігівську губернію.— Док. № 572.

1851 р. лютого 16.— Лист Л. В. Дубельта до Н. А. Гулак про заборону О. Ф. Орлова вести листування з сином без поліцейського нагляду.— Док. № 296.

1851 р. лютого 16.— Відношення О. Ф. Орлова до І. І. Огарьова про прискорення пересилки листів від М. І. Гулака до його батьків.— Док. № 297.

1851 р. лютого 23.— Відношення Л. О. Перовського до О. Ф. Орлова про те, що він дав дозвіл М. Е. Писареву відпустити В. М. Білозерського на три місяці в Чернігівську губернію.— Док. № 573.

1851 р. березня 1.— Відношення О. Ф. Орлова до С. О. Кокошківа про встановлення таємного нагляду за В. М. Білозерським під час його перебування у відпустці в Чернігівській губернії.— Док. № 574.

1851 р. березня 15.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про дозвіл залишитися в Петербурзі на тиждень для побачення з рідними.— Док. № 575.

1851 р. квітня 13.— Відношення Л. О. Перовського до О. Ф. Орлова про одержання подання саратовського цивільного губернатора щодо прохання М. І. Костомарова виїхати в Київ для одруження.— Док. № 450.

1851 р. квітня 19.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про дозвіл М. І. Костомарову виїхати до Києва строком на три місяці і про встановлення за ним поліцейського нагляду.— Док. № 451.

1851 р. квітня 19.— Розпорядження О. Ф. Орлова генерал-майору А. О. Куцинському встановити таємний нагляд за М. І. Костомаровим під час перебування його в Києві.— Док. № 452.

1851 р. травня 3.— Відношення С. О. Кокошкіна до О. Ф. Орлова про встановлення таємного нагляду за В. М. Білозерським, який прибув у відпустку на хутір Мотронівку Борзенського повіту Чернігівської губернії.— Док. № 576.

1851 р. травня 16.— Рапорт кн. Мишецького начальникові 1-го округа корпуса жандармів М. Є. Цукато про поведінку В. М. Білозерського.— Док. № 578.

1851 р. травня 25.— Рапорт колезького радника 1-го округу корпуса жандармів А. Наумова О. Ф. Орлову про направлення в III відділення донесення кн. Мишецького, який здійснював таємний нагляд за В. М. Білозерським.— Док. № 577.

1851 р. травня 30.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим дозволити йому служити в Петербурзі.— Док. № 579.

1851 р. червня 2.— Відношення С. О. Кокошкіна до О. Ф. Орлова про вибуття В. М. Білозерського з Чернігівської губ. в Петрозаводськ.— Док. № 582.

1851 р. червня 8.— Із листування III відділення про дозвіл збільшити В. М. Білозерському відпустку на 28 днів.— Док. № 580.

1851 р. серпня 10.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим та Миколою I про помилування.— Док. № 583.

1851 р. серпня 16.— Запит Л. В. Дубельта О. Ф. Орлову про можливість дозволити В. М. Білозерському служити в Петербурзі.— Док. № 584.

1851 р. вересня 10.— Відношення С. С. Ланського до О. Ф. Орлова із запитом про можливість призначити В. М. Білозерського радником Олонецького губернського управління.— Док. № 585.

1851 р. вересня 13.— Відношення Л. В. Дубельта до С. С. Ланського про те, що О. Ф. Орлов не заперечує проти призначення В. М. Білозерського радником Олонецького губернського правління.— Док. № 586.

1851 р. жовтня 5.— Листування С. С. Ланського і О. Ф. Орлова про неможливість задовольнити прохання В. М. Білозерського видати йому річне жалування та прогонні від Петербурга до Петрозаводська за чином колезького секретаря.— Док. № 587—588.

1851 р. жовтня 6.— Прохання М. І. Гулака до О. Ф. Орлова дозволити йому влаштуватися на цивільну службу.— Док. № 300.

1851 р. жовтня 12.— Лист Н. А. Гулак до О. Ф. Орлова з проханням передати її прохання Миколі I.— Док. № 298.

1851 р. жовтня 12.— Прохання Н. А. Гулак до Миколи I помилувати її сина.— Док. № 299.

1851 р. жовтня 30.— Довідка III відділення про М. І. Гулака Миколі I.— Док. № 301.

1851 р. листопада 1.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі I про можливість дозволити М. І. Гулаку вступити на цивільну службу.— Док. № 302.

1851 р. листопада 3.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Петровського про дозвіл М. І. Гулаку служити в цивільній установі, але залишити його під наглядом поліції.— Док. № 303.

1851 р. листопада 3.— Відношення О. Ф. Орлова до Т. П. Панкратьєва про дозвіл М. І. Гулаку вступити на цивільну службу.— Док. № 304.

1851 р. листопада 20.— Рапорт начальника 1-го округу корпуса жандармів М. Є. Цукато О. Ф. Орлову про поведінку В. М. Білозерського на засланні.— Док. № 589.

1852

1852 р. квітня 25.— Прохання М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта дозволити виїхати в Ялту для лікування.— Док. № 453.

1852 р. квітня, не раніше 25.— Довідка канцелярії III відділення на М. І. Костомарова.— Док. № 454.

1852 р. травня 10.— Проект відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про дозвіл М. І. Костомарову виїхати на лікування в Ялту та про встановлення за ним суворого поліцейського нагляду.— Док. № 455.

1852 р. травня 10.— Розпорядження Л. В. Дубельта А. А. Шнелю встановити жандармський нагляд за М. І. Костомаровим під час його лікування в Ялті.— Док. № 456.

1852 р. травня 12.— Рапорт М. Є. Цукато О. Ф. Орлову про поведінку В. М. Білозерського иа засланні.— Док. № 590.

1852 р. липня 1.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про надання йому дозволу виїхати в Петербург для зустрічі з рідними.— Док. № 591.

1852 р. липня 9.— Відношення Л. В. Дубельта до Олонецького губернатора Ю. О. Долгорукова про те, що нін не заперечуе проти надання відпустки В. М. Білозерському для поїздки в Петербург.— Док. № 592.

1852 р. жовтня 28; 1853 р. травня 23.— Рапорти корпуса жандармів в III відділення про поведінку В. М. Білозерського на засланні.— Док. № 593—595.

1853

1853 р. лютого 16.— Прохання М. І. Костомарова до О. Ф. Орлова авільнити його від нагляду поліції і дозволити виїхати з Саратова.— Док. № 457.

1853 р. лютого 16.— Лист М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта з проханням звільнитя його з-під нагляду поліції і дозволити виїхати з Саратона.— Док. № 458.

1853 р. червня 26.— Лист В. М. Білозерського до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про помилування та надання відпустки для поїздки в Чухломський повіт Костромської губернії в маеток І. М. Катеніна.— Док. № 596.

1853 р. липня 7.— Довідка III відділення про В. М. Білозерського та П. О. Куліша.— Док. № 597.

1853 р. липня 11.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про можливість дозволити В. М. Білозерському служити в будь-якому місці.— Док. № 598.

1853 р. липня 14.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського про помилування В. М. Білозерського з продовженням таємного нагляду.— Док. № 599.

1853 р. грудня 7.— Відношення М. Л. Кожевнікова до О. Ф. Орлова з проханням пояснити як мотивувати звільнення М. І. Костомарова від посади ад'юнкт-професора Київського університету в 1847 р.— Док. № 459.

1853 р. грудня 19.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. М. Кожевнікова про запис у формулярному списку М. І. Костомарова, звільненого від посади ад'юнкт-професорн за наказом Миколи І.— Док. № 460.

1854

1854 р. лютого 5, 9.— Запит коменданта Шліссельбурзької фортеці про можливість видаватя арештантам не відправлеиі в Перм математичні книги М. І. Гулака та розпорядження Л. В. Дубельта про повернення їх власнику в місце заслання.— Док. № 305—306.

1854 р. лютого 15.— Лист М. І. Костомарова до О. Ф. Орлова з проханням звільнити його із заслання та від нагляду поліції.— Док. № 461.

1854 р. лютого 15.— Лист М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта з проханням звільнити його із заслання та від нагляду поліції.— Док. № 462.

1854 р. квітня 20.— Лист Н. А. Гулак до О. Ф. Орлова з проханням передати Миколі І лист про помилування сина.— Док. № 307.

1854 р. квітня 20.— Прохання Н. А. Гулак до Миколи І помилувати її сина.— Док. № 308.

1854 р. травня 7.— Відношення О. Ф. Орлова до Т. П. Панкратьєва з повідомленням, що він вважає передчасним клопотання Н. А. Гулак перед Миколою І про помилування її сина.— Док. № 309.

1854 р. листопада 22; 1855 р. червня 7, листопада 24.— Рапорти М. Є. Цукато О. Ф. Орлову про хорошу поведінку В. М. Білозерського на знсланні.— Док. № 600—602.

1855

1855 р. лютого 1.— Відношення пермського губернатора П. М. Клушина до III відділення про звільнення М. І. Гулака від поліцейського нагляду.— Док. № 310.

1855 р. лютого 22.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про можливість припинити поліцейський нагляд за М. І. Гулаком.— Док. № 311.

1855 р. лютого 24.— Відношення О. Ф. Орлова до Л. О. Перовського з повідомленням про звільнення М. І. Гулака від поліцейського нагляду.— Док. № 312.

1855 р. лютого 24.— Розпорядження О. Ф. Орлова П. М. Клушину про звільнення М. І. Гулака від поліцейського нагляду.— Док. № 313.

1855 р. лютого 24.— Повідомлення О. Ф. Орлова начальникові 8-го округу корпуса жандармів К. І. Влахопулову про звільнення М. І. Гулака від поліцейського нагляду.— Док. № 314.

1855 р. лютого 25.— Розпорядження О. Ф. Орлова полковнику корпуса жандармів Пермської губернії Реку про встановлення таємного нагляду за М. І. Гулаком.— Док. № 315.

1855 р. березня 15.— Прохання М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта звільнити його із заслання та від нагляду поліції.— Док. № 463.

1855 р. березня 29.— Довідка III відділення про М. І. Костомарова.— Док. № 464.

1855 р. травня 31.— Прохання М. І. Костомарова до Олександра II про помилування.— Док. № 466.

1855 р. червня 17.— Відношення О. Ф. Голіцина до О. Ф. Орлова з приводу прохання М. І. Костомарова звільнити його із заслання та від нагляду поліції.— Док. № 465.

1855 р. червня 27.— Доповідь О. Ф. Орлова Олександру II про помилування М. І. Костомарова.— Док. № 467.

1855 р. червня 29.— Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова з повідомленням про звільнення М. І. Костомарова із заслання, але з забороною служити в наукових установах.— Док. № 468.

1855 р. червня 29.— Відношення О. Ф. Орлова до саратовського губернатора О. Д. Ігнатьєва про звільнення М. І. Костомарова із заслання.— Док. № 469.

1855 р. липня 1.— Лист М. І. Костомарова до О. Ф. Орлова порушити клопотання перед Олександром II про звільнення його із заслання.— Док. № 470.

1855 р. грудня 16.— Рапорт начальника 7-го округу корпуса жандармів генерал-лейтенанта Львова Л. В. Дубельту про від'їзд М. І. Костомарова з Саратова до Петербурга.— Док. № 471.

1856

1856 р. січня 8.— Лист редактора журналу «Отечественные записки» А. О. Краєвського до М. І. Костомарова з проханням надіслати посвідчення про зняття заборони на видання його творів.— Док. № 473.

1856 р. січня 13.— Лист М. І. Костомарова до Л. В. Дубельта з проханням дозволити йому опублікувати працю «Век царя Алексея Михайловича» в журналі «Отечественные записки».— Док. № 472.

1856 р. січня 18.— Довідка III відділення про те, що заборона творів М. І. Костомарова у зв'язку з його арештом у 1847 р. не може бути перешкодою для друкування нових творів.— Док. № 474.

1856 р. березня 24.— Лист петербурзького генерал-губернатора П. М. Ігнатьєва до Л. В. Дубельта із запитом про можливість призначення В. М. Білозерського радником 1-го департаменту петербурзької управи благочиння в зв'язку з таємним наглядом за ним.— Док. № 603.

1856 р. березня 27, квітня 6.— Із листування III відділення з міністром внутрішніх справ про звільнення В. М. Білозерського від таємного нагляду.— Док. № 604—607.

1856 р. квітня 9.— Доповідь Л. В. Дубельта Олександру II про можливість звільнити В. М. Білозерського від таємного нагляду.— Док. № 608.

1856 р. квітня 14.— Відношення Л. В. Дубельта до С. С. Ланського про дозвіл Олександра II на звільнення В. М. Білозерського від таємного нагляду.— Док. № 609.

1856 р. вересня 21.— Відношення директора інспекторського департаменту цивільного відомства С. [Суворова] до начальника III відділення В. А. Долгорукова про можливість нагородження М. І. Гулака за сумлінну працю.— Док. № 316.

1856 р. вересня 25.— Повідомлення В. А. Долгорукова інспекторському департаменту про згоду на представлення М. І. Гулака до нагороди.— Док. № 317.

1857

1857 р. вересня 23.— Лист М. І. Костомарова до В. А. Долгорукова з проханням дозволити йому поступити на службу по відомству Міністерства народної освіти.— Док. № 475.

1857 р. вересня 27.— Довідка III відділення про М. І. Костомарова.— Док. № 476.

1859

1859 р. травня 12.— Відношення товариша міністра народної освіти М. О. Муханова до В. А. Долгорукова про клопотання попечителя Петербурзького учбового округу щодо призначення М. І. Костомарова на посаду виконуючого обов'язки ординарного професора російської історії Петербурзького університету.— Док. № 447.

1859 р. травня 14.— Відношення В. А. Долгорукова до М. О. Муханова про те, що М. І. Костомарова можна призначити професором російської історії Петербурзького університету лише з дозволу Олександра II.— Док. № 478.

1859 р. листопада 24.— Довідка III відділення про М. І. Костомарова.— Док. № 480.

1859 р. грудня 17.— Відношення міністра народної освіти Є. П. Ковалевського до шефа жандармів В. А. Долгорукова з проханням повідомити про можливість призначення В. М. Білозерського редактором журналу «Основа», програма якого надсилається.— Док. № 610.

1859 р. не пізніше грудня 17.— Програма щомісячного літературно-наукового журналу «Основа», складена В. М. Білозерським.— Док. № 611.

1859 р. грудня 24.— Відношення В. А. Долгорукова до Є. П. Ковалевського про свою незгоду дозволити В. М. Білозерському видавати журнал «Основа».— Док. № 612.

1859 р.— Записка III відділення про схвальний відгук журналів на опубліковані твори М. І. Костомарова «Богдан Хмельницкий» та «История Стеньки Разина».— Док. № 479.

1860

1860 р. травня 26.— Прохання М. І. Костомарова до В. А. Долгорукова про повернення рукописів творів та підготовчих матеріалів до них, вилучених у нього під час арешту в 1847 р.— Док. № 481.

1860 р. травня 30.— Відношення В. А. Долгорукова до київського військового подільського і волинського генерал-губернатора І. І. Васильчикова про розшук рукописів М. І. Костомарова, вилучених у нього під час арешту в 1847 р.— Док. № 482.

1860 р. червня 20.— Доповідна записка канцелярії III відділення В. А. Долгорукову про клопотання В. М. Білозерського щодо видання журналу «Основа» та про те, що дворяни Київської губернії просять дозволити викладати польську мову в учбових закладах.— Док. № 613.

1860 р. липня 12.— Відношення І. І. Васильчикова до В. А. Долгорукова про відсутність будь-яких паперів М. І. Костомарова в його канцелярії.— Док. № 483.

1860 р. липня 23.— Довідка III відділення про дозвіл головного управління цензури В. М. Білозерському видавати журнал «Основа» із змінами в програмі видання.— Док. № 614.

1860 р. липня 26.— Відношення В. А. Долгорукова до І. І. Васильчикова з проханням встановити наявність у М. Д. Іванішева рукописів М. І. Костомарова.— Док. № 484.

1860 р. грудня 24.— Відношення І. І. Васильчикова до В. А. Долгорукова про передачу М. Д. Іванішевим рукописів М. І. Костомарова голові Тимчасової комісії для розгляду давніх актів у Києві М. Е. Писарєву.— Док. № 485.

1861

1861 р. січня 4.— Повідомлення керуючого III відділенням О. Є. Тимашева М. І. Костомарову про передачу його рукописів проф. М. Д. Іванішевим М. Е. Писареву.— Док. № 486.

1862

1862 р. не раніше січня 6.— Довідка III відділення про дозвіл М. І. Костомарову читати публічні лекції з російської історії в Петербурзі.— Док. № 488.

1862 р. січня 26.— Відомості III відділення про читання М. І. Костомаровим публічних лекцій у Петербурзі.— Док. № 487.

1866

1866 р. квітня 11, 14.— Супровідний лист петербурзького військового генерал-губернатора О. А. Суворова начальнику III відділення П. А. Шувалову та надісланий до нього лист М. І. Костомарова з міркуванням щодо статті в німецькій газеті «*Gartenlaube*» про передбачуваний замах на Олександра II.— Док. № 489—490.

1875

1875 р. листопада 21.— Відношення великого кн. Михайла до голови Кавказького комітету П. М. Ігнатьєва про представлення М. І. Гулака до нагороди.— Док. № 319.

1875 р. грудня 8.— Супровідний лист керуючого справами Кавказького комітету М. В. Гулькевича начальнику III відділення О. Л. Потапову з відношенням намісника Кавказу великого кн. Михайла про представлення М. І. Гулака до нагороди.— Док. № 318.

1875 р. грудня 12.— Відношення О. Л. Потапова до П. М. Ігнатьєва про згоду на представлення М. І. Гулака до нагороди.— Док. № 320.

1875 р. грудня 26.— Відношення М. В. Гулькевича до О. Л. Потапова про дозвіл представляти М. І. Гулака до нагороди.— Док. № 321.

1875 р. грудня 26.— Відношення помічника керуючого справами Кавказького комітету К. Островидова до міністра юстиції Палена про зняття заборони представляти до нагороди М. І. Гулака за вислугу років.— Док. № 322.

ЗМІСТ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Академия наук Украинской ССР
Археографическая комиссия
Институт истории
Центральный государственный
исторический архив в г. Киеве

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

В ТРЁХ ТОМАХ

ТОМ 1

Составители
ГЛЫЗЬ Иван Иванович (главный составитель),
БУТЫЧ Мария Ивановна,
ФРАНКО Оксана Емельяновна

Редакционная коллегия
П. С. СОХАНЬ (главный редактор) и др.

Киев, издательство «Наукові думка», 1990
На украинском языке

Оформлення художника *Є. І. Муштенка*
Художній редактор *С. П. Квітка*
Технічні редактори *Б. М. Кричевська, І. Н. Лукашенко*
Коректори *В. М. Божок, Л. М. Лембак*

ІБ № 10532

Здано до набору 30.11.89. Підп. до друку 11.06.90.
Формат 70×100/16. Папір друк. № 1. Вис. друк. Літ. гарн.
Ум. друк. арк. 44,2. Ум. фарбо-відбит. 52,0. Обл.-вид. арк. 46,78.
Тираж 3000 пр. Замов. № 9—4064. Ціна 10 крб.

Видавництво «Наукова думка».
252601, Київ, вул. Репіна, 3.

Головне підприємство республіканського
виробничого об'єднання «Поліграфкнига».
252057, Київ, вул. Довженка, 3.

Кирило-Мефодіївське товариство:
К43 У 3 т./ АН УРСР. Археограф. комісія та ін.: упоряд. М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко; редкол.: П. С. Сохань (голов. ред.) та ін.— К.: Наук. думка. 1990.— ISBN 5-12-001223-X

Т. I.— 1990.— 544 с.— Покажч. с. 505—517.
ISBN 5-12-001221-3 (в опр.): 10 крб. 3000 пр.

Кирилло-Мефодиевское общество. Т. I.

До першого тому видання включено загальні матеріали слідства, слідчі справи М. І. Гулака, М. І. Костомарова, В. М. Білозерського.

Для істориків, філософів, викладачів і студентів вузів, всіх, хто цікавиться історією українського та інших слов'янських народів.

К $\frac{0503020200-238}{М221(04)-90}$ 46-90

ББК 64.3(2)47